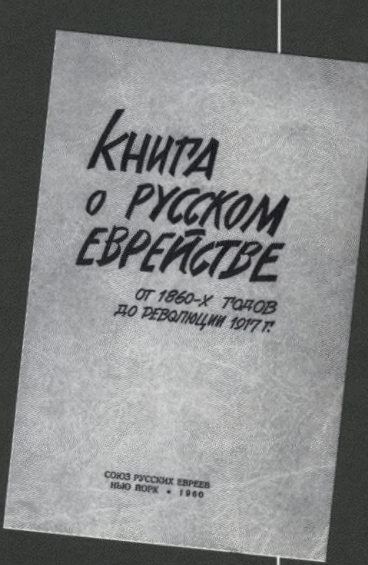
Памятники еврейской исторической мысли

КНИГА О РУССКОМ ЕВРЕЙСТВЕ

от 1860-х годов до революции 1917 г.

Книга о русском еврействе

от 1860-х годов до революции 1917 г.

СБОРНИК СТАТЕЙ

СОЮЗ РУССКИХ ЕВРЕЕВ
НЬЮ-ЙОРК 1960

Памятники еврейской исторической мысли

КНИГА О РУССКОМ ЕВРЕЙСТВЕ

от 1860-х годов до революции 1917 г.

ГЕШАРИМ
ИЕРУСАЛИМ
5762

МОСТЫ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2002

Минск Met *2002*

УДК 323.1+93(=924.5)(091)(082)
ББК 63.3(0=Евр)
К53

Памятники еврейской исторической мысли

К53 **Книга о русском еврействе: от 1860-х годов до революции 1917 г.** – Иерусалим: «Гешарим», М.: РПО «Мосты культуры»; Мн.: ООО «МЕТ»; 2002. – 600 с.: ил. – (Памятники еврейской исторической мысли).

ISBN 985-436-351-1.
ISBN 5-93273-076-5 (Гешарим/Мосты культуры).

Предлагаемый читателям сборник русско-еврейской публицистики и историографии посвящен жизни русского еврейства в дореволюционной России и освещает основные этапы его развития и его достижения в разных областях в период от реформ Александра II до февральской революции 1917 года.

УДК 323.1+93(=924.5)(091)(082)
ББК 63.3(0=Евр)

ISBN 5-93273-076-5
ISBN 985-436-351-1

КНИГА О РУССКОМ ЕВРЕЙСТВЕ

ОТ 1860-Х ГОДОВ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

СОЮЗ РУССКИХ ЕВРЕЕВ
НЬЮ ЙОРК • 1960

КНИГА О РУССКОМ ЕВРЕЙСТВЕ

ОТ 1860-Х ГОДОВ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

СБОРНИК СТАТЕЙ

СОЮЗ РУССКИХ ЕВРЕЕВ
НЬЮ ЙОРК • 1960

ПРЕДИСЛОВИЕ

Союз русских евреев в Нью-Йорке, осуществляя давно задуманный план издания «Книги о русском еврействе», — инициатива которого принадлежит ныне покойному его председателю, проф. М. Л. Вишницеру, — стремится выполнить лежащую на нем общественную обязанность. Мы пытаемся дать современному читателю факты и материалы о русском еврействе в дореволюционной России, имеющие и теперь не только исторический интерес, но и общественное значение.

В 1960 году, когда наш коллективный труд выходит в свет, исполняется сто лет с начала эпохи великих реформ, когда казалось, что и перед русским еврейством открылись пути к социальному и культурному прогрессу. Под влиянием новых веяний традиционный быт еврейской народной массы повернулся лицом к окружающему миру, и еврейство, разделяя надежды лучших людей России, стало принимать посильное участие в борьбе за право и свободу.

«Книга о русском еврействе» стоит под знаком истории. Мы сознательно не касаемся в ней вопросов современности и не говорим ни о тяжелой жизни евреев в Советской России, ни о чудовищном массовом истреблении русских евреев в пору нацистских оккупации. Нашей задачей было, — в границах, охватывающих примерно шестьдесят лет, протекших от эпохи реформ Александра II до февральской революции 1917 года, — воссоздать основные этапы развития русского еврейства и его достижения в разных областях.

Чтобы осуществить эту задачу, нужно было обрисовать политический фон, на котором протекала жизнь русского еврея, его бесправие и выпавшие на его долю испытания — погромы и преследования, — борьбу русского еврейства за гражданские и национальные права, и очертить тот вклад, который, несмотря на ограничения и мытарства, русские евреи внесли в народное хозяйство и культурный подъем России, особенно на рубеже двух веков и в первые годы двадцатого столетия. Нет той области хозяйственной, общественной и духовной жизни России, в которой не от-

разились бы творческие усилия русских евреев, — будь то индустрия, торговля, финансы, транспорт, общественные движения, право, наука, философия, литература, журналистика, искусства. Мы пытались также охарактеризовать процесс формирования в русском еврействе общественных течений и роста его национального сознания. Наконец, читатель найдет в «Книге о русском еврействе» сведения о еврейских школах, о литературе на идиш и иврит, об еврейских организациях самодеятельности и самопомощи, о роли русских евреев в истории сионизма и в строительстве Палестины и государства Израиль и о деятельности евреев-эмигрантов из России в Соединенных Штатах.

Большинство наших авторов — современники и свидетели событий, о которых они пишут, и это дает им возможность основываться не только на письменных источниках, но и на личных воспоминаниях. Представляя на суд читателей их коллективный труд, мы хотели бы подчеркнуть, что отдельные авторы несут личную ответственность за трактовку своих тем. Иной подход был бы невозможен в книге, объединяющей сотрудников разных общественных взглядов и направлений.

Исполнительное бюро Союза русских евреев в Нью-Йорке, под руководством которого вырабатывался план и шла подготовка «Книги о русском еврействе», состояло из следующих лиц: председатель Я. Г. Фрумкин, секретарь Л. О. Дан, члены: Г. Я. Аронсон, А. А. Гольденвейзер, И. М. Дижур, Д. М. Кадинская, Д. Н. Левин, Г. М. Свет и И. М. Троцкий. Для редактирования статей и наблюдения за печатанием Бюро выделило из своей среды коллегию в составе Г. Я. Аронсона, А. А. Гольденвейзера и Я. Г. Фрумкина.

В заключение считаем долгом выразить нашу признательность писателям и исследователям, откликнувшимся на наше приглашение сотрудничать в «Книге о русском еврействе», и нашу искреннюю благодарность всем, кто помог осуществить издание, в частности International Ladies Garment Workers Union в Нью-Йорке, возглавляемому Д. Дубинским.

Наибольшая поддержка была оказана изданию книги со стороны Conference on Jewish Material Claims against Germany. Выражая Conference нашу искреннюю признательность, мы хотели бы отдельно поблагодарить директора и вице-директора Культурного отдела Conference Марка Ювилера и Леона Шапиро за оказанное нашему начинанию ценное содействие.

Нью-Йорк
Январь 1960 года

ПАМЯТИ М. Л. ВИШНИЦЕРА

(1882–1955)

В лице покойного М. Л. Вишницера, — историка, общественного деятеля, педагога, — мы потеряли человека европейской складки, убежденного носителя идей 19-го века. Но он был вынужден действовать в 20-м веке, — в веке, принесшем столько бедствий мировому еврейству, которое было его естественной средой и которому он посвятил всю свою интеллектуальную энергию, всю свою сознательную жизнь ученого и общественника!

М. Л. Вишницер был европейцем и по воспитанию и по мировоззрению. Все, кто знали его, не могли не видеть в нем прирожденного западника. Не только Берлин и Париж, но и Нью-Йорк и Тель-Авив были в равной мере его духовной родиной. Идеи Запада, идеи права, уважение к личности, начала гуманизма, вера в формулу прогресса, — несмотря на все усилия истребить эти идеи в мире, — были основными элементами его мировоззрения. Терпимость к человеку, толерантность к чужому мнению, — была той драгоценной, редкой в еврейской среде, чертой его характера, которую оценили все, с ним соприкасавшиеся.

По своему духовному складу М. Л. Вишницер не был типичным представителем русско-еврейской интеллигенции. Но с первых дней своей сознательной жизни, со студенческой скамьи Марка Львовича тянуло в ее мир. Этот сектор еврейской, точнее, русско-еврейской жизни смолоду овладел им и заколдовал его.

По приезде в Петербург в 1907 г., приступив к работам в архивах по русской истории, Марк Львович установил тесное общение с русскими историками — великим князем Николаем Михайловичем, Лаппо-Данилевским, Шахматовым, Коковцевым, В. Семевским. За петербургские годы он опубликовал ряд

своих сочинений в русских журналах и газетах. Можно сказать, что от этого общения с представителями русской академической науки проснулось в душе Марка Львовича дремлющее русское начало.

Но в тот же петербургский период (1907—1914 годы) это влияние было вскоре осложнено другим, — более сильным и глубоким, — влиянием начала еврейского. В своих воспоминаниях об этом времени Вишницер отмечает: «Императорская русская столица вернула меня к еврейским истокам. Если мне удалось что-нибудь сделать в еврейской жизни, то за это я должен благодарить петербургские годы, сформировавшие еврейскую программу моей жизни».

Именно в эту эпоху в кругах русско-еврейской интеллигенции наблюдался высокий подъем интереса к еврейской истории, к которой М. Л. Вишницер был особенно подготовлен всем кругом своего воспитания в юности и той научной школой, которую он прошел в университетах Запада. В Петербурге тех лет из существовавшей прежде комиссии при О-ве Просвещения возникло Историко-Этнографическое Общество во главе с М. М. Винавером и стала выходить под редакцией С. М. Дубнова «Еврейская Старина». Тогда же появились «Русско-еврейская Энциклопедия», сборники «Пережитое», и было приступлено к осуществлению монументального плана издания 15-томной «Истории Еврейского народа». Молодой историк с увлечением вошел в творческую работу этой группы русско-еврейской интеллигенции. В этой атмосфере он открыл для себя новое поприще и для ума, и для сердца.

Петербургский семилетний период наложил глубокую печать на всю личность М. Л. Вишницера и определил круг его дальнейших интересов, как историка и общественного деятеля. Марк Львович в эти годы не только писал и учил, он запечатлел в своей деятельности и в своей личности заветы и традиции, столь характерные для русско-еврейской интеллигенции, и в сочетании его органического западничества с русско-еврейским началом и таился ключ к его личности, привлекавшей к нему сердца.

* * *

Марк Львович Вишницер родился в Ровно 10-го мая 1882 года. По окончаний гимназии в Бродах (Австрия), он учился в венском и берлинском университетах, где получил степень доктора философии в 1906. году.

Его диссертация вышла в расширенном виде под заглавием «Геттингенский Университет и развитие либеральных идей в России в первой четверти 19-го века», в Берлине в 1907-ом году (по-немецки). Одна из его первых статей о «Проекте русской конституции», выработанной Союзом Освобождения, появилась в «Фрайштат» в Мюнхене 3 июня 1905 года.

Приехав в Петербург в 1907 году, Марк Львович принял на себя редактирование отдела по истории евреев в Европе в «Еврейской Энциклопедии» (1907—1913) и читал лекции на курсах Востоковедения, основанных бароном Д. Г. Гинцбургом (1908—1912).

Марк Львович был соредактором «Истории Евреев в России», первый и единственный том которой появился накануне первой мировой войны в 1914 году. В том же году вышло его «Послание франкистов 1800-го года», — исследование, сделанное на основании материалов, хранившихся в Императорской Академии Наук. Оно было напечатано в «Записках Академии Наук», том XII, номер 3 (1914).

Продолжая интересоваться темой, которой была посвящена его диссертация, Марк Львович напечатал ряд статей о Н. И. Тургеневе в «Минувших Годах» (1908), в «Голосе Минувшего» (1914), а также о декабристах в «Русской Мысли» (1909). В те же годы появлялись его очерки по экономической и культурной истории евреев в «Еврейской Старине», в «Восходе» и других органах. В 1909—1913 годах он был соредактором «Регестов и Надписей», сборника источников по истории евреев в России.

После мировой войны, в Лондоне Марк Львович издал хранившуюся в Jews College древнейшую рукопись мемуаров 18-го века под названием «The Memoirs of Ber Bolechow (1723—1805)». Английское издание этой книги вышло в издательстве «Оксфорд-Университи Пресс» в 1922 году. Кроме того, вышли древнееврейское издание и издание в переводе на идиш. В Англии Марк Львович читал доклады в Еврейском Историческом Обществе, между прочим на тему, которая занимала его всю жизнь: о еврейских ремесленных цехах. Его книга о еврейских ремеслах от библейского периода до новейшего времени, почти законченная, готовится к изданию.

В 1921 году Марк Львович перенял руководство «Hilfsverein der deutschen Juden» в Берлине в качестве генерального секретаря, а в последние годы до 1938 года — члена президиума этой организации. От имени Гильфсферейн Марк Львович ездил в 1926—1927 г.г. в Крым, где посетил еврейские колонии, в резуль-

тате чего оказана была поддержка госпиталям в колониях. В 1929, 1931 и 1932 г.г. Марк Львович ездил в Румынию, Польшу и Литву, где наметил устройство школ и летних колоний, которые по его указанию получали субсидии от Гильфсферейн.

В 1930 году Владимир М. Хавкин, известный бактериолог, обратился к Марку Львовичу с планом создать фонд для поддержки ешиботов (еврейских традиционных религиозных школ), преимущественно таких, которые ввели ремесленные курсы для своих воспитанников, как часть своей учебной программы. Хавкин завещал для этой цели большую сумму и для ее осуществления был при Гильфсферейн организован Haffkine Foundation. Марк Львович в качестве исполнительного секретаря этого фонда снова посетил Румынию, Словакию, Венгрию, Польшу и Литву для ознакомления с постановкой преподавания в ешиботах этих стран, которые затем стали получать субсидии из Хавкинского наследства.

Начиная с 1933 года, когда Гильфсферейн сосредоточил свою работу на эмиграции евреев из Германии, Марк Львович совершал поездки в страны, предоставляющие возможность хотя бы временного поселения. Он посетил Чехословакию, Южную Африку, включая Родезию и Кению, и получил громадное удовлетворение, когда в 1936 году ему удалось перевести несколько сот человек в Южно-Африканский Союз, как раз накануне издания новых ограничений.

Книга М. Л. Вишницера «Juden in der Welt» (Евреи во всем мире), вышедшая в 1935 году в Берлине послужила как бы путеводителем для многих тысяч эмигрантов.

В 1922—1924 годах Марк Львович вместе со своей женой Рахилью Владимировной Вишницер редактировал и издавал журналы по литературе и искусству «Римон» (на древнееврейском языке) и «Милгром» (на идиш).

В Берлинский период Марк Львович также был соредактором «Энциклопедии Юдаика» и печатал статьи в «Ост-Европа» и других изданиях о еврейской аграрной колонизации в России (1925, 1926).

В 1938 году Марк Львович покинул Германию. Полиция, лишив паспорта его сына, 14-летнего мальчика, обещала вернуть его только в том случае, если семьей Марка Львовича будет подано прошение на выезд. Марк Львович выехал во Францию и в Париже работал в Джойнте. После многих мытарств, подорвавших его здоровье, ему удалось выбраться в октябре 1940 года из Франции, отказывавшей ему в выдаче разрешения на выезд, а

затем пришлось несколько месяцев провести в Сан-Доминго в ожидании срока эмиграционной квоты. Марк Львович прибыл в Соединенные Штаты 5-го мая 1941 года.

В первые годы в Америке (1941—1943) Марк Львович работал в Council of Jewish Federations and Welfare Funds, сотрудничал в разных журналах и читал лекции. В 1948 году вышла его книга «To Dwell in Safety. The Story of Jewish Migration 1800—1947». Он был соредактором Универсальной Еврейской Энциклопедии (1941—1943), выходившей на идиш и «The Jewttsh People. Past and Present» (1948).

С 1948 года до смерти Марк Львович состоял профессором в Ешива Университете, где преподавал еврейскую историю и историю еврейских общественных организаций. В 1951 году вышел редактированный им второй том книги покойного Луи Гринберга «Евреи в России» (на английском языке), в издании Иельского Университета.

Марк Львович принимал активное участие в общеамериканских и еврейских общественных и культурных организациях. Следует особо выделить деятельность М. Л. Вишницера на посту председателя Союза русских евреев в Нью-Йорке, на который он был избран после отъезда в Израиль Ю. Д. Бруцкуса и на котором оставался с 1951 года до своей смерти. Им выработан первоначальный проект программы «Книги о русском еврействе», и начаты были переговоры об его осуществлении.

Последняя книга М. Л. Вишницера «Visas to Freedom. The History of Hias» появилась в 1956 году уже посмертным изданием. Посмертно была опубликована и его статья «Как я занимался русской историей» в «Новом Журнале» (1958 г.).

В 1955 году по приглашению министра просвещения Израиля и его бывших учеников на курсах Востоковедения в Петербурге Марк Львович выехал на летние каникулы в Иерусалим, чтобы организовать там редакцию коллективного труда по истории евреев в России.

М. Л. Вишницер скончался в ночь с 15-го на 16-ое октября 1955 года в Тель-Авиве, накануне отъезда обратно в Нью-Йорк.

ИСАЙ ТРУНК

ИСТОРИКИ РУССКОГО ЕВРЕЙСТВА

В 1960-м году исполняется сто лет со времени появления первой работы по истории русских евреев — монографии С. И. Фина о виленской еврейской общине.[1] За истекшие сто лет еврейская историография проделала сложный процесс развития, накопив огромное количество научных исследований и документальных материалов по истории евреев в Польше и России. Почти все книги и журнальные статьи, входящие в состав этого богатого литературно-исторического наследия, написаны, главным образом, по-русски, и в силу этого часто превращаются в мертвый капитал для людей Запада. В еврейской среде вне пределов России русским языком владеют немногие из представителей молодого поколения. От этого сильно страдает изучение истории восточно-европейского еврейства.

Тема настоящей статьи — обзор, в силу ряда причин далеко не полный, — путей развития и тенденций русско-еврейской историографии за сто лет ее существования. Историю еврейской историографии можно разделить на три периода: 1. от начала 70-х годов 19 века до учреждения Историко-этнографической Комиссии при Обществе распространения просвещения в 1892 году; 2. от 1892-го года до революции 1917 г.; 3. советский период.

Предметом нашего исследования являются два первых периода, а третий — лишь в той мере, в какой еврейские историки в Советской России, в своей идеологии и по методам своей работы являются продолжателями первых двух периодов. Советская еврейская историография обычно складывалась, по части идеологии и методов исторического исследования, в иной культурной среде и развивалась в специфических условиях коммунистической диктатуры и сейчас не может рассматриваться, как органическое продолжение предыдущих периодов. Советский период историографии требует особого изучения.

---

[1] «Кирйо Немоно» (— 1860).

Некоторые из русско-еврейских историков, выдвинувшиеся до революции (С. Дубнов, С. Цинберг, П. Марек, Ю. Гессен и др.) продолжали работать в течение ряда лет и после октября 1917-го года, но их научно-исследовательская работа чем дальше, тем больше наталкивалась на трудности в связи с политикой господствующего в России режима. Ученые вынуждены были избегать тем, слишком тесно связанных с современностью, и уходить в «нейтральные» исторические области, — в древнейшую историю, в еврейскую антропологию, в историю хазар. Журнал «Еврейская Старина», еще недавно отличавшийся богатством исторического содержания, с течением времени стал походить на традиционное издание, посвященное «мудрости иудаизма», а журнал «Еврейская Летопись» превратился в издание, очень близкое по типу к литературно-научным «магазинам».

В двадцатых годах многие русско-еврейские историки эмигрировали в Западную Европу. С. М. Дубнов, осевший в Берлине после кратковременного пребывания в Ковне, Ю. Д. Бруцкус, М. Л. Вишницер, С. М. Гинзбург, И. М. Чериковер и другие успешно продолжали свою работу в новой обстановке. В Берлине С. М. Дубнову удалось, наконец, осуществить издание десятитомной «Всемирной Истории еврейского народа»; она вышла по-немецки (в 1925—1929) в переводе д-ра А. З. Штейнберга.[2] Для другого русско-еврейского историка, И. М. Чериковера (1881—1943), годы странствий по свету (Берлин, Варшава, Париж, Нью-Йорк) тоже были периодом интенсивной научной и организационной работы. Анализу еврейской историографии в годы эмиграции мы в дальнейшем уделим особое внимание.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД (1860—1892)

Попытка С. И. Фина дать историю виленской общины едва ли может быть признана удачной; это, в сущности, не столько монография, сколько материал: автор публикует фрагменты из старых общинных хроник (пинкосов), из надгробных надписей, из генеалогических списков виленских раввинов. Неудивитель-

[2] Отдельные томы «Истории» выходили в свет и раньше — начиная с 1910-го года до 1924-го, в том числе 9 томов было выпущено «ИВО» в 30-х годах на идиш в Варшаве. Десятитомное издание на еврейском языке вышло в наши дни в Буэнос-Айресе; издателем является Еврейский Культур-Конгресс и «Цико», Нью-Йорк.

но, что эта работа стоит одиноко и в течение 20 лет не вызвала продолжателей.

Исследование Ш. Фриденштейна о Гродненской еврейской общине, появившееся 20 лет спустя («Ир Гиборим», 1880) и Л. Файнштейна — о Брест-Литовской общине («Ир-Тэгило», 1886) должны быть признаны еще менее удовлетворительными, чем монография Фина, если принять во внимание, что оба автора могли использовать многотомные сборники документов из государственных архивов, изданные тремя археологическими комиссиями — киевской, петербургской и виленской, содержавшими много данных о гродненской и брест-литовской общинах; удовольствовались однако сведениями, почерпнутыми из еврейских источников — пинкосов и эпитафий (следует отметить, что С. Фин, изучая историю виленской общины, не имел еще возможности ознакомиться с этими архивными изданиями).

На фоне раннего периода еврейской исторической науки особенно выделяется личность С. А. Бершадского (1850— 1890). Вообще бросается в глаза тот своеобразный факт, что зачинателями и «отцами» еврейской историографии в Польше и России были неевреи — экономист и политический деятель Тадеуш Чацкий — в Польше, и внук православного священника Сергей Бершадский в России.

Книга Т. Чацкого «Rosprawa o Zydach i Karaitach» (1806) — первая монография по истории польских евреев, выдержана в более или менее объективных тонах на основании документальных данных. Сейчас она представляет ценность прежде всего, как исторический документ, характеризующий отношение к евреям некоторых более либеральных элементов польского общества в начале 19-го века. В течение полувека, — вплоть до исследования Александра Краусгара, у Чацкого не было продолжателей (в области изучения истории польских евреев). Бершадский в России оказался первым подлинным летописцем литовско-белорусского еврейства, заложившим фундамент еврейской исторической науки. Воодушевленный стремлением к объективному историческому знанию, Бершадский далек был от всяких апологетических и политических тенденций. До Бершадского не существовало еврейской историографии в собственном смысле этого слова. Его предшественников в этой области интересовал прежде всего «еврейский вопрос» в России в его общественно-правовом аспекте, подчиненном актуальным злобам дня.

Самый серьезный и талантливый из действовавшей тогда

группы писателей И. Г. Оршанский (1846—1876) — в своих книгах «Евреи в России — очерки экономического и общественного быта русских евреев» (1872) и «Русское законодательство о евреях» (1877) — оказался блестящим публицистом, достойным защитником еврейских интересов и борцом за равноправие, который в своем арсенале пользовался доводами *от истории* только в качестве одного из видов оружия.

Дитя поколения еврейской интеллигенции, выросшего под влиянием эпохи «великих реформ», Оршанский видел будущее еврейства в полном слиянии с русским народом, и в гражданском равноправии евреев видел залог успешного ассимиляционного процесса.[3] В своих исторических экскурсиях он пытается исторически обосновать различие между польскими и русскими евреями, доказывая, что польский «жид» явился продуктом специфических условий, способствовавших его деморализации.[4] Горячий русский патриот, и к тому же антипольски настроенный,[5] Оршанский мечтает о том, чтобы еврейское население отторгнутых от Польши западных губерний стало проводником русификации и крепкой опорой государственных интересов России.

Оршанский был первым русско-еврейским историком, поставившим себе задачей исследование экономического положения евреев на основании первоисточников и тщательный анализ экономической стороны еврейского вопроса. От просветителей (маскилов) старшего и его собственного поколения Оршанского отличало горячее чувство привязанности к соплеменникам: он часто подчеркивает положительные стороны еврейской жизни (например, «высокий моральный уровень евреев»); в качестве умелого защитника своего народа он пытается найти в объяснение его недостатков смягчающие обстоятельства. Во введении к очерку «Простонародные песни русских евреев», он высказывает сожаление о том, что русское общест-

---

[3] «Евреи в России», глава «Обрусение евреев», стр. 181.

[4] «Евреи в России», стр. 402—403.

[5] Антипатия к полякам и русский патриотизм находит яркое выражение в главе «Политическое значение евреев в Польше» (стр. 244—288), где автор на основе фактов и допущений пытается доказать, что евреи во время восстаний 1831-го и 1863-го годов были на стороне «законной» русской власти. Проявления активного сочувствия повстанцам со стороны евреев он объясняет экономической зависимостью от польских помещиков и даже жаждой наживы.

во ничего не знает об евреях, кроме внешней, материальной стороны их жизни.[6]

Если труды Оршанского никак не являются историей русского еврейства, то они несомненно служат ценным подспорьем при изучении так называемого еврейского вопроса в его эпоху и правового положения евреев в России.

Правовым положением евреев интересовался еще предшественник Оршанского, историк нееврейского происхождения, Ф. И. Леонтович (род. в 1833 г.), опубликовавший в 1862-м году исследование «Исторический обзор постановлений о евреях в России», а в 1864 — магистерскую диссертацию «Историческое исследование о литовско-русских евреях». Леонтович черпал свои материалы из новых, незнакомых до того архивных источников, открывших ему возможность установить основные линии правового и социального положения евреев в черте оседлости. К той же категории предшественников следует отнести труд В. О. Леванды «Хронологический сборник законов о евреях в России от 1649 г. по 1873 г.», явившийся подспорьем для Оршанского в его работе над книгой «Русское законодательство о евреях» и толчком для других аналогичных исследований о правовом положении евреев. Нельзя умолчать также и о юдофобски-тенденциозной книге Н. Голицына «История русского законодательства о евреях», вышедшей в 1885 г.

К этому раннему периоду еврейской историографии относятся некоторые работы меньшего калибра и критические исследования в области подсобных исторических наук — этнографии и филологии, также работы, посвященные хазарам. В 1861 г. вышла книга М. Бермана «Очерки этнографии еврейского народонаселения». В «Трудах Русского Археологического Общества», т. XIV-ый, 1865, появилось историко-филологическое исследование А. Я. Гаркави (1835—1919) «Об языке евреев, живших в древнее время на Руси». В работе на иврит «Гаиегудим у сфас га-славим» (1867 г.) Гаркави пытается доказать, главным образом, путем ссылок на «Шаалос у тшувос», что евреи в 16-ом и 17-ом веке говорили на славянских языках, и главным образом по-русски.

Исследованиями по истории хазар Гаркави занялся еще в 1864 г. Спустя некоторое время он опубликовал ряд критических работ о хазарах и источниках в «Руссише Ревю» (1874—1877) и в «Еврейской Библиотеке» (1879, кн. 7). В серии «Ма-

---

[6] Там же, стр. 391—92.

саф нидохим» (16 выпусков, 1878—1880) Гаркави поместил ряд соображений исторического и историко-литературного характера, посвященных отдельным эпохам еврейской истории; среди них имеется и материал о караимах в связи с первыми еврейскими поселениями на территории России.

В большинстве случаев исторические работы того времени были довольно скромны по своему научному уровню; это была скорее «прикладная наука». До Бершадского никто не отдавал себе отчета, что предпосылкой русско-еврейской историографии является создание архивной базы. В предисловии к 1-му тому «Русско-еврейского архива» (1882) Бершадский пишет: «Крайняя бедность литературы еврейского вопроса — ничтожное количество актов о евреях в XVII и XVIII веках и почти полное отсутствие их за XV-ый и XVI-ый век — побудили меня пять лет тому назад приняться за кропотливую и мешкотную работу собирания документов о евреях в различных архивах. Результатом этих работ оказалась коллекция более двух тысяч документов, относящихся к истории юридического и общественного положения евреев в Литве и юго-западной России от времен Витовта (1388) до падения польско-литовского государства».

В течение десятилетий, до самой своей смерти, Бершадский посвящает свои силы исследовательской деятельности в области еврейской истории, особенно истории евреев в Белоруссии и Литве. Первая его работа появилась в 1879—1880 г.г. в 7 и 8 томах «Еврейской Библиотеки» под названием «Материалы для истории евреев в Юго-Западной России и Литве», содержавших сорок три документа первостепенного значения и характеризующих общественное положение евреев в Литве и на Украине за годы 1561—1758. В двух томах «Русско-еврейского архива», появившегося в 1882-м году, Бершадский опубликовал 662 документа (в форме регестов и полностью), относящихся к истории литовских евреев в годы от 1388-го до 1569-го. Третий том, включающий также материалы по истории евреев в Польше за 1364—1569 г.г. и вышедший в 1903-м году, был издан Еврейской Историко-Этнографической Комиссией при Обществе распространения просвещения между евреями в России. Этой Комиссии Бершадский передал весь свой архив, представляющий исключительную ценность.

Часть этих документов Бершадский использовал в своей диссертации на степень магистра, вышедшей под названием «Литовские евреи. История их юридического и общественного

положения в Литве от Витовта до Люблинской Унии» (1883 г.). В этой работе, свидетельствующей об огромной эрудиции автора, приводится очень большое число неизвестных дотоле фактов, проливающих новый свет на социально-экономическую и — попутно — культурную историю евреев в польско-литовском государстве.

Такой же эрудицией и объективностью отличаются позднейшие работы историка, печатавшиеся в «Восходе» — «Очерк истории Виленской еврейской общины» («Восход» 1881 г., кн. 7, 1886, кн. 10 и 11, 1887, кн. 3, 4, 5, 6, 7—8), где впервые используется богатый, нееврейский материал, почерпнутый в государственном и муниципальном архивах; «В изгнании» (Об изгнании из Литвы в 1495 г.) — 1895 г. кн. 1—8; «К истории Люблинской еврейской общины» (1895, кн. 10); «Еврей — король польский Шауль; Юдич Валь из Брест-Литовска, преемник Стефана Батория, историческая легенда» (1899, кн. 1—5); «Старинное средство. Обвинение евреев в убиении младенцев в Литве и Польше в XVI—XVII ст.» (1894, кн. 1, 9, 11, 12 и др.).

Отмечая заслуги Бершадского в области еврейской исторической науки, С. М. Дубнов писал еще в 1891-м году: «Вообще г. Бершадский неутомим в своей подготовительной исторической работе — и еврейская историография по справедливости должна рассчитывать на будущую его неослабную деятельность в том же направлении как на главнейшую свою опору».[7]

Литературно-научные русско-еврейские журналы той эпохи — «Еврейская Библиотека», начавшая выходить в 1871-м году под редакцией А. Е. Ландау (годы издания — 1871—1880 и 1901—1903) и «Восход» (1881—1906) вкупе с литературно-научным приложением «Книги Восхода» — охотно печатали исторический материал; в последних книжках «Восхода» он составляет чуть ли не половину всего содержания. Оршанский помещал в «Еврейской Библиотеке» статьи, которые позже вошли в упомянутые нами два тома его сочинений. В том же журнале появились критические заметки Гаркави о хазарах (1880, кн. 8) и статья Моргулиса «К истории образования русских евреев», т. 1 , и след. В «Восходе», просуществовавшем 25 лет, принимали участие почти все русско-еврейские историки. С. Бершадский печатал там почти все свои работы; постоянными со-

---

[7] «Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества». Восход, 1891 г. апрель-сентябрь, стр. 34.

трудниками, были также Ю. Гессен и П. Марек. В том же журнале появились первые очерки С. М. Дубнова о хасидизме, а спустя некоторое время — цикл его «Писем о старом и новом еврействе». Молодой историограф вел в журнале постоянную рубрику — «Исторические сообщения», содержавшие множество неизвестных до того фактов и материалов из истории евреев в Польше и Литве.

Заканчивая характеристику 1-го периода еврейской историографии, мы должны отметить работы Х. В. Гурлянда, появившиеся вне пределов России — в Пшемышле и Кракове (1887—1892). Пять выпусков содержат хронику («Тит гайовон», «Цойк Гоитим», «Цаар бас рабим»), плачи (кинос) и покаянные молитвы (слихос), о еврейских бедствиях эпохи Хмельницкого, Польско-Шведской войне и уманской резне (1768). Они вышли под общим названием «Лекорос га-гзерос ал исроэл», вышедших в издании «Бейс ойцор га-сафрус», Пшемышль — Краков. (1887—1892 г.г.).

ВТОРОЙ ПЕРИОД (1892—1918)

Поворотным пунктом в процессе развития русско-еврейской исторической науки было учреждение «Еврейской Историко-Этнографической Комиссии при Обществе распространения просвещения между евреями». Просуществовав 10 лет, эта Комиссия преобразовалась в «Историко-Этнографическое Общество» с официального разрешения властей.

До 1892 года в русском еврействе не существовало общественной организации, которая вносила бы элементы координации и целеустремленности в изучение еврейской истории в России. Все, что было издано до начала девяностых годов в этой области, было делом историков-одиночек. Первая попытка создать общественное движение вокруг дела русско-еврейской историографии сделана была С. М. Дубновым. В очерке «Об изучении истории русских евреев» (Восход, 1891, апрель-сентябрь) он указывает на значение истории для национального самопознания. Анализируя положение еврейской историографии в Западной Европе, Дубнов ставит вопрос — существует ли еврейская историография в России? Отвечая на этот вопрос отрицательно, Дубнов набрасывает план путей и средств организации исследовательской работы и дает обзор источников, содержащих материалы по истории евреев в России и в Польше.

Свою обширную статью — 91 стр. — Дубнов закончил призывом к организации русско-еврейского исторического общества. Он значительно сократил ее для издания по-древнееврейски в форме брошюры, которая вышла в Одессе в 1892 г. под названием[8] «Будем искать и исследовать», в которой он призывает еврейскую интеллигенцию заинтересоваться еврейским прошлым в России и собирать всякого рода материалы — хроники (пинкосы) общин и обществ (хэврос), воззвания, письма и т. д. с целью заложить таким образом фундамент под будущее здание русско-еврейской историографии.

Брошюра, написанная по-древнееврейски, вызвала не меньший, если не больший отклик, чем ее русский, прототип (статья, помещенная в «Восходе», тоже вскоре вышла в форме брошюры); она пробудила в широких кругах еврейской народной интеллигенции интерес к прошлому, к истории, запечатленной в исторических документах.

С. М. Дубнов обосновывал необходимость изучения истории не столько интересами чистой науки, сколько мотивами общественно-национального порядка, вытекающими из тяжкого положения русского еврейства, которое должно почерпнуть в своем прошлом силу и утешение для преодоления всей трагики настоящего. Он пишет: «Прошедшее еврейского народа обладает чудной целительной силой для болящей еврейской души... Но помимо утешения, сколько света, ясности, сознательности вносит в наш ум знание нашего прошедшего. Мы чувствуем себя тогда не отрезанным ломтем, а продолжением целого ряда поколений, живших не только для того, чтобы мыслить и страдать».

Обращение С. М. Дубнова дало вскоре конкретные результаты. Возникшая в 1892 г. в Петербурге по инициативе группы представителей еврейской интеллигенции Историко-Этнографическая Комиссия приступила к осуществлению крайне важной задачи; она состояла в том, чтобы извлечь и сосредоточить в одном месте документальные данные, рассеянные до того в десятках томов исторических исследований в государственных и общественных архивах в течение последних 50 лет.

Так возникли «Регесты и надписи. Свод материалов для истории евреев в России». Первый том вышел в 1897 г., обнимая период от 1760-го до 1780-го года; второй — в 1910-м году — 1671—1739, третий — в 1903 г. — 1740—1799. (Последние два то-

[8] Нахпэсу в'нахкойру.

ма были изданы уже Историко-этнографическим Обществом, основанным в 1908 г.).

В состав редакции «Регестов и надписей» входили: М. М. Винавер, А. Г. Горнфельд, Л. А. Сев, М. Г. Сыркин и М. Л. Вишницер. Трехтомный труд явился ценным вкладом в молодую русско-еврейскую историографию. Он содержал свыше 2.450 регестов и фрагментов из надписей, материалов и сообщений, которые помогали исследователю ориентироваться в обширной печатной документации. Редакторам «Регестов» не удалось, однако, осуществить проекта издания полной документации, предположенной С. Бершадским, который сам частично осуществил этот проект в трех томах своего «Русско-еврейского Архива».

Призыв С. М. Дубнова способствовал созданию при историко-этнографической комиссии значительного архива, постепенно обогащавшегося пинкосами общин и обществ (в оригиналах и копиях), отдельными документами, письмами и генеалогическими списками, а также богатым собранием фольклорного материала — народными сказками и песнями (часть которых была опубликована С. Гинзбургом и П. Мареком в 1901 г. в сборнике «Еврейские народные песни в России», издание «Восхода», СПБ).

Нельзя, разумеется, приписывать пробуждение интереса к прошлому влиянию одного человека, как бы значительно оно ни было. С. М. Дубнову однако удалось найти свой убедительный подход, свои горячие, патетические слова в соответствии с господствовавшими в ту пору в еврейской среде настроениями и таким путем формулировать национальную программу изучения еврейской истории на базе современной исторической науки.

Опыт показал, что в жизни народов рост национальных настроений всегда сопровождается и развитием историографии. Мы имели возможность наблюдать это явление в Польше после провала восстания 1863 года, в Чехии после неудавшейся революции 1848 года, среди украинцев — во второй половине 19-го века. Параллельно с ростом национальных движений наблюдается оживление научно-исторической литературы.

Аналогичный процесс обнаружился в 80-х годах и в среде русского еврейства. Погромы 1880-х годов вызвали взрыв национального чувства; они не только не породили, вопреки стремлениям устроителей погромов, настроений дефетизма, они дали толчок к пробуждению национальной энергии, как в области мысли, так и в области действия.

В эту эпоху, взрыхленную погромами 80-х годов, уходят корнями такие общественные движения в русском еврействе, как палестинофильство, территориализм, социализм (национальный и космополитический). Звучит почти символом, что «Восход», который долгое время был трибуной русско-еврейской интеллигенции, вышел в свет в погромный 1881 год.

Возросший интерес к прошлому часто диктовался потребностями тогдашнего положения евреев в России и Польше.

Под атаками официального и общественного антисемитизма, отказавшего еврейскому населению в равноправии, в гражданских правах, национально-пробудившаяся русско-еврейская интеллигенция искала в далеком историческом прошлом аргументов в пользу своего «ихуса» и своей исторической укорененности в русской почве и была заинтересована в выборе апологетического оружия в своей тяжелой борьбе.

Главной вехой в процессе развития русско-еврейской историографии было возникновение в 1908-м году Историко-Этнографического Общества и издание его журнала «Еврейская Старина». Общество, во главе которого стояли С. М. Дубнов, М. М. Винавер, Михаил Кулишер, С. Гольдштейн, М. Л. Вишницер и др. стимулировало и организовало собирание исторических документов и материалов, устраивало публичные лекции научного характера, — финансировало экспедицию по собиранию фольклорного материала в 1911 году под руководством С. А. Ан-ского.

В музее Историко-Этнографического Общества главным образом благодаря стараниям экспедиции С. Ан-ского, было собрано около тысячи религиозных и художественных экспонатов, а также свыше тысячи снимков с памятников, имеющих историческую ценность.

Мы уже упоминали об издании обществом 2-го и 3-го томов «Регестов и Надписей» и журнала «Еврейская Старина», выходившего раз в три месяца под редакцией С. М. Дубнова. Это был первый специальный журнал по еврейской истории в России — сыгравший в области исторического исследования такую же роль, как «Monatsschrift fur Geschichte und Wissenschaft des Judentums» в Германии и «Rйvue des йtudes juives» во Франции, но в отличие от этих научных органов «Еврейская Старина» была проникнута национальным и прогрессивным светским духом.

«Еврейская Старина» ставила себе целью *«критическую* ревизию прошлого, но не затем, чтобы его отвергнуть, а чтобы по-

нять это прошлое и проанализировать при помощи диалектического метода».[9]

Сохранение исторического наследия представлялось необходимым ввиду опасений, что волна постепенной ассимиляции может уничтожить живые следы еврейского прошлого.

С 1909-го до 1918 г. вышло 10 томов «Еврейской Старины» (в 1909 г. — два тома). 10-й том, вышедший в 1918 г. проредактирован еще С. М. Дубновым. Томы 11-й (1924 г.) и 12-й (1928) вышли под редакцией коллегии, во главе которой стоял этнограф Лев Штернберг. 13-й том вышел в 1930 г. при С. Цинберге, как председателе редакционной коллегии.

Десять лет деятельности Историко-Этнографического Общества и его органа (1909—1918) были периодом расцвета еврейской историографии; за эти годы было опубликовано множество новых материалов, исследований, монографий и мемуаров, значение которых далеко превосходит все созданное еврейской исторической наукой в Западной Европе.

Библиографическое исследование Абрама Дукера, посвященное 12-и томам «Еврейской Старины», (Hebrew Union College Annual, томы 8—9, 1931—1932, стр. 525—603), содержит сведения о количестве монографий, документов, докладов и рецензий, напечатанных в этом журнале. Исследователь насчитал 594 единицы из области истории, социологии, статистики, этнографии, фольклора, языковедения, истории литературы и культуры, археологии, истории искусства, мемуарной литературы и т. п., нашедших место в журнале.

Журнал был настоящей сокровищницей еврейской науки, содержавшей материалы исключительной ценности. Число сотрудников «Еврейской Старины» доходило до 140. Мы встречаем на ее страницах имена крупнейших специалистов по истории евреев в Польше и России. Укажем на некоторые из наиболее ценных документов и исследований: Акты еврейского Коронного Сейма или Ваада четырех областей (1621—1691); Литовский пинкос, печатавшийся отдельными листами, как приложение к журналу; М. Шорр — «Краковский свод еврейских статутов и привилегий» — научное введение к тексту привилегий польских евреев, утвержденному последним королем Польши Станиславом Августом Понятовским, и к двенадцати специальным привилегиям Краковских евреев; перепись евреев в

[9] Яков Шацкий, «Проблемы еврейской историографии», Цукунфт, март 1955, стр. 122.

Малороссии в 1736 г.; статистика еврейского населения Польши и Литвы во второй половине 18-го века; С. М. Дубнов — «Еврейская Польша в эпоху последних разделов»; Ю. Гессен — «В эфемерном государстве. Евреи в Варшавском герцогстве 1807—1812 г.г.»; И. Сосис — «Общественные настроения в эпоху великих реформ»; П. Марек — «Внутренняя борьба в еврействе XVIII века».

Все без исключения работы, помещенные в журнале, носят печать научной исторической объективности. Мы не найдем в них ни следа апологетических тенденций, характерных для недавнего прошлого. Историки не обращены лицом к русскому обществу, чтобы оправдываться и покрасоваться, — а к своим соплеменникам; их интересуют, главным образом, внутренние культурные и экономические процессы еврейской жизни. Внешнему политически-правовому моменту, на котором недавно сосредоточивалось все внимание историков, сейчас отводится только одна глава в истории русского еврейства. Неустанное пережевывание так называемого «еврейского вопроса», заполнявшее страницы «Еврейской Библиотеки» и первых книг «Восхода», уступает место попыткам реконструировать прошлое в его историко-культурном и социально-экономических аспектах.

Меняется не только материал, но и методы исторического исследования. Параллельно с государственно-правовыми источниками широко используются в исследованиях пинкосы, воззвания, письма, мемуары. Повышается степень научной специализации: исследовательской работой занимаются уже не юристы и публицисты, а группа квалифицированных, компетентных историков, экономистов, культуроведов, пользующихся строго научными методами. В их работе все явственнее выступает национальный момент, который настойчиво подчеркивает его горячий пропагандист С. М. Дубнов, писавший еще в 1891-м году в выше цитированной работе: «Мы не можем и не должны обречь себя на умственный застой... не должны лишить себя той внутренней мощи, которую дает только самоисследование. Думать иначе значило бы преднамеренно заковать душу народную, сузить и затемнить нашу *национальную идею*, которая в сущности тождественна у нас с *историческим сознанием*... общееврейская национальная идея основана главным образом на историческом сознании». (курсив текста).

В своей программной речи на собрании Историко-Этнографического Общества 21 февраля 1910 г. С. М. Дубнов критичес-

ки оценивал достижения западно-еврейской историографии и упрекая ее в консерватизме и в малой способности к синтезированию, — заявлял: «Реформа исторической методологии находится в тесной связи с тем национальным движением, которое охватило еврейство в последнее время. Если эпоха «религиозных реформ» на Западе превратила историю народа в историю иудаизма, то новейшее национальное движение призвано реставрировать историю народа во всех ее проявлениях. Можно только установить взаимодействие *между пробуждением национального духа и новым пониманием еврейской истории...* Мы будем творцами и новой истории, и новой историографии». («Еврейская Старина», 1910, 1. стр. 157—158).

Говоря об этом периоде, следует отметить несколько работ, посвященных истории культуры: П. Марека «Очерки по истории просвещения евреев в России» (1910), «Историю еврейской печати в России» С. Л. Цинберга (1915), дающую также и полную картину просветительного движения (Гаскала), и монографию И. М. Чериковера — «История Общества распространения просвещения между евреями в России (1863—1913)», т. 1. СПБ. 1913.

В «Еврейской Старине» дано также место исследованиям социальных антагонизмов в еврейской среде и истории еврейского рабочего движения в статьях Б. Фрумкина «Из истории еврейского революционного движения в 70-х годах» и «Очерки из истории еврейского рабочего движения в России» (1885—1887), в 1911 и 1913 г.г.

Солидными работами синтетического характера являются книги Ю. И. Гессена — «Евреи в России» (1906) и «История евреев в России» (1914). Приходится, однако, констатировать односторонний подход автора, уделяющего внимание главным образом политически-правовой истории евреев в России.[10]

Самым крупным событием в области еврейской историографии было появление замечательного коллективного труда — «История еврейского народа» (1914). Это был 11-ый том, доведенный до 1795 г. задуманного обширного издания «Истории еврейского народа» — «1-й том Истории евреев в России».

В нем участвовали крупнейшие еврейские и нееврейские ученые-специалисты по разным отраслям исторической науки.

---

[10] В 1925—1927 гг. вышло издание последнего труда, дополненное главами культурно-исторического характера: «История еврейского народа в России», (Ленинград).

К несчастью, вспыхнувшая в 1914 г. первая мировая война приостановила дальнейшую работу. Единственный вышедший в свет том поныне остается самым ценным пособием при изучении истории евреев в Польше до конца 18-го столетия.

Много материала о культурной и социальной истории евреев в 18-м и 19-м веке дают четыре сборника «Пережитого» (полное заглавие — «Пережитое, сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России»), вышедшие в 1908, 1910, 1911 и 1913 годах под редакцией С. М. Гинзбурга и при ближайшем участии С. А. Ан-ского, А. И. Браудо, Н. П. Ботвинника, Ю. Гессена, С. Л. Каменецкого, П. С. Марека и С. Л. Цинберга. В предисловии к первому тому «Пережитого» редакция подчеркивает общественно-национальные тенденции издания, заявляя, что «если эта задача и эта цель — (собирание материалов, касающихся внутренней жизни еврейства — И. Т.), были всегда своевременны, то... тем более уместны они теперь, когда в еврейском обществе все явственнее сказывается потребность в самоизучении и культурной самооценке». Далее в предисловии отмечается, что время уничтожает не только материальные памятники прошлого, но и живой материал истории, и так как старый еврейский быт исчезает, то неотложной задачей является закрепление того, что еще осталось в памяти народа от недавнего прошлого. Речь здесь не о романтизации и идеализации прошлого; при закреплении национальных ценностей, которым угрожает забвение, необходим критический подход к материалу.

В четырех сборниках «Пережитого» мы находим больше 50 обширных работ монографического и мемуарного характера, посвященных общественной и культурной жизни евреев в 18-м и 19-м веке, а также целый ряд относящихся к этой эпохе документов, исторических заметок и рецензий. Приводим перечень наиболее значительных работ, появившихся в «Пережитом»: П. Марек — «Борьба двух воспитании», (т. 1-й); С. Цинберг — «Первые социалистические органы» (т. 1); «А. Ковнер — Писаревщина в еврейской литературе» (т. III), «Предтечи еврейской журналистики в России» (т. 4-й); «О литературном наследии И. Аксенфельда» (т. 4-й); М. Л. Вишницер — «Проекты реформы еврейского быта в Герцогстве Варшавском и Царстве Польском» (т. 1-й) — первое историческое исследование, основанное на обширном архивном материале, об эпохе Николая I; А. И. Паперна «Из Николаевской эпохи» (Воспоминания); Ю. Гессен, «Борьба правительства с еврейской одеждой в Империи и Цар-

стве Польском» (т. 1); «Смена общественных течений» (т. 3-й); «Мстиславское буйство» (т. 2-й); Д. Т. Маггид — «К истории борьбы с хасидизмом» (т. 3-й).

Большой интерес представляют собой архивные данные о еврейских депутатах при Александре I и о виленском домовладении в 30-х годах 19-го века. Ценный материал дают воспоминания М. Винчевского об издании «Дер пойлише Идл» (т. 2-й), И. И. Гордона — «Каторга и ссылка» (т. 3-й), М. Мандельштама «Игнатьевская комиссия в Киеве 1881 г.» (т. 4-й), С. М. Гинзбурга — «Из эпохи Отечественной войны» (т. 4-й), С. Розенфельда — «Р. Менаше Илиер», С. Ан-ского — «Еврейское народное творчество; из легенд о Мстиславском деле», (т. 1), и воспоминания М. Кагана — «К истории национального самопознания русско-еврейского общества» (т. 3-ий).

Большую ценность представляет собой также богатая коллекция документальных материалов и воспоминания лиц, игравших значительную роль в еврейской общественной жизни в 19-ом столетии.

В это же время в России и за ее пределами был издан ряд материалов, посвященных рабочему движению в издании Центрального и Заграничного Комитетов Бунда. В 1906 г. в Петербурге вышли «Материалы к истории еврейского рабочего движения в России». Несколько раньше в Женеве вышла по-еврейски «История еврейского рабочего движения в России и Польше», (1900). По инициативе Заграничного Комитета Бунда изданы были также документы, характеризующие общее положение еврейского населения, например, «Тайная докладная записка виленского губернатора о положении евреев в России» (Женева, 1904), «Кишиневская резня, материалы и документы» (Лондон, 1903 г.) и другие.

Исторические очерки появлялись не только в «Еврейской Старине» и «Пережитом», но и в петербургском журнале «Будущность» (1899—1904), выходившем под редакцией С. Грузенберга, и в литературно-научном ежегодном приложении к этому журналу (вышли три сборника — в 1900, 1901, 1903). В журнале и ежегоднике были напечатаны работы М. Севира («Эволюция общественной мысли XIX века и евреи», 1901, 15—28), А. Гаркави (Исторические заметки о караимах), С. М. Дубнова, Ю. Гессена, И. Генкеля, д-ра Л. Каценельсона, А. Хвольсона, С. М. Лифшица («Евреи в Польше, Литве и Белоруссии в 16 и 17 веке на основании «Шаалос у-тшувос», сборник 1-й), С. Осипова («Столетие еврейской земледельческой колонизации в России») и др.

В 3-ем томе был впервые напечатан «Вопль дщери иудейской» Невахович (1903). Это первое литературное произведение, написанное по-русски деятелем Гаскалы, крайним ассимилятором. Древнееврейский текст работы Невахович почти 100 лет тому назад появился еще в 1803-м году и перепечатан был много лет спустя в «Га-овар» (Петроград, 1918, кн. 2-ая).

Богатый материал по истории евреев в России и Польше содержат 16 томов «Еврейской Энциклопедии», выходившей в Петербурге в 1909—1914 г.г., под редакцией д-ра Л. Каценельсона и барона Д. Г. Гинцбурга. В Энциклопедии» принимал участие целый ряд историков-специалистов евреев и неевреев. Следует отметить, что одни только слова, посвященные Александру I-му, Александру II-му, Александру III-му занимают 42 столбца (автором этих статей был Ю. Гессен). «Еврейская Энциклопедия» не утратила и в наши дни своего значения, как неоценимый источник справок по истории еврейства Восточной Европы.

Характерной чертой рассматриваемого нами периода было появление ряда новых исторических трудов на древнееврейском языке. Самым крупным из писавших на этом языке историков был Саул-Пинхос Рабинович (1845—1910), который в начале 90-х годов устраняется от общественной работы в палестинофильском движении, чтобы посвятить свои силы исследованию исторического прошлого.

Начав с монографии по еврейской истории в Западной Европе, он первую свою работу — «Мойцей-Гойло» (вышла в 1894 г.) посвятил изгнанию евреев из Испании и Португалии. Позже вышли монографии «Ийосеф иш Русгейм» (1902), «Иом-тов Липман Цунц» (1896) и «Зхарья Френкель» (1898). С. Рабинович перевел и дополнил 8-томную историю еврейского народа Греца (1890—1899), довел ее до Моисея Мендельсона и Виленского Гаона. Особенно обширны его дополнения к главам о евреях в старой Польше, в которых переводчик превращается в самостоятельного исследователя (отметим, что А. Гаркави тоже добавил много примечаний и дополнений к 7-му тому). С. Рабиновичу не удалось довести до конца свой большой труд по истории евреев в России; этот труд обнимает период от Михаила Романова до последнего царствования. Он писал также по-русски и в 1911 году в «Еврейской Старине» появилась его работа — «Следы свободомыслия в польском раввинизме в 16-м веке».

В 1899 г. вышел в свет труд Бен-Циона Каца «К истории ев-

реев в России, Польше и Литве»,[11] ценный, главным образом, с точки зрения методологии, ибо автор пользовался в нем материалами из «Шаалос утшувос», что стимулировало исследователей для работ в этом направлении.

М. М. Бибер издал в Бердичеве в 1918 г. монографию, посвященную Шлойме Лурье (Ра-шал) и другим выдающимся деятелям города Острога; монография содержит некоторые исторические сведения об еврейской общине этого города.

Исторические работы, представляющие значительную ценность, мы встречаем также в следующих древнееврейских изданиях: в сборнике «Меасеф», вышедшем под редакцией Л. Рабиновича (СПБ. 1903), в историко-литературных сборниках «Сефер га-шоно» (4 сборника, Варшава, 1900—1903, редактор — Нахум Соколов) и в журнале «Гашилоах» (1896—1925), который редактировался сначала Ахад-Га-амом, а потом Х.-Н. Бяликом и И. Клаузнером.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД (1918—1930)

В первые послереволюционные годы тяжелые условия жизни и отсутствие политической стабилизации сильно тормозили научную работу. Благоприятствовало историческому исследованию лишь одно обстоятельство — для ученых открыты были до того недоступные государственные архивы. Чуть ли не половину 10-й книжки «Еврейской Старины» (1918 г.) занимает основанная на новом материале монография «Из черной книги российского еврейства: материалы войны 1914—18 г.г.», посвященная выселениям евреев из Курляндии, Ковенской губернии и Галиции и эпопее заложников 1918—1919 годов. Ученые также собирали документы о погромах времен гражданской войны (которые были опубликованы впоследствии за границей — см. об этом дальше).

Доступ к материалам, которые еще недавно находились под запретом, дал толчок научным исследованиям. В 1917-м и 1918-м годах в Петрограде вышли две книжки древнееврейского журнала «Га-Овар» под редакцией С. Гинзбурга, при участии в редакционной работе М. Е. Айзенштата, Бен-Циона Каца и С. Розенфельда, в которых напечатаны были новые материалы из архива Киевского Охранного отделения, относящиеся к М. Б. Рат-

[11] «Лекорос гайгудим» и т. д.

неру и Г. Гершуни, материалы о роли Николая 11-го в последних наветах на евреев, а также «Хассидиана» С. М. Дубнова (об антихасидских памфлетах). Под редакцией С. Гинзбурга вышли также сборники «Еврейского Вестника», в которых (1919, 1928) редактор поместил ряд очерков, основанных на новом, неизвестном дотоле архивном материале. В 1923 г. этот неутомимый историк выпустил в Петрограде собрание своих исторических и публицистических работ под названием «Минувшее. Исторические очерки, статьи и характеристики».

Журналу «Еврейская летопись» (редактором был Л. М. Клячко) удалось объединить на своих страницах историков старого и молодого поколения при ближайшем участии И. А. Клейнмана, С. Г. Лозинского и Л. М. Айзенберга. Всего вышло 4 книжки: 1-ая и 2-ая в 1923 г., 3-я в 1924-м и 4-ая — в 1926-ом. Представители старого поколения были Ю. Гессен, С. Цинберг и др. Ю. Гессен поместил в журнале ряд очерков, в том числе: «На арене кровавого навета; происхождение ритуальной литературы на русском языке» (кн. 1-ая), «Хасиды братья Шапиро по пути в Сибирь» (кн. 2-ая); «Социально-экономическая борьба среди евреев в России в 30—50 г.г. 19-го века» (кн. 4-я). Темой работы С. Цинберга был еврейский театр в Италии в эпоху Ренессанса. В очерке «Александр III о еврейских погромах 1881—1883» Р. Кантор приводит юдофобские замечания царя Александра III на рапортах о погромах, хранившихся в личной канцелярии царя и в Департаменте Полиции. Ценны работы И. А. Клейнмана о Люблине конца 19-го и начала 20 столетия: «Польский город на рубеже столетия» и «Польский город в 1905 и 1906 годах» (кн. 1-ая и 2-ая).

В другой мир переносит нас работа Н. А. Бухбиндера «Еврейские революционные кружки 80-х и начала 90-х годов», основанная на материалах из архива Департамента Полиции, и дающая новые факты из истории еврейского революционного движения. В 4-й книжке «Еврейской летописи» много места отводится мемуарам; среди них выделяются воспоминания Л. И. Левидова о виленском еврейском учительском институте, дающие исчерпывающее представление о преподавании и о внутреннем строе этого учреждения с дополнениями из официальных источников, сделанными П. И. Шатиловым. Мы находим в той же книжке некрологи погибших во время войны и революции. Почти все эти работы выдержаны в элегических тонах и отдают дань идеализации прошлого (примером может служить статья Равребе о хасидизме на Украине во 2-ой книжке журнала).

Часть историков находилась под гнетом сознания, что русское еврейство — этот крупнейший национальный еврейский центр — находится на краю гибели. Антрополог Лев Штернберг писал в «Еврейском Вестнике» (№ 5—6, 1922), что истории евреев в России пришел конец, поэтому настало время заняться «общими проблемами еврейской истории». Евреи не нуждаются больше в историографии, освещающей частичные отрезки истории, там, где весь исторический организм распадается. Русское еврейство перестает существовать, как единое целое. В критическую полосу возникает сильная потребность в углубленной национальной философии истории, в синтетической концепции прошлого.[12]

Формальным актом ликвидации «буржуазной» еврейской историографии явилось в конце 1929 года закрытие Историко-Этнографического Общества. Архив и библиотека Общества, насчитывавшая свыше 4000 томов, передана была «Институту Еврейской Культуры» при Украинской Академии Наук в Киеве, а музей Общества — еврейской секции Белорусской Академии в Минске.

Мы уже говорили о том, какое значение имел для историков доступ к государственным архивам. Особенно обогатились две области — эпоха погромов 80-х годов и история еврейского рабочего движения. В 1929 году в Ленинграде изданы были «Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Восьмидесятые годы» под редакцией Г. Я. Красного-Адмойни, том 2-й. В этой работе впервые публикуются официальные документы, призывы к расправам с евреями и прочие материалы о погромах 1881— 1883 г.г. К другой категории относятся работы Н. А. Бухбиндера «Материалы для истории еврейского рабочего движения в России. Выпуск 1-ый: Материалы для биографического словаря участников еврейского рабочего движения» (1922) и его же «История рабочего движения — по неизданным архивным материалам» (1925). Эти труды содержат множество новых документальных данных. Типичным образцом коммунистического подхода к истории является работа А. Д. Киржница, вышедшая в 1928 г. с предисловием М. Рафеса — «1905. Еврейское рабочее движение. Обзор, материалы и документы».

[12] См. статью Шацкого в «Цукунфте», март 1955 г.

4. РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ЭМИГРАЦИИ

Большинство еврейских ученых, писателей, публицистов, покинувших Советскую Россию, осело в Берлине, ставшем в 20-х годах центром русско-еврейской эмиграции. В 1924 г. туда прибыл из Ковны и С. М. Дубнов.

Под непосредственным впечатлением пережитой бурной и кровавой эпохи историки в эмиграции поставили перед собой задачу зафиксировать на основании документов трагические события, сопровождавшиеся глубокими разочарованиями. В 1923 году Ostjudisches Historisches Archiv опубликовал труд «Антисемитские погромы на Украине» (посвященный погромам 1917—1918 г.г.), со вступительной статьей С. М. Дубнова. Одновременно этот труд вышел на еврейском языке. Это был первый том задуманной серии — «История погромного движения на Украине в годы 1917—1921». Второй том, написанный И. М. Чериковером — «Погромы 1919 г. Период Петлюры и восстания Григорьева» однако не появился в печати и до сих пор хранится в форме манускрипта. Спустя 9 лет в издании «Архива восточного еврейства» вышла под редакцией И. М. Чериковера, Н. Ю. Гергеля и И. Б. Шехтмана монография «Погромы добровольческой армии на Украине (к «Истории антисемитизма на Украине в 1919—1920 г.г.)».

В 1924 году в «Литературном издательстве» вышел сборник «В эпоху революции», содержащий воспоминания, материалы и документы, относящиеся к недавней бурной эпохе. В сборнике помещены среди прочего фрагменты из дневника С. М. Дубнова за годы 1917—1918, воспоминания А. Ревуцкого об Украине 1919 г. (эта статья вышла отдельным изданием в Берлине в 1924 г.), а также ряд статей и заметок И. М. Чериковера.

В 1923—1925-м г.г. вышло 5 выпусков «Бюллетеней по еврейской демографии, статистике и экономике», изданных еврейской «Вельт Хильф Конференц» под редакцией Б. Бруцкуса, Я. Лещинского и Я. Сегала, — куда вошли работы по истории еврейской хозяйственной жизни и статистики, — среди них: две статьи Я. Лещинского — «Еврейские общины в Польше (Украине) накануне раздела» и «Еврейская община в Бердичеве от 1789 г. до 1917» (№ 1-ый), а также монография Э. Н. Френка «Численность евреев и род их занятия в городах и деревнях королевства Польши в 1843 г. (№1).

В годы 1925—29 вышел в Берлине монументальный труд

С. М. Дубнова — десятитомная «Всемирная история еврейского народа», в немецком переводе А. З. Штейнберга[13], а в 1925 году полный текст Литовского Пинкоса под редакцией С. М. Дубнова и Тувима (текст раньше печатался отдельными выпусками, как приложение к «Еврейской Старине».)

Большой интерес для историка представляют появившиеся в Берлине воспоминания ряда революционных деятелей-эмигрантов, в том числе П. Б. Аксельрода «Пережитое и передуманное» (1925) с рядом интересных деталей о раннем периоде революционного движения среди евреев в Белоруссии (Могилев) и Ю. О. Цедербаума-Мартова «Записки социал-демократа», в которых имеется много ценных сведений о возникновении современного социалистического движения в Вильне.

В 1925 году основан был Еврейский Научный Институт в Вильне, объединивший вокруг себя русско-еврейских историков во главе с С. М. Дубновым. Кипучую деятельность развил секретарь исторической секции И. М. Чериковер, редактор изданных Институтом «Историше Шрифтен». Первые тома (1929—1937 г.г.) вышли под его редакцией, третий том, посвященный истории еврейского социалистического движения в период, предшествовавший возникновению Бунда, вышел в 1939 году под редакцией коллегии, в составе И. М. Чериковера, А. Менеса, Ф. Курского и А. Розина (Бен-Адира). В этом издании, содержащем богатый материал по истории евреев в Польше и России, принимали также участие С. М. Дубнов, С. Гинзбург, С. Боровой, Б. Бруцкус, М. Вишняк, М. Л. Вишницер, И. М. Чериковер и множество других историков, в том числе несколько молодых ученых, выдвинувшихся уже в послевоенный период.

Много места отводится истории русского и польского еврейства и в других изданиях «ИВО» — в «Иво-Блетер» (за годы 1936—1956 вышло 40 выпусков), в «Шрифтен фар экономик ун статистик» (т. 1. — 1928, т. 2 — 1932), выходивших под редакцией Я. Лещинского и двухтомной (незаконченной) «Истории еврейского рабочего движения в Соединенных Штатах (особенно в 1-м томе) «Исторический фон и социально-экономические факторы» — под редакцией И. М. Чериковера. Во всех этих из-

[13] В Филадельфии вышел в английском переводе трехтомный труд С. М. Дубнова — «History of the Jews in Russia and Poland from the earliest times until the present day (1916—1920)».

даниях принимали участие русско-еврейские историки.[14] Следует отметить в издании «ИВО» перевод на идиш хроники из времен Хмельницкого 17 века «Юовейн мецула» (Глубокое болото) Н. Н. Ганновера с особенно ценным историко-критическим введением Я. Шацкого.

В Нью-Йорке вышло в 1937—38 гг. трехтомное собрание сочинений С. М. Гинзбурга на идиш под названием «Исторические Труды»; приуроченное к 70-летию автора, оно было издано особым комитетом. Этим же Комитетом изданы были в 1944—1946 г.г. и две другие книги С. Гинзбурга — «Петербург в прошлом. Очерки и воспоминания о еврейской жизни в столице царской России» и «Мешумеды (Выкресты) в царской России». Часть этого литературного материала печаталась в свое время в русских и древнееврейских периодических изданиях, но автор многое переработал или написал наново на основе архивных источников. Для другого крупного еврейского историка М. Л. Вишницера, автора целого ряда синтетических и монографических работ в упомянутом нами коллективном труде «История евреев в России, 1924», в «Еврейской Энциклопедии», где он был редактором исторического отдела, и в других научных изданиях, годы эмиграции (Берлин, Нью-Йорк) явились периодом плодотворной творческой работы. В 1922 году в Берлине появились в его обработке представляющие большую историческую ценность воспоминания Бера Балеховера (1723—1805), а также брошюра по истории еврейского ремесла, — проблема, которой интересовался М. Вишницер в течение всей жизни и посвятил ей ряд статей в «Еврейской Энциклопедии» (т. 8), в Энциклопедиа Иудика (т. 7), в «Блеттер фар Юдишер Демографик», 1925 г. и т. п. В монументальном труде «Литэ» М. Л. Вишницер поместил несколько крупных исторических исследований синтетического характера — «История литовских евреев от средних веков до первой мировой войны», «Ваад Литвы, его структура и роль в общественной жизни литовского еврейства», «Еврейское ремесло и ремесленные цехи на Литве». Скончавшийся в 1955 г. в Израиле, историк был тесно связан с Еврейским Научным Институтом и в течение ряда лет состоял председателем Исторического кружка при ИВО.

---

[14] Библиография «Иво» — перечень книг, журналов, статей, отчетов и т. п., издана Институтом в 1925—1941 и 1941—1950 годах, Нью-Йорк, 1943 и 1955.

К изданиям, выходящим за пределами России и посвященным истории русского еврейства, надо прибавить журнал «Гаовар» («Прошлое»), выпускаемый в Израиле обществом «Алтира». (Название Общества означает буквально: «не опасайся» и по смыслу своему адресовано советским евреям). За годы 1952—58 вышло всего 6 книг, под редакцией Бен-Циона Каца (скончался в конце 1957 г.), которые содержат разнообразный и ценный материал исторического порядка, мемуарный и эпистолярный. Ряд опубликованных работ посвящен русскому еврейству, в том числе: И. Гринбаума и М. Л. Вишницера (о петербургском периоде их жизни), Ю. Д. Бруцкуса (о московской группе «Бен-Цион»). Д. Ф. Файнберга (манускрипт, оставшийся в архиве долголетнего секретаря ЕКО в России), С. Гопштейна (о сионистском «Рассвете» в Петербурге), рав. М. Нурока (о выселении евреев в первую мировую войну), Ксении Зильберберг (о трех террористках — Р. Лурье, Б. Лапиной и Доре Брильянт), Л. Бороховой, автобиография рав. Д. Слуща, проф. Ш. Асафа и др. Большой материал отведен семье Гинцбургов. Различный исторический, частью документальный, материал сообщен А. Карлиным (к истории общины в Риге), Н. Гельбергом (о студенческом движении в начале 80-х г.г.) И. Клаузнером. Отметим также работы И. Маора (о русских либералах 19 века и еврейском вопросе) и И. Эреза (о самообороне в 1903—05 г.г.). В журнале отведено место сообщениям библиографического характера, приведены письма Ахад-Гаама, А. Цедербаума и др. и разные другие исторические материалы.

Мы резюмируем: русско-еврейской историографии, представленной плеядой выдающихся еврейских ученых, удалось в сравнительно короткое время соорудить величественное научное здание и осуществить ряд монументальных трудов. Эти труды займут прочное место в сокровищнице исторического знания о пути, пройденном многомиллионным и творческим еврейским коллективом в России вплоть до его культурно-национальной трагической гибели в эпоху Сталина.

М. В. ВИШНИЦЕР

ИЗ ПЕТЕРБУРГСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

С самого начала по приезде моем в Петербург осенью 1907 года у меня было побуждение отдаться исследовательской работе в области еврейской истории. Еще в гимназические годы я серьезно изучал классиков еврейской историографии в Германии, — Греца, Гейгера, Герцфельда и других. Я решил обучаться в раввинском семинаре, чтобы овладеть Талмудом и его толкованиями, средневековой литературой, семитическими наречиями — так называемыми подсобными для истории науками. Я целый год готовился для семинара. В 1903 году я был принят в Israelitisch-Theologische Lehranstalt, но вскоре перешел к общей истории. Я работал по средним векам и новой истории ранее в Венском университете, а потом специализировался в Берлине по русской истории. Но я никогда не терял интереса к еврейской истории и литературе.

По приезде в Петербург я посетил Семена Марковича Дубнова, недавно осевшего в столице. Я знал его по его книгам и статьям в «Восходе». Изданная им справочная книга, в основу которой были положены немецкие работы Века и Брана, пользовалась популярностью среди юношества. В Ровно, проводя свой «талмудический» или «иудаистический» 1900—1901 год, я вместе с М. Левонтиным и другими товарищами, углубился в это руководство. Мы, молодые, видели в Дубнове своего учителя в области истории и относились к нему с большим уважением. Естественно, что я пришел к нему в его скромное жилище на Васильевском острове и рассказал ему о моих университетских работах и о планах моих в Петербурге. Дубнов сразу стал уговаривать меня заняться еврейской историей. «Возвращайтесь к истокам. Еврейская историография нуждается в строителях, в работниках. Вы будете радушно встречены в нашем кругу», — говорил Дубнов. Он имел в виду историко-этнографическое общество, которое находилось в стадии организации, и журнал «Еврейская Старина», который он проектировал вы-

пускать. Он искал сотрудников по еврейской историографии Восточной Европы.

В первые годы нашего столетия еврейская историография стала весьма заметно развиваться, быстро достигнув довольно высокого уровня. Исследовательская работа тех лет перед первой мировой войной заложила уже прочный фундамент, на котором шло широкое, разветвленное строительство в последние годы. Для того, чтобы уяснить значение и сущность этой работы, необходимо дать оценку научных достижений в области еврейской историографии 19-го века вплоть до начала 20-го века.

Еврейская историография Восточной Европы датирует с 60-х годов 19-го века. Лишь тогда появляются русско-еврейские и еврейско-польские историки, исследователи и собиратели исторических материалов. Характер еврейской историографии в Восточной Европе с самого начала сильно отличался от западноевропейской историографии. Прежде всего за это время возникли новые методы научно-исторического исследования. В них стал все заметнее выступать социологический момент. Теряет под собой почву воззрение на еврейскую историю, как на чисто духовный процесс развития. Но главное было не в методе. Самый исторический материал был совсем другой, нежели в Западной Европе. В Восточной Европе натолкнулись на ряд источников, вскрывших экономическую дифференциацию еврейской народной массы, социальные моменты в истории общин и общинных объединений (Литовского Ваада и Ваада 4-х земель). Были обнаружены пинкосы общин и обществ, особенно обществ портных, сапожников, шапочников и т. д. В городских архивах нашлись тысячи актов, свидетельствовавших об острых конфликтах между городскими магистрами и еврейскими купцами. Был обнаружен пинкос Литовского Ваада за годы 1623—1764,— исторический документ исключительно большого значения, проливающий во многих деталях свет на организацию литовского еврейства. Опираясь на такого рода материалы, еврейская историография Восточной Европы должна была охватить всю жизнь народа, его экономические интересы и социальную дифференциацию.

Вот этот большой труд по розыску и собиранию новых источников связан с С. М. Дубновым. В 1891 году он опубликовал на русском языке брошюру об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества. В 1892 году он написал небольшую брошюру на древнееврейском языке, содержавшую экстракт из русской брошюры.

Обе брошюры представляли собой призывы к еврейскому общественному мнению в России собирать исторический материал и «укладывать кирпичи в здание истории евреев в Польше и России».

Русская брошюра С. М. Дубнова начинается с формулировки программных положений о значении исторической науки. Национальное сознание может получать питание только при прогрессирующем распространении еврейского исторического знания. Именно потому, что развитие еврейства зависит в большой мере от развития еврейской историографии, последняя должна занять самое видное место в великом здании еврейской науки. Все остальные области иудаизма, как языкознание, литература, философия и т. д., являются только вспомогательными дисциплинами для историографии. Дубнов показывает, что сделано в области еврейской историографии в западноевропейских странах. Там проведена большая работа, которой западноевропейские евреи могут законно гордиться. А как же обстоит дело у нас, польско-русских евреев, с историографией? — спрашивает Дубнов. Численно мы в три раза превосходим наших западноевропейских братьев, и мы проникнуты убеждением, что близок час, когда мы нагоним их своими духовными достижениями. Что же представляет собой русско-еврейская история? Где ее начало? На какие периоды она распадается? Дубнов считает, что история евреев в Польше и России начинается около 1000-го года. Он предлагает свою периодизацию, которой он придерживался впоследствии в своих различных исторических работах. Затем он переходит к критическому обзору попыток, сделанных в области еврейской историографии в России.

В 1807 году вышла книжка Чацкого, а в 1883 году— диссертация Бершадского «Литовские евреи». В промежутке между ними, как показывает Дубнов, было немало написано о прошлом евреев Польши, России и Литвы, — но вся эта работа не имела большой научной ценности. Это происходило оттого, — думает Дубнов, — что недоставало правильной научной подготовки для серьезных исторических исследований.

В пламенных словах призывает С. М. Дубнов собирать исторические материалы. В общинах и в обществах валяются пинкосные уставы и другие документы, которые могут затеряться. Надо их собирать и снимать с них копии. Среди раввинских фолиантов, в книжках хасидов, в молитвенниках, в народных легендах и сказаниях, на могильных памятниках, в народных пес-

ниях — повсюду имеется исторический материал, который надо собрать и обработать. Дубнов намечает программу систематического собирания материалов. Ему ясно, что это не может быть делом одиночек. Должно быть создано научное учреждение, историческое общество, способное осуществить эту ответственную, сложную работу. Поэтому надо учредить еврейское историческое общество. Он предлагает разработанный план такого общества. Оно должно иметь свой журнал, издавать материалы, создать архив, музей и т. д. Дубнов заканчивает свою брошюру словами:

«Будем работать. Наша работа будет вестись на фундаменте прошлого. Но результаты этой работы будут принадлежать современности и нашему будущему. Я апеллирую к вам, благомыслящим людям, евреям и неевреям, призываю всех помочь образовать русско-еврейское историческое общество — святое для нас дело. Мы, русские евреи, покажем, что мы не только являемся ветвью самого исторического из народов, но также, что мы и сами имеем богатое историческое прошлое. Мы хотим также показать, что мы знаем цену этому богатому прошлому. Старый народ, созревший и поседевший на своем богатом опыте, не может отказаться от своего своеобразного исторического прошлого».

В те годы началось духовное движение в кругу петербургской еврейской интеллигенции. Этот круг охватил молодых и старых деятелей, впоследствии сыгравших не малую роль в истории русского еврейства. Сюда входили Максим Винавер, Генрих Слиозберг, Давид Левин из старшего поколения; были привлечены к этой группе Михаил Кулишер, Эмануил Банк, Михаил Мыш, — автор собрания законов об евреях. Во главе этой группы находился известный русско-еврейский юрист А. Я. Пассовер. Встречи происходили еженедельно по воскресеньям, и на них обсуждался вопрос, что делать в интересах русского еврейства. Был выдвинут план собирания материалов о правовом положении русских евреев.

Спустя 17 лет Винавер рассказал, как в одно из воскресений ноября 1891 года один из участников кружка, Василий Берман, извлек из кармана брошюру Дубнова, ознакомил с ней собравшихся и призвал основать историко-этнографическое общество, — на основе Дубновского плана. Винавер вспоминает, «как подхвачена была эта мысль, с какой юношеской горячностью принялись за дело и углубили эту мысль».

В ближайшее воскресенье молодые друзья собрались у Вина-

вера и постановили образовать 11 секций или комиссий. Одна секция должна была заняться историей, другая — еврейским правом, третья — вопросами эмиграции и т. д.

Историческая комиссия под руководством Винавера возглавила все начинания. Ведь Дубнов в своей брошюре указал, что история является главным элементом в здании еврейской науки. Историческая комиссия работала почти 14 лет при Обществе распространения просвещения среди евреев в Петербурге, — этой единственной разрешенной правительством еврейской культурной организации.

Историческая комиссия занялась главным образом изучением сотен книг исторических документов с тем, чтобы извлечь из них сведения об евреях. Эти сведения обрабатывались в форме так называемых «регестов» в хронологическом порядке. В 1901 году вышел в печати первый том «Регестов и надписей». Два следующих тома были напечатаны в 1910 и 1913 годах. Бершадский и философ-гуманист Владимир Соловьев чрезвычайно заинтересовались работой исторической комиссии. Бершадский передал комиссии копии актов, обследованных им в разных архивах. Историческая комиссия собирала также материал из древнееврейских источников и обрабатывала его в форме регестов. Комиссия собрала немало пинкосов. Самый существенный из них был пинкос Литовского Ваада. В Гродно, одной из пяти главных общин Литвы, оказалась копия пинкоса, которая и перешла в руки исторической комиссии.

В этой комиссии читались рефераты на различные темы. Выступали известный ученый А. Я. Гаркави, доктор Л. И. Каценельсон (Буки-бэн-Иогли), Михаил Кулишер, Юлий Бруцкус, а также и русские ученые и писатели — Владимир Соловьев, проф. Погодин, Влад. Стасов, опубликовавший вместе с бароном Давидом Гинцбургом «Еврейские орнаменты», — серьезный материал к характеристике еврейского искусства в средние века. Историческая комиссия стала как бы духовным еврейским центром в Петербурге. Благодаря Винаверу имеется описание деятельности этой комиссии: в 1908 году он опубликовал этюд «Как мы занимались историей».

Последнее заседание комиссии произошло 8 января 1905 года. Это было время «взволнованных слухов и предположений» о предстоящих политических событиях. — Наступали кануны революции...

В упомянутом этюде Винавер указывает: «Мы формулировали нашу задачу следующим образом: когда кругом спокойно, в

мирное время, нужно учиться и научно работать. Но когда приходит война, приходится удерживать позицию теми же силами, которые раньше занимались мирным трудом».

Перед русским еврейством встала задача вести борьбу за свои права, за равноправие. Все члены исторической комиссии во главе с Винавером устремились к этой борьбе. В бурные годы уже не было времени для спокойной научной деятельности, для углубленной работы над документами. В такое время не было возможности писать историю. Надо было «делать историю». Но это положение длилось недолго. В октябре 1905 г. в сотнях городов и местечек пролилась еврейская кровь. Весь 1906 год прошел под знаком борьбы молодой свободолюбивой России против старых темных сил, но уже в 1907 году реакция справляла свою полную победу. В 1908 г. мы видим наших еврейских политических борцов, вновь занявшихся еврейской историей.

В ноябре 1908 г. было учреждено в Петербурге Еврейское Историко-Этнографическое Общество. Учредителями Общества были члены историко-этнографической комиссии во главе с М. Винавером, С. Дубновым и другими. Архив и издания комиссии перешли во владение Общества. К концу первого года существования Общество имело 350 членов в Петербурге и в других городах России.

Председателем Общества был Максим Винавер, одна из центральных фигур в русском еврействе, один из лучших ораторов Первой Государственной Думы, знаток исторической литературы, но прежде всего — непревзойденный председатель. Было подлинным наслаждением участвовать в заседаниях под его председательством. Он умел оживить, сделать интересным любое заседание, даже посвященное техническим, административным делам. Что же сказать о его резюме рефератов в историческом обществе? Тут мы имели удовольствие поражаться его сильному юридическому уму, изяществу его анализа, с которым он вникал в идеи реферата и в доводы оппонентов, и таланту, с которым Винавер резюмировал самые существенные выводы референта и всей дискуссии. Эти вечера я не забыл до сих пор. Навсегда врезалось в мою память время моего сотрудничества с Максимом Винавером.

Первым вице-председателем Общества был С. Дубнов. Вторым вице-председателем — Михаил Кулишер, старшина всего кружка, исключительно привлекательный человек. Он владел знаниями в самых разнообразных областях. Его труды по этно-

графии и антропологии пользовались известностью и за пределами России (даже в Америке). Он изучал также проблемы археологии, экономической истории и народной психологии. Прочтенные им у нас рефераты, — о евреях на Украине в 17 веке, об отношении старой московской власти (17 и 18 веков) к еврейскому вопросу, о законодательстве царского режима и пр. были всегда очень интересны, уже по самой постановке проблемы, какую давал Кулишер. Он всегда уделял внимание хозяйственным и демографически-статистическим факторам, той роли, которую они играли в еврейской жизни.

Другой тип ученого представлял собой Сальвиан Гольдштейн, скромный человек, очень мало знакомый широкой публике. Как и Винавер, он происходил из Варшавы, окончил Технологический Институт в Петербурге, — из практических соображений, — и одновременно обучался в Императорском Археологическом институте, ибо его с юных лет интересовало изучение старинных исторических документов. По окончании института, несмотря на свое еврейство, он был оставлен при нем. По внешности он напоминал польского ксендза, жил аскетом. Вся квартира его была уставлена старыми книгами, — польскими, латинскими, литовскими и др. Кажется, он оставался холостяком до самой смерти. Единственной привязанностью его были старые фолианты. Гольдштейн перенял архив Бершадского, — сотни документов, собранных им. Гольдштейн был архивариусом нашего общества.

С особенно большой грустью я вспоминаю другого члена Комитета, Александра Исаевича Браудо. Он был историком, директором крупного отдела Императорской Публичной Библиотеки в Петербурге, известного под наименованием «Россика». Браудо имел связи во всевозможных кругах, как правых, так и левых. Он был в состоянии раздобыть важные материалы по актуальным вопросам, напр., о расследованиях русских сенаторов о причинах и характере погромов. Браудо был также, так сказать, офицером связи между русскими и западными евреями. Он информировал Hilfsverein немецких евреев в Германии, руководящие еврейские круги в Париже и Лондоне о событиях в России, — ибо многого нельзя было осветить в печати из-за цензуры. Браудо был человек большого ума, дипломатических способностей, и добрый, верный товарищ.

Не могу я также забыть нашего «этнографа» Льва Штернберга с его горячим еврейским сердцем. Студентом он примкнул к «Народной Воле» и был сослан на Сахалин. Подобно другим ка-

торжникам и ссыльным, он изучал там языки туземцев и, став специалистом по этой части, получил разрешение вернуться в Петербург и затем работал в Академии Наук. У нас в Обществе он занимался проблемами еврейской этнографии. Впоследствии, после отъезда С. Дубнова из Петербурга, Штернберг стал председателем Историко-Этнографического Общества.

Своеобразной фигурой был Леопольд Сев, высоко одаренный и разносторонне образованный человек с большим интересом к истории искусства. Он был одним из редакторов трехтомного издания — «Регестов и надписей», изданных обществом. Позже в эмиграции он разработал вместе с моей женой и мною план издания художественных журналов «Римон» и «Милгрим».

Если я не ошибаюсь, в состав комитета входило 12 человек. Я должен назвать Юлия Осиповича Гессена, автора ряда серьезных трудов по истории русского еврейства, основанных на богатом архивном материале. Аркадий Горнфельд, известный литературный критик журнала «Русское Богатство», был также активным членом комитета. Вспоминаю и Михаила Сыркина. Оба они с большим усердием работали в редакции регестов. Был среди нас еще и Моисей Львович Тривус, общественный деятель и публицист, сотрудник «Восхода» (под псевдонимом «Шми»).

Я был самым молодым в комитете. И я сохранил глубокую признательность ко всем моим старшим коллегам, особенно к Дубнову.

С. М. Дубнов был редактором журнала «Еврейская Старина». 10 томов, вышедших под его редакцией, представляют собой замечательный вклад в еврейскую историографию в России. Кроме русских историков Дубнов привлек к сотрудничеству трех галицийских исследователей, Моисея Шора, Мейера Балабана и И. Шипера. Я их сосватал с журналом, послав Балабану и Шиперу приглашение работать в «Еврейской Старине». Дубнов вел свою работу с большой преданностью делу. День, когда выходила книга журнала (4 книги в год), был для него подлинным праздником. Однажды, когда ему пришлось прервать свою работу и поехать в Финляндию на отдых на продолжительное время, — помню, с каким тревожным чувством он передал редакцию текущей работы Севу, Юлию Гессену и мне, — как бы говоря нам: «берегите мое дитя»...

М. А. АЛДАНОВ

РУССКИЕ ЕВРЕИ В 70–80-х ГОДАХ

(ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

Будет вполне естественно, если будущие историографы русской интеллигенции, как дружески расположенные к евреям, так и антисемиты, начнут новую главу ее истории с тех лет, когда евреи стали приобщаться к русской культуре, так как роль евреев в культурной и политической русской жизни в течение последнего полстолетия была очень велика. Главу эту следует начинать с конца 70-х и начала 80-х годов минувшего века.

Целое поколение русских евреев к этому времени уже принимало участие в русском революционном движении, хотя их роль в движении была незначительной. Среди революционеров конца 70-х годов евреи были, но численно их было немного, и командных высот в русском революционном движении они не занимали — может быть, за единственным исключением Марка Натансона-Боброва, который был фактически руководителем «кружка чайковцев» и одним из учредителей «Земли и Воли». Другие евреи-революционеры, — Зунделевич, Иохельсон, Аптекман, Арончик, Геся Гельфман, Гольденберг, Златопольский, Дейч — были видными участниками движения, но не были вождями революционной партии.

Относительно второстепенная роль, которую евреи играли в революционном движении того времени, объясняется, разумеется, прежде всего тем обстоятельством, что лишь незадолго до того евреи вообще стали приобщаться к русской культуре. Но тут действовали и другие причины. Русские евреи в то время гораздо меньше ненавидели царя и царское правительство, чем в последние годы.

Александр II не был антисемитом. Можно, пожалуй, при желании даже сказать, что он был расположен к евреям, особенно в первую половину своего царствования. В законах о судебной

реформе, осуществленной в 1864 г., не имеется нигде каких-либо ограничений для евреев. В училища и гимназии евреи тогда принимались на равных правах с другими учащимися. Евреи имели право держать экзамены и получать офицерские чины. Они также могли получать дворянское звание и нередко получали его. Получив чин действительного статского советника или тайного советника, орден св. Владимира или первую степень какого-нибудь другого ордена, еврей тем самым становился дворянином.

Несправедливости для евреев были связаны с отбыванием воинской службы. Немногим известно, что при Николае I евреев солдат было пропорционально больше в отношении численности еврейского населения, чем солдат-христиан, так как при рекрутском наборе евреи обязывались поставлять десять солдат на тысячу, а христиане — только семь. Этим объясняется, что в войнах 1828, 1830 и 1854—55 годов принимало участие очень много евреев. Но с введением всеобщей воинской повинности эта несправедливость отпала. Почти все позднейшие ограничения евреев были проведены уже в царствование Александра III.

Можно во всяком случае утверждать, что в эпоху Александра II вся богатая еврейская буржуазия была совершенно лояльно настроена по отношению к монархии. Именно в это время создались крупные состояния Гинцбургов, Поляковых, Бродских, Зайцевых, Балаховских, Ашкенази. В начале царствования Александра II откупщик Евзель Гинцбург основал в Петербурге свой банк, который вскоре занял в столице первое место в банковской сфере, занимавшееся до того банком баронов Штиглиц. Владелец нового банка стал гессенским консулом в Петербурге, и он оказал немало услуг гессенскому великому герцогу в Дармштадте. За это Гинцбурги получили в 1871 г. от великого герцогства баронский титул. Супруга Александра II была сестрой великого герцога, и Александр II, который никогда ни в чем не отказывал своим бедным немецким родичам, немногим позже, по просьбе великого герцога, утвердил баронский титул Гинцбургов и в пределах России. Дом барона Горация Гинцбурга, второго члена баронской династии, посещали выдающиеся представители русской интеллигенции: Тургенев, Гончаров, Салтыков, братья Рубинштейны, Спасович, Стасов. Гораций Гинцбург поддерживал добрые отношения с высшей аристократией и даже с некоторыми членами царствующего дома, особенно с принцем Ольденбургским.

Почти в то же время другой еврей, Самуил Поляков, приступил к сооружению железных дорог. Он построил шесть железнодорожных линий. В последние годы три брата Поляковы стали потомственными дворянами и тайными советниками. И Гинцбурги, и Поляковы жертвовали крупные суммы на различные учреждения и на благотворительность. Гораций Гинцбург был одним из учредителей Института Экспериментальной Медицины и Археологического Института. Поляковы жертвовали на лицей цесаревича Николая, на училище Дельвига, на Дом студента имени Александра Второго. Поляковы пожертвовали не менее двух миллионов рублей на благотворительные цели. Эти евреи искренно любили царя и горько плакали, когда первого марта он был убит.

Как бы странно это ни звучало, но так же были настроены и многие бедные евреи, которые не пользовались никаким почетом, не получали ни титулов, ни медалей. Русско-еврейский писатель Лев Леванда (автор весьма плохих романов на русском языке: «Горячее время», «Исповедь дельца», «Большой проигрыш») отнюдь не был состоятельным человеком, но в 60-х годах он был стопроцентным монархистом. При Муравьеве в 1864 году он был редактором «Виленских Губернских Ведомостей», что было бы абсолютно невозможно во времена Александра III или Николая II. Леванда писал в высшей степени консервативные и даже реакционные статьи, подчас вызывавшие решительное возмущение в русской либеральной печати.

Не следует думать, что это был еврей-выкрест вроде Брафмана.[1] Напротив, Леванда подчеркивал свою принадлежность к еврейству. Защищая в своих книгах и статьях евреев, он в то же время отмечал их приверженность царскому трону — в противоположность всему тому, что делают поляки. Одна из его статей даже привела в восторг известного реакционного журналиста Каткова, писавшего, что в евреях «Россия могла бы приобрести полтора или два миллиона преданных и лояльных граждан». Правда, Катков при этом выдвинул неожиданное и, можно сказать, нелепое в устах такого умного человека условие: «чтобы евреи молились на русском языке»!

Один из романов Леванды «Горячее время» заканчивается призывом к евреям: «Пробудитесь под скипетром Александра II!» В Советской России вышла небольшая биография Леванды,

---

[1] Автор антисемитской «Книги кагала».

принадлежащая перу Бухбиндера, и, к удивлению, биография эта написана в сочувственном тоне...[2]

Я не взялся бы обосновать эту мысль, но думаю, что и евреи-революционеры в ту пору не испытывали к Александру II той ненависти, которую испытывали к нему некоторые русские террористы-дворяне, как Герман Лопатин, Екатерина Брешковская или Вера Фигнер. Социал-психолог мог бы тут заметить, что революционеры, вышедшие из народных низов, сохранили в глубине своей души память о том, что все же Александр II освободил крестьян от рабства, — в то время, как для русских дворян цареубийство было в какой-то мере «традицией» (вспомним судьбу Петра Третьего и Павла Первого). Бесспорно, однако, что несколько евреев, принимавших участие в покушении на жизнь Александра II, сочли нужным подчеркивать, что в их мировоззрении доминировал социалистический, а не революционный и террористический элемент. Так, например, известный народоволец Арончик, участник покушения на взрыв царского поезда под Москвой в 1879 году, заявил на суде:

— Я никогда не разделял и сейчас не разделяю принципиальных положений фракций «Народной Воли» и «Черного Передела». В основе той и другой программы лежит стремление провести революцию в России. Но, по моему мнению, революция вообще может явиться только в результате известных условий и делать ее невозможно... Я должен в то же время признать, что по своим убеждениям я — социалист, но, повторяю, я — не революционер.

Я думаю, что это заявление было искренним и что оно не было вызвано стремлением облегчить свою участь. Арончик, скончавшийся в заключении в Шлиссельбургской крепости, был человек с характером. Он был также образованным человеком, в частности, изучал различные формы транспорта.

По-видимому, у многих революционеров-евреев было на первом плане стремление к социальной справедливости, укрепившееся в них от сознания, в каких тяжких экономических условиях находилась в России преобладающая часть еврейского населения. Нужно сказать, что даже русская полиция тогда не рассматривала евреев, как специфически революционный элемент. Еврей-революционер Иохельсон передает в своих воспомина-

---

[2] Л. О. Леванда впоследствии принимал участие в прогрессивной русско-еврейской печати и стал палестинофилом. *Ред.*

ниях, что при нелегальном переходе через границу он и его друзья обычно пользовались евреями-контрабандистами, особенно, известным контрабандистом Залманом. Когда надо было переправлять неевреев, Залман их обычно гримировал под евреев. Тогда они вызывали меньше подозрений.

Я абсолютно не склонен все это изображать, как идиллию. Экономическое положение еврейских народных масс при Александре II было ужасно. Но, по-видимому, евреи обладают двумя характерными особенностями: стремлением к социальной справедливости и чувством благодарности, — или по меньшей мере отсутствием слишком острой враждебности к тем властителям, которые проявляют к ним доброту или просто терпимость.

Так, например, прежде чем Муссолини стал вести антисемитскую политику, или пока он в частных беседах, например, с Эмилем Людвигом, не жалел любезных слов по адресу евреев, — до тех пор в рядах передовой еврейской интеллигенции в Италии было много фашистов. И в старой империи Габсбургов, — не только при дружественном евреям Иосифе Втором, но также при жизни его матери Марии Терезии, которая весьма мало любила евреев, но отношение которой к евреям еще можно было выносить, особенно к концу ее царствования, — евреи оставались усердными сторонниками династии. Известный главный раввин Праги Иехезкл Ландау, прадед пишущего эти строки, был подлинной крепостью консерватизма. Он был политическим и теологическим противником либералов, во главе которых стоял тогда Моисей Мендельсон. На похоронах королевы пражский раввин произнес пламенную монархическую речь. У моего отца в библиотеке находилось письмо канцлера Марии-Терезии, графа Кауница, адресованное этому реакционному раввину. О нем существует обширная, но малоизвестная литература, к которой я не имел доступа.

Испанские евреи боготворили короля Альфонса Мудрого, одна треть армии которого состояла из евреев. Евреи оплакивали убитого Юлия Цезаря. Так было во все времена и в разных странах...

После убийства Александра II русский трон занял его сын, Александр III. Это был очень ограниченный, малообразованный человек, который до конца своей жизни не выучился правильно писать на каком-либо языке, в том числе и по-русски. Он был настоящим антисемитом, и, кажется, в этом отношении он занимал первое место среди русских царей и императоров после Елизаветы Петровны.

Я не включаю сюда Ивана Грозного, который после взятия Полоцка на вопрос своих воевод, что делать с полоцкими евреями, отдал приказ: «тех, кто готовы креститься, — крестите, а тех, кто не хочет креститься — утопите в реке Полоте». Но этот талантливый царь совершал еще много больше чудовищных жестокостей над своим собственным народом.

При Александре III начались погромы, издавались антисемитские законы и вводились правовые ограничения против евреев. Эта полоса вызвала всеобщее разочарование и среди представителей еврейской буржуазии, и среди привилегированных элементов. Часть их пыталась, правда, без большого успеха, сохранить свои верноподданнические позиции. Кое-кто пытался возложить ответственность за гонения на революцию. Однако, это еще было бы возможно и естественно даже при Александре II, но стало просто смешным при его преемнике. Привязанность к Александру III даже еврейских магнатов выглядела бы «односторонней», без малейшей встречной приязни. Об отношении к режиму со стороны еврейской интеллигенции и говорить нечего. Следы этого жестокого разочарования можно легко обнаружить у еврейских писателей того времени, у Богрова, у Бен-Ами, который, по словам его биографа, стал мизантропом и нашел единственное свое утешение в религии, в «поразительных звуках божественного гимна «Кол-Нидрей», в этом великом произведении искусства еврейской литургии, которая заставляла трепетать до самых глубин сердца, способные чувствовать».

Для евреев-революционеров положение особенно осложнилось после того, как надежды на успех революции рухнули. «Народная Воля» была разгромлена после занятия трона Александром III.

От редакции: Исторический этюд М. А. Алданова приводится нами в извлечении в переводе с еврейского из газеты «Форвертс» от 7 июня 1942 г. Нью-Йорк. Русский оригинал манускрипта нам не удалось получить.

Я. Г. ФРУМКИН

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ЕВРЕЙСТВА

(ВОСПОМИНАНИЯ, МАТЕРИАЛЫ, ДОКУМЕНТЫ)

Последующие строки посвящены преимущественно борьбе русских евреев за равноправие и защите их от преследований.

Как член Политического Бюро при евреях-депутатах 4-ой Государственной Думы, я уделял особое внимание состоявшему при нем информационному бюро. Большая часть приведенных мною материалов и документов в свое время была собрана этим информационным бюро.

Как видно из заглавия, статья моя отнюдь не претендует на полное и исчерпывающее освещение вышеуказанной темы. Я лишь рассказываю в ней о событиях и встречах, особенно ярко запечатлевшихся в моей памяти.

1

ОТ НАЧАЛА ВЕКА ДО СОЗЫВА 1-ой ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Весной 1897 г. я кончил курс Ковенской гимназии и осенью того же года был принят в число студентов Юридического факультета С. Петербургского Университета. Я вскоре примкнул к еврейскому студенческому кружку, членами которого были, между прочим, Григорий Адольфович Ландау, один из самых выдающихся людей, с К9то-рыми мне привелось встретиться на моем жизненном пути, Иосиф Михайлович Кулишер, ставший всемирно известным экономистом, С. Л. Каменецкий, впоследствии секретарь Общества распространения просвещения между евреями в России, и С. Я. Яновский — известный своими трудами по статистике евреев в России. Члены кружка время от времени читали доклады на его собраниях и я избрал темой моего доклада еврейские хедера. Материалом для этого доклада

послужило обследование мною нескольких десятков хедеров, которое я произвел в один из моих приездов в Ковно, куда я обычно ездил на каникулы.

Хедерам русско-еврейская интеллигенция уделяла очень мало внимания, несмотря на то, что численно подавляющая часть подрастающего еврейского населения в них обучалась. К ним обычно огульно относились отрицательно. Я сам в хедере не обучался. Среди хедеров были уже и такие, которые в некоторой мере усвоили современные методы преподавания. В них дети обучались грамматике, и ознакомление с древнееврейским языком производилось приблизительно таким образом, как преподавался, например латинский язык в гимназиях. Но в большинстве хедеров преподавание велось методами, веками для хедеров установленными.

Лишь только ребенок был обучен чтению, меламед заставлял его читать и понимать Библию, конечно, в оригинале на древнееврейском языке, который отнюдь не являлся родным языком детей — которым был идиш, в то время называвшийся жаргоном. Среди хедеров попадались и плохие, в некоторых ученики медленно успевали. Но в большинстве хедеров успехи учеников показались мне поразительными. Почти всюду мальчики 8 лет уже не только читали Библию, понимали ее текст, но также читали и понимали комментарий Раши, нелегко понимаемый и притом написанный совершенно другим шрифтом и на языке, отличном от языка Библии.[1] Я пришел к выводу, что для; еврейских мальчиков темп обучения в общих школах едва ли не слишком для них медленный, и что еврейские мальчики в общих учебных заведениях не страдают от переутомления, а скорее, так сказать, от недоутомления. Я ознакомил моих товарищей по кружку с моими наблюдениями и выводами и помнится, доклад мой вызвал удивление.

Весной 1902 года «за участие в разлитии легко испаряющихся вредных для здоровья химических припасов» я был исключен из университета без права поступления в какое-либо учебное заведение. Кстати сказать, обвинение это было ложным — я химической обструкцией не занимался. Правда, я уговаривал профессоров, шедших читать лекции, от этого отказаться ввиду того, что студенты постановили закрыть университет, протестуя против избиения их полицией 8 февраля 1902 г.,

---

[1] О достижениях 13-летних мальчиков в ешиботах говорится в статье А. Менеса в настоящей книге.

но как раз в этом я обвинен и уличен не был. Ряд профессоров хлопотал перед ректором об отмене постановления о моем исключении, бывшем особенно суровой карой, потому что исключен я был за неделю до того, как имел получить так называемое выпускное свидетельство и приступить к государственным экзаменам. Ректор им отвечал, что странным образом профессора обо мне очень хорошего мнения, а педеля — очень плохого. Победили педеля, исключение осталось в силе, и я был выслан из Петербурга.

Я отправился в Гейдельберг, где записался в студенты на летний семестр, по окончании которого я вернулся на родину — в Ковно. По приезде туда я узнал, что в предместье Ковно, так называемой Вильямпольской Слободе, преимущественно населенной евреями (где впоследствии при Гитлере было Ковенское гетто), — голод. Почти все жители «Слободки», как это предместье обыкновенно называли, жили сплавом леса плотами — их называли «консортниками». Зима в 1902 году была исключительно бесснежная. Отсутствие снега мешало привозу леса к рекам и «консортники» остались без заработка. Все запасы были съедены, все скудные сбережения истрачены. Близилась зима и население не имело средств для закупки топлива. Необходима была организация немедленной помощи и ничего в этом отношении не предпринималось.

Прессы в собственном смысле в Ковно в то время не было. Единственным органом печати было выходящее два раза в неделю «Прибавление» (так оно и называлось) к Ковенским Губернским Ведомостям. Редактором был правитель канцелярии губернатора С. П. Белецкий — впоследствии директор Департамента Полиции и товарищ министра внутренних дел. В то время Белецкий был еще в стадии либеральничания. Он был ответственным устроителем студенческих вечеров и жаловался на то, что после каждого вечера жандармский полковник производит дознания, так как студенты в задних комнатах помещения, где происходили вечера, поют революционные песни, а это—боялся он — отразится на его карьере.

Я принес Белецкому статью, описывавшую положение населения «Слободки» и призывавшую к организации немедленной помощи. Статья эта появилась в ближайшем номере «Прибавления»—и через несколько дней я, «лишенный столицы», исключенный с «волчьим билетом» студент, получил приглашение от Ковенского губернатора принять участие в совещании, им созываемом, для обсуждения мер помощи населению Вильямполь-

ской Слободы. В совещании приняли участие Ковенский городской голова, правитель канцелярии губернатора Белецкий, а также ряд еврейских деятелей, стоявших во главе еврейских благотворительных учреждений. Открывая заседание, губернатор Эмануил Александрович Ватаци предложил организовать Комитет помощи населению Слободки, избрать его председателем известного еврейского общественного деятеля и врача, доктора И. А. Фейнберга, делопроизводителем С. П. Белецкого, а секретарем меня. Вместе с тем он сделал ряд предложений о том, как эта помощь должна производиться. Все эти предложения были встречены, можно сказать, с умилением. Я попросил слова и, к ужасу присутствующих, подверг критике предложения губернатора. Ватаци ответил, что он отнюдь не навязывает Комитету своих взглядов и что Комитет обсудит его предложения и мои возражения. На следующее утро Белецкий рассказал мне, что Ватаци ему сказал, что что бы он ни сказал, все присутствующие, кроме меня, приняли бы без возражений и что он очень приветствует, что я критически отнесся к его предложениям и полагает, что сказанное мною не лишено оснований.

Комитет приступил к работе. Я начал с того, что организовал перепись населения Слободки. Карточки этой переписи я впоследствии передал С. Я. Яновскому, который разработал, как статистик, этот материал и опубликовал на его основании статью. Комитетом были гораздо более выгодно, чем это могли бы сделать сами жители, приобретены запасы картофеля и дров для топлива. Был образован Комитет из жителей Слободки, который при моем участии распределял картофель и дрова. Все это финансировалось как пожертвованиями, так и ассигнованиями из пресловутых остатков из сумм коробочного сбора, разрешенными благодаря благожелательному отношению губернатора.

В начале 1901 года убитого проф. Боголепова сменил на посту министра народного просвещения генерал Вановский, бывший военный министр. Человек весьма правых убеждений, он однако парадоксальным образом оказался много более либеральным министром народного просвещения, чем его предшественник. Новый министр впоследствии распорядился, чтобы исключенные из университетов студенты 4-го курса, которым через короткое время после их исключения были бы даны выпускные свидетельства, были допущены к государственным экзаменам. До них оставалось немного времени, надо было проделать всякого рода формальности и мне было необходимо возможно

скорее поехать в Петербург. Не без грусти оставлял я работу по Комитету помощи жителям Слободки. Я сообщил о моем предстоящем отъезде Белецкому, который мне сказал, что мне следует непременно зайти к губернатору, чтобы откланяться. Видя, что я колеблюсь, он убедил меня доводом, что это в интересах дела, так как от благожелательного отношения губернатора зависят дальнейшие ассигновки из остатков коробочного сбора и содействие всякого рода работе Комитета. Он советовал мне пойти в ближайший приемный день на прием к губернатору, заверив меня, что я буду хорошо принят. Я так и поступил и, к моему удивлению, был принят губернатором вне очереди не смотря на то, что в приемной ждал приема ряд чиновников.

Ватаци стал благодарить меня за столь полезную работу, мною проделанную. Я ответил, что вполне отдаю себе отчет в том, что существенной пользы моя работа не принесла, что мы занимались литьем воды в бездонную бочку. На его удивленный вопрос, почему я так думаю, я ответил, что поскольку будет в силе законодательство, ограничивающее евреев во всех правах, всякие меры к улучшению экономического положения еврейского населения длительного успеха иметь не могут. Он с большим интересом стал беседовать со мной на тему, мною затронутую, и тут же спросил, когда я уезжаю. Узнав, что я уезжаю на следующий день, он спросил меня, не смогу ли я придти к нему в 8 часов вечера на чашку чая, так как он хочет, не будучи ограничен во времени, со мной побеседовать, а ведь в приемной ждала толпа народа. Я в условленное время пришел и беседа наша затянулась до часу ночи. Меня удивило вдумчивое отношение Ватаци к затронутым вопросам. Я был в особенности поражен его пониманием того, что местечковые евреи — будучи помещиком Могилевской губернии (кстати сказать, соседом по имению С. Н. Прокоповича и Е. Д. Кусковой[2]), он имел случай с ними соприкасаться, — по существу в большинстве своем являются людьми, стоящими на сравнительно высоком культурном уровне. Культура их, правда, чужда европейской, но нельзя отрицать, что они культурно стояли в большинстве выше тех становых приставов и урядников, сказал он, которые склонны смотреть на них, как на дикарей.

Впрочем, в извинение приставов и урядников, должен сказать, что такие же взгляды можно было встретить и у евреев, в

---

[2] Ек. Дм. Кускова писала о Ватаци очень хвалебно в своих статьях в «Новом Русском Слове».

особенности, выросших вне черты оседлости, да и не только у них. В частности, было почти общепринято считать, что евреев, умевших читать только по-еврейски, надо считать безграмотными. Это между прочим отразилось и на результатах переписи 1897 года. Несмотря на то, что по правилам переписи, лица умеющие читать на *каком-либо* языке, должны были считаться грамотными, во многих случаях лишь умеющие читать по-русски вносились счетчиками как грамотные. Процент евреев, не умеющих читать по-еврейски, в России был весьма невелик, много меньше процента «безграмотных» евреев по материалам переписи.

Мне часто после этого приходилось приезжать в Ковно. Ватаци, узнавая о моем приезде, приглашал меня на чашку чая. Беседы наши касались преимущественно еврейского вопроса, но затрагивались и вопросы общей политики. Одна из этих моих бесед с Ватаци имела место через некоторое время после процесса о Кишиневском погроме. Мы говорили об адвокатах, выступивших в процессе и я, помнится, особенно хвалил речь С. Е. Кальмановича. Я спросил Ватаци, хотел ли бы он прочесть эти речи (дело слушалось при закрытых дверях и в печати содержание речей не появлялось). Ватаци ответил, что с большим интересом прочел бы их. Я вытащил из кармана номер «Освобождения» с речами. И он тут же прочел речи и вернул мне журнал.

С Ватаци мне пришлось впоследствии неоднократно видеться и в Петербурге. Так в начале 1904 года Ватаци приехал в Петербург, будучи назначен членом Комиссии под председательством Харьковского губернатора кн. Оболенского для пересмотра законодательства об евреях. Он по приезде снесся со мной, и мы условились, что он ежедневно будет давать мне список вопросов, которые на следующий день будут обсуждаться в Комиссии, а я буду снабжать его материалом по этим вопросам. Я обратился к помощи Г. Б. Слиозберга и его бывшего помощника, прис. поверенного М. Г. Айзенберга, большого знатока законодательства об евреях и сенатской практики по нему, и мы втроем составляли ежедневно записки, которые я передавал Ватаци.

В качестве курьеза отмечу, что бывший Кишиневский губернатор кн. Урусов в своих вышедших в 1908 г. «Записках Губернатора» писал об еврейской комиссии, членом которой он состоял, что «единственными осведомленными в истории вопроса лицами явились среди нас князь Оболенский, Лопухин

(директор Департамента Полиции) и Ватаци; остальные большей частью бродили во тьме, не имея определенного взгляда».[3]

Ватаци о своих беседах со мною рассказывал Виленскому Генерал-Губернатору, кн. Святополку-Мирскому и предложил мне, когда я буду в следующий раз в Вильне, повидать кн. Святополка-Мирского. В один из моих приездов в Вильну я позвонил в канцелярию ген.-губернатора и попросил о назначении мне времени, когда я смогу быть принятым кн. Святополк-Мирским. Прием мне был назначен на следующий день в 12 час. дня, а утром я прочел в газете об убийстве Плеве. Я позвонил секретарю кн. Святополк-Мирского и высказал предположение, что прием не состоится. Но секретарь сказал мне, что князь в соборе на панихиде, но к 12 часам вернется, что он меня ожидает и никаких распоряжений об отмене моего посещения не сделал.

Когда я явился в назначенное время, кн. Святополк-Мирский сразу же заговорил об убийстве Плеве — событии, которое, по моему впечатлению, не очень его опечалило. Он сказал мне, что, вероятно, на место Плеве будет назначен Витте, который вызван государем из Берлина, где он вел переговоры о торговом договоре. При этом он рассказал, что он получил телеграмму от Витте с просьбой встретить его на вокзале в Вильне и, сев к нему в поезд, поехать с ним до Двинска, и что он это и сделает.

Через некоторое время после этого мне опять пришлось быть в Вильне. Тем временем заместителем Плеве был назначен сам кн. Святополк-Мирский, не успевший однако еще покинуть Вильну.

Я опять его посетил и прежде всего поздравил с назначением. Он ответил: «С чем вы меня поздравляете? Я подписал большой вексель, а чем платить буду, ей Богу, не знаю». После некоторой паузы он сказал: «Я думаю поступать по-докторски: русское общество изнервничалось, ему надо дать брому, много брому». Я сказал, что бром болезней не лечит и является лишь паллиативом, и что болезнь России серьезная. Ей бромом не поможешь — здесь нужны хирургические методы лечения... «Будущее покажет», сказал он мне в ответ.

Вступление кн. Святополк-Мирского в должность в обществе и печати было охарактеризовано, как начало «весны». Едва ли не первым публичным выступлением нового министра

---

[3] Кн. Урусов, «Записки губернатора», стр. 237.

внутренних дел было интервью, данное им еще в Вильне, представителю американской Associated Press Говарду Томсону, в котором он, между прочим сказал: «...Есть и другие весьма важные задачи внутренней политики, например, еврейский вопрос, который меня сильно интересует. Я внимательно изучил его серьезный характер и знаю, как трудно его разрешить. Недавний манифест Государя Императора расширил их права относительно черты оседлости и права избрать занятия. Однако, положение беднейших классов еще очень тяжелое. Они ограничены правом пребывания в городах и местечках в пределах черты оседлости. Лучшее, что я могу для них сделать, это дать им широкий выбор способа существования и работы».

Как свидетельствует Витте в своих воспоминаниях, этот не имевший прецедента факт, что вновь назначенный министр даже до вступления в должность дал интервью иностранному журналисту, — вызвал крайнее неудовольствие влиятельных придворных кругов.

* * *

По предложению кн. Святополк-Мирского Ватаци был немедленно назначен на должность директора Департамента общих дел Министерства Внутренних Дел. При первой моей встрече с Ватаци в здании Министерства Внутренних Дел на Театральной улице — он сказал мне, что был бы мне благодарен, если бы я доставлял ему номера «Освобождения» по мере их выхода, что я и делал. Он сказал, что, конечно, мог бы получать «Освобождение» через Департамент Полиции, но предпочел бы туда за этим не обращаться.

Забегая вперед, скажу, что Ватаци остался директором Департамента Общих Дел и после оставления кн. Святополк-Мирским в начале 1905 года поста министра внутренних дел. Через некоторое время Ватаци был назначен товарищем министра внутренних дел. Думаю, что он был обязан этим П. А. Столыпину, в карьере которого он сыграл значительную роль. Как Ватаци рассказывал мне еще в бытность Ковенским губернатором, он получил запрос из министерства внутренних дел о том, считает ли он П. А. Столыпина квалифицированным для занятия поста губернатора. Столыпин был Ковенским Предводителем дворянства по назначению, пост, после которого носитель его обычно назначался губернатором. Столыпин чуть ли не 15 лет состоял в этой должности, сказал мне Ватаци, а назначения

губернатором не получает, так как все его, Ватаци, предшественники давали на запрос о пригодности Столыпина отрицательный ответ. Он же, Ватаци, не видит основания к такому отношению и ответил на запрос в положительном смысле и думает, что Столыпин скоро назначение в губернаторы получит. Так оно и случилось. Столыпин был назначен Гродненским губернатором. Реакция ковенцев на это назначение лишний раз подтверждает, что «нет пророка в своем отечестве». Видный ковенский еврейский общественный деятель И. Б. Вольф высказал мне свое удивление словами: «какое у нас правительство, если такого человека можно произвести в губернаторы». — Нужно добавить, что Столыпин не был антисемитом и, в частности, хорошо относился к И. Б. Вольфу. В городе с иронией говорили, что Столыпин усердно изучает речи великих ораторов, начиная с Демосфена и Цицерона. Ковенский городской голова Бржозовский, в связи с назначением Столыпина, рассказывал мне, как предшественник Ватаци, Суходольский, в заседаниях всегда провоцировал Столыпина произносить речи, к чему тот был склонен, и этим вызывал улыбки присутствующих. А ведь не может подлежать сомнению, что Столыпин был одним из самых выдающихся государственных деятелей думского периода царской России.

Ватаци был впоследствии назначен помощником Наместника на Кавказ, где, как писала Ек. Дм. Кускова в статье в «Новом Русском Слове», очень плодотворно действовал. Он умер в большевистской тюрьме.

* * *

Я упомянул выше, что весной 1903 года я из Ковно поехал в Петербург, чтобы сдать Государственный экзамен. Вскоре после моего приезда русские евреи, да и евреи всего мира, — как и не евреи, — были потрясены сообщениями о погроме в Кишиневе 6 и 7 апреля 1903 года.

В течение 20-и лет еврейских погромов в России не было. По жестокости и числу жертв Кишиневский погром превзошел погромы начала 80-х годов. Погром этот был попыткой министра внутренних дел Плеве — он был директором департамента полиции во время погромов 80-х годов — бороться с участием евреев в революционном движении. Плеве не упускал случая жаловаться еврейским деятелям на рост революционного дви-

жения среди евреев. Когда ему указывали на то, что причиной этого является еврейское бесправие, он ссылался на ответ, данный французским министром депутации, просившей об отмене смертной казни, — que messieurs les assassins commencent. В конце концов, Плеве очевидно решил, что лучшее средство для ослабления революционного движения — еврейский погром.

Кишинев был для этого наиболее подходящим пунктом. Уже с 1897 года там издавалась местным акцизным чиновником Крушеваном крайне юдофобская газета «Бессарабец». Газета эта получала субсидию от правительства и одним из авторов печатавшихся в ней юдофобских статей был вице-губернатор Устругов.

Весной 1903 года в местечке Дубоссары, лежавшем недалеко от Кишинева, был найден исколотый труп русского мальчика. Следствие выяснило, что мальчик убит родственниками с целью получения наследства, и убийцы признали, что они искололи труп «под жидов». Но еще до этого «Бессарабец» стал печатать зажигательные статьи с призывами «перерезать всех жидов». Перед Пасхой 1903 года стали распространять слухи об убийстве евреем своей христианской служанки, в действительности совершившей самоубийство и скончавшейся, несмотря на все усилия хозяина ее спасти.

6-го апреля 1903 года, в первый день христианской Пасхи начался еврейский погром. Жертвами его были 45 убитых, 86 тяжело раненых. 1500 домов и магазинов были разрушены и разграблены. Пострадала, главным образом, еврейская беднота. Власти не принимали никаких мер к прекращению погрома. Губернатор фон Раабен сказал явившейся к нему еврейской делегации, что ждет телеграммы из Петербурга. В конце концов он такую телеграмму получил, и погром на третий день был без всяких трудностей приостановлен. Как впоследствии выяснилось, за две недели до погрома губернатор получил секретное письмо от Плеве с предписанием в случае антиеврейских беспорядков не прибегать к оружию, чтобы не возбудить в русском населении, еще не затронутом революционной пропагандой, враждебных чувств к правительству. Копия этого письма была опубликована в Лондонском «Times'е».

По-видимому, размер погрома и число жертв, а также реакция общественного мнения и прессы, — русской и заграничной, — были для Плеве неожиданными. Поэтому им были разосланы и опубликованы в прессе со ссылкой на волю Государя, приказы не допускать еврейских погромов.

Несмотря на принятые правительством меры, в прессе появились подробные и правдивые сообщения о Кишиневском погроме и о том, как держали себя власти. По рукам ходило послание Льва Толстого, в котором он выражал ужас перед случившимся и писал, что главным виновником «Кишиневского преступления» были «правительство и его духовенство».

Особенно сильное впечатление произвела статья В. Д. Набокова, напечатанная в «Праве», под заглавием «Кишиневская кровавая баня». За напечатание этой статьи «Право» получило предостережение, а В. Д. Набоков — сын бывшего министра юстиции Д. Н. Набокова — был лишен звания камер-юнкера (после чего он поместил в газетах обратившее на себя всеобщее внимание объявление: «за ненадобностью продается камер-юнкерский мундир»). В. Д. Набоков, продолжавший свою профессорскую деятельность по уголовному праву в Училище Правоведения, был избран депутатом в Первую Государственную Думу. Он играл видную роль в кадетской партии, в «Праве», в «Речи». В качестве корреспондента последней он поехал на процесс Бейлиса в Киев и его блестящие отчеты о ходе процесса систематически появлялись в «Речи».

После февральской революции Набоков стал Управляющим Делами Временного Правительства первого состава. В эмиграции он поселился в Берлине и в 1922 г. был убит выстрелом на собрании после доклада П. Н. Милюкова, в которого стреляли два черносотенца. Набоков защитил Милюкова собственным телом. Убийцы были пойманы и приговорены к долголетнему заключению, но были затем освобождены Гитлером и один из них — Таборицкий, был назначен на видную должность по делам русской эмиграции.

Дело о Кишиневском погроме слушалось в Кишиневе в Особом Присутствии Одесской Палаты при закрытых дверях; последняя мера была принята по просьбе Плеве и автоматически пресекала возможность появления отчетов в прессе. В качестве виновных были привлечены лишь пешки, никто из подстрекателей и организаторов привлечен не был. О том, что происходило на суде — русское общество узнавало из издававшегося в Штутгарте под редакцией П. Б. Струве «Освобождения» (о чем я имел случай упомянуть выше). Но два судебных заседания, связанные с Кишиневским погромом, происходили уже не при закрытых дверях в Петербурге, — а именно по кассационной жалобе гражданских истцов на приговор Одесской Судебной Палаты, слушавшейся в Отделении Уголовного Департамента Сена-

та 20 апреля 1904 г., и по иску к губернатору фон Раабену, вице-губернатору Устругову и другим за убытки, причиненные бездействием власти. Это последнее дело слушалось в Соединенном Присутствии 1-го и Гражданского Кассационного Департаментов Сената 8 мая 1904 года.

Редакция «Права» просила меня дать подробные отчеты об этих заседаниях, на которых я поэтому присутствовал. Блестящие речи произнесли по первому делу О. О. Грузенберг, а по второму — М. М. Винавер. Однако, кассационная жалоба была оставлена без последствий, а в иске к фон Раабену и другим было отказано. Подробные отчеты, составленные мною, своевременно появились в «Праве».

Не прошло и полугода со времени Кишиневского погрома, как произошел погром в Гомеле с большим числом жертв. В то время как в Кишиневе евреи не оказывали сопротивления и не было самообороны, в Гомеле евреи энергично и организованно оборонялись. Евреям удалось бы отбить атаку погромщиков, но войска дали залп и защитили погромщиков от еврейской самообороны. К вечеру 1-го сентября 1903 г. начавшийся 29 августа погром прекратился. Среди убитых было больше евреев, чем христиан, что не помешало полиции арестовать много больше евреев, чем христиан. Больше евреев, чем погромщиков, было привлечено и к уголовной ответственности. Судебное следствие продолжалось больше двух месяцев и велось крайне пристрастно — против евреев. В конце концов адвокаты, защищавшие интересы евреев, протестуя против ведения процесса председателем, сложили свои полномочия, и евреи остались без защитников. Тем не менее Киевская Судебная Палата признала виновными почти одинаковое число евреев и христиан и приговорила и тех и других к неожиданно мягким наказаниям.

* * *

В 1903 г. я сдал государственные экзамены и через некоторое время был принят в адвокатуру. До выхода в присяжные поверенные в 1909 г. я был помощником присяжного поверенного. Патроном моим был И. В. Гессен, незадолго до того вынужденный оставить пост в министерстве юстиции и ставший присяжным поверенным.

Вскоре Леонтий Моисеевич Брамсон привлек меня к учас-

тию в работе так называемого Бюро Защиты, в котором я в течение некоторого времени исполнял обязанности секретаря. Среди членов Бюро, кроме Л. М. Брамсона, помню Г. Б. Слиозберга, М. И. Кулишера, А. И. Браудо, М. М. Винавера, Ю. Д. Бруцкуса, М. В. Познера, Б. Ф. Брандта и М. Тривуса. Последние три были чиновниками, занимавшими довольно видные посты. Чиновником был и А. И. Браудо, заведывавший отделом Rossica в Петербургской Публичной Библиотеке. Ю. Д. Бруцкус был врачом, остальные члены Бюро были адвокатами. Задачей Бюро Защиты была борьба за равноправие, противодействие толкованию законов в невыгодном для евреев смысле, борьба со всякого рода направленными против евреев административными мерами, а также и с антисемитизмом. Бюро Защиты также организовывало представительство евреев в погромных процессах, приглашая адвокатов в качестве защитников или гражданских истцов. Действовало Бюро Защиты негласно.

Бюро Защиты возникло около 1900 г. До его возникновения барон Гораций Осипович Гинцбург в течение десятилетий являлся едва ли не единственным лицом, к которому со всех концов России обращались пострадавшие евреи, когда необходимо было бороться с жестокими и часто незаконными действиями властей. Барон Гинцбург возглавлял еще депутацию, принятую в аудиенции Александром III 11 мая 1881 г. после погромов. Царь сказал этой депутации, что евреи только предлог, погромы — дело рук анархистов. Но тут же прибавил, что они — результат еврейской эксплуатации коренного населения.[4]

Барон Гинцбург — один из основателей Общества распространения просвещения между евреями в России и его председатель в течение многих лет — посвящал также много времени и труда деятельности по правовой защите евреев. Человек очень отзывчивый, он едва ли не уделял этой задаче больше внимания, чем своим банковским делам, что, возможно, и было одной из причин того, что его дела в конце концов пошатнулись.

---

[4] В этой депутации участвовал и известный адвокат А. Я. Пассовер. Он заговорил с Александром III о необходимости улучшить правовое положение евреев. Царь сказал: «Подайте мне об этом записку». Записка подана не была — вскоре выяснилось, что никаких шансов на успех она не имеет, так как правительство имеет в виду не улучшить правовое положение евреев, а его значительно ухудшить.

Для еврейских дел у него был в свое время специальный секретарь — Э. Н. Левин, большой знаток законодательства об евреях. Обращался барон Г. О. Гинцбург и к содействию Г. Б. Слиозберга. У Г. О. Гинцбурга были связи в правительственных кругах, и ему иногда удавалось добиваться отмены враждебных евреям мер — или даже предотвращать их принятие. Так, например, как свидетельствует Г. Б. Слиозберг, когда Плеве в свое время предложил усилить действие Временных правил 1882 г. и выселить из сельских местностей и тех евреев, которые в них поселились до 3 мая 1882 г., барону Г. О. Гинцбургу удалось убедить министра финансов Вышнеградского представить Александру III доклад с возражениями против такой меры. В результате этого предложение Плеве было отклонено.

Между бароном Гинцбургом и Бюро Защиты сложились очень странные отношения. Он, конечно, не участвовал в Бюро Защиты. Но Бюро Защиты для осуществления своих предположений часто нуждалось в содействии Г. О. Гинцбурга. В таких случаях более близкие ему деятели, Слиозберг, Браудо, Брамсон, а иногда и я как бы случайно у него встречались и совместно убеждали его сделать то, что Бюро считало желательным. Обычно это удавалось. Иногда, по более важным вопросам, он предлагал созвать у него совещание, на которое приглашались по его указанию разные лица дополнительно. Часто он приглашал М. А. Варшавского и М. И. Шефтеля.

В беседах с бароном Гинцбургом о Бюро Защиты никогда не упоминалось; он, вероятно, догадывался об его существовании, но вряд ли знал точно его состав.

Одной из первых задач, стоявших перед Бюро Защиты к тому времени, как я принял участие в его работе, была выработка записки на имя председателя Комитета министров С. Ю. Витте о необходимости равноправия для евреев. Так как евреи в России — за исключением губерний Царства Польского — не имели общинного управления, признанного законом, было решено, что записка будет подана за подписями правлений еврейских обществ и синагог в разных городах. Проект записки был составлен М. И. Кулишером и после бурного и детального обсуждения в Бюро Защиты был установлен ее окончательный текст.

Было решено, чтобы я поехал в Вильну, Ковно, Гродно, Витебск, Варшаву и Могилев для того, чтобы ознакомить местных еврейских деятелей с запиской, давать разъяснения по ее содер-

жанию и получить надлежащие подписи. Кажется, посланы были делегаты и в другие города.

* * *

Почти одновременно с началом моей работы в Бюро Защиты, я принял участие в создании Еврейской Демократической Группы. В нее вошли несколько членов еврейского студенческого кружка, а также ряд членов Бюро Защиты — Г. А. Ландау, С. Л. Каменецкий, Л. М. Брамсон, А. И. Браудо, Э. Гинзберг. Впоследствии к Группе примкнули И. М. Бикерман, Р. М. Бланк, М. А. Кроль и др. Отдел Группы возник и в Москве, представители ее были и в других городах — например, А. С. Альперин в Ростове на Дону. Группа эта никогда не была многочисленной, но несмотря на это, она не лишена была влияния на еврейскую общественность. Она продолжала свою деятельность до февральской революции 1917 года, имея представителей в разных еврейских комитетах, обычно образуемых из представителей разных еврейских партий.

Большинство членов Еврейской Демократической Группы (и я в том числе) принадлежали к числу бывших членов Союза Освобождения, которые отказались войти в Конституционно-Демократическую партию, когда она была образована.

В качестве представителя Еврейской Демократической Группы я участвовал в Виленском съезде в 1905 г., а впоследствии в Политическом Бюро при еврейских депутатах, где я представлял Группу совместно с А. И. Браудо и Л. М. Брамсоном.

В Еврейской Демократической Группе возникла мысль о необходимости, наряду с подачей записки С. Ю. Витте, обращения к обществу с заявлением, требующим равноправия евреев. Текст этого заявления, конечно, должен был носить иной характер, чем записка. Оно должно было быть подписано индивидуально российскими гражданами евреями. Проект заявления был составлен Г. А. Ландау и обсужден в Группе. Под ним было собрано свыше 6000 подписей. Заявление это было опубликовано в печати в начале 1905 года. (Текст этого документа прилагается к настоящей статье).

Демократическая Группа предложила мне во время моей поездки собирать подписи и под этим заявлением. Таким образом, я отправился в путь с двумя документами, преследующими одну и ту же цель, но различными по своему характеру, адресу и подписям.

Выполнение моей миссии в Ковно, Гродно и Витебске прошло без всяких трудностей. Не было каких-либо прений по содержанию записки. Не трудно было мне собирать подписи и под заявлением Демократической Группы среди представителей местной демократической интеллигенции. В собраниях, в которых я говорил о записке, я избегал упоминать о заявлении.

Некоторые трудности возникли у меня в Вильне, где для выслушания моего доклада о записке было созвано довольно многолюдное собрание. В нем, между прочим, участвовал и С. М. Дубнов, с которым я тогда впервые встретился. Он упоминает о моем приезде и об этом собрании в своих воспоминаниях.

В возникших прениях горячо и красноречиво выступил против текста записки один участник собрания, который был мне совершенно неизвестен, хотя я более или менее знал виленских общественных деятелей. Он доказывал, что русское еврейство должно требовать равноправия не путем подаваемой правительственной власти записки, тон которой естественно этим обуславливается, а предлагал много более радикальную формулировку. Я спросил своего соседа, кто этот оратор, и узнал, что это был д-р Шмарья Левин, незадолго до того прибывший из Елисаветграда в Вильну, где стал общественным раввином. Очевидно, Шмарья Левин хотел, чтобы документ носил тот характер, который имело заявление Демократической Группы. Мне пришлось ему возражать, хотя, конечно, я всецело разделял его настроение. Я сказал, что то, о чем он говорит, могло найти себе выражение в другом документе, но не в записке, подаваемой Председателю Комитета министров. Собрание с моими доводами согласилось.

В Могилев на Днепре я приехал через некоторое время после имевшего там место 10 и 11 октября 1904 г. еврейского погрома. Власти не принимали никаких мер к защите евреев. Особенно возмутительно было поведение могилевского полицмейстера, на глазах которого происходило расхищение еврейского имущества. Еврейские общественные деятели немедленно согласились подписать записку. Но все их мысли были сосредоточены на погроме, и они ожидали от делегата из Петербурга помощи и совета. Я составил прошение на имя прокурора Судебной Палаты, в котором было указано на преступное бездействие полицмейстера и предлагалось привлечь его к уголовной ответственности по соответствующим статьям Уложения о наказаниях. При этом в прошении говорилось, что если не будет найдено достаточно оснований к привлечению полицмейстера к суду, настоящее про-

шение является оклеветанием должностного лица и проситель предлагает в таком случае привлечь его за это к уголовной ответственности. Местный общественный деятель, доктор Лурья, согласился такое прошение подписать. Оно было мною лично по почте отправлено по назначению. Казалось бы, у обвинительной власти не было возможности уклониться от поставленной перед ней альтернативы. Однако, ни полицмейстер, ни доктор Лурья к ответственности привлечены не были.

Много сложнее оказалась моя задача в Варшаве. Наиболее влиятельным общественным деятелем там был Станислав Натансон, член семьи состоятельной и пользовавшейся всеобщим уважением. Натансон принадлежал к евреям, считавшим себя «поляками Моисеева исповедания». Станислав Натансон был вице-председателем Гмины — Правления Варшавской Еврейской Общины. Мне было сказано, что еврейское собрание имеет вес только в том случае, если оно созывается Станиславом Натансоном и происходит в библиотечной комнате его квартиры. По приезде я вместе с моим дядей Сигизмундом Фрумкиным, членом Гмины, посетил Станислава Натансона и сообщил ему о цели своего приезда. Он согласился созвать собрание и мы приступили к составлению списка участников. Я сказал, что необходимо пригласить представителей всех течений в еврействе Варшавы.

Я сообщил Натансону, что записка, подписание которой я имею в виду предложить, конечно, написана по-русски, и спросил, не нужно ли дать перевести ее на польский язык. Он ответил, что этого не требуется, так как то, что она написана по-русски — естественно, и что все, приглашенные на собрание, понимают по-русски, хотя и неохотно на этом языке говорят. Я попросил его, когда он откроет собрание, сообщить о моем предложении и его ответе. Он так и поступил.

Собрание было импозантным. В нем участвовали видные представители Варшавского еврейства. Но предложения подписать записку никто из присутствующих не поддержал. Приведенные к тому мотивы меня, недостаточно знакомого с настроениями этих кругов еврейства, изумили. Говорилось о том, что они считают Конгрессовую Польшу лишь формально входящей в состав Российской Империи. Уже по одному этому они считают нежелательным какие-либо совместные с русским еврейством шаги перед правительством. Да и положение польских евреев совершенно отличное от положения евреев русских. Польские евреи в пределах Польши вправе жить и в селах и там при-

обретать недвижимое имущество. Правда, они испытывают затруднения, когда едут в Петербург или Москву. Но они смотрят на эти города, как находящиеся за границей и, в сущности говоря, не могут против этого протестовать — нельзя отрицать за любым государством права отказывать иностранцам в визах по своему усмотрению. Их детей принимают в русские учебные заведения лишь в пределах процентной нормы. Но они этому рады, так как предпочитают посылать своих детей в заграничные учебные заведения.

Отказ подписать записку вызвал уже после моего отъезда протесты со стороны менее ассимиляторски настроенных кругов в Варшаве и, в особенности, в Лодзи. В результате от имени «евреев, жителей Царства Польского», была опубликована резолюция с требованием равноправия. Насколько мне известно, инициатива опубликования этой резолюции исходила не от Варшавских, а от Лодзинских еврейских общественных деятелей.

* * *

После моего возвращения в Петербург мне пришлось принять участие в организации *Виленского Съезда*, состоявшегося 25—27 марта 1905 года.

Хотя инициатива этого съезда исходила от Бюро Защиты, приглашения были разосланы за подписью барона Г. О. Гинцбурга. Тогда еще это было естественно и даже необходимо. Был составлен список приглашенных, причем из каждого города приглашалось несколько лиц разных направлений. Я принес барону Гинцбургу пакет приглашений на подпись. Он все приглашения подписал без всяких возражений, на некоторых из них приписывал приветы, надежду встретиться с адресатом в Вильне и т. д. Но одно приглашение он наотрез отказался подписать. Его отрицательное отношение к этому лицу было вполне обосновано и разделялось и членами Бюро Защиты. Но это был видный сионист, имевший в своем городе большое влияние и неприглашение его могло бы вызвать отказ других сионистов участвовать в съезде. В конце концов барон Гинцбург подписал и это приглашение.

Однако за время, прошедшее между высылкой приглашений и съездом, политическая атмосфера и, в частности, настроение в еврейских кругах резко изменились, и как для Бюро За-

щиты, так и для самого барона Гинцбурга стало ясным, что присутствие его на съезде было бы неуместно. Хотя с моей точки зрения съезд был слишком умеренным, — Демократическая Группа, в качестве представителя которой я совместно с Л. М. Брамсоном участвовал на съезде, отказались войти в организованный съездом Комитет, — состав съезда был слишком радикальным для барона Гинцбурга. На съезде было, например, принято решение о том, чтобы все евреи гласные Городских Дум подали заявления губернаторам, что они отказываются от этого звания. Дело было в том, что в то время, как по Городовому Положению 1870 г. евреи избирались в гласные на общих основаниях — правда, их должно было быть не больше одной трети общего числа, — по Городовому Положению 1892 г. евреи были лишены, пассивного и активного, избирательного права в Городские Думы, и губернским властям предоставлялось право назначать евреев в гласные по своему усмотрению (с тем, чтобы число их не превышало 10 процентов общего числа гласных). Предложенная коллективная отставка евреев-гласных мыслилась, как протест против принципа назначения евреев гласными вместо их избрания, наравне с гласными других исповеданий.

Предложение это, внесенное гласным Гродненской Думы, доктором Замковским, кажется, было принято съездом единогласно, и гласные евреи, по-видимому, все (хотя многие лишь уступая давлению и лишь через некоторое время) от звания гласного отказались.

Для барона Г. О. Гинцбурга какое-либо участие в съезде, обсуждавшем и принимавшем такое предложение, было, конечно, совершенно неприемлемо.

Надо отметить, что через несколько лет, после роспуска 2-ой Государственной Думы, во многих городах черты оседлости еврейское население пришло к заключению, что хотя бы уродливое представительство евреев в городском самоуправлении все же в интересах евреев. Поэтому евреи довели до сведения губернаторов, что они хотели бы, чтобы гласные евреи были вновь назначены, что в ряде городов и имело место.

Председателем Виленского Съезда был М. М. Винавер. Он же возглавил образованный Съездом Союз для достижения полноправия евреев. Виленский Съезд принял постановление, что евреям должно быть дано не только равноправие, но и полноправие, что понималось как равноправие плюс права национального меньшинства. Президиум Съезда внес резолюцию об обра-

зовании «Союза для достижения полноправия евреев». Я внес поправку — заменить слово «достижение» словом «борьба». Поправка была отвергнута и я тут же громко заявил: «Вы войдете в историю не как борцы, а как достиженцы». Это предсказание в известной степени осуществилось — ив прессе, и в частных разговорах членов Союза сокращенно называли, (как, кажется, говорили и они сами), — достиженцами, а на идиш их называли «дергрейхер».

С образованием Союза Полноправия Бюро Защиты фактически свою деятельность прекратило. Еврейская Демократическая Группа по выслушании доклада Л. М. Брамсона и моего постановила в Союзе участия не принимать.

Союз просуществовал всего два года и прекратил свое существование главным образом под влиянием принятой сионистами, так называемой, Гельсингфорской программы, в силу которой сионисты решили проводить деятельность за предоставление евреям полноправия не в рамках Союза, а от своего имени.

В связи с этим была образована Еврейская Народная Группа, организационный съезд которой состоялся в феврале 1907 г. Она приняла платформу Союза Освобождения. В ноябре 1909 г. по инициативе главным образом Народной Группы был созван в Ковне съезд, образовавший так называемый Ковенский Комитет.

Когда убитого Плеве заменил кн. Святополк-Мирский, в России началась «политическая весна». В Петербурге и по всей провинции происходили банкеты и митинги с речами о необходимости перехода к конституционному образу правления и провозглашения свободы личности. Выносились и соответствующие резолюции. В большинстве их требовалось и равноправие всех граждан.

А. И. Браудо привлек меня к устройству в одном из, самых больших зал Петербурга, в Калашниковской бирже, митинга, посвященного положению евреев в России. Зал был переполнен. Председательствовал М. М. Ковалевский, из речей помню замечательную речь профессора Л. О. Петражицкого и речи Милюкова, Мякотина, Лутугина. Собрание приняло резолюцию о равноправии евреев.

Вынесло политическую резолюцию и старейшее еврейское общество — Общество для распространения просвещения среди евреев — в собрании, состоявшемся 27 февраля 1905 г. В ней указывалось на необходимость равноправия евреев и созыва для

управления страной народного представительства, избираемого на началах всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голоса всеми без различия гражданами.

В Обществе распространения просвещения между евреями в России я особенно активного участия не принимал. Лишь однажды мне пришлось это сделать в связи с предложением членов группы; в которую я входил, поручить Правлению ОПЕ не ограничиваться в своей издательской деятельности изданиями на русском языке, а издавать, параллельно, и на идиш. Мы доказывали, что даже если только ставить себе целью убедить массы изучать русский язык, это следует делать не на непонятном им языке, а на идиш.

Это предложение встретило оппозицию не столько со стороны приверженцев русского языка и культуры, сколько со стороны сионистов, видевших в «жаргоне» конкуренцию для древнееврейского языка. Я хорошо помню собрание, на котором обсуждалось предложение нашей группы о необходимости приступить к изданиям на идиш. Оппозиция сионистов приняла столь бурные формы, что председательствующий И. М. Гордон вынужден был закрыть собрание без того, чтобы по возбуждавшему страсти вопросу было принято решение. И прошло около 10 лет, пока ОПЕ и его отделения стали на путь, который был рекомендован нашей группой.

* * *

18 февраля 1905 г. был издан рескрипт о народном представительстве с совещательными функциями. Для осуществления его была образована комиссия под председательством заменившего кн. Святополка-Мирского, министра внутренних дел Булыгина, выработавшая проект закона о законосовещательной Думе, в котором предполагалось не давать евреям избирательных прав. Это вызвало горячие протесты, как евреев, так и русской общественности. (Проф. С. Трубецкой, возглавивший депутацию городов и земств, явившуюся к государю в июне 1905 г., сказал, что никого не следует исключать из народного представительства — «нужно, — сказал он, — чтобы не было бесправных и обездоленных»).

Барон Гинцбург и Слиозберг обратились к Коковцеву с просьбой отстоять равенство евреев в избирательном праве. Совет министров исключил пункт о лишении евреев избиратель-

ных прав, государь с этим согласился, и в законе о созыве законосовещательной Думы, изданном 6 августа 1905 года, никаких ограничений евреев в избирательных правах не было.

События развивались с чрезвычайной быстротой и под давлением единодушного общественного мнения и всеобщей забастовки 17 октября был издан манифест, который установил конституционный режим и свободу совести, слова, собраний и союзов и неприкосновенности личности. Велико было ликование всех, боровшихся за это. Но евреи очень скоро были потрясены сообщениями о погромах, начавшихся 18 октября в сотнях городов и местечек в черте оседлости и даже в некоторых городах вне черты. Кое-где и вне черты жертвами погромов были в значительной степени евреи. Но так как погромы носили не только антиеврейский, но и контрреволюционный характер, то в некоторых местах жертвами были не евреи, а представители либеральной интеллигенции и, в частности представители так называемого третьего элемента — служащие в земских и городских учреждениях. Не было сомнений, что эти погромы не только не подавлялись властями, но ими поощрялись.

Было установлено с совершенной несомненностью, что под эгидой вице-директора Департамента Полиции Рачковского на ручном станке, отобранном при обыске у революционного кружка, в помещении СПБ Жандармского Управления печатались прокламации, призывавшие к погромам. Затем, когда этот станок оказался недостаточным, на средства Департамента Полиции была приобретена усовершенствованная ручная печатная машина, отрабатывавшая 1000 экземпляров в час. Эта машина была установлена в самом здании Департамента Полиции, и заведывание ее работой было поручено ротмистру Комиссарову; при нем состояли два наборщика.

Был выпущен ряд прокламаций, заключавших самые уродливые обвинения против евреев. На вопрос об успехах прокламаций, Комиссаров ответил: «погром можно устроить какой угодно: хотите на 10 человек, хотите и на 10 тысяч».

Как утверждает А. А. Лопухин, печатание погромных прокламаций в здании Департамента Полиции началось после 17 октября 1905 г.[5]

---

[5] См. А. А. Лопухин. Отрывки из воспоминаний. (По поводу «Воспоминаний гр. С. Ю. Витте»). Госуд. Изд-во. М. 1923. С предисловием М. Н. Покровского. Стр. 88.

Эта деятельность властей по организации еврейских погромов была предметом запроса № 1 в Государственной Думе первого созыва. В заседании 8 мая 1906 г. министр Внутренних Дел Столыпин давал объяснения по этому запросу и ему возражали кн. Урусов — бывший Кишиневский губернатор, назначенный после Кишиневского погрома, — М. М. Винавер, В. Д. Набоков, Ф. И. Родичев, М. И. Шефтель и др.

Письмом от 20-го июня 1906 года бывший директор Департамента Полиции А. А. Лопухин сообщил Столыпину, что по поручению графа Витте он расследовал роль Департамента Полиции в деле организации еврейских погромов и утверждает, что в материале, данном Столыпину для ответа на запрос, обстоятельства дела были совершенно извращены. В своем письме Лопухин подробно излагает, как все было в действительности, приводит тексты погромных прокламаций, напечатанных в Департаменте Полиции. Между прочим он замечает, что, будучи директором Департамента Полиции он при самом добросовестном исследовании участия должностных лиц в устройстве Кишиневского погрома 1903 года, все же ничего не мог установить, хотя ему было ясно, что такое участие несомненно существовало. Тайна погромных организаций открылась лишь после того, как он перестал занимать, официальное положение в министерстве внутренних дел.

Лопухин в этом письме также указывает, что в Департаменте Полиции и в общей полиции ни у кого не было сомнений в том, что Трепов, с октября 1905 г. не имевший более никакого отношения к Департаменту Полиции, так как был назначен дворцовым комендантом, являлся, так сказать, вторым правительством. Эта уверенность укрепляется тем фактом, что Трепов получает специальные фонды и всякие документы из Департамента Полиции. Вместе с тем никто, по словам Лопухина, не сомневался в том, что Трепов сочувствует погромам.

И для всякого объективного человека должно быть ясно, что октябрьские погромы 1905 г. не только были допущены властями, но и при их участии организованы. Характерно, что все погромы начинались с того, что в связи с изданием манифеста 17 октября 1905 г. устраивалась патриотическая манифестация с портретом царя. В этот портрет откуда-то стреляют, затем объявляется, что стреляли евреи, — после чего и начинается еврейский погром. В Одессе командующий войсками генерал барон Каульбарс, как это установлено ревизией сенатора Кузьминского, говорил в доме градоначальника собранным по-

лицейским приставам: «надо называть вещи их именами: все мы в душе сочувствуем погромам». Одесский градоначальник Нейдгарт, как установлено сенатором Кузьминским, снял фуражку перед громившими еврейские лавки и сказал им: «спасибо, братцы», а обратившемуся к нему за помощью избиваемому еврею он сказал: «Я ничего сделать не могу. Вы хотели свободу — вот вам жидовская свобода».

Сенатор Кузьминский привлек Нейдгарта к уголовной ответственности за бездействие власти, имевшее серьезные последствия. Нейдгарт был уволен в отставку, но суду предан не был, так как 1-ый Департамент Сената, от которого зависело предание его суду, не нашел в его действиях состава преступления!

В Киеве, как установлено ревизией сенатора Турау, полицмейстер Цихоцкий присутствовал при разгромах еврейских магазинов и квартир и явно их одобрял. Когда он в одном месте сказал громилам: «Довольно, братцы», это вызвало изумление погромщиков, из которых один сказал другому: «Ты разве не видишь, он ведь шутит». Это замечание было вполне логично, так как Цихоцкий поощрял громил и, когда он появлялся, громилы его качали. Генерал Бессонов, на обязанности которого была военная охрана в одном из трех участков Киева, сказал погромщикам: «Громите, но грабить нельзя». А когда одна женщина подняла кусок сукна, выброшенный громилами из магазина, генерал сказал: «ну, это не грабеж, а находка»... Сенатор Турау привлек к ответственности полицмейстера Цихоцкого за бездействие власти, имевшее особенно важные последствия, но и он не был предан суду.

Интересно отметить, что в отличие от прежних погромов — в Кишиневе, Гомеле и других, насколько я помню, не было ни одного процесса в связи с погромами, начавшимися 18 октября 1905 г. Может быть, это объясняется тем, что сочувствие этим погромам было так открыта проявлено представителями власти, что они не решились кого-либо арестовать и предавать суду, на котором их отношение к погрому было бы установлено.

Витте в своих воспоминаниях так характеризует эту деятельность власти: «действовала провокация, имевшая целью создавать еврейские погромы, провокация, созданная еще при Плеве и затем, во время Трепова, более полно и, можно сказать, нахально организованная».

II

ОТ 1-ой ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ДО ИЗДАНИЯ ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ДЕКРЕТА О РАВНОПРАВИИ

Избирательный закон в Государственную Думу далеко не отвечал тому, чего требовало общественное мнение. Чтобы соответствовать ему, выборы должны были быть на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Но этот закон соответствовал лишь последнему. Он не был всеобщим, а цензовым; не был прямым, так как избиратели выбирали не членов Думы, а выборщиков, и был очень далек от того, чтобы считаться равным.

Издавая этот закон, правительство надеялось на то, что Дума, выбранная на его основании, не будет в оппозиции к правительству. Эти ожидания в значительной степени разделяли левые партии — социал-демократы и социалисты-революционеры, призывавшие к бойкоту выборов. Однако, призыв этот успеха не имел. В результате была избрана Дума, которая не отвечала ни ожиданиям правительства, ни опасениям левых партий. Она была ярко оппозиционной и вошла в историю, как Дума «народного гнева». Был выбран и ряд депутатов, открыто тяготевших к левым партиям.

В числе избранных было 12 евреев. Это число было значительным, принимая во внимание, что во всех избирательных округах евреи составляли меньшинство. Во все последующие Думы было избрано значительно меньше евреев, чем в Первую. Перечислю имена евреев-депутатов 1-ой Думы в алфавитном порядке:

Л. М. Брамсон, избранный от Ковенской губернии, д-р Г. Я. Брук — от Витебской, М. М. Винавер — от С. Петербурга, Г. Б. Иоллос — от Полтавской губернии, д-р философии Нисан Каценельсон — от Курляндской, д-р философии Шмарья Левин — от города Вильно, М. Я. Остро-горский — от Гродненской губернии, С. Я. Розенбаум — от Минской, д-р С. Френкель — от Киевской, д-р М. Р. Червоненкис — от Киевской, М. И. Шефтель — от Екатеринославской и В. Р. Якубсон — от Гродненской.

Из числа депутатов-евреев 5 были сионистами — д-р Брук, д-р Каценельсон, Шмарья Левин, Розенбаум и Якубсон.

Среди депутатов-евреев 1-ой Государственной Думы был ряд выдающихся людей.

М. М. Винавер был выдающимся членом адвокатуры,[6] автором многочисленных ученых трудов по юриспруденции и редактором «Вестника Гражданского Права». Он был блестящим оратором. Он возглавлял Историко-этнографическую Комиссию при Обществе распространения просвещения среди евреев, впоследствии ставшую самостоятельным Обществом, и принял активное участие в составлении сборника «Регесты и надписи». Он председательствовал на Виленском съезде, о котором я уже упоминал, и в созданном на этом съезде Союзе Полноправия. Председательствовал он и в образованной в 1907 г. Народной Группе.

По его инициативе был созван в 1909 г. Съезд в Ковно, образовавший Ковенский Комитет, в котором он был председателем.

Когда была образована Конституционно-демократическая партия в октябре 1905 г. он примкнул к ней и играл в ней выдающуюся роль, о чем свидетельствует и то, что к. д. партия выставила его кандидатуру в Петербурге, хотя у него был ценз и в гор. Вильно.

Л. М. Брамсон, еще будучи студентом Московского университета, участвовал в студенческой группе, составившей и издавшей в свое время очень ценную Библиографию литературы о евреях. По переезде в Петербург вступил в С. Петербургскую адвокатуру, вошел в редакцию «Восхода» и весьма активно участвовал в ряде еврейских организаций. Он был видным членом Бюро Защиты, принимал близкое участие в деятельности О. П. Е., а потом и в Еврейском Колонизационном Обществе (Е.К.О.), был одним из лидеров ОРТ'а и ЕКОПО. Он был человеком с необычайными организационными талантами, которые он проявил и в 1-ой Государственной Думе, сыграв очень большую роль в организации Трудовой фракции. В дальнейшие годы он был очень активным членом Центрального Комитета Трудовой Группы и постоянно участвовал и в заседаниях Трудовой фракции всех Дум, где я имел случай убедиться в том, каким влиянием он пользуется. В эмиграции Брамсон стал лидером ОРТ'а и сыграл большую роль в распространении работы этой организации по всему миру.

---

[6] См. о М. М. Винавере, как адвокате, статью С. Л. Кучерова в этом сборнике.

М. И. Шефтель был видным присяжным поверенным и играл большую роль в еврейской общественности.

Д-р Шмарья Левин, о котором я упоминал в связи с моим приездом в Вильну, был горячим сионистом. Он был увлекательным оратором. Неоднократно он выступал с успехом в Думе. Депутаты относились к нему с большой симпатией. Шмарья Левин был доктором философии одного из германских университетов.

В одной из своих речей Левин сказал, что русский и еврейский народы являются сиамскими близнецами. Он был награжден за это аплодисментами. Но впоследствии он, вероятно, жалел об этой фразе, для правоверного сиониста неожиданной и мало подходящей.

М. Я. Острогорский был автором вышедшего в свет в 1903 году на английском и французском языках и ставшего классическим труда о демократии и организации политических партий. Его ценили в Комиссиях Думы, как авторитет по парламентскому праву и обычаям.

Г. Б. Иоллос был одним из самых выдающихся в то время русских журналистов. Он долгие годы представлял в Берлине «Русские Ведомости». Его корреспонденции, в которых он знакомил своих читателей с функционированием Германского Парламента и политической жизнью в Германии, оказывали большое влияние на русское общественное мнение. Ко времени созыва 1-ой Государственной Думы он переехал в Москву и возглавил редакцию «Русских Ведомостей», самой влиятельной либеральной газеты того времени. Иоллос имел мало связей с еврейством и в совещаниях еврейских депутатов участия не принимал. 14 марта 1907 года был убит из-за угла убийцей, подосланным черносотенцами.

С. Я. Розенбаум был присяжным поверенным в Минске. Он был сионистом, а впоследствии возглавлял органы еврейской национальной автономии в Литве.

Когда избранные в Государственную Думу депутаты съехались в Петербург, некоторые из них, преимущественно сионисты, возбудили вопрос о том, не следует ли евреям-депутатам образовать самостоятельную фракцию, по примеру поляков, образовавших польское «Коло», в которое, впрочем, вошли лишь депутаты, избранные в губерниях Царства Польского и *не* вошли поляки, избранные в других местах, как, например, Л. О. Петражицкий и А. Р. Ледницкий, которые вошли во фракцию к. д.

Это предложение встретило сопротивление со стороны, как части депутатов-евреев, так и общественных деятелей, привлеченных к обсуждению этого вопроса совместно с депутатами. Противники образования специальной еврейской фракции указывали на то, что образование такого «коло» лишило бы депутатов-евреев возможности участвовать во фракциях тех партий, к которым они по своим политическим убеждениям имели в виду примкнуть. Возникли горячие дебаты, в которых и я принял участие, высказываясь против образования еврейского коло. В конце концов было решено отказаться от этой мысли и посоветовать депутатам войти в соответствующие фракции.

Это решение, конечно, не исключало совместных совещаний евреев-депутатов, членов к. д. и трудовой фракции. Такие совещания при участии еврейских общественных деятелей постоянно имели место во все время существования 1-ой Государственной Думы.

Трое из депутатов — Брамсон, Якубсон и Червоненкис — вошли в Трудовую фракцию, остальные 9 — во фракцию К. Д.

Евреи-депутаты 1-ой Государственной Думы приступили к своей деятельности в настроении более или менее оптимистическом. Правда, прием государем 23 декабря 1905 г. депутации Союза Русского Народа, то, что говорили члены этой депутации и как реагировал Государь (принявший два значка Союза Русского Народа для себя и наследника) давало мало оснований к оптимизму. Но с другой стороны, Государственная Дума в подавляющем большинстве была за равноправие евреев. В своем ответе на тронную речь Дума приняла пожелание о необходимости равенства всех граждан, а 15-го июня значительным большинством одобрила законопроект о равноправии (против которого высказались граф Гейден и кн. Волконский). Когда 2-го июля до сведения Думы было доведено о начавшемся 1-го июля погроме в Белостоке, Дума избрала комиссию из трех лиц — депутатов Араканцева, профессора Щепкина и еврея Якубсона для обследования на месте обстоятельств погрома.

Когда эта Комиссия представила доклад, Дума резко осудила действия властей и почтила память убитых — их было 80 человек — вставанием.

Как я упомянул выше, 8 мая 1906 г. был внесен запрос № 1 о действиях властей по организации еврейских погромов, и министр Внутренних Дел П. А. Столыпин представил на этот за-

прос совершенно недостаточные объяснения. Дума признала объяснения неудовлетворительными и потребовала отставки министра Внутренних Дел. Но к этому времени роспуск Думы был уже решен. В течение некоторого времени до этого происходили беседы представителей власти с отдельными общественными деятелями о вхождении в правительство. Переговоры эти успеха не имели и 8 июля 1906 г. Дума была распущена. В манифесте о роспуске Думы начало занятий вновь избранной Думы было предусмотрено 20 января 1907 г.

В манифесте роспуск Думы объяснялся в первую очередь тем, что «выборные населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию поставленных от нас местных властей», имея, очевидно, в виду посылку в Белосток Думской комиссии для обследования Белостокского погрома.

Далее говорилось об указаниях Думы на несовершенства основных законов (по основным законам, опубликованным перед самым открытием заседаний Думы — инициатива в изменениях их принадлежала исключительно монарху), а также на «обращение к явно незаконным действиям, как обращение от лица Думы к населению».

Кажется, все депутаты-евреи подписали так называемое Выборгское Воззвание, выпущенное депутатами после роспуска Думы, были привлечены к суду, приговорены к трем месяцам тюрьмы и лишены пассивного избирательного права в Государственную Думу.

* * *

Евреи ожидали, что во 2-ую Государственную Думу удастся провести большое число евреев-депутатов. Однако, эти ожидания не оправдались, в значительной степени потому, что товарищ министра внутренних дел Крыжановский — человек больших знаний и ума, но совершенно беспринципный — повлиял на истолкование избирательного закона в направлении, уменьшающем шансы избрания еврейских депутатов. Местная администрация получила к тому же указания всячески содействовать избранию правых депутатов. В результате во 2-ую Думу было избрано всего 4 депутата еврейского исповедания. По национальности евреев было 5, так как избранный от Петербурга И. В. Гессен записался в списках, как еврей по национальности и православный по исповеданию. Это вызвало большую сенсацию. На-

сколько мне известно, никто из других депутатов евреев по происхождению, но не по исповеданию, евреем не записывался. И. В. Гессен, избранный по С. Петербургу во Вторую Думу был одним из наиболее влиятельных ее членов. Он был председателем Судебной Комиссии Думы.

Депутаты-евреи по исповеданию были присяжный поверенный А. Г. Абрамсон, избранный по Ковенской губернии, инженер Л. Г. Рабинович, избранный по Екатеринославской, Я. Н. Шапиро от Курляндии, В. Е. Мандельберг от Иркутской губернии, врач, избранный по социал-демократическому списку и вошедший в социал-демократическую фракцию. Остальные три депутата вошли в фракции к. д.

А. Г. Абрамсон был хорошим юристом, видным адвокатом. Он был избираем докладчиком в думских комиссиях. *Л. Г. Рабинович* был впоследствии привлечен большевиками к делу об инженерах «вредителях» Донского угольного бассейна. *Я. Н. Шапиро* выступил в Думе с речью о карательных экспедициях в Прибалтике. Он эмигрировал в Лондон и был убит во время немецкой бомбежки во 2-ую мировую войну.

В. Е. Мандельберг после разгона Думы скрылся за границу и последние годы жизни прожил в Палестине, где был врачом еврейских больничных касс.

К внесенному правительством законопроекту о свободе совести, предусматривавшем исключение евреев, евреи-депутаты, при поддержке кадетов, трудовиков и социалистов, внесли поправку об устранении этого пункта. Но до принятия этого законопроекта был произведен 3 июня 1907 г. государственный переворот. Дума была распущена, и выборы в 3-ю Думу должны были быть произведены по новому избирательному закону, гарантировавшему правительству Столыпина большинство.

В Третью Государственную Думу были избраны 2 еврейских депутата — Л. Н. Нисселович от Курляндской губернии и Н. М. Фридман — от Ковенской.

Л. Н. Нисселович, как и Н. М. Фридман были присяжными поверенными. Нисселович до вступления в адвокатуру служил в министерстве финансов при Бунге. Он был автором ряда книг по разным вопросам экономики. Был он человеком самостоятельным, что сказалось и в том, что, вступив в кадетскую фракцию, он выговорил себе полную свободу действий по всем вопросам, касающимся евреев.

Лишь изредка происходили совещания депутатов с еврейскими общественными деятелями.

В Государственной Думе Третьего созыва преобладали правые, большей частью антисемиты. Тем не менее Нисселовичу удалось собрать 166 подписей под законопроектом об Отмене ограничений для евреев в свободном передвижении и об отмене черты оседлости, убедив часть октябристов дать подписи. Законопроект был сдан в Комиссию и в полном собрании Государственной Думы никогда не обсуждался. Тем не менее нельзя отрицать, что внесение в Думу этого законопроекта с таким значительным числом подписей произвело известное впечатление, и Нисселович не без некоторого основания гордился этим достижением.

На тактику кадетской партии и по еврейскому вопросу влияла главным образом Народная Группа, во главе которой стоял М. М. Винавер. При этом, однако Группа выступала, кажется, не как таковая, а от имени так называемого Ковенского Комитета, в котором преобладали члены Народной Группы.

В состоявшемся 20 октября 1912 года в С. Петербурге еврейском предвыборном собрании перед выборами в Четвертую Государственную Думу поведение к. д. в Государственной Думе подверглось критике. П. Н. Милюков в своем ответе на эту критику сказал, что он со многим, что сказали критики, согласен и даже кое в чем разделяет их возмущение, но что все это было сделано по совету самих евреев. Мне пришлось на самом собрании, а потом и в печати, указать на то, что ссылка на советы евреев не снимает с кадетской партии ответственности, так как русское еврейство не едино по своему политическому настроению и что если бы кадеты совещались с другими евреями, они получили бы другие советы.

Может быть, выявившаяся на этом предвыборном собрании неудовлетворенность, положением, при котором от имени русского еврейства выступал орган, в котором представлены были не все существовавшие течения, и привела к тому, что в Государственной Думе 4-го созыва совещания депутатов с представителями еврейской общественности приняли более постоянный и организованный характер.

Л. Н. Нисселович не баллотировался в 4-ую Государственную Думу. Его здоровье было подорвано в значительной мере его деятельностью в Государственной Думе. Он скончался в 1913 г. в возрасте 51 года. Русско-еврейская пресса всех направлений с грустью отметила его кончину и воздала должное его деятельности, высоко ее оценивая.

* * *

В Четвертую Государственную Думу были выбраны 3 еврейских депутата — *Н. М. Фридман,* бывший депутатом и в 3-ей Думе от Ковенской губернии, и два врача — *М. Б. Бомаш* от Лодзи и *И. Б. Гуревич* от Курляндской губернии.[7] Фридман был присяжным поверенным. Будучи юристом, он больше двух своих коллег был подготовлен к парламентской деятельности. К тому же он имел уже опыт по деятельности в 3-й Думе. Человек он был умный, практичный, внушавший к себе доверие и симпатии. Но он был человеком, я бы сказал, тихим, не борцом. Н. М. Фридман не только не отвергал содействия еврейских общественных деятелей, но приветствовал помощь представителей разных течений еврейской общественности. Для установления постоянного контакта с евреями-депутатами было образовано так называемое *Политическое Бюро при еврейских депутатах,* состоявшее из представителей всех четырех имевшихся в Петербурге еврейских, не социалистических, партийных образований — Народной Группы, сионистов, Фолькспартей и Демократической Группы. Бунд и другие социалистические партии в Политическом Бюро участия не принимали. Представительство входивших в Политическое Бюро партий носило более или менее постоянный характер. — Состав Бюро не менялся от заседания к заседанию, но в течение пяти лет существования Бюро его состав, конечно, не оставался неизменным.

В Еврейскую Народную Группу вошли, главным образом, евреи-члены Конституционно-Демократической партии. В Народную Группу вошел также Г. Б. Слиозберг, не вошедший в партию к. д., мотивируя это тем, что не хочет быть кадетом еврейского исповедания. К тому же по своим взглядам он был много правее к. д. В Народную Группу вошел также ряд деятелей, в вопросах общей политики бывших левее к. д., как, например, Л. Г. Штернберг. В русско-еврейском еженедельнике «Восход» Народная Группа имела преобладающее влияние.

Членами Политического Бюро от Народной Группы были Г. Б. Слиозберг, М. М. Винавер и Л. Я. Штернберг.

Сионисты были представлены в Бюро И. А. Розовым, М. С. Алейниковым и Исаком Гринбаумом, «Фолькспартей» — М. Н.

---

[7] Интересно отметить, что во всех 4-х Думах были евреи-депутаты от губерний Ковенской и Курляндской.

Крейниным, С. М. Дубновым, доктором А. В. Залкиндом. Если не ошибаюсь, представителем «Фолькспартей» был и О. О. Грузенберг.

«Фолькспартей» по идеологии была партией С. М. Дубнова. Она подчеркивала национальный элемент в еврейской политике и склонялась к идеям вне территориальной национальной автономии. Необходимость требования национально-культурной автономии для еврейского меньшинства в России признавалась, впрочем, всеми входившими в Политическое Бюро партиями.

От Демократической Группы участвовали Л. М. Брамсон, А. И. Браудо и я.

Еврейская Демократическая Группа была самой левой из несоциалистических партийных образований. Как я уже упомянул, основали ее евреи, участвовавшие в Союзе Освобождения и не вошедшие в Кадетскую партию, считая ее программу и тактику слишком оппортунистической.

Все три депутата-еврея были членами кадетской партии.

Заседания Политического Бюро происходили не реже одного раза в неделю, а иногда и чаще. Были они длительными, иногда затягивались далеко за полночь. Прения часто бывали очень бурными. Наиболее яркими участниками Бюро были М. М. Винавер и О. О. Грузенберг, и редко бывали случаи, когда против того, что говорил один, не возражал бы горячо и красноречиво другой...

Едва ли не самым активным и влиятельным членом Политического Бюро был А. И. Браудо. Он родился в Центральной России, в среде, далекой от еврейства, но стал одним из самых действенных борцов против антисемитизма и за равноправие евреев в России. Он не был оратором и редко выступал с речами в заседаниях Политического Бюро. Но к его мнению все члены прислушивались с особым вниманием. Браудо занимал видный пост в Публичной Библиотеке и пользовался всеобщими симпатиями. Он повсюду имел связи. У него были личные отношения и с революционерами, и с лицами весьма правыми и даже с членами императорской семьи. Его преданность делу борьбы за равноправие была беспредельна. Он посвящал ей много времени и энергии, несмотря на то, что жил в очень стесненных материальных условиях.

А. И. Браудо был видным масоном, одним из немногих евреев в русском политическом масонстве. Его принадлежностью к масонству в значительной степени объясняются его связи и воз-

можности. Как известно, русское политическое масонство сыграло большую роль при определении состава Временного Правительства первого и последующих составов.[8]

В Париже, в 1937 г. вышел сборник, посвященный памяти А. И. Браудо, в котором приняли участие еврейские и нееврейские общественные деятели весьма разных направлений. Помещенные в этом сборнике статьи Бурцева и Аргунова свидетельствуют о том, что в разоблачении Азефа А. И. Браудо сыграл едва ли не решающую роль (это было связано с тем, что масоном был и А. А. Лопухин). Как мы узнаем из мемуаров И. В. Гессена, А. И. Браудо принес в редакцию «Речи» текст проекта Основных Законов 1906 г., изданных незадолго до открытия 1-ой Государственной Думы. Опубликование этого документа «Речью» произвело большую сенсацию. Надо думать, что этот проект был получен А. И. Браудо благодаря его масонским связям.[9]

Кроме вышедшего в Париже сборника, в Ленинграде в 1926 году Обществом Распространения Просвещения между евреями в России был выпущен научно-литературный сборник, посвященный памяти А. И. Браудо, с посвященной ему статьей Д. А. Левина и биографическими сведениями.

При Политическом Бюро состояло *Информационное Бюро,* поставившее себе целью собирать материалы о преследованиях евреев и направленных против них действиях власти. Это Бюро

---

[8] Многие масоны склонны думать, что и в организации февральской революции и ее победе масонство сыграло решающую роль. В этом позволительно усомниться. По крайней мере я лично слышал речь одного из виднейших масонов в ночь с 26 на 27 февраля, в которой была высказана печальная уверенность, что восстание гвардейских полков будет подавлено.

[9] И. В. Гессен в своих мемуарах говорит, что о масонстве А. И. Браудо он узнал только в эмиграции. Могу сказать то же самое и о себе. Когда я узнал, что А. И. Браудо был масоном, я вспомнил эпизод, связанный с выборами в Госуд. Думу, когда А. И. просил меня содействовать тому, чтобы кандидатура лица еврейского происхождения, выставленная в округе вне черты оседлости, получила голоса еврейских избирателей. Это меня крайне удивило, так как лицо это ни с какой точки зрения не должно бы быть поддерживаемо, что я ему и высказал. Так как это лицо было видным масоном, я понял, что поддерживая его, А. И. Браудо действовал в порядке дисциплины, хотя лично несомненно разделял мою точку зрения. Из компетентного масонского источника это мое предположение было подтверждено.

имело штат постоянных сотрудников. Многие сведения поступали в Информационное Бюро от деятелей еврейских учреждений, работавших в прифронтовой полосе — Еврейского Комитета Помощи жертвам войны (ЕКОПО) и ОЗЕ.

От случая к случаю в Бюро привлекались для собирания или обработки материала временные сотрудники. Деятельность Информационного Бюро получила особое развитие со времени начала войны 1914 года. Материалами для Информационного Бюро пользовались не только евреи-депутаты, но и депутаты разных партий, а также пресса, общая и еврейская, поскольку этому не препятствовала военная цензура. Отдельные документы и сводки размножались и рассылались членам правительства. Среди сводок была и сводка того, что вычеркивалось военной цензурой, составляемая на основании полученных Информационным Бюро от разных органов печати гранок. Эти гранки с несомненностью подтверждали, что военная цензура пользуется своими прерогативами, чтобы устранить все, что говорит в пользу евреев, например, даже сообщения о наградах за военные подвиги. Если отличившийся солдат носил явно еврейскую фамилию, военный цензор оставлял только первую букву фамилии и ставил точку; если имя было еврейское и фамилия не явно еврейской — оставлялась лишь первая буква имени.

О существовании Политического Бюро и состоявшего при нем Информационного Бюро власти, конечно, знали. Разрешение на их существование никогда не было дано и никогда не испрашивалось. Но деятельность этих Бюро не встречала особых препятствий, так что оно вело, можно сказать, полулегальное существование.

* * *

В первые же дни войны 1914 г. Политическое Бюро оказалось перед исключительно тяжелыми задачами. Искренними патриотическими настроениями было охвачено все население России. В Петербурге имели место многочисленные патриотические демонстрации, в которых принимали видное участие и евреи.

26 июля 1914 г. Фридман огласил в Государственной Думе декларацию, в которой было сказано:

> «В исключительно тяжелых правовых условиях жили и живем мы, евреи, и тем не менее, мы всегда чувствовали себя гражданами

России и всегда были верными сынами своего отечества... Никакие силы не отторгнут евреев от их родины — России, от земли, с которой они связаны вековыми узами. В защиту своей родины евреи выступают не только по долгу совести, но и по чувству глубокой к ней привязанности».

Вся русско-еврейская пресса, включая и сионистическую, и органы, выходившие на идиш, проявили в эти дни патриотические настроения в связи с войной. Значительно было число добровольцев евреев, в числе которых были и студенты заграничных университетов, из-за процентной нормы лишенные права учиться в России. Русские евреи, учившиеся в союзных государствах, вступали добровольцами в союзные армии. Мобилизация среди еврейского населения России почти не дала недобора. Процент евреев в армии был выше их процента в населении, как и процент убитых и выбывших из строя. И все же война с первых же дней стала для евреев источником исключительных бедствий. Уже через несколько дней после начала войны начались в прифронтовых местечках сплошные выселения евреев по распоряжению местных военных начальников. Так, например, через десять дней после объявления войны комендант поселка Мышенка близ Лодзи предписал всем евреям (их было 2000) немедленно выехать и не подчинился распоряжению губернатора, разрешившего им вернуться. Такого рода выселения имели место по распоряжению местных начальников, в особенности, в Русской Польше, где антисемитизм среди польского населения был очень силен. Ложные доносы и распространение ложных слухов об еврейском предательстве стали обычным явлением. В Сувалках в сентябре 1914 года произошел и еврейский погром.

Печальную роль сыграло и отношение к евреям польских политических лидеров. Как известно, Верховный Главнокомандующий тотчас после начала войны обратился с воззванием к населению русской Польши, в котором объявил, что после победоносного окончания войны Польше будет дана автономия. В связи с этим в Варшаве был образован Центральный Обывательский Комитет, который должен был явиться органом, представляющим население русской Польши перед властями и средоточием для всех мер по оказанию помощи страдающему от войны населению. Председателем Центрального Комитета был кн. Четвертинский. В этот Комитет не был включен ни один еврей, несмотря на то, что евреи составляли 14% населения.

Сборы в пользу пострадавшего от войны населения Польши были предприняты и Вольно-Экономическим Обществом; Общество это сделалось ареной для дискуссии между представителями петербургских евреев и проживающими в Петербурге польскими интеллигентами. Мы доказывали всю недопустимость отказа поляков включить евреев в число членов Обывательского Комитета, поляки пытались его защищать. Арбитрами явились русские члены Вольно-Экономического Общества, принявшие участие в этой дискуссии, среди них Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович, В. Мякотин, Лутугин и многие другие. После оживленных прений предложение поляков, чтобы все собранные деньги были переданы Обывательскому Комитету, было отвергнуто.

Было постановлено, что Е. Д. Кускова повезет собранные деньги в Варшаву и позаботится о том, чтобы распределение денег было поставлено правильно, и помощь жертвам войны оказывалась бы без различия вероисповедания и национальности. Ек. Дм. Кускова по прибытии в Польшу пришла к заключению, что передача денег Обывательскому Комитету этого не гарантирует и решила передать Комитету 86% денег, а 14% (соответственно проценту еврейского населения), передала правлению Варшавской Еврейской Общины, так называемой Гмине.

Это решение дало нам большое моральное удовлетворение и весьма смутило наших польских оппонентов. И легко можно себе представить, как, в свою очередь, смущены были мы, когда узнали, что Варшавская Еврейская Община, не желая отделяться от большинства населения Русской Польши, постановила передать полученные деньги Обывательскому Комитету.

Однако, под влиянием русского общественного мнения и благодаря все усиливающимся протестам, лидеры Обывательского Комитета решили пойти на компромисс. Они создали особую секцию по еврейским делам из 10 человек — шесть членов были поляки, а евреям было предложено наметить 4-х членов секции, которые, однако, членами Комитета не становились. Еврейскими кругами были намечены 4 лица — из них два из ассимиляторских кругов — Ст. Натансон и Эйгер, и 2 сиониста — инженер Вейсблат и г. Рундштейн. При общине был образован специальный военный комитет под председательством Абрама Подлишевского. В нем в большинстве были сионисты, и между ними и остальными членами постоянно возникали непримиримые противоречия. Скоро выяснилось, что лидеры

Обывательского Комитета не дают еврейской секции возможности фактически проявлять какую-либо деятельность, и национально настроенные члены секции настаивали на том, чтобы все евреи вышли из ее состава. До нас дошли сведения о расколе в еврейской среде и решено было командировать в Варшаву делегата, чтобы помочь варшавским евреям разрешить стоявшие перед ними проблемы. Выбор пал на меня — вероятно, в связи с тем, что я десятью годами раньше поехал в Варшаву, как делегат Петербургского еврейства, а также ввиду того, что я принимал деятельное участие в дискуссиях в Вольно-Экономическом Обществе.

Как различна была картина, которую я встретил в Варшаве, по сравнению с той, с которой я столкнулся в 1904 году! Тогда варшавские еврейские деятели, хотя и вежливо встретили меня, но было явно, что они избегали совместных действий с русским еврейством и, во всяком случае, не допускали и мысли, чтобы русские евреи вмешивались в их дела. Теперь тот же Станислав Натансон, в квартире которого в 1904 г. состоялось собрание, отклонившее мое предложение, чтобы Община подписала обращение к Правительству с требованием равноправия, восторженно встретил мое появление в Варшаве.

«Как хорошо, что вы приехали», с этими словами встретил меня Станислав Натансон, «мы здесь ни до чего договориться не можем. В Военном Комитете при Общине образовались две группы, точки зрения которых непримиримы. Только человек со стороны может добиться согласованных действий». Мне удалось убедить Станислава Натансона и Эйгера в том, что отказ евреев участвовать в Секции Обывательского Комитета является единственным достойным выходом из положения. Я написал проект письма с мотивировкой выхода, и мне удалось добиться, чтобы как Натансон и Эйгер, так и два национально настроенных члена, его подписали. Так в ноябре 1914 года секция по еврейским делам прекратила свое кратковременное существование.

Имел я беседу и с известным польским левым деятелем Патеком, защитником по политическим делам, впоследствии послом Польши в Москве. В беседе со мной он осуждал отношение лидеров Обывательского Комитета к евреям, но — во имя национальной солидарности — не считал возможным выступать с соответственными заявлениями публично.

Вскоре польское еврейство стало перед тяжкими проблемами в связи с наплывом беженцев, выселенных из прифронто-

вых мест в Варшаву и в более отдаленные от фронта места. Пришлось бороться с административными распоряжениями, например, с распоряжением о выселении из Варшавы всех поселившихся там после известного времени евреев. Еврейские деятели из Варшавы неоднократно приезжали в Петербург и Москву, а Г. Б. Слиозберг ездил в Варшаву для помощи в ходатайствах перед генерал-губернатором Енгалычевым и его помощником кн. Оболенским. Барон Александр Гинцбург беседовал по этому вопросу с кн. Оболенским, с которым он был знаком. Ходатайства и беседы эти имели некоторый успех. Удалось также получить некоторые средства для помощи евреям беженцам от правительственных и полуправительственных учреждений, как, например, от Татьянинского Комитета.

И тем не менее, отношения евреев с Обывательским Комитетом до такой степени обострились, что Варшавская Гмина (еврейская Община), которая еще в октябре передала Обывательскому Комитету предназначенные для евреев деньги, в июле 1915 г. призывала к отдельному сбору в пользу евреев, указывая на то, что евреи, даже родившиеся в Польше, никакой помощи от Обывательского Комитета не получают.

В начале августа 1915 г. Варшава была занята немцами.

* * *

С самого начала войны появились военные приказы, которыми евреи ставились в армии в худшее положение по сравнению с неевреями. Так например, в весьма секретном приказе Управления начальника Санитарной части армий Юго-Западного фронта от 4 января 1915 г. за № 6 объявлялось, что

> «Главный начальник снабжения армий Юго-Западного фронта приказал для предотвращения противоправительственной пропаганды евреями-врачами и санитарами, для прекращения преступной пропаганды в санитарных поездах — воспретить зачислять в санитарные поезда и в другие подобные учреждения евреев-врачей и санитаров, отправляя указанных лиц в такие места, где условия мало благоприятствуют развитию пропаганды, как, например, на передовые позиции, на работы на перевязочных пунктах, уборку раненых с полей сражения и т. д.».

Был издан приказ о том, чтобы евреев-нижних чинов, а так-

же бывших волонтеров французской армии отправлять на фронт первыми уходящими маршевыми ротами.

Среди документов первого года войны надо отметить обязательное постановление, изданное командующим армией, генералом от инфантерии Эвертом 30 марта 1915 г,. в котором предписывалось «усилить наказания за мошенничество в случаях, когда обвиняемыми являются евреи, а пострадавшими части войск или отдельные воинские чины», применяя вместо 173—176 ст. Уложения о наказаниях статью 1666 Уложения.

И на фронте, и в прифронтовых местностях военные власти обвиняли евреев в шпионаже и содействии немцам после занятия ими частей российской территории. Немало было случаев расстрелов без суда или по приговорам военно-полевых судов, где обвиняемые были совершенно беззащитны и, по незнанию русского языка и отсутствию переводчиков, не знали даже, в чем их обвиняли. А обвинения бывали часто столь же неправдоподобны, как распространяемые слухи, что бородатые евреи скрывают в своих бородах телефоны, при помощи которых они сносятся с неприятелем.

В ряде мест военные власти брали заложников евреев. Так в Сохачеве 4 декабря 1914 г. было взято 12 заложников, затем их стали менять чуть ли не каждый день; было подозрение, что выпускали; требуя выкупа, а 24 декабря три заложника были казнены по неизвестной причине. Взяты были заложники евреи в многих других местах. На этой мере военное командование постоянно настаивало, требуя, чтобы в случае обнаруживания шпионов евреев заложники были повешены.

О том, до чего доходило военное командование по отношению к евреям, жившим в прифронтовой полосе, свидетельствует боевой приказ по 18 корпусу от 14 мая 1915г., в котором имеется пункт: «евреев гнать в сторону неприятеля».

Но когда дела по обвинению евреев разрешались корпусными военными судами и с участием защитников, обвиняемым почти всегда выносились оправдательные приговоры за полным отсутствием серьезных улик. Исключением явилось дело Гершановича, жителя гор. Мариамполя Сувалкской губернии, который был 20 октября 1914 г. признан виновным в содействии неприятелю после занятия немцами этого города и осужден на 6 лет каторги. Обвинение было основано на показании мусульманского имама Байрашевского, показавшего, что все еврейское население Мариамполя встретило немцев с хлебом и солью, и что назначенный немцами бургомистр Гершанович на-

стойчиво требовал, чтобы население снабжало немцев продуктами и лошадьми и об этом расклеил объявления по городу. Однако, уже через несколько недель после осуждения Гершановича было установлено, что сам Байрашевский был на службе у немцев и расклеивал те самые прокламации, в расклеивании которых он обвинял Гершановича. Байрашевский был предан суду; улики против него были столь подавляющими, что он на суде признал себя виновным и был приговорен к каторге. А приговор против Гершановича, защиту которого взял на себя О. О. Грузенберг, был отменен, Гершанович оправдан, корпусной суд установил не только невиновность Гершановича, но и отверг самый факт, что население Мариамполя снабжало немцев продуктами и лошадьми.

Члены контрразведочного отряда во главе с Чупраныком были признаны корпусным судом виновными в том, что они подбросили содержателю кинематографа еврею Айзенбигелю телефон, арестовали его по обвинению в сношениях с неприятелем и потребовали с него 5 тысяч рублей за освобождение. На суде обнаружилось, что по аналогичным обвинениям, исходящим от Чупраныка и его товарищей, были повешены 18 евреев.

* * *

До мая 1915 г. направленные против евреев мероприятия военных властей не исходили от Верховного командования и носили спорадический, местный характер. Но мероприятия эти дошли до кульминационного пункта с объявлением ставкой Верховного Главнокомандующего о якобы имевшем место предательстве евреев местечка Кужи, Ковенской губернии. Это объявление было сообщено всем частям армии. Привожу текст одного из таких приказов из материалов нашего Информационного Бюро.

«30 апреля в 12 часов дня Командир корпуса приказал сообщить всем до последнего рядового, о происшедшем в ночь с 25 по 28 апреля.

Выполняя поставленную задачу, 151-й Пятигорский полк занял деревню Кужи и расположился. Из показаний участников выяснилось, что до прихода наших частей в эту деревню, в подвалах евреями были спрятаны немецкие солдаты, и по сигнальному выстрелу Кужи запылало в разных местах, а спрятанные немцы бросились к дому, занятому командиром Пяти-

горского полка. Одновременно началось наступление неприятеля (два батальона с кавалерией), которые, уничтожив две наши заставы, обрушились на эту деревню. Когда объятый пламенем дом начал рушиться, командир полка полковник Данилов приказал сжечь знамя, сохранив скобу. После исполнения приказания полковник Данилов выскочил в окно и был убит. Подошедшими частями Пятигорского полка удалось потеснить противника и извлечь остатки обгорелого знамени из развалин печки. В ту же ночь имел место следующий возмутительный случай, лишний раз показывающий немцев, как зверей человечества и вновь доказавший великий дух русского солдата и преданность его Царю и Родине. Рядовой 2-ой роты Пятигорского полка Водяной на разъезде был схвачен немецким разъездом и за отказ дать сведения о расположении своих войск подвергся по приказу начальника разъезда истязаниям: рядовому Водяному немцы отрезали язык и уши. За высокое исполнение долга рядовой Водяной награжден Георгиевским крестом с производством в ефрейторы, и о его доблести донесено Верховному Командованию.

Пусть все изложенное (служит) всем от генерала до рядового постоянным напоминанием, что мы воюем с врагом варваром, почему все от первого до последнего в своих действиях должны твердо помнить предательство и коварство неприятеля.

Подлинное подписал:
Полковник Федотов.

С подлинным верно:
Начальник Штаба подполковник
Карпенко».

Объявления об этом якобы имевшем место предательстве были расклеены повсеместно, напечатаны во всех газетах, в том числе и в «Правительственном Вестнике», а в Ташкенте было отслужено молебствие за избавление от еврейского предательства.

Едва ли не в первом авторитетном опровержении этого обвинения мне случайно пришлось принять активное участие. Приехавший из Шавель вскоре после начала войны из-за занятия Шавель немцами, доктор Датновский сообщил мне, что в Петербург вскоре после объявления о Кужах приехал Шавельский уездный предводитель дворянства Быстрицкий, и что он негодует по поводу объявления о предательстве в Кужах, хорошо ему знакомых. По моей просьбе доктор Датновский устроил

свидание Быстрицкого с О. О. Грузенбергом и мною. Г. Быстрицкий рассказал нам, что он хорошо знает каждый дом в Кужах и что в очень немногих из них имеются погреба, которые притом пригодны только для хранения картофеля. Их трудно назвать подвалами и спрятать в них нельзя и десятка человек. К тому же, по его заявлению, большинство домов принадлежит литовцам и лишь не более двух — евреям. По мнению Быстрицкого, было очевидно, что начальник занявшего Кужи отряда, вытеснившего оттуда немцев, не позаботился на ночь принять меры предосторожности. Отряд и был схвачен немцами врасплох, почему и была придумана версия о еврейском предательстве, впоследствии объявленная Главным Командованием во всеобщее сведение. По нашей просьбе Быстрицкий все им изложенное подтвердил в письме в редакцию, напечатанном в газете «Речь».

Лживость Кужского навета была затем с несомненностью установлена поехавшим, по просьбе Политического Бюро, в Ковенскую губернию после состоявшегося оттуда выселения евреев, членом 4-ой Государственной Думы А. Ф. Керенским. То же было установлено и расследованием, произведенным гражданскими властями. Но в результате якобы имевшего место предательства в Кужах уже было произведено сплошное, без всяких исключений, выселение евреев из значительных частей Ковенской (5 мая) и из Курляндской губерний (27—28 апреля).

Привожу текст приказа, полученного администрацией Ковенской губернии:

> «Вследствие распоряжения командующего армией подлежат поголовному выселению все евреи, проживающие к западу от линии Ковно — Янов — Вилькомир — Рогов — Поневеж — Посволь — Салаты — Бауск. Перечисленные пункты также входят в число местностей, из коих подлежат выселению евреи. В отношении евреев, проживающих в ныне занятых германскими войсками местностях, надлежит приводить в исполнение указанную меру немедленно вслед за занятием их нашими войсками. Выселяемые евреи должны отправиться на жительство в один из следующих уездов: Бахмутский, Мариупольский и Славяносербский Екатеринославской губернии и Полтавский, Гадячеський, Зеньковский, Кобелякский, Константиноградский, Лохвицкий, Лубянский, Миргородский, Роменский и Хорольский Полтавской губернии. Предельным сроком выселения назначено 5 сего мая. После этого срока пребывание евреев к западу от

указанных границ будет караться по законам военного времени, а чины полиции, не принявшие действительных мер к исполнению указанного распоряжения, будут устраняться от должностей и предаваться суду. Давая знать об изложенном для исполнения, предлагаю об окончании поголовного выселения евреев за указанную границу вверенной вам местности донести мне телеграммой к 12 часам ночи 5-го мая. О ходе выселения евреев из местностей, занятых ныне неприятелем, доносить по мере исполнения».

Выселение производилось с неслыханной жестокостью. Полиция вечером 3 мая начала извещать евреев гор. Ковно о том, что они должны оставить город не позже 12 часов ночи 5 мая. Выселены были тяжело больные из больниц, роженицы, целые дома сумасшедших, раненые солдаты, семьи солдат, сражавшихся на фронте.

Нечего говорить, как потрясено было всем этим еврейское население России. Уже в эмиграции мы узнали из появившихся в 18-м томе Архива Русской Революции, издававшегося И. В. Гессеном, записей о секретных заседаниях Совета министров 16-го июля — 2 сентября 1915 года, что и Правительство было чрезвычайно возмущено этими мерами. Как свидетельствует помощник управляющего делами Совета министров А. П. Яхонтов, 4 августа, «даже непримиримые антисемиты приходили к членам правительства с протестами и жалобами на возмутительное отношение к евреям на фронте» (стр. 42).

Нам было особенно больно, что в то же время видные либеральные общественные деятели считали, что борьба с такими действиями военных властей несовместима с патриотизмом. Я хорошо помню, как поздно вечером в тот день, когда был объявлен приказ о выселении евреев из частей Ковенской и Курляндской губерний, А. И. Браудо и я пошли в редакцию «Речи».

Мы хотели проследить за тем, чтобы этим событиям была дана надлежащая оценка во влиятельной либеральной газете. Мы сперва пошли в комнату И. В. Гессена, сказавшего нам, что он бессилен что-нибудь предпринять в этом направлении, и предложил нам поговорить с П. Н. Милюковым. Последний нам сказал: «мы не можем в военное время критиковать действия военных властей». Я обратил внимание Милюкова на тот пункт приказа, в котором говорилось, что из мест, занятых неприятелем, евреи должны быть выселены по мере очищения их от неприятеля, и спросил его, за чью победу он прикажет молиться евреям города Шавли, занятого немцами, и думает ли он, что такие ме-

роприятия содействуют успехам русского оружия. Милюков только руками развел и «Речь» никак не отозвалась на эти выселения.

Хочу отметить, что аналогичное отношение со стороны Милюкова встретил и упомянутый мною выше председатель военной Комиссии при Варшавском общинном управлении Абрам Подлишевский. Рассказывая в появившихся в 1931 г. мемуарах о своей поездке в Петербург ч Москву, куда он с другими представителями общины поехал в 1915 году, о встречах с кадетскими деятелями, Подлишевский пишет, что в то время, как кн. Львов и Ледницкий отнеслись тепло, «Милюков был холоден и сказал: идет война и мы должны ее выиграть».

Я, конечно, уверен, что Милюков, совершенно чуждый антисемитизму, осуждал выселения евреев. Но по соображениям тактического характера — ошибочным и крайне вредным — он считал нужным их замалчивать.

Такого взгляда, — что критика военных властей во время войны не допустима — Милюков держался еще в течение некоторого времени, несмотря на осуждение этой позиции рядом его товарищей по кадетской партии. Я хорошо помню собрание представителей русской интеллигенции в квартире у писателя Федора Сологуба. Из еврейских деятелей присутствовали всего трое, — кроме меня, А. И. Браудо и И. М. Бикерман. Кадеты, в том числе и члены правого крыла к. д. партии, например, П. Б. Струве, в резкой форме упрекали Милюкова за то, что «Речь» не осудила выселения евреев и не протестует против мероприятий властей против них. Возражая своим оппонентам, Милюков объяснил свое поведение тем, что он не хочет доставить радости Берлину. В блестящей речи, имевшей большой успех, ему отвечал И. М. Бикерман.

И. М. Бикерман в своей речи доказывал, что то, что военные власти делают с евреями, в разных отношениях вредно для успеха войны. «П. Н. Милюков, закончил он, не хочет доставить Берлину радость, но его тактика может не только принести Берлину радость, но и содействовать победе Берлина».

М. М. Винавер от имени Центрального Комитета Партии Народной Свободы (к. д.) прочел на конференции делегатов партии и членов фракции, состоявшейся 6-8 июня 1915 г., доклад по еврейскому вопросу, в котором подробно описывались неслыханные меры; предпринимаемые против евреев. Предложенная им резолюция, резко эти меры осуждающая, была единогласно принята.

Хочу отметить, что в большой речи, произнесенной в заседании Государственной Думы 19-го июля Милюков коснулся и преследований евреев. Он говорил о том, что «этот несчастный народ сделался предметом какого-то изуверства», что «целый народ огульно обвиняют в предательстве или измене и что «за этим огульным обвинением последовали из того же узкого партийного источника, прикрывавшегося военными полномочиями, небывалые меры круговой ответственности за несовершенные преступления, напоминающие дикие времена глубокого средневековья и унижающие нас во мнении всего образованного света».

Трудно объяснить, почему Милюков мероприятия, несомненно и открыто исходившие от военных властей, что не могло быть неизвестным ему, приписывал узкому партийному источнику, прикрывающемуся военными полномочиями.

Я упомянул выше о поездке по просьбе Политического Бюро А. Ф. Керенского в части Ковенской губернии, из которых евреи были выселены. В Политическом Бюро мы все были того мнения, что поездка члена Государственной Думы, нееврея, — еврей-депутат совершить ее не мог: Фридману было отказано в разрешении поехать туда на короткое время, для устройства своих дел, — была бы очень целесообразна. Обследовав положение и убедившись, в чем мы сами были уверены, в лживости возводимых на евреев наветов и, в частности, вымышленной истории с еврейским предательством в Кужах, член Государственной Думы по возвращении мог бы ознакомить Думу и широкие слои общества с установленными фактами.

По предложению Брамсона, Браудо и моему решено было просить А. Ф. Керенского эту поездку совершить. Его поездка дала, как было признано всеми, весьма благоприятный результат. В своих речах в Думе Керенский в категорической форме и на основании лично им установленных фактов доказывал лживость фантастических обвинений и неоднократно протестовал против мер военных властей в отношении евреев.

По моему предложению было решено направить в «освобожденные от евреев» местности компетентного экономиста — для обследования того, как отразилось выселение евреев в этих местностях. Для этой задачи мы наметили известного экономиста Огановского. Вернувшись из своей поездки, Огановский написал статью, опубликованную в «Северных Записках» в 1915 году, в которой рисует крайне вредные последствия выселения евреев для экономического положения этих местностей и подроб-

но описывает ущерб, причиненный этим выселением оставшемуся нееврейскому населению.

Очень скоро после сплошных выселений из частей Ковенской и Курляндской губерний военные власти, уступая настойчивым требованиям правительства, указавшего на крайний вред, этими выселениями причиняемый, признали, что поголовное массовое выселение евреев является «крайне затруднительным и вызывающим много нежелательных осложнений». Вследствие этого военное командование распорядилось «приостановить» выселения и об этом сообщило гражданским властям. Распоряжения эти были сделаны 10 и 11 мая, в то время, как выселения были закончены 5-го мая, так что и о «приостановке» не могло быть уже речи — выселенные евреи в товарных вагонах, на которых часто было написано мелом «шпионы» ехали на восток, о чем военные власти не могли не знать. Не могли они не знать, что те условия, которые они ставили, «приостановка», т. е. фактическое возвращение выселенных совершенно неприемлемы, — они требовали взятия заложников из неправительственных раввинов и богатых евреев «с предупреждением, что в случае измены со стороны еврейского населения, заложники будут повешены».

* * *

Я уже выше упомянул о неоднократных случаях взятия заложников.[10]

Заложники брались принудительно и с этим евреи бороться не могли. Теперь же было создано положение, при котором сами евреи должны были купить право возвращения дачей заложников! По этому поводу член Государственной Думы Н. М. Фридман обратился к председателю Совета министров с письмом, извлечение из которого я приведу. Текст письма был обсужден в Политическом Бюро.

> «По последним распоряжениям подлежащих властей выселенным евреям разрешается возвращение на родину под условием представления заложников. Этого чудовищного условия, ставимого властью своим подданным, еврейское население не примет. Оно предпочтет скитание и голодную

[10] О приказе брать заложников за евреев в Галиции, и о расклеенном в крепости Новогеоргиевске приказе 27 окт. 1914 г. см. статью А. А. Гольденвейзера в этом сборнике.

смерть исполнению требования, которое позорит его гражданскую и национальную честь. Евреи честно исполняли и будут исполнять свой долг перед родиной до конца. Никакие жертвы их не устрашат и никакие гонения не сведут их с пути чести. Но никакие гонения и не заставят их провозгласить ложь, свидетельствовать своим подчинением, что гнуснейшая клевета есть истина. Когда грозный враг бросил вызов России, еврейский народ грудью встал на защиту родины, и на мою долю выпала честь быть в историческом заседании Государственной Думы выразителем этого единодушного возвышенного порыва. Еврейский народ охотно принимал на себя требуемую родиной жертву из глубокого сознания долга перед страной, с которой его связывают многовековые исторические узы и искренние чаяния общего светлого будущего. И я могу с убеждением заявить, что и теперь, после всего пережитого, это сознание долга так же крепко в нас, как было раньше. Но с тем же глубоким убеждением считаю себя вправе и обязанным сказать, что никакие лишения не сломят нашего непреклонного убеждения в том, что как русские подданные, мы не можем быть объектом мероприятий, применимых только к врагам и подлым предателям; что мы считаем и не перестанем считать себя выше всяких общих подозрений в гнусной измене долгу присяги».

Интересно, что от имени евреев, выселенных из Вилькомира написано было письмо Главнокомандующему Армиями Северо-Западного фронта, по содержанию очень сходное с письмом Н. М. Фридмана, хотя оно написано совершенно независимо и, притом, по-видимому, малообразованным человеком. Приведу текст этого письма.

«Ваше Высокопревосходительство, Вилькомирский исправник прочел нам, выселенцам города Вилькомира, приказ о разрешении выселенцам из района боевых действий вернуться в родные места под ответственностью заложников. Обрадованные возможностью вернуться в свой очаг, мы в то же время оскорблены в наших патриотических чувствах в требовании заложников от своих верных же подданных, сыновья и братья которых сражаются за честь и славу России. Это требование клеймит предательством целый народ, религия которого сурово осуждает измену своей родине, как тяжкий грех; история коего решительно не знает ни одного примера неверности приютившему его отечеству.

Мы беспредельно опечалены истребованием заложников, косвенное признание усердно распространяемого злоумышленниками огульного обвинения евреев в предательстве, несмотря на то, что, как только оно подвергается должному судебному расследованию, его несостоятельность всегда почти выступала с полной ясностью.

Твердая уверенность в отсутствии еврейской измены не избавляет нас от страха злостной провокации, и ложных доносов лжесвидетельствовавших врагов, могущих ввести скорый полевой суд в заблуждение, когда следствие может оказаться гибельным для заложников. Этот страх заставляет нас всепокорнейше просить Ваше Высокопревосходительство (разрешить) вернуться домой под своей личной ответственностью. Карайте каждого из нас, если окажется виновным со всей строгостью законов военного времени, но не заставляйте нас подвергать ни в чем неповинных единоверцев серьезной опасности, грозящей заложникам со стороны врагов еврейства.

С сокрушением молим об отмене требования, позорящего честь нашего народа и лишающего возможности нас вернуться домой, за отсутствием видных членов нашей общины, годных в заложники.

В поспешности совершенного выселения, не имев времени захватить с собой даже самого необходимого на дорогу, мы, лишенные средств к существованию, измученные беспомощным скитанием, изнуренные продолжительным голодом, валяемся под открытым небом.

Сжальтесь над невинно разоренными, возмутительным наветом брошенными в бездну несчастий и разрешите нам вернуться на родину.

От имени Вилькомирских выселенцев.

(подпись)».[11]

---

[11] Очевидно, группа выселенцев из Вилькомира, к которым обратился 11 мая Вилькомирский исправник, оставалась еще в той небольшой восточной части Ковенской губернии, из которой евреи не подлежали выселению.

С таким же объявлением о возвращении, под условием дачи заложников, к выселенцам обратились гражданские власти и в местах отдаленных от Ковенской губернии. Так, например, приказом от 29 мая 1915 г. № 2780 Черниговский губернатор приказал Стародубскому исправнику осведомить выселенцев о том, под каким условием им может быть разрешено возвращение.

В результате предложения вернуться на столь унизительных условиях, несмотря на то исключительно тяжелое положение, в котором находились выселенцы, ими приняты не были.

* * *

Выше я упомянул о записях А. Н. Яхонтова, опубликованных в Архиве Русской Революции. Как видно из этих записей, возглавляемое Горемыкиным правительство продолжало делать все усилия, чтобы добиться у Главнокомандующего прекращения диких мер в отношении евреев и отмены мер, уже принятых. Оно проявило в этом отношении большую настойчивость. Но ген. Янушкевич, автор всех этих мер, был непреклонен и не остановился перед тем, чтобы сообщить Совету Министров, что он находит «все принятые в отношении евреев меры весьма слабыми и не остановился бы перед усилением их в еще более значительной степени».

В какой мере усилия правительства оказались безуспешными, можно судить по речи министра внутренних дел, князя Щербатова, в заседании Совета Министров 4 августа 1915 г. (стр. 43).

> «Наши усилия вразумить Ставку», сказал кн. Щербатов, «остались тщетными. Все доступные нам способы борьбы с предвзятыми тенденциями исчерпаны... Мы все вместе и каждый в отдельности неоднократно и говорили, и писали, и просили, и жаловались. Но всесильный Янушкевич считает для него необязательными общегосударственные соображения; в его планы входит поддерживать в армии предубеждение против всех вообще евреев и выставлять их, как виновников неудач на фронте. Такая политика приносит свои плоды, и в армии растут погромные настроения. Не хочется этому верить, но мы здесь в своей среде и я не скрою подозрения, что для Янушкевича это едва ли не является одним из тех алиби, о которых в прошлый раз упоминал А. В. Кривошеин»...

Действительно, чем неуспешнее были операции руководимой Янушкевичем русской армии, тем жесточе становились меры, принимаемые против евреев, тем больше наветов, лишенных всякого основания, военное командование возводило на евреев. Не даром министр земледелия Кривошеин в заседании 12 августа сказал: «дальше нельзя длить создавшуюся неопределен-

ность (с предполагаемой отставкой Вел. кн. Николая Николаевича), хотя бы потому, что с нею длится и господин Янушкевич. Его присутствие в Ставке опаснее немецких корпусов, особенно, если он уже осведомлен о грозящей ему судьбе».

Не следует однако думать, что возглавляемое Горемыкиным правительство состояло из либералов и юдофилов. Все министры, за исключением министра народного просвещения Игнатьева и отчасти министра земледелия Кривошеина, были весьма консервативными людьми. Не был ни либералом, ни юдофилом и кн. Щербатов – о последнем свидетельствует то, что в заседании Совета Министров от 9 августа 1915 года, он сказал: «Конечно, С. В. Рухлов совершенно прав в своих указаниях на разрушительное влияние евреев».

Но и эти министры настойчиво боролись с тем, что военные власти проделывали с евреями, справедливо считая, что эти меры в конечном счете приносят вред всему государству и сказываются на ведении войны.

В частности, доходившие до союзных стран сведения об этих бесчинствах ген. Янушкевича вредили престижу России за границей. Это не раз сообщали послы союзных стран министру иностранных дел Сазонову, который чуть ли не в каждом заседании Совета Министров говорил об этом своим коллегам. Особенно настойчиво указывал на вред преследования евреев итальянский посол Карлотти, притом не в частной беседе с Сазоновым, а в официальном представлении по поручению правительства, которое лишь незадолго перед тем вступило в войну на стороне союзников.

В то же время Германия широко использовала меры русского командования против евреев для агитации против России, в особенности в нейтральных странах. Читая уже в эмиграции, эти записи о том, что говорилось в заседаниях возглавляемого Горемыкиным Совета Министров, я не мог не отметить, как близки были взгляды членов Совета Министров к тому, что высказал И. М. Бикерман в собрании у Сологуба приблизительно в то же время.

Массовые выселения евреев из прифронтовых мест создали положение, при котором пересмотр положения о черте оседлости стал неизбежен. О предстоящей отмене черты оседлости пошли настойчивые слухи. Министр внутренних дел кн. Щербатов сказал Г. Б. Слиозбергу о том, что такая мера действительно предполагается. Однако, в результате обсуждения этого вопроса в Совете Министров, к разочарованию евреев, черта оседлости

была отменена не целиком. Был издан так называемый Щербатовский циркуляр,[12] в котором сохранялось воспрещение евреям селиться в сельских местностях, казачьих областях, столицах и резиденциях царской семьи.

Если даже и правительство было бессильно бороться со ставкой в вопросе о преследовании евреев, то нечего говорить, что сами евреи никакого успеха в этом вопросе иметь не могли.

Евреи-депутаты выступали с речами и предложениями, встречали поддержку у депутатов левых партий и обычно у кадетов, но их предложения и поправки почти всегда отклонялись. Едва ли не еще хуже стало положение, когда 25-го августа 1915 года был образован так называемый прогрессивный блок. В него вошли от Думы прогрессивные националисты, группа центра, земцы октябристы, прогрессисты и кадеты, а от Государственного Совета группа академическая, центр и — условно — группа беспартийного объединения. Об евреях говорил пункт 5 программы блока. Он гласил: «вступление на путь отмены ограничений в правах евреев, в частности, дальнейшие шаги к отмене черты оседлости, облегчение доступа в учебные заведения и отмена стеснений в выборе профессий».

Из записей Яхонтова мы узнаем о состоявшемся 27 августа 1915 года собрании у Государственного Контролера Харитонова с участием специальных представителей Прогрессивного блока: Милюкова, Дмитрюкова, С. Шидловского и Ефремова. В своем докладе об этом собрании Харитонов, как записал Яхонтов, сказал:

> «В еврейском вопросе тоже не заметно особой решительности в смысле немедленного равноправия. Наши опасения погромов в сельских местностях не опровергались. Сущность требований — дальнейшие шаги по пути смягчения режима для евреев, но не сразу, а постепенно».

Еврейскими депутатами был внесен спешный запрос о незакономерных действиях властей в отношении евреев, проживающих в районе театра военных действий. Вопрос о признании спешности запроса обсуждался в заседании Государственной Думы 8 августа 1915 г. С речами за признание спешности

---

[12] Об обсуждении вопроса о пересмотре положения о черте оседлости в Совете Министров см. статью А. А. Гольденвейзера в настоящем сборнике. В ней приведен и текст Щербатовского циркуляра.

выступали депутаты — соц.-дем. Чхеидзе и трудовик Дзюбинский. Большинством голосов спешность была отвергнута, и запрос был сдан в комиссию, которой был дан двухнедельный срок для представления доклада. 3 сентября 1915 г. сессия Думы была прервана, а когда 9 февраля 1916 года заседания ее возобновились, то ни до нового перерыва сессии Думы, ни после возобновления заседаний запрос этот на повестку поставлен не был.

В августе 1915 г. Государь перенял Главное Командование, а великий князь Николай Николаевич был переведен на Кавказ, куда, по его ходатайству, был переведен и ген. Янушкевич. Этот яростный антисемит вряд ли имел возможность действенно проявлять свой антисемитизм в широкой степени. Но и с остальных главных фронтов более не поступало сведений о мерах военных властей того огульного характера, какие исходили раньше от Янушкевича.

Однако погромные настроения по отношению к евреям, о распространении которых в армии говорил в заседании Совета Министров кн. Щербатов, продолжали проявляться.

* * *

Хотя правительство всячески протестовало против действий Янушкевича, направленных против евреев, оно само, можно сказать, стало на его путь.

Два министерства — внутренних дел по Департаменту Полиции и министерство финансов по Департаменту Окладных сборов, — разослало возмутительные, направленные против евреев циркуляры. Копии обоих циркуляров были получены Информационным Бюро при Политическом Бюро. Первый, который был подписан и. д. директора Департамента Полиции Кафафовым и стал известен под именем «Кафафовского циркуляра», был привезен в Петербург общественными деятелями двух разных губерний. Они не решились послать его по почте.

Циркуляр Департамента Полиции гласил:

Губернаторам, Градоначальникам, Начальникам Областей и Губернским Жандармским Управлениям.

По полученным в Департаменте Полиции сведениям, евреи посредством многочисленных подпольных организаций

в настоящее время усиленно заняты революционной пропагандой, причем с целью возбуждения общего недовольства в России, они помимо преступной агитации в войсках и крупных промышленных и заводских центрах Империи, а равно подстрекательства к забастовкам, избрали еще два важных фактора — искусственное вздорожание предметов первой необходимости и исчезновение разменной монеты.

Исходя из тех соображений, что ни военные неудачи, ни революционная агитация не оказывают серьезного влияния на широкие народные массы, революционеры и их вдохновители евреи, а также тайные сторонники Германии, намереваются вызвать общее недовольство и протест против войны путем голода и чрезмерного вздорожания жизненных продуктов. В этих видах злонамеренные коммерсанты несомненно скрывают товары, замедляют их доставку на места и, насколько возможно, задерживают разгрузку товаров на железнодорожных станциях.

Благодаря недостатку звонкой монеты в обращении, евреи стремятся внушить населению недоверие к русским деньгам, обесценить таковые и заставить таким образом вкладчиков брать свои сбережения из государственных кредитных учреждений и сберегательных касс, а металлическую монету, как единственную, якобы имеющую ценность, прятать. По поводу выпуска разменных марок евреи усиленно распространяют среди населения слухи, что Русское правительство обанкротилось, так как не имеет металла даже для монеты.

Вместе с тем еврейские агенты повсеместно скупают по повышенной цене серебряную и медную монету. По тем же сведениям, широкое участие евреев в опасной преступной деятельности, по-видимому, объясняется стремлением добиться отмены черты оседлости, так как настоящий момент они считают наиболее благоприятным для достижения своих целей путем поддержания смуты в стране.

Об изложенном Департамент Полиции сообщает Вам для сведения.

И. д. Директора Кафафов.

Второй циркуляр — министерства финансов, по Департаменту Окладных сборов гласил:

«Товарищ министра Внутренних Дел, Свиты его Величе-

ства генерал-майор Джунковский сообщил Министерству Финансов данный им Губернаторам циркуляр о том, что по поступившим в Департамент Полиции непроверенным сведениям, германцы, с целью подорвать благосостояние крестьянского населения России, намереваются летом настоящего года произвести в различных местностях Империи посредством особых машин выжигание хлебов на корню, для чего будто бы подготовляются особые инструктора мер предосторожности, в пределах России, якобы распространяются особые листы на немецком языке. По тем же сведениям и в выполнении такого плана принимают участие также немцы, числящиеся в русском подданстве, и привлеченные к этому делу путем подкупа евреи.

Хотя указанные сведения, как сказано выше, не проверены, и, возможно, что являются не вполне достоверными, тем не менее, в виду серьезности вопроса, Департамент имеет честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, об изложенном поставить в известность подведомственных Вам чиновников податного надзора, предложив при этом, в случае, если до них дойдут какие-нибудь по настоящему предмету сведения, безотлагательно доводить о том до сведения местной администрации.

Вместе с тем, Вы имеете предложить Податным Инспекторам и их помощникам при служебных разъездах ознакомить с содержанием настоящего циркуляра лиц волостной и сельской администрации, указывая при этом на необходимость принять безотлагательные и притом самые решительные меры к прекращению вышеупомянутых преступных действий, если таковые будут иметь место в действительности. Подлинный за надлежащими подписями».

Об этих двух циркулярах был внесен спешный запрос в Государственную Думу. Первыми, подписавшими запрос, были депутаты-евреи. Запрос обсуждался в заседании Государственной Думы 8 марта 1916 г. и речи за признание его спешности произнесли с. д. Туляков и трудовик Вершинин. Спешность была принята 91 голосом против 49. За спешность, по-видимому, голосовали и крайне правые, представитель которых Замысловский первым получил слово. Он произнес речь совершенно погромного характера, причем все время говорил о «жидах» и «жидовском запросе».

С. д. Чхенкели крикнул: «хулиган»! Тогда председательству-

ющий товарищ председателя Думы Протопопов (ставший впоследствии печально известным, как последний министр внутренних дел царского правительства) призвал Чхенкели к порядку и предложил исключить его на одно заседание. Это предложение было принято Думой, после чего с. д. Скобелев также крикнул Замысловскому «хулиган» и также был исключен. Против исключения голосовали трудовики и с. д., еврейские депутаты и часть кадетов.

В следующем заседании с объяснениями выступили представители обоих министерств. Товарищ министра Кузьминский заявил, что циркуляр был выпущен без ведома министра и отменен последним, как только он о нем узнал. Характерно, что хотя министром финансов был Барк, отнюдь не имевший репутации антисемита, о том, чтобы отменив циркуляр, он принял какие-нибудь меры против виновников его рассылки — сведений не было. От имени министра внутренних дел выступил сам подписавший циркуляр Кафафов. Он сказал, что сведения, изложенные в циркуляре, получены были из «высоко авторитетного источника». Было ясно, что он имел в виду Верховное Командование. В свое оправдание он сослался и на то, что и до и после издания этого циркуляра он подписывал распоряжения, предписывающие принимать меры к предотвращению еврейских погромов.

После этих объяснений представителей министерств, слово по мотивам голосования получил земец-октябрист гр. Капнист 2-ой. Он заявил, что в прениях по бюджету министерства внутренних дел он и его друзья осуждали мероприятия, направленные против евреев, но что для запроса он не видит юридических оснований. К тому же прошлое заседание (в котором выступал Замысловский) показало, как опасно такие вопросы возбуждать. По этим основаниям и в интересах мира, «мы, сказал он, будем голосовать за отклонение запроса».

Это краткое заявление произвело на присутствующих — я был в их числе — может быть, еще более тяжкое впечатление, чем непристойное выступление Замысловского. С. д. Чхенкели и Скобелев протестуют. Скобелев воскликнул: «Прогрессивный блок мертв, да здравствует регрессивный блок», а Чхенкели: «то, что автор циркуляра выступает здесь, а не сидит на скамье подсудимых — позор, позор, позор!».

Трудовая фракция также подала председателю письменный протест против того, что председательствующий в заседании 8 марта Протопопов допустил употребление обидного для евреев слова «жид».

После заявления Капниста отклонение запроса, притом огромным большинством, было неизбежно. Тогда при помощи Милюкова удалось получить слово депутату еврею Бомашу, первому подписавшему запрос, которому председатель сначала предоставить слова не хотел. Бомаш заявил, что в виду отмены министром финансов циркуляра, с одной стороны, и того факта, что подписавший второй циркуляр сослался на подписанные им циркуляры о предотвращении погромов, он запрос снимает.

Такой исход предпринятой против циркуляра акции произвел в еврейских кругах самое гнетущее впечатление. И в прессе, и в собраниях различных обществ еврейским депутатам бросали упреки в недостатке мужества. Следует, однако, принять во внимание, что они тут же на месте должны были немедленно решить вопрос о том, допустить ли до голосования и отклонения запроса или снять его. Вероятно, первое было бы правильнее. Но в виду огромной ответственности вряд ли кто-либо решится бросить камнем в еврейских депутатов за принятое ими решение.[13]

В блестящей статье в «Новом Пути» Г. А. Ландау, воздерживаясь от осуждения еврейских депутатов, доказывал, что вывод, который они должны сделать из случившегося, это выход из прогрессивного блока. То же, называя исход заседания позорным, высказал в «Еврейской Жизни» член Политического Бюро от сионистов Алейников. По-видимому, еще до этого инцидента за выход из Прогрессивного Блока в статье в «Еврейской Жизни» высказался Ю. Б. — (Ю. Д. Бруцкус).

События в России развивались с головокружительной быстротой. Менее, чем через год после заседания, посвященного Кафафовскому циркуляру, произошла революция 1917 года. Она разрешила вопрос о равноправии евреев в положительном смысле. Ни с какой стороны не было возражений против того,

[13] Н. М. Фридман скончался в 1921 г. в возрасте 58 лет. Незадолго до своей смерти он, тяжело больной, приехал в Берлин, где я его навестил в госпитале. Все, имевшие случай видеть, сколько сил Н. М. Фридман тратил на защиту русского еврейства в исключительно трудные для русского еврейства годы и с каким достоинством он выполнял свою задачу, искренно оплакивали его кончину.

что все граждане должны быть равны перед законом. Для выработки соответствующего декрета министр юстиции А. Ф. Керенский образовал особую комиссию, единственным членом-евреем которой был Л. М. Брамсон. Последний был в постоянном контакте с беспрерывно заседавшим Политическим Бюро. Бюро высказалось за то, чтобы не издано было специального декрета о равноправии евреев — были голоса и за такое решение — а чтобы декрет носил общий характер, и отменял все существующие — вероисповедные и национальные ограничения. Но напуганные прежним опытом, евреи выразили пожелание, чтобы в декрете были перечислены статьи законов, им отменяемых, хотя, конечно, пропуск той или иной статьи в этом списке не привел бы к тому, чтобы она осталась в силе, так как вступительная часть декрета провозглашала отмену всех противоречащих принципу равноправия законов.

Декрет о равноправии был подписан меньше чем через месяц после начала революции — 20 марта 1917 г. и опубликован 22 марта 1917 года.

Политическое Бюро постановило отправить к министру-председателю кн. Львову и также в Совет Рабочих Депутатов депутацию, но не с тем, чтобы выразить благодарность, а с тем, чтобы поздравить Временное Правительство и Совет с изданием этого декрета. Так гласило постановление Политического Бюро.

Мы отправились сначала к кн. Львову, где приветственная речь была произнесена Н. М. Фридманом. На нее ответил кн. Львов, речь которого была опубликована в «Правительственном Вестнике». Оттуда мы отправились в Президиум Совета Рабочих Депутатов, где от имени Политического Бюро говорил О. О. Грузенберг, речь которого напечатана в его «Очерках и Речах», вышедших в 1944 г. в Нью-Йорке.

Посылка этой депутации была последним актом Политического Бюро.

Задача, как нам казалось, была разрешена. К тому же прежние партийные группировки потеряли свое значение.

* * *

Когда после октябрьского переворота большинство участников Политического Бюро собиралось покинуть Россию, было решено составить комплекты наиболее существенных материалов Информационного Бюро. Один экземпляр этого комплекта был передан в Петербургскую Публичную Библиотеку через А.

И. Браудо, а остальные экземпляры должны были быть пересланы за границу для передачи в Британский Музей, Парижскую Национальную Библиотеку и в Палестину И. А. Розову. Однако, ни один из пересланных за границу экземпляров не дошел по назначению, а переданный А. И. Браудо для СПБ Публичной Библиотеки экземпляр после кончины А. И. Браудо не мог быть там разыскан. Но совершенно случайно один экземпляр был обнаружен в Финляндии — очевидно, оставленный там лицом, взявшимся доставить его в Лондон или в Париж и в последний момент не решившимся на это в виду риска, сопряженного с тайной перевозкой такого документа через границу.

Этот экземпляр был мне доставлен в Берлин и передан мною И. В. Гессену для опубликования в его «Архиве русской революции». Документы эти были напечатаны в 19 томе «Архива».

ПРИЛОЖЕНИЕ

(см. стр. 64)

ЗАЯВЛЕНИЕ ЕВРЕЙСКИХ ГРАЖДАН, ПОДПИСАННОЕ СВЫШЕ 6000 ЛИЦ

«В настоящее время обостренной постановки всех вопросов жизни русского государства и еврейский вопрос в его целом впервые после многих лет поставлен на очередь законодательной работы.

Правда, его далеко не забывали и в предшествующее время, его даже назойливо выставляли на первый план, подвергая евреев в жизни жестокой травле, в административном обиходе — беспрерывным угнетениям, в законодательстве — всесторонним ограничениям. Евреями пользовались, как громоотводом для разряжавшихся на сумрачном небе всенародного неустройства молний, стремились отвести на них нараставшее недовольство, выместить на них народные обиды.

Евреям тщательно закрывали доступ к просвещению, их отстраняли от общественной и государственной службы, во всех ее проявлениях; ограничивали в выборе занятий и местожительства; громадное большинство — массу заперли в перенаселенных городах и местечках черты оседлости, предоставляя им там вымирать от голода и болезней. То, что по отношению к другим являлось нарушением прав личности, прав имущественных, по отношению к евреям стало нормальным порядком существования. И как в экономическом отношении — масса доводилась до нищеты, а привилегированным группам всячески затруднялось существование, так в нравственном — евреев забрасывали грязью, стремясь унизить душу гнетом бесправия, позором бессильного перенесения обид. Не было того шага, который еврей мог бы сделать, свободно дыша; не было минуты в его жизни, уголка в его существовании, где бы кошмаром над ним не тяготело насилие, безнадежно отравляя то, что еще называлось жизнью.

И вот теперь собираются пересмотреть касающийся нас регулированный произвол и в известных пределах его видоизменить.

Мы не предугадываем результатов этого пересмотра: вне коренного изменения государственного строя России мы не можем рассчитывать на удовлетворение им наших запросов.

Тем не менее в эту минуту открытого проявления всех общественных требований и мы считаем своим долгом громко и недвусмысленно выяснить свой взгляд на наше положение, как евреев.

Мы заявляем, что считаем бесплодной всякую попытку удовлетворить и успокоить еврейское население какими либо частичными улучшениями. Мы ждем равноправия. И не во имя того мы его ждем, что евреи при достижении его принесут остальному населению пользу или будут способствовать укреплению чьего-либо благосостояния, и не в благодарность за то мы желаем его, что наши братья проливают кровь на полях Манчжурии, как они проливали ее и в предшествовавших войнах, и даже не на том основании мы его требуем, что можем выставить исторические доказательства своей многовековой жизни на территориях, входящих в состав государства российского. Мы требуем равноправности и равноподчиненности общим законам, как люди, в которых несмотря ни на что живо чувство собственного достоинства, как сознательные граждане современного государства. Мы требуем уничтожения тяготеющих над нами ограничений во имя элементарного достоинства человеческой личности, во имя основ культурного правопорядка.

И мы заявляем, что считаем несостоятельной всякую политику постепенного устранения тяготеющих над нами ограничений. Не признавая права давности за преследованием народа, мы не считаем, что продолжительность предшествовавшего угнетения давала основание для постепенности освобождения от него. То, чего мы хотим, не представляет суммы льгот и не может быть распределено на порции. Не об облегчении нашего существования идет речь. Облегчение может быть большим и меньшим, — речь идет о равноправности, а равноправность неделима.

Мы ждем уравнения нас в правах с русским народом; наравне и вместе со всеми народами России мы и будем устраивать свою судьбу, свободно развивая свои силы на благо государства и человечества.

И не как дела милости или великодушия мы этого ждем, и даже не только как дела политического расчета, но как дела чести и справедливости.

А. А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ В РОССИИ

*I. Общая характеристика системы правовых ограничений. — II. Правовое положение русского еврейства накануне первой мировой войны. — III. Годы войны (1914—1917).**

I

В конце изданного 20 марта 1917 года «Постановления Временного Правительства об отмене вероисповедных и национальных ограничений» приводится полный список ограничительных законов, подлежавших отмене. В этом списке значится *140 законов,* извлеченных из разных частей двенадцати томов Свода Законов Российской Империи, — в совокупности эти законы могли бы составить целый «кодекс еврейского бесправия».

Эти ограничительные законы, разновременно изданные и плохо между собой согласованные, дали обильную жатву сенатских толкований и правительственных циркуляров: в комментированном издании «Законов о евреях» Я. И. Гимпельсона, вышедшем в двух томах в 1914—1915 г.г., они занимают около тысячи страниц.[1]

Политика русского правительства по еврейскому вопросу, нашедшая выражение в этой сложной системе правовых ограничений, поражает не столько своей несправедливостью или жестокостью, — этим в наше время уже никого не удивишь! — сколько своей бездарностью. В ней не было никакой последовательности, руководящей идеи и общей цели. Она была вызвана самыми разнообразными мотивами и преследовала самые различные, часто исключавшие друг друга задачи. В 1856 году Александр II повелел пересмотреть законы о евреях «в видах *слияния* сего народа с коренными жителями»,[2] а между тем и при нем и еще более при его преемнике законы о праве житель-

* Примечания к настоящей статье напечатаны на стр. 142—154.

ства приводили к обратному результату — не слиянию, а обособлению миллионного еврейского населения, насильственно сосредоточенного в черте оседлости.[3] Министерство финансов всеми средствами стремилось извлечь из евреев побольше дохода для казначейства, а в то же время министерство внутренних дел всячески стесняло их хозяйственную деятельность и этим искусственно понижало их платежеспособность для налогового обложения. Для оправдания правовых ограничений обычно ссылались на врожденные пороки еврейской расы, но все же любой еврей, не взирая на присущие ему пороки, автоматически получал равноправие в награду за притворный отказ от своей веры.

Неустойчивость и непоследовательность политики в отношении еврейства неоднократно признавалась самим правительством. Через сто лет после первого «Положения о евреях», изданного в 1804 году при Александре I, Комитет министров в Высочайше утвержденном докладе от 3 мая 1905 года подводит следующий итог этому вековому экспериментированию над живыми людьми:

> «В отношении правительства к еврейскому вопросу не усвоено такого твердого, устойчивого руководящего начала, которое, будучи раз принято, проводилось бы уже вполне последовательно и ясно определило бы характер внутренней относительно евреев политики. Несмотря на обилие разновременно собранных материалов, вопрос этот и до настоящего времени представляется окончательно не разработанным и еще ожидает своего разрешения».[4]

Среди мотивов еврейских правоограничений в России исторически первым и долгое время господствующим был *мотив религиозный*. Когда в 1563 году царь Иван Грозный завоевал город Полоцк и бояре спросили его, как поступить с полоцкими евреями, он ответил: «согласных креститься — крестить, а несогласных — утопить в реке Полоте».[5] В течение 18-го века было издано четыре указа о выселении евреев из России и мотивом этой меры неизменно указывалось, что евреи — «имени Христа Спасителя ненавистники».[6] А для придания этим актам большей вескости иногда прибавлялось решительно ни на чем не основанное обвинение евреев в том, что они «совращают православных в свою веру».

Юрист 16-го века Ульрих Цазий доказывал, что малолетних евреев можно крестить даже без согласия их родителей. «Ев-

рей — раб, писал он, а приняв крещение он становится свободным. Любящий отец не может препятствовать столь явному улучшению состояния своего сына».[7] Исходя из подобных соображений, русское правительство всеми мерами содействовало переходу евреев всех возрастов в христианство. Все правоограничения евреев были связаны не с расой или национальностью, а исключительно с религией, и поэтому акт крещения открывал каждому русскому еврею Сезам равноправия.[8] Начиная с 14-ти лет еврей мог креститься без согласия родителей,[9] но и в отношении малолетних детей родители фактически не могли отказывать в своем согласии, так как закон строго карал «воспрепятствование присоединению к православной вере».[10]

В девятнадцатом веке главным основанием для правоограничений стали выдвигать *мотивы экономического порядка.* Евреев обвиняли в «эксплуатации сельского населения» и в «расстройстве крестьянского благосостояния». Излюбленным объектом этих обвинений были евреи — содержатели шинков, но врожденную склонность к «торгашеству», «ростовщичеству» и т. п. порокам находили у всех евреев, как таковых.

В одном из многочисленных правительственных проектов разрешения еврейского вопроса предлагалось делить всех евреев по их занятию на «полезных» и «бесполезных», причем полезными признавались только евреи-ремесленники и рабочие, а евреи-лавочники и торговые посредники причислялись к категории бесполезных. Хотя эта выдумка о «бесполезных занятиях» имела не больше опоры в действительности, чем обвинение евреев в совращении христиан в свою веру, самые обоснованные опровержения не имели против нее никакого действия.[11]

Наконец, начиная с 1890-тых годов обычным мотивом к притеснению евреев становится огульное обвинение всего русского еврейства в *политической неблагонадежности.* Не только открытые антисемиты и вдохновители еврейских погромов были убеждены в том, что каждый русский еврей — активный или потенциальный революционер, но того же мнения придерживались едва ли не все представители высшей администрации. Напрасно им указывали, что правительственные преследования никак не могут отвращать евреев от революции, но напротив должны гнать их в оппозиционный стан, и что невозможно требовать лояльного отношения к существующему режиму от людей, которых при этом режиме оскорбляют и преследуют. Еще в 1915 году *все* русские министры — в том числе те из них, кото-

рые считались либералами, — повторяли те же шаблонные фразы о поголовной революционности русских евреев...[12]

* * *

Упорно проводя систему еврейских правоограничений, русское правительство боролось с призраками — религиозного прозелитизма, экономической эксплуатации, политической неблагонадежности. Но достигало оно только одного — *деморализации своего собственного административного аппарата и деморализации самого еврейства.*

Ограничительные законы, обнимавшие все области жизни, постоянно требовали новых толкований. И вот мы видим картину высших государственных сановников, заседающих в Первом Департаменте Сената, которые серьезно обсуждают вопрос, можно ли признать починку резиновых галош дающим право жительства ремеслом.[13] В то же время бесчисленные сомнения, возникавшие при каждодневном применении ограничительных законов, передавались на усмотрение исправников и приставов, — и ни для кого не оставалось секретом, к чему это приводит. «Где милость, там умилостивление, — замечает по этому поводу И. М. Бикерман. — Взятку в России не евреи выдумали... Но тут мы имеем дело с системой, точно придуманной для того, чтобы плодить подкуп и вымогательство». Неудивительно поэтому, что «одной из сил, поддерживающих еврейское бесправие», были «те многочисленные агенты власти, которым такое положение доставляло исключительные выгоды».[14]

Не менее глубокой была та деморализация, которую ограничительные законы вносили в среду самого еврейства.

> «Худшим проявлением русского деспотизма, — писал в 1912 году известный английский государствовед А. В. Дайси, — является моральная деградация, которой он подвергает еврейских подданных царя. Факт существования черты оседлости, лишение русских евреев тех элементарных прав, которые каждое цивилизованное правительство признает за всеми гражданами, и более всего полная зависимость русских евреев от изменчивых капризов каждого представителя власти, начиная от царя и вплоть до любого нижнего чина полиции, — не может не унижать всех жертв этой тирании.. Героизмом, с которым евреи переносили вековые несправедливости и преследования, еврейское племя заслужило свою высшую славу,... но ни один народ в целом не может всегда оставаться на высоте героизма и мученичества».[15]

Как всякий закон, противоречащий нравственному чувству и правосознанию граждан, система еврейских правоограничений создавала у всех, кого она затрагивала, привычку любым путем обходить и нарушать законы. Кроме того, своим неравным отношением к разным группам в еврействе, она обостряла среди евреев чувство неравенства между богатыми и бедными, между образованными и лишенными возможности получить образование. Еврей-купец первой гильдии, имевший возможность платить за свое гильдейское свидетельство 1000 рублей в год, мог свободно разъезжать по всей России, в то время как его служащий терял право жительства в тот момент, когда хозяин лишал его этого звания. Еврей-гимназист, которого состоятельные родители могли при помощи репетиторов натаскивать на золотую медаль, поступал в университет, а его неимущий одноклассник оставался за бортом. В результате, привилегированные классы получали дополнительные, бесценные привилегии, а обездоленные оказывались еще более обиженными судьбой.

Наряду с этим, пресловутые «процентные нормы» создавали в еврейской среде атмосферу нездоровой конкуренции и погони за протекциями.

> «Процент, — говорит по этому поводу В. А. Маклаков, — это поданная со стороны государства надежда... Но кто попадает под процент? Неминуемо возникает конкуренция, поиски протекции и т. п. И в этой атмосфере неопределенности и искательства будет жить и вариться еврей, пока счастье ему не улыбнется... А потом его еще будут упрекать, как погрешил покойный Плевако, в том что он *знает* наше право, но *не верит* ему... Евреи знают право процента, знают лучше, чем мы. Но какой же еврей, если он не вовсе урод, может верить подобному праву?»[16]

* * *

Весной 1881 года по Югу России прокатилась волна еврейских погромов. Когда через год, 3 мая 1882 года, были изданы «Временные правила», воспретившие евреям селиться вне городов и местечек, мотивом этого ограничения было выставлено стремление правительства «улучшить взаимные отношения» между евреями и коренным населением и «оградить евреев от раздражения последнего, выразившегося в форме грубого насилия против личности и имущества евреев».[17]

Но такой мотив выдает либо неискренность, либо невежест-

во законодателя. И опыт истории и выводы социальной психологии учат, что ограничительные законы достигают лишь обратной цели: национальные ограничения только обостряют национальную вражду.[18] Мартиролог русского еврейства это всецело подтвердил: широкие народные массы должны были воспринимать политику еврейских ограничений, как *официальную санкцию антисемитизма*, и узаконенное дискриминирование евреев более, чем что либо иное, способствовало созданию психологической атмосферы, находившей свое самое грубое выражение в еврейских погромах.

Это отметил в своей известной статье о Кишиневском погроме В. Д. Набоков. «Истинное объяснение» самой возможности такого события, — писал Набоков, — нужно искать

> «в том законодательном и административном строе, под влиянием которого создаются отношения христианского населения к еврейскому. С точки зрения этого режима, еврей — пария, существо низшего порядка, нечто зловредное an und fur sich. Его можно только терпеть, но его следует всячески ограничить и связать, замыкая его в тесные пределы искусственной черты. В слоях населения, чуждого истинной культуры, от поколения к поколению переходит исторически сложившееся воззрение на еврея, как на «жида», виноватого уже в том одном, что он родился «жидом». Такое жестокое и грубое отношение к целой народности встречает в господствующем режиме как бы косвенное подтверждение и признание».[19]

В этом, быть может, был наиболее тяжкий грех системы еврейских правоограничений.

* * *

Неуверенность и шатания политики русского правительства в отношении евреев наглядно проявились в том, что в течение многих десятков лет почти все новые законоположения о евреях издавались не в обычном порядке — через Государственный совет, — а как Высочайше утвержденные «временные правила» или «временные меры». Все они должны были действовать лишь «впредь до общего пересмотра законодательства о евреях». Однако, этот столько раз обещанный «общий пересмотр» все откладывался и «временные меры» продолжали действовать десятки лет. «Временные правила 1882 года» о не-

допущении евреев в сельские местности оставались в силе 35 лет, а «временное» преграждение евреям доступа в адвокатуру 28 лет.

Поскольку в печальной истории ограничительных законов в России можно уловить какую-либо последовательность, приходится лишь констатировать, что в последние десятилетия перед мировой войной 1914 г., — не только при реакционном режиме Александра III, но и в эпоху вынужденных реформ Николая II, — правовое положение евреев непрерывно ухудшалось. С бесстрастием летописца отмечает это неутомимый комментатор законов о евреях М. И. Мыш в предисловиях к очередным изданиям своего «Руководства» — сначала в 1903 году и затем в 1914 году.[20]

Между тем, на этот промежуток времени падает революция 1905 г., манифест 17 октября, четыре Государственные Думы... Как могло случиться, чтобы за такие годы, в которые глубоко преобразился политический уклад России, в законодательстве по еврейскому вопросу продолжал царить тот же дух средневековья? Одной из важнейших причин, сделавших этот исторический парадокс возможным, было *отношение к еврейскому вопросу Николая II*. Один эпизод, который стал известным только из опубликованных уже после революции мемуаров, дает этому яркое подтверждение.

П. А. Столыпин, назначенный премьером после роспуска Первой Государственной Думы, в первые недели своего премьерства пытался привлечь в совет министров представителей умеренно-либеральных общественных кругов. Один из призванных, Д. Н. Шипов, в своих воспоминаниях рассказывает, что 15 июля 1906 г. в беседе с ним и с князем Г. Е. Львовым Столыпин развернул программу своей ближайшей деятельности. «Для успокоения всех классов населения, — сказал он им, — нужно в ближайшем же времени дать каждой общественной группе удовлетворение их насущных потребностей и тем привлечь их на сторону правительства». В числе таких «насущных потребностей крупных общественных групп» Столыпин, по словам Шилова, указывал и на расширение прав евреев.[21]

Из привлечения в кабинет общественных деятелей ничего не вышло, но Столыпин в первые месяцы своего премьерства все же пытался добиться «успокоения» путем реформ. Тогдашний министр финансов и будущий преемник Столыпина на посту премьера, граф В. Н. Коковцев в вышедших в 1933 году в

Париже воспоминаниях рассказывает, что в начале октября 1906 г. Столыпин предложил своим коллегам

> «поставить на очередь вопрос об отмене в законодательном порядке некоторых едва ли не излишних ограничений в отношении евреев, которые особенно раздражают еврейское население России и, не принося никакой пользы, потому что они постоянно обходятся со стороны евреев, только питают революционные настроения еврейской массы и служат поводом к самой возмутительной противу-русской пропаганде со стороны самой могущественной еврейской цитадели — в Америке».[22]

По предложению Столыпина, каждое ведомство представило перечень ограничений, относящихся к предметам его ведения. Пересмотр законов был закончен в одном заседании и «целый ряд существенных ограничений был предложен к исключению из закона». К сожалению, Коковцев не дает никаких указаний о том, какие именно «существенные, но едва ли не излишние» ограничения были в этот список включены.

> «Журнал Совета министров, — продолжает свой рассказ Коковцев, — пролежал у Государя очень долго... Только 10 декабря 1906 г. Журнал вернулся от Государя к Столыпину при письме, с которого Столыпин разрешил мне снять копию».

Текст письма, воспроизведенный в книге Коковцева, гласит:

> «Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям.
>
> Я знаю, Вы тоже верите, что «сердце царево в руцех Божьих».
>
> Да будет так.
>
> Я несу за все власти, мною поставленные, перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов отдать Ему в том ответ».[23]

«Ни в одном из документов, находившихся в моих руках, — добавляет Коковцев, — я не видел такого яркого проявления мистических настроений в оценке своей Царской власти, которая выражается в этом письме Государя к своему Председателю Со-

вета министров».[24] Но другой мемуарист, — В. А. Маклаков, также напечатавший это знаменательное письмо в своих воспоминаниях, — находит не столь умиленное объяснение для того «внутреннего голоса», который у Николая II перевешивал «самые убедительные доводы» Совета министров:

> «На Дворянском съезде 16 ноября 1906 года, — читаем мы у Маклакова, — Пуришкевич, между прочим, хвалился дисциплиной и влиянием «Союза русского народа». Когда несколько дней назад, рассказывал он, в Совете министров был принципиально задет вопрос о расширении черты еврейской оседлости, Главный Совет, обратившись к отделениям Союза, предложил им просить Государя воздержаться от утверждения проекта Совета. По прошествии 24 часов у ног Его Величества было 205 телеграмм.
>
> Вот источник того внутреннего голоса, который Государя будто бы никогда не обманывал».[25]

История царствования Николая II, во всяком случае, показывает, что в области еврейского вопроса его «мистические настроения» неизменно подсказывали ему решения, согласные с пожеланиями Союза русского народа...

* * *

Историк еврейского вопроса в России не может не отметить одно парадоксальное явление: Система правовых ограничений существовала около 125 лет. Но в течение этого времени, — начиная с царствования Александра I и вплоть до 1905 года, — почти каждое десятилетие на какую-нибудь специально для той цели образованную Комиссию, Комитет или Совещание возлагалась задача — «пересмотреть существующие по сему вопросу узаконения» и предложить желательные реформы. *Все* эти Комитеты и Комиссии, — состоявшие из высших сановников, весьма далеких от либерализма, — неизменно приходили к выводу, что существующие правоограничения не достигают своей цели и должны быть — немедленно или постепенно — упразднены.[26] «Мысль о полном снятии всех еврейских ограничений, — говорит П. Н. Милюков, — никогда не умирала».[27] Но *ни один* из выработанных Комитетами проектов разрешения еврейского вопроса не получил осуществления, и ограничения продолжали действовать, как встарь.

В последний раз такой пересмотр ограничительных законов был произведен в 1904—1905 г.г. Комитетом министров. Предсе-

датель Комитета С. Ю. Витте несомненно был противником ограничительных законов, но как реальный политик par excellence он понимал, что никакое благоприятное для евреев заключение Комитета министров не удостоится Высочайшего утверждения. Поэтому в Докладе Комитета от 3 мая 1905 г. было только указано, что «следовало бы воспользоваться созывом... доверием народа облеченных, избранных из населения людей... для разрешения всех по этому делу сомнений».[28]

Год спустя собралась Первая Государственная Дума.

В принятом ею единогласно Ответном адресе на тронную речь говорилось:

> «Государственная Дума исходит .... из непреклонного убеждения, что ни свобода, ни порядок, основанный на праве, не могут быть прочно укреплены без установления общего начала равенства всех без исключений перед законом. И потому Государственная Дума выработает закон о полном уравнении в правах всех граждан с отменой всех привилегий и ограничений, обусловленных сословием, национальностью, религией и полом».[29]

Но за 70 дней своего существования Первая Дума не могла успеть заняться еврейским вопросом. Подготовленная для раздачи народным представителям записка Юлия Гессена «О жизни евреев в России»[30] была подана уже в Думу второго созыва, — которая, однако, также была распущена раньше, чем могла приступить к рассмотрению этого вопроса.

В Третьей и Четвертой Думах, в которых большинство принадлежало октябристам, националистам и правым, отношение к еврейскому вопросу стало уже совершенно иным. «Народные представители нового типа, — говорит П. Н. Милюков, — усомнились в том, в чем даже реакционные министры внутренних дел и реакционные комитеты переставали сомневаться, как в единственно возможном исходе».[31] Антисемитизм стал излюбленным лозунгом всех демагогов справа, и в Государственной Думе их лидеры нашли наиболее выгодную трибуну для своей антиеврейской пропаганды. При таких условиях всякая попытка поднять в Думе вопрос об отмене еврейских ограничений была бы обречена на неудачу, и дала бы только лишний повод для потока погромных речей.

Тем не менее, благодаря энергии депутата-еврея Л. Ниселовича, в Третью Думу был внесен законопроект об отмене черты оседлости, подписанный 166-ю депутатами. Но это оказалось

чисто демонстративным актом, так как законопроект не получил никакого движения. Зато в принятый Думой в 1912 г. закон о местном суде были включены статьи о том, что евреи не могут быть избраны мировыми и волостными судьями.[32]

Этим и ограничивается вклад народного представительства в русское законодательство о евреях. Даже те облегчения, которые пришлось дать евреям во время первой мировой войны, были проведены не через Государственную Думу, а келейно в секретных заседаниях Совета министров! Но об этом речь впереди.

II

Действовавшие в России ко времени начала первой мировой войны законы налагали на евреев ограничения в следующих областях:

права жительства и свободы передвижения,

приема в учебные заведения,

занятия торговлей и промышленностью,

поступления на государственную службу и участия в органах местного самоуправления,

порядка отбывания воинской повинности.

Особые правила существовали также в отношении приема евреев в адвокатуру.[33]

ПРАВО ЖИТЕЛЬСТВА

Самым тяжелым и болезненно ощущаемым правоограничением евреев в России были ограничения права жительства и свободы передвижения. И. М. Бикерман, посвятивший черте оседлости превосходно написанный очерк, называет ее «венцом и основой всей системы».[34] Вместе с тем, она являлась и самым старым из еврейских правоограничений.

Возникновение черты оседлости связано с историческими событиями конца 18-го века. В ту эпоху все русские подданные, принадлежавшие к так называемым податным сословиям, — т. е. крестьяне, мещане, ремесленники и купцы, — не имели права свободного передвижения и повсеместного поселения в нынешнем смысле этих понятий. Каждый был «приписан» к местному «обществу» и мог заниматься своим делом лишь в данном месте. В соответствии с этим порядком, евреи, оказавшиеся русски-

ми подданными после разделов Польши, были приписаны к мещанским и купеческим обществам тех местностей Юго-Западного и Северо-западного края, в которых они проживали при переходе этих областей к России.

Указом, изданным в 1791 году, Екатерина II подтвердила этот порядок и даже распространила территорию поселения евреев на вновь образованные Екатеринославское наместничество и Таврическую область.[35] Как отметил Милюков, основная цель указа состояла именно в том, чтобы подтвердить для евреев равные с остальным населением присоединенных земель права.[36] Но вместе с тем, — по специальному ходатайству боявшихся еврейской конкуренции московских купцов, — в этом же акте было указано, что *«евреи не имеют никакого права записываться в купечество во внутренние Российские города и порты»*. Этим дополнительным распоряжением указ 1791 года положил начало черты оседлости.

Свою первую законодательную формулировку черта оседлости получила в изданном при Александре I «Положении о евреях 1804 года». С этого времени, вплоть до вынужденной военными событиями 1915 года отмены черты оседлости, ее границы оставались неизменными.[37] За эти 125 лет — от третьего раздела Польши до первой мировой войны — политический и социальный строй России и характер ее хозяйственной жизни подверглись коренному перерождению. Крепостное право пало, сословный строй был расшатан, самодержец разделил свою власть с народным представительством, народное хозяйство вступило на путь быстрой индустриализации, страна покрылась сетью железных дорог... Но пять миллионов русских евреев в течение всего этого времени оставались прикрепленными к тем частям империи, в которых жили в эпоху польских разделов их предки.

Хотя общие рамки черты оседлости оставались прежними, начиная с 1880-тых годов стали вводиться новые ограничения для поселения евреев в пределах самой черты. Самым важным из этих ограничений был запрет вновь селиться и приобретать недвижимости в сельских местностях, введенный «Временными правилами 3 мая 1882 года».[38]

В этих правилах, которыми открывалась мрачная эпоха Александра III-го, — после традиционной фразы об их «временном» характере, — возвещалось Высочайшее повеление: *«воспретить евреям селиться вне городов и местечек»* (за исключением существующих еврейских земледельческих колоний) и

«приостановить совершение купчих и закладных на имя евреев, а равно и засвидетельствование арендных договоров на недвижимые имущества» в сельских местностях. Так была создана «черта внутри черты», искусственно усиливалось сосредоточение евреев в городах и вынужденное обращение их к «бесполезным» городским занятиям — торговле и посредничеству.

Так как по новым правилам евреям разрешалось жить только в городах и местечках, то разным административным органам, вплоть до 1 Департамента Сената, пришлось разрабатывать вопрос о том, каким условиям должен удовлетворять населенный пункт, чтобы заслужить название «местечко».[39] На разрешение высшего органа административной юстиции поступали также мудреные вопросы вроде следующих: следует ли признать нарушением Временных правил 1882 г. поселение еврейской семьи в доме, одна половина которого находится в черте города, а другая за этой чертой? В каком пункте кончается территория местечка, план которого еще не утвержден в надлежащем порядке? и т. п.[40] Чаще всего, однако, эти вопросы, от которых иногда зависело благосостояние сотен еврейских семейств, разрешались по усмотрению местных Помпадуров.[41]

Долгое время действовал изданный в 1858 г. закон воспрещавший евреям селиться в пределах 50-верстной пограничной полосы[42]. Закон этот, — очевидно основанный на предположении, что все евреи по природе своей склонны заниматься контрабандой, — был отменен только в 1904 году.[43]

На особом положении оставался вопрос о праве проживания евреев в четырех городах, находившихся в пределах черты оседлости, в которых было по разным основаниям признано необходимым поставить для евреев дополнительные преграды. Так город Киев был исключен в самом законе из черты оседлости, хотя Киевская губерния в нее входила. На постоянное жительство в Киеве допускались только те евреи, которые пользовались им повсеместно, но определенным категориям разрешалось «временное пребывание» в Киеве.[44] На практике, этим правом больше всего пользовались евреи-ремесленники и евреи, допущенные в Киев «для воспитания детей». «Для сосредоточения надзора за приезжающими в Киев евреями», этим категориям разрешалось жить только в двух полицейских участках — Лыбедском и Плосском. Пестрота и неясность правил о праве жительства евреев в Киеве открывали широкий простор для взяточничества и произвола местной полиции.[45]

В отношении городов Николаева и Севастополя также существовали особые ограничения для евреев, которые мотивировались стратегическим значением этих городов, как центров Черноморского флота. Совершенно освободить от еврейской заразы стремились Южное побережье Крыма — летнюю резиденцию царской семьи. Ялтинский градоначальник ген. Думбадзе получил громкую известность, как ревностный исполнитель изданных для этой цели предначертаний.

Особая глава в истории еврейских правоограничений в России принадлежит судьбе еврейства в Москве. Здесь в 1891 году имело место массовое выселение тысяч еврейских семейств, десятки лет на законном основании проживавших в Москве. Выселение 1891 года, инициатором и вдохновителем которого был вновь назначенный генерал-губернатор Великий Князь Сергей Александрович, произвело на все русское еврейство потрясающее впечатление и усилило волну еврейской эмиграции.[46] Личные впечатления свидетеля этого события картинно изложены в очерке С. С. Вермеля «Московское изгнание».[47]

В первый день Пасхи 1891 года в газетах было опубликовано Высочайшее повеление, по которому евреи-ремесленники были лишены права жительства в Москве. Это привело к выселению из Москвы десятков тысяч евреев, так как «в качестве ремесленников, действительных и мнимых, жило в Москве огромное большинство еврейского населения».[48] Полиция разделила подлежавших выселению евреев на категории по месяцам, в которые они должны были выехать из Москвы, и последний срок выселения наступил 14 января 1892 г. В этот день, — пишет Вермель, московские вокзалы представляли собой картину спешной эвакуации — как перед вступлением в город неприятельской армии. Чтобы вместить всех уезжающих, были пущены дополнительные поезда. Стоял жестокий мороз и у провожавших «на душе стояла тревога, что будет с партией, не замерзнут ли многие из них в пути»...[49]

* * *

Право жить повсеместно и свободно передвигаться по всей России имели евреи, получившие высшее образование, а также дантисты и провизоры. Получившим диплом в одном из высших учебных заведений право повсеместного жительства было дано Высочайше утвержденным мнением Государственного со-

вета от 27 ноября 1861 года.[50] К категории привилегированных по образовательному цензу относились также аптекарские помощники, фельдшеры, дантисты и повивальные бабки, — но они имели только так наз. «условное право жительства», а именно им разрешалось жить лишь в тех местах, где они занимались своей профессией. Наконец, повсеместным правом жительства пользовались также «Николаевские солдаты» — отставные нижние чины, отбывшие службу по старому Рекрутскому уставу.[51]

Правила о праве жительства евреев-купцов постоянно менялись, так как в этом вопросе общегосударственные интересы — дать еврейским купцам, делавшим крупные обороты, возможность способствовать развитию торговли во всей стране, — сталкивались с интересами местных купеческих обществ, боявшихся еврейской конкуренции. По окончательной редакции закона[52], евреям-купцам I гильдии дозволялось приписываться в купечество всех городов России, если они перед тем не менее пяти лет состояли в первой гильдии в пределах черты. Таким купцам было дано право иметь приказчиков-евреев.[53] Повсеместным правом жительства пользовались также «евреи, удостоенные звания коммерции или мануфактур-советников, с членами их семейств».[54]

Наконец, право жить вне черты оседлости было, под известными условиями, дано также «евреям-механикам, винокурам, пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам».[55] При преобладающем значении ремесла в еврейской экономике, эта категория привилегированных была, конечно, самой многочисленной.[56] Однако пользоваться своим правом могли только те евреи-ремесленники, которые фактически занимались в данном месте своим ремеслом, имея на то выданное местной ремесленной управой свидетельство. Таким образом, эта обширнейшая группа русского еврейства отнюдь не имела права свободного передвижения на пространстве своего отечества. Одесский портной-еврей, чтобы иметь право посетить русскую столицу, должен был сначала закрыть свое заведение в Одессе и затем, с разрешения столичной ремесленной управы, открыть мастерскую в Петербурге.

Чтобы иметь право жить, еврей-ремесленник должен был доказать не только то, что он занимается своим делом, но и то, что его занятие действительно является ремеслом.

И вот, администрация и суды оказались перед новой задачей — в сотнях тысяч случаев проверять основания, по кото-

рым тот или иной еврей претендует на звание ремесленника. В многочисленных сенатских решениях по этому вопросу мы можем прочесть подробные рассуждения об экономической природе ремесла и его отличиях от мелкой торговли и от промышленности. На основании соображений экономического, финансового и юридического порядка, Сенат пришел к выводу, что напр. выделка сургуча, рогожи и чернил, гравирование и малярное дело должны быть признаны ремеслами, но что выделка табака, лака и спичек, настройка музыкальных инструментов и оштукатурение построек ремеслами считаться не должны.[57] Петр Великий, учреждая Сенат, как высшее правительственное учреждение, едва ли предвидел, что через двести лет сенаторам придется тратить свое драгоценное время на разрешение подобных вопросов...[58]

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ

Вопрос о доступе евреев в учебные заведения дает пример того, какие повороты на 180 градусов иногда происходили в политике русского правительства по еврейскому вопросу. В начале 19-го века одописец и министр Державин в докладе императору Александру I рекомендовал всеми мерами привлекать евреев к обучению в общих учебных заведениях, так как это будет лучшим средством для борьбы с пагубным влиянием Талмуда. В соответствии с этим взглядом Положение о евреях 1804 года устанавливало, что «все евреи могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и университетах».[59] При Николае I евреев усиленно привлекали в общие учебные заведения и министр народного просвещения Уваров — автор лозунга «Самодержавие, православие и народность» — выработал проект открытия сети школ «для борьбы с еврейской косностью».[60] Та же политика продолжалась и при Александре II.

Но в середине 1880-тых годов наступил резкий поворот курса. В 1887 году министр народного просвещения граф Делянов во всеподданнейшем докладе Александру III предложил «разъяснить учебному начальству о принимании в гимназии и прогимназии детей из среды, представляющей достаточные ручательства в правильном надзоре за ними», и для этого «ограничить известным процентом число учащихся евреев».[61] Александр III этот доклад одобрил и, начиная с 1887—1888 учебного

года, в средних учебных заведениях была установлена пресловутая «процентная норма» для приема евреев, которая стала источником тревоги, горечи и слез для нескольких поколений еврейских молодых людей и их родителей.

В учебных заведениях в пределах черты оседлости была установлена норма в 10%, вне черты в 5%, а в Петербурге и Москве в 3%.[62] Такая же нормировка была вскоре установлена для университетов и других высших учебных заведений, а прием евреев в Военно-медицинскую академию был совершенно прекращен. Эти правила, как все законы о евреях, считались «временными», и поэтому даже не потрудились изъять из IX тома Свода законов статью 966-ю, по которой «дети евреев принимаются в общие учебные заведения без всякого различия от других детей». Но эта статья стала уже только воспоминанием о тех благодушных временах, когда еще находили возможным бороться с еврейскими пороками путем «слияния евреев с коренным населением».

Для уточнения и дополнения правил о процентной норме в течение последующих двадцати лет вышел целый ряд министерских циркуляров, а в 1909 году было издано Высочайше утвержденное положение Совета министров, содержавшее полную кодификацию этой новой отрасли русского права.[63] Однако, могучая тяга еврейской молодежи к образованию не укладывалась в рамки процентов. Она находила выход в том, что тысячи молодых людей сдавали гимназические экзамены в качестве экстернов и затем, преодолевая все трудности, устремлялись в иностранные университеты. Борьба с таким упрямым стремлением евреев к просвещению потребовала новой амуниции: в 1911 году появилось Высочайше утвержденное положение Совета министров, по которому процентная норма была распространена на допущение еврейских молодых людей к экзаменам в качестве экстернов.[64]

Венцом бюрократического правотворчества в этой области был циркуляр Министра народного просвещения Л. А. Кассо от 7 февраля 1914 года (№ 6204). В нем министр сначала выражает сожаление, что начальство университетов допускает при применении процентной нормы различные критерии для отбора подлежащих приему студентов. По мнению министра, это «нередко предоставляет, благодаря случайным обстоятельствам, преимущество для одних в прямой ущерб другим». И вот, желая устранить столь несправедливый элемент случайности, министр распорядился «зачислять евреев в студенты университета в счет

установленной нормы *не иначе, как по жребию*».[65] Так — рассудку вопреки — жребий оказался в роли спасителя от слепой игры случая...

Лицемерная мотивировка этого циркуляра не может никого обмануть: Кассо хотел устранить нестерпимое для него последствие отбора по конкурсу аттестатов, благодаря которому в числе студентов оказывались только евреи-медалисты и пятерочники и они естественно попадали затем в категорию наиболее успевающих студентов. Такое применение Дарвинского принципа «выживания наиболее приспособленных» к еврейским ученикам в русской школе было, по мнению Кассо, недопустимо.

ОГРАНИЧЕНИЯ В ТОРГОВЛЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Витте в своих мемуарах рассказывает о своем разговоре по еврейскому вопросу с Александром III, в котором он сказал императору, что раз нельзя всех евреев «сбросить в Черное море», то нужно давать им возможность себя прокормить. Этот вывод делали и другие министры финансов. Кроме того, они по долгу службы не могли забывать интересы государственного казначейства, которые явно нарушались вызванной ограничениями пауперизацией еврейского населения.

В русских законах не существовало общих ограничений для евреев в праве заниматься торговлей, промышленностью и ремеслами. По ст. 791 т. IX Свода законов, евреи ремесленники, купцы и мещане «пользуются в местах, для постоянного жительства им назначенных, всеми правами и преимуществами, предоставленными другим русским подданным одинакового с ними состояния, поколику сие не противно особым правилам о евреях».

Таким «особым правилом» была, однако, в первую очередь черта оседлости, которая не разрешала громадному большинству русского, еврейства селиться в местностях, составлявших девять десятых территории Российской империи. Поэтому безусловное право торговли во всей России имели только евреи, обладающие повсеместным правом жительства, — в частности, купцы первой гильдии, — т. е. лишь небольшая привилегированная часть русского еврейства. А миллионы евреев, которые по своим способностям и склонностям несомненно могли энергично содействовать экономическому прогрессу страны, были нарочито лишены возможности это осуществлять.

«Развитие хозяйства страны, — говорит по этому поводу И. М. Бикерман, — невозможно без свободы передвижения; черта оседлости, уничтожая последнюю, задерживает первое... Бесчисленные жертвы приносятся во имя единства империи, — но законом о черте оседлости, точно клином, страна расколота на двое. Понижая интенсивность хозяйственной жизни на пространстве пяти шестых Европейской России и во всех азиатских владениях ее, закон о черте плодит нищету во всей стране».[66]

Особая глава в истории еврейских правоограничений принадлежит статье 1171 Уложения о наказаниях 1845 года, которая гласила:

«Евреи за производство вне черты, назначенной для постоянного их жительства, какой либо торговли, кроме той, которая в определенных именно законом случаях им дозволена, подвергаются: конфискации товаров их и немедленной высылке из тех мест».

Статья эта была основана на постановлениях двух кодексов — § 51 Положения о евреях 1835 г. и ст. 118 Уставов торговых 1842 г., — которые были отменены вскоре после издания Уложения о наказаниях. Однако, она продолжала значиться во всех последующих изданиях Уложения и, несмотря на свой явный архаизм, стала особенно часто применяться судами в последние 25 лет перед революцией. Притом суды, вопреки всем юридическим принципам, придавали этой статье самое распространительное толкование и применяли ее в случаях, которые она никак предусматривать не могла. Так, например, находили возможным карать по ст. 1171 евреев, имеющих повсеместное право жительства, хотя это явно не имелось в виду при издании статьи, так как тогда таких евреев не существовало. Применяли эту злополучную статью и к таким видам торговли, для которых уже никаких «дозволений» больше не требовалось.

Чаще всего преследования по ст. 1171 возбуждались против евреев-ремесленников, которым по закону 1878 года разрешалась торговля вне черты оседлости только предметами собственного изделия. Толкованиям ст. 1171 в связи с этим законом посвящены сотни страниц сенатской казуистики. В одном решении Сенат признал законной для еврея-часовщика торговлю часами, составные части которых были чужого изделия, но собраны им самим.[67] Но торговля еврея-булочника мукой была при-

знана «вполне подходящей под действие ст. 1171».[68] Еврей-мясник, имевший ремесленное свидетельство на приготовление кошерного мяса, мог продавать его только «своим единоверцам», но отнюдь не «всем желающим».[69]

Исключительная одиозность ст. 1171 состояла в том, что она, — не в пример другим ограничительным законам, — подвергала нарушителей преследованию, как тяжких уголовных преступников, и грозила столь суровой карой, как конфискация имущества. Она была изъята из обращения только в 1915 году.[70]

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА
УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ И ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ

«Различие вероисповедания или племени, — гласил закон, — не препятствует определению в службу, если желающие вступить в оную имеют на сие право... Евреи, имеющие ученые степени,... допускаются на службу по всем ведомствам... Лица из евреев, поступающие в государственную службу,... приводятся к присяге на верность службе порядком, предписанным для них в Уставе духовных дел иностранных исповеданий».[71] Как многие подобные постановления русских законов, эти статьи были формулированы в эпоху, когда правительство еще боролось с «обособленностью» евреев и стремилось к их «слиянию с коренным населением», в частности путем привлечения еврейской молодежи в русскую школу. Но как только контингент евреев, подготовленных для поступления на государственную службу, был налицо, эти законы стали мертвой буквой и доступ на службу был для них фактически закрыт.

Судебные уставы 1864 года в первоначальной редакции не содержали никаких вероисповедных ограничений и в первое десятилетие существования новых судов евреев принимали на службу по судебному ведомству. Но с конца 1870-тых годов новые назначения прекратились, а евреев уже назначенных судебными следователями продолжали держать на этой должности без всякой надежды на повышение, пока они не разочаровывались в государственной службе и не переходили в адвокатуру.[72]

Через двадцать пять лет после судебной реформы, — 14 ноября 1889 г., — к ст. 380 Учреждения судебных установлений было добавлено примечание, по которому прием евреев в присяжные поверенные стал допускаться только с особого разрешения

министра юстиции. С 1889 г. по 1904 г. министерские разрешения имели место лишь в считанных случаях, в следующее десятилетие — несколько чаще. Прием молодых евреев-юристов в помощники присяжных поверенных происходил все это время беспрепятственно. Но в 1912 г. Сенат «разъяснил», что ограничение по ст. 380 распространяется также на прием евреев в помощники присяжных поверенных.[73] В том же 1912 г. Третья Государственная Дума приняла закон о местном суде, в текст которого было включено воспрещение евреям быть мировыми и волостными судьями.[74]

Служба в административных учреждениях была двоякого рода: служба на должностях, дававших право на чины и пенсию, и служба по найму, ничем не отличавшаяся от. службы у частных лиц. За редкими исключениями, евреев принимали только на службу последнего рода, притом также с разными изъятиями.[75] На сколько-нибудь заметные административные посты евреев не назначали никогда. На практике, правом поступления на государственную службу пользовались, главным образом, евреи-врачи, в частности по военному ведомству, хотя и здесь была, начиная с 1882 года, введена процентная норма.

Евреи не допускались на преподавательские должности в средних учебных заведениях. К доцентуре в университетах и политехникумах их допускали только в очень редких случаях, но зато нередко талантливым евреям-студентам предлагали получить доступ к профессорской кафедре ценой крещения.

* * *

Изданное в эпоху великих реформ Положение о земских учреждениях, также как Судебные уставы, не знало ограничений для евреев. Но при Александре III было издано Высочайше утвержденное мнение Государственного совета о земских учреждениях, по которому евреи не допускались к участию в земских собраниях и избирательных съездах. По Городовому положению 1870 г. евреи могли быть гласными городских дум, но число гласных нехристиан не должно было превышать одну треть общего числа гласных (ст. 35) и евреи не могли быть избраны на должность городского головы (ст. 88). И здесь при Александре III были введены новые ограничения: по Городовому положению 1892 г. евреи уже вовсе не допускались к участию в городских выборах (ст. 34) и только в городах черты оседлости евреи

(в числе не более 10%) назначались гласными местным по городским делам присутствием (прил. к ст. 22).

Одним из парадоксов правового положения евреев в России было то, что не имея и после 1905 года права участия в городских и земских выборах, евреи на общем основании могли участвовать в выборах в Государственную Думу и в Государственный Совет.[76] Активное и пассивное избирательное право не было ограничено для евреев и в избирательном законе 3 июня 1907 года.[77] Евреи-депутаты были во всех четырех Государственных думах, а один еврей (Г. Э. Вейнштейн из Одессы) был избран в Государственный совет.

* * *

Правила об отбывании евреями воинской повинности имеют свою историю. До Николая I рекрутская повинность заменялась для евреев денежным сбором и только именным указом 1827 года были введены для них правила об отбывании рекрутской повинности натурой. При этом дозволялось принимать от евреев рекрутов, начиная с двенадцатилетнего возраста.[78] Во временных правилах 1853 года еврейским обществам было дозволено «представлять за себя в рекруты пойманных беспаспортных единоверцев их», что повело к большим злоупотреблениям. Только по вступлении на престол Александра II, по Высочайшему указу 1856 года было велено «взимать рекрут с евреев наравне с другими состояниями» и «прием в рекруты малолетних евреев отменить».[79]

В Уставе о воинской повинности 1874 года нет особых постановлений о евреях, но почти с самого начала действия этого устава стали издаваться циркуляры и правила, ограничивавшие служебные права евреев. Евреи не имели права производства в офицерские чины, не допускались в юнкерские училища, не назначались на должность армейских фармацевтов. Евреи-новобранцы не получали назначения во флот, в интендантство, в писарские классы, в карантинную и пограничную службу. Нижних чинов из евреев не назначали на должности канцелярских писарей и санитаров Красного Креста.[80]

Наряду с этим, с 1870-тых годов начались мероприятия, имевшие целью борьбу с предполагаемым массовым уклонением евреев от воинской повинности. Высочайше утвержденным в 1876 г. мнением Государственного Совета «О мерах к ограждению правильного исполнения евреями воинской повинности

ти» для евреев в этой области была введена «круговая порука»: не явившиеся к призыву и даже неспособные к службе новобранцы-евреи должны были заменяться евреями же, хотя бы — в случае недобора — из числа пользующихся льготами по семейному положению.[81] В 1886 году воскресили еще один давно схороненный принцип — ответственность семьи за каждого провинившегося члена. По закону 12 апреля 1886 г., семейство еврея, уклонившегося от воинской повинности, подвергалось денежному взысканию в 300 руб.[82] Разъяснению «истинного смысла» и детальным толкованиям этой статьи закона посвящено множество решений департаментов и общих собраний Сената.[83]

III

В первые дни мировой войны, в июле и августе 1914 года, русское еврейство, вместе со всем населением России, переживало патриотический подъем. Естественно, что в это время легко рождались слухи о будто бы предстоящей отмене существующих правоограничений. Но, как я помню, уже тогда передавали изречение одного скептика: «да, те евреи, которые будут убиты на войне, получат все права...»

Эта злая шутка оказалась до некоторой степени пророческой. В годы войны русские евреи действительно получили некоторые права — но какой ценой! После того как сотни тысяч евреев были варварским образом выселены из прифронтовой полосы во внутренние губернии и их было физически невозможно водворять обратно в черту оседлости, евреям разрешили жить вне пределов черты. Уволенные из армии вследствие ран и болезней евреи-солдаты принимались в учебные заведения вне процентной нормы. Но еще в начале 1917 года столько раз обещанный «общий пересмотр законодательства о евреях» казался таким же далеким и нереальным, как и раньше.

В первые месяцы войны, пока дела на фронте шли сравнительно хорошо, правительственные органы следовали в еврейском вопросе принципу «Business as usual». В это время я заведывал отделом юридической помощи в Обществе защиты женщин и, помнится, почти каждый день составлял для жен призванных запасных, терявших с уходом мужей право жительства в Киеве, прошения на имя «Его Высокопревосходительства Господина Киевского Генерал-губернатора» о том, чтобы полиция их не выселяла. Из выпуска журнала «Рассвет» от 5 янва-

ря 1915 г. читатели могли узнать, что «по распоряжению Петроградского градоначальника были произведены облавы в некоторых районах столицы с целью удаления беспаспортных евреев... Обнаружено 18 лиц... Все эти лица за самовольное прибытие в столицу подвергнуты аресту на один месяц». В номере того же журнала от 8 февраля сообщалось, что меблированные комнаты Петровой на Екатерининском проспекте закрыты за допущение евреев, не имеющих права проживания. А в марте корреспондент из Киева сообщал, что «губернское правление отклонило ходатайство евреев-беженцев из Царства Польского о разрешении проживать» в этом городе...

Положение приняло трагический оборот, когда боевые неудачи заставили перенести военные действия на русскую территорию — в густо заселенные евреями губернии Западного края. В армии началась истерическая шпиономания и все еврейское население прифронтовой полосы было заподозрено в предательстве. В армейских кругах стали распространяться самые нелепые сказки и небылицы о евреях-шпионах и немецких агентах, и высшее военное командование, — которое либо также поверило в них, либо делало вид, что верит, — реагировало на этот бред массовым преследованием всего находившегося под его неограниченной властью еврейского населения края.[84]

* * *

В апреле 1915 года мне пришлось побывать в оккупированной русскими войсками Галиции. Я ездил туда по поручению одной еврейской общественной организации и в Львове, Ярославе, Ржешове и Перемышле имел совещания с местными раввинами и общественными деятелями о помощи пострадавшему от военных действий еврейскому населению. По существовавшей тогда официальной версии, Галиция была не завоевана, а «освобождена» русскими войсками и ее предполагалось воссоединить с Российской Империей, как временно утраченную часть. В соответствии с этим полагалось считать, что местное население приветствует приход русских, как освободителей от австрийского ига. Исключение делалось только для местных евреев. В приказе, расклеенном в январе 1915 г. на улицах гор. Львова, говорилось о «явно враждебном отношении евреев Польши, Галиции и Буковины» и объявлялось, что в каждом населенном пункте будут взяты евреи-заложники, от-

вечающие жизнью за враждебные акты, совершенные их соплеменниками.[85]

Вскоре после моего отъезда из Галиции началось наступление армии немецкого генерала Макензена и спешная эвакуация русских войск и администрации из всей оккупированной австрийской территории. При этом, по каким то непонятным соображениям, все еврейское население галицийских городов подверглось спешной эвакуации на Восток. В июне 1915 года мы видели проходившие по улицам Киева толпы галицийских евреев, которых, как арестантов, вели под воинской охраной по мостовой. А при посещении бараков, где их разместили перед отправкой в Сибирь, я к ужасу своему встретил некоторых из моих знакомых, с которыми я еще недавно вел беседы в их уютных квартирах в Львове и других городах...

Приказ о взятии евреев-заложников был вскоре после Львова развешен и в польской крепости Новогеоргиевск,[86] а при последовавшем затем отступлении русской армии из Царства Польского начались массовые выселения евреев, по приказу командиров разных рангов, вплоть до героя галицийской кампании ген. Рузского. Евреев выселили из Жирардова, Вискидок, Прушкова, из всей Плоцкой губернии и т. д.[87] Наконец, в апреле 1915 года, по приказу самого Верховного Главнокомандующего, были выселены 40000 евреев из Курляндской губернии и в мае 120000 евреев из Ковенской губернии.[88]

Как реагировали гражданские власти на эти, неслыханные по тем временам, меры военного командования? Местные власти были парализованы, так как военное начальство имело неограниченные полномочия на всей обширной территории «театра военных действий». Но бессильно было и центральное правительство в Петербурге. Сохранился документ, дающий красочное описание реакции, вызванной мерами Главного командования у членов тогдашнего Совета министров. Помощник управляющего делами Совета А. Н. Яхонтов вывез за границу протоколы заседаний Совета министров за июль и август 1915 г., в которых он с почти стенографической полнотой записал происходившие в этих заседаниях прения. Из этих протоколов, напечатанных в Берлине в «Архиве русской революции»,[89] мы можем узнать много поучительного.

Главным вдохновителем гонений был начальник штаба Верховного Главнокомандующего ген. Янушкевич. В официальной бумаге он сообщил Совету министров, что считает все меры, принятые в отношении евреев, еще «весьма слабыми».[90] «Ставка

окончательно потеряла голову», — говорил по этому поводу в заседании Совета военный министр Поливанов, — «...Мы здесь в своей среде, и я не скрою подозрения, что для Янушкевича евреи являются одним из алиби».[91]

По обсуждении этого доклада, Совет министров пришел к заключению, что «неотложно необходим демонстративный акт по еврейскому вопросу».[92] Однако, по откровенным заявлениям членов Совета, решение это диктовалось мотивами отнюдь не государственного или гуманитарного характера. Большую роль сыграли настойчивые сообщения министра иностранных дел Сазонова о реакции европейского общественного мнения на преследования евреев. Министр финансов Барк по этому случаю пожаловался на то, что «всеобщее возмущение по поводу отношения к еврейству» приводит к «трудностям с размещением государственных бумаг».[93]

Министры долго не могли решить, в какую форму облечь этот вынужденный акт. Опасаясь резкой оппозиции со стороны правых, не считали возможным проводить его через Государственную Думу. В конце концов, вспомнили о статье 158 Учреждения министров, давно сданной в архив и лишь по недосмотру не вычеркнутой из Свода законов после 1905 г. Статья эта давала министрам право в чрезвычайных обстоятельствах «действовать всеми вверенными им способами». На основании этого сомнительного права, министр внутренних дел 15 августа 1915 года разослал губернаторам и градоначальникам циркуляр следующего содержания:

> «Уведомляю Ваше Превосходительство, для зависящих распоряжений, что в виду чрезвычайных обстоятельств военного времени и впредь до общего пересмотра в установленном порядке действующих о евреях узаконении, согласно постановлению Совета министров от 4 августа и на основании ст. 158 и 314 Учреждения министерств изд. 1892 г., мною разрешено евреям жить в городских поселениях, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министерств: Императорского Двора и Военного.
>
> Кн. Н. Щербатов».[94]

Так произошла отмена черты еврейской оседлости — в виде «демонстративного акта», вызванного «чрезвычайными обстоятельствами военного времени» и имевшего целью ублаготворить общественное мнение за границей и облегчить размещение государственных займов...

Циркуляром 1915 года черта была отменена лишь частично: оставался в силе установленный Временными правилами 1882 г. запрет селиться вне городов и местечек,[95] и запретными для евреев оставались города Петербург и Москва и области Войска Донского, Кубанского и Терского.

10 августа того же года было издано Высочайше утвержденное положение Совета министров, по которому евреям-участникам войны, уволенным из армии по ранениям или болезни, и их детям, разрешалось поступать в учебные заведения «вне конкурса и не считаясь с существующими ограничениями».[96] Вслед затем министр юстиции издал правила о приеме евреев в адвокатуру, которые внесли некоторые послабления в существовавший порядок и установили для приема евреев в адвокаты процентную норму.[97]

Этими мерами и полумерами ограничились облегчения, которые правительство было вынуждено дать евреям в эпоху мировой войны. Все они носили «временный» характер, ссылались в свое оправдание на «чрезвычайные обстоятельства» и не давали никакой надежды на скорое принципиальное разрешение вопроса об отмене еврейских правоограничений.

С 1916 года, когда положение на фронтах несколько окрепло, вопрос о положении евреев совершенно заглох. Правда, в программе думского Прогрессивного блока значился пункт о «вступлении на путь отмены ограничений в правах евреев, в частности, дальнейших шагов к отмене черты оседлости, облегчения доступа в учебные заведения и отмене стеснений в выборе профессий».[98] Но никаких конкретных шагов для исполнения этих пожеланий сделано не было.[99]

Николай II до последнего дня своего царствования оставался непоколебим в своем решении не допускать расширения прав евреев в России. В самый разгар военной катастрофы 1915 года он говорил Горемыкину, что в еврейском вопросе «ничего на себя не возьмет».[100] Министры, придя в себя после паники, перестали считать этот вопрос актуальным. Так в августе 1916 года министр внутренних дел Хвостов «не находил достаточных оснований к возбуждению в настоящее время вопроса о пересмотре законоположений о черте оседлости».[101] И еще в начале судьбоносного 1917 года один из директоров департамента этого министерства, которому доложили, что по газетным сообщениям правительство готовит законопроект по данному вопросу, сделал на докладе пометку: «Что за чепуха! Откуда берутся такие известия? Никаких реаль-

ных шагов по этому поводу в министерстве не предпринято...»[102]

* * *

Сообщение об этой пометке было напечатано в журнале «Еврейская Неделя» 22 января 1917 года. Но всего через месяц режим, для которого она была так характерна, сошел со сцены, а люди, ставшие у власти в феврале 1917 года, ясно сознавали, что еврейские правоограничения являются одной из язв павшего режима и что эта язва должна быть немедленно удалена из государственного организма.

В декларации, опубликованной 3 марта 1917 года за подписями председателя Государственной Думы М. В. Родзянко и министра-председателя нового правительства кн. Г. Е. Львова, уже было объявлено, что одним из оснований, которыми будет руководствоваться в своей деятельности Временное Правительство,[103] будет «отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений».[104] В изданной через три дня программной декларации Временного Правительства мы находим следующие строки:

> «Сознавая всю тяжесть гнетущего страну бесправия..., Временное Правительство считает необходимым, еще до созыва Учредительного Собрания, обеспечить страну твердыми нормами, ограждающими ... гражданское равенство».[105]

А 20 марта 1917 года Временным Правительством был издан формальный акт, по которому

> «Все установленные действующими законами ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются».[106]

Этим актом заканчивается одна страница в истории русского еврейства. С него началась другая, — также, хотя и по-иному, мрачная — страница, которую дочитают, вероятно, только наши дети.

Приложение

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБ ОТМЕНЕ ВЕРОИСПОВЕДНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

(подписано 20 марта 1917 года)

Исходя из убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом и что совесть каждого не может мириться с ограничением отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения, Временное Правительство постановило:

Все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются. В соответствии с сим:

I. Отменяются все узаконения, действующие в России как на всем пространстве, так и в отдельных ее местностях, и устанавливающие, в зависимости от принадлежности российских граждан к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, какие либо ограничения в отношении:

1) водворения, жительства и передвижения;

2) приобретения права собственности и иных вещных прав на всякого рода движимые и недвижимые имущества, а равно владения, пользования и управления сими имуществами и представления либо принятия их в залог;

3) всякого рода занятия ремеслами, торговлей и промышленностью, не исключая горной, а равно участия в казенных подрядах и поставках и публичных торгах;

4) участия в акционерных и иных торгово-промышленных обществах и товариществах, а равно занятия в сих обществах и товариществах всякого рода должностей, как по выборам, так и по найму;

5) найма прислуги, приказчиков, подмастерьев и рабочих и принятия к себе ремесленных учеников;

6) поступления на государственную службу, как гражданскую, так и военную, порядка и условия ее прохождения, участия в выборах в учреждения местного самоуправления и иные всякого рода общественные учреждения, занятия всякого рода должностей по правительственным и общественным установлениям и исполнения обязанностей, сопряженных с означенными должностями;

7) поступления в учебные заведения всякого рода и наименования, как частные, так и общественные и правительственные, прохождения в них курса и пользования стипендиями, а равно занятия преподаванием и воспитанием юношества;

8) исполнения обязанностей опекунов, попечителей, присяжных заседателей;

9) употребления иных, кроме русского, языков и наречий в делопроизводстве частных обществ, при преподавании в частных заведениях и ведении торговых книг.

Следуют пункты II—VII, в которых перечислены подлежащие отмене статьи из следующих частей Свода законов:

Общее учреждение губернское (г. II)
Устав о воинской повинности (т. IV)
Устав о прямых налогах (т. V)
Устав таможенный (т. VI)
Устав горный (т. VII)
Законы о состояниях (т. IX)
Законы гражданские и Положение о казенных подрядах и поставках (т. X, ч. I)
Уставы духовных дел иностранных исповеданий и Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства министерства народного просвещения (т. XI, ч. 2)
Уставы Кредитный, Торговый и о Промышленности (т. XI, ч. 2)
Устав строительный (т. XII, ч. 1)
Устав сельского хозяйства (т. XII, ч. 2)
Уставы о Паспортах, О предупреждении и пресечении преступлений, О благочинии (т. XIV)
Уложение о наказаниях (т. XV)
Судебные уставы Императора Александра II (т. XVI, ч.1)
Законы о судопроизводстве гражданском (т. XVI, ч. 2)

VIII. Действие всех изданных до обнародования настоящего постановления административных распоряжений как гражданских, так и военных властей, в силу которых ограничивается пользование какими-либо правами в зависимости от принадлежности к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, прекращается.

IX. Действие сего постановления распространяется на соответственные ограничения, установленные в отношении иностранцев, не принадлежащих к гражданам воюющих с Россией держав, в зависимости от принадлежности их к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности.

X. Настоящее постановление вступает в силу со дня его обнародования.

Министр-председатель *князь Львов*
Министр юстиции *Керенский*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего Сената и Центральных правительственных установлении». Составил Пом. Прис. Пов. Я. И. Гимпельсон. Под редакцией Прис. Пов. Л. М. Брамсона. СПБ. т. I (1914) и т. II (1915). Самым распространенным среди русских юристов сборником законов о евреях было «Руководство к русским законам о евреях» Прис. Пов. М. И. Мыша, вышедшее четвертым изданием в 1914 году. Кроме этих объемистых трудов, появились также комментированные издания ограничительных законов Лозинского, Гессена и Фридштейна, Вейнштейна, Роговина, Левина и др. Вышел также сборник разъяснений Сената по еврейским делам, составленный Левандой. В еврейских еженедельниках на русском языке («Рассвет», «Новый Восход» и др.) регулярно печаталась Хроника, в которой давались сведения о новых распоряжениях и заслуживающих внимания случаях применения ограничительных законов. В этих журналах обычно существовал также отдел «Ответов на вопросы читателей» на эту тему, составляемых специалистами по «еврейскому праву», как напр. Л. М. Айзенберг.

[2] Из Манифеста при вступлении на престол (Полное собрание законов, т. 40 № 42264).

[3] По данным Я. Д. Лещинского, в губерниях черты оседлости проживало 4899327 евреев, т. е. 94% всего еврейского населения России (см. его статью в настоящей книге).

[4] «Комитет министров о еврейском вопросе» (Изд-во «Жизнь»), СПБ. 1905, стр. 8.

[5] И. Бикерман, «Черта еврейской оседлости» (СПБ. 1911, стр. 1). Для соблюдения правильной исторической перспективы следует не забывать, что в 16 и 17 веках в Испании, Франции и Германии многие католические монархи были готовы подвергнуть такой же участи всех протестантов, а протестантские — всех католиков.

[6] См. напр. Указ от 2 декабря 1742 г. (Полн. Собр. Зак., т. XI, № 8673).

[7] Цитируется в книге И. Оршанского, «Русское законодательство о евреях. Очерки и исследования» (СПБ. 1877), стр. 153.

[8] В вышедшей в Германии при Гитлере большой книге о «Русской политике в отношении евреев» (Dr. Richard Maurach, «Russische Judenpolitik», 1939) автор признает главным недостатком этой политики то, что русское правительство не сумело стать в еврейском вопросе на «расовую точку зрения». «Первым и единственным законом», кото-

рый Маурах признает в этом отношении удовлетворительным, он считает изданные в 1912 г. «Правила о приеме в кадетские корпусы», по которым в кадеты не допускаются лица еврейского происхождения даже если их деды и отцы были уже христианами (ук. соч., стр. 379). Книга Мауpaxa представляет собой печальный пример того, как в те годы немецкие ученые считали нужным следовать несуразной идеологии гитлеризма. Она написана в обличительном тоне и в ней проводится мысль, что русское правительство во все времена не решалось надлежащим образом бороться с евреями и только для вида издавало ограничительные законы, которые никем не соблюдались. В 1955 г. Маурах выпустил обширный комментарий к конституции СССР, в котором, между прочим, дается вполне объективная характеристика политики советов в отношении русских евреев («Handbuch der Sowjetverfassung», Munchen 1955, 86. 352—4).

[9] Устав о предупреждении и пресечении преступлений, ст. 70 по изд. 1890 г.

[10] По ст. 95 Уголовного Уложения 1903 г. это деяние наказывалось тюрьмой на срок не менее шести месяцев.

[11] Новороссийский губернатор граф М. С. Воронцов писал в своем отзыве об этом проекте: «Смею думать, что само общее название «бесполезных» для нескольких сот тысяч человек, по воле Всевышнего живущих в империи, и круто, и несправедливо... Проект считает бесполезными всех тех многочисленных евреев, которые занимаются мелочной покупкой товаров у первых производителей, дабы их доставлять оптовому купцу, или полезной продажей товаров потребителям... тогда как они мелким, но оклеветанным промыслом, безо всякого сомнения, помогают, с одной стороны, промышленности сельской, а с другой — торговой» (цит. у Бикермана, ук. соч., стр. 121). Легенда о «бесполезности» занятия торговых посредников — странным образом — встречала сочувственный отклик в некоторых взглядах прогрессивной русской интеллигенции, еврейской и нееврейской. Всем известна презрительная кличка «люди воздуха», которой именовали людей, занимающихся этим «мелким, но оклеветанным промыслом». В Америке никто не называет так бесчисленных посредников разных родов и видов — «сэльсменов», «брокеров», «дилеров», «джобберов» и т. д., — без услуг которых не обходится ни одно промышленное предприятие. В России оно было на устах у всех. Бикерман указывает еще на такой психологический продукт этого предубеждения против торговых посредников: «если история русской общественности, — говорит он, — знает кающегося дворянина, то русское еврейство имело кающегося фактора. Сын фактора, лавочника, меламеда мог под влиянием правительственной проповеди ...проникнуться презрением к занятиям отца своего и брата, к укладу той среды, в которой он жил и где только возможны были для него труд, деятельность, инициатива, прогресс» (стр. 123).

[12] Характерны в этом отношении прения, имевшие место в Совете министров в августе 1915 года, когда выселенных из прифронтовой полосы евреев пришлось допускать в местности вне черты оседлости. Министр путей сообщения С. В. Рухлов, крайний реакционер и юдофоб, высказался против всяких послаблений для евреев. Но и министр внутренних дел кн. Н. Б. Щербатов, которого считали либералом, сказал: «конечно, С. В. Рухлов глубоко прав в своих указаниях на разрушительное влияние евреев». Его поддержал и министр земледелия А. В. Кривошеин, который считался лидером либерального крыла в министерстве: «я тоже, — заявил он, — привык отождествлять русскую революцию с евреями» (См. «Архив русской революции», т. XVIII, стр. 57). К этим министерским прениям мы еще вернемся.

[13] Вопрос был решен Сенатом отрицательно (Определение 1-го Общего собрания 1898 г. № 65). Но в отношении изготовления уксуса Сенат был милостивее и признал, что еврей, занимающийся этим промыслом, может считаться ремесленником (Определение 1-го Департамента 1883 г. № 65).

[14] Ук. соч., стр. 125. В представленном в 1904 г. в министерство внутренних дел докладе по еврейскому вопросу виленского губернатора графа Палена говорится о Временных правилах 1882 года, что они «стали орудием развращения низшей администрации» («Тайная докладная записка Виленского губернатора о положении евреев в России», Типография Бунда, Женева, 1904, стр. 54). Еще более красочно высказался по этому поводу Государственный контролер П. А. Харитонов в 1915 г. «А вы, господа, не боитесь осложнений среди полиции? — сказал он в Совете министров при обсуждении вопроса об отмене черты оседлости. — Чего доброго, пристава и околоточные устроят забастовку протеста или же произведут погромчики для доказательства несоответствия принятой меры желаниям истинно русских людей» (см. «Архив русской революции», т. XVIII, стр. 46).

[15] «The Legal Sufferings of the Jews in Russia. A Survey of their present situation and an Appendix of Laws». Edited by Lucien Wolf. With an Introduction by Prof. A. V. Dicey (C Fisher Unwin, London 1912), pp. IX—X. Эта книга, выпущенная по инициативе А. И. Браудо и составленная, на основании присланных им в Лондон материалов, при ближайшем участии Р. М. Бланка, содержит подробный обзор русского законодательства о евреях (стр. 1—82) и перевод главнейших ограничительных законов (ст. 83—97).

[16] Из статьи В. А. Маклакова по поводу введенной в 1915 году процентной нормы для евреев-адвокатов. Статья была напечатана в «Вестнике Права», а выдержки из нее приведены в «Еврейской Неделе» за 1915 г. № 28, стр. 9. Ограничительные законы рождали не только чувство зависти и обиды у тех из евреев, кто из-за них не достигал заветной цели, но и чувство неловкости и стыда у тех, кого удостаивали приема «точно исцелившихся от заразы или как терпимую часть неизбежного

зла» (слова А. С. Гольденвейзера в статье. «По поводу законопроекта об адвокатуре», «Северный Вестник» за 1897 г., кн. 12, стр. 53).

[17] Мыш, ук. соч., стр. 118.

[18] Подтверждение этого вывода можно найти и в судьбе негров американского Юга. Сохранившиеся в южных штатах законы о сегрегации негров в отдельных школах, железнодорожных вагонах и т. п. несомненно поддерживают и питают расовый антагонизм. Надо надеяться, что в результате новейших решений Верховного суда Соед. Штатов и мер федерального правительства эти законы в скором времени потеряют силу. — Интересный теоретический анализ вопроса о влиянии законодательства на общественное мнение можно найти в известной книге А. В. Дайси (A. V. Dicey, «Law and Public opinion in Eng-land», 2-nd ed., pp. 41—47).

[19] Влад. Набоков, «Кишиневская кровавая баня» («Право», 27 апреля 1903 года, стр. 1285).

[20] М. И. Мыш, «Руководство к русским законам о евреях», СПБ. 1914. Предисловия к третьему изданию (стр. III) и к четвертому изданию (стр. IV).

[21] Д. Н. Шипов, «Воспоминания и думы о пережитом», (стр. 461, Москва 1918).

[22] Граф В. Н. Коковцев. «Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919». Т. I (Париж 1933), стр. 236.

[23] Там же, стр. 238.

[24] Там же, стр. 239.

[25] В. А. Маклаков, «Вторая Государственная Дума. (Воспоминания современника)». Париж 1946. Стр. 40, примечание.

[26] См. статью П. Н. Милюкова «Еврейский вопрос в России» в сборнике «Щит», изданном в 1916 году «Русским обществом для изучения еврейской жизни» (2-е изд., стр. 170).

[27] Там же, стр. 170—171. «Уже первый Еврейский комитет 1803 года совершенно ясно установил общее правило: как можно больше свободы, как можно меньше ограничений. Второй Комитет, который работал с 1807 до 1812 года,... подтвердил, что евреи полезны и необходимы для русской деревни... Так думало и меньшинство Государственного совета в 1835 г. В 1858 г. министерство внутренних дел требовало равноправия для евреев и реакционный Еврейский комитет соглашался с этим требованием» (при условии постепенности), но уже «Новая Комиссия 1872 года ... находит, что отмена ограничений ... есть только акт справедливости и что отмена должна быть немедленной. Верховная комиссия 1883 г. опять-таки приходит к тому же самому выводу... Таково было в 1902 г. даже мнение Плеве, известного своими преследованиями евреев» (там же). Милюков не упоминает об учрежденной в 1870 г. «Комиссии по устройству быта евреев», работы которой интересны тем, что в их основу была положена «Записка», составленная старшим юрисконсультом министерства внутр. дел — известным кри-

миналистом, будущим обер-прокурором Уголовного кассац. департамента Сената, — Н. А. Неклюдовым. Эта записка была издана в 1907 г. в Петербурге под заглавием «О равноправии евреев», и по своему содержанию соответствует этому заглавию. Неклюдов особенно резко критикует ограничения в праве жительства: «этими правами пользуются буряты и тунгузы, чукчи и самоеды;... ими должны пользоваться и евреи, потому что в благоустроенном государстве не может быть народа, не имеющего гражданского быта» (стр. 7).

[28] «Комитет министров о еврейском вопросе», СПБ. 1905, стр. 10. Вероятно по той же причине, Витте не обмолвился ни единым словом о еврейском вопросе в своем знаменитом Докладе, представленном царю в октябре 1905 г. и обнародованном одновременно с манифестом 17 октября с царской резолюцией «Принять к руководству». Самый манифест также не упоминает о еврейских правоограничениях.

[29] Государственная дума. Сессия I (1906). Стенографический отчет, т. I. В министерской декларации, оглашенной Горемыкиным в Думе 13 мая 1906 г., правительство обошло еврейский вопрос молчанием. Повидимому, считаясь с настроениями царя, правительство не могло предложить никаких послаблений в ограничительных законах, но оно не имело мужества открыто заявить об этом отказе Государственной думе. Достойную оценку декларации с этой точки зрения дал член Думы М. М. Винавер в речи, произнесенной в первый день прений по декларации (см. там же).

[30] Юлий Гессен. «О жизни евреев в России. Записка в Государственную Думу». СПБ. 1906. Перепечатана в книге гр. И. И. Толстого и Ю. Гессена «Факты и мысли. Еврейский вопрос в России», СПБ. 1907.

[31] Там же, стр. 171.

[32] Эти статьи были затем включены в очередное издание Судебных уставов (Учреждение Судебных установлении, ст. 21 п. 5 и прил. к ст. 2., статья 5 п. 6).

[33] Последний вопрос подробно изложен в статье С. Л. Кучерова «Евреи в русской адвокатуре».

[34] Ук. соч., стр. 11.

[35] Полн. Собр. законов, т. XXII № 16391.

[36] «Еврейский вопрос в России» («Щит. Литературный сборник», 2-е изд. Москва 1916, стр. 168). Такое толкование Указа 1791 г. подтверждается последовавшим вслед за ним сенатским разъяснением, в котором говорится, что «так как евреи поставлены в положение равенства с другими, то в каждом отдельном случае надо соблюдать общее правило, установленное Ея Величеством. Каждый должен пользоваться своими правами и приобретениями соответственно своему положению и призванию, без различия веры и национальности» (цит. в той же статье Милюкова).

[37] В черту оседлости входили пятнадцать губерний: Гродненская, Ковенская, Виленская, Витебская, Минская, Могилевская, Чернигов-

ская, Полтавская, Волынская, Подольская, Херсонская (кроме гор. Николаева), Бессарабская, Екатеринославская, Киевская (кроме гор. Киева) и Таврическая (кроме городов Севастополя и Ялты), а также десять губерний Царства Польского (Устав о паспортах, изд. 1903 года, приложение к ст. 68 п. 1 и 21). Общая площадь черты составляла всего $^1/_{23}$ часть территории России. О праве жительства евреев в прибалтийском крае (тогдашних губерниях Лифляндской и Курляндской) был издан ряд особых узаконении, начиная с Высочайше утвержденного положения Еврейского комитета 1829 года (Полн. Собр. Зак. № 2884). По ст. 7 прил. к ст. 68 Устава о паспортах изд. 1903 г., постоянное жительство в этих губерниях разрешалось «только тем евреям, кои там записаны по ревизии до 13 апреля 1835 г.; переселение же туда евреев из других губерний воспрещается» (см. Гимпельсон, ук. соч., стр. 175—177).

[38] «Временные правила 1882 года» были включены в Свод законов в виде примечания к ст. 959 тома IX по продолжению 1890 года. Резкую критику этого закона мы находим в докладе, представленном Виленским губернатором гр. Паленом в министерство внутр. дел в 1904 г. Дела по выселению евреев по закону 1882 г., говорится в этом докладе, «дают яркую картину того вреда, который для общего развития края дал этот закон» (стр. 53). И далее: «закон 1882 г., не достигая цели, принес несомненный вред, помимо городского населения, и сельскому, а потому его отмена является насущной необходимостью» (стр. 60). (Цитирую по изданию доклада, выпущенному в Женеве в, типографии Бунда в марте 1904 года). Между тем, «временные» правила 1882 г. продолжали действовать до самой революции и запрет евреям селиться вне городов и местечек оставался в силе даже при общей отмене черты оседлости в 1915 году.

[39] «Руководящие начала» по этому вопросу были преподаны Сенатом в решении о признании местечком села Татарбунар (Указ от 4 апреля 1891 года № 4195). Чтобы решить судьбу этого села Сенат углубляется в подробные изыскания исторического, административного и финансового характера.

[40] Указ Сената от 19 апреля 1900 г. № 4426 и определение от 27 ноября 1896 г. по делу Бродского (см. Мыш, ук. соч., стр. 140—146).

[41] Белая Церковь была крупным и быстро растущим поселением Киевской губернии, но продолжала числиться «селом». Депутации от ее жителей, обратившейся по этому поводу к генерал-губернатору Дрентельну, он ответил: «скажите вашим евреям, что я скорее превращу Бердичев в деревню, чем Белую Церковь в местечко».

[42] Полное Собр. Законов, т. XXXIII № 33659.

[43] Высоч. утвержд. мнение Гос. Совета от 7 июня 1904 года (включено в Законы о состояниях в виде ст. 781 т. IX Свода Законов).

[44] См. Мыш, ук. соч., стр. 291—294.

[45] Посты приставов Лыбедского и Плосского участков считались в

полицейских кругах наиболее доходными и в эти участки назначали лишь за особые заслуга.

[46] По данным Еврейского Колонизационного общества, в 1891 году из России эмигрировало 42000 евреев, а в 1892 г. 76000 евреев.

[47] 2-е изд., Москва 1924.

[48] Вермель, ук. соч., стр. 22.

[49] Там же, стр. 41—42.

[50] Полн. Собр. Законов, т. XXXVI №37.684. Это и последующие узаконения включены в Свод законов в виде ст. 31 прил. к ст. 68 Устава о паспортах по изд. 1903 г.

[51] Евреи-солдаты, отслужившие свой срок по Уставу о воинской повинности 1874 г., немедленно лишались права жительства в месте своей службы, если оно находилось вне черты оседлости. Мой старший брат — студент американского университета — в 1907 году, по желанию нашего отца, вернулся в Киев, чтобы отбыть воинскую повинность, но отслужив годичный срок в качестве вольноопределяющегося, должен был уехать из Киева, так как он, как совершеннолетний, не мог жить «при отце», а как студент иностранного университета, не располагал самостоятельным правом жительства в Киеве.

[52] Ст. 12 прил. к ст. 68 Устава о паспортах изд. 1912 г.

[53] См. Мыш, ук. соч., стр. 180. При толковании этого закона Сенату пришлось подвергнуть подробному анализу такую «проблему»: можно ли выражению закона «брать с собой приказчиков» придавать то же значение, что «иметь при себе приказчиков»?

[54] Ст. 12 прил. к ст. 68 Уст. о паспортах.

[55] Ст. 17 прил. к ст. 68 Уст. о паспортах.

[56] По данным Еврейского колонизационного общества, в 1905 г. в России свыше 1300000 евреев занимались ремесленным трудом.

[57] Юлий Гессен. «Еврейский вопрос в России», СПБ. 1907, стр. 30. Более подробный список занятий, признанных Сенатом ремеслами и таковыми не признанных, с ссылками на отдельные решения по поводу каждого из перечисленных занятий, дан в комментированном издании «Законы о евреях» Я. И. Гимпельсона, СПБ. 1914, стр. 105—108. В «Руководстве к законам о евреях» М. И. Мыша изложение сенатской практики по вопросу «что есть ремесленник?» занимает 37 страниц (стр. 212—249).

[58] По общему правилу (Законы о состояниях, т. IX, ст. 780 по прод. 1899 г.), право жительства обнимало также право приобретения недвижимых имуществ. Но после Польского восстания 1863 г., в видах «обрусения Юго-Западного края», евреям вместе с поляками было воспрещено приобретать земли в девяти западных губерниях. Этот запрет, повидимому, не очень строго соблюдался и в 1884 году последовало специальное узаконение о признании недействительными купчих крепостей, заключенных в его нарушение. При этом генерал-губернаторам было предоставлено право предъявлять в подлежащих случаях к еврей-

ским землевладельцам иски и отбирать их имения в казну. Много шума вызвало дело по такому иску, предъявленному Киевским ген.-губернатором к еврею Герману, который свыше двадцати лет владел образцовым имением в Волынской губернии. Киевский окружной суд и Киевская судебная палата иск удовлетворили. Член палаты К. Змирлов (будущий сенатор) в составленном им решении подверг тщательному анализу все возникавшие в этом деле юридические вопросы и доказывал ссылками на Иеринга, Виндшейда и других ученых, что имение нужно у Германа отнять. Но Гражданский Департамент Сената, после выступлений поверенных Германа А. Я. Пассовера и А. С. Гольденвейзера, признал, что евреи-землевладельцы могут защищать свое владение ссылкой на десятилетнюю земскую давность, и что поэтому в иске ген.-губернатора к Герману, владевшему своим имением свыше двадцати лет, должно быть отказано.

[59] Юлий Гессен, ук. соч., стр. 101.

[60] Там же, стр. 104—105. О политике правительства в отношении приема евреев в общие школы в разные эпохи подробно говорится в статье И. М. Троцкого «Евреи в русской школе».

[61] Мыш, ук. соч., стр. 422—423.

[62] По Высочайше утвержденному Положению Совета Министров от 22 августа 1909 г. норма была повышена для приема евреев в средние (но не в высшие) учебные заведения (15% в черте, 10% вне черты и 5% в столицах). См. Мыш, ук. соч., стр. 425—6.

[63] Это Положение было включено в Свод законов в виде примечания к ст. 787 Закона о состояниях (т. IX по изд. 1912 г.). Следует отметить, что инициатор этих ограничений граф Делянов по-видимому считал, что строгое применение процентной нормы в средних учебных заведениях является достаточной гарантией против еврейского засилья в университетах. Он очень широко пользовался правом министра допускать евреев в университеты вне нормы. По этим делам он обычно принимал просителей у себя на дому и, как передают, рекомендовал им «не попадаться на глаза товарищу министра». Впрочем, либерализм Делянова распространялся только на прием евреев в провинциальные университеты. Л. О. Дан в своих воспоминаниях рассказывает об успехах в таких делах, которых достигал у Делянова ее дед, издатель еврейской газеты «Гамелиц» А. О. Цедербаум. По его ходатайствам, «десятки и даже сотни студентов были приняты в университеты сверх процентной нормы» (см. «Мартов и его близкие», Нью-Йорк 1959, стр. 30). Но эти патриархальные порядки изменились, когда вместо Делянова министрами народного просвещения стали ученые юристы — профессора Московского университета Боголепов и Кассо. При них процентная норма стала применяться со всей строгостью.

[64] Собрание узаконении за 1911 г., ч. I, № 72, ст. 629 (включена в прим. 3 к ст. 787 т. IX Свода законов).

[65] Гимпельсон, ук. соч., стр. 548—549. В развитие этого циркуляра

Министерство народного просвещения нашло нужным издать 2 июля 1914 г. дополнительный циркуляр № 33.511, а затем для вящего уточнения обряда жеребьевки в августе 1914 г., т. е. уже после начала мировой войны, еще третий циркуляр (см. там же, стр. 549—550).

[66] Хотя закон о черте оседлости и Временные правила 3 мая 1882 г. ограничивали в правах только евреев-физических лиц, циркуляры и судебная практика распространяли их действие и на акционерные общества, в состав которых входили евреи. Так из Временных правил 1882 г. делали заключение, что евреям нельзя становиться пайщиками и распорядителями акционерных обществ, которые по роду своей деятельности должны владеть или арендовать сельские земельные угодья. Для проведения в жизнь этого ограничения, при утверждении каждого нового устава ставилось условием, чтобы в него была внесена статья, воспрещавшая евреям быть избранными в члены правления, быть директорами-распорядителями или управляющими имениями данного общества. Особенно остро ощущалось это ограничение в Юго-Западном крае, где одной из главных отраслей промышленности была свеклосахарная. Ни одно акционерное общество, владевшее сахарным заводом, не могло существовать без права владеть или арендовать земли для свекловичных плантаций. И хотя, как известно, евреи играли выдающуюся роль в развитии сахарной промышленности и во многих предприятиях в данной области им принадлежало большинство или даже все акции, в члены правления таких обществ разрешалось избирать только неевреев. То же имело место и в горной промышленности (см. Мыш, ук. соч., стр. 397—398).

[67] Реш. Угол. Касс. Департамента от 9 ноября 1895 г. по делу Иокера.

[68] Реш. Угол. Касс. Департамента 1877 № 20.

[69] Реш. Угол. Касс. Департамента 1877 № 12. Полная сводка кассационных решений по ст. 1171 дается в комментированном издании Гимпельсона (ук. соч., стр. 364—371).

[70] По Высочайшему повелению, в сентябре 1915 года (т. е. уже после отмены черты оседлости) были прекращены дела, возбужденные по ст. 1171 во всех городах, кроме столиц и полосы царских резиденций на Южном берегу Крыма. См. пространный «некролог» ст. 1171 С. В. Познера в «Еврейской Неделе» за 1915 г. № 19.

[71] Устав о службе по определению правительства (Свод законов, т. III, изд. 1896 г.), ст. ст. 4, 40 и 182. Университетские дипломы I степени были приравнены к ученым степеням.

[72] Дольше других оставались на службе по министерству юстиции Я. Л. Тейтель и Я. М. Гальперн. Тейтель был десять лет судебным следователем в Самаре и затем с 1903 по 1912 г.г. членом окружного суда в Саратове. Я. М. Гальперн был многие годы вице-директором департамента в министерстве юстиции. В 1912 г. Щегловитов «убедил» того и другого подать в отставку. Об обстоятельствах отставки Я. Л. Тейтеля он подробно рассказал в своих воспоминаниях («Из моей жизни. За сорок лет». Париж 1923, стр. 190—206).

[73] См. изложение этого вопроса в статье С. Л. Кучерова «Евреи в русской адвокатуре». Так как профессура и государственная служба были фактически закрыты для евреев, то адвокатура долгие годы оставалась единственным поприщем, на котором оканчивающие юридический факультет молодые юристы-евреи могли применять свои знания и способности. Поэтому разъяснение Сената 1912 года, закрывшее и этот последний выход, было болезненно воспринято всеми, кого оно коснулось. Вопрос о доступе евреев в адвокатуру был окончательно решен только в первые дни революции. 28 февраля 1917 г. Комитет Государственной Думы назначил трех депутатов — В. А. Маклакова, М. С. Аджемова и В. П. Басакова — «Комиссарами для заведывания делами министерства юстиции» и одним из первых действий этих комиссаров была рассылка окружным судам телеграфного циркуляра с предложением зачислить в адвокатуру всех евреев, которые были приняты Советами присяжных поверенных, но не имели министерского утверждения.

[74] Это ограничение было внесено в Судебные уставы, как ст. 21 п. 5 и прил. к ст. 2. Учреждения судебных установлений. Защищая этот пункт законопроекта, министр юстиции восклицал, «что еврей не может быть судьей в русском суде, как он не может быть священником в православном храме»...

[75] Напр. специальными распоряжениями было воспрещено принимать евреев на должности писцов в волостных управах, полицейских управлениях и нотариальных конторах (см. Мыш., ук. соч., стр. 469).

[76] Указом Прав. Сената от 5 сентября 1912 г. признано, что евреи, имеющие в какой либо местности лишь «временное право пребывания», избирательных прав в данной местности не имеют. Мотивы этого указа содержат весьма оригинальное юридическое рассуждение. «Никакое законодательное изъятие, говорится в этих мотивах, не может быть толкуемо распространительно.... ...Запрещение евреям проживать вне местностей, специально на этот предмет в законе оговоренных..., является по отношению к евреям правилом, изъятиями же должны быть признаны отступления от сего последнего». Поэтому « было бы, с указанной точки зрения, непоследовательным признавать за евреями, условно пребывающими в данной местности, высшее из политических прав, — право выбора народных представителей в законодательные учреждения» (Указ полностью напечатан у Гимпельсона, ук. соч., стр. 451—452). По этой юридической эквилибристике, закон, воспрещающий части русских граждан жить повсеместно на своей родине, оказывается «общим правилом», а изъятия из этого закона, восстанавливающие для некоторых категорий это естественное право, — «исключением».

[77] Однако, введенная этим законом куриальная система выборов, с преобладающим значением курии землевладельцев, фактически значительно сократила представительство от еврейского населения в Гос. Думе. В Первой думе было 12 депутатов-евреев, а в Третьей только два и в

Четвертой три депутата. На выборах в Четвертую Гос. Думу депутатом от г. Одессы по первой курии был избран известный адвокат-цивилист Аркадий Ефимович Бродский. Но градоначальник Толмачев никак не мог примириться с таким результатом выборов в вверенном его попечению городе. Он выяснил, что прис. пов. Бродский значился по метрике «Арон Хаимович» и грозил привлечь вновь избранного депутата и его детей к уголовной ответственности за подлог. Бродскому пришлось отказаться от звания члена Государственной Думы.

[78] Полн. Собр. законов т. VI № 4884. Действительной целью правил о наборе малолетних евреев было насильственное обращение их в православие. Малолетних рекрутов полагалось направлять на службу в местности, где еврейских жителей не было, и по дороге им разрешалось квартировать только у христиан. Во время длинных зимних переходов несчастные дети гибли массами (см. Юлий Гессен, ук. соч., стр. 72 и сл.). Трагедия этих еврейских детей (так наз. «кантонистов») описана в русской литературе.

[79] Поли. Собр. законов т. XXI № 30888.

[80] Мыш, ук. соч., стр. 487.

[81] Собр. узак. и расп. правительства за 1876 г., ч. I ст. 223.

[82] Высочайше утвержд. мнение Гос. Совета, включенное в Устав о воинск. пов., ст. 360.

[83] Мыш, ук. соч., стр. 506—512.

[84] Испытания русского еврейства в эпоху первой мировой войны рассказаны в статье Я. Г. Фрумкина «Из истории русского еврейства (1900—1917 г.г.)».

[85] См. «Доклад Центрального Комитета к.-д. по еврейскому вопросу», прочитанный М. М. Винавером на партийной конференции 6 июня 1915 г., стр. 26 (цитирую по изданной за границей брошюре под указанным заглавием).

[86] Там же, стр. 29.

[87] Там же, стр. 30—32.

[88] Там же, стр. 38—40.

[89] «Архив русской революции», изд. И. В. Гессеном, т. XVIII, Берлин 1926, стр. 5—136. Об этих прениях в Совете министров подробно рассказано в статье Я. Г. Фрумкина «Из истории русского еврейства».

[90] Там же, стр. 12, 32, 42.

[91] Там же, стр. 43.

[92] Там же, стр. 45.

[93] Там же, стр. 44—46. При обсуждении этого вопроса министр земледелия А. В. Кривошеин, — который пользовался таким уважением в либеральных кругах, что его прочили в премьеры будущего «кабинета общественного доверия», — сказал: «Надо предъявить евреям откровенный ультиматум: мы даем вам изменение правил о черте оседлости..., а вы пожалуйте на денежную поддержку на русском и иностранном рынках». Обер-прокурор Синода Д. Самарин, также слывший ли-

бералом, заявил, что «ему больно давать согласие на такой акт, последствия которого огромны и с которым русским людям придется считаться в будущем». «С душевным прискорбием» присоединился к нему и министр юстиции Хвостов, а министр путей сообщения заявил, что не может «переварить, что вся Россия страдает от тяжестей войны, но первыми получают облегчение евреи». Только министр торговли и промышленности кн. Шаховской решился сказать, что ограничения права жительства вредны для хозяйственного развития России, и потребовать допущения евреев не только в города, но и в сельские местности вне черты оседлости (стр. 44).

[94] Текст циркуляра напечатан в «Еврейской Неделе» за 1915 г. № 14.

[95] При обсуждении вопроса один из министров заявил, что допустить евреев в сельские местности невозможно, так как «мужики будут гнать евреев дрекольем». Какая клевета на русское крестьянство! Известно, что между крестьянами и немногими проживавшими в деревнях евреями существовали добрососедские отношения, а антисемитизм был распространен главным образом среди городского купечества и мещанства.

[96] «Еврейская Неделя» за 1915 г. № 15.

[97] См. подробное изложение этих правил в статье С. Л. Кучерова «Евреи в русской адвокатуре».

[98] Программа Прогрессивного блока напечатана в «Архиве русской революции», т. XVIII стр. 109—110. В программе также упомянуто «восстановление еврейской печати», потому что незадолго перед тем (5 июля 1915 г.), под предлогом трудностей для цензурного надзора, были воспрещены все периодические издания на еврейском языке (см. «Еврейская Неделя» за 1916 г. № 9). Еще в самом начале войны были разосланы циркуляры по почтовому ведомству, предписывающие уничтожать все письма, «в которых можно видеть хотя бы несколько слов на еврейском языке». Такой секретный циркуляр Начальника Киевского почтового округа от 8 октября 1914 г. был обнаружен после революции и опубликован в «Еврейской Неделе» за 1917 г. № 27.

[99] При оценке программы Прогрессивного блока нужно иметь в виду, что блок обнимал широкий спектр политических партий, включая «Союз русских националистов», возглавляемый открытым антисемитом Шульгиным. Вполне естественно поэтому, что пункт программы блока, относящийся к еврейскому вопросу, должен был носить характер компромисса.

[100] «Архив русской революции», т. XVIII стр. 112 (протокол заседания Совета министров 26 августа 1915 г.).

[101] «Еврейская Неделя» за 1915 г. № 34.

[102] «Еврейская Неделя» за 1917 г. № 3—4. В № 10—11 этого журнала, вышедшем 14 февраля 1917 г., — т. е. всего за десять дней до революции, — приведено сообщение газеты «Утро России», что в Москве в Пречистенском полицейском участке содержатся десятки евреев,

«арестованных за нарушение законов о праве жительства», в том числе «пожилая еврейка, проезжавшая через Москву в Вознесенск, чтобы повидаться в лазарете с раненым сыном».

[103] В этой декларации был впервые объявлен состав Временного Правительства, которое в ней еще названо «Советом министров».

[104] Текст Декларации напечатан в «Праве» за 1917 г., № 8 стр. 420.

[105] Там же, стр. 422—423.

[106] Распубликовано в выпуске Собрания Узаконений и Распоряжений Правительства от 22 марта 1917 года. Текст Постановления Временного Правительства воспроизведен в Приложении к настоящей статье.

И. М. ДИЖУР

ЕВРЕИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ

В первые годы революции в России имело хождение бойкое словечко «Чай Высоцкого, Сахар Бродского, Россия — Троцкого». В устах скрытых и явных антисемитов это звучало намеком на все то же пресловутое «засилье евреев», о котором постоянно вопила черная сотня и против которого весьма почтенные государственные люди в течение долгих лет считали необходимым принимать серьезные меры.

Как известно, в эти годы «военного коммунизма» очень быстро исчезли чай и сахар (не только Высоцкого и Бродского, но и всякий), да и мифическая «Россия Троцкого» вслед затем испарилась из политического жаргона. Но остался миф о необычайном влиянии евреев на весь ход развития России, по мнению одних — пагубном, по мнению других — благотворном.

Какова же на самом деле была роль евреев в хозяйственном росте и развитии Государства Российского?

В средние века в официальных кругах не жаловались на «засилье евреев». Наоборот, великие князья Московские и мелкие удельные князья старались всячески использовать то влияние, какое тогда некоторые богатые крымские евреи имели у могущественных ханов татарских.

Так, великий князь Московский Иван III в 1474 году поручает своему послу Беклемишеву в Крыму убедить еврея Хози Кокоса похлопотать перед ханом Менгли-Гиреем о выдаче великому князю ярлыка (освобождение от непомерной дани). Через 12 лет, в 1486 году мы находим в инструкции великого князя боярину Семену Борисовичу, отправленному с посольством к тому же хану Менгли-Гирею, следующее поручение:

> «Да молвит Кокосю жидовину от великого князя... как еси наперед того нам служил и добра нашего смотрел, и ты бы и поныне нам служил, а мы аж даст Бог хотим тебя жаловать».[1]

[1] См. «История евреев в России в Средние века». М. Вишницер в «Еврейской Энциклопедии», т. XIII, стр. 610 и след.

При Василии Ивановиче (1479—1533) отношение к евреям стало более враждебным в связи с начавшимся преследованием секты «жидовствующих». Иван Грозный на обращение к нему польского короля Сигизмунда с просьбой о разрешении еврейским купцам приезжать в Россию ответил категорическим отказом. Запрещение евреям въезжать в пределы России было включено в договор с Польшей 1610-го года. Но несмотря на это, по свидетельству летописца, во времена Лже-Дмитрия страна была наводнена иностранными еретиками, литовцами, поляками и евреями.[2]

В царствование Михаила Феодоровича отношение к евреям было довольно терпимое, и в Уложении царя Алексея Михайловича нет упоминания о каких-либо ограничениях для евреев. Евреи, очевидно, имели доступ во все города, включая Москву. «Сама московская казна поддерживала торговые сношения с евреями, как, например, с «Быховским евреянином Июдой Исаевым (1674) и с шкловским евреянином Самойлом Яковлевым».

Но при царе Феодоре Алексеевиче в договор с Польшей 1678 года был включен пункт, запрещавший евреям «ездить на обе стороны со всякими товарами».[3] На практике запрет этот, по-видимому, слабо применялся, а во время царствования Петра Великого еврейское население России и особенно Малороссии достигло внушительных по тому времени размеров.

С 1721 года появляются первые указы (Верховного Тайного Совета) о выселении евреев из сел и деревень, а Елизавета Петровна возобновила старомосковскую нетерпимую политику по отношению к евреям. Когда ей представлен был Сенатом доклад о том, что закрытие евреям доступа на ярмарки Малороссии и в Ригу разоряет торговых людей этих мест и приносит убыток казне, императрица положила свою знаменитую резолюцию: — «от врагов Христовых не желаю интересной прибыли».

Как известно, массовый приток еврейского населения в Россию начался с первого раздела Польши в 1772 году, когда Белоруссия, т. е. Могилевская и Полоцкая (впоследствии Витебская) губернии стали русскими провинциями, и более 40000 еврейских семейств (около 200000 душ) были приняты в русское подданство. По словам С. М. Дубнова, это был «момент зарождения еврейского центра в Российской Империи».

---

[2] Там же, стр. 611.
[3] Там же, стр. 611.

Вслед за этим, по второму (1793 г.) и третьему (1795 г.) разделам Польши около миллиона евреев Литвы, Подолии, Волыни и большей части центральной Польши были приняты в русское подданство. Живое тело польского еврейства было разрезано на три части и с каждой из этих частей стали экспериментировать: в Австрии — в духе просвещенного абсолютизма Иосифа 2-го, а в Пруссии — в духе прусских королей. В России же экспериментирование это, особенно в экономической области, проявилось в виде странной смеси реформаторских попыток и разорительных мер.

Так, в первый (либеральный) период царствования Екатерины Второй евреи были уравнены в правах с прочим торгово-промышленным населением городов (1783 г.). Они даже допускались к участию в выборных органах сословно-городских самоуправлений. Но вскоре, отчасти под влиянием жалоб местных купцов и мещан, евреи купцы и мещане стали подвергаться стеснениям в праве передвижения. В 1791 году последовал запрет евреям приписываться к купеческим обществам во «внутренних губерниях» и, в частности, в Москве, и стали выселять евреев из сел и деревень в города с целью отвлечь их от дотоле традиционных занятий по аренде винокуренных заводов (принадлежавших помещикам). Интересно отметить, что по началу выселение из деревень, по мысли Екатерины Второй, направленное к упрочению торговли в городах, распространялось на всех купцов и мещан, но впоследствии оно превратилось в репрессию по адресу одних только евреев.

Попытки урегулирования экономической деятельности евреев были настолько хаотичны и противоречивы, что ко времени царствования Павла Первого ощутилась неотложная потребность установить общие правила о евреях, что и привело к известному «Положению о евреях 1804 года», изданному в царствование Александра I-го.

Подготовка этого исторического документа проливает свет на роль евреев в экономической жизни страны того времени, а также дает возможность познакомиться со взглядами на этот вопрос выдающихся представителей эпохи, — поэта и сановника Державина и реформатора Сперанского.

В 1800—01 г.г. в Белоруссии свирепствовал голод, вызванный не только неурожаем, но и безответственным и жестоким поведением помещиков, которые, несмотря на повсеместный голод, экспортировали за границу крупные партии хлеба или отправляли его на свои же винокуренные заводы для выработки

спиртных напитков. Посылая сенатора Г. Р. Державина в Белоруссию, император Павел I уполномочил его «прекратить злоупотребления и строго наказать помещиков, которые из безмерного корыстолюбия оставляют крестьян своих без помощи, отобрать у них имения и отдать в опеку».[4]

Однако, генерал-прокурор Сената Обольянинов в своей инструкции Державину намекнул на другой, более удобный выход из положения. Он писал: «а как по сведениям не малою причиною истощения белорусских крестьян суть жиды, чтобы Ваше Превосходительство обратило особливое внимание на промысел их и к отвращению такого общего от них вреда подали свое мнение».[5]

Мнение, поданное впоследствии Державиным, так и называлось «Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и о прочем». В нем он повторил все наветы заинтересованных помещиков, купцов и мещан, а также «ученых представителей иезуитской коллегии города Витебска», где он собирал материалы для своей записки.

Так например, о наиболее распространенных занятиях евреев того времени: мелкой торговле, аренде, кормчестве и факторстве Державин пишет, что они «суть только тонкие вымыслы под видом прибылей и услуг ближним, истощать их имущество».[6]

Однако, в частном письме к тому же генерал-прокурору Сената Обольянинову Державин, очевидно, вполне искренно, писал: «Трудно без прегрешения и по справедливости кого-либо строго обвинять. Крестьяне пропивают свой хлеб жидам и оттого терпят недостаток в оном. Владельцы не могут воспретить пьянство для того, что они от продажи вина весь доход имеют. А и жидов в полной мере обвинять также не можно, что они для пропитания своего извлекают от крестьян корм».[7]

Таковы были противоречивые высказывания Державина о роли евреев в экономической жизни Белоруссии. К несчастью, его официальное «мнение» возымело влияние на все последовавшее законодательство о евреях, — частное же его письмо к

---

[4] С. М. Дубнов, Новейшая История Еврейского Народа, т. I. стр. 253.
[5] Там же, стр. 153.
[6] Там же, стр. 254.
[7] Ю. И. Гессен, Евреи в России, стр. 39.

Обер-прокурору Сената оставалось никому, до сравнительно недавнего времени, неизвестным частным письмом.

«Комитет по благоустройству евреев», учрежденный в ноябре 1802 г. по Высочайшему повелению Александра I-го, занялся раньше всего рассмотрением вопросов, затронутых в Державинском «мнении» относительно Белоруссии, с целью затем «распространить благоустройство евреев и в приобретенных от Польши губерниях».[8] В. Комитете мнения разделились между сторонниками строгой регламентации хозяйственного быта еврейского населения страны и сторонниками более либерального течения. Наиболее ярким выразителем последнего течения был Сперанский, мнение которого зафиксировано в журнале Комитета (от сентября 1803 года) в следующих примечательных словах:

> «Преобразования, произведенные властью правительства, вообще не прочны и особенно в тех случаях не надежны, когда власть сия должна бороться с столетними навыками. Посему лучше и надежнее вести евреев к совершенству, отворяя только пути к собственной пользе, надзирая издалека за движениями их и удаляя все, что с дороги сей совратить их может, не употребляя никакой власти, не назначая никаких особенных заведений, не действуя вместо них, но раскрывая только пути к собственной их деятельности. *Сколь можно менее запрещений, сколь можно более свободы — вот простые стихии всякого устройства в обществе»*.[9]

Невольно задаешь себе вопрос, как выглядело бы все экономическое, да и политическое развитие России, если бы начиная с зари XIX века русские государственные мужи следовали во всех вопросах, и, в частности, в еврейском, совету этого выдающегося деятеля: «сколь можно менее запрещений, сколь можно более свободы»!..

Но жизнь пошла не по этому либеральному пути. «Положение об устройстве евреев 1804 года», хотя и было продиктовано «попечением о истинном благе евреев», как сказано во вступлении к этому закону, но послужило началом полного разорения и пауперизации значительного большинства еврейского населения страны.

---

[8] С. М. Дубнов. Новейшая История Еврейского народа, т. I. стр. 256.
[9] Там же, стр. 259.

Статья 34-ая «Положения» гласит: «никто из евреев, начиная с Генваря 1807 года... ни в какой деревне и селе не может содержать никаких аренд, шинков, кабаков и постоялых дворов ни под своим личным или чужим именем, ни продавать в них вина и даже жить в них под каким бы то ни было видом, разве проездом».

Эта статья, которая с некоторыми отсрочками была неукоснительно проведена в жизнь, сразу лишила евреев тех промыслов, которые кормили их в течение веков и служили источником первоначального накопления для образования в их среде здорового и необходимого для страны среднего класса. Вместо этого, статья эта послужила первым толчком сначала к внутренней, а потом и заокеанской массовой эмиграции русских евреев. Насильственно выброшенные из сел и деревень обширного края, разоренные еврейские массы стали селиться в городах и местечках черты оседлости, создавая совершенно нестерпимые условия конкуренции между собой в области ремесла и мелкой торговли. Яркое описание этого крайне ненормального экономического быта евреев 19-го века (характерного и для начала нашего столетия) мы находим у выдающегося юриста и экономиста И. Г. Оршанского.[10] Эти «продуктивные» производства сельтерской воды, сапожной ваксы, водяных чернил и прочих «предметов первой необходимости», эти грошевые доходы бесчисленных лавочек и ларьков на базарах, которых не могла спасти необычайная быстрота оборотов, загоняли массы ремесленников и мелких торговцев в безвыходный тупик. И без погромных эксцессов черной сотни этот гнет совершенно невыносимого экономического положения привел бы рано или поздно к массовой эмиграции евреев из России.

Если авторы «Положения» полагали, что массовое разорение еврейского населения можно компенсировать путем искусственного привлечения евреев к земледелию и некоторым видам фабрично-заводского производства, то они глубоко ошиблись.

В то время, как пагубное действие «Положения» коснулось судьбы сотен тысяч евреев, правительственные меры по привлечению евреев к земледелию и промышленности по необходимости могло коснуться только очень тонкого слоя еврейского населения России.

---

[10] И. Г. Оршанский. Евреи в России, очерки их экономического и общественного быта; СПБ. 1877. Того же автора: Русское законодательство о евреях. СПБ. 1877.

С земледелием дело обстояло сравнительно просто. Законом 1804 года разоренным евреям, желающим стать земледельцами, правительство обещало казенные земли в ряде губерний (в частности в Новороссийском крае), денежные ссуды на устройство на земле и освобождение от налогов в течение нескольких лет. Еврейская беднота клюнула на эту приманку. Число желающих переселиться уже к концу 1806 года достигло 1500 семейств, то есть около 7000 душ. Образовались группы переселенцев, главным образом, из Могилевской, Витебской и Подольской губерний, которые даже выслали своего делегата Нахума Финкельштейна в Петербург для переговоров с министром внутренних дел князем В. П. Кочубеем. Последний направил еврейскую делегацию к Херсонскому губернатору герцогу Ришелье, который и отвел еврейским колонистам около 30000 десятин в степях подведомственной ему губернии. Надзор за их устройством был поручен «Новороссийской опекунский (переселенческой) конторе».

В 1807 году таким образом образовались первые земледельческие колонии на юге России: Бобровый Кут, Сейдменуха, Добрая, Израилевка, и т. п., все в Херсонской губернии. Первоначальное население этих колоний состояло из 300 семейств или около 2000 душ. Вслед за этими пионерами началось самочинное движение евреев из белорусских губерний в Новороссийскую, и к 1810, году первые 8 еврейских земледельческих колоний в Херсонской губернии насчитывали 600 семейств с 3640 душ. На устройство этих колоний правительством было израсходовано 145000 рублей.

Это переселение выразительно описал в 1808 году витебский губернатор в донесении министру внутренних дел:

> «Деревенских евреев безвременно прогнали, разорили, ввергли в нищету; большая их часть лишена дневного пропитания и крова и потому не в малом количестве идут в Новороссию. Многие, в чаянии переселиться в Новороссию, продали все свое имущество и неотступно просятся туда, хоть только для жительства».[11]

В то же время «Новороссийская Переселенческая Контора» и херсонский губернатор осаждали того же министра внутренних дел донесениями об абсолютной необходимости задержать поток переселенцев, ибо для них не были приготовле-

---

[11] С. М. Дубнов. Новейшая история. Стр. 274.

ны ни избы, ни другие приспособления, необходимые для устройства земледельческих колоний в степи. Между тем, к началу 1810 года в ведении «переселенческих контор» числились около тысячи семейств и много тысяч «самовольно» прибывших переселенцев ждали своего устройства на земле. Непривычный степной климат, отсутствие жилищ и продовольствия вызвали разные эпидемии среди этой массы обездоленных людей и указом от 6-го апреля 1810 года правительство сочло себя вынужденным временно приостановить водворение евреев на землю.

С введением рекрутской повинности в 1827 г., от которой колонисты автоматически освобождались, движение на землю снова усилилось. В 1835 году в Тобольской и Омской губерниях евреям земледельцам было отведено около 29000 десятин земли и 1317 человек были водворены на землю сразу. Евреи из западного края начали было уже направляться в Сибирь, но в 1837 году вышел указ о «прекращении навсегда» переселения евреев в Сибирь.

Несмотря на все перебои в устройстве евреев на земле, по данным за 1852 год общее число евреев земледельцев достигло 39115, из них в одной Херсонской губернии — 16435 и в смежных — Екатеринославской и Бессарабской губерниях — 9471.[12] В 1859 году Высочайше повелено было приостановить поселение евреев на казенных землях в Западных губерниях, а законом 1866 года прекращается отпуск сумм из коробочного сбора на развитие земледелия у евреев.[13] По подсчетам специалистов число евреев земледельцев в 60-х годах составляло около 80000 душ, а по данным переписи 1897 года евреев земледельцев, как в колониях, так и вне колоний, было 179400, т. е. вдвое больше, чем в 60-х годах.[14] Из этого числа около половины было сосредоточено в колониях Херсонской и Екатеринославской губерний и в Бессарабии; остальные были рассеяны в Минской губернии и в Царстве Польском, где больше всего их было в Сувалкской губернии (7,8% всего еврейского населения) и меньше всего в Варшавской губернии (0,54% еврейского населения).

---

[12] Статистический Сборник за 1852 год.

[13] И. Г. Оршанский. Евреи в России. СПБ. 1877. стр. 110—133. Земледельческий труд у евреев.

[14] Я. Лещинский. Экономический подъем и упадок европейского еврейства. Стр. 29—32.

По данным переписи 1897 г. в черте оседлости насчитывалось 157820 евреев-земледельцев, а вне черты — 5763 душ. Что касается еврейских земледельческих колоний, то по данным Еврейского Колонизационного Общества, в 1898—99 г.г. было всего 296 колоний с 13000 семейств или 76000 душ (не считая Царства Польского). В пользовании их находилось 130000 десятин земли, из которых 79% была надельная от казны, 7,7% собственная и 3,3% арендованная.[15]

В общем, еврейское земледельческое население составляло к началу XX-го века 3,5% всего еврейского населения России. Сам по себе процент этот, конечно, не велик, но если вспомнить, что в 1825-м году евреи земледельцы составляли только 1% всего еврейского населения России, а в 1914-м — 4%, то надо признать, что некоторый прогресс был достигнут. Полностью оценить этот прогресс можно только, если принять во внимание, что за тот же период во всей России процент занятых в земледелии упал с 90% в начале XIX в. до 74% в 1897 г. Иными словами, евреи пропорционально увеличивали число своих земледельцев в то время, как в стране шел процесс урбанизации и поток рабочей силы направлялся из деревни в город.[16] Наконец, надо еще принять во внимание, что в 80-х годах и особенно в 90-х годах именно среди еврейских колонистов России рекрутировались пионеры еврейского земледелия в Палестине и в Северной и Южной Америке.

* * *

Более успешными оказались правительственные попытки насаждения среди евреев фабрично-заводской промышленности.

Зачатки такой промышленности мы находим в губерниях Волынской, Гродненской и Подольской уже в самом начале прошлого столетия. Согласно официальным данным за 1806 год, из 20 фабрик, производивших шерстяные изделия в этих трех губерниях, семь принадлежали евреям. В Минской губернии мы находим в 1808 году стекольный завод, бумажную фабрику, мыловаренный, кожевенный завод и сукновальню, владельцами

---

[15] См. И. М. Чериковер. Земледелие у евреев в России. Еврейская Энциклопедия, т. 7-ой. стр. 757—9.

[16] С. Я. Боровой. Еврейская земледельческая колонизация в старой России. Москва, 1928 г.

которых были евреи.[17] Но все это были лишь зачатки еврейской фабрично-заводской промышленности в России.

При Александре I принимались энергичные меры к поощрению этой промышленности. Рескриптом от 21-го апреля 1811 года сенатору Аршеневскому было поручено осмотреть мануфактуры Северо-западного Края и «склонить первостатейных евреев положить основание сукноделию в их народе». Уже 26-го мая сенатор докладывает из Витебска: «Евреи со всей усердной готовностью согласились, некоторые компанией, а другие отдельно, сами по себе, завести первоначально 10 станков, употребляя для оных из тех неимущих, за которых от целого общества платятся государственные подати, равно и другие, кои пожелают обучаться сему ремеслу».

8-го июня того же года сенатор Аршеневский продолжает свой доклад: «Я осматривал в сем губернском городе (Могилеве) заведенную евреями Хононом Кролем и Исарем Лурием суконную на осьми станах фабрику, на которой до 20-го мая сделано 2000 аршин сурового сукна низкой доброты. Для исправления сего оставил я содержателям фабрики письменное подробное постановление о производстве суконного дела и предложил губернатору вспомоществовать им в отыскании хорошего мастера... Сверх того содержатели фабрики обязались усилить оную в течение 3-х лет до сорока станов... Сложа сии с теми, кои в Витебске, Могилеве и Шклове заведены будут, составят 63 стана, на коих со временем должно вырабатываться ежегодно 63000 аршин солдатского сукна»... «Нет сомнения, Всемилостивейший Государь, — продолжает сенатор, — что сему, хоть небольшому началу последуют и другие евреи, как в губернских, так и в уездных городах и увидя существующую из этого для себя пользу, стараться будут в распространении своих заведений. Тогда для вернейшего сбыта своих изделий пожелают они сами войти в поставку сукон для войск Вашего Императорского Величества».[18]

Не надо забывать, что это писалось за год до Отечественной войны, которая, надо полагать, послужила началом привлечения евреев к поставкам для казны, что, в свою очередь, в даль-

---

[17] Ю. Гессен. История еврейского народа в России. Петроград, 1916 г. стр. 260.

[18] Цитирую доклад сенатора Аршеневского из приложения к работе А. Юдицкого: «Еврейская буржуазия и еврейский пролетариат в первой половине 19 века», Киев. 1931. стр. 89, 94.

нейшем сыграло большую роль в накоплении капиталов в руках евреев. Впоследствии евреи не преминули применить эти капиталы в крупной фабрично-заводской, а затем и в добывающей промышленности, в транспорте и банковском деле. Так начался процесс образования еврейской средней и крупной буржуазии, которая, несмотря на все чинимые ей препятствия, чрезвычайно содействовала развитию и модернизации многих отраслей экономической жизни в России.

Из скромного начала, к 1832-му году в восьми губерниях Северо-западного и Юго-Западного края еврейских фабрик и заводов числилось уже 149 из общего числа в 528, или около 30%. На одних текстильных фабриках, принадлежавших евреям (их было 78), в 1828 году были заняты 3500 рабочих из общего числа 13000. На фабриках этих вырабатывалось около полумиллиона аршин сукна разных сортов в год.[19]

Однако, к началу сороковых годов ткацкая промышленность Волынской и Гродненской губерний стала падать, не выдерживая конкуренции Лодзи и Белостока.[20]

К тому времени в Юго-Западном Крае получает большое развитие сахарная промышленность.

В одной Киевской губернии в 1846—47 г.г. насчитывалось 49 сахарных заводов,[21] а в 1852 г. на всей Украине их было 223, т. е. половина всех сахарных заводов всей России.[22]

Сначала эти заводы принадлежали почти исключительно помещикам.

Они строились в глуши дворянских гнезд и довольствовались совершенно примитивным оборудованием и отсталыми способами производства. На устройство таких заводов у помещиков хватало своих собственных средств. Но по мере того, как техника сахарного производства стала усложняться, особенно после того, как граф А. А. Бобринский устроил в местечке Смела, Киевской губернии свои образцовые заводы, на ввоз машин и привлечение специалистов из-за границы стали требоваться

---

[19] Списки фабрикантам и заводчикам Российской Империи 1832 года. СПБ. 1833 г.

[20] Проф. К. Г. Воблый. Очерки по истории польской промышленности.

[21] И. Фундуклей. Статистическое описание Киевской губернии. т. III, стр. 13

[22] Сладченко. Материалы до экономичней и социальной истории Украины 19 столетия. Т. I. стр. 209—214.

уже значительные средства. С того времени помещики все чаще и чаще стали прибегать к помощи иностранных и еврейских капиталов для финансирования своих предприятий.

Характерно, однако, что на первых порах роль еврейских капиталов сводилась к субсидированию заводов, а не к управлению ими или к активному участию в самом производстве. И. И. Фундуклей в своем подробном описании сахарной промышленности Киевской губернии приводит тексты двух договоров с купцом 2-ой гильдии Израилем Бродским (отцом будущих «сахарных королей» Лазаря и Льва Бродских). В первом договоре от 1844 года оговорено, что Бродский не имеет права вмешиваться в распоряжения помещика и не имеет никакого отношения к производству на им же построенном заводе в Русской Поляне. По второму договору от 1847 года Бродский выступает в качестве арендатора на 5 лет и уже не только финансирует, но полностью заведует всем производством завода (в м. Калигорка, Звенигородского уезда, Киевской губернии).

Чтобы получить представление о развитии сахарного производства в руках евреев, приведем справку о количестве пудов рафинада, который в течение 6 лет (1856—1861) Израиль Бродский отправил со своих складов на Украине в склады в Москве:

в 1856 г.	1500	пудов
" 1857 г.	4000	"
" 1858 г.	5500	"
" 1859 г.	7000	"
" 1860 г.	8000	"
" 1861 г.	40000	"

Это означает увеличение в 27 раз в течение всего только шести лет.

По данным другого исследователя,23 к 1872 г. насчитывалось по крайней мере 27 свеклосахарных заводов, принадлежавших евреям. В одной Киевской губернии из общего числа 67 заводов — 16 принадлежали евреям.

Начиная с 70-х годов еврейские предприниматели Бродские, Иона Зайцев, М. Б. Гальперин, М. Р. Закс, Герц Балаховский и другие самостоятельно строят и эксплуатируют сахарные заводы на Украине.

---

[23] П. Чубинский, Свеклосахарные заводы Российской Империи с официальными статистическими о них данными за кампанию 1871—1872, Киев, 1875 г.

Каким образом образовались у евреев достаточные для этого капиталы и отчего они начали инвестировать их в сахарную промышленность? Существующие архивные материалы, особенно по Киевскому Центральному Историческому Архиву, рисуют отчетливую картину первоначального накопления и перехода от примитивных к передовым формам экономической деятельности евреев на Украине. Как общее правило, большинство еврейских сахарозаводчиков начали свою карьеру в качестве откупщиков пропинационных сборов и содержателей оптовых складов спиртных напитков и питейных домов. Еще в 40-х годах прошлого столетия Мотель Зайцев (отец сахарозаводчика Ионы Зайцева) арендовал винокуренный завод в м. Богуславе, Киевской губ. В то же время Хаскель Маргуновский держал откуп на продажу спиртных напитков в разных местах Черкасского уезда той же Киевской губернии. Среди крупных откупщиков мы находим Евзеля Гинцбурга, впоследствии крупного банковского деятеля Петербурга. Впоследствии крупный сахарозаводчик Моисей Вайнштейн, еще в 1864 году содержал в Киеве оптовый склад спиртных напитков и 72 питейных дома. Черкасский фабрикант Скловский имел в том же году оптовый склад и 23 питейных дома. Мернерей имел в Киеве оптовый склад и 10 питейных домов и т. д.

Надо признать, что именно резервы, накопленные на откупах, особенно после их отмены и введения акцизных сборов в 1859 году, главным образом и были инвестированы евреями в свеклосахарную промышленность. Вступивши на этот путь, евреи сахарозаводчики заботились систематически о техническом улучшении производства. В то время, как помещичьи сахарные заводы имели тенденцию ограничиваться производством отсталыми способами песочного сахара, еврейские сахарозаводчики быстро перешли на более сложное, более современное производство рафинада. Они охотно обзаводились новейшим заграничным оборудованием и привлекали к работе заграничных химиков и других специалистов, как напр. Карла Фишмана, который впоследствии сам стал крупным сахарозаводчиком.

Модернизированием сахарного производства евреи, между прочим, содействовали революционизированию земледелия на Украине, связанному с возникновением огромных свеклосахарных плантаций. Однако, воспользоваться плодами этой революции евреи не могли ввиду запрещения еврейского землевладения, сохранившегося в силе вплоть до революции 1917 года. За-

прет этот распространялся и на акционерные общества, в состав правлений которых входили евреи. Этот запрет и послужил причиной того, что еврейские капиталы уходили в сахарорафинадное производство, ибо рафинадные заводы можно было строить и в городах и местечках.

Так, начиная с 70-х годов до первой мировой войны евреи играли крупную роль в развитии сахарной промышленности. Во всеподданнейшем докладе Генерал-губернатора Юго-Западного края от 1872 года упоминается, что четвертая часть всех сахарных заводов, с производством в 1200000 пудов в год, принадлежала евреям. По данным В. В. Жуковского за 1910 год,[24] из 518 акционерных сахарных обществ Белоруссии и Юго-Западного края 182, т. е. 31,5%, принадлежали евреям.

* * *

Не только в текстильной и сахарной промышленности евреи в России сыграли значительную роль, но и в целом ряде других областей. Так *мукомольное* производство было весьма распространено среди евреев в черте оседлости. В Северо-западном крае и на Юге России (Полтава, Кременчуг, Киев, Елисаветград, Екатеринослав, Одесса) оно достигало крупных размеров с применением паровой силы и европейских методов производства. Часто мукомольные заводы соединялись с лесопильными.

К началу 20-го века евреи были владельцами или арендаторами 365 мельниц с годовым производством в 20000000 рублей. Еврейские мукомолы первые развили экспорт муки за границу, а также значительно расширили внутренний рынок, чем способствовали более равномерному распределению хлебных продуктов в стране.

В *пивоварении* евреи играли значительную роль главным образом потому, что перенесение пивоваренных и медоваренных заводов из деревень и поместий в города и местечки было легче осуществить, чем перемещение винокуренных или сахарных заводов. Но введение государственной монополии вызвало резкое падение числа еврейских заводов. Так в 1887 году евреям принадлежали в Виленской губернии 76% всех пивоваренных заводов, в Гродненской губернии — 87% и в Ковенской губернии — 76% Через десять лет, т. е. в 1897-м году, по данным ис-

[24] «Речь», № 136 за 1910 год.

следованияЕврейского Колонизационного Общества, в тех же трех губерниях число пивоваренных заводов вообще сократилось, а процент еврейских предприятий упал еще значительнее. Так в Виленской губернии только 30,3% заводов, в Гродненской 31%, а в Ковенской 25,4% принадлежали евреям. В том же году, по тем же сведениям, в Юго-Западном крае насчитывалось 38 заводов, принадлежащих евреям, из общего числа 145, т. е. 26,2%. По данным ранее упомянутого В. В. Жуковского, в 1910 г. в Белоруссии и Юго-Западном крае из общего числа 94 пивоваренных заводов евреям принадлежало 20. Так как большая часть этих заводов находилась в городах и местечках черты, то в них были заняты в довольно значительном числе евреи-рабочие. Пивовары-специалисты выписывались большею частью из Германии или Чехии.

То же можно сказать о *табачном* производстве, издавна находившемся в руках евреев. По данным за 1897 год из 110 табачных и махорочных фабрик в пятнадцати губерниях черты оседлости 83, т. е. более трех четвертей принадлежали евреям. Из общего числа 3943 рабочих, занятых на табачных фабриках Северо-западного Края, 3055, т. е. 78% были евреи. Особой известностью пользовалась фабрика Шерешевского в Гродне. В Юго-Западном крае из общего числа 3933 рабочих — 2174, т. е. 54,5% были евреи. Надо отметить, что в этом производстве широко применялись женский и даже детский труд, так что для еврейских семей черты оно служило своего рода подсобным промыслом.

В *кожевенном* производстве России евреи также играли значительную роль. В 1897 году из 530 кожевенных заводов евреям принадлежали 287, т. е. 54%. Кроме того, в Царстве Польском насчитывалось к тому времени в еврейских руках 162 кожевенных завода. Главными центрами еврейской кожевенной промышленности были Шавли, Вильна, Сморгонь, Могилев, Минск, Двинск и Радом. Самым крупным представителем кожевенного дела был Хаим Френкель и затем его сын, Яков Френкель, из Шавель, Ковенской губ., основавший предприятие европейского масштаба. В Западном крае, кроме того, были развиты среди евреев производства по обработке кожи, обувное, перчаточное и кошелечное. Однако, эти предприятия по большей части носили мелкий, скорее ремесленный характер и не могли конкурировать с крупными петербургскими, варшавскими или венскими фирмами.

В *древообделочной промышленности* евреи выделялись преж-

де всего в лесопильном деле. По данным переписи 1897 года, из 106 лесопилен Северо-западного края 69, т. е. 68,3% принадлежали евреям. Почти то же соотношение было и в Юго-Западном крае, где на 154 лесопильни на долю евреев приходилось 91, т. е. 60%. Следует отметить, что процент еврейских рабочих на этих еврейских лесопильнях был очень низкий (всего 18,3% в Северо-западном крае и еще меньше в Юго-Западном). Это объясняется, во-первых, расположением заводов вне городов и местечек, и, во-вторых, трудностями, связанными с соблюдением субботнего отдыха. Кроме того, рабочие на лесопильнях большею частью жили на хозяйских харчах, содержание же двух котлов, трефного и кошерного, было явно невыгодно для хозяев.[25]

Кроме лесопильного дела, евреи занимались столярным и мебельным производством, но не в крупных размерах. Мебельное дело (особенно производство сравнительно дешевой, гнутой, так называемой, венской мебели) было сосредоточено главным образом в Житомире и в некоторых городах и местечках Полесья.

Специфически еврейским производством было *щетинное*. В 1897 году евреям принадлежало 39 щетинных заводов (21 в Царстве Польском и 18 в Северо-западном крае). Щетинное производство типично местечковое. Такие местечки, как Креславка, Волковыск, Крынки и другие в Ковенской и Сувалкской губерниях, прославились своими щетинными изделиями. Характерно, что в этих предприятиях и хозяева, и рабочие были *исключительно* евреи.

К концу XIX века *обработка волокнистых веществ* (главным образом шерсти и хлопчатой бумаги) занимает видное место в фабрично-заводской деятельности евреев. Главнейшими центрами этой промышленности были Белосток и Лодзь, где ее первоначально завели немецкие колонисты. Роль евреев вначале ограничивалась доставкой сырья и сбытом готового продукта. Но мало помалу евреи стали принимать непосредственное участие и в производстве. На первых порах еврейские фабриканты в Лодзи и Белостоке применяли главным образом ручное ткачество, но по мере распространения механических способов производства, ручное производство стало падать. В Белостоке в 90-х годах насчитывалось несколько тысяч ручных ткачей-евреев, но в 1904 г. число их упало до 1200, а в 1909 г. оставалось всего 563.

---

[25] Еврейская Энциклопедия, статья «Россия», т. XIII, стр. 664.

В начале не только немецкие, но и еврейские фабриканты отказывались принимать на работу евреев-ткачей, считая их неприспособленными к работе на механических станках. Это и привело к широкому движению среди еврейских рабочих, известному под именем «борьбы за фабрику», в результате которой фабриканты стали допускать еврейских ткачей к механическим станкам. А в таких центрах ткацкой промышленности, как Згерж, Томашев и Здунская Воля, подавляющее большинство ткачей были евреи.

Из этого краткого обзора нельзя не прийти к заключению, что несмотря на все ставившиеся им преграды, евреи играли выдающуюся роль в развитии фабрично-заводской промышленности Северо-западной, Юго-Западной и Южной России, а также в Царстве Польском. Притом во всех областях промышленности евреи-предприниматели быстро переходили от примитивных или отсталых способов производства к модернизированным и технически усовершенствованным и таким образом содействовали общему хозяйственному развитию страны.

* * *

И в области *торговли*, занятием которой постоянно попрекали евреев и друзья, и недруги, — евреи в России оказались в подлинном смысле этого слова пионерами.

В *хлебной и лесной* торговле евреи за сравнительно короткое время достигли огромных успехов и, можно сказать, что именно они вывели Россию на мировой рынок. Они значительно улучшили и удешевили распределение хлебных и лесных продуктов внутри страны. Поэтому следует остановиться несколько подробнее на этих отраслях экономической деятельности евреев в России.

По данным, собранным И. М. Бикерманом, «урожай одних только пятидесяти губерний Европейской России давал до двух с половиной миллионов пудов хлеба в средний год»[26] а по сведениям П. М. Лященко[27] «за первое пятилетие нашего века (1900—1905) один заграничный вывоз (хлебных продуктов) поглощал 21—22% чистого урожая 50 губерний Европейской России». Но,

[26] И. М. Бикерман, Роль евреев в русской хлебной торговле, СПБ. 1912.

[27] П. М. Лященко, Очерки аграрной эволюции России, т. 1, таблицы VII и VIII.

как правильно указывает Бикерман, «свое конкретное значение и урожай и цены получают лишь в хлебной торговле, превращающей отвлеченные цены в реальные рубли в кармане производителя и конкретное зерно в его закроме в отвлеченный товар мирового рынка».[28]

В этом магическом «превращении» евреи приняли весьма активное участие. Уже в 1878 г. на долю евреев приходится 60% хлебного экспорта из Одессы. Евреи первые развили хлебную торговлю в Николаеве, превратив этот город в самостоятельный центр. То же относится к Херсону и Ростову-на-Дону. С проведением железной дороги в Орловскую и Курскую губернии евреи и тут проделали пионерскую работу в смысле оживления и модернизирования хлебной торговли. В этой части России торговля долгое время производилась по старинке. «Тит-Титычи» диктовали свои цены беспомощным крестьянам и даже помещикам, притом цены непомерно низкие; со сбытом не спешили, капитал оборачивался медленно, а прибыль достигала 30%.

«С появлением евреев — пишет исследователь, — (а появились они буквально с первыми поездами в Курск и Орел) конкуренция понизила барыши в четыре и больше раза, и хлеб не залеживался более месяца или двух».[29] Такое же революционизирующее влияние на хлебную торговлю евреи имели в Черниговской губернии, а также в экспортной торговле через порты с выходом в Балтийское море. Евреи были значительно представлены и в Петербургской хлебной торговле и, в частности, на Калашниковской Бирже.

В Северо-западном крае, по данным переписи 1897-го года, на 1000 занятых торговлей вообще приходилось 886 евреев, а на 1000 торгующих зерновыми продуктами — 930 евреев. Это означает, что почти вся хлебная торговля в этом крае находилась в руках евреев.

Резюмируя свое исследование по данному вопросу, И. М. Бикерман приходит к следующим выводам:[30]

> «Если русская хлебная торговля, имеющая основное значение для всего хозяйства страны,... вошла составной частью в мировой торговый оборот,.. то этим страна обязана главным образом евреям, выполнившим это сложное и важное дело, вопреки всем препятствиям, которые ставились... на пути их деятельности».

---

[28] И. М. Бикерман, там же, стр. 4.

[29] И. М. Бикерман, стр. 4.

[30] И. М. Бикерман. Роль евреев в хлебной торговле. Стр. 55—56.

«Оплата посреднических услуг в хлеботорговом деле доведена (была) евреями до последней степени дешевизны; и если... все еще на пространстве большей части России господствует монополия, и производитель получает не все, что он мог бы получить при данных условиях мирового рынка, то вина в этом лежит на законах о черте оседлости, рассекших страну надвое, не дающих опыту западной торговой культуры проникнуть вглубь России и тем самым покровительствующих неподвижности, застою и кулачеству».

«Неустроенность русской хлебной торговли... есть часть неустройства русской жизни вообще, и не на еврее, который не только к управлению государством не причастен, но и места сторожа в казенном учреждении занимать не может, лежит за это ответственность».

Лесная торговля была одним из главных промыслов евреев в России. «(Русский) лесной экспорт неуклонно развивался, являясь второй, после хлеба, основной статьей нашего общего экспорта».[31]

В 1813 году сплав леса за границу едва превышал один миллион рублей (точно: 1042097 рублей), а через сто лет, в 1913 году, он превышал 140000000 рублей. В этом беспрерывном росте вывоза леса за границу евреи сыграли немаловажную роль, несмотря на все чинившиеся препятствия. Евреи лесопромышленники, например, не могли свободно заниматься рубкой и разработкой лесов в виду произвольного толкования властями закона о праве жительства вне городов и местечек. В результате евреям, во многих местностях, не разрешалось устройство лесопильных заводов, и это понуждало их сбывать свой товар за границу в необработанном виде. Это было и убыточно для еврейских лесопромышленников и в то же время лишало местное население значительных заработков.

Евреи-лесопромышленники были лишены возможности производить свои торговые операции в портах Либавы, Виндавы, Риги, Ревеля и Петербурга и были вынуждены экспортировать свой лес через прусские порты. Не имея права арендовать у железных дорог участки для складов наволочного груза при станциях, евреи-лесопромышленники были вынуждены отказаться от отправки лесных материалов железнодорожным путем

---

[31] Х. Г. Коробков. Экономическая роль евреев в русской лесной торговле и промышленности. Петроград, 1916. стр. 3.

и специализировались на речных сплавах, главным образом, по Днепру, Неману и Западной Двине.[32]

Приходится только поражаться, что при наличии стольких затруднений евреи-лесопромышленники все же сумели значительно развить русскую лесную торговлю и промышленность и усовершенствовать ее методы.

Начиная с 80-х годов прошлого столетия часто созываются съезды лесопромышленников в Вильне и Ковне в целях урегулирования лесного экспорта, организации сплава лесных материалов в Мемель и Данциг и т. д. В 1905 году учреждается «Минская Лесная Биржа». Вскоре после этого организовывается «Союз Лесопромышленников Северо-западного Края», который в 1911 г. поднимает вопрос о необходимости создания «Лесопромышленного банка» для оказания кредита мелким лесопромышленникам.

В 1909 году в Вильне стараниями того же Союза учреждается «лесомерное бюро». В то же время обсуждается необходимость введения метрической системы для облегчения экспорта русского леса за границу.

Весьма значительной была роль евреев в таких ведущих областях народного хозяйства России, как *банковское дело, железнодорожное строительство и добывающая промышленность* (уголь, нефть, золото).

В банковском деле евреи играли выдающуюся роль. Только в двух крупных банках (Московском Купеческом и Волжско-Камском) евреи не были ни в составе дирекций, ни среди служащих и даже клиентов.

В 1859 г. заняла видное место в Петербурге банкирская контора Евзеля Гинцбурга, родоначальника впоследствии известной семьи баронов Гинцбург. Эта банкирская контора занялась не только финансированием железнодорожного строительства в широком масштабе, но оказалась одним из крупных институтов по учету векселей, как внутренних, так и заграничных. Этому банку удалось развить операции главным образом, благодаря его связям с крупными еврейскими финансовыми фирмами в Западной Европе (Мендельсоном и Блейхредером в Берлине, с Варбургами в Гамбурге и с Ротшильдами в Париже и Вене).

[32] Там же, стр. 7, 8.

К началу 70-х г.г. Поляковы (Самуил и его братья Яков и Лазарь) прославились учреждением целой сети банкирских домов. Их банки, в первую голову, участвовали в железнодорожном строительстве, но также содействовали основанию целого ряда торгово-промышленных и страховых предприятий. Поляковы основали Московский и Донской Земельные банки, а также Орловский Коммерческий Банк, Южно-русский Промышленный Банк (в Киеве), впоследствии объединившиеся в Соединенный банк. Азовско-Донской Банк возглавлял Б. А. Каминка, банкир с международной репутацией. Приблизительно в то же время выдвинулся А. М. Соловейчик, учредивший Сибирский Торговый Банк. Председателем правления Петербургского Учетного и Ссудного Банка был А. И. Зак, а впоследствии Я. И. Утин. В Русско-Азиатском банке видную роль играл П. Хесин. В отделениях крупнейших русских банков в провинции было много служащих и ответственных руководителей — евреев, как, наприм., А. Ю. Добрый в Киеве. В Русском для Внешней торговли банке многие годы был членом правления Крилличевский.

Иван Блиох (1836—1901) — инициатор и крупный акционер ряда железнодорожных обществ (Петербург-Варшава, Либаво-Роменской ж. д., Киево-Брестской ж. д. Иван-город-Домбровской ж. д., Лодзинской ж. д., Тираспольской ж. д.) основал Варшавский Коммерческий банк, Варшавское Общество страхования от огня, Кредитное общество и др. И. Блиох написал труд о русских железных дорогах, за что и был награжден золотой медалью на Географической выставке в Париже, а также опубликовал исследование «Будущая война и ее экономические последствия», в которой рисовал картину экономического разорения в результате войны. Его работа сыграла некоторую роль в созыве Гаагской мирной конференции в 1899 году.

Из числа еврейских провинциальных банкиров упомянем Варшавские банкирские дома Вавельберга, Ландау, Эпштейнов и Кронгольда, немало содействовавшие интеграции Царства Польского в экономическую жизнь России, несмотря на то, что многие их владельцы были горячими польскими патриотами.

В эпоху русско-французского сближения в 80-х годах Банкирский Дом Эфрусси и Ко. в Париже с отделением в Одессе содействовал притоку французских капиталов в Россию, помещенных, главным образом, в железнодорожное строительство. В позднейшее время усилиями Г. А. Бененсона удалось через учрежденный им Англо-Русский Банк (в 1911 году) содействовать расширению торговых отношений с Англией.

Не только таланты и успехи единичных евреев-финансистов способствовали быстрому росту и развитию кредитного дела в России. Еврейская средняя и даже мелкая буржуазия в массе своей принимала активное участие в организации и развитии в черте оседлости Обществ Взаимного Кредита, Ссудосберегательных Товариществ и других форм кооперативного кредита. В 1910 году во всей России насчитывалось 472 Общества Взаимного Кредита; из них более половины (264) приходилось на черту еврейской оседлости (204 в 15 губерниях черты и 60 в Царстве Польском). В том же году на Всероссийском Съезде Обществ Взаимного Кредита в Петербурге участвовало 40 евреев-делегатов.

Еще большую роль евреи играли в создании Ссудосберегательных Товариществ. К 1-му января 1911 года число таких товариществ во всей России достигло 599, а число членов 300 тысяч, среди которых евреи составляли 86,2%. Актив 417 из этих товариществ достигал 15/2 миллионов рублей.

Среди еврейского населения особой популярностью, кроме кредитных кооперативов, пользовались беспроцентные ссудные кассы (так называемые «Гмилас Хесед»). По данным ЕКО к началу 20 века таких касс в России насчитывалось более 350.

В то же время наблюдалось деятельное участие евреев в развитии железнодорожного и водного *транспорта.*

За исключением первых двух железных дорог, Царско-Сельской (закончена в 1838 году) и Николаевской (в 1851 году), строившихся непосредственно казной, большинство железных дорог в России строились крупными концессионерами, среди которых евреи занимали видное место. Одним из первых концессионеров было «Главное Общество по постройке Российских Железных Дорог», учрежденное в 1857 году братьями Пэрейра (французскими евреями), при участии банков Штиглица в Петербурге, Френкеля в Варшаве и Мендельсона в Берлине. Это Общество получило концессию на постройку в России железнодорожной сети в 4000 верст.

Особенно выдвинулись в 70-е годы в области железнодорожного строительства братья Поляковы, из которых наиболее выдающимся был рано умерший Самуил Поляков. Ими были построены линии Козлов-Воронеж-Ростов, Орел-Елец-Грязи, Курск-Харьков-Азов и другие. При постройке двухколейной линии Курск-Харьков-Таганрог с веткой на Ростов, Поляковы побили рекорд скорости, построивши 763 версты в 22 месяца (постройка 25-верстной Царско-Сель-

ской дороги продолжалась более двух лет, а Николаевской — девять лет).[33]

Поляковы пользовались широкой поддержкой со стороны земств (Воронежского, Елецкого, Харьковского и других), а также со стороны военного командования Донским Округом (хотя и юдофобски настроенного).

Среди крупных концессионеров по постройке железных дорог следует также упомянуть банкирские дома Эфрос и Ко, Рафалович и Ко в Одессе, Гинзбург, Л. Розенталь и М. Вейкерсгейм (линия Кишинев-румынская граница), Леопольд Кроненберг (Варшава-Тирасполь), Блейхредер (Киев-Брест-Литовск), А. И. Зак (Либава-Ромны), а также Зульцбах (из Франкфурта на Майне) в компании с русским евреем Шэнслером (Москва-Смоленск) и тот же Зульцбах вместе с Абрамом Варшавским и братьями Фридландами (Москва-Брест) и многие другие.

В постройке железных дорог евреи участвовали не только в качестве концессионеров, но также в качестве подрядчиков и поставщиков разных материалов (железа, стали, шпал, белой извести и т. п.).

Не менее значительную роль евреи играли в развитии *судоходства* по рекам, протекающим в черте оседлости — по Неману, Висле, Западной Двине, и особенно по Днепру.

«Первое Общество Судоходства по Днепру и его притокам», основанное в 1858 году, которое не имело в своем составе евреев, владело небольшим числом пароходов и не стремилось к расширению дел. Но в 1883 году было учреждено Д. С. Марголиным «Второе Общество Судоходства по Днепру и его притокам» с преимущественно еврейским капиталом. После десятилетней ожесточенной конкуренции в 1893 году произошло слияние этих двух Обществ в одно, которое, под управлением Д. С. Марголина, достигло значительных результатов. В 1911 году Объединенное Общество имело 78 пароходов, тоннаж которых достиг 560000 пудов или 70,7% общего грузоподъема на Днепре.

Евреи играли выдающуюся роль в развитии водного транспорта, как и связанного с ними страхового дела, и вне черты оседлости.

Так бароны Гинцбурги учредили в 1876 году Общество Судо-

---

[33] А. А. Головачев. История железнодорожного дела в России. СПБ. 1881. стр. 187—190.

ходства по реке Шексне (приток Волги); Григорий Поляк основывает в Нижнем Новгороде в 70-х годах пассажирско-грузовое пароходство по Волге и в 80-ые годы впервые строит флотилию наливных судов для сбыта нефтяных продуктов из Каспийского моря вверх по Волге.

Усилия еврейского финансового капитала в области водного транспорта (а также страхового дела) достигли своего апогея во время первой мировой войны. В 1914 году группа финансистов из Русско-Французского Коммерческого Банка в Петрограде скупила большинство акций страхового Общества «Волга». Через короткое время это Общество образовало синдикат с двумя главными пассажирскими пароходствами по Волге «Кавказ и Меркурий» и «Восточное Торговое Общество» под общим названием «Камво» и под управлением Н. Б. Глазберга. Главнейшей задачей этого треста во время войны было вытеснение из страхового дела иностранного, особенно, немецкого капитала, в руках которого находились самые крупные страховые операции.

Под руководством братьев А. И. и Б. И. Гессенов удалось включить в этот трест пароходства по Мариинской водной системе от Рыбинска до Петрограда, так что в самый канун революции 1917 года беспрерывный поток товаров (персидских, кавказских и нижневолжских) из Каспийского и Балтийского моря стал реальностью.

Доступ евреев к *добывающей промышленности* был крайне стеснен как временными правилами 1822 года; так и особыми правилами 1887 года, устранявшими евреев от участия в *горных промыслах* на казенных землях.

Тем не менее, поскольку ископаемые богатства находились в пределах черты оседлости, евреи принимали активное участие в их разработке. Так, в Привислянском крае 1/14 общей добычи каменного угля находилась в руках евреев. В Екатеринославской губ. насчитывалось около ста предприятий (из них 20 акционерных обществ) по добыче угля, в которых евреи принимали участие.

В *нефтяном деле*, главным образом в бакинском районе, евреям принадлежало около десятка крупных фирм, как частных, так и акционерных. Не имея права на непосредственную эксплуатацию нефтяных источников, евреи занялись обработкой и вывозом нефтяных продуктов, сначала вглубь России, а потом и за границу. Пионером-нефтепромышленником была фирма «Дембо и Каган» (А. Дембо из Ковно и Х. Каган из Бреста), которая к концу 70-х г.г. проложила первый нефтепровод между

станциями Балаханы и Черный Город. Этой фирме пришлось выдержать сильную конкуренцию со стороны шведской фирмы «Братья Нобель», почти монополизировавшей нефтяную промышленность и торговлю России того времени. Крупной нефтепромышленной фирмой в Баку была фирма сыновей упомянутого пароходовладельца Г. Поляка, братьев Савелия и Михаила Поляк и инженера Бейлина, учредивших вместе с Ротшильдами фирму «Мазут», впоследствии перешедшую к «Обществу Шель». Среди владельцев нефтеочистительными заводами следует отметить деятельность Л. Е. Ицковича и Л. М. Лейтеса.

С проведением Закавказской железной дороги, соединившей Баку и Батум прямой линией, возникло «Батумское Нефтяное Товарищество» (Бнито), также находившееся почти целиком в руках евреев. На смену ему пришло в 90-х годах «Каспийско-Черноморское Промышленное Общество» в Баку с основным капиталом в 10 миллионов рублей и годовой производительностью в 34 миллиона пудов. Общество это также как и «Мазут», имело за собой финансовую поддержку Ротшильда.[34]

Видную роль евреи играли и в добыче золота. По свидетельству М. А. Кроля, евреи — потомки ссыльных и поселенцев в Сибири — были пионерами в развитии золотопромышленности этого края.[35] В 1913 году директором-распорядителем крупнейшего в России золотопромышленного предприятия «Ленское Товарищество» был барон А. Г. Гинцбург. На долю этого Товарищества приходилась 1/4 всей добычи золота в России. Кроме того, евреи принимали участие в «Компании Золотопромышленности» с основным капиталом в семь миллионов рублей и с годовым производством в 122 пуда золота и в «Русском Золотопромышленном Обществе» с приисками на Урале, в Приморской области и в Забайкалье. Евреи также принимали близкое участие в делах первого в России платинопромышленного предприятия — «Платина».[36]

Таковы были важнейшие отрасли торговли и промышленности России, в развитии которых евреи сыграли значительную роль. Роль эта была положительной: еврейские предприниматели во всех областях энергично содействовали переходу от при-

---

[34] Др. Г. Ландау, Евреи в русской нефтяной промышленности и торговле. Иво-Блеттер, 3—4, 1939. Вильно. (идиш).

[35] М. А. Кроль. Воспоминания, т. 1.

[36] Еврейская Энциклопедия, т. XIII, стр. 660.

митивных и простых форм хозяйственной жизни страны к более сложным и передовым формам хозяйства.

Однако, оптовая торговля, индустрия и транспорт были уделами средней и крупной еврейской буржуазии. В массе своей русские евреи издавна занимались *мелкой торговлей и ремеслом.* В розничной торговле было занято 37,5% русского еврейства, а в ремесле — 36,8%.[37] Но ограничения в праве жительства приводили к насильственной неимоверной скученности еврейского населения в черте оседлости, и это в свою очередь создавало и для мелкой торговли и для ремесла нездоровые условия чрезвычайной конкуренции и не могло не способствовать крайней пауперизации еврейских масс. Ее неизбежным последствием была массовая еврейская эмиграция, главным образом в Соединенные Штаты.

Своим обзором мы стремились показать, какую активную роль евреи играли в экономической жизни России, несмотря на бесчисленные ограничения и стеснения, которым они неизменно подвергались.

Эта роль могла бы быть еще более благотворной, если бы антиеврейская политика старого режима на всех этапах его развития не сопротивлялась так упорно и систематически внедрению евреев в народное хозяйство дореволюционной России.

Исследователи русского народного хозяйства до самого последнего времени не раз устанавливали тот факт, что вмешательство администрации при старом режиме, продиктованное чисто политическими, а не экономическими соображениями, искусственно препятствовало благотворному проникновению еврейской коммерческой инициативы в русскую экономическую жизнь. Мы ограничимся — в заключение нашего обзора — небольшой иллюстрацией, которую приводит проф. М. Бернацкий.[38]

«Евреи составляют больше трети (35%) торгового класса России, — пишет М. Бернацкий. — Роль евреев в торговой жизни России громадна, они в значительной степени эту торговлю

[37] Б. Бруцкус. Профессиональный состав еврейского населения по данным переписи 1897 года.

[38] «Евреи и русское народное хозяйство». Сборник «Щит», Петроград, 1916 г. Стр. 30—31.

налаживают. Всякие тормозы в проявлении торговой энергии евреев отзываются болью в национально-экономическом теле России». Для того, чтобы уточнить свою мысль, М. Бернацкий рассказывает о преследованиях евреев в Нижнем Новгороде в 1912 году в разгар ярмарочного сезона, вызвавших протест Общества фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района, поданный в Совет Министров. В докладной записке этого общества мы читаем: «Евреи исполняют в хозяйственном организме страны функции посредствующего звена между потребителями и производителями товаров; в северо-западных, южных и юго-западных губерниях эти функции исполняются почти исключительно евреями. Отделить при этих условиях торгово-промышленное население значительной части государства от центра фабричного производства — значит нанести огромный ущерб не только непосредственно купцам-евреям, но и огромному многомиллионному нееврейскому населению. Разобщить деревню с городом, города Запада и Юга с городами и деревнями центра и Востока означает как бы намеренное расстройство хозяйственной жизни страны, подрыв кредита и обесценение народного труда». Направленные против евреев действия администрации, — по мнению представителей русского торгового класса, — приводят к тому, что «заготовленные запасы товаров не найдут ни потребителя, ни покупателя, ни деятельного посредника».

Старый режим однако оставался глух ко всякого рода увещаниям, исходившим даже от весьма умеренно-настроенных представителей русской интеллигенции и буржуазии.

Спустя несколько лет, уже во время первой мировой войны, на заседании Совета министров от 4 августа 1915 года тогдашний министр торговли В. Н. Шаховской выступил с указанием, что выселения евреев и эвакуация предприятий, происходящие при очищении русскими войсками целых районов, наносят «непоправимый ущерб национальному капиталу». При этом кн. Шаховской требовал допущения евреев-беженцев не только в города за пределами черты оседлости, но и в сельские местности, и особенно подчеркивал, что «разрешение еврейского вопроса представляется чрезвычайно важным с точки зрения интересов торговли и промышленности».[39]

---

[39] Архив русской революции, т. XVIII, Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г. Составлено А. Яхонтовым, б. пом. управляющего делами Совета Министров, стр. 44.

Так представитель царского правительства присоединил свой голос к критике умеренных представителей фабрикантов. Но уже было поздно. Все сроки были пропущены.

ЯКОВ ЛЕЩИНСКИЙ

ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ И ЕВРЕЙСКИЙ ТРУД

I. ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ

1. Население

Население России — эта основная база экономического развития страны, процессов производства, как и потребления, — интенсивно росло в России в 19-м столетии. В 1815 г. оно составляло 45 миллионов; по данным переписи 1897 г. — 129 миллионов, в 1914 году — около 180 миллионов.[1] Таким образом, в течение одного столетия население увеличилось в четыре раза.

Еврейское население России росло еще несколько более интенсивно: в 1815 г. в России (включая т. н. Конгрессовую Польшу) насчитывалось около 1200000 евреев; по переписи 1897 года — 5215000 душ, а в 1915 году — около 5450000 душ. Это значит, что по сравнению с 1815 г. еврейское население возросло почти впятеро, несмотря на то, что оно давало наибольший процент эмигрантов, переселявшихся за океан.

Согласно переписи 1897 г., евреи составляли 4% всего населения страны. Но так как евреям запрещалось жить в целом ряде мест, то еврейское население было сосредоточено в пределах 25 губерний черты оседлости, где евреи составляли значительно больший процент общего числа жителей. Перепись 1897 г. дает следующую картину:

[1] Вл. Войтинский. Весь мир в цифрах. Берлин. 1925. стр. 27.

От редакции: Из обширной работы Я. Д. Лещинского «Об экономическом развитии русского еврейства» мы приводим главы, имеющие самостоятельное значение и посвященные демографии еврейского населения и характеристике еврейского труда.

Распределение еврейского населения по районам[2]
Число евреев

	В абсолютных цифрах	*%% всего населения России*	*%% еврейского населения России*
В 25 губерниях «черты»:[3]			
1. Украина	2155796	9,4	41,3
2. Литва и Белоруссия	1422431	14,1	27,3
3. Польша	1321100	14,0	25,4
Во всей черте оседлости	4899327	11,6	94,0
Вне черты оседлости:[4]			
В Европейской России	211221	0,3	4,0
В Сибири и Средней Азии	48474	0,4	0,9
На Кавказе	56783	0,8	1,1
В итоге	316478	0,5	6,0
Всего в России	5215805	4,0	100,0

Эта таблица свидетельствует прежде всего о том, что 94% русского еврейства проживало в губерниях черты оседлости, т. е. в исторически сложившихся местах еврейской концентрации в течение последних пятисот или шестисот лет. Эти губернии были расположены в областях, на которых проживали территориальные национальные меньшинства, оказавшие огромное влияние на процесс национального развития русского еврейства. По данным, приведенным в таблице, свыше двух третей русского еврейства жило на Украине, в Литве и в Белоруссии, т. е. среди народностей, с которыми для него была наименее возможна ассимиляция.

Большая часть евреев, живших вне черты оседлости, была также вкраплена среди национальных меньшинств: еврейское население Лифляндии, Курляндии и Эстляндии составляло 82532, а на Кавказе – 56783. Среди великороссов, т. е. политически и культурно господствующего народа, ассимиляция с которым была для евреев наиболее возможна, проживало в 1897 г. всего 177000 евреев, т. е. не больше 3,3% всего еврейского населения империи.

[2] Яков Лещинскии. Еврейский народ в цифрах. Берлин. 1922. стр. 42.
[3] Включая Таврическую и Херсонскую губернии.
[4] Включая Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую губернии.

В пределах губерний черты оседлости не прекращался процесс переселения евреев из густо заселенных евреями губерний в южные малонаселенные районы. В трех новых русских губерниях – Херсонской, Екатеринославской и Таврической – в 1846 г. проживало 46312 евреев, составлявших менее 2% всего населения;[5] в 1897 г. мы находим там уже 501750 душ (8% всего населения), а в 1913 г. – 670000 евреев, (6–7% общего населения). Это объясняется быстрым ростом металлургической промышленности в Екатеринославской губернии, вызвавшим большой приток рабочих великороссов. Интересно проследить также рост еврейского населения в Бессарабии,[6] присоединенной к России в 1812 г. В 1817 г. там проживало 22064 еврея – 4,2% всего населения; в 1856 г. – 78751 еврей, или 8%, в 1897 г. 228168 или 11,79%, в 1913 году – свыше 250000 евреев, т. е. 12% общего населения.

В то время, как евреи составляли только 4% по отношению к общему населению России, в еврейских районах евреи составляли гораздо больший процент, достигая в Литве, Белоруссии и Польше – 14%. На Украине процент евреев был меньше вследствие того, что переселение их в новые русские губернии только начиналось; значительно выше был процент евреев в тех местах Украины, где евреи жили издавна, так, например, они составляли 13,2% в Волынской губернии, 12,3% в Подольской, 12,3% – в Киевской губернии.

Для нашей цели важнее всего установить распределение евреев по различным типам поселения. По данным 1897 года, относящимся к 25 губерниям черты оседлости, евреи составляли абсолютное большинство городского населения в восьми губерниях – в Минской (58,8%), Гродненской (57,7%), Седлецкой (53,8%), Могилевской (52,4%), Витебской (52,1%), Келецкой (51,1%), Волынской (50,7%) и Радомской (50,5%).

Высокий процент евреев в городском населении этих восьми губерний способствовал увеличению их удельного веса не только в области политики и культуры, но и в отношении экономической конкуренции, тем более, что нееврейское население было большей частью расколото на две или три враждовавшие между собой народности. В Минской губернии, например, христианское население, составлявшее свыше 41%, распадалось на великороссов (20,1%), белорусов (11,9%) и поляков (17,2%).

---

[5] Там же.

[6] Пиркей Бесарабиа. Тель-Авив. 1952. стр. 14.

Кроме перечисленных 8 губерний, в которых евреи составляли абсолютное большинство городского населения, в черте оседлости было 6 губерний, где евреи составляли в городах относительное большинство, ибо нееврейское население по большей части распределялось на великороссов, поляков и коренных жителей района. При этом нужно подчеркнуть, что процент евреев в городах был ниже в тех губерниях черты оседлости, где великороссы составляли высокий процент, так, например, в Херсонской губернии евреи составляли всего 28,4% городского населения, в то время как великороссы составляли 45,2%, а украинцы — около 17,2%. В Екатеринославской губернии евреи составляли всего 25,9% городского населения, ибо великороссы составляли 41,8%, а украинцы только 27%.

В большинстве губерний черты оседлости конкурентами евреев в экономической области являлись не столько представители коренного населения, сколько представители национальных меньшинств, — за исключением 10 губерний Польши, где нееврейское население состояло почти из одних поляков. Так, в Варшавской губернии евреи составляли только 29,9% городского населения, а поляки 58,3%, и великороссы — 7,7%. Но великорусская группа, состоявшая из солдат и чиновников, евреям не могла угрожать конкуренцией в экономической области. В Калишской губернии евреи составляли 31,8% городского населения, а поляки — 56,7%.

Мы приходим к следующему выводу о городском населении на основании приведенных цифр: к концу 19-го столетия еврейское городское население, в котором преобладали торговцы и ремесленники, наталкивалось главным образом на экономическую конкуренцию со стороны представителей двух групп, из которых одна — польская — в свое время господствовала над большинством местного населения, а другая — великороссы — приобрела впоследствии господство.

Нужно добавить, что в некоторых губерниях Польши, особенно в Петроковской, Варшавской и Калишской, евреям пришлось также столкнуться с серьезным конкурентом, принадлежавшим к национальному меньшинству: мы имеем в виду немцев.

В конце 19-го столетия — и еще в большей степени в начале 20-го, представители коренного населения и в других областях начинают появляться в сфере городских занятий — в торговле, ремесле и среди свободных профессий. Первыми вступают на этот путь украинцы, несколько позже литовцы и белорусы.

Эти три отсталых народности, еще недавно выполнявшие в черте почти исключительно самые низкие и трудные хозяйственные функции, все более стали выделять элементы, претендующие занять квалифицированные городские профессии. Вытеснение евреев обнаружилось еще раньше в деревнях, где сыновья наиболее зажиточных крестьян обратились к торговле, и вскоре эти тенденции сказались в местечках и городах средней руки. Мы говорим только о тенденции к вытеснению, так как процесс борьбы против преобладания евреев в торговле и ремесле существенной роли в хозяйственной жизни не играл нигде, кроме Польши, где эта борьба принимала подчас очень острые формы.

За пределами черты оседлости наибольший интерес представляет Москва. В эпоху, предшествовавшую царствованию Александра Второго, число евреев в обеих столицах не превышало нескольких десятков. Более или менее значительные группы стали появляться в столицах после того, как правительство Александра II разрешило пребывание в них некоторым категориям ремесленников и интеллигенции. Еврейское население Москвы[7] составляло в 1871 году 8000, а в 1880 — 16000, но в 1897 году, после изгнания евреев из Москвы в 1891 г., еврейское население города уменьшилось на половину, составляя уже только 8095.

2. Естественный прирост в еврейском населении России

Естественный прирост, — т. е. численный перевес рождаемости над смертностью, — стал особенно значителен в еврейском населении с конца 19 века, когда заметно повысился культурный уровень народных масс. Это привело в первую очередь к понижению смертности и тем самым способствовало увеличению естественного прироста. В то же время, однако, появились признаки падения рождаемости в больших городах, особенно вне черты оседлости, где среди евреев был высокий процент интеллигенции и крупной буржуазии — слои, обычно дающие наименьший процент рождаемости.

В среднем в еврейском населении России рождаемость составляла[8] в 1867—1868 годах 39,3 на тысячу, а смертность 30,14,

---

[7] «Еврейская Энциклопедия», т. XI, стр. 333—35.

[8] Д-р. Б. Биншток и д-р С. Новосельский. Материалы о естественном движении еврейского населения Европейской России. Петроград. 1915.

естественный прирост выражался в цифре 9,16. В 1900—1904 годах рождаемость составляла 34,40, смертность — 16,17, естественный прирост — 18,23. Как мы видим, количество рождений понизилось незначительно, зато смертность уменьшилась почти наполовину, так что естественный прирост увеличился вдвое. В 1870 г. естественный прирост составлял 13,4 на тысячу, а в 1896 г. — 18,3 на тысячу.

При сравнении с данными о нееврейском населении, можно констатировать, что в среде еврейского и православного населения цифры прироста приблизительно одинаковы, а у католиков и протестантов прирост был значительно ниже.

Наблюдается большая разница между естественным приростом еврейского населения в больших городах и в местечках. В то время как в 1897—1898 годах прирост в городах составлял всего 13,4 на тысячу, в местечках он составлял 27,6 на тысячу:[9] среди местечковых евреев с его более низким культурным уровнем и тягой к многодетности, естественный прирост был вдвое больше, чем в городах.

Данные, касающиеся естественного прироста в еврейском населении Петербурга, напоминают аналогичный процесс развития немецких евреев. В Петербурге прирост составлял на тысячу:

в 1897 г.	15,9
„ 1905 г.	9,6
„ 1910 г.	8,1
„ 1914 г.	5,9[10]

Уменьшение естественного прироста было вызвано исключительно сокращением рождаемости.

Из приведенных данных видно, что ежегодный прирост всего еврейского населения в России в конце 19-го века и в начале 20-го составлял около ста тысяч душ.

Для того, чтобы подвести итог периоду, закончившемуся в 1914 г., мы должны коснуться хотя бы в самых общих чертах проблемы эмиграции и ее численного значения.

---

[9] Jacob Lestchinsky, Probleme der Bevolkerungs — Bewegung der Juden, Padva, 1926, S. 70—105.

[10] Б. Бинншток и С. Новосельский. Причины смертности среди евреев в Петрограде «Страницы еврейской демографии, статистики и экономики». Берлин. 1924 (идиш).

Процесс массовой эмиграции евреев из России начался в семидесятых годах 19-го столетия. Согласно официальным данным, за промежуток времени от 1820 г. до 1870 эмигрировало в Соединенные Штаты из России (включая Польшу) всего 7550 душ.[11] Надо считать, что девяносто процентов этих эмигрантов составляли евреи; но эмиграция тогда еще не имела массового характера. В 1871— 1880 г.г. эмигрировали в Америку из России 52254 души, а в годы 1881—1890 — 265088 душ. В числе эмигрантов в последние десятилетия 19-го века были кроме евреев, также поляки, литовцы, латыши и небольшие группы украинцев, но все же огромное большинство эмигрантов составляли евреи. Однако, убыль еврейского населения, вызванная эмиграцией в этот период, была меньше естественного прироста.

Как известно, в 1899 г. в Америке в эмиграционной статистике появилась рубрика «раса»; это дает нам возможность точно определить место евреев среди эмигрантов из России. Подводя итог периоду от 1897 г. — года всероссийской переписи населения — до 1915 г., мы можем установить, что за это время в Америку переселилось из России (включая Польшу) 1108000 евреев.[12] Кроме того, в эти годы еврейские иммигранты из России направляются в большом числе и в другие страны, составляя около 15% всей еврейской эмиграции.[13]

Можно допустить, что в 1897—1900 г.г. число евреев-эмигрантов, помимо Америки, доходило до 160000; в таком случае общее число евреев, эмигрировавших из России в годы 1897—1915, составило 1270000.

Считая, что ежегодный естественный прирост в это время составлял 100 тысяч, он за 15 лет должен был достигнуть полутора миллиона. После вычета этой громадной цифры эмигрантов, от прироста населения остается не больше 235 тысяч: в 1897 г., по данным переписи, еврейское население в России составляло 5215000 душ, а в 1915 — 5450000 душ.

---

[11] «Еврейское население России», Еврейское Статистическое Общество, Петроград. 1917. стр. V—VI.

[12] Яков Лещинский. Еврейская эмиграция за последние сто лет. Бюллетень ИВО. Том 23. стр. 43 (идиш).

[13] Яков Лещинский. Еврейская иммиграция в Соединенные Штаты (1870—1900), в «Истории еврейского рабочего движения в Соединенных Штатах» (идиш), Нью-Йорк, 1943. стр. 29.

Трудно ручаться за абсолютную точность этих цифр, но они, несомненно, довольно верно рисуют действительное положение.

Поток еврейской эмиграции шел из всех губерний, входивших в состав черты оседлости, но наибольшее число эмигрантов давали Польша, Литва и Белоруссия. Эти области находились по соседству с Германией и это облегчало переход через границу.

Таковы главнейшие данные об общей численности еврейского населения в России к началу первой мировой войны. Мы должны еще вкратце охарактеризовать процессы концентрации этого населения в крупных городах.

4. Концентрация евреев в больших городах черты оседлости

Концентрация евреев в больших городах черты оседлости началась вскоре после освобождения крестьян в 1861 году; этот процесс шел параллельно с общим явлением быстрого роста городов.

Приток в городскую среду раскрепощенных безземельных и малоземельных крестьян привел к тому, что местечковые евреи, ринувшиеся в города в поисках новых заработков, были вынуждены искать спасения в эмиграции за океан. Дешевая рабочая сила выходцев из деревень заполнила возникшие фабрики и в черте оседлости. Благодаря этому, во второй половине 19-го века процент евреев в городском населении упал, несмотря на то, что общая численность евреев сильно возросла. В 1864 г. евреи составляли в городах Волынской губернии 83,0% населения, в Могилевской — 81,9%, Киевской — 76,7%, Подольской — 68,7% и Ковенской — 66,2 %.[14] Таким образом, в пяти губерниях евреи составляли свыше двух третей городского населения. Но как видно из вышеприведенных данных, в 1897 г. процент евреев уже нигде не достигал такого высокого уровня.

Процесс урбанизации в еврейской жизни шел быстрым темпом: казалось, что *«Касриловка»*[15] сбросила с себя путы многолетнего летаргического сна, и ее жители ринулись в соседние

[14] Яков Лещинский. «Тфуцос Исроэль лаахар гамилхомо», Тель-Авив, 1948. стр. 45 (иврит).

[15] «Касриловка» — название типичного еврейского местечка у Шолом-Алейхема. (Прим. редакции).

большие города; те из них, кто не нашел себе места в городах черты оседлости, вынуждены были двинуться дальше, сперва в недалекие европейские страны — Англию, Францию и Германию, а потом в Америку. Как бы то ни было, процессом урбанизации захвачены были широкие массы.

Мы приводим статистические данные, касающиеся городов, в которых накануне первой мировой войны еврейское население составляло свыше 50000.[16]

Города	*Годы*	*Число евреев в 1910 г.*	
1. Варшава	1856	41062	310000
2. Одесса	1855	17000	172608
3. Лодзь	1856	2775	166628
4. Вильно	1847	23050	72323
5. Екатеринослав	1857	3365	69012
6. Кишинев	1847	10509	60000
7. Бердичев	1847	23160	55876
8. Белосток	1847	6714	52123
9. Киев	1863	3063	50792
	Всего	130698	1009362

Мы включили в эту таблицу девять городов, в которых еврейское население в 1910 превышало 50000 душ. За 50 лет число евреев в этих городах увеличилось почти в восемь раз. Оно составляло свыше миллиона душ, то есть пятую часть всего еврейского населения России.

В следующих 15-ти общинах, с числом евреев от 25 до 50 тысяч, проживало еще полмиллиона душ. Таким образом, свыше полутора миллиона русских евреев жили в 1910 г. в общинах, насчитывающих каждая более 25 тысяч. Это обстоятельство имело огромное значение в процессе создания ряда еврейских институций не только религиозного, но и общественного и культурного характера.

Приведенная таблица не дает картины развития отдельных городов, как, например, Лодзи, где еврейское население увеличилось в 60 раз, Екатеринослава — в 20 раз, Киева — в 15 раз, Одессы — в 10 раз; это были самые молодые еврейские общины, возникшие только в 19-ом столетии.

---

[16] Яков Лещинский. Еврейский народ в цифрах. Берлин. 1922, стр. 71—7 (идиш).

Нас интересует не только абсолютное число евреев в той или другой общине, но их удельный вес в жизни города. В таких старых, исторически сложившихся еврейских общинах, как Бердичев и Вильно, Белосток и Кишинев, процент еврейского населения был значительно выше, чем в молодых, недавно возникших общинах, как Варшава, Одесса, Лодзь и Екатеринослав, особенно Киев, где процент еврейского населения, хоть и значительный, все же не был высок. В 1897 г. евреи составляли в Бердичеве 79,8% всего населения, в Белостоке – 64,1%, в Кишиневе – 46,3%, в Вильно – 40,9%, в Екатеринославе – 36,8%, в Одессе – 34,4%, в Варшаве – 33,28%, в Лодзи – 32,2%, а в Киеве – всего 12,9%. Возможно, что в действительности процент еврейского населения в Киеве был несколько выше, чем это показывают официальные данные, но о существенной разнице не может быть речи.

Кроме Киева, процент евреев был очень высок во всех больших городах, но в городах, выросших в промышленные центры в 19-ом веке, как Варшава и Лодзь, Одесса и Екатеринослав, процент евреев был ниже, чем в городах, где имелись старые еврейские общины. Одним из таких городов был Белосток, и евреи там участвовали в текстильной промышленности во всех первоначальных стадиях ее существования не только, как предприниматели, но и как рабочие. Варшава была до средины 19-го века не столько экономическим, сколько политически-административным центром, и евреи получили возможность там проживать только в начале 19-го века.

Данные о еврейском населении в упомянутых городах по переписи 1897 года сохраняют в общем свою силу и в последующие годы, почти вплоть до первой мировой войны. Правда, в больших городах приток нееврейских масс, преимущественно рабочих, был более интенсивным, чем рост еврейского населения в этих городах, но эти тенденции развития не получили, и процентуальное падение доли евреев в городском населении шло крайне медленно.

II. ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ, РЕМЕСЛЕННИКИ, РАБОЧИЕ

1. Введение

Три выступившие на историческую арену социально-экономические группы, – крупная буржуазия, средняя буржуа-

зия и интеллигенция (лица либеральных профессий) — составляли в русском еврействе меньшинство — несколько меньше 25%.

Широкие народные массы, вытесненные из своих позиций в период распада феодальной системы и вследствие выселения из деревень и городов, где им запрещено было жить, вынуждены были искать источника новых заработков. Наследственным еврейским занятием была торговля, не требовавшая ни подготовки, ни тренировки, — но черта оседлости перенаселена была лавками и лавчонками. Предприятий мелкой торговли не счесть было в черте. В то время, как средний годовой оборот торгового предприятия составлял в 1910 в губерниях вне черты 20582 рубля, в черте он был вдвое меньше — 9442 рубля.[17]

К концу 19-го века питейная торговля, и без того переживавшая плачевный упадок, прекратила существование вследствие введения государственной монополии. В начале 20-го века возникла новая опасность для еврейских торговцев — в крестьянской среде вырос тип «полуинтеллигента», обнаружившего склонность к занятию торговлей. В Польше конкуренция этого рода появилась еще в последней четверти 19-го века, а в 20-ом веке новый конкурент уже повел ожесточенную борьбу — подчас путем физического воздействия — с более подготовленным и опытным еврейским торговцем. На Украине, в Литве и в Белоруссии эта конкуренция дала себя почувствовать только в начале 20-го века. Все эти только бегло намеченные причины и факторы буквально вынуждали евреев искать новых занятий, которые вели их в лоно «лаборизации» и пролетаризации.

Приобщение еврейского населения к продуктивному труду шло в двух направлениях: к сельскому хозяйству, ремеслу и промышленности. Первый путь — к земледелию — был узок, второй — к ремеслу и индустрии — широк. Земледельческий труд не имел корней в еврейской жизни и в прошлом диаспоры; аграризация требовала очень глубокого и тяжелого, физически и психически, — разрыва со всем прошлым экономическим укладом еврейства. Еще большее значение имело то обстоятельство, что в 19-ом веке, а в особенности, во второй его половине, процесс аграризации шел в разрез с общим экономическим развитием страны, которое гнало миллионы крестьян в города от земледелия к городским занятиям.

---

[17] Русско-еврейская энциклопедия, т. 13. стр. 657.

Как ни скромны были размеры аграризации евреев в России, она представляет собой своеобразное и интересное явление. Эта проблема не исчерпывается ссылкой на поощрение русского правительства и на привилегии, предоставляемые евреям-земледельцам. В сущности, все явления в области аграризации в странах еврейской иммиграции, — которая происходила в больших масштабах в Палестине и Аргентине и в значительно меньшем размере в Соединенных Штатах и некоторых странах Латинской Америки, — были продолжением процесса, начавшегося в России. Русские евреи повсюду играли главную роль не только как идеологи и пропагандисты, но большей частью и как практические деятели. В самой России еврейское земледелие существовало и в тех районах, на которые не распространялись ни привилегии, ни влияние русского правительства, как, например, в Польше, — где однако в 1859 г. насчитывалось 27971 евреев, занимавшихся сельским хозяйством.[18] Согласно данным И. Оршанского, в 1862 г. число еврейских колонистов в Бессарабской губернии составляло 10589, в Ковенской губернии — 1089, в Виленской губернии — 2966 евреев. В 1859 г. еврейских колонистов на Украине (губернии Киевская, Волынская и Подольская) числилось 25270 душ.[19] В то же время в Херсонской и Екатеринославской губерниях находились 37 колоний, пользовавшихся поддержкой правительства, где проживало 2598 семейств, — около 12000 душ.

В общей сложности к началу эпохи либеральных реформ земледелием занималось 80000 евреев. Начиная с этого времени, отменяются пособия и привилегии, которые еврейские земледельцы получали от правительства. Упразднены были также жесточайшие правила о кантонистах, явившиеся в свое время причиной, побудившей евреев переселяться в сельскохозяйственные колонии. Но все же перепись 1897-го года установила, что сельское хозяйство было источником существования для 179400 евреев, превышая вдвое число евреев-земледельцев в 60-х годах.

Стихийный процесс аграризации небольшой струей вливался в «лаборизацию», охватывавшую русское еврейство.

---

[18] Э. Н. Фрэнк. К истории еврейской колонизации в Конгрессной Польше. «Страницы еврейской демографии, статистики и экономики». Берлин. 1925. № 5, стр. 23. (идиш).

[19] Збирник праць еврейськоі Історично-Археографичноі Комисіі. У Киіві. 1929. Т. 2, стр. 224—231. (укр.).

Однако, несмотря на относительные успехи в области сельского хозяйства, земледельцы-евреи составляли в 1897 г. не более 3,55% экономически активного элемента в русском еврействе. И тем не менее не следует недооценивать значение этого небольшого ручейка аграризации, явившейся характерным штрихом в картине глубокой экономической революции, которую переживало русское еврейство в 19 столетии.

3. Индустриализация и пролетаризация

В процессе индустриализации и пролетаризации еврейских народных масс наметились три основных течения: 1. рост числа людей, занятых ремесленным трудом, как хозяев, так и рабочих; 2. возникновение еврейского фабричного пролетариата; 3. значительное увеличение числа евреев-чернорабочих.

Ремесленный труд издавна глубоко врос корнями в еврейскую жизнь. Всюду, где жили еврейские массы, ремесло было их главным занятием. Начиная с 16-го века, в Польше, этом крупнейшем еврейском центре того времени, наблюдался непрерывный рост числа еврейских ремесленников.

На основании ряда разнообразных источников мы имеем возможность установить, что уже около 1820 г. в России имелось от 75000 до 80000 еврейских ремесленников. Они составляли 21 или 22% экономически активного еврейского населения. Чисто-пролетарский элемент, — подмастерья — составляли 10000 или 11000, то есть 12—13% всех занятых ремесленным трудом.

Относительно последних лет 19-го века мы располагаем точными статистическими данными. Перепись, произведенная ЕКО, зарегистрировала в 1898 г. 500986 самостоятельных ремесленников, подмастерьев и учеников.[20] Это означает, что число ремесленников за 80 лет возросло в 6 раз, в то время, как все еврейское население увеличилось только вчетверо.

Необходимо тут принять во внимание также характер еврейской эмиграции. По данным американской статистики «квалифицированные рабочие», т. е. ремесленники (хозяева и рабочие) составляли свыше 60% всех евреев иммигрантов, в то время как торговцы составляли около 10 процентов. Это значит, что до 1898 г. Россию покинули десятки тысяч еврейских ремесленни-

---

[20] Сборник материалов об экономическом положении евреев России, 1904. т. II. таблица 41.

ков, а за период от 1898 г. до 1914 г. — сотни тысяч. Широкий поток эмигрантов направлялся в большие и средней величины города, — откуда, проработав год-два, они шли дальше.

Мы располагаем солидными данными, иллюстрирующими рост еврейского ремесла в России к концу 19-го века. В 15-ти губерниях черты оседлости в 1887 г., то есть на 11 лет ранее исследования ЕКО, ОРТ произвел перепись еврейских ремесленников. Вот сравнительный результат этих двух обследований: в 15 губерниях Украины, Белоруссии и Литвы число еврейских ремесленников составляло в 1887 — 293509, а в 1898 — 381615. За 11 лет число ремесленников поднялось на 88 тысяч в губерниях, не отличавшихся быстрым ростом еврейского ремесла. Более интенсивен был рост ремесла в 10 польских губерниях.

В конце 19-го века Варшава становится центром еврейского ремесла и мелкой промышленности. Переселение в Варшаву носило массовый характер: поток переселенцев шел не только из провинциальных городов Польши, но также из Белоруссии и Литвы, отчасти даже из Украины. В 1882 г. еврейское население Варшавы составляло 127917 душ, а в 1910 г. 310000. Оно увеличилось на 182000 в то время, как естественный прирост не превышал 70000; ясно, что в Варшаву прибыло около 112000 новых пришельцев. Притом в эти же годы Варшаву покинуло несколько десятков тысяч еврейских эмигрантов.

Перепись ЕКО охватила свыше шестидесяти цехов — значительно больше, чем в начале 19-го века. Профессии плотников, кузнецов, столяров принимают массовый характер в еврейской среде только во второй половине 19-го века. По подсчету ЕКО, число ремесленников в этих цехах было выше 38000. Разумеется, наибольшее число ремесленников находилось в профессиях, связанных с одеждой и обувью (портные, портнихи, белошвейки, сапожники): их было около 200000, то есть 40% всего числа еврейских ремесленников.

Мы уже упоминали, что в 1820 г. подмастерья составляли в еврейском ремесле 10—11%. Данные ЕКО (1898 г.) дают следующую картину распределения ремесленников по социальному признаку:

1. Хозяева	259396	51,9%
2. Подмастерья	140528	28,1%
3. Ученики	101062	20,0%
Всего	500986	100%

Социальная дифференциация, как мы видим, выступает более явственно, чем в 1820 году, но вся картина остается довольно убогой: на каждого хозяина приходится по одному наемному рабочему, включая и учеников; между тем, ученики сплошь и рядом не только не получали платы, а должны были вносить хозяину небольшую сумму за обучение.

Мы должны однако отметить, что суммарные цифры несколько затушевывают истинное положение. И в среде хозяев-ремесленников существовала глубокая социальная дифференциация. Десятки тысяч хозяев-ремесленников были одиночки, не прибегавшие к наемной рабочей силе. Другие десятки тысяч хозяев — держали одного или двух наемных рабочих. И были только сотни мастерских, в которых было занято несколько рабочих и еще меньше мастерских — с 10 и более рабочими. Подробный отчет о положении в Витебске, относящийся к 1893 году,[21] дает следующие цифровые данные о типах ремесленных мастерских:

Мастерские	Число мастерских	%%
1. Без наемного труда	1486	70,4
2. С одним рабочим	400	19,0
3. С 2—5 рабочими	203	9,8
4. С 6 рабочими	13	0,6
5. С 10 рабочими и больше	6	0,2

Как мы видим, свыше 70% мастерских обходились без наемной рабочей силы; только в 19 мастерских было занято больше 6 рабочих, — что составляло меньше 1 % общего числа.

Если допустить, что положение ремесла в Витебске в 1893 г. типично для всех 25 губерний «черты», мы должны будем прийти к заключению, что по всей России в 1898 г. существовало около 518 еврейских мастерских, где работало 10 рабочих и выше, и свыше 2000 мастерских с 6-ю рабочими, а большая часть ремесленных мастерских обходилась без наемной рабочей силы.

Эти выводы являются, однако, только предположением. Витебск к тому же не вполне типичен, так как это не промышленный город. Тем не менее, приведенные цифры проливают некоторый свет на факт весьма слабой социальной дифференцированности еврейского ремесла.

[21] Материалы «ЕКО», стр. 256.

С конца 19-го века до первой мировой войны шел процесс роста не только числа еврейских ремесленников, но и процесс классовой дифференциации ремесленников, особенно в городах, где еврейское ремесло перерастало в мелкую и среднюю промышленность. Для освещения этого вопроса интересны данные о положении в Варшаве, этом самом крупном центре еврейского ремесла и мелкой промышленности.

Типы мастерских по числу занятых рабочих (1914):[22]

Мастерские	%%
1. Без рабочих или о одним рабочим	25,3
2. От 2 до 5 рабочих	41,8
3. От 6 до 10 рабочих	19,0
4. Более 10 рабочих	13,9

Тут перед нами другая картина: мастерские с числом рабочих больше 10 составляют почти 14%. Если прибавим к их числу мастерские с числом рабочих более 5, то окажется, что ремесленные мастерские, в которых занято больше 5 рабочих, составляют около трети.

Приведем данные о распределении еврейских рабочих по величине мастерских и фабрик: в 1914 г. 34% общего числа еврейских рабочих в Варшаве занято в предприятиях, пользующихся трудом более 20 рабочих; 55% в предприятиях с числом более 10 рабочих; лишь 11% всех еврейских рабочих работает в маленьких убогих мастерских, где хозяин держит только одного рабочего.

Приведем несколько более подробные сведения о процентуальном распределении евреев-рабочих в Варшаве по предприятиям различного типа.

Процент еврейских рабочих в различных предприятиях 1914 г.

Предприятия	% еврейских рабочих
1. До 10 рабочих	98.5
2. От 11 до 20 рабочих	94,2
3. От 21 до 50 рабочих	87,0
4. Более 50 рабочих	66,1

Во всех еврейских предприятиях — 94,5%.

Все приведенные нами данные относятся к легкой индустрии, а не к тяжелой индустрии, где число еврейских рабочих го-

[22] Я. Лещинский. Гаишув Гаиегуди — Варшава. (Иврит). Тель-Авив, 1953. стр. 193.

раздо меньше. Эти цифры дают возможность сделать ряд интересных выводов. Прежде всего мы видим, что в годы, предшествовавшие первой мировой войне, еврейский рабочий класс в Варшаве был совершенно изолирован от польского: в еврейских предприятиях, сосредоточенных в населенных евреями районах, евреи составляли 94% всего числа рабочих, а в небольших мастерских, в которых было занято меньше 10 рабочих, — 98%. Эта географическая и экономическая изоляция объясняет факт полной самостоятельности еврейского рабочего движения, а также национальные настроения в еврейской рабочей среде. Языковая и культурная ассимиляция здесь сводилась к минимуму, несмотря на весьма высокий уровень развития классовой солидарности и на активное сотрудничество на почве профессионального и политического рабочего движения.

В общем еврейский пролетариат Варшавы, благодаря своей концентрации, был хорошо организован, хотя и в меньшей степени, чем рабочие в тяжелой индустрии. Варшава не была исключением — такую же концентрацию еврейского пролетариата в больших мастерских и маленьких фабриках мы находим в текстильной промышленности в Лодзи, в Белостоке, в виленской чулочной индустрии, в кожевенной промышленности Сморгони и Шавель. С переходом в этих отраслях к машинному производству, с ростом технического оборудования больших предприятий начинается борьба за место у рабочего станка. Тут мы вступаем в область фабричного труда у евреев.

Рост еврейского фабричного пролетариата в России

Еврейский капиталист не был ничем стеснен при найме рабочих — он пользовался всяческими привилегиями за пределами черты оседлости, и, разумеется, он не был обязан набирать только рабочих-евреев. Иначе обстояло дело с еврейскими рабочими, которые были прикреплены к месту жительства — черте оседлости, (притом даже в ее пределах евреям не разрешалось селиться в деревнях) и могли рассчитывать на работу только у еврейских предпринимателей.

По обследованию ЕКО, в 1898 г. в Польше было 12380 еврейских фабричных рабочих; только 436 евреев, т. е. 3,5% общего числа, работали у предпринимателей христиан.

Был ряд причин, объективного и субъективного характера, вследствие которых принадлежавшие еврейским предпринима-

телям крупные механизированные фабрики не принимали евреев рабочих. После освобождения крестьян начался приток из деревень в города дешевой рабочей силы, с которой евреи не в состоянии были конкурировать. На ранней стадии развития промышленности фабричный труд был в очень слабой степени механизирован, и большую роль в нем играла физическая сила; в этом отношении евреи уступали рабочим-христианам. А к тому времени, когда промышленность стала механизированной, на фабриках уже имелся постоянный, контингент христианских рабочих, довольствовавшихся малым заработком. В Польше действовали и другие факторы, мешавшие проникновению еврейских рабочих в механизированные текстильные предприятия. Уже в начале 19-го века начался приток опытных ткачей из Германии, игравших крупную роль в развитии текстильной промышленности не только в Лодзи и Лодзинском районе, но и в Белостоке и в его районе. Немцы-мастера занимали прочные позиции в лодзинской текстильной индустрии еще в начале 20-го века и усердно покровительствовали немецким, а не еврейским рабочим.

Эти объективные факторы привели к тому, что в начале 20-го века, в пору перехода к интенсивному механизированному труду, еврейские рабочие оказались в тяжелом положении даже на тех фабриках, где они занимались ручным трудом: так в Лодзи и в Белостоке ко времени механизации текстильной промышленности как бы укрепилась традиция, согласно которой на механизированную работу евреев не принимали.

Действовали и субъективные факторы, приводившие к тому, что евреи оставались вне фабричных стен крупных предприятий. Когда усилился спрос на рабочие руки, как в ремесле, так и в фабричной индустрии, евреи отдавали предпочтение ремесленному труду, где было больше шансов на возвышение и достижение самостоятельности, чем на крупной фабрике. Стремление к самостоятельности и шансы возвышения представлялись культурному и индивидуалистически настроенному еврейскому рабочему решающим моментом. Так было в России, так и во всем мире.

Нужно отметить еще один важный фактор, вызывавший отказ еврейских фабрикантов принимать евреев-рабочих даже тогда, когда их квалификации были такими же, как у рабочих христиан. Евреи-рабочие, пришедшие из хедера и ешибота, из более или менее культурной среды, были боевым и классово-сознательным элементом, и владельцам фабрик это было не по вкусу.

Перейдем теперь к фактам. Уже в первой половине 19-го века мы встречаем в разных местностях России евреев — фабричных рабочих. В 30-х годах в пяти губерниях черты оседлости (Волынской, Гродненской, Могилевской, Витебской и Минской и в Белостокском районе) число еврейских фабричных рабочих доходило до 2185.[23] Польский экономист А. Войчицкий, описывая возникновение польской промышленности в 30-х и 40-х годах прошлого столетия, часто упоминает о евреях, работавших на фабриках наряду с немцами и поляками. В «Варшауэр Идише Цайтунг» (1867) мы находим информацию о принадлежащем еврею сталелитейном заводе в Варшаве, где работало 200 еврейских рабочих, и о табачной фабрике братьев Шапиро с 120-ю еврейскими рабочими. По данным, сообщенным Германом Франком[24], в сороковых годах прошлого столетия на еврейских текстильных фабриках Гродненской губернии работало около шестисот евреев. О более поздней эпохе имеются в высшей степени интересные сведения в «Виленском Вестнике» (1868, № 75).

В 1860 г. в Белостоке из 46 фабрик шерстяной мануфактуры евреям принадлежали 19, т. е. 41,3%, а в 1868 — из 89 фабрик — 44, т. е. 49,4%. В мае 1868 г. на суконных фабриках работало около 2500 еврейских рабочих. По данным Субботина,[25] в 1887 г. в Белостоке было 79 текстильных фабрик, принадлежавших евреям, с 2077 раб., из них евреев было 1268, т. е. 61,0%.

Приблизительно в то же время в Лодзи произведена была перепись на заводах с числом более 25 рабочих, и там не оказалось ни одного еврея.[26] Это объясняется тем, что в Белостоке было много мелких фабрик, с числом 26 рабочих в среднем, в то время как в Лодзи на каждую фабрику в среднем приходился 241 рабочий.

Механизация текстильной индустрии в двух крупнейших текстильных центрах началась — в Лодзи еще в 80-х годах 19-го столетия, а в Белостоке — только в начале 20-го столетия. Если в первое время еврейские рабочие пассивно отнеслись к тому,

[23] Я. Лещинский. «Экономический подъем и упадок европейского еврейства» в «Алгемейне Энциклопедие» (идиш) 1950. стр. 41.

[24] Герман Франк. «Еврейские текстильщики — пионеры в Белостоцком районе» в «Бьялостокер Лебн» (идиш) Нью-Йорк, 1939. стр. 39.

[25] А. П. Субботин. «В черте еврейской оседлости», 1890 стр. 59—60.

[26] Я. Лещинский. Экономическое положение евреев в Польше, Берлин, 1931. стр. 127 (идиш).

что их не пускают на механизированную фабрику, то в начале 20 века они вступили в борьбу, сопровождавшуюся порой и кровопролитиями. Христианские рабочие, занятые в механизированных еврейских предприятиях, сопротивлялись допущению в них евреев даже тогда, когда последние претендовали на работу, выполнявшуюся еврейскими рабочими в течение десятков лет. В Белостоке борьба принимала столь ожесточенную форму, что в нее счел нужным вмешаться губернатор, добившийся примирения на следующих условиях: там, где вводится механизация производства, еврейские рабочие должны оставаться на своих местах; там, где фабрикант расширяет предприятие, работа распределяется поровну на таких началах, что евреи работают на одном этаже, а христиане — на другом. Пишущий эти строки, неоднократно бывавший впоследствии в Белостоке, лично убедился в том, что в предприятиях, принадлежавших евреям, фабричное здание состояло из двух этажей, — «еврейского» и «христианского» этажа.

Ареной ожесточенной борьбы стала также Варшава в 1910—1912 г.г. Мы узнаем об этом из воззвания, выпущенного еврейскими рабочими. Приводимые ниже цитаты из этого воззвания проливают свет на трагическое положение, в котором оказались еврейские рабочие в результате механизации, которая сама по себе была прогрессивным явлением. В воззвании, обращенном к сознательным польским рабочим в обувной индустрии, говорится:[27]

> «Еврейские предприниматели, у которых мы раньше работали, увольняют нас и не хотят больше принимать евреев рабочих на фабрики. Такие факты имели место среди других на фабрике Бренера, Боймфлаха, Цукермана, Цейтлина и других. Нам, двум тысячам еврейских механических сапожников, грозит перспектива потери работы, голода и нужды».

Ссылаясь на то, что фабриканты пытаются использовать «религиозные и национальные предубеждения», авторы воззвания заявляют: «некоторые рабочие-христиане не отдают себе отчета в действительном смысле поведения фабрикантов и занимают места уволенных еврейских рабочих, под предлогом, что евреи не должны работать при машинах».

---

[27] «Найе Штимме», 1911, стр. 16, приведено в книге «Дер идишер арбетер», 3-ий том, Москва. 1927. стр. 112—113.

Ответом на это воззвание явилась статья Барского в органе польской социал-демократической партии, и будет интересно привести несколько цитат из этой статьи.[28]

«Верно, — пишет Барский — что еврейский капиталист охотнее принимает на работу поляков, покорно дающих себя эксплуатировать, чем строптивых и классово-сознательных еврейских рабочих. Каждый фабрикант предпочитает темного рабочего — сознательному. Но мы знаем, что поскольку речь идет об обувном производстве, это — не единственная причина, почему еврейские фабриканты предпочитают не принимать евреев на работу. Главной помехой, влияющей почти во всех отраслях производства, а в особенности в крупной индустрии в этом направлении, служат бытовые особенности и религиозный консерватизм массы несознательных еврейских рабочий. Речь идет главным образом о праздновании субботы. Именно вследствие этого лодзинские фабриканты, сами по большей части евреи, вообще не принимают евреев на работу».

В этом духе выдержана обширная статья Барского, впоследствии лидера польских коммунистов. Он призывает сознательных еврейских рабочих отказаться от «фанатизма», от идиш, от соблюдения субботы и праздников и аналогичных «темных фанатических вещей».

Это происходило в 1911 г. В 1912 г. в «Новом Восходе» (№ 9, стр. 26) появилась корреспонденция, что сообщение о примирении между еврейскими и польскими рабочими неверно. Факты говорят обратное: не мир, а новые конфликты. По словам корреспондента, еврейские рабочие добиваются, чтобы к машинам прежде всего были допущены те, кто раньше работал вручную. Польские рабочие обещали «обдумать этот вопрос и все еще продолжают размышлять». Корреспондент сообщает далее ряд чрезвычайно интересных фактов. «Крупный еврейский фабрикант обуви Б-р, — пишет он — у которого работают 150 христиан в механическом отделе и 12 евреев — при ручной работе, — поставил две новых машины и двух рабочих-евреев к ним. Едва они принялись за работу, как явилась группа вооруженных польских рабочих и с револьверами в руках прогнала евреев и поставила на их место двух поляков».

Подробно описывая происходящую «борьбу за кусок хлеба», корреспондент добавляет: «настроение в еврейской рабочей среде крайне подавленное, горючего материала в отношениях между

---

[28] «Вольный Голос». 1911. № 20; цитата взята из «Еврейского рабочего», стр. 114 (идиш).

польскими и еврейскими рабочими накопилось немало; дай Бог, чтоб не дошло до эксцессов». Еврейские фабриканты не унимаются и продолжают свое «благое дело»; владелец большой фабрики, например, вводя механическую работу, собирается уволить всех евреев и заменить их поляками. В связи с этим корреспондент имел беседу с известным польским социал-демократическим деятелем. На вопрос, какие меры принимаются, чтобы избежать конфликтов и помешать вытеснению голодающих еврейских рабочих, польский социал-демократ ответил, что нужно вооружиться терпением, нельзя раздражать польских рабочих, иначе они «уйдут в лагерь народовой демократии» (польская антисемитская партия). На указание, что евреи доведены до отчаяния, последовал ответ: «Придется им пострадать. Другого выхода нет».

Бундовский орган «Фрагн фун Лебн»[29] сообщает, что на механизированных ткацких фабриках в Белостоке, принадлежавших евреям, — в 1904 г. было зарегистрировано 54 еврейских рабочих, а в 1912 — 445, т. е. в восемь раз больше, что составляло 60% общего числа ткачей на механизированных еврейских фабриках и 40% всего числа ткачей в Белостоке. При указанных выше условиях и это было уже большим достижением...

Попытаемся подвести итоги данным о еврейских фабричных рабочих. Согласно данным ЕКО, в 1898 г. в 25 губерниях черты оседлости имелось свыше 46000 еврейских фабричных рабочих. Ввиду того, что обследование ЕКО не охватывало всех фабрик, мы имеем основание утверждать, что к концу 19-го века в России имелось около 60000 еврейских фабричных рабочих.

В первые 14 лет 20-го века наблюдался бурный рост промышленности во всей России, включая и черту оседлости. Не подлежит сомнению, что накануне первой мировой войны число еврейских фабричных рабочих доходило до 75000, т. е. их было в 14 или 15 раз больше, чем в середине 19-го века. Это была первая стадия индустриализации и особенно пролетаризации еврейского населения, все большего проникновения евреев в крупные и механизированные предприятия. Война прервала этот процесс.

Евреи — чернорабочие

В конце 18-го столетия, в момент развала польского государства, деклассированные составляли в еврейской среде большой

---

[29] А. Зискинд, «Из рабочей жизни в Белостоке», «Фрагн фун Лебн». 1912. Петербург, стр. 113, (идиш).

процент населения. Среди них было много бедняков, живших милостыней, на иждивении общинной благотворительности. Среди трудовых людей было немало домашней прислуги обоего пола в состоятельных еврейских домах, извозчиков (балагулы), нанимавшихся на полевые работы в усадьбы во время жатвы. Во второй половине 19-го века в больших городах появилась новая категория еврейских рабочих — носильщики и грузчики на железнодорожных станциях и в портах. В Одесском порту в конце 19-го века много тысяч евреев занимались погрузкой зерна на подводы. В Варшаве и в Лодзи было много евреев-носильщиков, доставлявших товары покупателям. Пишущий эти строки помнит, как летом, в разгар полевой страды, помещики посылали телеги за еврейскими парнями и девушками.

По данным ЕКО, число евреев-чернорабочих доходило до 97900: в эту категорию входили 32528 носильщиков, грузчиков на станциях и пристанях и поденщиков, 18819 владельцев фургонов для перевозки тяжестей и 12901 сельскохозяйственных рабочих. Учесть число таких рабочих очень трудно, — в действительности их было значительно больше. Накануне войны число их было не меньше 110 тысяч.

ОБЩЕЕ ЧИСЛО ЕВРЕЙСКИХ РАБОЧИХ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(По вычислениям и предположениям)

1. Рабочие и ученики в ремесленных мастерских	300000
2. Фабричные рабочие	75000
3. Торгово-промышленные служащие и служащие в общественных учреждениях	100000
4. Домашняя прислуга	12000
5. Сельскохозяйственные рабочие	16000
6. Чернорабочие	110000
	613000

Мы можем принять, что к 1914 году число еврейских пролетариев в России доходило до 600000, составляя таким образом 30% всех экономически активных элементов еврейского населения. Слабой стороной еврейского пролетариата была не столько его малочисленность, сколько его внутренняя социальная структура. В еврейском пролетариате явно преобладают ремесленники и торгово-промышленные служащие. Характерной чертой их является отсутствие стабильности: они по большей

части чувствуют себя временными пролетариями. Временный характер социального статуса, хотя и усиливает его боевую готовность к борьбе, за свои классовые позиции, но не обеспечивает выдержанности в этой борьбе. Во время забастовки часто обнаруживалось, что хозяин скорее идет на закрытие предприятия, чем на удовлетворение требований рабочих.

Другой слабостью еврейского пролетариата было преобладание в его рядах молодых людей, — потенциальных хозяев мастерских. Молодость — несомненное достоинство в борьбе, но — препятствие к стабилизации в рамках рабочей организации. Молодой еврейский рабочий часто носился с мыслью, если не начать самостоятельно работать после женитьбы, то перебраться к родственникам в Америку. В профессиональном союзе он видел не прочную постоянную рабочую организацию, а временный орган борьбы.

Г. Я. АРОНСОН

В БОРЬБЕ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВА

(ОБЩЕСТВЕННЫЕ ТЕЧЕНИЯ В РУССКОМ ЕВРЕЙСТВЕ)

1

Эпоха великих реформ, отменившая рабство для русского крестьянства, заложившая основы права в деятельность русского суда и начатки местного самоуправления, не могла не коснуться своим живительным дыханием судьбы русского еврейства, страдавшего от бесправия, произвола и материальной нужды. В народной массе городов и местечек черты оседлости, жившей в атмосфере строжайшей религиозной традиции и дисциплины, лишь чрезвычайно медленно происходил процесс приобщения к современной общечеловеческой культуре, и ростки нового с трудом пробивались наружу. Но в столице и в крупных центрах России, в кругах нарождающейся русско-еврейской интеллигенции с 60-х г.г. наблюдался рост ассимиляционных настроений. Особенно после подавления польского восстания усилились эти настроения.

Как выражается С. Цинберг, представители еврейской интеллигенции считали, что они «обязаны во имя государственных целей отказаться от своих национальных особенностей и... слиться с той нацией, которая доминирует в данном государстве». Один из еврейских прогрессистов тех лет писал, что «евреев, как нации, не существует», что они «считают себя русскими Моисеева вероисповедания».[1] В 1869 г. в № 6 одесского «Дня» мы читаем: «Евреи сознают, что их спасение состоит в слиянии с русским народом»... «Полное сближение и слияние с коренным господствующим населением — вот Мессия, прибытия которого выжидает лучшая, просвещенная часть наших евреев», —

[1] См. С. Цинберг. «История еврейской печати», 1915 год, стр. 172—183.

читаем мы в другом номере «Дня». «Полная ассимиляция разноплеменных элементов и слияние их с коренной русской народностью», — формулирует «День» одушевляющий его идеал решения еврейского вопроса. И. Оршанский в своих статьях в «Дне» (№№ 1—5, 1870 г.), в свою очередь, проповедывал «полное объединение всего инородческого населения с господствующей народностью». Он не сомневался в том что, когда евреи станут свободными гражданами, «процесс ассимиляции их с коренным русским населением совершится сам собой». Только одесский погром 1871 г. разбил эти иллюзии ассимиляции.

На первых порах казалось, что нарастает глубокий разрыв между интеллигенцией и народной массой, — быть может, великий раскол в русском еврействе. Верхушка еврейской интеллигенции, под влиянием идей просветительства, шедших, главным образом, из среды немецкого еврейства, оказалась перед дилеммой: либо возвращение в гетто, либо ассимиляция, — все равно, немецкого или русского образца. В период 40—50-х годов токи ассимиляции, шедшие из Германии, оказались несколько сильнее, — ибо русская культурная жизнь для многих из первых еврейских интеллигентов была книгой за семью печатями — ни языком русским, ни связями в русском обществе они не владели.

Но возвещенные реформы вызвали мощный расцвет общественной инициативы, оживление русской культуры, литературы и искусства, взрыв надежд на предстоящее обновление всей русской жизни западными влияниями. Русский язык, русская культура, как магнит притягивали к себе новые кадры еврейских интеллигентов, которых усердно поддерживали на этом пути их немногие, но влиятельные русские либеральные и радикальные друзья.

Небольшой корректив вносили в этот поток ассимиляции кружки гебраистов со своими скромными изданиями, но они были слишком слабым препятствием на пути денационализации, да и сами тяготели к немецким или русским образцам. — И таким образом обрусение, «слияние» с русским народом, «растворение», если пользоваться терминами того времени, — стали решающими тенденциями в. формировании русско-еврейской интеллигенции данной эпохи.

Однако, широкая народная масса, — трудовой люд ремесленников, торговцев, рабочих, меламедов, маклеров, арендаторов, владельцев скромных гостиниц и кабачков и «людей воздуха», которых уже было не мало в 60—70-х годах, — оставалась еще долго даже в ее молодых поколениях чуждой этим влияни-

ям. Не только религиозная традиция, державшая в узде весь быт, но и материальная нужда, постоянная борьба за кусок черствого хлеба не допускали и мысли о приобщении к современной культуре. И можно со всей определенностью сказать, что даже когда русско-еврейская интеллигенция переживала медовый месяц ассимиляции во всех ее разновидностях: идеологической, культурной и... «карьерной» — народные массы, которые, надо думать, болезненно переживали отрыв интеллигенции и угрозу ее окончательного ухода, все же никогда не воспринимали эти ассимиляционные процессы, как угрозу самому бытию еврейства.

Иначе обстояло дело в Германии, где в течение всего 19 века ассимиляционные процессы, казалось, приведут к желанной цели, — к созданию «немцев Моисеева закона», даже «пруссаков Моисеева закона», как называл себя одно время известный Людвиг Филиппсон, т. е. к органическому превращению евреев в немцев. Но если в Германии шансы ассимиляции были, действительно, сильны, то это объяснялось, в первую очередь, тем обстоятельством, что в немецком еврействе не было народной массы и что в социальном смысле оно представляло единый класс, который, можно сказать, влекся к ассимиляции своими имманентными интересами. Ассимиляция в конце концов трагически провалилась и в Германии, но это произошло не по воле большинства немецкого еврейства, а в силу вытеснения его тевтонскими устремлениями немецкого народа, достигшими своего кульминационного пункта в тот момент, когда германской государственной машиной овладел проникнутый чудовищным антисемитизмом Гитлеризм.

Неудача ассимиляционных устремлений русско-еврейской интеллигенции была предрешена прежде всего потому, что в отличие от Германии, еврейство в России представляло собой многомиллионный народный массив. По переписи 1897 года евреев в Российской империи было 5063 тысячи, а к 1908 году их числилось 5973 тысячи. Наличие столь широких народных масс исключало возможность сколько-нибудь длительной изоляции интеллигенции от народа. Поэтому процессы денационализации в еврейской интеллигенции раньше или позже должны были быть изжиты, — тем более, что наряду с интеллигенцией столиц и крупных городов, получавшей доступ в высшие учебные заведения, заметно вырастали кадры новой, народной, низовой интеллигенции, вышедшей из ешиботов и синагог, одушевленной идеалами служения не только абстракт-

ному человечеству или России, но и своему родному обездоленному народу, и связанной с этим народом не абстрактно или идеологически, но его языком, его убогим бытом, его еще не оперившейся культурой.

Крушение надежд на «слияние» и «растворение» в русском народе дало себя особенно остро почувствовать, когда уже в конце 60-х годов обнаружилось, что политический режим не дал всех ожидаемых реформ, но, напротив, делает явный крен направо. В стране наступило всеобщее похмелье. Упования либералов, мечты радикалов — все пошло прахом. Молодежь в университетах заволновалась, и — после небольшой паузы — усилилось в стране революционное движение. Ассимилированная, оторванная от родного народа, считавшая невозможным для ремесленников, мелких торговцев и других маленьких людей приобщиться к идеалам свободы и социализма,[2] еврейская интеллигентная молодежь приняла активное участие в революционном подполье, «пошла в народ», в расчете и своими слабыми руками подтолкнуть крестьянскую революцию в России. Не питая никаких иллюзий о еврейской массе, евреи-революционеры 70-х годов принесли весь свой юный пыл, весь свой идеализм в жертву иллюзиям о крестьянстве, как потенциальном освободителе всех обездоленных. Это была одна из последних вспышек волны ассимиляции, которая погасла одновременно с гибелью «Народной Воли» и началом политической реакции.

2

Погромы 80-х г.г., нанесшие столько ран русскому еврейству, внесли глубочайшие изменения в психологию, в самочувствие и народной массы, и широких слоев интеллигенции. Ассимиляторы остались, — и бывало не раз на протяжении последующих десятилетий, что в отдельных уголках русской жизни они довольно проч-

---

[2] В статье П. Аксельрода (опубликованной только в 1924 г.), в воспоминаниях О. Аптекмана, письмах А. Зунделевича мы находим объяснение, почему эти революционеры отвернулись от еврейской массы. А. Зунделевич писал в 70-х гг.: «Для нас всех еврейство, как национальный организм, не представляло собой явления, заслуживающего поддержки. Национальность еврейства нам казалась не имеющей резон д'этр. Главный элемент, связывающий евреев в одно целое — религия — признавался нами фактором безусловно-регрессивным».

но себя чувствовали,[3] но ассимиляции, как серьезному фактору еврейской жизни в России, погромы нанесли непоправимый удар.

Развитие событий в еврейской среде шло зигзагообразными, противоречивыми путями. В начале все были ошеломлены, как путники, застигнутые врасплох неожиданной стихийной катастрофой — огнедышащим вулканом или наводнением. Многие почувствовали себя в полной растерянности и очутились в тупике. Раз сорвана перспектива эволюции, раз одержала верх оголтелая реакция, и с ней вместе облетели цветы слияния евреев с русским народом на основе культуры и равенства, — то для некоторых оставался только, — может быть, это была ложь во спасение? — формальный и фактический уход от еврейства. И действительно, в эту полосу произошел ряд крещений людей, до того активно преданных еврейству...

Но за резиньяцией и отчаянием начались поиски выхода, страстное искание новых путей. Народная масса, жившая без идеологии, но и без иллюзий, под ударами судьбы нашла выход в бегстве из постылой России: открылась первая страница массовой эмиграции в неведомую Америку. В то же время впервые в кругах еврейской интеллигенции ожила старинная, романтическая мечта о Сионе, возникло палестинофильское движение и двинулись в путь — первые отряды переселенцев в Палестину. Но наряду с эмиграционистскими настроениями, подавляющее

---

[3] Для того, чтобы не быть голословным, мы отметим позицию, занятую в еврейском вопросе группой соц.-дем. деятелей-евреев из «Искры», до и после раскола, т. е. и большевиков, и меньшевиков, идеологически заявивших себя сторонниками ассимиляции. В журнале «Заря» (№ 4, 1902 г.) в статье «О еврейском рабочем движении в России» утверждалось, что «собственно национальной культуры (если не считать религии...) у евреев нет. В политическом смысле евреи не представляют собой ничего национального». Евреи в России «страдают, как известно, не от того, что стесняют их национальную культуру, а оттого, что их не допускают к русской культуре». Исходя из взгляда, что евреи — не нация и обречены ассимилироваться, «Искра» вела непримиримую борьбу с Бундом.

После октябрьских погромов 1905 г. С. Дубнов писал о не желающей сдавать свои позиции группе евреев-ассимиляторов в с.-д. партии: «Та многочисленная армия еврейской молодежи, которая занимает видное место в рядах РСДРП, формально порвала всякие связи с еврейством. Это — последовательные ассимиляторы. Их народ — русский, а не еврейский. 6 миллионов евреев, застрявших в русском государственном организме, являются для них русскими, до поры до времени приписанными к еврейству».

большинство в русском еврействе сознавало, что оно должно продолжать свою жизнь, свое существование и свою борьбу на месте, в России. Но что делать для этого? Как быть дальше?

Пришлось подводить итоги, и они были довольно безнадежны. Консервативно-настроенные люди, воспитанные на просветительстве 60-х годов и рассчитывавшие на содействие благомыслящих людей в бюрократии, видели, что меньше всего оправданной оказалась их ориентация на власть. После погромов теория «исходатайствования» облегчений потерпела крах Потерпела крушение и либеральная концепция, все ставившая на возвращение к традициям эпохи великих реформ: при откровенно антисемитском курсе правительства не приходилось ожидать каких-нибудь встречных шагов в отношении самых скромных еврейских домогательств. Не легче была и участь радикально-революционной мысли, рассчитывавшей на близость революции, которая должна была магически разрешить все наболевшие вопросы, в том числе ставший столь неотложным еврейский вопрос. Суворин раскрыл план, будто бы исходивший от главного царского советника Победоносцева, как разрешить в России еврейский вопрос: треть евреев должна вымереть (?..), треть — должна эмигрировать, а треть должна без следа раствориться в окружающем населении.

Какой же выход мог быть из создавшегося положения после погромов 80-х г.г.? Эмиграция никому не казалась сколько-нибудь конструктивной программой действий, в частности, эмиграция в Америку, которая была для многих и многих terra incognita, и отнюдь не обетованной землей, а только убежищем на случай несчастья. И притом было ясно, что эмиграция не могла сколько-нибудь существенно облегчить положение миллионов, остающихся в России.[4] Что касается палестинофильского движения, то его границы и возможности были ясны каждому: никакой панацеей оно никому не представлялось. В этих условиях именно с 80-х годов произошел глубокий перелом в русском еврействе, который еще до сих пор недооценен полностью, но который сыграл в его истории исключительную роль.

Как ни парадоксально это звучит, именно тогда, когда еврейству дано было с особой настойчивостью почувствовать, что оно является только покорным и беспомощным объектом истории, — с ним можно делать, что угодно, с ним считаться никто

---

[4] В 80-х годах эмиграция из России составляла в среднем до 15 тысяч в год, — а в 90-х годах — до 30 тысяч в год.

не собирается, — именно тогда, может быть, в первый раз за годы своих испытаний — русское еврейство ощутило себя, как субъект, как кузнец своей судьбы и своего счастья. Именно тогда в еврействе стал наблюдаться бурный рост его общественного и национального самосознания. Если раньше перед русско-еврейской интеллигенцией стояла дилемма: возвращение в гетто или ассимиляция, — то теперь эта дилемма потеряла свою власть над умами, и ее вытеснила формула, которую будет правильно выразить словами: не гетто и не ассимиляция, — а *национальное самосознание*. Даже многие ассимилированные элементы интеллигенции — сознательно или бессознательно — были охвачены мыслью: только в возвращении к родному народу, к народной массе, живущей в бесправии, в тесноте, в острой материальной нужде,[5] в черте оседлости — единственный путь и перспектива.

Но в каких формах может осуществиться это возвращение к народу, это служение ему, — особенно в условиях, создавшихся в России непосредственно после погромов? На русско-еврейской печати тех лет, в «Рассвете» и «Русском Еврее», и особенно на столбцах «Восхода» можно легко проследить внутреннюю тревогу, неуверенность в осуществимости надежд, которыми жила русско-еврейская интеллигенция и судорожные поиски пути, каким она должна пойти. Конечно, уже тогда было совершенно ясно, да между строк эту мысль можно было вычитать еще в одесском «Рассвете» или «Дне» в 60-х г.г.,—что без уравнения евреев в гражданских правах, без равноправия, и в частности, без ликвидации черты оседлости, — никаких радикальных перемен не добиться. Но самая постановка этого вопроса о еврейском бесправии была не ко двору в политической обстановке, создавшейся после погромов и питавшейся этим бесправием. А уж об эффективной борьбе против господствующего антисемитского курса не приходилось и думать, — отчасти и потому, что сколько-нибудь значительными силами для этого ни внутри, ни во вне в тогдашней русской общественности — еврейство не располагало.

---

[5] В известной «Записке» по еврейскому вопросу Паленской комиссии, учрежденной в 1883 г., говорилось, что до 90% еврейского населения представляют собою массу, живущую в бедности, в тяжких гигиенических и жилищных условиях, а проф. Субботин отметил в своем исследовании, что с 1894 по 1898 г. число нуждающихся возросло на 27%, получающих пособия к Пасхе в больших городах достигло 40—50%.

В чем же нашло тогда свое выражение стремление служить народу? В унисон с настроениями, владевшими довольно широкими кругами в русской среде, — в частности в земстве, — и среди евреев возникла тяга к политике «малых дел», политике заплат и паллиативов. Большой резонанс вызвала начатая тогда работа по подъему экономического и культурного уровня еврейской массы. Развернутая демократическая формула: для народа и через народ была далека от воплощения в русских условиях. Но стремление теснее связаться с массой и установить с ней контакты сказывались и в деятельности старейшей организации русского еврейства, О-ва распространения просвещения среди евреев, куда начали постепенно проникать демократически-настроенные элементы, — и особенно в создании т. наз. Ремесленного Фонда, будущего ОРТА, привлекшего к себе симпатии в широких кругах еврейства в городах и местечках черты оседлости.

Независимо от того, какие практические результаты дали эти «малые дела», — они не прошли бесследно и в области идеологической. Благодаря им, еврейской интеллигенции несомненно удалось нащупать созревающие новые силы в народе и мобилизовать их в общественных интересах и перебросить мост от вчера еще оторванных носителей ассимиляции — к народу. Уже этот первый шаг по пути демократизации еврейской жизни обещал внести много нового в последующие десятилетия, — вопреки бесчисленным барьерам, поставленным на пути полицейским режимом и его антиеврейским курсом.

3

По выражению, оброненному С. М. Дубновым, росту национального сознания в еврействе, — и не только в русском, — содействовали и социальный прогресс, и социальная реакция. Погромы, антисемитизм, гонения и ограничения евреев всегда были обособляющим и национализирующим фактором. Но в этом же направлении в последние десятилетия 19 века действовали рост капитализма в стране, социальная дифференциация самого еврейства, все более отчетливое оформление классовой структуры еврейства, при котором из недавно еще сплошной, частью недифференцированной, еврейской массы, выделились и буржуазия, и средние классы, и лица свободных профессий, и ремесленный, отчасти даже индустриальный пролетариат.

Этому преобразованию социального облика еврейства содействовали также демографические процессы: внутренняя мигра-

ция еврейства, оскудение местечек, бегство более зажиточных элементов и особенно молодежи в города и вообще наметившаяся уже в 90-х годах в широких слоях еврейства тенденция к урбанизации. Процесс образования еврейской буржуазии и еврейского пролетариата расслаивал еврейскую интеллигенцию и выдвигал ряд новых требований в общественно-политическом и культурном аспекте.

Точно так же, как идеология ассимиляции потеряла свою власть над интеллигенцией, так постепенно стала терять свои недавно монопольные позиции в еврейской массе еврейская религия. Порой была сильна сентиментальная идеализация местечка с его патриархальным укладом, теплилось почтительное отношение к традиции религиозной обрядности, но уже упадок самого местечка, уступавшего свое место городу, наносил непоправимый удар старому быту. Многие десятки ешиботников, всю свою юность отдавших изучению Торы и Талмуда, постепенно втягивались в оборот живой, еврейской, светской, секуляризированной жизни. Как мотыльки на огне, они обжигали свои крылья на светской науке, становились экстернами, шли в учителя талмуд-тор, шли в революционеры. Новые кадры евреев-революционеров обнаружили не малую чуткость к этим новым веяниям и вербовали прозелитов путем прокламаций даже на древнееврейском языке.

К этому времени и родной язык народной массы, идиш, уже освобождался из пеленок. В 90-х г.г. рухнули стены гетто во многих поселениях России, Литвы и Польши. Падал авторитет раввината и синагоги. Идея секуляризации культуры и школы пробивала себе дорогу и завоевывала признание. Идея солидарности с лучшими стремлениями русского освободительного движения и общечеловеческого прогресса захватывала молодежь, интеллигенцию, передовых рабочих. Еврейские рабочие, занятые в ремесленных мастерских тяжким трудом до 16—18 часов в сутки, — переплавляли мечту о мессианстве своих дедов и прадедов в новое мессианство — в мечту о социализме. Они были максималистами в своих стремлениях, не знали границ возможного и не владели чувством меры. Но ведь и их предки в духовной области также не знали реальности и витали в небесах. Чего же можно было требовать от юных, неискушенных опытом, идеально настроенных внуков?

Если не ограничиться уловлением и перечислением этих отдельных черт из жизни русского еврейства, а попытаться обобщить процесс, обозначившийся в 90-х годах, то надо будет при-

знать: мы присутствовали при грандиозной картине преобразования аморфной еврейской народной массы в *нацию*. Ортодоксально-религиозные евреи, всегда мыслившие коллектив еврейства, как «теократию», оставались неподвижны, игнорируя происходящие глубокие изменения. Евреи — не нация, евреи — религия, — твердили они, — так было, так будет! Интересно отметить, что им в этом отношении вторили их антиподы — ассимиляторы разных лагерей; в сущности — евреи — это религия, говорили они, но прибавляли: когда народ станет культурен, приобщится к русскому языку и культуре, и это приобщение убьет в нем такой пережиток средневековья, как приверженность к религии, — тогда осуществится идеал ассимиляции, «растворения», «слияния», и тем самым, с исчезновением евреев исчезнет и антисемитизм.

Ссылаясь на европейские авторитеты, последние могикане ассимиляции только пожимали плечами по адресу носителей идей еврейского Ренессанса. С их точки зрения, было невозможно серьезно говорить об еврействе, как нации, раз у еврейства отсутствуют необходимые атрибуты национальности: нет территории и нет национального языка. Древнееврейский язык мертв, как латынь, а идиш, — кто может всерьез говорить о «жаргоне»?..

В начале 90-х г.г., в «Литовском Иерусалиме», в Вильне, под влиянием нарождения первых русских марксистов и громкой славы германской социал-демократии, возникли кружки еврейских социал-демократов, мечтавших о создании в России еврейской рабочей партии. Им самим было еще далеко не ясно, что они несут в еврейскую трудовую среду идею еврейского национализма. Напротив, в них был силен дух космополитической, интернациональной социалистической солидарности. Но они искали путей, которые сделали бы им близкими еврейских ремесленников и рабочих и открыли бы им доступ к сердцу еврейской массы. Тут встала для еврейских социалистов во весь рост задача — нести в массы начатки просвещения и эта задача упиралась в вопрос об языке. В высшей степени показательно, что находившийся в виленской ссылке, совершенно ассимилированный петербургский студент Юлий Цедербаум (внук издателя «Гамелица») пришел к выводу, что пропаганду и агитацию еврейские социалисты «должны приспособить к массе, т. е. сделать их более еврейскими» и что «приблизилось время, когда надо создать еврейскую рабочую организацию, которая явилась бы руководительницей и воспитательницей еврейского проле-

тариата в борьбе за экономическое, гражданское и политическое освобождение» (из доклада Ю. Цедербаума, будущего Мартова, прочитанного в 1895 г. и изданного впоследствии под названием «Поворотный пункт в еврейском рабочем движении»).

Но приблизить пропаганду к массам означало вести ее на идиш. Встреченная снизу волной сочувствия, идея нести культуру в народ на его языке, быстро привилась. Возникла сеть так наз. жаргонных комитетов. Появились первые брошюры на идиш. Пионеры еврейского рабочего движения поставили нелегальную типографию и стали издавать первый нелегальный орган в России на идиш «Арбейтер Штилю». Одновременно охваченная симпатией к еврейскому рабочему движению группа талантливых еврейских беллетристов — И. Л. Перец, Давид Пинский и другие стала выпускать издания, предназначенные для народных масс.

В 1897 году возникла первая политическая партия в русском еврействе — Бунд, Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в России, Польше и Литве. Эта организация, поставившая себе целью быть еврейским отрядом революционного и социалистического движения, была вынуждена вести нелегальное существование в глубоком подполье и естественно ставила ударение на общеполитические задачи. Но в то же время Бунд, органически связанный с еврейским рабочим и народной интеллигенцией, явился с первого дня своего существования национализирующим фактором еврейской жизни, — даже в ту пору, когда его национальная программа еще не была разработана, и его еврейские требования не кристаллизировались, а руководители его чурались национализма, как проказы.

4

Той же осенью 1897 г., когда состоялся учредительный съезд нелегального Бунда в Вильне, — в свободной Швейцарии, в Базеле был созван Теодором Герцлем первый всемирный конгресс сионистов, на котором присутствовали и русские сионисты. Там был заложен фундамент политического сионизма. Не подлежит сомнению, что в жизни русского еврейства сионизм был с самого начала национализирующим фактором. Достаточно констатировать тот факт, что широкие массы еврейства почти стихийно влеклись в лоно сионизма, игнорируя реальности и нисколько не считаясь с утопизмом сионистических планов, который усиленно подчеркивали критики. Ведь в те времена в основе сионизма еще больше, чем в еврейском социалистическом движе-

нии, доминировал элемент мессианизма, максимализма и волюнтаризма. То, что задача, поставленная новым движением, рассудку вопреки, наперекор стихиям, — стремилась к осуществлению *максимума* еврейских, упований, эта его сторона не отпугивала сторонников сионизма. Не отпугивал и упрек в утопизме, так как сторонники сионизма придерживались слов Герцля, — что стоит только сильно захотеть, и самая невероятная утопия превратится в факт действительности.

Сионизму удалось завербовать симпатии самых разнообразных слоев народа: интеллигенцию, питавшую особый интерес к языку Библии и его литературе, далеко стоящую от русской политики и общественности и скептически относящуюся к революции; рабочих, не захваченных марксистским поветрием в России; раввинов и ортодоксальных евреев, на путях сионизма открывших некий синтез синагоги и общественности; среднюю и мелкую буржуазию, уже вырвавшуюся из-под монопольной власти религиозной обрядности и томившуюся по новому и смутному идеалу, который однако не связан с риском быть замешанным в опасные дела русской политической борьбы. Ведь в одном из уставов русских сионистов (Гродно, 1902 г.) мы читаем: «Союз сионистов и его органы не занимаются общей политикой, ни внутренней, ни внешней». Таков был облик сионизма в начале 20-го века до 1905 года.

Пытаясь понять явление сионизма под углом зрения интересов и судьбы русских евреев, — нельзя забывать, что в этот первоначальный период, когда в русском еврействе шел процесс роста национального самосознания, он подстегивался главным образом идеей борьбы за равноправие, за гражданские и национальные права еврейского коллектива в России. Разнообразные формы самоорганизации, самодеятельности и самопомощи еврейства, выражавшиеся в политике «малых дел», имевших повседневное практическое значение, все виды еврейской филантропии, без которой немыслимо было существование десятков, даже сотен лечебных пунктов, амбулаторий, дешевых столовых, ссудных касс, богаделен, детских приютов, — этой рассыпанной храмины еврейской общины, для которой не было ни легального статута и очень мало лазеек в законе, — все они упирались в перспективу освобождения России и достижения евреями достойных условий существования.

Было бы неправильно сказать, что в этой внутренней работе, шедшей в еврействе, не принимали энергичное участие си-

онисты. Напротив, сионисты, как и другие, были активными строителями всех форм еврейской общественной жизни. Но весь их подход к работе, — точнее сказать, — все отношение их к русскому еврейству и его перспективам было внутренне порочным. Логика положения, острая нужда каждого дня толкала их к участию во всей работе, но они относились к ней с недоверием, так как заранее считали ее непрочной. Их интересовала другая тема — о будущем, и будущее это рисовалось им на идиллических берегах Иордана, а не Днепра или Немана. Как выразился один из ярких представителей русского сионизма, Вл. Жаботинский, сионисты не могут не интересоваться условиями жизни евреев в России, так как даже постояльцы в заезжем дворе заинтересованы в том, чтобы он содержался в чистоте и порядке. И когда сионисты говорили свое «да» русскому еврейству и его борьбе за лучшее будущее в России — то делали это как бы против воли, нехотя, со скепсисом и пессимизмом, которые парализовали весь пафос их участия в общем деле. Даже вкладываясь в борьбу за равноправие, многие из них склонны были считать, что своим участием в освободительном движении евреи таскают каштаны из огня для других, забывая о еврействе, возрождение которого может быть достигнуто никак не на местах постоянного жительства евреев, но на Сионских высотах.

Характерно для психологии сионистов, что отец «духовного сионизма» Ахад-Гаам (О. Гинцберг), стремившийся в Палестине создать только духовный центр и, в противоположность политическим сионистам, считавший, что даже при создании еврейского государства большинство еврейского народа останется в голусе, и, следовательно, оно живейшим образом заинтересовано в политическом режиме, в экономических и социальных условиях страны, где оно живет, — даже Ахад-Гаам активно не участвовал в борьбе за еврейские правовые позиции в России.

Одной из проблем, интересовавших сионистов, был вопрос о народной школе на иврит. Среди сторонников сионизма пропаганда иврита — как один из способов подготовки к будущему еврейскому государству, — имела успех. Но, конечно, вытеснить идиш, как язык, на котором шел процесс культурного роста масс народа в России, или русский язык, за которым стояли русское государство и русское общество и мощная культура иврите не могло удаться. Это была утопическая задача, в русских условиях заранее битая. И поэтому нет ничего удивительного,

что школа, газета или журнал на иврит могли удовлетворять культурные потребности узкого круга любителей и ценителей древнееврейского языка, — но не удовлетворяли даже демократические элементы в самом сионизме, не говоря уж о поалэйцион или сионистах-социалистах. На 5-ом конгрессе под руководством Х. Вейцмана и Л. Моцкина возникла «демократическая фракция» в сионизме, ратовавшая за широкую программу культурной работы, направленной к подъему национального самосознания.

Чтобы стать серьезным общественным фактором в русском еврействе, наиболее народным течениям в сионизме пришлось в своей пропаганде и агитации перейти на идиш. От этого приближения к народу возникла не только все большая связь рабочего и демократического сионизма с нуждами и требованиями борьбы за равноправие, но и общеполитическая радикализация этих сионистических групп. В результате, недреманное око полицейского государства, если не благоволившего к сионизму, то благосклонно расценивавшего его «нейтралитет» в политике и отталкивание от революции, резко переменило свою тактику: оно почувствовало и в сионизме, как и в других общественных движениях, «еврейскую опасность» для устойчивости и прочности монархии и империи.

5

Для поколения еврейских деятелей, пришедших в начале 20-го века на смену деятелям эпохи 80-х и 90-х годов, пережившим погромы, Временные правила 1882 г., выселение из Москвы и т. д., решающим моментом для их национального самосознания явились Кишиневский, а затем последовавший за ним Гомельский погромы, вызвавшие новую волну массовой эмиграции евреев. Мысль о том, что в формулировке национальных требований, в которых заинтересовано русское еврейство, дело обстоит не вполне благополучно, была тогда у всех наличных группировок еврейства. Бунд, например, который на своем 4-ом съезде (в 1901 году) счел нужным высказаться в резолюции против «раздувания национального чувства, ведущего к шовинизму», одновременно заявил, что «понятие «национальность» применимо и к еврейскому народу». Бунд опубликовал свой первый вариант национальной программы, по которой будущая свободная Россия должна быть «федерацией национальностей с полной национальной автономией каждой из них, независимо от обитаемой

ею территории».[6] Как раз в 1901 г. Дубнов в «Восходе» опубликовал 4-ое из «Писем о старом и новом еврействе», в котором формулировал свою идею культурно-исторической самоуправляющейся нации и высказался в пользу создания секуляризированной еврейской общины, куда входят и религиозные, и нерелигиозные элементы, которые объединяются в союз общин и затем во всемирный союз еврейских общин. Эти поиски национальной программы усилились в различных кругах русского еврейства после погромов 1903-го и следующих годов.

Если Кишинев, взволновавший весь еврейский мир (и не только еврейский), оказался исходным пунктом и чрезвычайно стимулировал развитие национальных еврейских требований, то Гомель вписал новую страницу в современную еврейскую историю фактом создания еврейской самообороны, которая оказала сопротивление. Самооборона была создана еврейской молодежью и рабочими, организованными Бундом, рабочими-сионистами и др. Эти настроения готовности отстоять свою национальную честь и создавать повсеместно отряды самообороны против громил передавались всей еврейской общественности. Характерна в этом отношении, что один из призывов к самообороне был написан на иврит Ахад-Гаамом и распространялся в сионистских и религиозных кругах.

Но зимой 1903—04 года уже явно предчувствовалась близость революции, и вся обстановка чрезвычайно политизировалась. Рабочие забастовки, крестьянские беспорядки, студенческие волнения минировали почву, — особенно, когда в разгар неудачной войны с Японией был убит террористами Плеве, в котором и еврейство видело одного из своих самых упорных ненавистников, К этому времени революционное движение и в еврейской среде поднялось с большой силой: состоялись первые демонстрации на улицах городов, в театрах, нелегальные собрания, привлекавшие порой в пригородных местах тысячи рабочих, экономические забастовки, перераставшие в политические, жестоко подавляемые полицией. Политическое оживление охватило все круги еврейского общества, причем следует отметить, что многие выдающиеся еврейские деятели, даже нацио-

[6] Марк Либер (М. И. Гольдман), тогда 20-летний юноша, в горячей речи убеждая съезд принять эту резолюцию, говорил: «Мы были до сих пор в большой мере космополитами. Мы должны стать национальными. Не следует бояться этого слова. Национальное не значит националистическое».

нально настроенные, входили в общероссийские организации, как, например, в нелегальный «Союз Освобождения» (организация, связанная с именами П. Б. Струве, П. Н. Милюкова и Е. Д. Кусковой).

По внутриеврейской линии в эту пору играли крупную общественную роль, с одной стороны, русско-еврейский журнал «Восход», еще с 80-х годов бывший одной из трибун борьбы за равноправие, и — с другой стороны, идишистский «Фрайнд», возникший в 1903 г. в Петербурге, под редакцией С. М. Гинзбурга. Оба эти издания пытались, не всегда с успехом, вести свою работу на началах коалиции еврейских демократических деятелей с сионистами. Однако, по-видимому, в широких кругах еще не настал момент ни для кристаллизации и оформления еврейских партий, ни для радикального политического размежевания. Не социалистические, буржуазно-демократические элементы в русском еврействе ждали своего часа, — как, впрочем, ждала его вся охваченная освободительными стремлениями Россия.

К этому времени активные круги русского еврейства объединяло сознание, что еврейские требования не могут замыкаться областью гражданских прав, но что еврейский коллектив должен с той же настойчивостью бороться и за свои национальные права. Эта мысль получала все большее .признание в русском еврействе, нанося последний удар идеологии ассимиляции и порывая с теми смутными космополитическими концепциями, которые задержались в воззрениях отдельных группировок (в Бунде, например, были довольно сильны «нейтралистские предрассудки» — дефетизм в отношении еврейского будущего и отталкивание от идеи «мировой еврейской нации»). Устоять перед лицом роста национальных настроений было настолько трудно, что, как сообщает один из идеологов Бунда, Вл. Медем, «зимой 1904 года в банкетную эпоху Ц. К. Бунда счел себя вынужденным, совершая формальное нарушение съездовской резолюции, бросить лозунг национальной автономии в повседневную агитацию». У сионистов еще до того произошли внутренние сдвиги (в связи с проектом Уганды, внесенным Герцлем на 6-ой конгресс), и от них отпочковалось территориалистское крыло. В своей дальнейшей эволюции территориалисты посвятили себя целиком эмиграционной проблеме, и на этом пути — на 7-ом конгрессе — порвали с сионистами, с их идеологией и организацией. Но и от поалэй-цион откололось течение, объединившееся «с группировкой «Возрождения» (сеймовцев) и придерживавшееся в национальной программе концепции, близкой к построениям

Дубнова, отстаивавшей широко развернутую платформу автономизма. В течение революции 1905 года и последующих лет происходило дальнейшее оформление национальных программ еврейских группировок — социалистического и буржуазно-демократического сектора.

6

И в несоциалистическом секторе еврейской общественности эпоха первой революции, охватывавшей 1905—1907 годы, отразилась созданием на довольно широком фронте политических партий и групп, в течение этих лет выступивших со своими национальными программами. Банкетная кампания в эпоху «политической весны» 1904—05 г.г. заложила основы политической коалиции нескольких партий, которая вылилась в созыве ряда съездов еврейских деятелей и создала «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России». В него входила группировка, впоследствии самоопределившаяся под названием Еврейской Народной Группы (будущие еврейские кадеты во главе с М. М. Винавером), Народная Партия (Фолькспартей), связанная идеологически с С. М. Дубновым и системой его воззрений в национальном вопросе, и сионисты.

Союз полноправия (или «достиженцы», как их называли в еврейской публицистике) провел четыре съезда — в марте и ноябре 1905 г., в феврале и мае 1906 года. Союз полноправия стремился «к осуществлению в полной мере гражданских, политических и национальных прав еврейского народа в России». Пункт о национальных правах формулировал положение о «свободе национально-культурного самоопределения, выражавшейся в самой широкой автономии общин», свободе языка и школьного преподавания. Для установления основ национального самоопределения и принципов внутренней организации еврейства Союз прокламировал идею созыва Всероссийского еврейского Национального Собрания на началах всеобщего и т. д. избирательного права. В связи с предстоящими выборами в Первую Государственную Думу, Союз высказался за то, чтобы в Думе депутаты-евреи «образовали еврейскую группу для совместных действий по всем вопросам еврейского полноправия... Члены этой группы не связаны принудительной дисциплиной». Эта резолютивная часть постановления отвергала распространенную в сионистских кругах мысль о том, что депутаты-евреи должны образовать самостоятельную фракцию, связанную дисциплиной.

Когда после роспуска Первой Думы Союз стал подготовлять свою избирательную кампанию во Вторую Гос. Думу, возник конфликт с партийными тенденциями, проявленными участниками коалиции — сионистами. Последние под влиянием бурных событий 1905 года, взбудораживших широкие круги еврейства, прошли через знаменательную эволюцию: на своем съезде в ноябре 1906 г. в Гельсингфорсе русские сионисты приняли свою так называемую Gegenwartsprogramm, т. е. независимо от своих конечных целей образования еврейского государства, они признали необходимым не только повернуться лицом к повседневным нуждам и требованиям русского еврейства, но и вложиться вплотную в его политическую и общественную борьбу. Эта новая позиция русских сионистов, занятая ими под влиянием «молодых» (И. Гринбаума, В. Жаботинского и др.) побудила их проявить себя в новой роли: в качестве самостоятельной политической партии в русском еврействе.

Российская Сионистская Организация, — гласила новая программа, — «санкционирует присоединение сионистов к освободительному движению... и считает необходимым объединение российского еврейства на началах признания еврейской национальности и законно утвержденного самоуправления во всех делах еврейского национального быта». Сионисты поддержали также лозунг созыва Всероссийского Еврейского Национального Собрания и признали «права национального (иврит) и разговорного (идиш) языков в школе, суде и публичной жизни». Функции национального самоуправления выполняются общинными советами на местах и всероссийскими съездами общин.

Решение сионистов выступить под партийным знаменем в избирательной кампании повело к взрыву в Союзе Полноправия и распаду его, за которым последовало оформление Еврейской Народной Группы. В декабре 1906 г., за подписями М. Винавера, Г. Слиозберга, М. Кулишера, Л. Штернберга и других, было опубликовано воззвание, направленное против сионистов и Фолькспартей. А в феврале 1907 г. состоялся учредительный съезд *Еврейской Народной Группы* и была выработана программа, с которой новая партия, (состоявшая преимущественно из еврейских кадетов) выступила перед общественностью. Надо подчеркнуть, что в отличие от других партий сторонники Винавера отличались умеренностью в своих требованиях. Они, конечно, были за преобразование общин, и считали, что «в сферу компетенции общины входят заботы о школах, благотворитель-

ности и учреждениях, вызываемых религиозными потребностями». Но они не поддерживали популярных тогда лозунгов — создания Союза еврейских общин и созыва Еврейского Национального Собрания. Еврейская Народная Группа проявила большую сдержанность в вопросе об языках, в котором Группа заняла позицию непредрешенчества, высказываясь в общей форме за «право свободного выбора языка преподавания».

Несколько ранее (в конце 1906 г.) организовалась *Еврейская Народная Партия*, стоявшая на почве идей духовного или культурного национализма, формулированных С. М. Дубновым. Еврейская Народная Партия в своей программе требовала для всех народностей России «свободы национального самоопределения», причем «права национальной автономии должны быть предоставлены... и национальным меньшинствам». Парламент должен «гарантировать для национального меньшинства полную неприкосновенность его гражданских, политических и национальных прав». Программа мыслит национальную автономию евреев, как общинную организацию, единицами которой являются национальные общины, объединенные в «Союз еврейских общин, являющийся представителем объединенного российского еврейства». Закон гарантирует «право евреев употреблять свой язык повсеместно в публичной жизни» и «равноправие еврейского языка среди других языков». Начальное образование евреев находится в ведении общин, в компетенцию которых входит обслуживание самых разнообразных еврейских нужд. Еврейская Народная Партия высказывалась за созыв Еврейского Национального Учредительного Собрания, которое устанавливает формы автономии.

Особое место среди группировок занимала *Еврейская Демократическая Группа* (Л. Брамсон, А. Браудо, Г. Ландау, Я. Фрумкин и др.) возникшая еще в 1904 г. и устроившая свои съезды в 1905 г. в Петербурге и Вильно. Демократическая Группа выдвинулась в первый период кампанией по сбору подписей под «обращением» к русскому обществу, в котором в яркой форме изображалось положение евреев в России. В противоположность Еврейской Народной Группе, тесно связанной с кадетами, деятели Демократической Группы принадлежали к более радикальному народническому сектору русской общественности. В Государственной Думе и в обществе они шли рука об руку с трудовиками, — что на следующих этапах развития приводило к весьма острым расхождениям с Народной Группой по вопросу о методах борьбы за равноправие. Несмотря на это, время от времени

удавалось налаживать совместные выступления, и создавать для борьбы за равноправие и противодействия антисемитизму коалицию всех политических еврейских партий и группировок.

7

В среде социалистических партий в эпоху первой революции также наблюдалась кристаллизация национальных программ. В Бунде на 5-ом съезде (1903 г.) еще не было единства, и в виду разделения голосов пополам, было решено не выносить никаких резолюций. Но зимой 1904 г., как мы выше указывали, Ц. К. партии, учитывая происшедшее самоопределение в бундовских рядах, выдвинул лозунг культурно-национальной автономии, а осенью 1905 года на 6-ом съезде Бунд выступил со своей развернутой национальной программой, которая, помимо требования гражданского и политического равноправия и «обеспечения законом возможности для еврейского населения употребления родного языка в сношениях с судом, с государственными учреждениями и органами местного и областного самоуправления», дала формулировку культурно-национальной автономии в следующих выражениях: «Изъятие из ведения государства и органов местного и областного самоуправлений функций, связанных с вопросами Культуры (народное образование и пр.) и передача их нации в лице особых учреждений, — местных и центральных, — избираемых ее членами на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования». (Идеологами и популяризаторами национальных требований Бунда были Вл. Медем, В. Косовский и Р. Абрамович).

Стремление Бунда, — продиктованное опасением, как бы не ослабить классового самосознания еврейских рабочих и ремесленников, — ограничить компетенцию еврейской автономии исключительно кругом вопросов культуры и просвещения — не вызывало ни понимания, ни сочувствия у других партий и групп. И Фолькспартей, и Демократическая Группа, и поалэйционисты, и сеймовцы — все были противниками такого самоограничения и, в противовес Бунду, отстаивали национальную автономию, в ведение которой входили бы все стороны еврейской жизни и быта: социально-экономические, здравоохранение и пр. Еврейская Социалистическая Рабочая Партия (сеймовцы) в своем проекте программы высказывалась в том смысле, что «каждая национальность в совокупности всех частей, рассеянных в различных областях и пунктах государства, образует вме-

сте один национальный союз, который заведует всеми своими национальными делами совершенно автономно». Считая единицей автономии — общину, партия предусматривает образование областных союзов общин и созыв на основе всеобщего и т. д. избирательного права Еврейского Национального Сейма; как «верховного органа еврейского национального самоуправления и представителя объединенного российского еврейства». Партия высказывается также за созыв Национального Учредительного Собрания, за принцип равноправия языков и др. (Идеологами сеймовцев были М. Б. Ратнер, Бен-Адир (А. Розин), М. Зильберфарб и др. Партия издавала журнал «Возрождение», 2 сборника «Серп», еженедельник «Фольксштиме» в Вильне).

По инициативе сеймовцев в начале 1907 г. была созвана конференция национальных социалистических партий, на которой, однако, из еврейских партий только сеймовцы и участвовали (Х. Житловский и др.).

Что касается других еврейских социалистических партий, то и сионисты-социалисты, и поалэй-цион, хотя и внесли свою ноту в выработку национальных требований русского еврейства, но, в сущности, не дали сколько-нибудь развернутых национальных программ. Сионистско-Социалистическая Рабочая Партия, возникшая в 1904 г., в первый период была представлена в сионистском конгрессе, но после 7-го конгресса в Базеле порвала с палестинцами, а в 1907 г. слилась с Еврейской Территориалистической Рабочей партией.[7] (Лидерами сионистов-социалистов были экономист Я. Д. Лещинский, В. Лацкий-Бартольди и др. Теоретической основой партийной деятельности была признана работа Я. Д. Лещинского «Еврейский рабочий в России». Сионисты-социалисты издавали журнал «Дер Вег» и др.). В резолюции первого съезда партии в феврале 1906 года, посвященной национальным требованиям, мы читаем: «Еврейский пролетариат в странах диаспоры может удовлетворять только те из своих национальных нужд, которые состоят в получении воспитания на своем родном языке. Учреждения же вообще необходимые для удовлетворения национальных потребностей, не могут в еврейской действительности получить фактическую принудительную силу». Сионисты-социалисты подчеркивали тре-

[7] Территориалисты (ЕТРП) на съезде весной 1905 г. постановили: «Никакие политические изменения в России не улучшат настолько нашего положения, чтобы это ослабило необходимость в самостоятельной территории».

бование преподавания на родном языке и высказывались за школьные еврейские союзы, но в то же время отвергали национальную автономию, как «реакционную утопию буржуазно-ассимиляторских и реакционно-националистических элементов».

Поалэй-цион, возникшие из рассеянных по России кружков еще в 1900—1902 г.г., в общем оставались целиком в лоне сионистского мировоззрения, хотя впоследствии присоединились к требованию национальной автономии. В проекте программы 1906 г. мы читаем: «Партия выставляет требование национально-политической автономии со всеобъемлющей политической, культурной и финансовой компетенцией во всех внутренних национальных делах... Партия, однако, подчеркивает, что до реализации территориальной автономии никакие национальные права в диаспоре не дают решения еврейского вопроса». (Лидерами поалэй-цион были Б. Ворохов, Бен-Цви и др. Поалэй-ционисты выпускали «Еврейскую Рабочую Хронику» в Полтаве, «Молот» в Симферополе и ряд изданий на идиш).

Таким образом, в годы общественного подъема в России все политические партии русского еврейства выдвинули свои программные требования. Всех почти объединяли шесть следующих пунктов: 1. отказ от ориентации на ассимиляцию, как на идеологию и как на перспективу будущего для русского еврейства; 2. наряду с борьбой за равноправие и политические права, русское еврейство осознало себя нацией, которая должна быть обеспечена известной суммой национальных прав; 3. конструктивной идеей, суммировавшей все национальные требования, явилась еврейская автономия с общиной в качестве основной ячейки; 4. не все политические партии принимали принцип секуляризированной общины, — но ни одна в то же время не настаивала на сохранении чисто-религиозной общины; 5. принцип демократии, выборности, равенства, — в соответствии с духом времени, признавался всеми программами; 6. права родного языка (идиш) в школе, в публичной жизни получили признание в широких кругах еврейской общественности, — даже в кругах сионистов, настаивавших на равноправии иврит, и среди тех умеренных групп, которые ограничивались формулой «свободы выбора языка преподавания».

8

После подъема 1905—07 г.г. русское еврейство оказалось в новой политической обстановке. Самый факт существования

Государственной Думы, развитие большой политической печати и наличие свобод хотя бы в условиях призрачного конституционализма создали совершенно другие формы общественной жизни в стране. В революционной среде еще шли дискуссии: закончилась ли революция, не переживаем ли мы полосу лишь краткой реакции, не следует ли ожидать в скорости новой волны, которая добьет монархию? Но страна шла своим путем экономического и культурного развития, крестьянство укрепляло свои позиции, развивалось рабочее законодательство, намечалось проведение всеобщего образования...

Но когда русское еврейство подводило свои национальные итоги, баланс был малоутешительный. После октябрьской забастовки 1905 г. и вырванного ею манифеста о свободах и созыва законодательной Думы, власть на местах и черная сотня реваншировались своим обычным способом: в 150 пунктах, начиная с 18 октября 1905 г., как смерч, пронеслись погромы против интеллигенции и против евреев. Во время 1-ой Государственной Думы были погромы в Белостоке и в Седлеце. После разгона 1-ой Думы депутаты-евреи Герценштейн и Иоллос были убиты черной сотней. Несмотря на активную поддержку, которую еврейским требованиям оказало освободительное движение и все либеральные и радикальные группировки, — система еврейского бесправия не пошатнулась, черта оседлости осталась неприкосновенной, — а с ней вместе продолжали действовать и мытарства правожительства, и процентная норма, и органически связанный с ними полицейский произвол, разнуздываемый антисемитским курсом правительства. Вновь усилился поток эмигрантов в Америку.

Отпор антисемитизму становился одним из главных лозунгов всего прогрессивного лагеря и крупнейших органов русской печати. Но в годы 1907—1914 в России если не откровенно антисемитское, то «асемитское» поветрие порой охватывало и некоторых либералов среди русской интеллигенции, а разочарование в максималистских тенденциях первой русской революции давало иным повод возлагать ответственность за них на бросавшееся в глаза участие евреев в революции. Растущий при Дворе, администрации и отчасти в обществе антисемитизм до крайней степени деморализовал политический режим, свою последнюю ставку поставивший на гнусной, заведомо крапленой карте процесса о ритуальном убийстве в Киеве. Мы имеем в виду дело Бейлиса в 1911—13 г.г. Но эта карта была бита: русские присяжные заседатели, оправдав

Бейлиса, спасли честь русского правосудия от покушений царской юстиции.

Предчувствие новых испытаний нависло в эту пору и над Россией, и над судьбой русского еврейства. Но именно в эти годы между первой революцией и первой мировой войной обнаружились огромные подспудные силы, созревшие в еврейском национальном коллективе России. Если еврейство оказалось бессильно вовне перед лицом мощной и враждебной государственной машины, если накопившаяся национальная энергия не могла получить своего выражения вовне, в политической сфере, то внутри она накопила крупные резервы общественной инициативы в самых разнообразных областях, пытаясь использовать все наличные легальные возможности, все мыслимые щели в законодательстве и в административной практике, чтобы укрепить свои позиции.

На эти годы падает оживление старых еврейских общественных организаций. Общество распространения просвещения (ОПЕ) открыло ряд отделений в провинции, расширило сеть своих школ и библиотек, боролось за введение еврейских предметов и языков в школе. Развивало свою деятельность Общество Ремесленного Труда (ОРТ), специализировавшееся в области содействия ремеслу, организации сбыта ремесленных изделий, профессионально-технического образования. Создались новые организации и общества, — местные, и во всероссийском масштабе, как Общество по охране здоровья еврейского населения (ОЗЕ), со своими амбулаториями, учреждениями в помощь детям и матерям, и детскими колониями и площадками. Еврейские сельскохозяйственные колонии, созданные на средства Еврейского Колонизационного Общества (ЕКО), стали на собственные ноги, а целая сеть в несколько сот ссудосберегательных товариществ, кредитных и промысловых кооперативов, несла существенную помощь еврейскому ремеслу и мелкой торговле. На состоявшемся в 1911 году Всероссийском ремесленном съезде была представлена еврейская делегация с мест, руководимая ОРТ'ом.

Также в эти годы возникло и приобрело большую популярность Еврейское Литературное Общество с 55 отделениями на местах, которое устраивало постоянные доклады на разнообразные еврейские темы, о Бялике и Черниховском, о Менделе, Шолом-Алейхеме и Переце, о разных течениях в сионизме, и о вечном, вызывавшем непрекращающиеся споры вопросе о языках (иврит и идиш). Возникли и привлекли к себе всеобщее внимание другие общественные и культурные начинания, как Общест-

во еврейской народной музыки, организации, пропагандировавшие литературное и народное творчество, и работы по фольклору, связанные с именем С. Ан-ского.

Не следует упускать из виду значение, которое в эти годы приобрела печать на идиш. В 1905—907 г.г. процветала легальная ежедневная социалистическая печать, как «Фольксцайтунг» Бунда в Вильне (которому после большого перерыва только в 1912—13 г.г. удалось вновь поставить свой орган «Ди Цайт» в Петербурге). Свои органы выпускали и сионисты-социалисты, и поалэй-цион, а в Варшаву перебрался из Петербурга демократический «Фрайнд». Газета «Гайнт», а затем «Момент» и некоторые другие газеты, возникшие в Варшаве, достигли массового распространения, до того неведомого для органов на идиш. Продолжали выходить и русско-еврейские органы печати («Новый Восход», «Еврейский Мир», сионистический «Рассвет» и др.), но они не могли, разумеется, конкурировать с большой ежедневной печатью, обслуживая главным образом русско-еврейские интеллигентские круги.

Особое место в этот период занимал вопрос о легализации еврейской общины и связанный с ним вопрос об ее преобразовании. В сущности, с тех пор, как правительство еще во времена Николая I совершенно обезличило, а затем скомпрометировало еврейский «кагал», — никакой легальной общинной организацией русское еврейство не располагало. В каждом городе вели изолированное существование разнообразные благотворительные и аналогичные организации, но ни о каком легальном и сколько-нибудь прочном объединении их и централизации не могло быть и речи. И эти отдельные общества, вынужденные прибегать к частным пожертвованиям, хронически страдали от отсутствия средств. Даже архаические сборы, как коробочный и свечной, в самой ничтожной мере покрывавшие еврейские нужды (талмуд-торы и некоторые другие статьи), были не всегда доступны для еврейских учреждений.

Вопрос о легализации общины по принципиальным и практическим соображениям приобретал актуальное значение. Евреи-депутаты в 3-ей Государственной Думе (Фридман и Нисселович) готовились к внесению законопроектов по этому вопросу, а в 1909 г. в Ковне был созван еврейский съезд, на котором было представлено 46 городов с 120 делегатами и где гвоздем оказался вопрос о легализации общины. Докладчиком от имени инициаторов съезда (фактически Еврейской Народной Группы) — выступил Г. Б. Слиозберг, который высказался за религиозную об-

щину. Среди сторонников секуляризованной общины выступали, между прочим, представители Бунда, М. И. Либер-Гольдман (от Вильны) и Х. Я. Гельфанд-Литвак (от Риги), впервые активно выступавшие на общееврейской арене. (Вопрос об общине был поставлен Бундом в 1908 году в числе очередных вопросов своей деятельности). На съезде 1909 года было решено добиваться легализации общины, располагающей правом обложения всех своих членов. Съезд выбрал свой постоянный исполнительный орган, функции которого не ограничивались вопросом об общине. Но он недолго существовал и не пользовался влиянием. Гораздо большее значение имело созданное при евреях-депутатах 4-ой Государственной Думы «Политическое Бюро» на основе соглашения четырех еврейских партий (Еврейской Народной Группы, сионистов, Фолькспартей и Еврейской Демократической Группы). Политическое Бюро существовало до революции 1917 г. и особенно большую деятельность развивало в годы первой мировой войны.

9

Война вписала ряд новых трагических страниц в жизнь русского еврейства. Победы немецкого оружия привели к отрыву от России почти половины всего 6-миллионного национального коллектива, и в первую очередь еврейства Польши. Но независимо от этого; бедствия войны ударили с особой силой по еврейству: яростным взрывом антисемитизма на фронте, которым бездарное руководство армией пыталось воспользоваться, чтобы возложить свою вину на евреев, массовыми выселениями, наветами о шпионаже и государственной измене и т. д. В 1915 году беженцев и выселенцев на содержании еврейских комитетов помощи оказалось свыше 250 тысяч. Общественное возмущение действиями военного командования достигло такой степени, что даже Совет Министров, возглавляемый Горемыкиным, не раз писал в ставку о «необходимости отказаться от преследования еврейских масс и огульного обвинения в измене»...

Под ударами испытаний русское еврейство не поддалось панике и не впало в отчаяние. Оно пыталось мобилизовать сочувствие среди друзей в Государственной Думе, в печати, в русском обществе и само развило деятельность в области помощи. Перед лицом национальных бедствий русское еврейство оказалось способным объединить .на основе самодеятельности и самопо-

мощи все без исключения политические группировки. Еще в начале войны, в ноябре 1914 г. Политическое совещание при еврейских депутатах созвало обширный нелегальный съезд еврейских общин в Петербурге, на котором были только одиночки социалисты, а большинство принадлежало к буржуазно-демократическим течениям, представленным в Политическом Совещании. На этом съезде шли споры о том, следует ли борьбу за равноправие ориентировать на кадетов в Государственной Думе или на думскую и внедумскую деятельность трудовиков и социал-демократов (Л. М. Брамсон контра М. М. Винавер).

Но в дальнейшем ходе войны, в полосу чудовищных гонений, эти тактические споры потеряли свое прежнее значение, и все усилия были отданы делу национальной еврейской самообороны против обнаглевшего антисемитизма. Возникло общественное оживление вокруг новой центральной организации помощи ЕКОПО, создавшей при себе институт уполномоченных, куда вошли, главным образом, в качестве «третьего элемента» (если применить земский термин, охватывавший собой врачей, агрономов, статистиков, техников и пр.) представители еврейских социалистических и демократических групп. По этому же пути вовлечения деятелей нового призыва и демократизации своих органов пошли и другие общества, как, например, ОРТ, развивший широкую программу трудовой помощи беженцам-рабочим и ремесленникам. Совещания 1915—16 годов (при ОРТ'е, ОПЕ, ЕКОПО) имели также и общественно-политическое значение. Русское еврейство могло рассчитывать в послевоенной обстановке значительно укрепить свои правовые позиции.

Февральская Революция 1917 года, формально и фактически уравнявшая евреев в правах, отменившая все ограничения, создала условия, при которых впервые — после крушения трехсотлетней империи Романовых, — еврейский национальный коллектив мог найти ту форму автономии, которая наиболее соответствовала требованиям и стремлениям народа. Евреи приветствовали русскую демократическую революцию и приняли активное участие во всех свободных учреждениях, ею созданных. Еврейство готовилось также созвать Всероссийский Еврейский Съезд, частью успело провести выборы в демократические общины и т. д.

Но надежды, которые евреи связывали с революцией, не были осуществлены, — по тем же общим причинам, по которым революция обманула ожидания всех демократических слоев населения, как и надежды всех населяющих Россию народов. Ок-

тябрьский переворот после выхода России из мировой войны развязал гражданскую войну, которая сопровождалась «военным коммунизмом», хозяйственной разрухой, жестоким кровавым террором, — а специально для евреев, в виде дополнения, — погромами на. Украине и в Белоруссии, гибелью свыше 60 тысяч еврейских семей от руки белых армий, атаманских банд, украинских националистов, разорением, голодом и миллионной армией деклассированных.

За 40 лет коммунистической революции еврейство России перенесло столь много, что рассказ об этом никак не умещается в рамки настоящего очерка. Даже перед лицом чудовищной гибели миллионов евреев во вторую мировую войну от руки немецких наци, не теряет своего драматизма повесть о страданиях, выпавших на долю еврейского национального коллектива России под советской диктатурой. Но и здесь необходимо подчеркнуть, что в результате условий, в которые поставлены советские евреи, не только уничтожено все, что с таким трудом создавалось русскими евреями даже в худшие времена бесправия при старом режиме, не только растоптаны все надежды на расцвет общественной и национальной жизни в еврействе, но что насильственная ассимиляция в принудительном порядке, поставленная советской диктатурой в порядок дня еврейской жизни, — грозит денационализацией 2-х или 2-х с половиной миллионов евреев, уцелевших в России после второй мировой войны, а поднявший голову сверху и снизу советский антисемитизм осложняет эту перспективу новыми сверхсметными бедствиями.

ГЕРШОН СВЕТ

РУССКИЕ ЕВРЕИ В СИОНИЗМЕ И В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПАЛЕСТИНЫ И ИЗРАИЛЯ

Датой зарождения организованного палестинофильства в русском еврействе историки обычно считают осень 1884-го года, когда в прусской Силезии, в Катовице, состоялся первый съезд приверженцев палестинофильства. Что дата эта условна — свидетельствует тот факт, что первая партия так наз. «билуйцев», о которых речь будет ниже, прибыла в Палестину летом 1882-го года, т. е. за полтора года до Катовицкого съезда. Но и не с билуйцев начинается палестинофильское движение в русском еврействе. Если под палестинофильством понимать тесную духовную связь еврейства с исторической родиной, тоску по утерянной государственной самостоятельности и полной национальной жизни, а также фактическую связь с Палестиной, выражавшуюся в паломничестве, в регулярной помощи социальным учреждениям палестинского еврейства, в постоянном общении с раввинами и учеными авторитетами, проживающими там, — то палестинофильство такого рода в еврейском коллективе, проживавшем на русской земле, существовало издавна и никогда не прекращалось.

Связь эта веками поддерживалась через молитвы, в которых Иерусалим и Сион поминаются в утренней, полуденной и вечерней молитвах, и особенно часто в дни праздников; через религиозные бытовые традиции, в силу которых еврейство во всех странах рассеяния, праздновало 15-ый день месяца Шват, ибо этот день в Палестине считается днем «Нового Года для деревьев», постилось и читало «Эйхо» в девятый день месяца Ав, ибо в этот день по еврейскому календарю тысячелетия тому назад в Иерусалиме были разрушены и первый, и второй Храмы. Регулярная связь с Палестиной поддерживалась через «шадарим» («шлихей дерабаним», посланцев палестинских раввинов), приезжавших к еврейству России и Польши для сборов средств на ешиботы, дома призрения, больницы в Палестине.

Русь, как известно, стала христианской во второй половине 9-го века. Начиная с 10-го века, вплоть до большевистского периода, из России шло регулярное паломничество в Палестину. От популярного «Слова о хождении во Святую Землю» игумена Даниила, посетившего Палестину в начале 12-го века, до наших дней, создана огромная литература о путевых впечатлениях русских паломников. Среди них были великие князья, бояре, купцы, монахи, простой деревенский люд. Следы общения Руси с Палестиной сохранились в русских былинах, написанных в 16-ом веке. «Игры-сыгрыши» (он) ведет от Царьграда, а другие ведет от Иерусалима» — говорится в былине о Соловее Будимировиче. «Ен (он) игриво играл от Царяграда, другое играл от Иерусалима» — повторяется в былине о Добрыне Никитиче. «Заиграл Добрыня по умильному да по унывльному, заиграл он по еврейски» — читаем мы в одной из былин. В былине о Ставре Годиновиче сказано: «Величая князя с княгиней сверх того играл еврейский стих».

И. Берлин в интересной книге «Исторические судьбы еврейского народа на территории русского государства» (Петроград 1921 г. стр. 198) пишет, что «тяготение южнорусского еврейства к Палестине отмечено не только в литературе, но и *в живой деятельности:* в паломничестве в святую землю, в собирании денег не только в южной России, но и во всей Восточной Европе и передаче собранных сумм «наси» (род президента), резиденция которого находилась во Львове». В литературе тяготение к Палестине, — пишет И. Берлин, — было отмечено еще в киевскую пору в произведениях Моисея бен Якова из Киева.

Еврейско-русская историография знает двух Моисеев из России. Один Моисей, родом из Киева, талмудист, жил в 12-м веке. Сохранился ответ, посланный ему Самуилом бен Али, главой академии в Вавилонии. Другой Моисей — Моисей бен Яков известен в литературе под именем «Мошэ га-Гола» (Моше-изгнанник). Он жил во второй половине 15-го века и до первых десятилетий 16-го. Родился он на Литве в г. Шадове, умер в Крыму. Моисей га-Гола был ученым комментатором Библии, и его сочинения считаются старейшими из дошедших до нас трудов русских евреев.

Шадарим. Из обширной мемуарной литературы «шадарим», посланцев из Палестины к еврейству диаспоры для сборов денег (см. книгу А. Яари «Шелухэй Эрец Исраэл», Иерусалим, изд. «Моссад Кук») мы знаем о миссиях таких «шадарим» к евреям Руси в 18 столетии. Аарон бэн Ицхак провел на Руси и в Поль-

ше свыше трех лет (1785—1788) по поручению хасидского лидера Менахем-Менделя из Витебска, поселившегося в Палестине, в Тивериаде, в 1777 году, с целью превратить Палестину в центр хасидизма. Шломо Залман бэн реб Цви Гирш Коген, родом из Вильны, провел в Польше и на Руси пять лет (1780—1785). В 1787-м году ездил в Россию «шадар» Шмуэл Гройнэм Гакоген. Год спустя прибыл туда Цви Гирш Сегал, пробывший в России три года. В тот же период ездили в Россию Иоэл бэр Мошэ, который вновь был в 1801 году послан к русским евреям для сбора денег.

Иммиграция в Палестину хасидов и перушим. С первых дней зарождения хасидизма среди его идеологов и лидеров возник план организации мирового центра движения в Палестине. Идея связать хасидизм с Палестиной, — пишет историк хасидизма д-р С. Городецкий, — пустила глубокие корни как в хасидских массах, так и среди самих «цадиков». План этот получил реальное очертание с переездом в Палестину в 1774 году двух учеников Бешта, — Нахмана из Городенка и Менахем-Менделя из Премышлян вместе с другими хасидами из Галиции и Украины. Девять лет спустя переселились туда Мендель из Витебска, Авраам из Калисска и Израиль из Плоцка, и с ними свыше 300 хасидов.

Центр хасидского движения в России тогда находился в местечке польского воеводства Грудек-Городок. Поездка в Палестину знаменитого реб Нахмана из Брацлава, одной из самых ярких фигур в хасидском движении (он провел в Тивериаде зиму 1798—1799-го года), произвела большое впечатление на хасидские массы. Иммигрировали в Палестину Яков Шимшон, занимавший пост раввина в Славуте, Баре, Умани и Шепетовке. Авраам из Овруча, бывший раввином в Житомире, осел в Сафеде и стал там лидером хасидов, выходцев из Польши.

Массовая иммиграция хасидов побудила и их противников, сторонников Виленского Гаона («перушим») последовать этому примеру. Их целью было — создать центр борьбы с хасидизмом в Палестине. Сам Виленский Гаон, Илья, на старости лет тоже собирался побывать в Палестине, но доехав всего до Кенигсберга, внезапно изменил свое решение и вернулся в Вильно. Что было причиной — не вполне ясно. Полагают, что по пути Гаону стало известно, что в Тивериаде и Сафеде хасиды отлично организованы, в то время как его приверженцы составляют там меньшинство. В 1806-м году началась массовая иммиграция в Палестину «перушим». Среди них был Менахем-Мендель из

Шклова, ученик виленского Гаона, его друг Израиль из Шклова и др. Для оказания им материальной помощи был образован специальный комитет (ваад) в Вильне.

Халука. Следует сказать несколько слов о пресловутой халуке. Слово это означает — «распределение, деление». Речь идет о распределении между разными учреждениями — общественными, культурными, религиозными и т. п. — средств, собираемых регулярно для этой цели в еврейской диаспоре. По «Еврейской Энциклопедии», институт помощи палестинским учреждениям зародился еще в те времена, когда в Палестине существовали ученые академии, поддерживаемые на средства евреев диаспоры. Действительно (см. книгу С. Городецкого «Олей Сион», Тель-Авив) евреи Александрии, например, регулярно посылали средства на помощь палестинскому еврейству уже в эпоху Второго Храма.

Упомянутые Менахем-Мендель из Витебска и Авраам из Калисска, которые поселились в Палестине в качестве лидеров хасидизма, упорядочили халуку. По всем местечкам Литвы и России во главе сборов стал Шнеур Залман из Ляды, создатель направления в хасидизме, известного под именем «Хабад»; на Украине во главе халуки стояли Борух из Меджибожа и Леви Ицхок из Бердичева; о последнем циркулирует множество чудесных народных рассказов и легенд. На Украине, на Волыни, на Литве халука стала делом всенародным. Не богатые и не меценаты, а главным образом широкая масса хасидов наполняла кассу халуки. Металлическая кружка для сбора пожертвований «реб Меира баал нэс» («Меира чудотворца»), как ее называли в народе, имелась в 300000 домах у евреев Европы. Менахем-Мендель из Витебска посылал «мешулохим» (посланцев), а Авраам Гакоген Калисскер, глава хасидов в Тивериаде, ведал пропагандой; он был чем-то вроде теперешних специалистов по «паблик рилэйшнс» в «Юнайтед Джуиш Аппил».

Сохранилось воззвание от 1796-го года к еврейскому населению Польши — призыв жертвовать еженедельно на нужды живущих в Палестине. Воззвание имело огромный успех. Шнеур-Залмана из Ляды за эту деятельность обвинили в «сношениях с Турцией», чуть ли не в государственной измене.

В 1801 году Израиль Шкловский объехал Белоруссию и Литву с целью сбора денег для «перушим». Во второй половине 19-го века были образованы «колелим», прообраз «землячеств» в Америке. В 1878 году был создан «Ваад Гаколелим»,

центральный комитет, который рассылал «шелихим» по диаспоре.

Халуке уделяла много внимания еврейская печать того времени. Она имела немало отрицательных сторон: она поощряла паразитизм, безделье, попрошайничество среди тех, которые жили на общественный счет в Палестине. Но в актив халуки следует вписать то, что институт этот долгие годы служил связующим звеном между Палестиной и еврейством России, Украины, Подолии, Волыни, Галиции, Румынии.

Первый польский сионист. В «Пережитом» польско-еврейский историк Шимон Ашкенази приводит эпизод, характерный для иллюстрации тесной связи, существовавшей между русско-польским еврейством и Палестиной.

В 1821-м году — рассказывает проф. Ашкенази — перлюстрационный кабинет в Варшаве перехватил два письма из Турции. В этих письмах Соломон Плонский извещал своего зятя в Варшаве, что он благополучно прибыл в Палестину и просил выслать ему некоторую сумму денег на обратный путь. Ряд фраз еврейского (иврит) письма, написанного в цветистом, восточном стиле (например, «кто сеет со слезами — пожнет с радостью») почему-то показался подозрительным перлюстрационному кабинету в Варшаве, который переправил письма в канцелярию императорского комиссара, сенатора П. Н. Новосильцева. Тот приказал заготовить французский перевод писем и переслал его Вел. Кн. Константину Павловичу, которому содержание писем тоже показалось столь многозначительным, что он их, в конфиденциальной и секретной записке, послал императору Александру Первому.

Из уснащенной библейскими цитатами переписки набожного варшавского еврея со своим зятем, не в меру ретивые охранники вычитали тайную политическую интригу, «чрезвычайно серьезную, угрожающую безопасности государства, затрагивающую даже область великих злободневных вопросов всеобщей европейской политики». Польские и русские евреи — доносили они по начальству — затеяли тайный заговор с целью восстановить еврейское государство в Палестине при содействии падишаха, султана Махмуда Второго. Соломон Плонский, скрываясь под маской богомольного пилигрима, состоит, очевидно, одним из агентов тайного общества, имевшего свои разветвления как в Царстве Польском, так и в западных губерниях с центром в Вильно, и на юге России с центром в Одессе. Акты архива генерального штаба так и называются: «О еврее Соломоне Плон-

ском, совершившем путешествие в Иерусалим с целью содействия к восстановлению иудейского царства»...

Эта переписка имела для самого Плонского трагические последствия: по возвращении в декабре 1821-го года через Одессу в Варшаву, он был арестован, посажен в так наз. Брюлловский Дворец, где обыкновенно содержались самые важные преступники, и через короткое время там умер.

В захваченной у Плонского еврейской корреспонденции — сообщает Ашкинази — наряду с частными делами, оказалось несколько писем, которые проливают свет на тогдашнюю внутреннюю организацию евреев Польши в области филантропически-религиозной и в частности в отношении палестинского паломничества Руководители благотворительных братств и сборщики пожертвований для Святой земли, назначались от каждой еврейской общины. Польский раввин в Иерусалиме Менахем-Мендель Борухович через Плонского обращался к евреям в Царстве Польском с призывом собрать необходимые суммы для постройки в Иерусалиме синагоги, в которой богослужение будет совершаться по традиционному немецко-польскому обряду. Взывал он к ним от имени «святого града Иерусалима, который будет в скором времени восстановлен», и горячо просил их «быть сильными и отважными и вернуть короне ее давнюю святость». Цветистые и выспренние фразы, характерные для эпистолярного стиля эпохи, уснащенные цитатами из псалмов и пророков, сенатор Новосильцев в своем докладе воспринял, как доказательство того, что у евреев, «рассеянных между всеми народами, существует своего рода тайное правительство, состоящее из раввинов, сборщиков в пользу Св. Земли, старшин, городских раскладчиков» и т. д. К этим властям причисляются влиятельные евреи разных стран, которые, именуются «господами и князьями Израиля»... Они паломничают туда целыми массами, под влиянием религиозного чувства и т. д.

В Одессе — говорится в записке — 2000 евреев поддерживают постоянные письменные сношения с вспомоществуемыми ими палестинскими евреями, а также, надо полагать (?) и с евреями, живущими в Константинополе и играющими роль посредников. Не следует ли предвидеть — что эти 2000 одесских евреев составят опасную армию шпионов при обстоятельствах, когда они будут иметь случай продавать свои услуги туркам? — читаем мы далее.

Утверждение о «2000 евреев Одессы, поддерживающих по-

стоянные письменные сношения с палестинскими евреями» несомненно основано на фантазии, а не на действительности. Но печальный эпизод с Соломоном Плонским характерен, как показатель того, как неевреи, особенно из правящих кругов воспринимали самый факт привязанности русского еврейства к Палестине.

Погромы 80-х годов. Эпоха Гаскалы и наивной веры в чудодейственную силу ассимиляции коснулась только сравнительно тонкого слоя тогдашней еврейской интеллигенции. Ассимиляторы того времени искренне верили, что стоит в достаточной мере овладеть искусством мимикрии, научиться стать «кехол хагоим» (как все народы), походить на соседа так, чтобы решительно ничем от него не отличаться, овладеть языком страны в такой степени, чтобы говорить на нем без акцента, сбрить бороды, носить то же платье, что и другие, — как антисемитизм и вековая неприязнь к евреям рассеются как дым. Широкие народные массы, жившие своей обособленной жизнью в рамках векового быта, были к Гаскале равнодушны. Раввины и религиозные авторитеты видели в ней вероотступничество.

Погромы 80-х годов, охватившие обширную территорию России, отрезвили многих, — хотя далеко не всех — романтиков эмансипации и адептов ассимиляции. Как в таких случаях часто бывает, особенно в такой эмоциальной среде, как еврейская, ряд публицистов и общественников ударились в другую крайность: они стали отрицать всякую возможность жить среди других народов на положении безгосударственного меньшинства. Публицист М. Л. Лилиенблюм (1843—1910) после погромов 1881-го года пришел к заключению, что на евреев «всегда и всюду будут смотреть, как на чужих, и что возрождение еврейского народа мыслимо только на исторической земле предков в Палестине».

Такая же эволюция произошла с русско-еврейским писателем той эпохи — Л. О. Леванда (1836—1888), автором романа «Горячее время» и других произведений. Он долгие годы верил в спасительную силу приобщения к русской культуре. Но после погромов Леванда писал, что «когда серый народ громил евреев, — белый народ стоял издали, любуясь картиной моего разгрома». Под конец жизни он стал горячим поборником палестинского движения, к которому до того относился иронически, считая мечту о возрождении еврейского государства «гальванизированием мумии»...

Страстным проповедником палестинского движения после

погромов 1880-х г.г. был Перец Смоленский, давний непримиримый противник ассимиляции, который видел в ней «обидное желание отречься от собственной национальной индивидуальности и своего исторического прошлого, слепое подражание чужим образцам». В ряде блестящих статей на иврит Смоленский проповедовал идею «духовно-политического возрождения народа на палестинской почве». С этой целью он вел переписку с известным английским палестинофилом Лоренс Олифантом (1829—1883), христианином, проповедовавшим заселение Палестины главным образом русскими евреями. Публицистическая и художественно-литературная деятельность Смоленскина сыграла большую роль в пробуждении национального сознания русского еврейства.

Замечание Л. Леванды в сборнике «Палестина» (1884 г.) что палестинофильство «возникло внезапно и неожиданно, стало быстро расти и пускать корни», не следует понимать буквально. Палестинское движение возникло не «внезапно», но верно то, что оно, с 1880-х годов стало исключительно «быстро расти и пускать корни» среди русских евреев.

«Билу». Слово «Билу» представляет собой аббревиатуру еврейского стиха 5 из Исайи 2: «О, дом Якова! придите и будем ходить во свете Господнем!». Эти четыре начальных буквы из «Бэт Яков леху венелху!» кружок студентов-евреев харьковского университета взял в качестве лозунга своего «хождения в народ», агитируя в пользу массовой эмиграции в Палестину. Кружок связался с упомянутым выше сэром Олифантом, вел переговоры о финансовой помощи с известным филантропом Мошэ Монтефиорэ. Делегация от «Билу» была принята великим визирем турецким, и в июне 1882-го года первая партия в 14 человек прибыла в Яффу. Группы билуйцев в Харькове и других городах России к этому времени насчитывали уже свыше 500 человек.

О Билу имеется сравнительно большая литература. В первые годы им пришлось немало перестрадать. Часть их вернулась в Россию, будучи не в состоянии вынести выпавших в Палестине на их долю лишений. Но большинство осталось в стране. Они построили новую колонию Гедера, осели в уже существовавших колониях Ришон Лецион, Миквэ Исраэл и др. Некоторые из билуйцев, как агроном Менаше Меирович, дожили до глубокой старости, их очень почитали в ишуве, как пионеров колонизации Палестины русскими евреями. Глава о «Билу» — одна из почетных глав в истории еврейского строи-

тельства Палестины эпохи 80-х годов прошлого столетия, периода развития и роста движения Ховевей Цион в среде русского еврейства.

Ховевей Цион. Под этим термином — любовь, тяготение к Сиону — читаем мы в Еврейской Энциклопедии (т. 12. стр. 258) — принято понимать сионистское течение, проявившееся преимущественно в *русском еврействе* в начале 80-х г.г. 19-го века. Это не совсем верно. Уже в 1840-м году (см. немецкую «Энциклопедию Юдаика», т. 5, стр. 439) в журнале «Ориент» было опубликовано воззвание анонимного автора-еврея из Констанцы, в котором евреи всего мира призывались не полагаться на «скудную эмансипацию» и стремиться к возврату на историческую родину. В том же году два еврейских студента, Бэниш (впоследствии редактор «Джуиш Кроникл») и Эстрайхер, представили проезжавшему через Вену Адольфу Кремье проект создания еврейских поселений в Палестине, одобренный также кружками в Вене и Праге, стремившимися к «возрождению еврейской государственной самостоятельности в Палестине». В этих кружках близкое участие принимал Мориц Штейншнейдер, — впоследствии ученый ориенталист с мировым именем.

Раввин Цеви Калишер из Торна (тогда — Пруссия), потомок пражского «Магаралл»'а, был одним из первых, ставших в первой половине 19-го века пропагандировать идею палестинофильства. Его «Дришат Цион» (Восстановление Сиона) вызвал к жизни создание кружка для колонизации Палестины в Франкфурте на Майне в 1861-м году. В том же духе действовал другой видный раввин Реб Иегуда Алкалай в сербском Землине. В 1862-м году появилась книга «Рим и Иерусалим» Моисея Гесса, которого не без основания считают «отцом» сионизма. В 1870 году Шарль Нэттэр, по поручению «Альянс Израелит Универсель» основал у Яффы (теперь сказали бы «у Тель-Авива») агрономическую школу в Миквэ Исраэл. Все это, однако, крупных практических результатов не дало.

Серьезный поворот произошел в движении Ховевей Цион, когда после погромов 1880-х годов начались в среде русского еврейства поиски выхода из создавшегося положения. Эти поиски шли в направлении эмиграции в Америку и Палестину. В пользу массовой эмиграции в Палестину, кроме ряда видных еврейских писателей и публицистов, было и настроение, охватившее широкие круги евреев. В разных пунктах создались кружки («Иесод Гама-алэ» в Сувалках, «Ахват Цион» в Петербурге, «Схавэй Цион» в Вильно и т. д.). Аналогичные кружки возник-

ли в Кременчуге, Харькове, Москве, Белостоке, Варшаве. Русско-еврейский еженедельник «Рассвет» горячо примкнул к палестинофильскому движению. Энтузиастом движения стал поэт Фруг. Ряд видных раввинов, среди них белостокский раввин Самуил Могилевер (1824—1898), занял видное место в палестинофильском движении и явился одним из инициаторов Катовицкого съезда.

К этому времени были сделаны и первые практические шаги. Залман-Давид Левонтин в 1882-м году эмигрировал в Палестину, где он, вместе с другими группами переселенцев (из Румынии) в мае того же года основал колонию Ришон ле Цион. Левонтин впоследствии стал директором Еврейского Колониального Банка в Лондоне и основателем Англо-Палестинского Банка в Яффе (в годы английского мандата этот банк был самым крупным в Палестине, а впоследствии он был переименован в «Банк Леуми», т. е. в Национальный Банк). В июле 1882-го года прибыла первая группа Билу. В те же годы стал оказывать помощь колонистам барон Эдмонд Ротшильд, прозванный «Ганадив гаядуа» (известный благотворитель), на средства которого была приобретена большая часть земельной площади, оказавшейся в руках евреев весной 1948 года, в дни создания государства Израиля.

«Автоэмансипация» Пинскера. В том же 1882-м году в Берлине, на немецком языке была опубликована брошюра д-ра Пинскера «Автоэмансипация — Призыв русского еврея к своим соплеменникам», переведенная на русский, английский и другие языки и немало способствовавшая дальнейшему развитию движения, получившего впоследствии название сионизма. Д-р Теодор Герцль впервые услышал о Пинскере и прочел его «Автоэмансипацию», когда его собственная книга «Юденштаат» уже была закончена. — «Возможно, — сказал Герцль своему другу и первому после него президенту всемирного сионистского движения, Давиду Вольфсону — если бы я знал в свое время о брошюре Пинскера, я, пожалуй, «Юденштаат» вообще не писал бы».

Евреи среди народов, с которыми они живут, — писал д-р Пинскер в «Автоэмансипации», — фактически составляют чуждый элемент, который не может ассимилироваться ни с одной нацией, вследствие чего ни одной нацией не может быть терпим. Задача заключается в том, чтобы найти средство, с помощью которого возможно было бы приноровить этот обособленный элемент к семье других народов, чтобы еврейский во-

прос перестал существовать... Еврейскому народу недостает той самобытной жизни, которая немыслима при отсутствии общего языка, общих нравов и сожительств на одной территории. Он не имеет собственного отечества, хотя знает много родин. У него нет своего центра, своей точки тяготения, нет ни своего правительства, ни представительства. Он вездесущ, но нигде не дома. Среди живых народов земли евреи являют собой давно отжившую нацию. С потерей своего отечества евреи утратили свою самостоятельность и подверглись разложению, которое исключает существование целого живого организма. Раздавленный тяжестью Римского господства, еврейский народ с утратой государственной независимости, с прекращением политического существования, не был окончательно уничтожен, но продолжал существовать, как нация, духовно. Мир узрел в этом народе зловещий призрак мертвеца, бродящего среди живых. Таинственное появление блуждающего мертвеца-народа, лишенного единства и внутренней организации, не имевшего клочка земли, и все же остающегося среди живых, — странный образ, который едва ли еще встречается в истории, не мог не произвести впечатления на воображение народов. И если чувство страха перед призраком есть нечто врожденное человеку, находящее до известной степени оправдание в его психическом мире, то нет ничего удивительного в том, что оно дает себя знать с особенной силой перед этой мертвой и все еще живой нацией...

Анализируя природу антисемитизма, Пинскер приходит к заключению, что спасение лишь «в восстановлении нашего общего национального союза». «Еврейский народ — пишет он — больше, чем многие другие народы, причастен к международной культурной жизни, больше других имеет заслуг перед человечеством; евреи имеют за собой свое прошлое, историю, общее определенное происхождение, неувядаемую жизненность, непоколебимую веру и беспримерный мартиролог, и более, чем перед какой бы то ни было нацией, согрешили перед нами все народы... Мы должны, наконец, иметь свою собственную родину, если не собственное отечество».

В «Автоэмансипации» Пинскер, говоря о необходимости найти собственною «национальную квартиру», однако считает, что «не следует мечтать о восстановлении старой Иудеи». «Мы не должны поселиться там, — пишет он, — где наша государственная жизнь была некогда разбита и уничтожена. Не «святая», а собственная земля должна быть предметом нашего устремле-

ния, куда мы перенесем спасенную при крушении нашего старого отечества идею о Боге и Библии, так как только они превратили нашу отчизну в Святую землю, а не Иордан и Иерусалим. Возможно, что Святая земля станет нашей собственностью. Тем лучше, но прежде всего должно быть твердо установлено — ив этом вся суть — какая страна вообще доступна и в то же время пригодна служить евреям всех стран, вынужденным покинуть родину, верным, никем не оспариваемым, приютом»...

От этой абстрактной теории территориализма Пинскер потом перешел в стан палестинофилов, опубликовав открытое письмо в сборнике «Палестина» (СПБ. 1884). С тех пор, в последние семь лет своей жизни, он был один из самых влиятельных и активных деятелей палестинофильского движения. По его инициативе и под его председательством прошел Катовицкий Съезд.

Катовицкий Съезд. Этот Съезд стал как бы поворотным пунктом в истории участия евреев России в строительстве Палестины. На Катовицком съезде были не только палестинофилы из России. Туда съехались делегаты пропалестинских групп и организации из Румынии, Германии, Англии, Франции. На Катовицком съезде была заложена основа всееврейской палестинофильской организации.

Доминировали на съезде однако делегаты из России. Среди них были, кроме самого д-ра Пинскера, раввин С. Могилевер, редактор «Гамагида» Гордон, редактор «Гамелица» Цедербаум, московский меценат 3. Высоцкий, историк. Шэфер (С. П. Рабинович, переводчик Греца на иврит), д-р Хазанович из Белостока, стараниями которого была впоследствии создана Еврейская Национальная Библиотека в Иерусалиме.

В странах еврейского рассеяния вне России — в Германии, Румынии, Австрии, Англии, Франции, — Катовицкий съезд только усилил активность противников идеи палестинофильства. Положительный результат съезд имел только среди одного русского еврейства. На съезде были ассигнованы средства в помощь билуйцам и другим колонистам в Палестине, были созданы два руководящих центра — в Варшаве и Одессе; из Одесского центра вышел так наз. «Одесский Комитет». В Палестине уже существовало 9 еврейских колоний. По поручению Катовицкого съезда в Палестину выезжал 3. Высоцкий и вел в Константинополе переговоры о получении прообраза Герцлевского «чартера».

Два с половиной года спустя состоялся второй палестино-

фильский съезд в курорте Друскениках, Гродненской губернии, где можно было собраться, не привлекая внимания полиции.

На съезде в Друскениках, кроме раввина Мигилевера, участвовал и раввин Нафтали Цви Берлин, «Нацив» (аббревиатура его имени), сын которого, раввин Меир Берлин стал лидером Мизрахи и умер в Тель-Авиве уже после образования государства Израиль На этом съезде впервые обратили на себя внимание Меир Дизенгоф и Менахем-Мендель Усышкин. Двадцать два года спустя Дизенгоф стал одним из основателей Тель-Авива и его первым городским головой. Усышкин, начиная со съезда в Друскениках, свыше полувека был одним из лидеров всемирного сионистского движения. Последние 20 с лишним лет своей жизни он прожил в Иерусалиме, где умер осенью 1941 года.

Представителем Одесского Комитета в Палестине был избран Иехиель-Михель Пинес, уроженец Ружан Гродненской губернии, еще в конце 70-х годов поселившийся в Палестине. В 1890-м году деятельность Одесского Комитета, после долгих ходатайств, была легализована в виде «Общества вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине». До первой мировой войны Одесский Комитет был руководящим центром всего, движения «Ховевей Цион» с Л. Пинскером и М. Л. Лилиенблюмом во главе. На средства Одесского Комитета в Палестине были основаны колонии Реховот и Хедера. До первой мировой войны Комитет скупал земли для еврейской колонизации, субсидировал существующие колонии, стимулировал образование новых, учреждал в них школы и т. д. Осенью 1890-го года Комитет делегировал в Палестину инженера Владимира И. Темкина, в задачи которого входила закупка земли для еврейской колонизации. Владея только русским языком, не зная ни иврит, ни идиш, Темкин своей импозантной внешностью, ораторским талантом и глубокой преданностью делу строительства Палестины покорил сердца тогдашних лидеров ишува, с которыми он мог сговориться по-русски. Темкин произвел большое впечатление и на арабов, называвших его «Малк ал яхуд» (еврейский король). На деле миссия Темкина не удалась, вызвала рост цен на земельные участки и причинила Одесскому Комитету материальные убытки. Турецкое правительство в результате деятельности Темкина запретило продажу земельных участков иностранным подданным; значительные суммы, уплаченные Темкиным авансом при заключении ряда земельных сделок, были потеряны.

Сам Темкин, возвратившись в Россию, принял пост казенного раввина в Елисаветграде. Он играл видную роль в сионистском движении и принимал участие во всех конгрессах при жизни Герцля. Темкин оставался активным сионистским деятелем и в эмиграции, сначала в Берлине, а затем в Париже, где умер во второй половине двадцатых годов.

Перебои в деятельности представителей Одесского Комитета в Палестине и неудача миссии Темкина побудили отправиться в Палестину философа Ахад Гаама, еще до того критически относившегося ко всей системе деятельности Одесского Комитета. В Комитете в то время шла идеологическая борьба между разными течениями, которые историк сионизма Адольф Бэм (см. его книгу «История Сионизма», Берлин, 1935) характеризует, как борьбу между представителями национального (Пинскер и Лилиенблюм), религиозного (раввин Могилевер) и культурно-духовного (Ахад Гаам) течений. Самому Пинскеру не суждено было дожить до появления на арене еврейской общественности д-ра Герцля, заложившего основы так наз. политического сионизма, и создавшего его парламентские и конституционные органы — Конгресс, Экзекутиву, Акционс-Комитет, Колониальный Банк и т. п. Пинскер скончался 21 декабря 1891 года. 35 лет спустя сионистский фанатик, имя которого осталось неизвестным, умудрился вывезти останки Пинскера из Советской России в Иерусалим, где он покоится в т. н. Пещере Никанора на горе Скопус, к которой с 1948 г. имеет доступ только полицейская стража под наблюдением чиновников Объединенных Наций.

Ахад Гаам. «Бней Мошэ». В статье Ахад-Гаама «Ло зэ гадэрах» (Не тем путем) Ахад-Гаам (О. И. Гинцберг) подверг критике систему еврейской колонизации, которую проводил Одесский Комитет. После поездки в 1891-м году в статье «Правда о Палестине» он заявил о «бессистемности и беспочвенности» этой колонизационной деятельности, а в статье «Рабство в свободе» он резко выступил против ассимиляционных устремлений западноевропейского еврейства. Ахад Гаам, создатель «духовного сионизма», воспринимал палестинофильство как «целостный юдаизм» и проповедывал создание духовного еврейского центра в Палестине, который явился бы символом «объединения нации, ее свободного развития в духе национальном, но на основах общечеловеческих». Работы Ахад-Гаама изданы на иврит, идиш, по-немецки, по-русски, по-английски; опубликованы сотни его писем, имеется о нем и специальная монография.

Ахад-Гаам был главой ордена «Бней Мошэ», основанного в 1889-м году и просуществовавшего в течение восьми лет до первого сионистского конгресса. Специальный церемониал приема в члены этого ордена, был заимствован из уставов масонских лож. Из отделов ордена наиболее активен был Варшавский «Иешурун», собравший значительные средства для колонии «Реховот», создавший издательство «Ахиасаф» и т. д. В 1893-м году центр «Бней Мошэ» был перенесен в Яффу, а с началом деятельности д-ра Герцля и созыва первого конгресса полулегальная деятельность «Бней Мошэ» потеряла смысл. Организация распалась и самоликвидировалась.

Ш. Черновиц (литературный его псевдоним «Сфог», т. е. Губка) до первой мировой войны выпустил небольшую книжку о «Бней Мошэ», в которой, на основе мало доступных источников, охарактеризовал этот орден, оказавший немалое влияние на деятельность в Палестине русских «Ховевей Цион».

В основу устава ордена «Бней Мошэ» легли шесть принципов: 1. Убеждение в том, что сколько-нибудь длительно еврейский народ не может продолжать существовать, живя постоянно среди чужих народов. 2. Глубокая вера в необходимость возрождения еврейского народа. 3. Коллективное национальное самосознание и сознание индивидуальной ответственности каждого еврея за весь национальный коллектив. 4. Стремление к мирному объединению и сотрудничеству всех народов мира. 5. Воспитание поколения евреев, которое было бы способно осуществить историческую национальную задачу и 6. Предпочтение качества количеству — решающий принцип деятельности ордена.

В «Бней Мошэ» были завербованы раввин Могилевер, д-р Хазанович, публицист Давид Каган, Цви Прилуцкий, Моисей Брамсон из Ковны, (отец Леонтия Брамсона, известного руководителя ОРТ'а), писатель Бэн-Авигдор; в Палестине вступил в орден Ихл-Михл Пинес, Белкинд и др. В члены «Бней Мошэ» вошел молодой М. М. Усышкин и ряд палестинофилов из Минска, Полтавы, Харькова, Кременчуга. В Полтаве вступил в орден писатель Азар (А. З. Рабинович) и Цви Шимшелевич, которому в возрасте 90 лет суждено было присутствовать на церемонии избрания его сына, Ицхака Бэн Цви, в президенты Израиля.

На съезде Бней Мошэ в 1890-м году принимали участие 166 делегатов со всех концов России. Отделения («лиш-кот») «Бней Мошэ» носили специальные названия: в Варшаве —

«Иешурун», в Одессе — «Дэрех гахаим», в Вильне — «Эзра», в Двинске — «Гилел», в Полтаве — «Мицпе», в Кременчуге — «Израиль», в Пинске — «Зерубавэл» и т. д. Отделения существовали в Гродно, Минске, Брест-Литовске, Мезеричах, Петербурге, Люблине, Саратове и т. д. Образовались «лишкот» и вне пределов России — в Берлине, Ливерпуле, Балтиморе.

В выпущенном в Палестине манифесте «Бней Мошэ» провозглашалось, как цели ордена: Национальное самосознание, любовь к своему народу, любовь бескорыстная, объединяющая, возвышающаяся над всеми партийными различиями. — Национальное самосознание имеет примат над религиозным, индивидуальные интересы подчиняются национальным. В диаспоре нет будущего для еврейского народа. Если мы хотим жить как народ — читаем в манифесте — нам следует построить свой национальный дом в надежном месте, — а это возможно только в стране отцов. Сначала надо пробудить в народе национальное самосознание, привить ему высокую мораль, и тогда в народе возникнет движение, ведущее к национальному возрождению, к «хайей кавод» в стране предков. «Бней Мошэ» ставили своей центральной задачей углубление «агават исраэль», чувства беззаветной любви к еврейству. Надо приложить много духовных усилий, чтобы пробудить национальное самосознание в его чистой, незапятнанной форме. Поэтому были введены строгий отбор и сложная обрядность при приеме членов в орден; инициаторы мечтали превратить его в касту «коганим», первосвященников. В основе концепции Ахад-Гаама лежала мысль о духовном «ховвей сионизме». Однако, большинство в «Бней Мошэ» стремилось к колонизационной деятельности в Палестине.

Пропасть между высокими идеалами, к которым члены «Бней Мошэ» стремились, и малыми делами, с которыми им пришлось столкнуться на практике, вызывавшей сопротивление и конфликты, в частности с религиозными кругами, подорвали существование ордена. Но идеи его оказали влияние на мышление и деятельность палестинофильства в России. Не следует преуменьшать и практические результаты колонизационной и издательской деятельности. Они создали тип новой еврейской школы так наз. «хедер метукан», привившийся в ряде еврейских центров, организовали первую школу на иврит, немало помогли колонистам в Палестине в их борьбе с ротшильдовской администрацией. «Бней Мошэ» внесли новую струю в идеологию еврейского национализма, проповедуя

примат «Аават исроэль» и «Аават гаарец» (любовь к народу и любовь к стране) над остальными целями движения. Суммируя результаты восьмилетней деятельности ордена, приходишь к выводу, что, не взирая на провалы и разочарование, «Бней Мошэ» сыграли положительную роль в истории палестинофильства в среде русского еврейства. Они подготовили почву к восприятию политического сионизма, зародившегося с появлением д-ра Герцля, кликнувшего клич и созвавшего первый всемирный сионистский конгресс в Базеле в конце августа 1897-го года.

Русские сионисты на конгрессах при жизни Герцля. Подготовительные работы к созыву первого в истории еврейского рассеяния всемирного съезда представителей еврейского народа начались, конечно, задолго до конгресса, преимущественно в Вене. Работы велись самим Герцлем и соратниками его из палестинофилов Галиции, Богемии и Венгрии, Болгарии и Германии. Раввинам-ассимиляторам из Германии удалось не допустить, чтобы конгресс, как предполагалось, состоялся в Мюнхене. В статье, опубликованной в еженедельнике «Ди Вэлт», Герцль назвал венского раввина М. Гидемана, лондонского Адлера и берлинского д-ра Майбаума «общинными и синагогальными чиновниками» и «протест-рабинерами». Последняя кличка закрепилась за ними в сионистской литературе вплоть до наших дней.

О подготовке первого сионистского конгресса палестинофилы в России знали сравнительно мало. Только в июне 1897-го года ряд деятелей получил от Венского комитета приглашение принять участие в конгрессе. М. М. Усышкин в сборнике, изданном в Вене в 1929-м году доктором Т. Нуссенблатом «Zeitgenossen uber Herzl» рассказывает, что, получив в мае 1896-го года от своего знакомого брошюру Герцля «Еврейское Государство», с просьбой способствовать ее распространению в России, он ответил, что не видит никаких оснований для этого: «в ее теоретической части, — ответил Усышкин, — сионисты России, после уже ранее вышедших брошюр Пинскера и Лилиенблюма, не найдут ничего нового, а практическая часть в ней определенно поверхностна». Из Вены продолжали настаивать на том, чтобы Усышкин помог распространению брошюры Герцля среди сионистов в России, ибо автор ее «очень интересный человек и может многое для сионизма сделать». М. Усышкин ответил: русским евреям Герцль неизвестен. Пусть раньше проявит себя в качестве активного деятеля — тогда посмотрим!

В июне того же 1896-го года Усышкин был в Вене. По приглашению Герцля они встретились, и беседа продолжалась свыше двух часов. Усышкин был очарован Герцлем. Курьезно отметить, что только от Герцля в эту встречу Усышкин впервые узнал, что автор сенсационных книг «Вырождение» и «Парадоксы» Макс Нордау, имя которого в России было весьма популярно, не только еврей по происхождению, но «пламенный сионист». Когда весной 1897 года Усышкин получил письмо от Герцля о созыве сионистского конгресса с просьбой помочь его организации, он без колебаний по телеграфу ответил: к Вашим услугам!

Миссию объезда центров палестинофильского движения в России для пропаганды идеи конгресса Герцль возложил на молодого студента Иошуа Бухмиля (умер в Иерусалиме в 1937-м году). — Самое большее, на что можно рассчитывать — сказали Бухмилю во время его пребывания в Кишиневе, — это на 5—6 делегатов от всей России. Но среди 197 зарегистрированных делегатов первого конгресса было не 5—6, а 66 русских сионистов. Фактически их было гораздо больше, может быть, около половины. Как мне подтвердил один из последних находящихся в живых участников первого конгресса, Саул Лурье, проживающий в Калифорнии, — ряд делегатов и гостей из России предпочли не фигурировать ни в каких списках, опасаясь репрессий со стороны русских властей по их возвращении домой. Присутствовал на первом конгрессе, например, Адольф Ландау, публицист и издатель «Восхода», сионизму ни в какой мере не сочувствовавший. Был там и Б. Ф. Брандт, писатель и экономист, служивший в министерстве финансов. Бранд даже принимал активное участие в ряде комиссий первого конгресса. Однако, ни Ландау, ни Брандт в списках участников или гостей на конгрессе не значатся.

Нашлись в русском еврействе, конечно, скептики, считавшие Герцля «поверхностным фельетонистом венского стиля». О Нордау те же критики говорили, что он «жонглирует парадоксами даже в такой трагической проблеме, как еврейская». Некоторые деятели Ховевей Цион опасались, как бы на конгрессе не были произнесены речи против русского правительства, которые могли бы ухудшить и без того тяжкое положение русского еврейства. Но Герцль в специальном письме их заверил, что отлично понимает сложность политической обстановки в России и примет все меры к тому, чтобы не дать царскому правительству лишнего повода к репрессиям по ад-

ресу евреев в России. На конгрессе читались доклады о положении евреев в ряде стран, но от доклада о положении евреев в России решили отказаться, удовлетворившись тем, что Нордау в общем обзоре положения мирового еврейства уделил место и России.

На первом конгрессе, по рассказам писателя Мердехай бен Гилел Гакогена (произнесшего в Базеле единственную речь на иврит, о которой в протоколе сказано только, что «M. Kagan aus Gomel spricht Hebraisch»), русская делегация, несмотря на ее сравнительно многочисленный состав, мало чем выделялась. В последующие годы, когда мы подучились «конгрессдайтш», на котором велись заседания конгресса, и свыклись с парламентской процедурой, с ее техникой и терминологией, — мы уже перестали быть такими «паиньками», какими мы были на первом конгрессе — добавляет он.

Из русских делегатов только варшавянин Давид Фарбштейн, осевший потом в Швейцарии и ставший там членом парламента, читал на первом конгрессе доклад об экономическом положении еврейства, да проф. Белковский, одессит, поселившийся в Болгарии, где занял кафедру римского права в Софийском университете, — сделал сообщение о положении евреев в Болгарии. Ряд других русских делегатов, Л. Моцкин, проф. Герман Шапиро, Давид Вольфсон, Вл. Темкин, д-р Шляпников и д-р Бернштейн-Коган участвовали только в прениях, причем все они говорили преимущественно по-русски. Перед закрытием конгресса короткую взволнованную речь по-немецки произнес проф. М. Мандельштам.

Русские делегаты первого конгресса произвели большое впечатление на Герцля. Герцль до того много путешествовал по Западной Европе. Понаслышке он, конечно, знал, что в Восточной Европе живут широкие еврейские массы. Он включил их в свои планы, — но они все же оставались для него абстракцией. Когда Вольфсон как-то раз в первые годы сионистского движения сказал Герцлю, что успех всего его плана будет исключительно зависеть от того, как к нему отнесутся русские евреи, Герцль встретил это замечание с недоумением. В Базеле Герцль увидел перед собой тип еврея, ему совершенно незнакомый.

— Нам всем было стыдно, — писал он после первого конгресса — что мы считали себя выше наших братьев из Восточной Европы. Делегаты из России, среди которых было немало профессоров, врачей, адвокатов, инженеров, фабрикантов, обладают

духовным уровнем нисколько не ниже нашего. Все они — еврейские националисты. Это как бы реальный ответ многим болтунам, уверяющим, что национальное самосознание еврея неминуемо отдаляет его от европейской культуры. Русские евреи — пишет Герцль, — не растворились в русской культуре. Смотря на них, начинаешь понимать, что дало нашим предкам силу пережить все преследования и остаться евреями.

В последующие годы, когда тот же Вольфсон однажды сказал Герцлю, что в одном определенном случае за ним: пойдут «только русские сионисты», тот ответил: «Только? Мне этого вполне достаточно!».

На втором сионистском конгрессе появились уже Хаим Вейцман, Нахум Соколов (присутствовавший на первом конгрессе в качестве корреспондента), д-р Членов, доктор Шмарья Левин. С 6-го конгресса в движении стал играть видную роль и Владимир Жаботинский.

На первый конгресс делегаты из России отправлялись с опаской. Пока они ехали еще по территории России, они вели себя так, как будто едут на заграничный курорт и избегали всяких разговоров о конгрессе. Переехав границу, делегаты из России стали знакомиться друг с другом и уже в пути начали обсуждать проблемы, стоявшие в порядке дня конгресса. Когда начались подготовительные работы ко второму конгрессу, русские сионисты принимали в них уже активное участие. После первого конгресса Лео Моцкин был делегирован в Палестину. Его обстоятельный доклад об этой поездке стал одним из центральных пунктов второго конгресса. На конгрессе с большой речью выступил проф. М. Мандельштам. — Нам необходимо создать в Палестине — сказал он — национально-культурный политический центр, который будет оказывать влияние и на тех евреев во всем мире, которые пока еще равнодушны к судьбе нашего народа. Еврейский центр в Палестине укрепит солидарность между всеми частями нашего народа, вызовет к жизни их национальное самосознание при сохранении полной лояльности к государству, в котором они живут. Центр в Палестине будет убежищем для каждого еврея в мире, когда для него возникнет в нем потребность.

Герцль позже уточнил эту мысль, сказав, что еврейская Палестина будет страной, в которой «каждый еврей сможет поселиться, когда того захочет, или когда вынужден будет искать там убежища».

На 4-ом конгрессе в Лондоне делегатов из России было свы-

ше двухсот. На 5-ом конгрессе возникла «Демократическая Фракция», куда вошли главным образом русские сионисты с Хаимом Вейцманом и Лео Моцкиным во главе и которая ставила своей задачей «укрепить демократические основы движения, углубить программу в области национального воспитания и национальной культуры». На 5-ом конгрессе, по инициативе Германа Шапиро, литовского еврея, профессора математики Гейдельбергского университета, был создан Еврейский Национальный Фонд, во главе которого, после первой мировой войны до самой своей смерти стоял М.-М. Усышкин. На 5-ом конгрессе проблемы еврейской культуры вызывали серьезные расхождения между ортодоксальным крылом, который представляли раввины Рейнес и Рабинович, и остальными фракциями сионизма. Эти расхождения приняли бурный характер на Минском съезде сионистов.

Минский Съезд. — Съезд состоялся в сентябре 1902 года, тотчас после лондонского сионистского конгресса. На нем присутствовали свыше 500 делегатов, представлявших 75000 шекеледателей. Председательствовал д-р Членов. Ахад Гаам и Нахум Соколов читали доклады о проблемах еврейской культуры, вызвавшие резкие возражения со стороны лидеров Мизрахи, раввинов Рейнеса и Рабиновича. Съезд разделился на три фракции: прогрессистов (направление Вейцмана и Моцкина), «нейтралистов» и Мизрахи. Огромным большинством была принята примирительная резолюция, признававшая, что в еврействе по вопросу о национальном воспитании существуют два направления — традиционное и прогрессивное. Съезд не дал практических результатов, но сыграл значительную роль в пропаганде сионистской идеи в России.

Теодор Герцль в России. Встречи с Плеве и Витте. — Волну протестов и критики вызвала в сионистском движении, как в России, так и за ее пределами, поездка д-ра Герцля в Петербург летом 1903 года — вскоре после Кишиневского погрома — на свидание с Плеве и с Витте. Прямым поводом для поездки послужил секретный циркуляр министерства внутренних дел от 24 июня 1903 г., предписывавший губернаторам, градоначальникам и полицеймейстерам принять строгие меры для борьбы с национальным и сионистским движением в русском еврействе, запрещать собрания, не давать разрешений на съезды, препятствовать тому, чтобы «магидим» (так дословно сказано в циркуляре) выступали с сионистской пропагандой даже в синагогах, закрыть все организации в России — от Сибири, Царства Поль-

ского, Кавказа до Средней Азии, лишить сионистских деятелей возможности ездить за границу на сионистские конгрессы и съезды, запретить распространение и продажу акций Еврейского Колониального Фонда. Если акции Банка будут где-либо обнаружены, они подлежат конфискации. Циркуляр предписывал властям на местах обращать внимание и на еврейские школы и хедера, не утверждать в должностях председателей еврейских общин или казенных раввинов лиц, причастных к сионистскому движению.

Цель циркуляра была очевидна: уничтожить все сионистское движение в России. Среди русских сионистских деятелей к секретному циркуляру министерства внутренних дел отнеслись довольно спокойно. Русские евреи издавна привыкли к такого рода мероприятиям властей и научились противодействовать им и обходить их. Зато Герцль, узнав про циркуляр Плеве, усмотрел в нем серьезную угрозу для всего сионистского движения в России. По мнению Герцля, репрессии против сионизма вызваны были разочарованием властей в сионизме. Русское правительство, по-видимому, рассчитывало на массовый исход евреев из России в результате сионистской пропаганды. В Петербурге, конечно, знали, что Турция противится идее еврейской колонизации Палестины. Поэтому в Петербурге пришли к заключению, что сионистское движение, как и всякое другое общественное движение, только вредно и что следует его «искоренить».

Герцль превосходно знал, что Плеве был инициатором и главным виновником Кишиневского погрома. Он отдавал себе отчет в том, что многие евреи в самой России и вне ее, — против того, чтобы он встретился с Плеве, руки которого обагрены были кровью жертв погрома. Тем не менее, Герцль считал своей обязанностью в интересах сионизма пренебречь этими соображениями, моральное значение которых он вполне разделял, и попытаться добиться от Плеве пересмотра занятой русским правительством позиции.

Скончавшийся в Израиле журналист и историк Бенцион Кац рассказал в журнале «Геовар» (Прошлое, Тель-Авив, 1950, № 1) о неизвестной до сих пор встрече Герцля в Петербурге с группой еврейских писателей. На чье-то замечание, что режим в Турции, от которого он добивается чартера на Палестину, по существу еще хуже, чем в царской России, Герцль ответил, что «с часами в руках можно предсказать распад и раздел Турции». Герцль надеялся также добиться от Петербурга поддержки пе-

ред Портой его домогательства о чартере. За 4 года до того Герцль безуспешно пытался получить аудиенцию у Николая Второго. У Плеве он добился свидания только благодаря интервенции австрийской писательницы-пацифистки Берты фон Суттнер и польской общественной деятельницы Полины Корвин-Круковской.

В своих дневниках Герцль подробно рассказывает о поездке в Россию, о беседах с Плеве и Витте, о встречах с придворным генерал-адъютантом Киреевым и директором Азиатского департамента министерства иностранных дел Гартвигом, а также о посещении Вильны, где тысячи евреев осаждали вокзал и толпились на улицах, о встрече с ним виленских сионистов на даче И. Л. Гольдберга. (Один из присутствовавших там оказался агентом охранки и на следующий день представил начальству подробный доклад со списком присутствовавших, из которых некоторые вскоре были арестованы).

После первой встречи Плеве прислал Герцлю официальное письмо, текст которого, по его словам, был одобрен царем. Оно было опубликовано в дни шестого конгресса. В письме говорится, что, поскольку сионизм имеет целью создать независимое государство в Палестине, и в этом случае сионизм приведет к эмиграции «известного числа еврейских подданных из России», постольку русское правительство могло бы отнестись к нему благожелательно. Но с тех пор, как сионизм стал уклоняться от своей прямой цели и стал заниматься пропагандой еврейского национального единства в самой России, — такого направления правительство не может потерпеть, ибо оно приведет к тому, что в стране возникнут группы людей, чуждых и враждебных патриотическим чувствам, на коих основано каждое государство. Если сионизм вернется к своей прежней программе, — он сможет рассчитывать на моральную и материальную поддержку русского правительства, особенно с того дня, когда какие-нибудь из его практических мероприятий сократят численность еврейского населения России. В этом случае русское правительство готово поддержать перед Турцией стремления сионистов, облегчить их деятельность и даже выдать субсидии эмиграционным обществам, если не из государственной казны, то из специальных еврейских сборов.

На второй аудиенции у Плеве речь шла о включении Курляндии и Риги в «черту», о разрешении еврейским кооперативам приобретать земельные участки, об официальном признании либавского общественного деятеля д-ра Нисана Каценельнсона

(будущего депутата 1-ой Государственной Думы) — представителем Герцля в России и т. д. На банкете, данном в честь Герцля петербургскими сионистами, он произнес яркую речь. Когда один поалэй-ционист коснулся вопроса об отношении социалистического мира к сионизму, Герцль ответил ему, что если кто-нибудь думает, что социалистическое движение облегчит положение евреев в диаспоре, он только повторяет ошибку евреев западноевропейских стран, которые возлагали надежды на либералов.

Хотя по существу никаких ощутительных результатов встреча с Плеве не дала, Герцль счел свою миссию удавшейся и возлагал на туманные обещания Плеве большие надежды. Менее доволен он остался беседой с Витте, отрекомендовавшимся «другом евреев». Витте был груб и резок, заявил, что 6 миллионов евреев на 136-миллионное население России дали 50% русских революционных деятелей. Однако в конце беседы Витте признал, что евреям в России тяжко живется и что если б «он был евреем, то сам был бы против правительства...».

В Вильне, куда д-р Герцль прибыл из Петербурга, полиция разгоняла тысячные толпы евреев у отеля, где Герцль жил, и на улицах, через которые он проезжал. Охранники следили за каждым его шагом, подслушивали все его телефонные разговоры. Предполагавшийся банкет, посещение синагоги, поездку по городу — все это полиция запретила. Только в виленской общине ему был оказан торжественный прием, где в честь «величайшего сына еврейского народа» говорились взволнованные речи, и ему была поднесена Тора. Вечером того же дня, в 8 верстах от города, на даче у Гольдберга состоялась тайная встреча с виленскими сионистами. Несколько десятков юношей приплелись из города пешком, оружили дачу, пели до поздней ночи еврейские песни, кричали «Да здравствует король Герцль!». Когда Герцль после полуночи поехал на вокзал, улицы, по которым он проезжал, были запружены народом, при его проезде кричали «Гедад»! — На вокзале полицейские пустили в ход сабли, чтобы разогнать толпу. — «Не отчаивайтесь! — сказал Герцль на прощание виленцам. — Настанут и для нас лучшие времена!».

После Вильны Герцль поехал в Альт-Аусзее, отдохнул там в течение одного дня и оттуда направился на шестой конгресс в Базель — последний сионистский конгресс при его жизни. Десять месяцев спустя Герцль скончался. А две недели после смерти Герцля — 15 июля 1904 года — от бомбы, брошенной русским

социалистом-революционером, погиб его сановный собеседник Плеве.

Эль-Ариш и Уганда. Между 5-м и 6-м конгрессами в сионистском движении разыгралась страстная борьба вокруг Британского предложения евреям территории Уганды в Экваториальной Восточной Африке. До того Герцль безоговорочно отклонял всякие внепалестинские колонизационные проекты. Писатель Давид Трич, немецкий еврей, участвовавший на первом конгрессе в качестве члена американской делегации, даровитый человек, но фантаст, на 3-ем сионистском конгрессе представил Герцлю план приобретения острова Кипра для еврейской колонизации. (В свете событий на Кипре за последние 4—5 лет, невольно думаешь, что только евреев там не хватало...). Кипрский проект был отвергнут главным образом делегатами из России. На 5-ом конгрессе неугомонный Давид Трич предложил другой план — заселение еврейскими колонистами, с правом самоуправления, Вад-эль-Ариша, северной части Синайского полуострова, принадлежащего Египту. Туда была послана комиссия экспертов, в которой участвовали два русских сиониста — агроном д-р З. Соскин, скончавшийся в 1958 году в Иерусалиме, и врач Гилель Иоффе. Эксперты высказались против еврейской колонизации в Вад-эль-Арише.

Тогда Британское правительство предложило Герцлю территорию Уганды в Экваториальной Восточной Африке, где евреям-колонистам могла быть предоставлена возможность автономного самоуправления. Самый факт предложения евреям для колонизации территории Герцль счел «великим историческим актом». Правда, примирить такое предложение с заветом Базельской программы о «правоохраненном убежище для евреев в Палестине» было трудно. — Это, конечно, не Сион, — говорил Герцль — но нам все же предлагают еврейскую колонизацию на национально-государственной основе. И на 6-ом конгрессе Герцль предложил послать в Уганду комиссию для обследования страны.

Против Угандского проекта почти единогласно восстали русские сионисты и часть немецкой делегации, но большинство высказалось за посылку комиссии в Уганду. Сионистское движение раскололось на два лагеря: угандистов и антиугандистов. На конгрессе разыгралось немало драматических сцен. Некоторые делегаты впали в истерику, на что Макс Нордау реагировал ироническим замечанием, что «людям этим нужна не территория, а санатория». Впрочем, и сам Нордау тоже не был душой за

Уганду. По просьбе Герцля он однако произнес речь, в которой говорил о проекте колонизации Уганды, как о «Нахт азиле», о временном убежище. На Ханукальном вечере в Париже 19-го декабря 1903 года какой-то неуравновешенный фанатик стрелял в «Нордау-Африканского» за его поддержку Угандского проекта...

Усышкин в дни конгресса находился в Палестине; вернувшись в Россию, он созвал съезд русских сионистов в Харькове, на котором было сказано немало резких слов против Угандского проекта, как и против всей политики Герцля. На Харьковском съезде Герцлю был предъявлен ультиматум — безоговорочно отменить принятую резолюцию об отправке комиссии в Уганду и решительно отбросить весь проект. Была послана делегация к Герцлю в Вену, которая там передала ему решения харьковского съезда.

Во время борьбы между «Ja und Nein Sager'ами» (за и против Уганды), Герцль скончался. Ему было всего 44 года. Угандский проект был окончательно отклонен на 7-ом конгрессе в 1905 году, после чего от сионистского лагеря откололось течение, образовавшее Территориалистское Общество, во главе с Израилем Зангвиллем. Примкнул к Зангвиллю из русских сионистов проф. М. Мандельштам (об уходе которого из рядов сионистского движения недавно появились интересные материалы). После смерти Зангвилля и Мандельштама Территориалистское Общество возглавлял И. Иохельман.

Вторая Алия и А. Д. Гордон. Прокатившаяся по России в 1903—1905 г.г. погромная волна вызвала к жизни явление, известное в истории строительства Палестины под именем «Вторая Алия». Эта «вторая» (после «билуйцев») иммиграционная волна в Палестину еврейской молодежи из Украины, Литвы, Польши сыграла огромную роль и в экономическом и в духовном развитии «ишува». «Вторая Алия», численность которой за десятилетие 1904—1914 определяется в 35000 душ, построила около 25 новых сельскохозяйственных поселков в Палестине, среди них такие, как Деганья, Мерхавья, Кинэрэт, Хулда, Бэн-Шэмэн и др. Со «второй Алия» в Палестину прибыли Бэн-Цви и Бэн-Гурион, идеолог рабочего сионизма Берл Каценельнсон, семья Черток, из которой вышел будущий Мошэ Шарэт, первый министр иностранных дел Израиля, министр финансов Леви Эшкол-Школьник, и другие, ставшие впоследствии лидерами палестинского еврейства в разных областях.

Со «Второй Алия» связано возникновение «квуцы» — нового типа сельскохозяйственного поселка, члены которого живут на коллективистических началах. В «квуце» нет частной собственности. Земля, дома, сельскохозяйственный инвентарь — все принадлежит коллективу. Детские дома, начальные школы, больницы, культурная деятельность содержатся на средства коллектива. Питание в общей столовой. Снабжение одеждой, обучение детей в средней школе и позднее в специальной — все это проводится на средства коллектива. Опыты такого рода имелись в разных странах, но нигде коллективные земледельческие поселки не привились, как в Палестине.

«Вторая Алия» с первых же шагов повела борьбу за то, чтобы еврейское строительство Палестины было, действительно «еврейским», чтобы все физические работы — обработка полей, огородов и апельсинных рощ, посадка лесов, осушение болот, прокладывание дорог и шоссе, постройка жилых домов и общественных зданий, производились не наемным арабским трудом, как это имело место в большинстве колоний в Палестине в начале 20-го века, а самими евреями.

Иосиф Виткин, русский еврей, учительствовавший в Палестине, обратился после Кишиневского погрома с горячим призывом к еврейской молодежи России переселяться в Палестину, где царит «острая нужда в рабочих руках». — Если мы не сумеем — призывал Виткин — немедленно, сегодня-завтра, заменить арабский труд нашим, еврейским, все, что мы тут строим, будет на песке, если не на вулкане!.. Клич Виткина стимулировал «Вторую Алия», лозунгом которой стал — «Кибуш авода», принцип, повелевающий, что строительство еврейской Палестины должно быть осуществлено еврейским трудом, еврейским потом и кровью, а не на основе эксплуатации арабского наемного труда. До «Второй Алия» охрану еврейских колоний несли арабы; «Вторая Алия» создала «Гашомер», организацию охраны поселков еврейскими руками.

Со «Второй Алия» в Палестину иммигрировал А. Д. Гордон, человек незаурядный, своеобразный, мыслитель, публицист и аскет. Было в нем что-то от русских народников, от толстовства (за свои писания он, несмотря на материальную нужду, никогда не брал гонорара) и от пацифизма Махатмы Ганди. Эти черты уживались в нем с фанатическим гебраизмом и с почти религиозным преклонением перед физическим трудом. В созидательном труде Гордон видел единственный путь к образованию нового типа еврея, органически привязанного к земле, почвенного,

«достигшего идеального слияния материи и духа». Воспринимая социалистическое движение прежде всего как борьбу против «паразитов, живущих за счет чужого труда», он в то же время был ярым противником марксистской философии и идеи классовой борьбы.

Родом из Подольской губернии, Гордон эмигрировал в Палестину из России в 1904-м году. Несмотря на возраст, он в свои 48 лет стал простым рабочим и занимался физическим трудом почти до конца своих дней — все 18 лет своей жизни в Палестине. В его «Письмах из Палестины», которые печатались по-русски в «Еврейской Жизни», он проповедовал культ физического труда, ставший его второй религией. Гордон оказал огромное влияние на молодежь самой Палестины, как и на еврейскую молодежь Польши, Галиции, Чехо-Словакии, Германии и других стран. Его произведения изданы на нескольких языках. В Польше пионерское движение «Гехолуц» в его честь называло себя «Гордонией». В Дегании есть «Дом имени Гордона». В ряде городов и колоний имеются «Улицы Гордона». Идеи Гордона, его идеализация физического труда, как путь к «духовному самоусовершенствованию», его личность служили образцом всей «Второй Алия», в которой царил дух высокого идеализма и самопожертвования во имя общественного и национального идеала.

Гельсингфорский съезд — поворотный пункт в сионистской политике в России. — В Первую Государственную Думу (см. статью Я. Г. Фрумкина) были избраны пять сионистов — д-р Г. Брук, адвокат Якубсон, адвокат С. Розенбаум, д-р Н. Каценельнсон и д-р Ш. Левин. В кадетской и других фракциях числилось еще 8 евреев-депутатов. После разгона Первой Думы состоялся съезд русских сионистов в Гельсингфорсе (21—27 ноября 1906 г.), задачей которого было выработать программу сионистов на предстоящих выборах во Вторую Государственную Думу. На съезде участвовали 72 сионистских деятеля из разных концов России, среди них — Лео Моцкин, И. Гринбаум, доктор Д. Пасманик и Владимир Жаботинский. Две речи Жаботинского стали центральными моментами на съезде. Жаботинский был автором окончательной редакции так наз. «Гельсингфорской программы» — программы активной политической борьбы за улучшение правовых и экономических условий еврейских масс в странах рассеяния.

Провозглашенный на съезде в Гельсингфорсе лозунг «Gegenwartsarbeit» впоследствии стал техническим терми-ном в сио-

нистской среде, означая новый вид т. н. голусного сионизма. Четверть века после Катовицкого съезда, почти десятилетие после первого сионистского конгресса, в свете неудавшейся первой русской революции 1905 г. и погромной волны, охватившей сотни городов и местечек, сионистское движение в России было поставлено перед необходимостью дать безотлагательный ответ по вопросу об участии сионистов в борьбе за гражданские права еврейства России.

Идеология сионизма исходит из предпосылки, что радикальное решение еврейской проблемы в мировом масштабе возможно только через возрождение потерянной государственной самостоятельности на земле исторической родины еврейского народа, — в Палестине. Но после четвертьвекового практического опыта еврейского строительства Палестины в условиях турецкого режима, создания там земледельческих поселков, колоний и школ, после семи сионистских конгрессов, даже самым крайним оптимистам в сионистской среде стало ясно, что конечная цель сионизма сможет быть осуществлена во всяком случае не ранее, чем через несколько десятилетий. (Сам Герцль, как известно, предсказал, что «максимум через полстолетие» еврейское государство станет реальностью, — предвидев даже сроки с провиденциальностью, достойной библейских пророков).

Но как быть до того? Примириться с неприглядной действительностью, пассивно принимая все невзгоды, или вести энергичную борьбу против попирания человеческих прав и достоинства еврейских граждан в царской России? Основные положения будущей «Гельсингфорской программы» развил перед съездом Ицхак Гринбуам. Стремление к массовому исходу из стран диаспоры в Палестину — подчеркивал И. Гринбаум в своем докладе — было и остается основной задачей сионистского движения в странах рассеяния. В противоположность «Бунду», «фолькистам» и «автономистам», сионистское движение будет вести борьбу за улучшение правовых и экономических условий жизни еврейских масс в России не для того, чтобы помочь этим массам прочнее обосноваться в странах диаспоры. Антисионистские партии и идеологии видят в пребывании евреев в диаспоре нормальную форму существования еврейского народа; для сионизма — это историческая аномалия, которой должен быть положен конец. Сионистская политика в диаспоре должна быть направлена в сторону не ослабления, а усиления стремления к исходу. Но борясь за равноправие евреев в России и в дру-

гих странах еврейской диаспоры, сионистское движение считает, что борьба за гражданские и национальные права только пробудит в еврейских массах сознание, что до тех пор, пока еврейство не будет обладать собственной территорией и государственной самостоятельностью, — до тех пор еврейство в рассеянии не имеет возможности жить свободной национальной жизнью. Даже если «Gegenwartsarbeit» будет максимально успешна, — она лишь укрепит в еврейских массах сознание, что полная национальная жизнь возможна только в собственной стране, в которой народ — хозяин своей судьбы. Вл. Жаботинский придерживался того мнения, что полноправие евреев и конституционные свободы являются необходимыми предпосылками для завоевания сионизмом прочных позиций в русском еврействе, (см. статью о Вл. Жаботинском в сборнике «Еврейский Мир», Н. И. 1944).

Принятая в Гельсингфорсе программа включала семь основных требований: 1. Демократизация государственного строя в России, сохранение парламентаризма, введение политических свобод, автономии и гарантий для национальных меньшинств. 2. Полное равноправие для еврейского населения России. 3. Гарантия прав национальных меньшинств при всеобщих, прямых и тайных выборах без различия пола в парламент, муниципалитеты и т. д. 4. Признание за еврейством России права самоуправления во всех областях его национальной жизни. 5. Созыв Всероссийского Еврейского Национального Собрания для выработки статута национальной организации. 6. Право пользования национальным языком в суде, школе и в общественной жизни. 7. Право соблюдать субботу вместо воскресенья в торговых заведениях, магазинах, конторах.

Эти основные требования были полностью подтверждены на первом Всероссийском Сионистском Съезде после падения старого режима, состоявшемся в мае 1917 года в Петрограде. Вскоре после октябрьского переворота то немногое, что русское еврейство успело создать за короткие месяцы русской революционной весны в области общинной организации, подверглось разгрому и уничтожению. Но идеи Гельсингфорской программы продолжали жить в сионистском движении в Польше, на Литве и в Румынии, — там, где борьба за улучшение правовых и экономических условий существования еврейских меньшинств продолжалась вплоть до второй мировой войны.

Первая мировая война. — Декларация Бальфура. — «Руслан». — После смерти Герцля сионистское движение шесть лет возглавлял в качестве президента Давид Вольфсон (1856—1914), литовский еврей, — «Давид Литвак» в «Альтнейланд» Герцля. В экзекутиве мировой сионистской организации из русских сионистов участвовали д-р Шмарья Левин, Нахум Соколов, д-р Е. Членов, М. Усышкин, доктор Виктор Якобсон и д-р С. Я. Бернштейн-Коган. На 10-м конгрессе в Базеле летом 1911 г. Д. Вольфсона на посту, президента движения сменил немецкий ученый ботаник, проф. Отто Варбург, руководивший движением до первого послевоенного сионистского совещания в Лондоне в 1920 г., когда высшее руководство сионизмом официально перешло в руки д-ра Хаима Вейцмана. Фактически Вейцман вел внешнюю политику сионистского движения уже несколько лет до 1920-го года, хотя и не обладал тогда никаким официальным мандатом. Опубликование Декларации Бальфура было делом рук Вейцмана.

Вспыхнувшая в августе 1914 г. первая мировая война могла иметь фатальные последствия для всемирного сионистского движения. Отто Варбург и член экзекутивы доктор Артур Гантке были немецкими евреями, и центральное бюро экзекутивы находилось в Берлине. Д-р Шмарья Левин, в прошлом член 1-ой Государственной Думы, незадолго до войны принял австрийское подданство. Д-р В. Якобсон, Нахум Соколов и д-р Е. Членов были русскими подданными. Давид Вольфсон умер через несколько недель после того, как война разразилась (15 сентября 1914 г.). Но что было бы немыслимо сейчас, было возможно тогда, — четыре с половиной десятилетия тому назад. Центральное бюро всемирного сионистского движения было из Берлина переведено в нейтральный Копенгаген и во главе его оказались два русских сионистских лидера — Лео Моцкин и д-р В. Якобсон. Они развили там интенсивную деятельность, издавали бюллетени по-немецки, по-английски и по-французски, организовали комитеты помощи евреям в Европе и Палестине и сумели в годы войны провести три сессии Большого Исполнительного Комитета (в декабре 1914 г., в июне 1915 и в марте 1916 г.), в которых принимали участие как сионисты из России, так и из стран враждебного блока. В октябре 1917 г. было открыто бюро в Лондоне, во главе которого стали д-р Вейцман, д-р Членов и Нахум Соколов.

В Гааге было создано бюро Еврейского Национального Фонда, которое возглавляли преимущественно русские сионисты,

агроном Эттингер, д-р А. Грановский, инженер С. Капланский и агроном З. Соскин. Инженер С. Капланский, в последние годы своей жизни состоявший директором Высшего Технического Института в Хайфе, в течение нескольких лет вел пропаганду за сионистские притязания в Социалистическом Интернационале. Владимир Жаботинский вместе с Меиром Гроссманом и Иосифом Трумпельдором вели в Англии пропаганду за создание Еврейского Легиона на помощь армиям Антанты. Идея Легиона в среде сионистов имела в России немало противников. Об этом ярко рассказал сам Жаботинский в своей книге «Слово о Полку». Легион в конечном итоге был сформирован при энергичном содействии Бэн Цви и Бэн Гуриона, теперешних президента и премьера Израиля, находившихся тогда в Америке, и благодаря активной работе Жаботинского и Гроссмана в Лондоне.

Осенью 1919 года, незадолго до упрочения большевистской власти на Украине, из одесского порта отплыл пароход «Руслан» к берегам Яффы. Это был первый и единственный пароход после первой мировой войны, легально увезший в Палестину свыше 600 «олим» из России, среди которых находились историк проф. И. Клаузнер, публицист д-р М. Гликсон (в будущем редактор «Гаареца», лучшей газеты страны), врач д-р Хаим Ясский, впоследствии директор госпиталя «Гадасса» в Иерусалиме (погибший весной 1948 г. от руки арабских террористов).

Отплытие «Руслана» от берегов Одессы к берегам Яффы (в Хайфе тогда еще не было порта) было как бы последним легальным этапом сионистского движения на территории России, завершившим 35-летний период сионизма в России от билуйцев и Катовицкого съезда Ховевей Цион в 1884 году. В Советской России сионистское движение стало нелегальным, ушло в подполье.

Некоторые итоги. — Политический сионизм был вызван к жизни Теодором Герцлем, увековечившим свое имя в новой истории еврейства. Он вместе с Максом Нордау и вывел сионистское движение на большую дорогу международной политики. Оба они были детьми еврейства западной и центральной Европы.

В русском еврействе было немало крупных богачей в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, но к сионизму примкнули из них единицы. Подлинным меценатом еврейской колонизации Палестины в широком масштабе оказался барон Эдмонд Ротшильд, глава парижского дома Ротшильдов. На его средства был пост-

роен ряд колоний в Палестине, развито было земледелие, мельничное производство и др. Стоит вспомнить, что больше половины земель, оказавшихся в руках евреев Палестины весной 1948 года, когда было провозглашено государство Израиль, были приобретены на средства Ротшильда.

Однако доля, внесенная еврейством России в строительство еврейской Палестины и роль в сионизме русских евреев очень значительна. От «шадарим», иммиграции хасидов и «перушим», халуки, билуйцев, Ховевей Цион, «Автоэмансипации» Пинскера, катовицкого съезда, «Бней Мошэ», Одесского Комитета — до наших дней — еврейство России много сил, духовных и материальных, инвестировало в Палестину во имя осуществления заветной мечты двадцати веков истории нашего народа.

Русское еврейство обогатило всемирное сионистское движение целой плеядой выдающихся политических и общественных деятелей, писателей, поэтов, мыслителей, которыми имели бы основание гордиться и народы, численно во много раз превосходящие еврейский народ.

Приведем лишь небольшой список имен.

Хаим Вейцман — первый президент Израиля; Ицхак Бен-Цви — второй президент Израиля; Мошэ Шарет — бывший премьер и министр иностранных дел; Давид Бен-Гурион — премьер Израиля. Ряд членов его кабинета: Леви Эшкол — министр финансов, Голда Меир — министр иностранных дел, Бар-Иегуда — министр внутренних дел, Мордехай Намир-Немировский — министр труда, Залман Аран-Аронович — министр просвещения, И. Барзилай — министр здравоохранения, Мордехай Бен-Тор — министр экономического развития страны, Мордехай Кармон — министр транспорта, Кадиш Луз — земледелия и Пинхас Сафир — министр торговли и промышленности. Все они вышли из среды еврейства Украины, Волыни, Подолии и русской Польши. Был русским евреем — уроженец Москвы покойный президент парламента И. Шпринцак. Во главе Керен-Гаессода стоял Лев Яффе из Гродно, поэт и писатель. Керен Каиемет (Еврейский Национальный Фонд) был создан по инициативе Германа Шапиро, литовского еврея и до последних дней своей жизни во главе его стоял М.-М. Усышкин, на протяжении почти 45 лет игравший видную роль в сионистском движении и в самой Палестине. Во главе еврейского агентства в Иерусалиме стоит Залман Шазар — историк и журналист; среди членов Экзекутивы — Меир Гроссман, соратник Жаботинского, журналист, заслуженный политический и общественный деятель, Илья Добкин из Белоруссии и др.

Русским евреем является филолог и публицист Элиэзэр Бэн-Иегуда-Перельман, заслуги которого по возрождению иврит и введению его в качестве разговорного языка в жизненный обиход огромны. Русское еврейство дало сионистскому движению такого блестящего деятеля и писаделя, как В. Е. Жаботинский, ряд публицистов и редакторов еврейской прессы в Израиле, как А. Идельсон, д-р М. Гликсон, д-р М. Бейлинсон, Абу Ахи-Меир, Г. Розенблюм, Арье Дисенчик и много других, затем поэта и фельетониста Натана Альтермана, переводчика на иврит русских классиков Авраама Шлионского, писателя Азаза.

Русское еврейство дало сионизму философа Ахад Гаам, Нахума Соколова — несколько лет бывшего президентом всемирного сионистского движения, филолога и ученого Бэра Борохова (см. статью о Борохове, написанную для настоящей книги президентом Израиля И. Бэн-Цви).

Бялик с первых своих шагов в еврейской поэзии стал певцом национального возрождения, как и Черниховский и Шнеур. Были сионистами и Фруг, и Шолом Алейхем, активный пропагандист сионистской идеи.

Лео Моцкин, киевлянин, посвятил 35 лет своей жизни сионистской и голусной общественной деятельности. После версальской конференции до своей смерти в 1933-м году в Париже, Моцкин был «Рэш Галуга», печальником и заступником всего еврейства диаспоры, президентом сионистских конгрессов и Большого сионистского Акционс-Комитета.

П. М. Рутенберг, в прошлом русский революционер, имя которого связано с эпопеей священника Гапона, в годы первой мировой войны после докладов Бэн-Гуриона и Бэн-Цви о положении в Палестине сказал им: «Я — ваш!» Он поселился в Палестине и стал электрификатором страны. Одно время он был президентом Ваад Леуми, представительства палестинского еврейства в эпоху английского мандата.

Первый президент Израиля. — Сыну скромного торговца лесом из Полесского «Мотэлэ» (Мотель, Кобринского уезда, Гродненской губернии), Ойзера Вейцмана и Рахили, дочери арендатора Чемеринского, Хаиму Вейцману судьба предрекла блестящую карьеру ученого химика и политического деятеля, венцом которой было избрание весной 1948 г. первым президентом возрожденного государства Израиль. В своей вилле в Реховот, где Вейцман поселился лет за 15 до избрания в президенты, он умер в ноябре 1952-го года, в возрасте 78—79 лет. В саду, у окон своей виллы Вейцман и похоронен. На средства почитателей и близ-

ких друзей Вейцмана в Америке, Англии и некоторых других странах создан «Яд Вейцман», прелестный городок, центром которого является Институт имени Вейцмана, пользующийся в научном мире репутацией одного из лучших научных учреждений нашего времени.

Вейцман вышел из недр русского еврейства. И в дни своих головокружительных успехов Вейцман всегда оставался русским евреем и любил порой в беседе щегольнуть русской народной пословицей и сочной остротой на идиш. Западник по своему духовному складу, поклонник Англии, он никогда не имел иллюзий насчет политики «коварного Альбиона». Он верил в реальность только того, что евреи сами создадут в Палестине. Только это, по его мнению, будет решающим фактором в «исторический момент», в наступление которого он твердо верил.

Вращаясь в кругах высшей аристократии, будучи вхож во дворцы и салоны сильных мира сего, Вейцман с годами стал считать, например, что у такого-то имярек, дяди его из Мотэлэ, гораздо больше ума, чем у иного прославленного государственного деятеля Англии или Франции. О Вейцмане имеется огромная литература. Книга о нем по-русски написана М. В. Вишняком. Сам Вейцман опубликовал свою автобиографию «Искания и Блуждания».

В его архиве в Реховот хранятся десятки тысяч писем и документов, на основе которых будущий биограф построит здание истории жизни и достижений Хаима Вейцмана, который добыл у Англии Декларацию Бальфура (2 ноября 1917 г.) и был избран первым президентом государства Израиль.

Ицхак Бен-Цви. — Второй президент Израиля также сын русского еврейства. Отец его Цви Шимшелевич в Полтаве был участником движения «Ховевей Цион». Он писал статьи в тогдашней печати на иврит. В 1906-м году за участие в еврейской самообороне отец его и брат были сосланы в Сибирь. Ицхак, тогда студент киевского университета, нелегально покинул Россию и переехал в Палестину, которую он впервые посетил еще в 1904 году.

Сорок шесть лет своей жизни в стране, и до избрания президентом, Бэн-Цви играл видную роль в палестинском еврействе, в рабочем движении и Гистадрут, занимал пост президента Ваад Леуми, участвовал в иерусалимском муниципалитете и, при всей своей интенсивной общественной и политической работе, никогда не оставлял научной и писательской деятельности. Бэн-Цви — автор ряда исследований, в том числе о самаритянах и о

деревне Пекиин, которую евреи, по преданию, со времени Второго храма никогда не покидали. В Иерусалиме существует институт имени Бэн-Цви, в котором он проводит один день в неделю за научной работой. Его разнообразные научные интересы обнимают семитологию, языковедение, филологию, фольклор, археологию, библиологию и т. д. Если бы не политическая и общественная деятельность, Бэн-Цви стал бы профессиональным ученым-академиком. Его в народе уважают и любят. Выходцы из стран Ближнего Востока и Аравии видят в нем своего «печальника». Он любит принимать у себя самаритян и иеменитов и беседовать с ними об их нуждах на их диалектах.

Бен-Гурион. — Уроженец Плонска, уездного города Варшавской губернии. Оставив Россию 20-летним юношей, он владеет русским языком и до сих пор продолжает следить за русской, особенно, научной литературой. Как социалист, он неизменно читает и издания московского Института Маркса и Энгельса. За годы существования Израиля Бэн-Гурион вырос в фигуру национального масштаба в еврействе и приобрел мировую известность. Его роль в Израиле сравнивают с ролью библейских пророков.

Заключение. — После революции 1917 года на первом всероссийском сионистском съезде, созванном в конце мая в Петербурге, присутствовали 522 делегата, представлявших 340 сионистских организаций из разных пунктов России. Начальник петроградского военного округа, приветствуя съезд, сказал: Когда наступит час, и Палестина вновь станет еврейской, забудьте вы, русские евреи, все зло, причиненное вам не по вине русского народа, и дайте нам, русским, доступ к нашим православным святыням в стране, когда она станет вашей!..

В период февральской революции, — а на Украине и позже, — сионистское движение стало одним из значительных и активных факторов общественно-политической и национальной жизни русского еврейства. На выборах в общины, в муниципалитеты и т. д. сионисты собирали обычно много голосов, — подчас даже большинство еврейских избирателей. Достаточно отметить в этом отношении результаты еврейских выборов на Украине.

В т. н. Временное Еврейское Национальное Собрание Украины (3—11 ноября 1918 г.) сионисты шли тремя списками, из которых алльгемейне получили 70584 голоса и 42 депутата, цеирей-цион — 23851 голос и 14 депутатов и поалэй-цион — 18416 голосов и 11 депутатов. Из 209128 поданных на выборах голосов

сионисты получили 112851 голос, немного больше половины всех голосов.

По данным о выборах в еврейские общины на Украине (весной 1919 г.) алльгемейне сионисты получили 81722 голоса и провели 1400 депутатов, поалэй-цион — 15092 голоса и 253 депутата, а цеире-цион — 5261 голос и 103 депутата. На общее число голосовавших в 187485 сионисты получили 102075 (54,4%), а на общее число депутатов в общинах в 2951 сионисты провели 1756 (59%)...

Октябрьский переворот 1917 года, разгром всех демократических организаций еврейства в России, преследования сионизма нанесли жестокий удар еврейству России, — и не только одной России. Еврейская Палестина и нынешний Израиль были бы во много раз богаче в духовном и материальном отношениях, если бы в России в октябре 1917 года и в последующие годы не произошло то, что — произошло!

ИЦХАК БЕН ЦВИ, президент Государства Израиль

К ИСТОРИИ РАБОЧЕГО СИОНИЗМА В РОССИИ

ПОАЛЭЙ ЦИОН И БЭР БОРОХОВ

Дов-Бэра Борохова я знал почти подростком, когда ему было лет 12—13. Среди товарищей и в семье его звали Борей. Только в последующие годы, войдя в общественные дела и выработав свое мировоззрение, он переключился с русского на идиш и стал называться «Бэрл». Но язык, на котором он думал, говорил и писал, был русский, — язык, на котором выросло и воспиталось все молодое поколение украинских городов в девяностых годах прошлого века.

Дов Борохов родился в местечке Золотоноше (Полтавской губернии) 21-го мая 1881-го года, но вскоре семья переселилась в Полтаву. Тут в 12-летнем возрасте он поступил в гимназию, которую окончил в 1900 году. Отец его, Мошэ-Арон Ворохов, и мать Рахиль принадлежали к поколению «маскилим» (просветителей). Мошэ-Арон Борохов был учителем еврейского языка по профессии. Он преподавал иврит и впоследствии, переселившись в Америку, где ему не легко давалось уроками иврит в школах и в частных домах прокормить семью.

При царском режиме еврей, которому удалось определить сына в гимназию, был счастливцем, выигравшим в лотерею. Но в этом случае родители часто уже не были в состоянии давать еврейское воспитание сыну-гимназисту. В те годы в Полтаве, как и в других городах черты еврейской оседлости, было среди евреев немало людей, одушевленных идеей возрождения Сиона, немало противников ассимиляции. Но обычно как только дети поступали в русскую гимназию, — еврейское воспитание неминуемо отодвигалось на второй план. Так случилось и с Борей Бороховым.

В Полтаве, губернском городе на Украине, фабрик и заводов не было. Имелся ряд крупных мельниц, было много ремесленников и мелких торговцев. Летние ярмарки, особенно ярмарка на Илью Пророка, в мое время были уже на ущербе. Население

жило главным образом сбытом продуктов, поступавших из окрестных деревень. Евреи торговали, занимались мелкими ремеслами, порой встречались среди них чернорабочие. Из-за отсутствия фабрик и заводов в Полтаве не было рабочего движения, ни еврейского, ни общего. Но в этом отношении помогло царское правительство, избравшее тихую идиллическую Полтаву местом ссылки революционеров. Таким образом случилось, что в Полтаве очутился ряд видных представителей передовой русской интеллигенции, как, например, доктор Волькенштейн (из «Народной Воли»), или Владимир Галактионович Короленко, дом которого стал естественным центром местной интеллигенции; ссылали сюда и политических деятелей новой формации — «искровцев», эс-эров, толстовцев. Помню среди ссыльных Юлия Мартова (внука А. Цедербаума, редактора «Гамелица»), Боруха Столпнера и других.

Полтаве посчастливилось: город неожиданно стал центром крупных интеллектуальных сил, представителей разных русских революционных течений, имевших большое влияние среди молодежи, особенно среди еврейской молодежи и учащихся в гимназии и в реальном училище. Помню ряд докладов и лекций на философские, экономические, политические темы, происходивших частью легально, частью в частных домах, в школах и синагогах, и привлекавших пытливую молодежь. Все это влияло, конечно, и на Борю Борохова, в детстве выделявшегося своей даровитостью, и давало серьезный толчок его духовному развитию.

Полтава, охваченная атмосферой борьбы за социалистические и общечеловеческие идеалы, стала также в центре национального движения среди еврейской молодежи. «Хибат Цион»[1] пустила свои корни в Полтаве уже в 80-х годах прошлого столетия. М. Борохов, отец Бори, был одним из самых активных членов того небольшого кружка еврейской интеллигенции, который заложил основы сионизма в Полтаве. Наряду с практической работой (среди «билуйцев»[2] Палестины был ряд выходцев из Полтавы) процветала культурная деятельность, наблюдалось

[1] Палестинофильство.

[2] «Билуйцы», «Билу» — палестинофильский кружок, возникший в начале 80-х г.г. в целях содействия личному переселению членов кружка в Палестину. Название «Билу» составлено из начальных букв библейского стиха из Исайи. См. статью Г. Света «Русские евреи в сионизме».

стремление к изучению истории еврейского народа, к ознакомлению с еврейским национальным движением нашей эпохи, к познанию еврейских духовных ценностей, рос интерес к воспитанию детей в еврейском духе, к школе на иврит, к реформированным хедерам и т. п.

В этой атмосфере вырос Бэр Борохов, который, как я уже указывал, был с юных лет исключительно одарен. С помощью политических ссыльных он с поразительной легкостью овладел теориями социализма, а от семейного окружения унаследовал глубокий интерес к еврейскому национальному движению. Свой собственный путь общественного служения он проложил на перекрестке между «Искрой» и «Бнэй Мошэ» и «Ховэвей Цион».[3] Борохов не был в этом отношении исключением. Таков был путь общественного служения многих его сверстников, как и молодежи предыдущего поколения: одни повернули направо, другие подались налево. И те, и другие были чужды широкого охвата проблем еврейской действительности. Сторонники ассимиляции вообще игнорировали наличие национальной проблемы. Подобно страусу перед лицом опасности, они предпочитали прятать свои головы в песок, не желая видеть реальности. Национально-настроенная еврейская интеллигенция в свою очередь игнорировала наличие классовых противоречий, отодвигая этот вопрос на более позднее время, в туманное будущее. Узость духовных горизонтов приводила к тому, что одни игнорировали национальный, а другие — классовый момент, сознательно или по святому неведению. В результате и те, и другие не в состоянии были удовлетворить запросы молодежи, искавшей ответа на животрепещущие проблемы дня. Не удивительно, что в этой обстановке возникло новое, третье, течение, которое более соответствовало условиям тогдашней еврейской действительности, — течение, которое объединило в одном и национальный и социальный моменты и получило название Поалэй-Цион или Сионизм-Социализм. Полтава — один из пунктов, откуда вышел Поалэй-Цион. Борохов явился одним из творцов и лидеров его.

Гимназические годы Борохова были одновременно годами духовной подготовки к будущей деятельности. С юных лет он

---

[3] «Бнэй Мошэ» — сыновья Моисея — национальное направление, возглавленное Ахад-Гаамом, из которого несколько позже оформился «духовный сионизм». «Ховэвей-Цион» — палестинофилы. См. вышеупомянутую статью Г. Света.

с жадностью поглощал разнообразные знания: математику, природоведение, языкознание, всеобщую историю, социологию, экономические науки, этику, логику, философию. До 19-ти лет он не принадлежал к какой-либо партии, но к общественной деятельности тяготел с раннего возраста. Сверстники Борохова по гимназии уже тогда чувствовали, что со временем он станет духовным лидером, вождем. Бывало, в 17-летнем возрасте Бэр собирал сверстников и читал им лекции по философии или истории. Он обладал даром ясного изложения своих мыслей, в которых всегда проявлялась самостоятельность, и отсутствием всякой боязни отстаивать то, что он считал единственно верным, хотя бы большинство и придерживалось противоположной точки зрения. Помню, в Полтаве тогда говорили: если в библиотеке трудно достать книги Канта и Шопенгауэра, значит Бэр Борохов со своим кружком изучает немецкую философию. Когда из библиотеки надолго исчезали книги по этике, это свидетельствовало о том, что Бэр читает в своем кружке лекции по этике. В те годы он приобрел особую популярность своими лекциями об Ибсене, Ницше, Штирнере. Как-то приехал в Полтаву старый профессор, лектор по философии, Лесевич. Восемнадцатилетний Борохов вступил с ним в философский спор, и тот признал серьезность доводов своего молодого оппонента, и публично отозвался о нем с похвалой.

Все это имело место в «доисторическую» эпоху, до начала общественной работы Борохова, до того, как он разработал свою философию сионизма и выступил на поприще общественно-политической деятельности. В восьмом классе гимназии Борохов примкнул к социал-демократам: вскоре их стали называть «искровцами», по имени возникшего с конца 1900 года социал-демократического органа «Искра», проникавшего из-за границы в Россию. Вошел он в социал-демократическую партию в Полтаве и продолжал числиться в ней в Екатеринославе. Подробности о деятельности Борохова в партии с.д. мне неизвестны. Знаю только, что он с огромным успехом читал доклады и среди интеллигенции, и среди рабочих. Это было в 1900—1901 г.г. Думаю, что с. д. деятельность его не удовлетворяла. Его тянуло углубиться в научную литературу о социализме, пить из первоисточника; может быть, он был неудовлетворен и тем, что во всей социалистической литературе — научной и агитационной — отсутствовала разработка волновавшей его еврейской национальной проблемы. Борохов мужест-

венно не скрывал своих сомнений и своей неудовлетворенности. На партийных верхах на это смотрели косо.

Кишиневский погром весной 1903 года прозвучал для еврейской молодежи начала века, как гром с ясного неба. Кишинев стимулировал Бэра заняться поглубже национальной проблемой и решительно отвернуться от идеологии нейтрализма, покинуть позицию «золотой середины», ведущей по существу к ассимиляции.

Его интерес к сионизму увеличился еще несколько раньше в связи с дискуссией, возникшей в еврейских общественных кругах по поводу статьи Бикермана против сионизма, появившейся в «Русском Богатстве» в 1902 г. Борохов ответил Бикерману. Перед опубликованием своего ответа он выступил с докладами на эту тему среди представителей разных партий. Доклады Борохова содействовали углублению дискуссии вокруг проблемы национализма. Борохов в этих докладах отчетливо формулировал расхождение между национализмом и интернационализмом, дал исчерпывающие определения основных линий в области национального вопроса: космополитизма, ассимиляции, классового и национального сознания и т. д. Влияние докладов Борохова на еврейскую молодежь было огромным. Ответ Борохова Бикерману, однако, в печати не появился, ибо русские газеты и журналы того времени большею частью находились либо в руках ассимилированных евреев, либо в руках неевреев, в этих вопросах разделявших позиции сторонников ассимиляции и во всяком случае чуждых еврейским национальным движениям. У Борохова в ту пору не было возможности изложить свои национальные воззрения на страницах русских газет и журналов, и ему пришлось удовольствоваться докладами и дискуссиями, в которых участвовали евреи и неевреи, «искровцы» и эсэры, сионисты и крайние ассимиляторы. Богатый материал этой идейной работы и дискуссионных схваток был позже использован Б. Бороховым в его статьях и исследованиях «Наша платформа», «Классовые интересы и национальный вопрос» и другие.

В этот период Борохов, поскольку мне помнится, отошел от всякой практической общественной работы, погрузившись целиком в изучение вопроса, в подготовку статей. Тогда уже появились первые его печатные труды («О характере еврейского ума»), («Сион» Альманах) и «К вопросу о теории сионизма», а также его работы о сионизме и территориализме (после первого конгресса), опубликованные в 1905 году под общим названием

«К вопросу о Сионе и территории». («Евр. Жизнь» №№ 6—9 за 1905 год).

Глубокий перелом произошел в Борохове в связи с памятным угандским проектом. Борохов без колебаний решительно высказался за Сион против территориализма. Занятая им позиция побудила его тогда вернуться к практической общественной работе. В конце лета 1904-го года я впервые посетил Палестину, объехав страну вдоль и поперек, сделал ряд наблюдений о стране, об ее ишуве, особенно о новых иммигрантах, о той иммиграционной волне, которую принято называть «Алия шниа» («Вторая иммиграционная волна»). Вернувшись в Полтаву, я имел ряд долгих бесед с Бороховым, подробно расспрашивавшим меня о стране, особенно о рабочем элементе. Полагаю, что мне удалось тогда укрепить в нем его «палестинизм», расширить его знания и сведения о палестинской действительности. Со всем пылом молодости и своих неистраченных сил, Борохов отдался делу сионистской пропаганды. В ту пору он уже стал проявлять себя в качестве первоклассного лектора и искусного оппонента. Борохов объехал Литву и Польшу, побывал во всех городах и местечках Украины, Подолии и Волыни, став за этот короткий срок в некотором роде знаменитостью в «черте оседлости». В ту пору он свои доклады читал еще по-русски, даже в большой синагоге в Вильно, ибо еще в достаточной мере не владел идиш.

Разъезды по провинции свели Борохова с широкими народными массами, от которых он в родной Полтаве был оторван. В поездках этих ему впервые пришлось встретиться и со старейшей еврейской рабочей организацией — «Бундом», к которому у него было весьма сдержанное отношение из-за того, что Бунд враждебно относился к идее национального возрождения и к тяге еврейских рабочих масс к свободной национальной жизни на древней исторической родине. В гуще еврейского населения Борохов нащупал благодарную почву для того духовного синтеза, который он давно вынашивал в душе.

В Польше, Литве и в Юго-Западном крае он столкнулся ближе с еврейскими рабочими массами, что расширило круг его знаний об экономической структуре еврейской черты оседлости. И в свете приобретенного им опыта Борохов ко второй половине 1905 года выдвинулся в качестве одного из основоположников партии Поалэй Цион.

В то время кристаллизовалась идеология социалистического сионизма. Группы и организации партии возникли по всей Рос-

сии: в Вильне и Варшаве, в Одессе и Минске, в Крыму и в Екатеринославе, в Ростове и в Великороссии.

Еще существовали известные идеологические разногласия между этими группами, но общим были для них основы пролетарского сионизма, сочетание в одном движении сионистской и социалистической идеологий. Это их объединяло, сплачивало, отделяя как от других движений среди еврейских рабочих, захваченных ассимиляторскими настроениями, так и от общего буржуазного фронта в национальном движении, явно игнорировавшего социальный и классовый момент.

Приняв название «Поалэй Цион», это движение подразделилось внутри на три течения. Одним из водоразделов явилось отношение к политической борьбе в России. В то время, как одни (их называли «пэкистами» — от слов «политишэр кампф» — политическая борьба) были сторонниками активного участия в политической борьбе, другие этому противились. Было разногласие также по вопросу о языках — идиш или иврит. Третьим предметом спора было — Палестина или Уганда, впоследствии расширившегося в вопрос об отношении к территориализму.

Полноты ради я хочу отметить также расхождения среди поалэй-ционистов по двум другим пунктам, — по вопросу об отношении к сионистскому конгрессу и по вопросам социалистического мировоззрения Расхождения в вопросе о сионистском конгрессе обозначились позже. Расхождения в вопросах социалистического мировоззрения не имели решающего значения. Одни тяготели к социал-демократии, другие к социалистам-революционерам. Одни были ортодоксальными марксистами, другие проявляли склонность к бернштейнианству и ревизионизму. Согласно первому варианту поалэй-ционизма, формулированному в Минске, участие партии в политической борьбе в России отвергалось. Задача ограничивалась борьбой за улучшение экономического положения еврейских масс на местах. Может быть, именно поэтому Поалэй-Цион минского толка не привились и не привлекли широких масс. Все другие группы и организации Поалэй-Цион были, напротив, сторонниками активного участия в политической борьбе в России.

Давал себя чувствовать в партии разнобой, как я уже упоминал, и по языковой линии: в то время, как партийные группы в Литве подчеркивали, что национальным языком является иврит, минчане — и, если не ошибаюсь, группы, действовавшие в Польше, — тяготели к идиш. На Украине, — в Полтаве и, кажется, в Екатеринославе, — наблюдалась тяга к иврит, но без всяко-

го пренебрежительного отношения к идиш. Однако, эти языковые споры не имели большого значения, ибо еврейская интеллигенция и передовые элементы партии не говорили ни на иврит, ни на идиш, а по-русски.

Серьезнее был спор по вопросу «Сион или территория» спор, в конечном счете вызвавший раскол в партии. Территориалисты организовали свою партию и опубликовали декларацию, которую палестинцы иронически называли «эс-эсовский[4] бэншэрл» (застольная молитва после трапезы). Они застали врасплох «палестинцев», не успевших еще придать организационную форму своему крылу. Теперь и им пришлось спешно создавать свои партийные группы в Полтавской губернии, на Литве, в Крыму, на юге России. Задача «палестинцев» была нелегкой. Всюду им приходилось бороться: на Литве — с Бундом и «минчанами»; в Польше — с Бундом и П. П. С.; на юге России — с «искровцами» и эс-эрами; и всюду — с новой антипалестинской сионистской партией эс-эс (сионистов-социалистов). В конечном счете эта борьба на разных фронтах содействовала кристаллизации идеологии и организационному объединению Поалэй-Цион в единую палестинскую партию.

Происходило это перед седьмым сионистским конгрессом, первым после смерти доктора Герцля и после угандского конфликта. Во время конгресса, в Цюрихе состоялось совещание представителей групп Поалэй-Цион из разных стран, и на этом совещании была заложена основа объединенной партии. В Цюрихском совещании принимал участие Борохов и именно там, думаю, созрело в нем решение связать свою судьбу с палестинским направлением Поалэй-Цион.

Тем не менее, движению нанесен был тогда удар изнутри, который грозил молодой партии серьезными последствиями. Опять произошел раскол. Возникла «сеймовская» партия или «Е.-С-овская» (еврейская социалистическая партия), сложившаяся вокруг журнала «Возрождение» и состоявшая из студенческой молодежи, а частью из рабочих, входивших до того в партию Поалэй-Цион. Е. С. были опаснее для Поалэй-Цион, чем в свое время С. С., так как С. С. были известны своим отрицательным отношением к Палестине, — единственной стране, в которой только и мыслимо было национальное возрождение еврейского народа. Еврейские массы знали о том, что С. С. отвергают палестинизм, и поэтому не пошли за ними. «Сеймов-

[4] Эс-эс — сокращенное название партии сионистов-социалистов.

цы» или Е. С.-овцы, наоборот, неустанно подчеркивали в своей печати, что в их рядах есть место и для крайних палестинцев, как, впрочем, и для крайних территориалистов. Проблема эта — Палестина или другая территория, — твердили они, еще не созрела в достаточной мере, чтобы ее уже сейчас окончательно решить. Вначале необходимо добиваться национально-персональной автономии, которая явится предпосылкой следующего этапа — автономии территориальной, безотносительно к тому, будет ли эта территория в Палестине или в какой либо другой стране.

Борьба с Е. С. была труднее, чем с С. С. В свое время С. С., гордые своей ортодоксально-марксистской позицией в национальном вопросе, всячески избегали вступать в дискуссию в этой области. Е. С., наоборот, постоянно подчеркивали свою положительную национальную установку, разработали обширную программу своей национальной деятельности в диаспоре, резко критиковали ассимиляторский характер позиции «искровцев» и полуассимиляторов из Бунда. Пропаганда Е. С. вербовала немало сторонников из среды Поалэй-Цион, которым грозил серьезный раскол, если не хуже: упадок и даже гибель.

Борохов вернулся с седьмого сионистского конгресса вместе со своей женой Любой в разгар первой русской революции, когда по стране прокатилась волна антиеврейских погромов. За границу он выехал, как «общий сионист»; по возвращении же с конгресса, он примкнул к пролетарскому сионизму и поставил своей задачей укрепление партии, спасение ее единства, ее целостности. Он вступил на этот путь во всеоружии теоретических знаний, создав оригинальную теорию поалэй-ционизма, прозванную «прогностическим палестинизмом».

Борохов выступил в Полтаве на районной конференции (в ноябре 1905-го года) и принял там активное участие в выработке национальной социалистической программы. Полтавская конференция стала поворотным пунктом в судьбе партии. Она как бы образовала новый стратегический центр борьбы с «сеймизмом» и укрепления «пролетарского палестинизма», выдвинула ряд лозунгов, создала свой орган «Еврейская рабочая хроника», который вначале обслуживал только полтавский район, а впоследствии стал центральным органом всего поалэй-ционистского движения в России. На этой же конференции, одним из инициаторов и организаторов которой я был, — я встретился с Бороховым, с моим другом детства, ставшим ныне и другом по партии.

После полтавской конференции Борохов со всем жаром молодости отдался борьбе с С. С. и с «сеймовцами»; при этом целью его была не эта борьба и даже не победа над противниками в публичных дискуссиях, но подготовка созыва всероссийского съезда партии и завершение ее организации. В России шла революция. В дни, когда происходила наша полтавская конференция, разразилась политическая забастовка по всей стране, которую начали железнодорожники. За забастовками часто следовали антиеврейские погромы. Мне пришлось быть по свежим следам такого погрома в Екатеринославе. Я приехал туда по делам нашей самообороны, день спустя после погрома, и участвовал в процессии, в которой хоронили 70 жертв погрома.

Из Полтавы Борохов и я, в качестве делегатов полтавской конференции, отправились на районную конференцию — в Бердичев в декабре 1905 года. Там собрались делегаты партийных групп Киевской, Подольской, Волынской и Бессарабской губерний. Конференция собралась при очень неблагоприятных условиях: на улицах бесчинствовали казаки, по вечерам было небезопасно выходить на улицу. В комнатушке, при свечах, мы проводили дни и ночи в заседаниях и дискуссиях.

Борохов был тогда болен. Разъезды в осенние, ненастные дни были опасны для его здоровья. Но партийный долг был для него святым делом. С высокой температурой, не щадя своего здоровья, поехал он на съезд. Горло у него было воспалено; ему трудно было говорить; его едва было слышно; в перерывах между заседаниями он принимал лекарство, и я помогал ему прикладывать компрессы к горлу. На этом съезде Борохов выдвинулся в качестве лидера «палестинцев», заняв, несмотря на болезнь, центральное положение в нашей среде. Противники мобилизовали своих лучших лидеров: Нахум Штиф (тогда он был известен под именем Марк, если не ошибаюсь), Володя Фабрикант (студент-технолог из Полтавы, один из основателей группы «Возрождение»), Израиль Зерубавел-Левитан (его не следует смешивать с Зерубавелем-Виткиным) и др. Со стороны «Поалэй-Цион», верных Палестине, участвовали, насколько я помню, — кроме нас, полтавцев, — Нисан Лурье, Павел — «палестинец» из Ростова, студент-технолог киевского политехникума; Рахиль Янаит (из Малина Киевской губернии, студентка, учившаяся за границей, участница седьмого сионистского конгресса в Базеле); Рувим Гринберг из Проскурова (в товарищеской среде его звали Насей) — даровитый молодой человек, напечатавший на иврит в «Газмане» первую

статью о Поалэй-Цион; Давид Раппопорт (тоже из Проскурова) и др.

Заседания и дискуссии длились дней десять, и в конечном счете — привели к расколу. В районе образовались два партийных центра. Как участник Бердичевской конференции, могу засвидетельствовать, что если бы не Борохов и не предшествовавшая полтавская конференция, весь район, охватывавший Украину — Киевскую, Бессарабскую, Волынскую и Подольскую губернии, — перешел бы к «сеймовцам». По своему значению и размерам раскол этот равен расколу, имевшему место впоследствии в 1920-м году в Вене, 15 лет спустя после бердичевского раскола, явившегося серьезным моментом на пути оформления нашей партии.

Борохов продолжал партийную работу на Литве и в юго-западном крае. Центр, созданный в Полтаве, находился в постоянной связи со всеми группами, организованными Бороховым. Поддерживалась связь и с группами в Польше, в Крыму, в центральной России. Таким образом подготовлялась почва для всероссийского съезда, более известного под именем «полтавской конференции», состоявшейся в Пурим 1906 года. Там была положена основа объединенной партии Поалэй Цион в России.

Полтавская конференция 1906 года стала новым этапом в истории Поалэй Цион. Был создан партийный аппарат, способный оказывать необходимое противодействие попыткам наших противников. Если до сих пор существует мировое движение Объединенной партии Поалэй Цион, — заслуга в том прежде всего полтавской конференции 1906-го года. На ней были формулированы основы поалэй-ционистского мировоззрения и были избраны лидеры центра и руководители периферии. Десять дней, в условиях «чрезвычайного положения», повальных обысков, боязни предательства и провокации, шла работа конференции. На ней был избран центральный комитет, которому было поручено не только провести в жизнь принятые решения, но и позаботиться о дальнейшем углублении теории поалэй-ционизма.

Кроме меня в центральный комитет были избраны: Бэр Борохов, с первых дней завоевавший признание и авторитет партийного лидера; Александр Хашин (Цви Авербух, он же Витебский[5]). Он был превосходный оратор, тонкий аналитик, остро-

[5] Хашин погиб в СССР в конце 30-х годов при разгроме евсекции.

умный, но бесхарактерный и к тому же недостаточно образованный деятель; блестящий ум помогал ему скрывать недостаток знаний и подготовки; до Полтавской конференции он был уже известен, как поалэй-ционистский агитатор в Литве и Галиции. Впоследствии он участвовал на конференции «Ахдут» в Иерусалиме. В годы войны он оставил Палестину, жил в Америке, откуда вернулся в Россию, а после революции, на венском съезде 1920-го года он ушел из партии Поалэй-Цион. Сначала он примкнул к левым Поалэй-Цион, потом ушел или был исключен и оттуда, так как стал в буквальном смысле слова «ликвидатором» и кончил тем, что примкнул к евсекции при компартии в СССР. На 16-м сионистском конгрессе в Базеле он присутствовал в качестве корреспондента коммунистических газет «Вархейт» и «Эмес», в которых напечатал ряд ядовитых статей, враждебных сионизму и еврейскому рабочему движению в Палестине.

В центральный комитет вошел также Нисан Лурье, тогда студент-юрист из Киева, блестящий оратор и превосходный полемист. После всероссийского партийного съезда он еще принимал участие в выработке программы, но затем отошел от партийной работы.

В Ц. К. были также избраны: Феликс Меньчиковский, глава крымского района партии, эрудит, редактор поалэй-ционистского органа в Крыму, исследователь экономического положения в России (в настоящее время он проживает в Израиле, работает на опытной станции и общественными делами не занимается). Кивин, ставший известным в качестве превосходного оратора на идиш, хотя и не отличался ни глубиной мысли, ни особым блеском. Подкупал слушателей, особенно на юге России, его ораторский темперамент. Обладал он и организаторскими способностями, но в формулировании «Нашей платформы» его роль была незначительна. До недавнего времени Кивин возглавлял в России левых Поалэй-Цион, отстаивая среди них идеи палестинизма. В более поздний период, уже в Вильне, были кооптированы в центральный комитет и редакцию партийного органа Рахиль Янаит (Лишанская) и Яков Зерубавел.

После закрытия конференции полиции стало о ней известно. Некоторые деятели конференции были арестованы, среди них и Борохов. Все же членам центрального комитета удалось убраться из Полтавы и съехаться в Константинограде, чтобы приступить к осуществлению главной задачи: к выработке «тезисов», которые должны быть положены в основу программы партии. Через день-другой после того, как мы съехались в Кон-

стантиноград, мы убедились в том, что провинциальный городок никак не подходит для нашего нелегального совещания. Мы перебрались в Симферополь, подальше от «черты оседлости» и там проработали три недели над составлением «Нашей платформы».

С внешней стороны мы устроились так, чтобы не вызвать подозрений со стороны полиции. Целый день мы заседали, в рестораны ходили в одиночку. В те дни в Симферополе выступали наши противники — «сеймовцы». Только на одно из их собраний явился Борохов, выступил там и — стушевался, чтобы никто не знал о наших заседаниях в городе. Порядок наших работ был в общем таков: Борохов читал доклад, после чего открывалась дискуссия, и потом принималось решение. Все доклады и речи во время дискуссии протоколировались. Обсуждались преимущественно следующие основные вопросы: национализм и интернационализм; нация и класс; пути национализма в их статике и динамике; проблема ассимиляции; социально-экономический анализ пролетарских движений в еврействе; основы персональной автономии евреев, как национального меньшинства и основы автономии в Палестине, когда евреи станут там большинством; и, наконец, — осуществление целей сионизма рабочим классом. Осуществление этих целей мыслится в виде постепенных этапов на пути социальных и национальных завоеваний, которые будут добыты в результате укрепления позиций рабочего класса в диаспоре, а потом в стране нашего национального будущего.

Весь материал обмена мнений, развернувшегося вокруг доклада Борохова, послужил основой для того здания, которое он, как строитель, воздвиг, дав ему скромное имя «Наша платформа». Это идеологическое здание, построенное преимущественно на основе анализа еврейской действительности в диаспоре, имело один существенный пробел: в нем почти не принимались в расчет еврейское строительство в Палестине, достижения и перспективы будущего.

Между нами в диаспоре и первыми халуцим (пионерами) в Палестине уже стала к этому времени устанавливаться связь. В Палестину тогда прибыли десятки новых халуцим из Польши, Литвы, юга России. Это были первые ласточки новой иммиграционной волны, послужившей как бы практическим ответом на «ликвидаторские» теории территориалистов. Сыграли здесь известную роль призывы Усышкина и воззвания Виткина; много участников самообороны в России, после погромной волны, эмигрировало, особенно с юга России, в Палестину.

Во время полтавской конференции, да уже и до нее, мы состояли в оживленной связи с нашими халуцим в Палестине. В партийной литературе на идиш и по-русски мы печатали их письма. Помню наши сношения с халуцим из Ростова, иммигрировавшими в Палестину после погромов, и нашу связь с Д. Грином, теперешним Бен-Гурионом.

Но наши партийные позиции в самой Палестине были еще слабы, а наша информация о происходящем в Палестине весьма неудовлетворительна. Все это породило ряд серьезных недочетов в нашей программе. Именно нашей общей недостаточной осведомленностью объясняется, например, упрямая оппозиция Борохова кооперативным планам Оппенгеймера. Но исходная предпосылка, что еврейская Палестина будет создана еврейским трудом, и что строительство Палестины может вообще быть осуществлено только еврейским рабочим классом, — эта мысль, теперь уже давно ставшая общепризнанной, впервые была провозглашена в «Нашей платформе».

«Наша платформа» была опубликована в несколько приемов; сначала одна часть платформы была опубликована в трех номерах «Еврейской рабочей хроники» в Полтаве. Продолжение платформы появилось во втором номере «Молота» в Симферополе. Оба органа выходили по-русски, и «Наша платформа» таким образом впервые увидела свет на русском языке. В то время не было потребности в опубликовании ее и на идиш, так как большинство руководящих элементов партии в те годы пользовались исключительно русским языком. В 1907-м году «Наша платформа» была частично опубликована на идиш в виленском «Форвертсе». Только несколько лет после смерти Борохова «Наша платформа» была полностью переведена на идиш и включена в полное собрание сочинений Борохова. Под «Нашей платформой» Борохов подписался псевдонимом — «Постоянный». Это имя долго сохранялось за ним в партии.[6]

[6] С проникновением движения в Литву и Польшу назрела необходимость опубликования «Нашей платформы» на идиш. В Лодзи в 1906-м году была создана редакция для издания «Нашей платформы» на идиш в переводе Залмана Рубашова. «Наша платформа» переведена была на иврит и опубликована в собрании сочинений Борохова (Марксистская библиотека, Тель-Авив, 1934) и затем в издании Рабочей библиотеки «Гакибуц гамеухад», 1955 г. Третий перевод на иврит в новой редакции войдет во второй том сочинений Борохова в издании «Ам овед».

Полтавский период закончился крахом: полиция обнаружила склад оружия самообороны, принадлежавший Поалэй Цион. Началось строгое следствие. Пишущий эти строки вынужден был скрыться из Полтавы. Из мести царская полиция арестовала моего отца и других членов семьи. Был также арестован редактор «Хроники» Л. Мальцер, брат Любы Бороховой, и Бэр Борохов. Остальные члены полтавской конференции успели скрыться. Центр тогда был перенесен в Вильну. Этого добивался Борохов еще до ареста.

Стоит отметить, что во время заключения в Полтавской тюрьме Борохов умудрялся заниматься партийной работой. Среди заключенных было много крестьян-украинцев, сидевших по делам об аграрных беспорядках, и Борохов читал им лекции на политические и общественные темы, о проблемах национальных, социально-экономических и политических. Немногим известно, что в те годы в рядах украинской социал-демократии возникло особое течение, сочетавшее социальные и национальные стремления, и что в основу этого течения были положены идеи Борохова, формулированные им в его статьях. Течение это и называло себя «Бороховистским».

Около пяти месяцев Ворохов провел в тюрьме, но и из тюрьмы он поддерживал с нами связь. Несмотря на большие трудности, нам в конце концов удалось извлечь его из заключения и вывезти за границу.

М. ОШЕРОВИЧ

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

1

Еврейскую иммиграцию в Соединенные Штаты обычно делят на три периода — испано-португальский, немецкий и русский. Русско-еврейская иммиграция началась гораздо позже других и в такое время, когда меньше всего можно было на нее рассчитывать, но именно она оказалась наиболее значительной и по размерам, и по своему характеру.

Значение русско-еврейской иммиграции в наше время не вызывает расхождений среди большинства исследователей истории американского еврейства; оно и не оспаривается и теми, кто склонен был подчеркивать исключительное влияние немецких евреев. Теперь все уже признают, что на все, что можно назвать еврейской жизнью в Америке, наложили свою печать русские евреи. Благодаря им, роль еврейства и его влияние достигли такого значения. Не будь их, вся еврейская жизнь выглядела бы иначе и пошла бы иными путями, постепенно отрываясь от своих корней; вместо того, чтобы выявлять таящиеся в ней и взращенные рядом поколений творческие силы, инициативу и своеобразие, она захирела бы в атмосфере всяких страхов; люди предпочли бы отсиживаться в уголке, в призрачной надежде окончательно слиться с чужой средой.

В истории еврейского народа такие явления не новы. Не раз еврейские общины хирели, будучи лишены своевременного притока свежих сил, приносивших с собой дыхание новой жизни. В былые годы евреи в Германии стремились к тому, чтоб их считали немцами Моисеева закона, а в Польше — поляками Моисеева закона; существовала возможность, что и у нас в стране преобладающим элементом стали бы евреи, которые себя не считают евреями, а американцами Моисеева закона.

Это несомненно случилось бы, если бы не русские евреи, которые привезли сюда с берегов старой родины, находившейся по ту сторону океана, одушевляющие их идеалы, свое наци-

ональное самосознание, свой революционный пыл. Не будь этого, евреи в Америке удовлетворились бы слабыми узами религии.

Нет сомнения в том, что без участия русских евреев не была бы создана ни получившая большое распространение еврейская печать, ни богатая еврейская литература, не удалось бы воспитать народную массу и не удалось бы с таким умением и глубокой верой в справедливость организовать еврейских рабочих в тред-юнионы, ставшие образцом для всей Америки, — и повести упорную борьбу с эксплуатацией, за право трудящихся на лучшую жизнь. И если бы не влияние русских евреев, американское еврейство не было бы так тесно связано с еврейством других стран и не выказало бы такой готовности оказывать помощь повсюду, где она требовалась.

Нельзя точно установить, когда именно русские евреи начали прибывать в Америку, и что эти первые иммигранты собой представляли. Имеющиеся отрывочные, разбросанные по разным источникам данные не дают ясной картины. Исследователи истории евреев-эмигрантов из Испании и Португалии, — этих первых эмигрантов-евреев в Новом Свете оказывались в лучшем положении: в их распоряжении имелись точные данные, устанавливающие, что в сентябре 1654 г. группа, состоявшая из 23-х человек, прибыла в Нью-йоркскую гавань. Нью-Йорк назывался в ту пору Нью-Амстердамом и был голландской колонией. Пришельцам, спасавшимся от преследований инквизиции, пришлось в Нью-Амстердаме вести упорную борьбу с местными властями, возглавляемыми губернатором Питером Стайвенсоном, имевшим сильные предубеждения не только против евреев, но и против католиков, и против чужаков вообще.

Массовая эмиграция русских евреев началась после погромов 1881-го и 1882-го годов; но отдельные семьи и группы прибывали и раньше. Стимулом к эмиграции обычно являлись преследования со стороны царского правительства и тяжелые экономические условия жизни. В 1852 г., т. е. за 30 лет до начала массовой эмиграции, в Нью-Йорке построена была эмигрантами из России первая синагога. Возникшая в ту пору конгрегация «Бней-Ешурин» состояла из русских и отчасти из польских евреев.

На основании довольно скудных данных, можно считать, что первые еврейские иммигранты из России прибыли в Америку еще в 1820 г., если не раньше. В царствование Александра

I-го распространились слухи, что царь, ударившийся в мистицизм и «оставшийся загадкой», как выражался о нем один из историков, собирается приступить к массовому обращению русских евреев в православие; эта миссионерская задача была якобы возложена на организацию, называвшуюся «Обществом израильских христиан». Еще ухудшилось положение евреев при Николае I-м, издавшем указ о кантонистах. Тем не менее лишь немногие решались в ту пору пускаться в далекий путь в неведомую Америку. В 1818 г. все еврейское население Америки составляло не более 3-х тысяч душ; преобладающим элементом среди них были «сфардим», — испано-португальские евреи.

2

В эпоху погромов, вспыхнувших в 80-х годах после убийства Александра II-го и вызвавших панику в еврейском населении, в среде еврейской учащейся молодежи, часть которой уже оторвалась от народной массы, возникло движение, называвшееся «Ам-Ойлом». Членов этой группы воодушевляла вера в то, что евреи являются «вечным народом» и потому, что бы с ними ни случилось, они всегда найдут в себе силы начать новую жизнь. Разделявшие это убеждение лучшие, идеалистические представители молодежи принялись вести в своей среде агитацию за переселение из России в Америку, свободную страну, где можно будет начать новую жизнь и — что особенно важно — заняться продуктивным трудом.

Одновременно с этим течением возникло движение «билуйцев» («Бет-Яков лху-внелхо»), охватившее учащуюся молодежь идеей переселения в Палестину и основания там еврейских земледельческих колоний. Представителей билуйского движения, из рядов которого вышли пионеры колонизации Палестины, принято было называть «палестинцами», а участников группы «Ам-Ойлом» — «американцами».

В мировоззрении русско-еврейской молодежи — или, точнее говоря, молодой еврейской интеллигенции в 80-х годах произошел решительный сдвиг. Эти молодые интеллигенты сильно отличались от своих предшественников первой половины 19-го века. Прежняя интеллигенция увлекалась просветительством и высоко ценила все немецкое: интеллигентным человеком считался тот, кто владел немецким языком, знал немецкую литературу, и высоко ставил достижения немецкой культуры. Эти на-

строения преобладали в интеллигентских кружках вплоть до крымской войны.

Русско-еврейская интеллигенция, выросшая в пору «весенних веяний», явно тяготела не к немецкому, а к русскому началу. Ее представители избрали иной путь, чем «маскилы», прямыми наследниками которых они являлись. Их интересовали другие моменты в жизни еврейства, им не приходилось бороться за идею просвещения, воодушевлявшую деятелей Гаскалы. Интеллигент нового типа еще не нашел своего пути ни в русской, ни в еврейской жизни; но блуждая и подчас сбиваясь с дороги, он верен был привязанности к русской литературе, достигшей в ту пору расцвета. Он любил русский язык и, говоря на нем, сознавал, что это подымает в нем чувство самоуважения. Ему близко было все, что носило в себе дух русского творчества, русских стремлений. Еврейские интеллигенты возлагали большие надежды на русскую интеллигенцию, которая казалась им образцом высокого идеализма, и на русские народные массы.

Погромы 80-х г.г. явились для них тяжелым ударом. Они почувствовали, что рухнули сразу все надежды, возлагавшиеся на Россию. Под влиянием разочарований, когда за первым погромом последовал ряд других, окрепли настроения, получившие свое выражение в движении «Ам-Ойлом». Многие молодые интеллигенты пришли к убеждению, что единственный исход как для них самих, так и для их соплеменников, заключается в том, чтобы покинуть Россию, переселиться в Америку и начать там новую жизнь.

Открылась первая страница великого переселения из России в Соединенные Штаты. В этот момент испанское правительство нашло, что сейчас наступила пора искупить исторический грех изгнания евреев из страны в 1492 г., и заявило о своей готовности впустить эмигрантов, покидающих Россию, в пределы Испании. Русские евреи, однако, отвергли это предложение: они не хотели иметь ничего общего со страной, где их предков жгли на кострах инквизиции, а потом лишили крова.[1]

---

[1] С. М. Дубнов, Новейшая история еврейского народа, т. III, стр. 114—115. Его же History of the Jews in Russia and Poland, перевод Фридлендера, т. II, стр. 268. См. также Rufus Learsi, The Jews in America — a History, p. 127.

3

Чтоб составить себе представление о роли, которую русским евреям суждено было сыграть в американской жизни, необходимо выяснить, какой прием встретили в первые годы массовой эмиграции — 1881-ый и 1882-ой более значительные группы «Ам-Ойлом», когда они прибыли в Новый Свет.

Мы находим немало сведений об этом в мемуарной литературе; их можно дополнить деталями, извлеченными из газет и журналов; необходимо только привести этот материал в порядок. Яркую картину дают газетные статьи, посвященные двадцатилетнему юбилею киевской группы «Ам-Ойлом» в мае 1907-го года. Этот образ прошлого поможет нам многое понять в настоящем. Газеты рассказывают, что прибывшая в Америку 30-го мая 1882-го года киевская группа «Ам-Ойлом» состояла из студентов и курсисток, которые не говорили ни на одном языке, кроме русского. Лидером группы был молодой студент Киевского университета Николай Алейников. Это был высокий, худощавый юноша с маленькой черной бородкой, в очках, с симпатичным, типично еврейским лицом. Передавали, что после первых погромов, которые навели ужас на киевских евреев, он отправился в субботу в синагогу в сопровождении группы студентов. Они подошли к амвону и Алейников обратился с речью на русском языке к молящимся прихожанам со слезами. Голос его дрожал от волнения. «Мы — ваши братья, — заявил он — мы такие же евреи, как вы. Мы сожалеем теперь о том, что до сих пор считали себя русскими. События последних недель — погромы в Екатеринославе, в Балте, у нас в Киеве и в других городах — показали нам, как велико было наше заблуждение. Да, мы теперь чувствуем себя евреями».[2]

Далее рассказывается, что в приехавшей в Америку группе «Ам-Ойлом» большинство составляли социалисты; они были в то же время проникнуты национальным духом и привезли с собой свитки Торы и большое знамя с древнееврейской надписью «Ам-Ойлом». Останавливаясь по пути в различных городах, они проследовали по улицам, как бы желая продемонстрировать перед всеми, что еврейство обладает неисчерпаемой силой, идущей из вечного источника. Они прошлись торжественным маршем по улицам Нью-Йорка со свитком Торы и знаменем, на ко-

[2] Аб. Каган, Страницы моей жизни, т. I, стр. 500 (идиш).

тором виднелась древнееврейская надпись, и это произвело сильное впечатление. Всем стало ясно, что это не рядовые еврейские эмигранты, чувствующие себя на чужбине потерянными, а люди, исполненные гордости и сознания духовных сил, которые собираются врасти корнями в новую почву.

В другой статье, описывающей этот же эпизод, мы читаем:

> «...Можно сказать, что в истории мало было таких возвышенных, ярких и трогательных моментов, как приезд в нашу страну еврейских просветителей... Группа «Ам-Ойломистов» привезла с собой не только свиток Торы и свое знамя, но также зачатки нашего социалистического и тред-юнионистского и культурного движений».[3]

Я позволю себе также процитировать отрывки из моих собственных статей, основанных на тщательном изучении эпохи, которая меня интересовала в течение многих лет:

> «Группы деятелей «Ам-Ойлом» кирпич за кирпичом строили здание еврейской жизни в Америке. Идеалисты из «Ам-Ойлом» и других организаций взяли на себя роль культуртрегеров среди еврейских народных масс; они стали учителями, вождями, просветителями, пропагандистами.
>
> Они будили окружающих и собирали вокруг себя лучших, энергичных людей, заботившихся не только о личном преуспеянии, но и об интересах коллектива. Деятели, вышедшие из этой среды, оказались в первых рядах борцов, стремившихся к тому, чтобы иммигранты органически включились в американскую жизнь и уверенно себя почувствовали на почве Америки».[4]

Краткий перечень имен русско-еврейских деятелей, прибывших в Америку в начале массовой иммиграции и в последующий период, дает нам представление о тех, кому суждено было стать во главе еврейских масс, ищущих своего пути в Америке, — тех на-

---

[3] Л. Исерович. «Форвертс», 31-го мая 1907 г. (настоящее имя автора — Иоэль Энтин).

[4] «История Форвертса». Моя работа печаталась в «Форвертсе» отдельными частями в 1947-м году, в связи с пятидесятилетием газеты. Работа в целом должна была выйти отдельным изданием, но этот план не осуществился. Одна копия «Истории Форвертса» находится в библиотеке Иерусалимского университета, а другая — в Нью-Йоркской публичной библиотеке.

родных масс, о которых один из поэтов эпохи писал, что, покидая Россию, они —

С тоской и стенаньем
Уходят в изгнанье.

Эти люди приобрели впоследствии известность на разных поприщах: в области литературы, публицистики, науки и политики; некоторые из них выдвинулись и получили признание за пределами еврейской среды в Америке. Каждому из них по праву принадлежит место в первых рядах нашей общественной жизни.

Абрам Каган, доктор Аб. Каспе, Александр Гаркави, Гилель Золотарев, Михаил Заметкин, Давид Эдельштадт, доктор Раевский, доктор Хаим Спивак, Николай Алейников, Б. Вайнштейн, доктор Мерисон, Луи Милер, Мойше Кац, Морис Хилквит, Ш. Яновский, Морис Розенфельд — все это были люди, игравшие крупную роль в еврейской жизни в одну из судьбоносных эпох американской истории.

К этому списку выдающихся деятелей русско-еврейской эмиграции следует прибавить имена людей, прибывших в Америку с более поздней волной массовой эмиграции — в последнее десятилетие 19-го века — это были Б. Файгенбаум, Филипп Кранц, д-р Ицхок-Айзик Гурвич, Яков Гордин, Иегойаш, З. Либин, Леон Кобрин, Абрам Лесин и д-р Исер Гинцбург.

Благодаря усилиям этих выходцев из России, еврейские народные массы, к которым распространено было отношение как к «зеленым» («гринс»),[5] превратились в активный фактор общественной жизни Америки. Все эти деятели твердо верили, что тысячи и тысячи евреев, прибывающих в Америку с разных концов России, могут стать на почве свободной страны орудием осуществления высоких идеалов. Характерным для тогдашних настроений является эпизод, рассказанный А. Каганом. Вскоре после приезда в Америку в 1882 г., Каган очутился на собрании; этот первый массовый социалистический митинг в Нью-Йорке состоялся в доме под номером 125 на Ривкингтон Стрит. Речи произносились на русском языке. Главным оратором был Сергей Шевич; 22-летний А. Каган сказал в своем слове: «Мы живем в стране, где люди пользуются относительной свободой. Мы стремимся к тому, чтобы она стала нашей второй родиной. Но мы должны помнить о великой борьбе за свободу, которую мы

[5] «Гринс» (зеленые) — так называли с оттенком пренебрежения новых эмигрантов, с трудом осваивавшихся с американской жизнью.

оставили позади. В то время, как мы здесь хлопочем о личном устройстве, там борются и страдают в тюрьмах наши товарищи, наши герои и мученики. Нельзя забывать о тех, кто на старой родине борется за свободу».[6]

Приезжие деятели с самого начала подчеркивали значение революционного идеализма, который руководил их действиями в России. Они сознавали, что и на новой почве предстоит борьба, — прежде всего борьба за улучшение экономического положения рабочих; и всякий раз, когда этого требовали обстоятельства, еврейские пионеры-идеалисты с большим пылом бросались в бой.

Мечта «Ам-Ойломников» о том, чтобы основать в Америке земледельческие колонии-коммуны оказалась неосуществимой, и они это вскоре поняли. Отдельные попытки, предпринятые в этом направлении, потерпели неудачу. Фантазия увлекла молодых идеалистов в сферы, далекие от действительности. Это привело к напрасной растрате энергии. Колонии-коммуны были созданы как в близких, так и в далеких штатах, в Нью-Джерси, в Коннектикуте, в Норт-Дакоте, в Саут-Дакоте, в Аркэнсо, в Кэнзасе и Орегоне. Большую денежную поддержку оказали колонистам богатые немецкие евреи, так называемые в еврейской среде — «ягудим». Они помогали выходцам из России всем, чем могли и придавали все более организованный характер своей филантропической деятельности.

Основывая колонии, «ам-ойломники» часто называли их именами популярных еврейских деятелей. Одна из колоний носила имя Адольфа Кремье, другая — Моисея Монтефиоре. Другие колонии носили названия городов, где раньше жили их основатели; каждый из этих поселков должен был стать образцом «социалистического хозяйства». Колония, основанная в штате Орегон, называлась «Нью-Одесса». В этой коммуне дискуссиям по принципиальным вопросам отводилось не меньше времени, чем полевым работам и садоводству. Воодушевленные стремлением вырвать человека из тины будней, молодые колонисты додумались до идеи создания в Америке «цивилизации нового типа». В их голове роились различные планы, которым предстояло осуществиться в настоящем или в будущем. Наиболее фантастический план состоял в том, чтобы использовать лесные богатства штата Орегон и близость Тихого океана: из имеющегося здесь в изобилии материала колонисты собира-

[6] А. Каган, «Страницы моей жизни», т. 2-ой, стр. 105 (идиш).

лись построить крепкие, прочные суда, на которых можно будет доплыть до Сибири, а потом под покровом ночной темноты устроить побег некоторым ссыльным и перевезти их в Америку. Первым предполагалось вывезти из Сибири Чернышевского; задумывая этот план, его инициаторы еще не знали, что знаменитый революционный писатель уже находился на свободе. Впрочем, вскоре колония распалась, и члены ее вернулись в Нью-Йорк.

Постепенно распались и остальные колонии — одни раньше, другие позже. Когда рухнули мечты о земледельческих коммунах, открылась реальная городская жизнь во всей своей пестроте.

4

Среди разных бедствий, обрушившихся на эмигрантов, самым худшим были так называемые «свит-шопы».[7] Характерными чертами этих потогонных мастерских была необузданная эксплуатация хозяев и бесчеловечное отношение к рабочим; когда мы теперь читаем об этих фабриках, просто не верится, что в безграничной жажде наживы люди, созданные по образу и подобию Божьему, способны подвергать таким мучениям своих братьев, обрекая их сплошь да рядом на преждевременную смерть. Но так именно обстояло дело в Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне, Балтиморе и целом ряде других городов, где скопились многочисленные евреи-эмигранты, выходцы из России.

«Свит-шопы» сразу протянули свои щупальцы к пришельцам, еще не успевшим освоиться на чужбине. Не приходится, пожалуй, удивляться тому, что у многих людей, поверхностно знакомых с историей евреев в Америке, создалось впечатление, что система «свет-шопов» в Нью-Йорке и других больших городах явилась как бы «изобретением» русских евреев. Это, конечно, не отвечает действительности: д-р Ицхок-Айзик Гурвич, один из крупнейших специалистов по вопросу об эмиграции, доказал на основании бесспорных цифровых данных, что система «свет-шопов» возникла задолго, лет за пятьдесят до начала массовой иммиграции русских евреев в Америку.[8]

---

[7] Потогонные мастерские.

[8] Д-р Ицхок-Айзик Гурвич, «Immigration and Labor», стр. 362— 364, пересмотренное 2-ое издание, 1922.

Это исследование до сих пор считается одним из наиболее серьез-

В еврейской литературе, главным образом в очерках З. Либина, мы находим описание того, что вытерпели еврейские иммигранты, обреченные на рабский труд в «свит-шопах». Изобразил эту жизнь в своих стихах и поэт Морис Розенфельд, которому суждено было самому испытать всю горечь потогонной системы. В одном из своих стихотворений он помещает «свит-шоп» на символическом «перекрестке горя и беды»; изображая трагедию людей, работающих там до полного изнеможения, он подмечает еще один трагический аспект тогдашней еврейской жизни — ее хаотичность: в доме, где помещается «свит-шоп», на одном из этажей находится небольшая синагога, а на другом — кабак, где люди пьют и кутят напропалую, ибо для них все на свете — трын-трава... Вот это стихотворение:

На перекрестке горя и беды есть дом —
Внизу шинок, молельня наверху.
Внизу вершится много темных дел,
Вверху клянут евреи свой удел.

А выше, на последнем этаже,
Есть комната — не приведи Господь:
Здесь пола не касается метла,
И дышит смрад из каждого угла.

Там тридцать женщин и мужчин
Работают прилежно день-деньской,
Изнемогая, с горечью в душе,
С отравой увядания в крови.

В нашей мемуарной литературе мы находим описания, дающие яркое представление о «свит-шопах». Одно из них принадлежит человеку, на которого можно вполне положиться, ибо он сам проделал этот крестный путь, будучи одним из первых иммигрантов в эпоху массового переселения:

ных английских трудов по этому вопросу. Автор ее коснулся вопроса об эмиграции также в 1-м томе своих «Избранных произведений», вышедших на идиш. Мы читаем там на стр. 97-ой: «Что касается потогонной системы, нужно констатировать, что она возникла не с появлением еврейских рабочих, а существовала целых 50 лет до того, как началось переселение евреев в Америку. В 1828 году сочувствующий рабочим журналист Мартин Кери установил, что в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии и Балтиморе в «свит-шопах» работает около 20000 женщин».

«Свит-шоп» — пишет он — это и фабрика и жилье; там живет хозяин со своей семьей. Первая комната и кухня служат мастерской; семья проводит ночи в темной спальне. В первой комнате стоят швейные машины, на которых работают «оперейторы». Стулья, расставленные вдоль стен, предназначены для «бейстеров», а на полу, посредине комнаты, в пыли и грязи валяются большие тюки материалов. На этих мягких тюках восседают, так называемые, «финишерки»; из их рук выходят в готовом виде пальто, юбки, брюки и другие части одежды. Потом они сдают работу гладильщикам: это по большей части старики; они греют свои утюги и при свете газовой лампочки гладят на досках готовое платье. Нередко хозяин, взявший подряд, по утрам смазывает керосином столы, за которыми работают «финишерки», чтобы девушки не держали на столе еду. Вообще, хозяева постоянно изощряются в придумывании новых пакостей. Неожиданно отдается приказ, чтобы отныне «оперейторы» сами таскали наверх тяжелые тюки товара, которые привозились из склада. В другой фабрике рабочим неожиданно объявляют, что уплата жалованья будет производиться не в конце каждой недели, как это было заведено, а раз в две недели. Размер заработной платы зависит тоже от усмотрения хозяина. Владельцы «свит-шоп» — по большей части невежественные и грубые люди, которые как пиявки сосут кровь своих братьев и сестер, приехавших за счастьем в богатую Америку».[9]

Никто до сих пор не потрудился собрать статистические данные о жертвах потогонной системы, безвременно сошедших в могилу. Не подлежит сомнению, что были десятки тысяч таких жертв.

В эти тяжелые годы еврейские рабочие еще не были организованы, среди них не было никаких профессиональных организаций. Но и в эти годы уже делались попытки борьбы с эксплуатацией, и это в конце концов подготовило почву для профессиональных союзов, которые приобрели доверие рабочих. С момента их возникновения борьба ведется организованно, и стачки приобретают такой характер, что даже самые закоренелые скептики должны были убедиться в существовании сплочен-

---

[9] Б. Вайнштейн, «Еврейские профессиональные союзы в Америке» (идиш) страницы из истории и воспоминаний, изданные объединенными еврейскими профсоюзами. Нью-Йорк, 1929, стр. 50.

ных кадров, готовых самоотверженно защищать интересы рабочих. Люди рисковали жизнью при пикетировании; и стар и млад дружно маршировали, не зная страха. Стачки следовали одна за другой, и в конце концов рабочие добились отмены «свит-шопов».

Главную роль в этом движении играли выходцы из России, уже начавшие понемногу осваиваться с Америкой. Среди них наряду с людьми физического труда были молодые пионеры-интеллигенты из группы «Ам-Ойлом». Благодаря их усилиям, из среды людей, работавших иглой, выросли с годами две такие могущественные и влиятельные организации, как Amalgamated Clothing Workers Union и International Ladies Garment Workers Union.

Одним из основателей и главных деятелей «Амалгамейтед» был Сидней Гилман; после его смерти это место занял Яков Потофский. Среди людей, стоящих во главе «Интернейшонал» большую роль играли Веньямин Шлезингер и Морис Зигман. А если «Интернейшонал» стал могущественной организацией и добился такого влияния, о каком не могли мечтать его основатели, он обязан этим прежде всего Давиду Дубинскому, который еще в ранние годы заплатил ссылкой в Сибирь за свою революционную деятельность. Это было в 1908 г., но Дубинский до сих пор сохранил живые воспоминания о том времени, когда его душой владел подлинный энтузиазм — этот энтузиазм, по его словам, помог ему впоследствии в его работе в американском рабочем движении.

5

Существенно отметить одну бытовую особенность описываемой нами эпохи: жители еврейских кварталов Нью-Йорка и других больших городов проводили обычно часы досуга на улице; в рабочей среде понятие «дом» было фикцией; считалось, что в жилом помещении каждая пядь должна быть использована в практических целях. Люди зарабатывали гроши, детей надо было обуть и одеть, взносы за купленную в рассрочку мебель необходимо было уплачивать вовремя, иначе фирма имела право ее отобрать. Вдобавок каждый эмигрант считал своим долгом копить деньги на «шифскарту» для родных, оставшихся в России. Поэтому в убогих квартирах сдавались углы многочисленным жильцам; по ночам всюду, где хватало место, расставлялись складные кровати, а полы были

сплошь устланы матрацами и сенниками, на которых спали ночлежники.

В квартирах царили грязь и беспорядок. Было трудно отличить людей от груд тряпья не только в ночной темноте, где они валялись на полу как попало, но и при скудном дневном свете: солнечный свет сюда почти не проникал. Тяжкое бремя ложилось на сердце; вся обстановка рождала чувство подавленности. А в жаркие летние дни люди буквально задыхались.

Неудивительно, что обитателей этих жилищ тянуло на улицу, и тротуары были постоянно запружены народом. Старики, матери семейств, а иной раз и отцы, рассаживались на ступеньках домов, на «свежем воздухе», толкуя обо всем, что на ум взбредет; между собеседниками завязывались дружеские отношения, но нередко разговор заканчивался ссорой. Для детей, которые в душном, грязном жилье чувствовали себя как в клетке, жизнь тоже протекала на улице. Порой возникало особенное оживление на улице, когда торговцы с измученными, поблекшими лицами разносили товар, разложенный на ручных тележках и лотках.

И чего-чего только не было в продаже в кварталах евреев-эмигрантов в Нью-Йорке и других городах! Продавали вкусный горячий горох и молочные «кныши». А неподалеку продавались певчие птицы, преимущественно канарейки.

Всякая купля-продажа обычно сопровождалась и причитаниями, и выкриками; люди метались, словно земля горела у них под ногами; им, по-видимому, казалось, что в Америке нельзя заработать кусок хлеба иначе, чем в атмосфере лихорадочной суматохи. А речь шла о бананах — три банана за пять центов или о носках — пять центов пара.

И разносчики еврейских газет тоже выкрикивали названия нараспев, орали, метались из стороны в сторону, словно только что выскочили из горящего здания, пытаясь перекричать один другого — Форвертс! Варгайт! Тогблат! Морген-Журнал!

Процесс уличной купли-продажи часто сопровождался мелодиями русской шарманки, которая среди еврейской детворы в Америке была не менее популярна, чем в городах и местечках России. Никто здесь не удивлялся внезапному переходу от протяжной русской песни «Разлука ты, разлука» к задушевному еврейскому религиозному напеву.

Незадолго до конца первой мировой войны начали понемногу исчезать навыки этой уличной купли-продажи. Кое-кому из тех, кто в былые дни оглашал криками улицу, расхваливая

свой дешевый товар, удалось открыть собственный магазин даже на Бродвее, а то и на самой Пятой Авеню. Удачливые дельцы стали переселяться из кварталов, населенных еврейской беднотой, в комфортабельные большие дома «Ап-тауна», и вскоре в далеких частях Нью-Йорка и Бруклина выросли новые кварталы. Евреи уже пустили прочные корни в американскую почву. Эмигранты почувствовали себя гражданами. Об этом свидетельствуют успешные социалистические кампании большого охвата, которые велись из года в год и способствовали оздоровлению атмосферы на Ист-Сайде: оттуда мало помалу изгонялись коррумпированные политиканы, поддерживаемые порой ревнителями благочестия и попирающие честь и достоинство народа. В американский Конгресс был избран Меир Лондон, — первый еврейский депутат, социалист, высоко ценивший и культурное наследие, вывезенное из России, и те идеи свободы и демократии, которые дала ему Америка. Его выступления в Конгрессе подняли престиж нью-йоркских евреев во всей стране. Еврейское население росло в Америке с такой быстротой, что трудно было не считаться с этим фактом: за 36 лет — с 1881-го до 1917 г. в Соединенные Штаты переселились из одной только России два миллиона евреев.

6

Говоря о том, что создано было в Америке русскими евреями, мы должны на первом месте поставить печать. Еврейская печать играла огромную роль. Значение ее заключалось прежде всего в том, что она помогала пришельцам освоиться с новой обстановкой, в которой они чувствовали себя чужими.

Нигде не удалось евреям создать на своем языке такие периодические органы, как в Америке. Они наложили свою печать на всю еврейскую жизнь и стали тем фундаментом, на котором выросло здание еврейской литературы.

Следует отметить любопытное явление: газета, основанная партийными людьми в целях воздействия на еврейские рабочие массы, мало помалу становится приютом для целой группы талантливых еврейских беллетристов. Некоторые из них начали свою литературную деятельность в Америке, другие успели приобрести известность еще в России. Я имею в виду прежде всего еврейский социалистический орган «Форвертс», начавший выходить в 1897 году.

«Форвертс» ввел обычай, что уплата гонорара сотрудникам-беллетристам производится каждую неделю; это было нововведением в еврейско-американской печати. Его примеру вскоре последовали другие газеты. Когда знаменитый писатель Шолом-Алейхем приехал в Америку, «Тог» включил его в число сотрудников, получающих гонорар в конце каждой недели, и он начал печатать там свою автобиографию. Это было в 1915 году.

А годом позже, когда Шолом-Алейхем перешел в «Вархайт», в «Тоге», как и в «Форвертсе», продолжал действовать модус, обеспечивающий беллетристов недельным гонораром, — сохранившийся и впоследствии, когда «Тог» после объединения превратился в «Тог-Морген-журнал». Самые лучшие произведения еврейских беллетристов, — таких, как Шолом-Аш, Абрам Рейзин, З. Шнеур, И. И. Зингер, Давид Пинский, Леон Кобрин, З. Либин, Иосиф Опатошу появились впервые в ежедневной печати, а позже к этому списку прибавился также Ицхак Башевис.

Самый факт вовлечения в ежедневную печать выдающихся еврейских писателей на основе постоянного гонорара, — либо в качестве беллетристов, либо для всякой другой редакционной работы, имел крупное значение в развитии еврейской печати в Америке. Романисты и поэты подняли стилистический уровень газет, усовершенствовали язык, внесли чеканку фразы, придали образность, выразительность, усилили элемент фантазии и глубины в публицистике. Особенную роль в этом отношении сыграли Абрам Лесин и Морис Розенфельд, как и другие, пришедшие им на смену публицисты, занявшие видные посты в журнальном мире, как Цивьен (д-р Б. Гофман), д-р Исер Гинзбург, М. Ольгин, д-р Абрам Коральник, которые, подобно беллетристам, высоко ценили литературную форму и считали, что важно не только то, что пишется, но и как пишется. Крупные заслуги в этой области имеет также Хаим Гринберг, редактор журнала Поалэй Цион в Америке «Идишер Кемпфер». Наряду с ними следует отметить имена Хаима Либермана, Давида Эйнгорна, Якова Гладштейна, Арона Цейтлина и Б. Шефнера. Характерно, что ряд еврейских публицистов в Америке дебютировали в начале своей деятельности в качестве беллетристов. К этой же категории принадлежит д-р Л. Фогельман, прибывший в США после первой мировой войны, который начинал в России, как русский беллетрист и только в Америке перешел к публицистике на идиш, где вскоре привлек внимание своим легким и яс-

ным стилем и к концу 40-х г.г. занял пост помощника редактора «Форвертса».

Едва ли найдется на свете много газет, которые уделяли бы беллетристике и поэзии столько места, как это делают органы еврейско-американской печати. В этом сказалось прежде всего влияние А. Кагана, который и сам был и беллетристом и публицистом. На роли А. Кагана, редактора «Форвертса», газеты, которая помогла еврейским рабочим создавать профессиональные союзы и поддерживать боевой дух в их рядах в дни испытаний, следует особо остановиться. Это нужно сделать не только потому, что А. Каган играл большую роль в жизни американского еврейства, но и потому, что он остался на всю жизнь типичным русско-еврейским интеллигентом, что не мешало ему чувствовать себя настоящим американцем, тесно связанным с американской культурой и общественной жизнью. Но в то же время никто из его соратников — еврейских социалистов не ощущал себя в такой мере евреем, как Каган. Дело было не в языке. Ибо его волновало все, что касалось судеб еврейства, как в дни исторических бурь, так и в пору сравнительного затишья. Во всякую работу, которая была ему идейно близка, он уходил с головой. Идя своим собственным путем, он решил употребить все свое влияние на еврейских рабочих в Америке, чтобы побудить их помогать созданию еврейского «ишува» в Палестине, а спустя ряд лет — созданию еврейского государства. Стимулом к этому послужила поездка в Палестину в 1925 г. Каган вернулся оттуда энтузиастом.

А. Каган оставался на посту главного редактора «Форвертса» свыше пятидесяти лет; в сущности, он был признанным главой всей еврейско-американской печати. Он умер в возрасте 91 года, прожив долгую жизнь, богатую делами, создавшими ему славу в еврейской среде. Его место в редакции занял Гилель Рогоф, при помощнике редактора д-ре Л. Фогельмане, — сохранивший прежнее направление газеты.

Если выходцы из Восточной Европы вскоре по приезде научились понимать и ценить значение американской демократии, они обязаны этим ряду выдающихся деятелей еврейской печати и среди них Г. Рогофу, автору пятитомной «Истории Соединенных Штатов» (1925—1928 г.г.) и публицистических статей, посвященных бытовым и политическим проблемам Америки. Он очень много сделал для приобщения евреев эмигрантов к американскому укладу жизни.

Выходцы из России сыграли огромную роль в еврейской пе-

чати Америки не только в «Форвертсе», но и во всех других изданиях. Всякий, кто даст себе труд заглянуть в историю «Варгайта», «Тога» и «Морген Журнала», в историю ежемесячных журналов, таких, как «Цукунфт», «Фрайе Гезельшафт», и непериодических изданий, как «Фрайе Арбейтер Штиме», «Веккер», «Идишер Кемпфер», легко заметит во всех этих журналах влияние русской литературы, которое внесено было еврейскими писателями и поэтами, публицистами и мемуаристами, — сотрудниками этих изданий.

Одновременно с ростом еврейской периодической печати в Америке, — сложилась и расцвела пышным цветом еврейская художественная проза и поэзия, которая по своему размаху и интенсивности может быть признана «золотым веком» еврейского художественного творчества. И в эту литературу на идиш в Америке внесли свой оригинальный вклад эмигранты из России, выдвинувшись в первые ее ряды. На американской почве вырос замечательный талант Г. Лейвика, передавшего в своих сибирских стихах далекое эхо вечной скорби русских бесконечных просторов. И тут же в Америке расцвел нежный лирический талант Мани Лейб, воспевшего красу русского пейзажа. Отметим и другого выходца из России, поэта и литературного критика А. Табачника, в своих монографиях, посвященных творчеству еврейско-американских поэтов, обнаруживающего глубокое знание и понимание поэзии.

Значительным выигрышем для еврейской литературы явился тот факт, что таких два выдающихся литературных критика, как Шмуэль Нигер и д-р А. Мукдойни, покинув Россию, нашли убежище в Соединенных Штатах. Их влияние на литературу было велико, к их голосу постоянно прислушивались писатели, — независимо от того, были ли они согласны или нет с их оценками и мнениями. В тот период, когда, например, знаменитый писатель Шолом Аш выступил со своими нашумевшими «христианскими романами», и общественное мнение в еврейской среде было охвачено сильным волнением и даже возмущением, Ш. Нигер был единственным критиком, выступившим в пользу Аша. Многие были недовольны позицией Нигера, но и этот случай не нанес ущерба авторитету его, как литературного критика.

Органы местной русской печати, в которых, между прочим, принимали участие и русско-еврейские журналисты, тоже стремились разъяснять эмигрантам пути и методы американской демократии. Большую роль сыграла в этой области ежедневная де-

мократическая газета «Новое Русское Слово», которая ряд десятилетий издается в Нью-Йорке В. И. Шимкиным под редакцией М. Е. Вейнбаума.

* * *

Члены группы «Ам-Ойлом», изгнанники, пережившие множество горьких разочарований, принесли с собой в первые годы массовой эмиграции атмосферу той России, которая не имела ничего общего с режимом самодержавия; они принесли дух русской культуры, проникнутой стремлением к моральному и художественному совершенству, и пыл борьбы за свободу, воплощенной в благородных фигурах идеалистов и мучеников освободительной борьбы. Эти настроения разделялись и последующими поколениями эмигрантов. Подобно своим предшественникам, они старались внедрить в сознание новых соотечественников, что русское самодержавие является угрозой всему миру. Одним из деятелей, организовавших сбор пожертвований на нужды революции, был д-р Хаим Житловский. В 1904 г. он приехал как представитель партии социалистов-революционеров в Америку вместе с «бабушкой» Ек. Брешковской; а спустя некоторое время Житловский выдвинулся, как пропагандист «идишизма», в первые ряды еврейских культурных деятелей; его статьи вызывали горячие споры, а нередко давали повод и к резкой полемике.

Русские евреи сыграли большую роль в деле популяризации русской литературы в Америке: если американский читатель полюбил Толстого, Чехова и других выдающихся русских писателей, это является в значительной степени их заслугой. Им удалось также создать атмосферу сочувствия русскому освободительному движению: местные люди охотно жертвовали большие суммы на нужды русских борцов за свободу. Сочувствие революционному движению проникло даже в круги, которые раньше им не интересовались. Когда после октябрьской революции власть перешла к большевикам, евреи-эмигранты помогли американской читающей публике разобраться в том, что произошло в России; они разъяснили местным людям смысл событий и дали им ключ к анализу политической ситуации. Они делали это в органах печати, предназначенных для сотен тысяч читателей, всякий раз, когда, нужно было выяснить, что представляет собой большевизм и какой угрозой он является. Среди идеологов и публицистов, выполнявших эту задачу, вид-

ное место в Америке занял Р. Абрамович, деятель русского Бунда и долголетний представитель меньшевиков в Социалистическом Интернационале. Проблемам большевизма посвящена также, серия книг Д. Ю. Далина, вышедших в свет во время второй мировой войны и в послевоенные годы, а также монография долголетнего сотрудника «Форвертса» Д. Н. Шуба «Ленин», которая была переведена с английского на несколько языков; эта книга до сих пор остается ценным пособием для всех, кто следит за политическими событиями нашего времени и хочет понять сущность большевизма. К той же категории принадлежит вышедшее на английском языке исследование Соломона Шварца «Евреи в Советском Союзе».

Ни одно мало-мальски значительное событие в жизни американского еврейства не обходилось без участия выходцев из России. О русских евреях можно без преувеличения сказать, что «без них ничего, не делалось». Мы встречаем их повсюду в общественной работе, в промышленности, в области культуры, в торговле, в области науки и искусства, в политике. И судьба позаботилась о том, чтобы первый дипломатический представитель государства Израиль в Америке — посол Эли Эпштейн (Илат) также оказался выходцем из России.

В этом можно видеть и символическое выражение осуществленной мечты: потомки пионеров-идеалистов, которые много лет тому назад поселились в стране под именем «Билуйцев», встретились с детьми и внуками других пионеров-идеалистов, прибывших в ту же эпоху в Америку под именем «Ам-Ойлом». И это была поистине радостная встреча.

7

Такую же роль, как в еврейской печати, сыграли выходцы из России в истории еврейского театра, где они стали главной движущей силой. Инициатором первого спектакля на еврейском языке был Борис Томашевский. При содействии двух братьев Голубоков, Мирона и Леона, приехавших в Нью-Йорк из Одессы через Лондон, он поставил пьесу Гольдфадена «Колдунья»; надо полагать, что это произошло в 1882 г., хотя ни в воспоминаниях самого Томашевского, ни в других мемуарах, относящихся к этой эпохе, мы не находим определенной даты. Это представление положило начало еврейскому театру в Америке, но в течение первых лет этот театр, выдвинувший немало талантливых актеров, не отличался высоким интеллектуальным

уровнем. Уровень этот стал повышаться с ростом массовой эмиграции, в рядах которой оказалась целая группа известных еврейских артистов. Крупнейшими из них были Зелик Могулеско, Давид Кеслер, Яков П. Адлер, Морис Мошкович, Леон Бланк, Сара Адлер, Кени Липцин, Бина Абрамович, Беси Томашевская.

Художественный и общественный престиж еврейской сцены в Америке явно вырос, когда Морис Шварц основал еврейский художественный театр. Это событие казалось началом новой эпохи, которой предстояло создать почву для ряда художественных достижений. Шварц привлек к участию в труппе таких выдающихся артистов, как Самюэль Гольденберг, Лудвиг Зак, Циля Адлер, Павел Баратов, Берта Герстон, Анна Апел, Исидор Кашир, Юдел Дубинский и Муни Вайзенфраунд, впоследствии приобретший известность, как Поль Муни, немало способствовали поднятию престижа еврейского театра и выступления Шварца на сцене. Герои многих произведений Шолом-Алейхема, приобретшие популярность в народных массах, а в особенности «маленькие людишки с маленькими устремлениями», как называл их писатель, приобрели на сцене художественного театра, под руководством Шварца и в его истолковании, новую художественную ценность и стали еще ближе сердцу зрителя.

Это было в период расцвета культурной жизни американского еврейства.

Среди артистов, выдвинувшихся на английской сцене — на Бродвее, в опере или в фильме — было также немало выходцев из России или детей эмигрантов. К их числу принадлежат Ал. Джолсон, Эди Кантор, Ирвинг Берлин, Джорж Гершвин, написавший музыку к приобревшей всемирную славу «Порги энд Бесс», а также знаменитые оперные артисты Рихард Токер, Джордж Лондон, Роберт Мерил, Жан Пирс, Роберто Питерс и Регина Резник. Уроженцы России оказались пионерами в американской фильмовой индустрии: их усилия в значительной степени помогли Голливуду стать тем, чем он является в настоящее время; благодаря им фильмовая промышленность так разрослась, что заняла выдающееся место в хозяйственной жизни Америки и стала источником заработка для большого количества людей. Уроженцем России является также один из самых крупных американских импрессарио — Сол Юрок, организатор гастролей в Америке самых знаменитых артистов мира: он в свое время привез в Америку Шаляпина и Анну Павлову, а в по-

следний период также балет Московского Большого Театра. Предшественником Юрока был другой русский еврей — Морис Гест, в 1923—24 годах привезший в Америку труппу Московского Художественного театра; эти представления вызвали подлинный энтузиазм в Америке, следы которого до сих пор сказываются в работе лучших американских театров.

Мы встречаем русских евреев в первых рядах деятелей американской науки: достаточно назвать профессора Залмана Ваксмана и врача Ионаса Солка — с одной стороны, и Давида Сарнова, возглавляющего в Соединенных Штатах империю телевизии и радиовещания — с другой.

Из былых «свит-шопов», служивших безнадежными очагами эксплуатации, выросла огромная одежная индустрия; русские евреи помогли поднять ее на такую высоту, что с ней не может сравниться ни одна страна. Эти «мастера на все руки», как прозывали евреев мужских и женских портных в местечках, где они работали, распевая популярную песенку: «а вот так шьет портной», оказались в Америке пионерами индустрии, которая разрослась до огромных размеров. Им усердно в этом помогали также бывшие экстерны и ешиботники.

Русские евреи и дети их, родившиеся в Америке, в большом числе работали в строительной индустрии, создавшей новый облик больших городов на огромном пространстве между Атлантическим и Тихим океаном. В сооружении мостов также принимали видное участие евреи-инженеры, среди которых выдвинулся эссеист и литературный критик Л. М. Леонтьев-Моисеев.

Выходцы из России сыграли большую роль в деле организации землячеств, которые сумели создать в тысячах землячеств для людей, очутившихся на чужбине, атмосферу родственную и семейную. Эти землячества, вскоре превратившиеся в организованную силу, оказывали помощь людям, пострадавшим от войны, погромов в далеких городах и местечках на старой родине, которые члены землячеств давно покинули, но о которых продолжали вспоминать с затаенной грустью и благодарностью.

Русские евреи проявили большую энергию в деле создания крупных организаций взаимопомощи и филантропических обществ, наложивших печать на еврейскую жизнь в Америке. Когда в 1914 г. возник «Джойнт Дистрибюшон Комити», (впоследствии сочетавший свои функции с «Юнайтед Джуиш Апил»), проводящий с тех пор огромную деятельность в интересах евре-

ев во всех странах мира, — среди его основателей были выходцы из России; один из них был социалистический деятель Александр Кан, впоследствии менаджер «Форвертса».

Следует отметить также и деятельность Американского Орта, Хайаса, ОЗЕ, — в которых русские евреи неизменно принимали самое активное участие.

Основателем Еврейского Рабочего Комитета, репрезентирующего свыше полумиллиона евреев-рабочих в стране и благодаря своей широко разветвленной политической и помощной деятельности занявшего почетное место в общественной жизни американского еврейства и приобретшего популярность в американских рабочих кругах, — был Б. Владек.

В Арбайтер-Ринге, который в годы своего расцвета смог стать, благодаря своей численности и влиянию (объединяя свыше 70 тысяч членов) стержнем еврейского рабочего движения в Америке, пост первого генерального секретаря занял в 1900 г. известный социалистический деятель и писатель Беньямин Фейгенбаум. Среди его преемников было несколько выходцев из России: д-р Франк Розенблат (Бен-Якир), Цивьен, Вилльям Эдлин и Иосиф Баскин. После смерти последнего его место занял Н. Ханин, руководящая фигура в еврейском социалистическом движении. Среди деятелей Арбейтер Ринга следует также отметить И. Ешурина, уроженца Вильно, который выдвинулся в качестве неутомимого библиографа еврейской литературы.

Генеральным секретарем Еврейского Национального Фербанда, одной из влиятельных национальных организаций сионистского характера в Америке, состоит Луис Сигал.

Мне кажется уместным привести здесь факт, возвращающий нас к эпохе эмигрантов-пионеров. В 1922 г. в газетах появилось сообщение о том, что фабрикант, заработавший миллионы на дамской конфекции, некий Дикс из Нью-Джерси, передал свою фабрику во владение занятых в ней рабочих. Ему предлагали за фабрику крупные суммы, но он заявил, что не нуждается в деньгах: ему уже исполнилось 72 года, и денег на его век хватит; поэтому его решение неизменно. Оказалось, что Дикс-Дикштейн, еврей из Полтавы, давно уже носился с мыслью о том, чтобы отдать свою фабрику рабочим и, осуществляя эту заветную мечту, он действовал в духе идей, которые принесла с собой в Америку группа первых эмигрантов «Ам-Ойлом».

Нет нужды распространяться об активной роли русских евреев в политической жизни Америки. Как иллюстрацию приведем отрывок из мемуаров Мориса Хилквита, рассказывающего о том, как социалистическая партия вы ставила его кандидатуру в Конгресс в густо населенном девятом округе Ист-Сайда в 1906 г.

«В политической жизни нашего округа — вспоминает Хилквит — царила коррупция, и местные политиканы этого не только не отрицали, но даже хвастались этим. В день выборов голоса покупались открыто у всех на глазах, по установленному тарифу — два доллара за голос. Молодчикам, специализировавшимся на голосовании в нескольких округах или по несколько раз в одном и том же округе, удавалось заработать порядочную сумму. Местные республиканские организации наглым образом вели свою работу сообща с кликой из Темени-Холл. И лишь после того, как социалисты стали политической силой, с которой другим партиям пришлось считаться, эта бесстыдная процедура была частично ликвидирована.[10]

Социалистам уже в начале 20 века удалось добиться того, что атмосфера Ист-Сайда стала чище, что коррумпированные политиканы и окружавшие их подозрительные молодчики вынуждены были сойти со сцены. Это подняло престиж не только социалистов, но и американского еврейства, ибо среди руководителей социалистического движения, игравшего видную роль и в еврейской жизни и в стране в целом, было немало выходцев из России, получивших на старой родине свою общественную закалку в нелегальной работе, а подчас и в тюрьмах и ссылке.

Наряду с ростом радикальных настроений в еврейской среде нельзя отрицать и наличие религиозных традиций в широких кругах выходцев из России. В 1888 г. по вызову 15 ортодоксальных синагог Нью-Йорка в Америку прибыл из России один из знаменитых раввинов, реб Яков-Иосиф. Он стал в Америке главой раввината, и именем его названа была иешива, существующая и поныне. Реб Яков-Иосиф пользовался большой популярностью среди религиозных евреев.

---

[10] Морис Хилквит. «История моей жизни» в переводе с английской рукописи на идиш Леона Кристола, 133 стр. Издание Еврейского Соц. Фербанда, Нью-Йорк, 1933.

Во всех высших школах, где преподается Иудаика и получают образование раввины и «рабаим», обслуживающие религиозные нужды всех американских конгрегаций, видную роль играют русские евреи. Во главе Иешивы-университета, который в последние годы широко развил свою деятельность, стоит д-р Самуил Белкин. В еврейском теологическом семинаре теперь руководителем является профессор Луис Финкельштейн. Еврейский религиозный Институт, где покойный профессор Хаим Черновиц (одно время председатель Союза русских евреев в Нью Йорке) преподавал Талмуд, соединился с Гибру-Юнион-Колледж в Цинцинати; во главе этой школы стоит д-р Нельсон Глик.

С течением времени выходцы из России выдвинулись в первые ряды американского еврейства. Их всесторонняя деятельность вросла корнями в почву Америки.

В годы исторических бедствий, постигающих евреев, — то тут, то там, — в период борьбы за равноправие евреев в России, в полосу страшных погромов после октября 1905 года, — в период гонений в первую мировую войну, — американское еврейство отзывалось с глубоким сочувствием и несло свою щедрую помощь евреям в России. И среди тех, кто стимулировал эти акции помощи, в первых рядах всегда были евреи-выходцы из России, чудесным образом сохранявшие глубокую, интимную связь со старой родиной.

Б.-Ц. ДИНУР, б. министр народного просвещения в Израиле

РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБЛИК РУССКОГО ЕВРЕЙСТВА[1]

Русским еврейством мы обычно называем еврейский коллектив, который был сосредоточен в пределах русского государства с 1772 года, т. е. со времени присоединения к России Белоруссии с ее стотысячным еврейством.

Ряд основных явлений в жизни русско-еврейского коллектива обусловил специфическое его место в жизни нашего народа в новое время. В смысле демографическом это был самый многочисленный, массовый и наиболее концентрированный еврейский коллектив. В смысле же культурном этот коллектив отличался наибольшей внутренней консолидированностью и был максимально укоренен в многовековой еврейской культуре.

Эти явления определили и сформировали исторический облик русского еврейства, с его характерными особенностями: прочным и своеобразным укладом, постоянной настороженностью к своей судьбе и своеобразием путей в его борьбе и самозащите.

Русское еврейство представляло собой численно наибольшую часть еврейской диаспоры. Евреи в России (включая Польские области) в течение XIX века составляли

в 1800 г.	800000	душ
" 1825 г.	1600000	"
" 1850 г.	2350000	"
" 1880 г.	3980000	"
" 1897 г.	5175000	"

Таким образом, еврейское население России в течение 19 века возросло более, чем в шесть раз. Существенен также удельный вес русско-еврейского коллектива в мировом еврействе: в начале 19-го века русские евреи составляли около 30% мирово-

[1] Приводим в извлечении доклад, прочитанный проф. Б. Динуром на втором мировом конгрессе еврейской науки в Иерусалиме, в июне 1957 г.

го еврейства, в 1825 — около 48%, в 1850 — около половины еврейского народа; в 1880 г. — около 51%; в 1900 г. — снова около 48%. Следует заметить, что этот процент не понизился и после того, как эмиграция изъяла из России в начале XX века (до первой войны) и перевела в одни только Соед. Штаты свыше миллиона душ; и после этого русское еврейство осталось крупнейшей единицей еврейства мирового.

По отношению ко всему населению России процент евреев достигал 4,13%. Но по этой цифре было бы неправильно судить о численности евреев в черте оседлости. Географически, исторически, политически, — черта оседлости не являлась чем-то единым.

В итоге 4/5 еврейского населения находились в районах давнего поселения евреев (Литва, Белоруссия, Польша, Западная Украина, Юго-Западный край). Свыше миллиона поселилось в районах, в которых евреи не жили ранее или были очень немногочисленны. Процессы этой внутренней миграции способствовали, в свою очередь, консолидации исторического облика русского еврейства.

Характерным штрихом для русского еврейства была его концентрация. Свыше 1500000, почти 1/3 евреев, жили в 700 городах и местечках с еврейским большинством. Около 800000 евреев проживало в 12 крупных городах (Варшава, Лодзь, Люблин, Житомир, Кишинев, Одесса, Екатеринослав, Двинск, Ковно, Елизаветград, Кременчуг, Могилев), в которых евреи составляли, если и не большинство, то, во всяком случае, свыше трети населения.

Что касается своеобразного уклада русского еврейства, то он не был, разумеется, присущ исключительно этой ветви еврейства. Этот бытовой уклад был одной из основ существования евреев в течение веков. Уж в древности было характерно своеобразие еврейства, проявлявшееся и в индивидуальной, и в общественной жизни. Издавна одним из основных стремлений еврейства было создание властной и авторитетной общественной формы в целях сохранения этого своеобразного быта, построенного на послушании закону, на богослужении и взаимопомощи. С древних времен существовали опорные клетки этой организации: школа (бэт-гамидраш), академия (бэт-гаваад; «ограда для Торы»), суд. Галаха (талмудическое право), минхаг (обычай), таккана (раввинское узаконение) были формами «послушания», которые направляли не только синагогу и школу, хедер и ешибот, суд и академии, но действовали и в повседневной жизни, в

семейном быту, в праздники и торжества, определяя многообразие отношений как между отдельными людьми, так и между личностью и обществом.

За последние 150 лет, в течение которых существовало русское еврейство с его специфическим обликом, произошли решающие перемены в еврейских центрах Центральной и Западной Европы. Эпоха просвещения (Гаскала) и эмансипации, повлекшие за собой для евреев общение с неевреями в экономической и культурных сферах, усиление влияния общества и государства — все это затронуло самые основы еврейского быта. Даже в тех странах, где знание Торы было еще широко распространено, и «Галаха» и «обычай» находили широкое применение, (например, в странах Востока), все это рассматривалось скорее, как пережиток, сохранившийся там, покуда туда не проникли свет просвещения и веяния современности с их духом свободы и инициативы. Иначе обстояло дело в русском еврействе.

Русское еврейство принимало деятельное участие в процессе экономического развития России. Оно участвовало в заселении юга, в крупном строительстве на северо-западе, в развитии железнодорожной сети, в учреждении банков, в расширении экспорта, в развитии промышленности, в эксплуатации естественных богатств и т. д.

В этом отношении русское еврейство было типично для эпохи эмансипации. Оно привело в значительной мере к повышению уровня жизни некоторых общественных слоев еврейства, к усвоению ими русского языка и приобщению к русской культуре, к возникновению новых, просвещенных воззрений на жизнь. Но несмотря на все эти перемены, жизненный уклад русского еврейства остался в основном прежним и сохранил свои типичные черты.

Эти черты своеобразия проявились во многих отношениях. Во-первых, в течение всего 19 века еврейский быт в основном сохранился в неприкосновенности. Он сохранился в силу «учения и закона» — «послушания», которое продолжало жить и развиваться. Об этом, между прочим, свидетельствует огромная теоретическая раввинская письменность и популярная литература по вопросам еврейского права и обычая. Библиографы отмечают 570 томов по Галахе, составленных в России, а также 130 популярных книг о законах и обычаях, связанных с укладом домашней и семейной жизни в будни и праздники.

Во-вторых, приспособление народа к новым условиям было в значительной мере коллективным приспособлением. Лич-

ность не исключалась из группы, не становилась изгоем, а вносила коррективы, только выправляя формы коллективного существования, и в известной мере тоже становилась фактором внутренней консолидации. Эта способность к коллективной стойкости в значительной мере вытекала еще из одного элемента — из глубокой укорененности русского еврейства в традиции собственной культуры. Эта вековая культурная традиция привела к стремлению русского еврейства строить свою жизнь, как коллективно, так и индивидуально, на основе ряда еврейских общественных и духовных ценностей, которые продолжали действовать в качестве факторов, формирующих индивидуальное и коллективное бытие.

Приведу несколько конкретных иллюстраций.

Политическая система, установленная русским правительством, стремилась побороть еврейский «сепаратизм», еврейскую «обособленность» за пределами религии и культа. В конце 1844 г. русское правительство отменило кагал и передало функции общины общим учреждениям. Одновременно с отменой кагала был введен коробочный сбор (налог на кошерное мясо) — доход с этого сбора предназначался на покрытие налоговых недоимок, а также на содержание синагог, бань, домов призрения и раввинов. Фактически «коробка» была изъята из ведения евреев, и заведывание ею передано городским властям и государственным органам, которым предоставлялось только «совещаться с оседлыми и зажиточными евреями». Евреям запретили собирать деньги на «еврейские нужды» без особого на то письменного разрешения властей. Власти ввели также институт «казенных раввинов», которые должны были, по замыслу власти, бороться с еврейским «сепаратизмом» и надзирать над евреями и их религиозными и воспитательными учреждениями.

Однако, евреям фактически удалось сохранить свою самостоятельную организацию даже в пределах, установленных властью. Эта организация приняла форму обществ, учреждений, союзов, действовавших в согласии с установленными общими законами правилами. Этим путем евреи, опираясь на многовековую традицию, в конечном счете свели на нет все правительственные планы. В ведение своих обществ и организаций евреи перевели все свои учреждения — благотворительные, воспитательные, социального призрения, общества помощи бедным евреям («Це-дака гедола»), похоронные братства (хевра кадише) и т. п. А казенные раввины превратились фактически в представи-

телей общин перед властями, подчас даже в уполномоченных общины или руководителей общественных организаций. Притом все было построено на принципе добровольности, значение которого обнаружилось во всем его блеске в трагической обстановке, в которой русское еврейство оказалось в годы первой мировой войны.

Борьба с «обособленностью» евреев была также одним из мотивов правительственной системы в области просвещения евреев. В официальных документах секретных архивов «Комитета по еврейским делам» сказано, что «гражданское просвещение» означает воспитание «в духе русской государственности и христианской церкви». Таким образом, казенное просвещение было направлено к тому, чтобы побудить евреев к переходу в лоно христианства, и борьба против «еврейской темноты» и «вредного влияния» Талмуда на евреев имела целью подготовить евреев к этому переходу.

В деятельности правительства видна система, которая сводилась к надзору над еврейским воспитанием, с тем, чтобы ограничить его объем, ослабить «обособленность» и превратить хедер и ешибот, эти основы еврейского воспитания, в казенные школы с целью «исправления» евреев. Правительство при этом представляло себе реформирование еврейской жизни иначе, чем еврейские просветители. По его плану, во главе еврейских школ (даже раввинских школ) должны были стоять христиане. Однако, евреям удалось сохранить хедер и ешибот, — как организованную и прочную систему образовательных учреждений для различных возрастов, систему, благодаря которой национальная традиция глубоко внедрилась в народных массах.

Заседания раввинской комиссии, периодически созывавшиеся правительством, хотя и подтвердили предложения властей, но все же комиссии удалось добиться согласия на дальнейшее существование еврейских воспитательных учреждений. В конце концов власти были вынуждены признать хедер, через который прошло большинство молодого поколения всего народа. В утвержденных хедерах к концу 19-го века училось свыше 200000 учеников, а было много и не утвержденных хедеров. Ешиботы, — которые еще в 1844 году были определены, как высшие учебные заведения для молодежи, желающей приобрести углубленные познания по Талмуду по первоисточникам еврейской веры и подготовиться к раввинскому званию, — также продолжали существовать и даже развиваться, вопреки всем официальным препятствиям. Почти в каждой крупной общине

существовал местный ешибот, «иешива кетана», возглавляемый раввином или специально приглашенным ученым. Крупные ешиботы в Воложине, Мире, Тельшах, Слободке (пригороде Ковны), Ломже, Эйшишках, Слуцке, Слониме, Радоме, Любавичах и других местах, служили центрами, в которые стекалась молодежь со всех концов России.

Наряду с этим Бэт-мидраш и клойз (синагоги и молельни) также играли значительную роль и поддерживали традиции еврейской культуры, особенно в деятельности многочисленных обществ по изучению Торы, Мидраша, Мишны, Галахи, Талмуда и произведений, посвященных религиозной морали и этике. Эти учреждения продолжали существовать, и попытки властей установить над этими религиозными учреждениями надзор потерпели неудачу.

Разумеется, существовало значительное различие между воспитанием массы бедного люда и воспитанием средних и высших слоев еврейства. Большинство хедеров, а равно и школы типа Талмуд Торы, в которых обучались дети бедноты и сироты, — стояли на невысоком уровне, в особенности, в смысле квалификации меламедов. То, что они давали своим ученикам, было ценно больше всего, как живая народная религиозная традиция, а не как сумма существенных знаний. Зато в хедерах, где изучался Талмуд, и отчасти в «смешанных» хедерах, где учились сыновья средних и состоятельных слоев, учителями были подготовленные лица, внушавшие ученикам помимо солидных познаний — также любовь к книге, и знание иврит.

Власти запрещали доступ девочек в хедера. Запрещалось также преподавание в них светских предметов и русского языка. Только в начале XX-го века правительство разрешило устройство хедеров для обоего пола под одной крышей. Но еврейская учебная сеть не ограничивалась хедером. Существовало немало еврейских школ, частных и общественных, в которых языком преподавания был русский, а преподавание еврейских предметов было урезано. В этой сети обучалось около 200000 учащихся (мальчики — после обучения в хедере).[2]

---

[2] Первый статистический обзор хедеров был предпринят после закона 1893 г. Вольно-экономическим Обществом, при поддержке ОПЕ. Выяснилось, что по всей России и Польше обучалось в 13000 с лишком хедерах 201964 ученика. По данным, собранным Еврейским Колонизационным Обществом в 1898 г. (в 507 пунктах «черты», включая Польшу) обучалось в обследованных хедерах 108289 учеников, (детей

Совещание комитета ОПЕ с представителями отделений в декабре 1912 г. решило ввести в круг деятельности ОПЕ также заботу о реформе хедера, как одну из важнейших своих задач. Правительство противилось всякой попытке реформировать хедер и приспособить его к духу времени. По инициативе попечителя Виленского учебного округа министр просвещения заявил 15 января 1895 г., что в хедере запрещается преподавание Талмуда, грамматики, спряжений, чтение книг Шульмана и др., украшение стен портретами «еврейских деятелей». Любопытно, что через полгода (27 июля 1895 г.) министр разрешил преподавание Талмуда, грамматики, спряжений, но запрет на чтение книг из новой литературы и на украшение стен портретами — остался в силе.

Еврейская книга и печатание в России долго страдали от всяких строгих и цензурных ограничений. Несмотря на это, нам известны около шести тысяч книг на иврит, напечатанных в пределах России, помимо молитвенников и аналогичных изданий, а также издания библейских и талмудических текстов, служивших учебными пособиями. Стоит попутно отметить, что из 486 изданий Библии с комментариями, вышедших со времени появления печатного станка до первой мировой войны, 110 изданий вышло в России. Талмуд (полное издание) появился за этот же период — в 52 изданиях, из них 20 — в России.

Число книг на иврит, появившихся в России, приближается к 25% всех еврейских книг, напечатанных до первой войны. Если мы прибавим, что из 375 исследований по еврейскому языкознанию и грамматике около 160 появилось в России, мы сумеем представить себе значение этих данных для процесса развития иврит. Интересно в этом отношении привести данные об изданиях, наиболее популярных среди читателей на иврит авторов за это время: М. Х. Луццато (вышло 87 изданий), Р. Авраам Данциг (76), Р. Шнеур Залман из Ляды (43), Р. Бехайс ибн Па-куда (40), Р. Ицхак Бер Левинзон (34), Маймонид (30), Р. Хаим Виталь (30), Магарал Пражский (29), Р. Яков Кранц, Магид из Дубно (28), Мапу (26), Р. Моше Бен Нахман (25), Р. Нахман Брацлавский (23), Калман Шульман (21).

школьного возраста было в этих местах 202956). По заключениям, сделанным на основании обследования, можно предположить, что число детей в хедерах в этом году в действительности было гораздо выше и доходило до 340000.

Кстати, эти книги по своему внешнему виду и печатанию — были книгами для народа, не для украшения книжных шкафов. Многие из них были переведены на идиш, и их влияние на неимущие слои народа было весьма велико.

Отмеченные выше черты придали русскому еврейству характер своеобразного мира. Мир этот был тесен, ограничен, подвержен притеснениям, связан со страданиями, лишениями, но все же это был целый мир. Человек в нем не задыхался. Можно было в этом мире чувствовать и радость жизни, можно было найти в нем, в скрытых в нем возможностях, и материальную, и духовную пищу, и можно было построить в нем жизнь на свой вкус и лад.

Нужно также подчеркнуть, что крупные ешиботы и движение мусар на Литве, хасидизм на Украине и хабадское направление его в Белоруссии, также Гаскала, обновление иврит, культивирование фольклора и расцвет идиш и его литературы — все эти явления развернулись главным образом в городах и местечках, в которых евреи составляли большинство населения.

Значение тут имел и тот факт; что духовный облик коллектива был связан с традиционной ученостью и еврейским языком. Еврейское знание имело широкое распространение. Все отведали из его истоков, кто больше, а кто меньше. Хотя «неучей» оставалось не мало, но по многочисленным каналам знание Торы просачивалось и в широкие слои. Ведь в течение веков не было в повседневной жизни никакой другой культуры, литературной или политической, и духовная жизнь в течение веков запечатлена на иврит. Да и новая жизнь, рисующаяся в душе маскила, проявляется в оболочке иврит.

Правда, еврейская масса жила в тесноте и бедности. Но еврейский коллектив в целом не был нищ. В различных областях его деятельность была не только заметна, но и признана, несмотря на все бесчисленные ограничения и преследования. Вся эта жизнь наложила особую печать на облик русского еврея: печать внутренней цельности, без особых комплексов. В этом облике было и нечто новое в еврейской действительности, нечто, поражавшее всякого наблюдателя.

После первого Сионистского конгресса Герцль писал: «Появление русских евреев, приехавших в Базель, было, признаюсь, для меня крупным событием... Какой стыд для нас, думавших, что мы стоим выше их... Если бы я хотел одним словом выразить впечатление, которое они произвели — а оно было очень сильное — я бы сказал: они обладают внутренней цельностью, кото-

рую большинство евреев Европы потеряло... При взгляде на них мы поняли что давало нашим предкам силу переносить наиболее тяжкие времена. Своеобразной и животрепещущей предстала пред нами в их образе наша история»...

Другая характерная черта русского еврейства — его напряженная *чуткость к ходу истории*. Действительно, в ходе русско-еврейской истории как бы сгустилась вся история еврейства от начала средневековья до последней эпохи со всеми ее перипетиями и темпами быстрых переходов из одной стадии в другую, от кризиса к кризису.

Отметим несколько пунктов.

При присоединении к России польских районов и их еврейского населения, были даны обещания прав и сделаны попытки осуществить эти обещания. Но в то же время — начались массовые изгнания из деревень, двойное налоговое обложение, установление черты оседлости. Либеральные законопроекты, допущение в общие школы, обещания земли и денежной помощи колонистам — с одной стороны; а с другой — кантонисты, пойманники, крещения детей. В течение лишь последних трех лет царствования Николая I (1852—1855) 13540 юношей прошло через эту инквизицию. Наряду с этим, законодательство было полно ограничений, тягот, а административная практика — придирок, преследований, изгнаний, ритуальных наветов. Естественно, что еврейская настороженность приобрела в этих условиях особенно острый характер.

Власти вынуждены были привлечь некоторых евреев к участию в разного рода деятельности в черте оседлости как подрядчиков при постройке крепостей, правительственных зданий, гаваней, как поставщиков, откупщиков и т. д. Эта деятельность привела к сближению и к экономическому прогрессу. Но наряду с этими преуспевающими слоями прозябала еврейская масса, изнемогающая в нищете, страдающая от недостатка заработка и недоедания, предоставленная издевательствам властей предержащих, — предоставленная самой себе и своему отчаянию — огромная бедняцкая масса.

Но вот наступает эпоха великих реформ, отмена крепостного права, реформа судопроизводства, прогресса в образовании, литературе, науке. Развитие страны идет вперед. Некоторые облегчения, как и обещания лучшего будущего, дарованы и евреям. В

результате, во всех областях экономической жизни страны заметно деятельное участие евреев из средних слоев, идущих в гору, к состоятельности. В городах и местечках раздается мощный клич к просвещению и эмансипации, и через них — к приобщению к русской культуре и общественности. Новое поколение выходцев из еврейской бедноты, прошедшее русскую школу, загорается от пламени русской революционности и с воодушевлением вступает в борьбу. Просвещение и ассимиляция, эмансипация и революционный социализм — характеризуют настроения целого еврейского поколения.

Но в следующее царствование картина резко меняется.

Россия при Александре III стала государством, в котором антисемитизм стал системой власти. Борьба с евреями велась на всех фронтах и во всех формах. Евреям закрывали доступ в школы и в то же время боролись с еврейской «обособленностью»; толковали об еврейской «эксплуатации» и одновременно о том, что евреи увиливают от труда; говорили, что еврей, мол, атеист, однако хедер и ешибот подвергались преследованиям. После погромов 80-х годов, изгнания, наветы, правовой гнет не прекращались. Положение из года в год ухудшалось. Достаточно отметить, что в течение одного этого царствования (1881—1894) было издано 65 законов, направленных против евреев, а затем, при Николае II, вплоть до июня 1914 г. — еще 50 законов и распоряжений против евреев. В этой вакханалии соревновались министры и губернаторы, городские управы и полиция, губернские управления и учебные округа. Естественно, что это рождало «еврейский бунт», — неизбежное сопротивление.

Правильное представление о размерах «еврейского бунта» против царского режима можно получить из некоторых цифр о росте революционного движения среди евреев. До 90-х годов среди осужденных за революционную деятельность к каторжным работам евреи составляли — 11%. В 1884—90 г.г. в России было 4307 политических заключенных и среди них евреев 579, т. е. 13,4%. В 1897 г. 1140 лиц было арестовано за революционную деятельность, среди них 213 евреев, 18,7%; в 1898 г. — 1414, среди них евреев 351, т. е. 24,8%. По отчету Бунда, в 1903/4 в его организациях числилось 30000 рабочих, а по отчетам всех еврейских революционных партий в России, в них числилось в 1906/7 году, по крайней мере, 75000 членов. Сюда не входят евреи, принимавшие участие в многочисленных общерусских оппозиционных и революционных организациях.

Была и другая реакция на еврейское бесправие и антисемитизм, которая получила свое выражение в эмиграции и, особенно, в палестинофильстве.

О размерах палестинофильских течений в среде русского еврейства свидетельствует следующий факт: в первый период в России было около 80-ти ховеве-ционистских кружков, приблизительно в 50 городах. В дни Второго сионистского конгресса (1898 г.) было уже 373 таких кружка; к 6-му конгрессу (1903 г.) — 1572 кружка; к концу рассматриваемого периода — не было еврейской общины в России, в которой не существовало бы сионистской организации. О размере влияния сионизма в России можно судить хотя бы по тому, что из 40 колоний в довоенной Палестине большинство было основано русскими евреями, которые составили решающее большинство и во второй алия (1903—1915). Это было глубоко народное движение, втягивавшее лучших людей. И тут были смены подъема и упадка. С трудом продвигается вперед единение пробуждающегося народа, пытающегося — с малыми силами и средствами — заложить основы своего будущего, но их манит чудесный новый мир, который должен родиться с приходом великой революции. Ее громы и молнии, бури и зарницы освещают ему и мрак изгнания и его бессилие перед лицом гигантского поединка с окружающими враждебными силами.

Антисемитизм, как политическая система сверху, революционность, как форма самозащиты снизу, — таков был удел народных еврейских масс. Но самодеятельность народа нашла свое разнообразное выражение во всех областях жизни: в повседневной борьбе против властей, в организации самообороны в погромные дни и в основании сотен обществ взаимопомощи в мирное время, в национальном, политическом и социальном пробуждении масс, в возникновении еврейских политических партий и еврейских революционных организаций, и в эмиграции и сионистском движении во всех его течениях и оттенках.

Все эти очерченные нами процессы, конфликты, вся внутренняя напряженность и в то же время рост национальной самодеятельности масс нашли свое самостоятельное языковое выражение. Отсюда и возрождение иврит, как языка литературы, равно как и расцвет литературы на идиш, языке широких масс, пробудившихся к национальной, политической и социальной активности.

Велико историческое значение русско-еврейского коллекти-

ва в истории мирового еврейства в новое время. Дело не только в том, что более половины еврейского народа жило в России и что русское еврейство явилось численно крупнейшим еврейским коллективом. Вся история еврейства в новое время стала под знаком русского еврейства. В силу особых обстоятельств общественного и духовного порядка именно в русском еврействе созрели те творческие силы, в которых был залог обновления и возрождения еврейского народа.

А. МЕНЕС

В МИРЕ ЕВРЕЙСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ИСКАНИЙ

ЕШИБОТЫ И ТЕЧЕНИЕ «МУСАРНИКОВ»

Еврейская религия это диалог между Богом и человеком: это показал нам с большой убедительностью известный мыслитель Мартин Бубер в своем знаменитом произведении «Я и ты». Божество открылось еврейскому народу не в видимом образе, а в слове. Завет «не сотвори себе кумира» имел огромное влияние на духовное развитие еврейства. Священное писание, Книга, стоит в центре еврейской религиозной жизни.

Поэтому изучение Торы приобрело особенное значение: в этом изучении Торы человек встречается со своим Создателем. Не в том суть, что Тора дает людям возможность получить необходимые указания, как поступать, как вести себя. Напротив, изучение Торы имеет огромное значение само по себе, ибо оно является в такой же степени, как молитва, диалогом между Богом и человеком. Тора приносит человеку слово Божье; а в молитве человек со своим словом обращается к Богу— к Отцу Небесному. Граница между Торой и молитвой не очерчена резко, ибо изучение Торы тоже является способом служения Богу, своего рода обрядностью. Не раз высказывалось мнение, что изучение Торы — это высшая ступень служения Творцу.

В изучении Торы лежало нечто мистическое. Изучая Тору, люди забывали голус, нужду и мирские заботы: «словно песня звучали для меня твои законы в доме моем на чужбине» (Псалмы. Гл. 119).

Особенно одухотворяло изучение Талмуда. В Библии еврей внимает слову Божьему, и единственным ответом может быть: «наасе венишма» — мы услышим и выполним. Иной характер носит изучение Талмуда: изучающий Талмуд входит в общение с людьми, с истолкователями Божьего слова. Правда, это люди исключительные, танаи и амореи, но все же это только люди. В Талмуде мы найдем много споров по поводу способов толкова-

ния Торы, существуют различные мнения и разъяснения, и изучающий неожиданно узнает, что Тора не была дана в законченном виде, что позднейшие поколения имели возможность добавлять и вносить новшества в Тору. И раз могли в свое время существовать различные мнения в ешиботах Израиля и Вавилона, почему не быть аналогичным расхождениям и в ешиботах России и Польши?

Дискуссии в Талмуде захватывали фантазию юных людей. Они не довольствовались сухим толкованием текстов. Талмудическая литература является плодом творчества ряда поколений, в ней естественно нашли свое выражение настроения и взгляды людей разных эпох и различных направлений. К тому же смысл текстов не вполне ясен; приходилось сравнивать тексты, сопоставлять один закон с другим. Так получил развитие диалектический метод, метод истолкований неясных текстов и самостоятельных выводов. Это и есть тот метод «пилпула», так часто подвергавшийся критике. Не подлежит сомнению, что только благодаря «пилпулу» был создан единственный метод, обеспечивший нормальное развитие талмудической Галахи.

Верно, что применение метода «пилпула» заходило порой слишком далеко. Но ведь в сущности каждая философская система с течением времени становится предметом диалектического истолкования, методом «пилпула». Этот метод оказался прямой необходимостью для тех, кто ставил себе целью сохранить преемственность большой религиозной традиции.

От занимающегося изучением Талмуда требовались серьезная подготовка и большое рвение, ибо он должен был прежде всего хорошо владеть языком и своеобразной терминологией талмудической литературы. Тем не менее изучение Торы никогда не было монополией небольшой привилегированной группы. Тора считалась собственностью всего народа, и все в большей или меньшей степени чувствовали свою сопричастность к Торе.

Самой высокой степени развития достигло изучение Торы в Восточной Европе. Города и местечки Литвы, России и Польши были переполнены людьми, изучавшими Тору, и братствами, посвятившими себя ее изучению. Менделе Мойхер Сфорим рисует картину изучения Торы, примерно в пятидесятых годах прошлого века, в его родном городке Копыле:

«...Синагога переполнена—тут сидят над Талмудом обыватели постарше и помоложе, ешиботники, покинувшие жен и детей

в другом городе, чтобы корпеть над Талмудом и питаться в чужих домах. А по вечерам, между молитвами «минхо» и «маарив», тут собираются у столов ремесленники и другие прихожане, чтобы послушать мудрую речь наиболее изощренных в Талмуде; за одним столом читается «Мидраш», за другим «Эн-Яков», за третьим «Посук», за четвертым — «Хойвес Халвовес» и другие ученые и нравоучительные книги».

Нужно отметить, что женщины тоже не оставались без духовной пищи: этому способствовало то обстоятельство, что в еврейских центрах Восточной Европы издавна появлялась довольно богатая литература на народном языке, на идиш. К началу 17-го столетия появилось первое издание так называемой «женской Торы» — «Цено ур'ено». Эта книга выдержала до 1832 года тридцать четыре издания. Постепенно появлялось все больше переводов нравоучительных книг, сборников молитв, мидраша и т. д. Наряду с переводами появился целый ряд произведений, написанных на идиш — сборников сказок, рассказов, тхинот (женские молитвы) и т. п. Печатались также издания на обоих языках с двумя текстами — на идиш и на иврит.

Воспитанию девочек однако уделялось мало внимания. Правда, существовали женские хедера и специальные учителя; нередко жена меламеда, обучавшего мальчиков, учила девочек чтению и письму. Но большей частью дочери обучались чтению дома при помощи матери или старших братьев и сестер. Учеба в еврейской среде была традиционно укоренена. В бедных семьях однако попадались женщины, не знавшие грамоты.

Иначе обстояло дело с воспитанием мальчиков. Редчайшим исключением было, чтобы мальчик не учился и не знал даже молитв. В тех случаях, когда родители не в состоянии были платить меламеду за обучение ребенка, эту обязанность брала на себя община. Община заботилась также о том, чтобы сироты имели возможность посещать хедер, по крайней мере до 13 лет (до достижения «бар-мицво»—религиозного совершеннолетия). Обычно, впрочем, даже беднейшие родители прилагали все усилия к тому, чтобы платить за обучение детей.

Система обучения в ешиботах носила иной характер. Только зажиточные семьи могли себе позволить оставлять сыновей дома, давая им возможность продолжать изучение Торы после совершеннолетия. Нельзя упускать из виду, что семьи были в ту пору многодетные, и родителям приходилось затрачивать средства на образование нескольких детей. Приходилось подумать о том, как дать юношам возможность продолжать образо-

вание, не обременяя родителей. У евреев, в отличие от других народов, создалось положение, в силу которого легче было посылать сыновей в ешибот, чем в хедер. Высшее образование было бесплатным. Ешиботы содержались на общественные средства, в то время как за право учения в хедере приходилось платить.

Бесплатное высшее образование стало возможным прежде всего благодаря системе, основанной на самодеятельности учащихся. Гемару начинали изучать в хедере уже в возрасте 8—9 лет: это объяснялось желанием ввести мальчика в мир Талмуда и приобщить его к духу Талмуда. Он рано привыкал понимать язык Талмуда, сложную терминологию и методы Галахи. Центральной задачей преподавания было стремление приучить ученика самостоятельно, без помощи учителя, разбираться в талмудической письменности, научить его свободно «плавать по морю Талмуда».

Прилежный ученик был способен самостоятельно изучать Гемару уже в 13—14 лет. Если ему попадалось непонятное место, он обращался за помощью к сверстнику или к ешиботнику постарше. В ешиботах Рош-иешива читал лекции («шиур») — всего два-три раза в неделю, и каждая из них продолжалась час или полтора. Все остальное время учащиеся занимались самостоятельно. Были и такие ешиботы, где посещение лекций не было обязательно для учащихся. В малых ешиботах нередко читал лекции местный раввин, не получая за это никакого вознаграждения. В ешиботах с большим числом учащихся жалование главе ешибота платила община; такие крупные центры талмудической науки, как ешиботы в Воложине, Мире и Слободке, располагали своими собственными средствами.

Но одного освобождения учащихся от платы за учение было недостаточно. Надо было обеспечить их средствами к существованию. Поэтому для иногородних создана была система, носившая название «эсн тэг» (буквально: кушать дни, т. е. получать пропитание). Она заключалась в следующем: местные обыватели брали на себя обязанность раз в неделю весь день кормить хотя бы одного ученика ешибота. Более или менее зажиточные люди брались кормить нескольких человек. Таким образом, чтобы быть сытым в течение целой недели, ешиботник должен был столоваться в семи разных домах. Если это не удавалось, то в те дни, когда ешиботник не был обеспечен обедом, ешибот снабжал его хлебом и горячей пищей или небольшим денежным пособием.

В конце 18-го века Польша переживала политический и экономический кризис, приведший к упадку еврейской общинной жизни, и это отразилось на изучении Торы. Обнищавшим общинам не хватало средств даже на содержание ешиботов. Вдобавок, общая атмосфера, царившая в 18-м столетии и в особенности нарождение хасидизма способствовали тому, что престиж изучения Торы явно пал. В хасидской среде место ученого талмудиста занял «цадик», а углубление в молитву считалось большим проявлением благочестия, чем изучение Торы. Этим в значительной степени объясняется тот факт, что руководители миснагидов с виленским Гаоном во главе так резко выступили против хасидского движения: ситуация казалась особенно тревожной от того, что в то же время появились первые ростки Гаскалы — сначала в Германии, а потом, несколько позже — в Восточной Европе. Тем не менее 19-й век приносит с собой возрождение изучения Торы в еврейских центрах России и соседних с нею еврейских центрах Восточной Европы. Главную роль в этом процессе играли крупные ешиботы, возникшие на Литве.

ЛИТОВСКИЕ ЕШИБОТЫ

Первый раздел Польши произошел в 1772 году. Вскоре после этого Польша перестала существовать, как самостоятельное государство (1795 г.). Россия включила в свои пределы большую часть территории и населения Польши, и на протяжении более чем ста лет, вплоть до первой мировой войны, в истории восточно-европейского еврейства первое место занимает еврейское население царской России.

В начале 19-го века на Литве возникли большие ешиботы в Воложине, Мире и Эйшишках. Особенной славой пользовался воложинский ешибот. Можно утверждать, не боясь впасть в преувеличение, что основание этого ешибота открыло новую главу в духовной жизни еврейства Восточной Европы.

Реб Хаим Воложинер, основатель этого приобревшего мировую известность ешибота, был учеником виленского Гаона. Главная задача, которую себе поставил реб Хаим Воложинер, заключалась в том, чтобы воскресить значение *изучения Торы ради нее самой*, изучения ради изучения. Ученик Гаона, он прежде всего отменил старый обычай «эсн тэг»; вместо этого учащиеся стали получать небольшие денежные пособия из кассы ешибота. Благодаря этой реформе, социальное положение ешиботников

радикально изменилось. Реб Хаиму Воложинеру удалось собрать значительную сумму денег вне пределов Воложина. Впоследствии сбором денег на нужды ешибота занимались специальные посланцы, разъезжавшие по свету. Таким образом ешибот не оказался в зависимости от местной общины, наоборот, он стал источником дохода для Воложина. Здесь уже больше не называли учащихся «парнями из ешибота» или «молодыми бедняками», а величали их «людьми из ешибота». Уже это одно доказывало, что изучение Торы вступило в Воложине на новый путь.

Нельзя считать случайностью, что новый очаг изучения Торы возник не в Вильне, гордившейся своим престижем, а в местечке, которое до основания ешибота было мало известно. Другие литовские ешиботы тоже возникли в маленьких городках. В местечках евреи чувствовали себя свободнее, ученики ешибота были здесь больше защищены от влияний гаскалы и вообще от внешнего мира.

Высшей ступени, как в отношении числа учащихся, так и в отношении своего престижа Воложинский ешибот достиг во второй половине прошлого столетия, когда во главе его стоял реб Нафтали Цви Иегуда Берлин (1817—1892). Число учащихся перевалило в ту пору за четыре сотни; они стекались в Воложин из самых различных стран. Лекции «шиур» читались ежедневно (кроме субботы) с половины первого до двух. Три раза в неделю читали лекции первый Рош-иешива (Реб Нафтали Цви Иегуда Берлин), а в следующие три дня — второй глава ешибота. В восьмидесятых годах вторым главой ешибота был реб Хаим Соловейчик, ставший впоследствии раввином в Брест-Литовско и известный также, как реб Хаим Брискер. Лекции реб Хаима Соловейчика пользовались особенной любовью. Отличительной чертой его преподавания был логически выдержанный анализ Галахи; его своеобразный метод преподавания с течением времени был принят во всех литовских ешиботах.

В Воложине главное значение придавалось умению учащихся самостоятельно работать. Посещение лекций не считалось обязательным; учащиеся не подвергались формальным экзаменам. Рош-иешива время от времени вел беседы с учениками и вместе с ними проходил учение; это давало ему полное представление о достигнутых ешиботниками успехах. В ешиботе не было отделений или классов, хотя в нем обучались люди различного возраста и объема знаний. Несмотря на эти различия, в ешиботе царил дух одной большой семьи. Распространен был обычай совместных занятий, часто вдвоем. Порой молодой уче-

ник ешибота добивался совместных занятий со старшим коллегой — за плату. Для ешиботников старшего возраста это было источником некоторого заработка. Время от времени учащиеся собирались группами, чтобы «обсуждать подлежащее изучению». Обычно обсуждению подвергалась лекция главы ешибота, и это давало повод к применению «пилпула», формулировке новых толкований и разъяснению вопросов, которые казались не совсем понятными.

Таким образом в ешиботе каждый учился про себя и в то же время совместно. Каждый ученик был предоставлен самому себе, и его успехи зависели от его способностей и усидчивости; в то же время все учащиеся проникнуты были духом своей школы, ощущением полной духовной общности. Эта общность проявлялась и в практических делах: учащиеся оказывали друг другу материальную поддержку. Существовало общество «поддерживающих Тору»; его задачей была помощь нуждающимся ученикам ешибота и выдача ссуд. Забота о содержании школы и учащихся была одной из обязанностей главы ешибота.

Среди ешиботников встречались юноши из зажиточных семейств, не нуждавшиеся в поддержке, но они составляли обычно меньшинство. Большинство нуждалось в пособии, которое достигало от 50 копеек до рубля в неделю. Завтрак и ужин ешиботника состоял из чая с хлебом; горячую пищу ели только к обеду, причем мясные блюда были редки и подавались обыкновенно по субботам. Весь бюджет ешиботника не превышал полутора рубля в неделю, причем от 30 до 40 копеек уходило на квартирную плату. Большей частью два или три ешиботника жили в одной комнате; о такой роскоши, как отдельная комната, никто и не мечтал.

Воложинский ешибот просуществовал около ста сорока лет. Он был основан в 1802 году, вскоре после распада Польши, и был закрыт в 1939 году, когда вспыхнула вторая мировая война. За 137 лет своего существования ешиботу суждено было пережить периоды расцвета и полосы упадка. До 1892 года Воложин считался авторитетнейшим рассадником изучения Торы во всем мире. К этому источнику стекались молодые люди отовсюду, со всех концов России и из многих еврейских общин других стран. Но и в позднейшие годы, когда на первый план выдвинулись «мусар-ешиботы»,[1] в которых господствовало направление Реб

[1] Мусар буквально означает мораль: движение мусар — религиозно-этическое течение, ставившее личную мораль во главу угла.

Израиля Салантера, имя «Воложин» продолжало произноситься с благоговением и любовью.

В начале 19-го века основаны были также крупные ешиботы в местечках Мир и Эйшишки. Ешибот в Мире своим распорядком напоминал Воложинский; он пользовался, однако, меньшим авторитетом и был беднее. Наиболее неимущие ешиботники вынуждены были подкармливаться у зажиточных обывателей — по крайней мере по субботам. Во второй половине 19-го века, когда во главе ешибота стоял реб Хаим-Лейб Тиктинский, в Мире обучалось около 300 человек. Наибольшего расцвета Мирский ешибот достиг в период между двумя войнами: в эти годы он занял первое место среди ешиботов в Польше (см. дальнейшую главу: «Мусар-ешиботы»).

Своеобразный характер носит история ешибота в Эйшишках — маленьком городке убогой Литвы. Люди мало знали о нем — по вполне понятной причине: ешибот не рассылал посланцев по свету, хотя по своим руководителям не уступал крупным ешиботам, пользовавшимся мировой известностью. Маленький литовский городок собственными силами содержал — и вполне удовлетворительно — более сотни учащихся, среди них людей, готовившихся в раввины.

Ешибот в Эйшишках сумел на свой лад охранять авторитет Торы и достоинство учащихся. Традиция вилен-ского Гаона и его последователей сказывалась здесь не менее, чем в Воложине: в Эйшишках молодые ревнители, Торы не ходили подкармливаться в чужие дома, местные жители сами приносили еду в ешибот. Они заботились и о других нуждах ешибота — об отоплении, освещении, снабжении книгами. Этим занимались особые общества, которым удавалось создавать значительные средства. Заботы о содержании Рош-иешивы тоже несла местная община. Неудивительно, что бедное литовское местечко стало символом ревности к Торе.

СРЕДНИЕ И МАЛЫЕ ЕШИБОТЫ

Количество учащихся, имевших возможность поступать в крупные ешиботы, было сравнительно невелико. Большинство ешиботников обучалось в небольших и средних ешиботах; эти ешиботы пользовались скромной известностью, но они без всякого сомнения сыграли не меньшую роль в деле распространения изучения Торы в странах Восточной Европы, чем крупные ешиботы.

Ешиботы средние и малые не рассылали по свету посланцев для сбора денег; им приходилось поэтому добывать необходимые средства на местах для поддержки очагов Торы. Поэтому здесь оказалось невозможным отойти от старой системы «эсн тэг».

В небольших ешиботах обучались преимущественно дети местных жителей и в отдельных случаях более зажиточные родители платили за нравоучение своих детей. В ешиботах средних было много иногородних учеников; здесь бедность больше бросалась в глаза. Менделе Мой-хер-Сфорим дает нам в своих мемуарах («Шлойме реб Хаимс») следующее описание ешибота в Слуцке, где он учился к концу сороковых годов прошлого века:

«Среди литовских городов, которые Всевышний наградил ешиботом, имеется городок С-к. Единственное, что отличает этот городок от других и что создало ему славу —это ешибот, который приобрел известность далеко за его пределами. Местные професора — люди простые, бедные меламеды, хоть и носят они титул «рош-иешива»; студенты — молодые люди, не имеющие ни гроша за душой, большей частью приходят сюда пешком и почти налегке, с мешком, хранящим две старые залатанные рубахи и пару изношенных, штопанных носков. И вот жалкий городок, удрученный собственной бедностью, берет на себя заботу о приезжих, снабжая их чем только может. Ради Торы самый большой бедняк готов поделиться с другим последним куском хлеба, если он им располагает».

Небольшие ешиботы существовали в целом ряде городов Литвы, а также в общинах Польши и Украины. Были и ешиботы, содержавшиеся за счет синагог, благотворительных обществ и даже частных лиц. В Вильне например, к концу прошлого века в синагоге мясников находился ешибот, в котором обучалось до 80 человек. Другая школа того же типа нашла себе приют в синагоге шапочников в Минске. Вот как описывается этот ешибот в мемуарах Израиль-Исера Кацовича:

«Наш ешибот основан и содержится шапочниками, т. е. бедными людьми. Рош-иешива имеет мануфактурную лавку. Дело ведет его жена. Он проводит в лавке только несколько часов, посвящая все свое время либо изучению Торы, либо занятиям с другими. Всю неделю он посвящает занятиям с ешиботниками, а по субботам он преподает Тору шапочникам». («60 лет жизни», стр. 83—84).

По всей вероятности большинство юношей в странах Восточной Европы принадлежало к типу так называемых «клойзников», т. е. занимавшихся изучением Торы в помещении синагоги. Вся система занятий построена была на принципе самостоятельного изучения. Даже большие ешиботы не могли бы справиться с расходами, если бы там не применялся метод самостоятельной работы учащихся. Поэтому там учащиеся не делились на группы сообразно возрасту и уровню знаний. Все учащиеся слушали одни и те же лекции, все проходили одни и те же главы, хотя им предоставлялась свобода выбирать для изучения любую главу, и каждый стремился добиться, по мере своих сил, наилучших результатов. Поэтому даже такой крупный ешибот, как воложинский, довольствовался только двумя руководителями (рош-иешива и его заместитель).

Обыкновенно юноши начинали учиться «для себя» уже с тринадцати или четырнадцати лет; дети состоятельных родителей нередко имели меламедов и после. Отличавшиеся исключительными способностями мальчики из бедных семейств начинали самостоятельно заниматься еще до бар-мицва, так как родители не в состоянии были платить за обучение.

Если юноше не удавалось поступить в ешибот, он занимался в синагоге родного или соседнего городка, где имелось достаточное количество книг для учебы, и где он имел бы возможность обсуждать тексты со своими сверстниками или учеными прихожанами. Известный ученый и писатель Шимон Бернфельд рассказывает о своем отце следующее:

«Первым учителем моего отца был его дед со стороны матери, реб Цви-Гирш. Потом с ним стал заниматься меламед, обучавший его, пока ему не исполнилось одиннадцать лет. С тех пор он занимался самостоятельно в синагоге своего родного городка».

Обычай самостоятельного изучения Торы передавался из поколения в поколение. Люди такого формата, как Израиль Баал-Шем-тов, виленский Гаон и Соломон Маймон фактически никогда не обучались в ешиботах. Они начали изучать Тору «для себя» еще с ранней юности. Это было, по всей вероятности, результатом системы воспитания, приучавшей мальчика к самостоятельной работе уже в годы отрочества.

Разумеется, система изучения текстов «для себя» таила опас-

ность: не каждый тринадцати- или четырнадцатилетний мальчик способен был ориентироваться собственными силами в Талмуде. Многим это не удавалось; далеко не каждому самоучке дано было стать ученым. Но если принять во внимание экономическое положение евреев в Восточной Европе, придется признать, что система самостоятельного изучения Торы являлась в обстановке того времени фактически единственно возможным путем.

Обыкновенно юноша старался найти синагогу, где занимались другие учащиеся — как его ровесники, так и люди постарше. Во многих городах и местечках одна большая синагога или молитвенный дом представляли собой как бы центр изучения Торы. Ученые старшего поколения и «эйдемс оф кест»[2] здесь обсуждали спорные вопросы, а юнцы прислушивались к их речам, и тоже вмешивались в дискуссию, задавая вопросы или высказывая собственные соображения. Часто они занимались вдвоем или втроем; это оживляло занятия и давало возможность обмениваться мыслями.

Изучением в синагогах и молитвенных домах занимались не только местные уроженцы повсюду, а особенно на Литве; издавна установился взгляд, что учиться лучше на чужбине. Среди учащихся было не мало женатых людей, так называемых «порушим». Вот как описывается жизнь молодых талмудистов в местечке Капуля:

«Копыльский клауз был также высшею школою, где местные подростки... сами дополняли свои сведения в Талмуде и раввинской письменности... Кроме местных юношей, в копыльском клаузе обучались и иногородние молодые люди: бахурим (холостые) и порушим (женатые). Копыльцы дружелюбно принимали этих жаждущих знания буршей. При появлении такого бахура в клаузе, обыкновенно с посохом в руке и с котомкой на плечах, все его окружали, приветствовали и приступали к снабжению его днями, т. е. к составлению списка 7-и обывателей, обязывавшихся кормить его по одному определенному дню в неделю. Этим актом положение юноши на время его пребывания в городе обеспечивалось: кушанье у него есть, книг и свечей — сколько угодно, квартира — клауз, в кровати и подушках он не

---

[2] «Эйдемс оф кест» (зятья на содержании) — молодые люди, которые после женитьбы поселялись в доме тестя и, будучи обеспечены материально, имели возможность посвящать все свое время ученью.

нуждается — спит на скамье или на земле, подложив под голову свой халат».[3]

Были некоторые синагоги и молитвенные дома, — например, синагога Гаона в Вильне, — издавна славившиеся, как очаги изучения Торы. Учащиеся тут считались принадлежащими к высшему разряду; они питались в частных домах только по субботам. Синагога оказывала учащимся поддержку в самых скромных размерах.

Главное преимущество самостоятельных занятий в синагоге состояло в том, что учащийся пользовался свободой и мог заглядывать в любые книги, — в Каббалу, в философские трактаты и т. д. Он сам вырабатывал для себя порядок занятий, и если он был способный и прилежный, его познания были больше познаний ешиботников. Впрочем, многие ешиботники тоже некоторое время занимались самостоятельно учебой в молитвенных домах. Бывали случаи, когда юноша останавливал свой выбор на какой-нибудь заброшенной синагоге, где он мог быть предоставлен самому себе, располагая возможностью «учиться для себя» и «думать про себя»; эта самостоятельность и уединенность наложила печать на жизнь и мышление ешиботников и «клойзников». Читая литературные произведения на идиш и иврит, мы неоднократно находим в них отголоски этих лет грусти и одиночества. Вот что пишет об этом периоде своей жизни поэт Х. Н. Бялик:

«Когда мне исполнилось 13 лет, я вышел из под опеки моих учителей и был предоставлен самому себе, и один отдался самостоятельным занятиям в синагоге. Я был одиночкой, ибо я был единственным юношей-учеником в районе, который просиживал в синагоге над книгами. В синагоге не было ни живой души, за исключением «даяна», который проводил там до полудня в изучении Талмуда и молитве... Эти одинокие часы занятий в синагоге имели огромное влияние на мой характер и душевный мир. Наедине с моими давнишними и новыми мыслями, с моими сомнениями и интимными размышлениями, просиживал я целые дни напролет возле книжных шкафов; по временам я прерывал занятия и погружался в мир мечтаний и образов; я сводил тогда счеты с мирозданием и пытался обрести смысл существования для себя и для всего человечества».

В таком творческом одиночестве и многие другие юные исследователи Торы подводили баланс себе и окружающему миру.

---

[3] Воспоминания А. Паперно «Из Николаевской эпохи». «Пережитое», кн. II. СПБ. 1910. стр. 13—15.

Это углубление в душу и это раздумье нередко уводило их в сторону от избранного ими пути. И разве не удивительно, что именно среди «клойзников» Гаскала нашла столько пламенных последователей. Идейный кризис 70-х и 80-х годов прошлого столетия, влияние которого ощущалось даже в таком центре изучения Торы, как Воложин, с особенной силой проявлялся среди занимавшихся в стенах синагоги. Стало необходимым внести новый дух в изучение Торы, чтобы у молодежи хватило силы и воли противостоять напору просветительных идей. Эту историческую задачу взял на себя реб Израиль Салантер (1810—1883), основатель движения «мусарников».

ТЕЧЕНИЕ МУСАРНИКОВ И МУСАР-ЕШИБОТЫ

Девятнадцатый век был для русских евреев, так же как и для европейского еврейства, периодом духовных исканий. Новая буржуазно-секулярная культура обладала большой притягательной силой для еврейской интеллигенции. Молодежь, изучавшая Тору, всегда питала глубокое уважение к разуму; именно поэтому метод «пилпула» играл такую большую роль в ешиботах. Этим объясняется, почему современная культура, насквозь пропитанная рационализмом, эту молодежь очаровывала.

Среди представителей религиозной ортодоксии были люди, которые не являлись принципиальными противниками светского образования. Но многих смущал вопрос: возможно ли в сравнительно короткое время, отведенное для занятий в хедерах и ешиботах, дать учащимся общее образование наряду с еврейским? Серьезнее была другая проблема. Опыт показал, что общее образование часто приводит к отрыву от еврейской традиции. Нелегко было достигнуть гармонического сочетания еврейской традиции с современной секуляризированной культурой; не удалось это гармоническое сочетание найти и Израилю Салантеру, хотя он его искал. Сближение между растущим потоком секуляризированной культуры и еврейским религиозным традиционализмом так и не было осуществлено в Восточной Европе на протяжении 19-го столетия.

Сильное влияние Гаскалы на молодежь, обучавшуюся в ешиботах, объяснялось в значительной степени тем, что Гаскала принесла с собой новый подход к миру и к проблемам современности. Гаскала была проникнута духом наивного оптимизма. Человек по природе своей добр,— считала Гаскала.—Ему не достает только просвещения.

В своей вере в человека Гаскала почти не замечала в нем дьявольского начала, не замечала зверя в человеке. Поэтому маскилы так высоко ценили науку и возлагали на просвещение столько надежд. Реб Израиль Салантер в противовес этим взглядам считал, что человек по натуре и добр, и зол, и поэтому одно просвещение недостаточно для пробуждения его нравственной жизни. Поэтому он подчеркивал важность деятельности человека, ибо «расстояние между знанием и невежеством — меньше чем между знанием и делами». Та же мысль выражена в афоризме, который часто цитируется в кругах мусарников и приписывается Израилю Салантеру: «хорошо бы, если б самый крупный человек поступал в соответствии с тем, что знает самый маленький человек».

Основатель движения мусар утверждал, что не легко контролировать силы, таящиеся в глубинах нашего естества. Природа неустанно влечет нас под гору, и нужны величайшие усилия воли, чтобы побеждать наущения злого духа и воспитывать в себе добродетель. Вся жизнь человека — это непрестанная борьба с самим собой. По лестнице жизни либо подымаешься вверх, либо спускаешься вниз, но нельзя останавливаться посредине. Подобно тому, как виленский Гаон почти за сто лет до И. Салантера подчеркивал необходимость затраты огромных усилий на изучение Торы, так реб Израиль твердил, что необходим огромный труд для того, чтобы приучить себя к деланию добра. Человек должен работать над собой, должен углубляться в себя, познать и себя и окружающий мир, ибо «каждый человек — это книга морали (мусар — книга), а мир — это молельня (мусар — молельня)».

Реб Израиль Салантер усиленно подчеркивал ответственность руководителей. Ему не импонировали тихие и таинственные праведники, удаляющиеся от мирской суеты. В наше время — утверждал он — люди высшего разряда должны принимать участие в заботах и тревогах своего поколения. Он говорил ученикам: когда мы видим, что евреи покидают пути Торы, это наша вина. Мы будем за это держать ответ, ибо мы, учителя и руководители народа, не выполнили своего долга. Существует связь между различными еврейскими центрами: «все евреи ответственны друг за друга». И. Салантер охарактеризовал эту связь при помощи классического афоризма: «если в ковенской синагоге евреи злословят, то нарушается святость субботы в Париже»... Поэтому от руководителей, на которых лежит столь большая ответственность, требуется много мужества.

И. Салантер как то заметил: «раввин, которого не пытаются изгнать из города — не настоящий раввин, а если его все-таки изгоняют, значит, он — не настоящий человек».

Не без основания указывалось на некоторое сходство между хасидизмом и учением мусара; однако различия между ними выступают гораздо более явственно, чем черты сходства. Ошибаются те, кто считает «мусар» чем-то вроде литовского хасидизма. Это явления различного порядка. Особенностью направления И. Салантера было то, что оно предъявляло большие требования к человеку. «Не понимаю, — заметил однажды реб И. Салантер, — как может еврей двинуться с места, не захватив с собой Талмуда?» Именно для того, чтобы соблюдать принципы морали в отношениях между людьми, необходимо знать соответствующие законы. Поэтому мусар так и не стал народным движением, хотя Израиль Салантер прилагал все усилия к распространению основ мусара среди простого народа.

Основатель мусара понимал, что недостаточно ограничиваться изучением Торы; то же самое относится и к учению мусара. Заглядывая в книги о морали или выслушивая проповеди на эту тему, человек лучше не становится, «ибо расстояние между знанием и действием, между словом и делом так же велико, как между небом и землей». Поэтому И. Салантер считал основным вопросом: как следует обучать мусару? Что нужно сделать для того, чтобы очищающие душу слова мусара с течением времени превратились в добрые дела и добрые нормы поведения. Как добиться того, чтобы изучение мусара помогало нам стать лучше?

Начать надо с того — утверждал он — чтобы учиться мусару сосредоточенно, каждый день. Точно также, как еврей посвящает определенные часы молитве и изучению Торы, он должен найти время и для мусара. Крайне важно, далее, сознавать, что мусар — это наука, которая учит нас, как исцелять душевные недуги. Чтобы избегать злословия требуется, быть может, больше знаний, чем, например, соблюдать законы о кошерной пище. Поэтому занятия мусаром должны стать частью нашей повседневной жизни.

Реб Израилю Салантеру был как-то поставлен вопрос: если человек посвящает учению не более одного часа в день, чему он должен отдать предпочтение — мусару или Талмуду? Если он выберет мусар — отвечает реб Израиль — он убедится, что у него остается на один час больше времени для изучения Торы. Му-

саром обязан заниматься каждый, — утверждал И. Салантер, — от выдающихся ученых до простого человека из народа.

Существенно и второе положение: Мусаром надо заниматься с воодушевлением. Человеческие сердца закрыты наглухо, и хорошие слова не всегда находят к ним доступ. Учиться надо так, чтоб человек достигал высокого напряжения и чувствовал себя потрясенным до глубины души. Реб Ицхок Блазер, ученик И. Салантера, добавляет: мы знаем, как действует музыка — она способна вызвать сильнейшие переживания — радость или печаль. Слова мусара должны звучать так, чтобы они потрясали душу, рождали потребность в покаянии и исповеди.

Третье положение касается системы повторного изучения. Главная цель занятий мусаром дойти до такой степени, при которой выполнение норм морали становится привычным свойством человеческой натуры, когда человеку кажется, что иначе поступать он не может. Поэтому важно повторять главы мусара много раз, чтобы они глубоко запали в душу. Если человек сознает себя в чем либо морально слабым, он должен сосредоточенно вновь и вновь повторять с воодушевлением тексты мусара, имеющие отношение к этой черте характера. «Наш ребе — рассказывает Исаак Блазер — читал нараспев с большим воодушевлением книги мусара, и от этой мелодии становилось грустно на душе. Иногда он с волнением повторял отдельные тексты несколько раз».

Четвертое положение направления реб Израиля Салантера состоит в том, что занятия должны вестись сообща. Совместная работа укрепляет человека и помогает преодолевать соблазны. Основатель мусара и тут остался верен традиции. Совместное изучение Торы и совместная молитва всегда считалась угодной Богу. Когда десять человек сходятся вместе для учения или для молитвы, на них нисходит шехина (благодать). То же самое происходит при совместных занятиях мусаром.

Характерной чертой движения мусар была глубокая вера в человека. Правда, Салантер и его ученики не разделяли наивных представлений о том, что человек добр по самой своей природе. Мусарники были пессимистами и считали нужным подчеркивать, как трудна борьба с самим собою, которую человеку приходится вести. Но всей душой они верили, что человек располагает силами и средствами добиться в этой борьбе заветной цели. Реб И. Салантер особенно энергично предостерегал против фаталистического подхода к человеческой греховности.

«Человек не должен думать — учит он — что все созданное Богом не подлежит изменениям; ведь Бог вложил в меня злое начало, как же я могу надеяться вырвать его с корнем? Это неверно. Мы можем обуздывать действующие в нас силы. Мы можем их изменить. Точно так же, как мы знаем, что человеку удается изменять природу животных, дабы они никому не причиняли вреда... человек под влиянием мусара может обрести силы для преодоления дурных сторон своей природы».

Разумеется, это не легко достигается: ведь каждый человек — это особый мир, и поэтому ведя борьбу со своими «болезнями», он должен искать особых путей для исцеления от греховных наклонностей.

Направление мусара, созданное реб Израилем Салантером, было учением для избранных. Людям занятым, обремененным тяжелой работой, трудно было углубляться в собственные переживания и в изучение Торы. Поэтому движение мусар нашло отголосок главным образом в той среде молодых ученых, в которую Гаскала внесла столько тревоги и сомнений. Поколения евреев издавна привыкли видеть в изучении Торы суть жизни и смысл мироздания. Все мысли молодых ученых прикованы были к Торе, с ней были связаны все их мечты и надежды. Но вот неожиданно в синагогу ворвалась Гаскала: она принесла юному ешиботнику весть о том, что существует мир за пределами молитвенного дома. Юноша, выросший в польском или литовском местечке, соприкоснулся с огромным миром и был буквально ошеломлен. Он растерялся, как малое дитя, очутившееся в чужом большом городе.

Учение И. Салантера открыло ешиботнику его собственный мир, мир человеческий и наряду с этим мир еврейский. На новом пути «мусара» юноше стало ясно, что ему есть что делать и чего добиваться в жизни. И самое главное: «мусарникам» не очень импонировал открывшийся перед ними огромный мир. Они считали, что огромное материальное богатство современной цивилизации не может компенсировать моральные слабости человека. Призыв «лицом к человеку» стал центральным мотивом движения, «мусара». Чем богаче становится наша культурная жизнь, тем больше отдельный человек чувствует себя в ней потерянным; часто забывали о человеке и в еврейской среде. Израиль Салантер внушал постоянно своим ученикам, что прежде всего надо думать о человеке. Ведь иной раз мы способны в погоне за добродетелью (мицво) обидеть ближнего, — какой же смысл имеет тогда наша добродетель?

Рассказывают, что однажды реб Израиль Салантер заметил, что его ученик употребляет много воды при предписанном ритуалом мытье рук перед едой. Он подозвал юношу и просил его впредь экономить воду: бедный водонос не обязан таскать в синагогу лишние ведра для того, чтобы учащиеся могли выказать усердия в выполнении обряда мытья рук перед едой; вполне достаточен самый факт соблюдения предписаний. Неблагородно быть благочестивым на счет бедняка-водоноса.

Израиль Салантер мало писал. Свои поучения по мусару он излагал устно. Основатель направления «мусар» считал главным — *как учить*, а не *чему учить*. Поэтому личность учителя выдвигается в движении мусара на первый план. И. Салантер прилагал все усилия к тому, чтобы приобрести последователей мусара среди тех учеников, которым будет по плечу роль руководителей поколения. Эта задача ему в значительной степени удалась.

МУСАР — ЕШИБОТЫ

В конце 70-х годов по инициативе реб Израиля Салантера и реб Ицхок-Элхонона Спектора (ковенского раввина) основан был знаменитый «Колол га-Прушим», который поставил себе задачей предоставить возможность молодым женатым учащимся подготовляться в раввины. В 1880 году Исаак Блазер, бывший петербургский раввин, один из выдающихся учеников И. Салантера, назначен был инспектором (машгиах) этого нового очага изучения Торы. Годом позже, в 1881 году другой ученик Израиля Салантера, реб Элиэзер Гордон, стал раввином в Тельшах (Литва). Скромный до того Тельшевский ешибот под его руководством скоро приобрел известность, как центр изучения Торы. Почти в то же время в Слободке, пригороде Ковно, основан был ешибот мусарников «Кнессет Исроэл», приобретший впоследствии большую славу. Так как многие из друзей и учеников Израиля Салантера, живших на Литве, приняли деятельное участие в работе недавно возникших ешиботов, перед мусарниками открылось широкое поле работы. Для движения мусар в ешиботах началась бурная эпоха.

Учение мусара воодушевило прежде всего молодежь философией еврейства. Оно способствовало росту самоуважения и уважения к Торе. Этот прилив гордости и вера мусарников в то, что, благодаря им, вновь воссиял свет Торы, имели огромное значение для возрождения ешиботов. Ешиботы нуждались в мусаре еще в большей степени, чем мусар в ешиботах.

Гордость и даже заносчивость мусарников и агрессивность, которую они проявляли, пропагандируя свое учение, вызвали протесты со стороны раввинов и ученых. К числу противников воинствующих мусарников принадлежал такой авторитет, как реб Ицхок Элхонон Спектор. Дошло до ожесточенных споров. Реб Исаак Блазер был вынужден в конце концов покинуть свой пост в «Колал-га-Прушим». Но к этому времени мусарникам удалось отвоевать для себя позиции в ешиботах. Руководящее место в движении мусар заняла Слободка. Основателем ешибота «Кнессет Исроэл» в Слободке был реб Ноте-Гирш Финкель, оригинальный мыслитель, блестящий организатор и тонкий знаток человеческой души. Ноте-Гирш Финкель обладал всеми качествами, необходимыми для того, чтобы быть учителем и путеводителем молодых людей с большими интеллектуальными требованиями и амбициями. Не будучи рош-иешива, а только инспектором (мажгиах), он был свыше сорока лет душой ешибота, и его влияние распространялось далеко за пределы Слободки. Он едва достиг среднего возраста, когда ученики начали называть его «стариком»; он и приобрел в мире ешиботников известность, как «старик из Слободки».

Реб Ноте-Гирш был учеником реб Симхи-Зиселя Бройде из Келма. Келм занимал особое место в движении мусар. Симха-Зисель был одним из старейших учеников Израиля Салантера. Он первый пытался систематически вводить учение мусар в область воспитания.

Уже в шестидесятых годах Симха-Зисель основал в Келме «Талмуд-Тору». Следует подчеркнуть, что в учебный план этой школы включены были и светские науки. Особенное внимание уделялось дисциплине и вообще поведению учащихся. От них требовалась величайшая аккуратность и точность в повседневном быту — во всем, что касается опрятности, порядка, пунктуальности в отношении времени питания; разумеется, соблюдалась такая же дисциплина в часы, посвященные молитве и учению. Основной догмат Симхи-Зиселя гласил: человек должен всю жизнь отдать учению, всю жизнь работать над самим собой. Недостаточно того, что человек усвоил в юные годы, как основательно ни было его воспитание в юности,—в нем всегда имеется большой пробел. Многого он был не в состоянии понять, особенно в области отношений человека к обществу, к другим людям. В результате мы часто проносим через всю нашу жизнь те детские представления о действительности, которые мы приобрели в юные годы. Поэтому взрослый человек

должен начинать свою учебу сызнова, как если бы он никогда ничему не учился и если бы только сейчас впервые столкнулся с внешним миром. Необходимо поэтому *углубляться* в проблемы, не полагаясь на то, что было приобретено в юности. Мусар означает *познание самого себя*, а это — напоминает реб Симха-Зисель — очень трудная задача. Человеку дано на всю жизнь его тело и его «я», он ест и спит с ним, и без него не делает ни одного шага, а в конце концов он абсолютно не знает себя. Исключение составляет, быть может, только большой мудрец, много над собой поработавший.

Человек — это книга о мусаре — объяснял реб Зисель своим ученикам—и нужно долго и усердно работать, чтобы добиться понимания этой книги, имя которой—человек. Но беда в том, что мы обычно оказываемся слишком ленивы, если требуется от нас большое духовное напряжение. Поэтому первая задача — научиться мыслить. Мыслить — значит уметь сосредоточить свое внимание на чем-нибудь определенном, не позволяя мысли уклоняться в сторону. Такое умение сосредоточиваться особенно важно для достижения практических результатов в области морального совершенствования. Над каждым проявлением, будь то любовь к ближнему, скромность и т. д. нужно напряженно трудиться, нужно уметь отдавать этому все силы.

В восьмидесятых годах прошлого столетия Келмская Талмуд-Тора считалась специальным педагогическим учреждением по мусару высшего уровня. Часть учеников Симхи-Зиселя из Келма стала впоследствии руководителями наиболее известных литовских ешиботов. Направление мусар находилось таким образом под сильным влиянием келмских методов. Нужно однако признать, что педагогические приемы реб Симхи-Зиселя не всегда соответствовали духу, господствовавшему в ешиботах. Учащиеся были приучены к большой свободе и самостоятельности. Они, разумеется, нуждались в поддержке, но они не были готовы превратить ешибот в хедер, хотя бы и по идеальному образцу келмской Талмуд-Торы.

Гораздо более приемлемым для ешиботов был путь, намеченный в Слободке. Реб Ноте-Гирш Финкель показал, как можно руководить ешиботом, не занимая официального поста рош-иешивы. С течением времени примеру «Кнессет-Исроэль» последовали другие большие ешиботы. Они включали мусар в свою программу, и преподаватели мусара приобрели большое влияние в мире ешиботов.

В Слободке мусару посвящалось ежедневно полчаса перед

маарив (вечерней молитвой). Здесь подводился как бы итог целого дня. Каждый ученик сам выбирал текст и подводил для себя итог. В субботние сумерки учились с особенной серьезностью, подводя итоги за целую неделю труда. Грусть субботних вечеров, сумеречное настроение, обычно овладевающее душой еврея, когда уходит святость субботы и вместе с нею праздничная благодать — все это чрезвычайно усиливается в момент подведения итогов.

«Каждый день между Минхо и Маарив, а особенно в субботние сумерки ешибот выглядит, как корабль перед крушением. Уходит святость субботы, и каждому хочется хоть немного продлить состояние покоя. Но мрак надвигается с каждой минутой, тени становятся длиннее и гуще. Наступают будни. Еще нельзя зажечь свет, еще нельзя раскрыть книгу, и все окружающие погружаются в мусар-размышления. Кто кается громким голосом в своих грехах, другие хлопают ладонями по амвону, чтобы отогнать дурные мысли, а есть и такие, которые уносятся мыслями вдаль, словно на крыльях... А после вечерней молитвы все читают со слезами и всхлипываниями главу из Псалмов «Маскил Ле-Довид». Один произносит слова таким раздирающим душу напевом, что кажется— камни сдвинулись бы с места. Все сообща вторят с болью, с плачем. Все жалуются на судьбу... И вдруг вырастает фигура «старика». Он совершает Гавдолу с необычайной мягкостью — и становится как-то спокойнее, легче. Он торопливо переходит от скамьи к скамье и каждому говорит «Доброй недели!» (И. Герц, «Мусарники»).

В системе мусара большую роль играл учитель. Собеседования, посвященные мусару, занимали особое место в обиходе ешиботов. Целью этих собеседований было научить юношей углубляться в проблемы, которые на первый взгляд могли казаться несложными. Поэтому машгиах неоднократно возвращался к избранной теме, чтобы сделать более ясными различные аспекты проблемы мусара и доказать, что стоит над ней потрудиться. Во время бесед руководитель также имел возможность выяснить свой собственный подход к «мусару».

Главное место в учении «старика из Слободки» занимает идея о *величии человека*. Человек — это не только одна книга — твердил «старик из Слободки», в нем заключена вся Тора. В этом смысл талмудического изречения, гласящего, что уважение к человеку и человечность стоят выше изучения Торы. «Вся Тора заключается в совершенстве человека, которое выше Торы. Она нам дана не в заветах и законах, она лежит в основе самого

существа человека. И если мы научимся понимать человека, мы лучше поймем Тору, которая нам дана была на горе Синая. Поэтому прежде всего мы должны достичь высоты, чтобы стать достойными носить имя человека. Тогда мы станем достойны изучать Тору».

Человек — венец мироздания. Поэтому так важно охранять честь и достоинство человека. Мы должны строго следить за собой, чтобы наши дела не бросали тени на звание человека. Самоуважение и сознание величайшей ответственности за каждый шаг — особенно существенный пункт в Мусаре, проповедуемом в Слободке.

Предписания Торы—утверждал «старик»—должны служить охране человеческого достоинства. Ошибочно считать, что благословения, которые мы произносим, пользуясь благами жизни, являются обязательной данью Творцу, — как бы платой за испытанное человеком удовольствие. Настоящий смысл этих благословений иной: эти молитвы дарованы Богом человеку, чтобы он понял и осознал красу и великолепие Божьего мира.

Так уже водится в мире, что людей волнует только новое. Стоит человеку привыкнуть к какой-нибудь вещи, как пропадает ощущение радости и удовольствия при пользовании ею. А по настоящему человек должен каждый день воспринимать мир так, как если бы он был сегодня создан. Каждый день должен он восхищаться величием и красотой Божьего создания. Этой цели служат благословения: человек должен ежедневно приближаться к миру, как новорожденный, словно впервые ощущая радость от соприкосновения с тем, что создал Бог — да будет благословенно имя Его!

Характерно для духа, царившего в Слободке, поучение «старика» о страхе Божьем и о радости. Принято думать — как то заметил он в беседе с учениками, — что страх перед Богом и радость — это понятия друг друга исключающие. Люди считают, что живущий в страхе Божьем неспособен радоваться, а тот, кто тешится жизнью, не знает чувства страха. Это рассуждение ошибочно. Тора учит нас, что страх и радость не противостоят друг другу, но наоборот — богобоязненность включает в себя радость принятия Торы и Божьих заветов. Человек, который не радуется тому, что Бог дал нам Тору, ничего не может достичь в области богобоязненности. Доказательством является закон о десятине (подать): нашим предкам предписано было приносить десятину в Иерусалим и там употреблять ее в пищу —

тогда они станут поистине богобоязненными. Можно было бы подумать, что в Иерусалим евреи приходят озабоченные, удрученные, испуганные, ибо они боятся Бога; но там все обстоит иначе. В Священном писании говорится, что люди, прибывающие на праздник в Иерусалим, должны веселиться, а о Иерусалиме сказано, что он — «радость мира». В Мидраше мы находим замечание, что в Иерусалиме не полагается печалиться. Для торговых сделок было отведено особое место за пределами города из опасения, что если в Иерусалиме люди будут заниматься финансовыми операциями, иногда приносящими огорчение, это будет во вред святому городу, предназначенному быть «радостью мира».

Учение «старика» было далеко от аскетизма. Слободка не отрекалась от мира. Добродетели даны не для порабощения человека, а для его облагорожения и просветления. Для человека был создан мир, человеку дана была Тора. «И если чего-нибудь недостает в человеке, то недостает и в Торе».

Иной характер носил мусар в ешиботе в Новогрудске. Реб Иосиф-Юзл Гурвич, основатель этого ешибота, был одним из первых учеников «Колол-га-Прушим» в Ковне. В то время, как он занимался там изучением Торы, умерла его жена, и реб Иосиф-Юзл стал отшельником. Два года прожил он в уединении, не выходя из своего изолированного жилья, и никого к себе не впускал. Но он был мусарником. и понимал, что оторванность от мира должна быть ничем иным, как подготовкой к переходу на высшую ступень: на этой ступени человек берет на себя задачу завоевать мир.

Иосиф-Юзл принадлежал к пионерам крайнего аскетического течения в среде мусарников. Он считал, что первой и главной задачей этого движения является распространение учения Торы и основание ешиботов, воспитывающих поколение учеников, у которых хватит сил и мужества на то, чтобы презреть мир и противостать Гаскале. После ряда попыток в разных городах он основал в 1896 году в Новогрудске ешибот, вскоре ставший одним из крупных центров изучения Торы и мусара в Восточной Европе.

В Новогрудске царил дух аскетизма и агрессивности: мир можно изменить, нужно только по настоящему этого хотеть. Ученики ешибота часто повторяли фразу: *обычно говорят, что если нельзя подняться, то следует опуститься, а реб Юзл говорит, что если нельзя подняться, то нужно подняться*. Тем же духом проникнуты и другие изречения реб Юзла, как, например: *я*

никогда не спрашиваю, можно ли сделать, я спрашиваю, нужно ли. Или: *там, где нет пути, я его проложу.*

Человеческая личность занимает в философии мусарников центральное место; этому принципу осталось верно и новогрудское течение. Особенно ясно выражен подход реб Иосифа-Юзла в первой главе его книги «Мадрейгас га-Одом». Автор ставит вопрос: как случилось, что первый человек нарушил Божий запрет и отведал плод от древа познания. Сделал ли он это потому, что не был в силах противиться искушению? Это ошибка, — говорит реб Юзл. Отведывание плода древа познания — утверждает он — было не началом греха, а зарождением человеческой культуры, первой попыткой человека подняться на более высокую ступень, попыткой, закончившейся неудачей. Первый человек в раю пребывал в ангельском виде; «он знал, что такое добро и зло, но творил только добро»; у него никогда не было влечения ко злу. Но между ним и ангелом была разница. Первому человеку предоставлена была возможность выбора: хочет ли он оставаться ангелом, — иными словами, хочет ли он действовать по своей свободной воле и сделать выбор между добром и злом, избрать для себя путь свободы, чреватый опасностями Адам мог жить спокойно, без искушений, без опасностей, жизнью ангела. Тогда он не должен был отведывать плода древа познания. Но, избирая путь свободы, он должен был вкусить запретный плод. Первый человек избрал трудный, сопряженный с опасностями путь свободы: свобода дает возможность преодолевать соблазны и подняться на высшую степень, но она не исключает и риска более глубокого погружения в пучину. История Адама, вкусившего плод древа познания, — это символ человеческой судьбы; он положил начало борьбе человека с грехом и злом.

Это поразительно оригинальное и поистине революционное толкование истории первого человека дает нам ключ к доктрине Новогрудска. «Человек, — говорил реб Юзл своим ученикам — это единственное создание в мире, способное грешить — в этом его величие».

Поэтому жизнь человека — неустанная борьба. Его задача — подниматься все выше и выше. И если человек делает все, что нужно и возможно, у, него нет оснований для беспокойства. Он не должен тревожиться о возможной неудаче. В жизни самое важное, — это исполнение долга. Поэтому упование играет огромную роль в Новогрудском учении. Человек не должен никогда терять веру в себя — утверждает реб Юзл, ссылаясь при этом

на Рамбама (Маймонида): «каждый человек имеет возможность стать праведником, как Моисей, или злодеем, как Иеровоам».

В Новогрудске крепка была вера в отдельного человека и в способность небольшой группы мужественных пионеров изменить мир. Поэтому реб Юзл возлагал много надежд на ешиботы и на их учеников. В последней главе своей книги «Мадрейгас га-Одом» он обращается прежде всего к «работникам», то есть к активным пионерам, которые готовы взять на себя историческую миссию по сохранению еврейства.

«Поэтому человек, который способен охранять Тору, не имеет права сидеть спокойно, сложа руки; он должен опоясать свои чресла, странствовать из города в город, и насаждать центры изучения Торы и богобоязненность. Ибо с кого же будут спрашивать за упадок изучения Торы и еврейского духа, если не с тех, кто призван быть пионерами?»

Да, одиночки могут добиться изменения мира, но только в тех случаях, если каждый из пионеров готов пожертвовать собой ради истины. Необходимо прежде всего, «чтобы каждый был человеком и не оглядывался беспрестанно по сторонам, чтобы убедиться, идет ли с ним народ, — но должен крепко держаться за свою правду, и тогда в конце концов народ за ним пойдет».

Эти слова реб Иосиф-Юзла находили живой отклик в сердцах его учеников. Новогрудский центр отличался особым динамизмом. Экспансия его началась еще перед первой войной. В целом ряде городов России возникли ешиботы по образцу Новогрудска. В годы войны, когда новогрудский ешибот эвакуировался в Гомель, реб Иосиф-Юзл основал ешиботы в Киеве, Харькове и других городах. Реб Иосиф-Юзл умер в 1920-м году, в Киеве. Вследствие преследований советского правительства ученики ешибота Новогрудского направления вынуждены были покинуть Советскую Россию, и это открыло эпоху широкой экспансии Новогрудска. В период между двумя мировыми войнами в Латвии и в Польше возникло свыше семидесяти ешиботов, носивших название «Бет-Иосеф», с числом около четырех тысяч ешнботников. В истории ешиботов за несколько последних столетий мы не находим примеров такого динамического развития, которое характерно для школы «Бет-Иосеф».

Период между двух мировых войн был эпохой расцвета и для других мусар-ешиботов — Слободки, Телза, Мира, Каменца, Клецка и ряда других. То течение, которое с такой силой

подчеркивало идеи человеческого достоинства к огромной моральной ответственности человека, чрезвычайно способствовало укреплению в сердцах учеников ешибота веры в себя и в свое призвание. Философия, сводившаяся к познанию смысла Торы путем познания прежде всего человека, давала учащимся ешиботов моральную силу для преодоления тяжких кризисов нашего времени.

ИЛЬЯ ТРОЦКИЙ

ЕВРЕИ В РУССКОЙ ШКОЛЕ

Российская империя унаследовала в результате разделов Польши миллионное еврейское население со всей его самобытностью. «Просвещенный абсолютизм» не дорос до понимания «еврейского вопроса». Екатерина Вторая пользовалась в Европе репутацией либеральной властительницы, но ее либерализм в отношении евреев сказался лишь в повелении впредь заменять термин «жид» в официальных документах менее обидным — еврей. Вслед за появлением в период ее царствования в России миллионных масс еврейского населения еврейство стало объектом преследования, административного произвола и бюрократических экспериментов, в основу которых положены были стремления к ломке многовекового еврейского быта и насильственная русификация.

Казенные реформаторы исходили из предпосылки, что перестройку замкнутого по тому времени еврейского быта следует начать с его приобщения к общему образованию. В первые либеральные годы царствования Александра I было издано «Положение о евреях» 1804 года, определявшее границы еврейских прав и обязанностей. Один из пунктов «Положения» гласил о праве еврейских детей, наравне с детьми прочих исповеданий, обучаться в народных школах, гимназиях и университетах. Пункт этот однако сопровождался предостережением, что буде евреи не используют дарованного им права на просвещение, правительство откроет за их счет специальные еврейские школы с преподаванием на русском языке.

Открытый евреям доступ к светскому образованию являл собой единственное светлое пятно на темном фоне ограничений и ущемлений, которыми статут изобиловал. А реакционное направление, которое принял политический курс во вторую половину царствования Александра I, проявился и в преследованиях евреев, которые повергли в отчаяние ревнителей светского просвещения среди евреев. Переход в христианство извест-

ных по тому времени Новаховича и Переца,[1] — единственного еврея в декабристском движении, оказался пагубным для светского просветительства. Ревнители ортодоксии твердили, что светское просвещение ведет к вероотступничеству. Широкие массы «черты» взирали «с ужасом и подозрением» на русскую школу, не желая и слышать о ней. Убежденные сторонники «Гаскалы» оказались изолированными. Хасиды и миснагды объединились в общей ненависти к чуждому образованию, а заодно и к «Гаскале».

Хедер и меламед продолжали, вопреки преследованиям со стороны местных властей, доминировать в области начального образования. В общерусских школах еврейские дети насчитывались единицами. Еврейство «черты» не скрывало своего отталкивания от правительственных планов «перевоспитать» и русифицировать еврейство вплоть до обращения его в православие. Еврейские представители в Петербурге, по указанию с мест, настойчиво требовали, чтобы местные власти не чинили евреям препятствий обучению их детей в хедерах или у частных меламедов.

Тридцатилетнее царствование Николая I вписало в историю русского еврейства новую мрачную главу. Уже на заре своего царствования Николай I в наказе «Комитету по устройству евреев» предписывает «иметь в виду меры к уменьшению евреев в государстве». Комитету было предложено произвести коренную ломку еврейского быта и, в том числе, реформу просвещения среди евреев. Большое внимание последней уделил бывший тогда министром народного просвещения, граф Уваров, предписавший указом от 13 сентября 1844 года учреждение для евреев особых училищ.

Первый пункт указа гласил: «Независимо от дарованного евреям позволения обучаться в общих христианских учебных заведениях, учредить для образования еврейского юношества особые училища двух родов: первоначальные или первого разряда, соответствующие приходским, и второстепенные или второго разряда, в объеме уездных училищ, преимущественно реальные. Для подготовки учителей еврейского закона и раввинов создать раввинские училища, сравнив их в отношении к общим предметам с гимназиями».

В соответствии с этим указом, еврейские казенные училища

[1] Потомки Переца и Новаховича занимали высокие посты: член Гос. Совета — Перец и вице-адмирал Новахович.

делились на перворазрядные с двухгодичным курсом и второразрядные с трехлетним и четырехлетним курсом и более обширной программой. Для подготовки учителей казенных еврейских училищ были открыты два раввинских училища. Надзор за казенными училищами принадлежал мин. нар. просвещения. Заведывали школами христиане; они же являлись преподавателями русских и общих предметов; только еврейские предметы преподавались еврейскими педагогами. Значительную роль в осуществлении уваровской реформы сыграл доктор Макс Лилиенталь, привлеченный графом Уваровым к выработке учебной программы казенных еврейских училищ Выбор этот был не случайный.

Граф Уваров поддерживал контакт с известными по тому времени деятелями «Гаскалы», Н. Розенталем, С. Залкиндом и Г. Каценеленбогеном. Он знал также, что постановка преподавания в частных еврейских школах Одессы и Кишинева удостоилась одобрения со стороны Николая I. В 1834 г. одесская школа насчитывала 400 учеников, а в 1853 г. при ней открылось женское отделение, в котором обучалось 300 девушек — пионерок еврейского светского образования среди женщин. Школой ведал опытный педагог, галицийский просветитель Бецалел Штерн.

В Кишиневе, благодаря частной инициативе местных еврейских деятелей Симхи Пинскера, Ильи Френкеля и Исаака Гурвича, создано было шестиклассное училище, образцово поставленное, насчитывавшее в начале пятидесятых годов свыше 400 учеников.

Но в противоположность успеху частной еврейской инициативы в Новороссии и Бессарабии, отталкивание еврейских масс от казенной русской школы в «черте» продолжалось. На 1840 год во всех низших и средних школах тогдашней России насчитывалось всего 48 еврейских учеников.

Несколько особняком стояла школа в Риге, возглавляемая д-ром Максом Лилиенталем. Объясняется это явление специфическими условиями быта балтийского еврейства, подверженного влиянию немецкой культуры и пользовавшегося в обиходе немецким языком. Лилиенталю, типичному представителю ассимилированной немецко-еврейской интеллигенции, удалось поставить рижское еврейское училище на высокий уровень и заслужить горячую похвалу графа Уварова. В феврале 1841 г. Лилиенталь был вызван в Петербург к Уварову и стал сотрудником министерства по осуществлению намеченной реформы. Лили-

енталь, по-видимому, искренно поверил заверениям Уварова, будто светское образование русского еврейства явится начальным этапом на пути к равноправию. Его трехлетняя деятельность среди еврейских масс в «черте» оказалась, однако, тернистым путем. Уже в первое посещение Вильны и Минска он наткнулся на сплоченную ненависть к реформаторским начинаниям власти со стороны общинных деятелей и обывателей. «Не желаем школ!» — звучал единодушный отклик «черты» на все убеждения и аргументы Лилиенталя.

Лилиенталь не видел того, что было ясно народной массе, — что за маской просветительства скрывались более далекие цели: обрусительство и покушение на религию. Верные религиозной традиции еврейские массы, особенно их духовные вожди, видели одно целое в рекрутчине и русификации путем образования — этап к обращению в христианство.

«Почему правительство столь ревностно стремится к насаждению среди евреев — сплошь грамотных — русской учебы, мало заботясь о миллионах безграмотных россиян?» спрашивали Лилиенталя евреи. Что мог он ответить на этот вопрос? Он принес специальную клятву в синагоге накануне Иом-Кипура, в которой торжественно заявил, что вся его деятельность абсолютно чужда стремлению оторвать евреев от веры отцов, и ему удалось склонить на свою сторону двух авторитетных вождей ортодоксии — воложинского гаона, раби Ицхака, и любавичского цадика Менахем Менделя Шнеерсона. Но все же привлечение еврейских масс к «казенной школе» не удавалось.

В докладе графу Уварову о результатах поездки по черте в 1842 году Лилиенталь высказывает мнение, что условием успешного выполнения плана школьной реформы должна быть ликвидация еврейского бесправия. Ответ графа Уварова нетрудно было предугадать. Разочарованный Лилиенталь оставил службу в министерстве народного просвещения и переселился в Соединенные Штаты, где нашел применение своим способностям на посту раввина в Цинцинати.

Однако, граф Уваров с уходом Лилиенталя не оставил мысли об осуществлении школьной реформы. На смену Лилиенталю явился Макс Мандельштам, еврейский педагог, склонный к угодничеству «сильным мира сего». М. Мандельштам не знал, что одновременно с уваровской реформой министерство разослало секретную инструкцию, согласно которой «цель образования евреев состоит в сближении их с христианским населением и в искоренении предрассудков, внушаемых учением

Талмуда». Вслед за обнародованием указа о школьной реформе последовал также новый указ Николая I от 19 декабря 1844 г. об упразднении еврейской общины (кагал) и передачи ее функций общим городским учреждениям. Одновременно был введен институт казенных раввинов, «коробочный сбор» на кошерное мясо и «свечной сбор» на покрытие расходов по содержанию казенных еврейских училищ. А 5 июня 1845 г. обер-прокурор Синода граф Протасов разослал членам святейшего Синода записку следующего содержания: «Его Величество Государь Император высочайше повелел ввести православное богослужение на еврейском языке в одной из церквей Бердичева, открыв при ней школу». В сопроводительном письме граф Протасов предлагает Синоду принять меры к осуществлению царской воли. Спас положение Киевский митрополит Филарет, указав на нелепость плана насаждать просвещение среди евреев посредством введения православного богослужения на еврейском языке.

Нет ничего удивительного в том, что первые годы существования еврейские казенные училища обоих разрядов, как и раввинские училища в Вильне и Житомире, возникшие в 1847 г. влачили жалкое существование. Отталкивание в еврейской среде от школьной реформы было столь глубоким, что зажиточные еврейские семьи посылали в казенные школы вместо собственных — чужих детей, вербовавшихся из среды городской бедноты. Самыми непримиримыми противниками казенных училищ были, естественно, представители еврейской ортодоксии.

Результаты уваровской реформы оказались почти ничтожными. В 1854—55 г.г. насчитывалось всего 70 казенные еврейских училищ первого разряда и 13 — второго. В обоих типах школ обучалось 3200 учеников. В 1852 г. в Шкловской казенной гимназии было 27 евреев, а в Витебской всего 19. Та же картина была в Могилеве, Слуцке, Любавичах. В Пружанах в казенной школе не было ни одного еврейского ученика. Исключением были только Одесса, Житомир и Вильна. О неудаче школьной реформы докладывает министр народного просвещения в 1858 году: 2476 учеников в 105 школах первого и второго разрядов, а некоторые школы за отсутствием учеников бездействовали.

О банкротстве казенного образования убедительно свидетельствуют данные о состоянии традиционно-еврейского школьного образования в ту же эпоху. В 1854 г. зарегистрировано было по всей стране 5282 хедера, с числом учащихся в 69454 душ.

В 1857 году число хедеров возросло до 6161, а число учеников до 75584 человек. Цифры эти, однако, далеко не полны, ибо число незарегистрированных хедеров измерялось многими тысячами. Так школьная политика Николая I, видевшая в казенной еврейской школе орудие русификации евреев, потерпела сокрушительное поражение.

Первые годы царствования Александра II, овеянные духом либерализма, сказались и на судьбе русского еврейства, в частности на распространении среди него светского образования. С занятием Н. В. Головиным в 1861 году поста министра народного просвещения дело школьной реформы пошло быстрее. 19-го сентября 1864 г. появился устав гимназий и прогимназий, согласно которому в эти учебные заведения был открыт доступ детям без различия вероисповедания.

Анкета Общества распространения просвещения среди евреев в 1864 году установила основные причины, вызвавшие непопулярность казенных еврейских училищ в еврейской среде. Одна из причин — это невежество христианских смотрителей школ; вторая причина — преподавание еврейских предметов под руководством учителей, чуждых по духу своему евреям-ученикам и родителям. Поэтому особенно важным шагом явилась постепенная замена, начиная с 1862 года, смотрителей-христиан — евреями.

Были внесены изменения и во внутренний уклад казенных училищ, — в частности, увеличенные часы преподавания общих предметов и русского языка. Ранее из 24 часов в неделю преподаванию еврейских предметов (изучению молитв, Библии, Мишны, Шулхан-Аруха, Маймонида) отводилось 13,5 часов, причем предметы эти преподавались на немецком языке (по учебникам Л. О. Мандельштама). Сейчас было проведено сокращение часов, отводимых на изучение еврейских предметов, а немецкий язык заменялся русским. С целью распространения русской грамоты среди евреев были открыты бесплатные казенные обязательные школы грамотности — 2 в Ковно и 8 в Вильно, в которых обучалось 732 ученика. В 1873 году последовало коренное преобразование казенных училищ. Училища первого разряда преобразовываются в еврейские начальные училища и делятся на одноклассные и двухклассные, с курсом в 3 и 6 лет. Они состоят в ведении попечителей учебных округов и во главе каждо-

го училища находится заведующий, окончивший учительский институт. В результате этой реформы из 100 оставшихся в 1872—73 г.г. казенных училищ, с числом учеников 4732, 50 училищ закрылись.

В 1873 г. школы грамотности были переименованы в народные еврейские училища. Раввинские училища были закрыты и вместо них возникли два учительских института, подготовлявших преподавателей для народных еврейских училищ. Среди учительского персонала казенных, а затем и народных еврейских училищ мы встречаем ряд видных еврейских писателей: Б. Лебензона, А. Готлобера, Х. З. Слонимского, Л. Гордона, А. Мапу, К. Шульмана и других.

Это был период перелома в отношении еврейства и его интеллигенции к русской школе.

Еврейская интеллигенция, вышедшая, по преимуществу из «Гаскалы», горячо приветствовала новый курс правительственной школьной политики, всячески идя ей навстречу. Прогрессивный слой русского еврейства жил под обаянием освободительных идей шестидесятых годов, владевших умами лучшей части русской интеллигенции. «Среди еврейской молодежи — пишет об этом времени С. М. Дубнов — порывы к обновлению сливались с идеалом ассимиляции, обрусения. Наиболее сильным фактором культурного обновления являлась общеобразовательная школа. В гимназии, университеты и высшие технические школы хлынул из всех закоулков «черты» поток молодежи, охваченной радужными надеждами на свободную человеческую жизнь среди свободного русского народа».

Привлечение еврейского юношества в русскую школу облегчалось займами и стипендиями, выдававшимися студентам «Обществом распространения просвещения среди евреев». В 1886 г. на медицинском факультете Харьковского университета обучалось 41,5% евреев. В Одессе в том же году на медицинском факультете числилось 30,7%, а на юридическом 41,2%. Если в 1881 г. во всех российских университетах было зарегистрировано 8,8% евреев-студентов, то шестью годами позже — в 1887 г. — число их возросло до 13,5%. Число евреев в гимназиях составляло в 1865 г. — 3,3%, в 1870 году — 5,6%, в 1877 — 10%, в 1881 г. — 12,3% и продолжало расти.

Однако, школьная реформа затронула лишь тонкую прослойку народившейся еврейской буржуазии и интеллигенции. Широкие массы оставались верны традиционным хедерам и ешиботам. В противоположность положению в гимназиях и

университетах, процентный состав еврейских питомцев в элементарных общерусских школах был очень низок, не обнаруживая почти никаких признаков роста. В 1865 году во всех городских школах числилось всего 323 еврейских ученика, то есть 1,3%. Двадцатью годами позже число это возросло до 2546, т. е. 4,4%. Аналогичное явление наблюдалось и в начальных школах грамоты, где в 1865 было зарегистрировано 338 евреев, а в 1880 году — 6025. Выводы из подобного положения вещей сами собой напрашивались. В то время, как дети зажиточных еврейских семей рвались к среднему и высшему образованию, сулившему разные льготы, — право жительства вне «черты», сокращение срока военной службы, как и другие преимущества, — их сверстников из бедной среды не влекла элементарная школа, ничего в смысле привилегий им не дававшая. Русификация, проникшая в быт верхнего слоя еврейства, не затронула широкие еврейские массы.

Польское восстание 1863 г., и значительное участие в нем польских евреев толкнуло правительство Александра II на мысль использовать еврейство Северо-западного Края как обрусителей их польских собратьев. Однако, эта попытка вскоре оказалась утопией, точно так же как оказалось фикцией принудительное посещение еврейскими мальчиками в возрасте от 8 до 17 лет послеобеденных курсов русского языка. Начиная с семидесятых годов борьба между сторонниками религиозного и светского образования заметно теряет воинственный задор. Содействует этому, в значительной мере, урегулирование отношения власти к хедерам и меламедам. Семидесятые годы совпадают с эпохой огромного роста евреев-учащихся в общих учебных заведениях и создания многочисленного слоя дипломированной интеллигенции. Ко второй половине тех же семидесятых годов относится рост националистических тенденций и славянофильства среди реакционных кругов русского общества, а попутно и перелом во взглядах правительства на дело просвещения евреев.

Убийство Александра II и вступление на престол его сына Александра Третьего ознаменовали собой торжество реакции. Начиная с 1883 года, приостанавливается открытие казенных еврейских училищ почти во всех учебных округах, за исключением Одесского. С введением в 1887 году процентной нормы и ограничения доступа еврейской молодежи к среднему и высшему образованию, наносится жестокий удар не только еврейскому просвещению, но и самой идее интеграции еврейства в семью народов России.

Процентная норма для поступления в средние и высшие учебные заведения была установлена в 10% в черте оседлости, 5% вне черты и 3% в Петербурге и Москве. Она превратила дни вступительных экзаменов в гимназии и конкурсных испытаний для поступления в некоторые высшие школы в страдные дни для еврейской молодежи, мечтавшей о доступе к образованию. Шансы на прием имели только немногие выдержавшие «на пятерку». Это повело к резкому падению числа еврейских школьников.

Положение еврейских школьных питомцев за годы 1887—1891 рисуется в следующем виде. В Варшавском учебном округе число евреев в средних школах понизилось на 42%; в Виленском — на 51%; в Киевском — на 18%; в Одесском — на 48%. В последующие шесть лет 1892—1896 число обучавшихся евреев в гимназиях и прогимназиях вышеназванных округов пало на 14%, 21%, 7% и 30%. Не лучше выглядело и положение еврейского студенчества. В годы 1887—1899 число еврейских слушателей высших школ страны понизилось с 14,8% до 10,9%. Еще глубже пало число еврейских студентов в петербургском и московском университетах, соскользнув с 12,7% до 4,4%.

Плохо обстояло дело и с казенными училищами. В конце девяностых годов числилось их около 220; одно казенное училище приходилось в среднем в губерниях «черты» на 31487 душ. Наибольшее развитие они получили в Северо-западном крае, где среди общего числа низших школ они составляли 14,3%. На одно казенное училище приходилось в среднем 117 учеников. Расходы на казенные училища составляли 287128 рублей, а на начальные — 49554 рубля ежегодно и покрывались, в большинстве случаев, из еврейских источников.

Ограничение доступа евреям к среднему и высшему образованию внесло тревогу и смуту в еврейское общество и привело к коррупции школьной администрации на местах. Определить еврейского мальчика в гимназию или реальное училище удавалось не только усиленной подготовкой к экзаменам, но нередко и прямыми или косвенными взятками школьному начальству. Более состоятельным еврейским семьям приходилось ради смягчения «процентной нормы» фактически содержать за собственный счет христианских мальчиков, дабы поднять таким путем шансы еврейских детей быть принятыми в школу.

«Процентная норма» в гимназии вызвала приток еврейских

подростков в уездные и городские училища, прежде ими игнорировавшиеся. Если в 1886 году число евреев в этих школах составляло 4,4%, то четверть века спустя, в 1911 г., их уже было до 8,8%, в абсолютных цифрах — 14356 учеников. Никаких значительных перемен не внесло и вступление России при Николае II на конституционный путь. В 1909 г. «процентная норма» была видоизменена — 15% в черте оседлости, 10% вне черты и 5% в столицах.

По данным Еврейского Колонизационного Общества за 1878—1899 г.г. еврейская учеба в черте оседлости рисовалась в следующих цифрах. В черте существовали 25000 хедеров, из них 24500 частных и 500 общественных. Обучались в них 363 тысячи учеников, т. е. около 64% всех еврейских детей. Из них мальчиков было 94,2%, девочек 5,8%. Только в части хедеров детей обучали русскому языку. Главный источник доходов хедеров — плата за учение — составляла в год 7,5—8 миллионов рублей. Что касается общих школ, то по официальным данным, относящимся к 1911 году, — мы видим, что в начальных школах обучалось 270155 учащихся, из них в организованных евреями школах 200797 учащихся. В общих государственных и городских школах обучалось 69358 еврейских детей — 25,7% всех еврейских детей школьного возраста. Число евреев в гимназиях и реальных училищах выражается в следующих цифрах: в 1886 году — 9225 мальчиков, 10% общего числа школьников, и 5213 девочек, т. е. 8,1%. А в 1911 году число еврейских мальчиков, в тех же школах, возрастает до 17597 — 9,1% и 34981 девочек — 13,5%.

Совершенно иной облик являет собой число евреев-студентов в высших русских школах. В 1886 г. насчитывалось в них 1856 студентов-евреев, 14,5%; в 1902 г. — 1250 — 7%; в 1907 г. — 4266 — 12,1% и в 1911 году — 3602 или 9,4%.

Еврейская молодежь заполнила частные высшие школы. Так напр., в Киевском Коммерческом Институте в 1912 году насчитывалось 1875 студентов-евреев. Тысячи молодых евреев обучались также в основанном Бехтеревым Психоневрологическом институте в Петербурге.

Хотя экстернам ставились препятствия, тем не менее и экстерны, и окончившие за границей массами держали экзамены в высшие учебные заведения.

Вкратце нужно остановиться также на женском образовании среди евреев. Еще с шестидесятых годов процесс привлечения еврейских девочек к общему образованию заметно рос.

Оппозиция широких еврейских масс к русской школе, продиктованная страхом перед обрусительством и отрывом от религиозной традиции, была в отношении женщин много мягче. С другой стороны, еврейские матери очень заботились о насаждении еврейской и русской грамотности среди дочерей. Одесса уже в начале 60-х годов гордилась образцовой и бесплатной средней школой для девочек, насчитывавшей 350 учениц. В трех женских школах Витебской губернии обучались еще в 1862 году — 53 еврейские девушки; в двух «пансионах» Бердичева были 102 ученицы; в восьми средних школах Киевской губернии зарегистрировано было в 1863 году — 198 евреек, а в 11 школах Виленского учебного округа числилось 590 еврейских девушек. В последующие годы рост частных школ довел число еврейских девушек, обучавшихся в элементарных, средних и высших школах и в профессиональных училищах, до десятков тысяч.

В связи с ограничением доступа к среднему и высшему образованию, еврейская общественность нашла выход из положения в создании частных школ для детей — типа начальных, средних, профессиональных и субботних. Появились учебные заведения с курсом гимназий и реальных училищ. Первые еврейские гимназии учреждены были Иглицким в Одессе, Эйзенбергом в Петербурге, Каганом в Вильне, Ратнером в Гомеле, Гуровичем в Белостоке. Еврейские частные женские гимназии имелись во многих городах черты оседлости. В этих гимназиях преподавательский персонал, равно как методы преподавания и программы, соответствовали требованиям современной школы. Большой популярностью пользовались и коммерческие училища, состоящие в ведении министерства финансов, куда в начале до 90-х г.г. доступ евреям не был ограничен. После введения ограничений в Одессе открылось коммерческое училище Фейга (40% евреев), а в Киеве — образцовое Коммерческое училище, основанное местным купечеством, и частное училище Натансона. В некоторых коммерческих училищах число евреев доходило до 50%. Ограничениям и особому надзору министерства внутренних дел подвергались зубоврачебные, фельдшерские и акушерские школы. Военное министерство со своей стороны ограничило доступ евреев в фармацевтические школы.

Государственная Дума четвертого созыва приняла, за год до первой мировой войны, закон о введении всеобщего обязательного обучения. Земства и города, а также и. еврейские культур-

ные учреждения на местах предприняли ряд шагов, чтобы сетью обязательного обучения было охвачено еврейское население и чтобы в нее могли быть включены уже существующие еврейские школы. Проект был рассчитан на окончательное проведение его к 1922 году, но ему не было суждено осуществиться, так как война опрокинула все планы в области народного образования.

Еще в июне 1914 года опубликован был закон о частных учебных заведениях, не пользовавшихся правами правительственных. Закон обеспечивал народностям России свободу в выборе языка преподавания, что открывало широкие возможности для развития еврейского образования на идиш и древнееврейском языке.

Среди многих народностей России — евреи оказались первыми, по которым тяжко ударили военные неудачи и общенародные испытания эпохи 1914—1916 годов. Выселения евреев в прифронтовой полосе и массовое беженство обрекли на скитания сотни тысяч евреев, вынудив правительство — сначала фактически, а затем и формально — ликвидировать «черту оседлости». Поток еврейских беженцев хлынул во внутренние губернии России — в Пермскую, Тамбовскую, Воронежскую и др., куда доступ евреям был раньше закрыт. Еврейская общественность была поставлена не только пред вопросом о срочной помощи и устройстве на новых местах выселенцев, но и пред проблемой воспитания и обучения их детей. К чести организованной еврейской общественности, в первую очередь, таких организаций, как ЕКОПО, ОПЕ, ОРТ и ОЗЕ, следует сказать, что они достойно справились с задачами, порожденными войной, а сотни еврейских педагогов проявили высокий уровень самопожертвования в новых и трудных условиях, в которых очутилось дело обучения и воспитания еврейских детей.

Г. АРОНСОН

ЕВРЕИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, КРИТИКЕ, ЖУРНАЛИСТИКЕ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

1

Появление русско-еврейской художественной литературы, начало творчества еврейских писателей, беллетристов и поэтов на русском языке, естественно совпадает по времени с возникновением русско-еврейской периодической печати. Эти органы печати были вызваны к жизни жгучей потребностью народившейся русско-еврейской интеллигенции служить интересам и нуждам своего народа и поставить еврейский вопрос перед властью и перед общественным мнением России на языке русской культуры, являющимся и государственным языком. В этих органах печати естественно доминировали задачи публицистические и общественно-политические. Но самым фактом своего возникновения и существования русско-еврейская печать стимулировала и вызывала к жизни среди представителей русско-еврейской интеллигенции дремлющие творческие силы, созревшие в общении с русской культурой, и художественные дарования.

Особыми средствами, средствами искусства, еврейские беллетристы, на свой лад, стремились передать свой житейский опыт, свое знание и свои наблюдения над еврейской народной жизнью и этим содействовать той же цели служения народу, которую осуществляли политики и публицисты в русско-еврейских изданиях. Это сознание долга перед своим народом придавало специфический характер русско-еврейской художественной литературе, особенно в первый, пионерский, период, когда писатель отчетливо сознавал, что его читателем является не только еврей, но и новый читатель из русской среды, для которого русское еврейство являлось загадочным сфинксом: ли-

бо в величественном, но абстрактном образе Вечного Странника Агасфера, либо в весьма непрезентабельном, жалком, уродливом и отталкивающем образе, — который однако у ряда прославленных русских писателей ассоциировался с евреями, жившими в бедности, бесправии и непосильном труде в черте оседлости.[1]

Русско-еврейский писатель прежде всего, конечно, обращался непосредственно к евреям — лицом к родному читателю. Но русский язык, в орбите которого шло его творчество, обязывал его к оглядке, к сдержанности, особенно в обрисовке ветхого, отжившего, ортодоксального уклада или отрицательных черт отмирающего кагального быта. При этом в ущерб художественности русско-еврейская беллетристика неизбежно рисковала впасть, а подчас и впадала, в тенденциозность и порой невольно становилась жертвой апологетики. Все это следует учитывать, излагая и оценивая основные факты истории русско-еврейской художественной литературы.

Отмеченная нами связь творчества русско-еврейских писателей с периодической печатью сказалась уже с самого начала. Достаточно сказать, что одним из инициаторов и первым редактором первого русско-еврейского журнала «Рассвет» в Одессе был русско-еврейский беллетрист О. А. Рабинович, что другой беллетрист, один из пионеров русско-еврейской литературы, Л. О. Леванда был редактором «Русского Еврея», что в «Еврейской Библиотеке» А. Е. Ландау, в «Рассвете» и особенно в «Восходе» систематически появлялся ряд романов, рассказов и стихотворений русско-еврейских писателей Следует также подчеркнуть, что некоторые произведения русско-еврейских писателей встречали гостеприимство в русских толстых журналах: от «Записок еврея» Г. Богрова в «Отечественных Записках» Некрасова в 1872—73 г.г. до работы А. У. Ковнера «Из записок еврея», нашедшей убежище (под псевдонимом А. Г.) в «Историческом Вестнике» за 1903 год, то есть 30 лет спустя, — того самого Ковнера, трагическая судьба которого, раскрытая после революции, привлекла к себе широкое внимание, обнаружив при этом, что корреспондентом Достоевского по еврейскому вопросу в его «Дневнике писателя» оказался именно Ковнер, отбывавший тогда тюремное заключение по

[1] Вспомним «шпиона» у Тургенева, Янкеля и описание погрома у Гоголя, Исая Фомича у Достоевского, «презренного жида» у Пушкина в «Скупом рыцаре».

уголовному делу.[2] Впоследствии участие еврейских писателей в русской литературе, — за пределами специально русско-еврейской печати, — приняло широкие размеры, — достаточно назвать Семена Юшкевича, Осипа Дымова, Д. Айзмана, поэта Н. Минского и других, — но для пионеров русско-еврейской художественной литературы получить признание со стороны русской литературы было не просто и не легко.

2

Одним из пионеров русско-еврейской беллетристики был Осип Аронович Рабинович (1817—1869). Его повесть «Штрафной», появившаяся в 1859 г. в «Русском Вестнике», имела успех и была переведена на немецкий и английский языки. Его произведения, вышедшие затем в 3 томах, отличались, по определению критиков, глубокой и тонкой грустью. В них чувствовалось влияние Гоголя, Григоровича.

Более значительная роль выпала на долю Льва Осиповича *Леванды* (1835—1888), роман которого «Горячее время» считается лучшим. Он начал с ассимиляторски-космополитических настроений, но под влиянием погромов 80-х годов перешел к палестинофильству. Его первый литературный дебют «Депо бакалейных товаров. Картины еврейского быта» был неудачен с художественной стороны. Но другие его произведения, живость, юмор изложения в «Пионерах», «Очерках прошлого», в «Авраме Иозефовиче» сделали его наиболее популярным еврейским писателем для современников. К концу жизни Леванда испытал ряд глубоких разочарований, побудивших его, между прочим, решительно отказаться праздновать 25-летие своей литературной деятельности. В 1885 г. он жаловался на равнодушие читателя к русско-еврейской печати и литературе. «Не говоря о подавляющем большинстве, для которого она терра инкогнита, даже многие из наших интеллигентов, бредивших и бредящих до сих пор Писаревым... и им подобными российскими пустозвонами, хвастают, что они о, еврейских публицистах и беллетристах и понятия не имеют и иметь не хотят, хвастают, как чем-то ужасно прогрессивным».[3] Так Ле-

---

[2] См. Леонид Гроссман «Исповедь еврея», Москва, 1925; Макс Вайнрейх «С двух сторон ограды» (Бурная жизнь нигилиста Ури Ковнера) Буэнос Айрес, 1955, идиш; С. Цинберг в «Пережитом», т. II.

[3] См. письмо его к Л. О. Гордону от 7 июня 1886 г., опубликованное в «Пережитом», т. 4.

ванда, сыгравший крупную роль в создании и развитии русско-еврейской печати и художественной литературы, подводил горькие итоги своей деятельности незадолго до смерти...

Григорий Исакович *Богров* (1825—1885) пользовался также немалой популярностью среди читателей. Его «Пойманник», «Еврейский манускрипт» (из эпохи Хмельницкого), «Маньяк» привлекали к себе внимание, несмотря на скромные художественные данные. На его произведениях сказывалось влияние Островского и Помяловского. Особенной известностью пользовались его «Записки еврея». Писал он в «Русском Еврее», «Восходе» и других изданиях, был связан в 80-х годах с петербургским «Рассветом». За несколько месяцев до смерти по семейным обстоятельствам принял крещение.

Еще более сильное влияние «Очерков бурсы» Помяловского испытал на себе *В. И. Никитин,* автор работы «Евреи-земледельцы», получившей весьма высокую оценку. Никитин был кантонистом, и его очерки «Из быта кантонистов», представляющие яркий протест против порядков в армии Николая Первого, прославившегося насильственным увозом еврейских детей в 25-летнюю службу в армии, явились серьезным вкладом в русско-еврейскую литературу.

Из русско-еврейских писателей той же эпохи 80-х годов следует отметить социальные романы Сергея Осиповича *Ярошевского,* автора романов «Выходцы из Межеполя» и «На пути» (печатался в «Восходе»). Ярошевский покончил с собой в 1907 году над трупом сына-самоубийцы...

Пользовались успехом также рассказы *Бен-Ами* (М. Рабиновича), воспевавшего и идеализировавшего хасидские мотивы, впоследствии много дани отдавшего в своих произведениях сионистским настроениям. Одно время в «Рассвете» в 1880—81 годах, а затем в «Восходе» в 1890-ых годах прошумели романы-памфлеты Григория Лифшица, писавшего под псевдонимом *Гершон-бен-Гершон:* «Жид идет», «Исповедь преступника», «Упали в цене».

Известный древнееврейский поэт *Лев Осипович Гордон* (Иегуда Лейб Гордон, 1830—1892), между прочим, бывший секретарем еврейской общины в Петербурге, писал также по-русски и состоял сотрудником «Восхода».

Интересно тут же отметить, что Яков *Гордин,* автор «Мирелэ Эфрос» и других популярных пьес, начинал с подлинно-русских мотивов. В Елисаветграде он основал близкое к штундистам «Библейское духовное братство», осуждавшее занятия торгов-

лей и призывавшее евреев к физическому, особенно земледельческому труду. После погромов 80-х годов, — а первый погром произошел именно в Елисаветграде, — Гордин стал толстовцем. В 1891 г. он эмигрировал в Соединенные Штаты, где после неудачных опытов создания с. х. коммун, отдался литературе и вскоре прославился, как еврейский драматург.

Одно время пользовался успехом Гершон *Баданес*, автор «Записок отщепенца» в «Восходе» (кн. 2, 5 и 6 за 1884 г.). *Н. Наумов* — псевдоним Наума Львовича Когана (1863—1893) выпустил незадолго до своей смерти в 30-летнем возрасте, книжку «В глухом местечке», встреченную очень сочувственно русской печатью, особенно в народнических кругах. Опубликована его переписка с В. Г. Короленко (Москва, 1933 г.). Рашель Мироновна *Хин* (родилась в 1864 г.) опубликовала в «Восходе» рассказы «Не ко двору», «Макарка», затем печаталась в общих журналах — «Вестник Европы», «Русская Мысль» и др. Существуют сборники ее рассказов «Силуэты», «Под гору». Пьеса Р. М. Хин «Наследники» была в 1911 году снята с репертуара Московского Малого Театра под давлением Союза русского народа.

Плодовитый *Н. Пружанский* (псевдоним Николая Осиповича Линовского — родился в 1846 г.) — начал с древнееврейской литературы (в 1863 г.). Перешел затем на русский. Опубликовал ряд романов и рассказов: «Новый Моисей» (1897), «Отверженный» (1897), «Бездна Жизни». В «Восходе» напечатал «Герой жизни» (1899) и много рассказов и очерков. Н. Пружанский-Линовский в течение 5 лет отбывал административную ссылку.

Среди сотрудников «Восхода», «Еврейской Библиотеки» и других русско-еврейских органов печати одно время подвизался Петр Исаевич *Вейнберг* (1830—1908), переводчик «Истории еврейской литературы» Карпелеса. Вейнберг родился в еврейской семье, но принял христианство. Он известен, как переводчик Гейне, Берне, Гёте и других поэтов и как поэт-юморист («Гейне из Тамбова»). Вейнберг был многие годы председателем Литературного Фонда в Петербурге.

С. Ан-ский (псевдоним Семена Акимовича Рапопорта 1863—1920) дебютировал в «Восходе» (1884) повестью «В еврейской семье», написанной на идиш и переведенной кем-то на русский. Впоследствии он писал по-русски в «Русском Богатстве», «Восходе» («Пионеры» — 1904—05 г., «В новом русле»). Собрание его сочинений вышло в 6 томах. — Ан-ский был близок с Глебом Успенским, а с 1896 по 1900 г. был секретарем П. Лаврова в Париже. Видный деятель партии социалистов-революционеров, он

был тесно связан с В. М. Черновым и Х. Житловским. Он вернулся в Россию в 1905 г., принимал участие в еврейской общественной и литературной жизни, был членом редакции журнала «Еврейский Мир». Ан-ский руководил фольклорной еврейской экспедицией в черте оседлости в 1912—13 годах. Вскоре он перешел на идиш и прославился пьесой «Дибук». Ан-ский является автором официального гимна Еврейского Социалистического Бунда «Клятва» («Швуо»).

Мирон (Меер) Давидович *Рывкин* (род. в 1869), был в редакции «Восхода», затем основал сионистские журналы «Еврейская Семейная Библиотека» и «Еврейская Жизнь». Писал фельетоны на общественные темы под псевдонимом «Макар» и является автором сборника «В духоте» и романа «Навет» (О ритуальном деле в Велиже при Александре I — Николае I). Следует также назвать Наума Марковича *Осиповича* (р. 1870) — автора рассказов из еврейской жизни. Его сочинения в 4 томах вышли в 1910 году. Осипович был участником «Народной Воли» и провел в тюрьме и ссылке 18 лет.

Владимир Германович *Тан-Богораз* (род. в 1865) писал рассказы и стихи, но вряд ли правильно относить его к беллетристам. Он был публицистом, этнографом. После освобождения из Якутской ссылки, Богораз издал в Нью-Йорке монографию о чукчах. Впоследствии он принял христианство. При большевиках под его редакцией вышел сборник «Еврейское местечко и революция» (Москва, 1926 г.).

Вышеприведенная группа писателей, если не исчерпывает, то представляет собой основное ядро русско-еврейских беллетристов (о евреях-поэтах мы говорим ниже), вышедших на арену литературы главным образом в 80-х годах. Это были пионеры русско-еврейской художественной литературы. По своим воззрениям на литературу, они были верными учениками и последователями русской реалистической школы. По еврейским истокам своим они были просветителями, твердо верившими в будущее еврейского народа на основе приобщения к русской культуре. По литературным приемам они были, прежде всего, подчас довольно примитивными бытовиками, в очень скромной мере рассматривали свое художественное творчество, как самоцель, охотно признавали его служебное значение и к тому же порой сознательно ставили себе апологетические цели. Именно этот специфический характер русско-еврейской художественной литературы, особенно в ее пионерской стадии, вызвал суровую оценку со стороны известного древнееврейского поэта С. Чер-

ниховского, посвятившего ей статью в «Еврейской Энциклопедии». Вот соображения Черниховского:

> «Несмотря на то, — пишет он, — что за последние 50 лет выдвинулся ряд литературных сил, в русско-еврейской художественной литературе нет ни одного действительно художественного произведения. Русско-еврейская литература не служит проявлению еврейского свободного творчества, так как в момент ее возникновения русский язык в общем был чужд еврейской массе, сами писатели знакомились с ним уже в довольно зрелом возрасте и никогда не предполагали, чтобы их произведения имели художественную ценность, как таковую, для евреев... В еврейской жизни еще кипела борьба за просвещение, борьба отцов и детей, а, с другой стороны, русское общество было так чуждо всему еврейскому, что необходимо было его знакомить с еврейским бытом и его особенностями. Вот почему, посвящая свои произведения еврейскому народу, еврей-писатель не забывал, что его читатель находится не в этой среде, но также в окружающем обществе, и потому он взвешивал каждое слово из боязни, чтобы его не поняли превратно».[4]

3

Переходя к характеристике вклада поэтов в русско-еврейскую художественную литературу, мы прежде всего должны подчеркнуть, что некоторые из этих поэтов вписали свои имена в большую русскую литературу и являются органической частью ее истории. Еврейское происхождение в очень слабой степени окрасило поэтическое творчество Надсона и Минского. Однако этим поэтам, оторвавшимся от еврейского ствола, можно противоставить ряд других, в которых еврейская, национальная струна звучала с большей силой, — ив первую очередь тут следует назвать *С. Фруга*, создавшего целую школу последователей и подражателей на страницах русско-еврейской печати, не надолго, однако, — за отсутствием подлинного таланта, — удержавшихся на поверхности.

Н. Минский — псевдоним Николая Максимовича Виленкина — (1855—1937) принадлежал к той плеяде русско-еврейской интеллигенции, которая в период петербургского «Рассвета»

---

[4] Еврейская Энциклопедия. СПБ. т. XIII.

разделяла надежды на скорый конец еврейского бесправия в России. Он прославился под псевдонимом Норд-Вест, как публицист «Рассвета», и был один из первых, кто под влиянием погромов 1881—1883 г.г. свернул знамена, и, вскоре став сторонником «чистого искусства», «искусства для искусства», отошел от еврейства. В его пользовавшихся популярностью стихах еще порой звучал бодрый призыв, и в стихотворении «Перед зарей» (с эпиграфом из Исайи: «приближается утро, но еще ночь») поэт призывал:

«Не тревожься, недремлющий друг,
Если стало темнее вокруг,
Если гаснет звезда за звездою...
Это стало темней — пред зарею».

Но раздвоение чувств, сказавшееся в его исторической драме «Осада Тульчина» (из эпохи Хмельницкого), чем дальше, тем больше сменялось религиозно-философскими исканиями в духе христианства, разуверением, душевной опустошенностью. Литературное наследие Н. Минского составляют 4 тома собрания стихотворений (СПБ. 1907), ряд философских сборников («При свете совести», «Религия будущего») и многочисленные переводы, в частности, «Илиады» Гомера.

Семен Яковлевич *Надсон* (1862—1887) явился для ряда молодых поколений в России одним из самых популярных и любимых поэтов, точнее сказать, одним из властителей дум. Полное собрание сочинений Надсона вышло в 1917 году у А. Маркса в Петербурге.[5] Поэт получил пушкинскую премию Академии Наук. Туберкулез, унесший его в могилу в 25-летнем возрасте, окружил особым ореолом его поэзию. В широких кругах общества царило возмущение бесстыдной травлей поэта Бурениным в «Новом Времени», отравившей последние дни Надсона.

По своему происхождению С. Я. Надсон был полуевреем. В автобиографии, написанной в 1884 г. для С. А. Венгерова, поэт писал: «Подозреваю, что мой прадед или прапрадед был еврей. Деда и отца помню очень мало». Его биограф, М. В. Ватсон, пишет с большей определенностью: «Со стороны отца он был еврейского происхождения. Дед его, принявший православие, жил

[5] Сюда вошли также письма и статьи С. Я. Надсона. Его биограф сообщает, что по приглашению М. И. Кулишера в его газете «Заря» в Киеве поэт вел журнальное обозрение.

в Киеве. Отец умер еще в молодых годах». Еврейских мотивов, за единичным исключением, в поэзии Надсона нет. Приводим это единственное еврейское стихотворение поэта, написанное им в 1885 году и впервые появившееся в печати в 1901 году в сборнике «Помощь»:

«Я рос тебе чужим, отверженный народ,
И не тебе я пел в минуты вдохновенья.
Твоих преданий мир, твоей печали гнет
Мне чужд, как и твои мученья.

И если б ты, как встарь, был счастлив и силен,
И если б не был ты унижен целым светом, —
Иным стремлением согрет и увлечен,
Я б не пришел к тебе с приветом.

Но в наши дни, когда под бременем скорбей
Ты гнешь чело свое и тщетно ждешь спасенья,
В те дни, когда одно название «еврей»
В устах толпы звучит, как символ отверженья,

Когда твои враги, как стая жадных псов,
На части рвут тебя, ругаясь над тобою, —
Дай скромно стать и мне в ряды твоих борцов,
Народ, обиженный судьбою!»

Если Минский или Надсон не оставили существенного следа в русско-еврейской поэзии, то Семен Григорьевич *Фруг* (1860—1916) по праву занимает в ней первое место, как поэт еврейский, национальный, пронизанный чувством исторической связи с испытаниями и судьбой еврейского народа. В начале своего поэтического пути Фруг находился под влиянием Некрасова, и народнические мотивы о страданиях русского крестьянства окрашивали собой его творчество. Большое поэтическое дарование Фруга встречало признание в широких кругах, и сборник его стихотворений в 1885 году был принят, как событие в русской поэзии.

Как многие представители его поколения, на долю которого выпал трагический опыт погромной эпопеи, Фруг всей силой своего дарования откликнулся на переживания еврейской народной массы. Пошатнулась его вера в Россию, во «второй Сион», и песни исхода, «Сиониды», стали занимать центральное место в его творчестве. Мечты о новой жизни на древней палестинской земле, пронизанные скорбью еврейской юдоли в настоящем, покорили лиру Фруга и сделали его в русской поэзии выразителем сионистических идеалов. Любопытен в этом отноше-

нии отклик древнееврейского поэта Х. Н. Бялика на смерть Фруга: «Читая Фруга даже на чужом мне языке, я чувствовал в нем родную душу, душу еврея, я обонял запах библии и пророков. Читая его русские стихи, я чувствовал в каждом слове язык предков, язык библии, я чувствовал душу человека, страждущего за еврейский народ».[6]

Приведем одно из стихотворений Фруга, в котором характерно сочетаются глубокий лиризм поэта и охватывавшее его столь часто чувство острой скорби.

«Песни весенней ты просишь, склоняя
В тихой печали головку свою...
Надо бы, милая, рад бы, родная,
Только о чем же тебе я спою?
Друг мой, я вырос в чужбине холодной
Сыном неволи и скорби народной...
Два достоянья дала мне судьба:
Жажду свободы и долю раба».

В борьбе за существование Фругу приходилось нелегко. В Петербурге для правожительства ему пришлось фиктивно «приписаться лакеем» к М. С. Варшавскому, а для заработка печатать стихотворные фельетоны в «Петербургской Газете», — в органе печати, имевшем репутацию «желтого». Его огромная популярность в среде еврейской интеллигенции не могла обеспечить ему верный кусок хлеба. Следует отметить, что стихи на идиш, принадлежавшие перу Фруга, — по мнению литературной критики, нисколько не уступают по своей одухотворенности и легкости лучшим образцам его русской поэзии, а своей «народностью» («фолькстимлихкайт») превосходят их.

Василия Лазаревича *Бермана* (1862—1896), печатавшего стихи в «Русском Еврее» и в «Восходе», надо отнести к палестинофильскому направлению в русско-еврейской поэзии. Он издал два сборника «Палестина» и «Сион».

Поэтом-сионистом входит в русско-еврейскую поэзию и Лев Борисович *Яффе* (1875). Он много печатался в «Восходе», выпустил несколько сборников («Грядущее» и др.); под редакцией Л. Б. Яффе и В. Ф. Ходасевича вышла «Еврейская Антология», посвященная «молодой еврейской поэзии» (Москва, а затем Берлин, 1922).

---

[6] «Одесские Новости» от 8 сентября 1916 г. Цитировано у В. Л. Львова-Рогачевского «Русско-еврейская литература», М. 1922.

Попутно следует отметить, что известный поэт В. Ф. *Ходасевич* был полуевреем (его мать была сестрой пресловутого Брафмана, автора «Книги Кагала», выкреста и антисемита). Ходасевич много труда отдавал переводам с древнееврейского; его переводы поэм Саула Черниховского привлекли всеобщее внимание. Но в оригинальных произведениях Ходасевича не отразилось его полуеврейское происхождение.

Среди поэтов, оказавшихся в стороне от большой дороги русской поэзии, но сохранивших свое индивидуальное лицо, нужно назвать также Даниила Максимовича Ратгауза (родился в 1869 г.). Его лирические стихотворения, романсы, привлекли внимание П. И. Чайковского, переложившего их на музыку. В 1909—10 г.г. вышло три тома собрания сочинений Ратгауза.

4

До сих пор мы касались русско-еврейской художественной литературы и имели дело с беллетристами и поэтами главным образом под знаком их еврейской тематики. За немногими исключениями их творчество было по содержанию национально-еврейским, хотя выражение свое получало на русском языке. Но еврейское творчество в языковом отношении всегда отличалось разнообразием; почти во всех странах еврейского рассеяния известные, а порой довольно значительные, кадры еврейской интеллигенции в культурном и языковом отношении подвергались ассимиляции, схватываясь сильными влияниями господствующей культуры. Так было в Германии и Франции, так сейчас в Соединенных Штатах Америки. И в России представители еврейской интеллигенции, получившие доступ в гимназии и университеты, проживавшие в столицах и университетских городах, естественно втягивались в общее культурное русло, приобщались к русской печати, литературе, театру, и с течением времени произошло превращение русско-еврейских писателей и поэтов в русских писателей еврейского происхождения.

Если до сих пор мы говорили о писателях, большая часть которых сохраняла тесную связь с еврейской средой, и, в сущности, даже уходя в сферу культуры и литературы, недоступную еврейской массе, так никогда и не вышла из нее, не оторвалась от корня, — то сейчас мы перейдем к характеристике вклада евреев-писателей в русскую беллетристику и поэзию, — ставших интегральной частью русского литературного про-

цесса, ставших русскими писателями в подлинном смысле слова, независимо от того, остались ли они верны еврейской тематике в какой-либо мере или нет. Это превращение русско-еврейского писателя в писателя русского встречалось уже в 80-х г.г., — и характерно оно не только для полуеврея, к тому же совершенно ассимилированного, каким был Надсон, но и для Минского, одно время тесно связанного кругом своих идейных интересов и в своей литературной деятельности с еврейскими проблемами.

К концу 19 века и в первые два десятилетия 20-го века сращивание писателей-евреев с русской литературой приобретает все более заметные формы. Более того, впервые в России наблюдается появление подлинно-русских писателей, рекрутированных из еврейской среды, — вклад которых в русскую поэзию, в историю литературы, даже в русскую национально-философскую мысль, и в русское театральное творчество порой поражает исследователя, — поражает, в частности, и способность, обнаруженная представителями еврейской интеллигенции к глубокому, внутреннему, интимному погружению, углублению в сферу русской мысли, в мир русской истории, в стихию русского творчества. Чтобы не быть голословным, ограничимся упоминанием нескольких имен, — философов С. Л. Франка и Льва Шестова, литературоведов и критиков А. Л. Волынского и Ю. И. Айхенвальда, историков литературы С. А. Венгерова и М. О. Гершензона, поэтов-модернистов Б. Л. Пастернака и О. Э. Мандельштама, беллетристов М. А. Алданова и И. Э. Бабеля.

В. Л. Львов-Рогачевский в своей работе о русско-еврейской литературе, относясь к ней с симпатией и весьма положительно, считает, однако, бесспорной «художественную малозначительность» ее. Год спустя по этому вопросу высказался А. Г. Горнфельд, хотя и в более умеренных тонах, но в сущности в том же смысле: «Еврейский вклад в нее (в русскую литературу), конечно, не велик: евреи не дали пока русской литературе не только таких, как Гейне, но и таких, как Берне, Ауэрбах, Шницлер, Гофмансталь, Вассерман, Гарден. Еще бы! Немецкие евреи говорят по-немецки уже века, русские евреи говорят по-русски лишь .десятилетия». И Горнфельд осторожности ради добавляет оговорку: «Если мы сказали «пока», то не для того, чтобы выразить какие-нибудь надежды или дать какие-нибудь обещания: мы утверждаем факт, а дальше видно будет».[7] Но в

[7] См. сборник «Еврейский Альманах», Ленинград, 1923.

основном он разделяет приведенный нами выше взгляд С. Черниховского, что «за последние 50 лет в русско-еврейской литературе нет ни одного действительно художественного произведения». «Вердикт чересчур суровый», — замечает по этому поводу И. А. Клейнман, — и соглашаясь, и отталкиваясь от этого вывода.[8]

Пожалуй, в русско-еврейской «классике», то есть в основных произведениях русско-еврейской литературы, в книгах Леванды, Богрова, Ярошевского, Бен-Ами, Пружанского и других трудно найти сколько-нибудь значительные художественные ценности, — это преимущественно бытовые, жанровые, социально-направленные, национально-апологетические или тенденциозные рассказы, романы, реминисценции, отдающие посильную дань реализму или даже натурализму в литературе. Но если перейти к следующему поколению евреев-русских писателей, то такая безапелляционная оценка, отказывающая им в патенте на искусство, не будет обоснована, да и литературные критерии, применявшиеся прежде, сейчас окажутся неоправданными. Вклад евреев в русскую литературу, — если подвести некоторые итоги, — весьма значителен, и обозревателю есть чему порадоваться, есть что показать, даже при самой беглой и поверхностной характеристике творчества того поколения беллетристов и поэтов, которые составили смену русско-еврейским писателям-пионерам.

5

Семен Соломонович Юшкевич (1868—1927) дебютировал рассказом «Портной» в «Русском Богатстве» (1897), печатался в «Восходе», но затем вошел в русскую литературу в группировке сборников «Знания» одновременно с Горьким, Л. Андреевым, Буниным и другими. Шесть томов Собрания его сочинений вышли в Петербурге в 1911 году. Юшкевич стал признанным представителем новой русской литературы, а еврейская тематика его нисколько не мешала его органическому внедрению. Отчасти это объяснялось тем, что, лишенный апологетических или иных тенденций, Юшкевич прежде всего преследовал чисто художественные цели. Московский Художественный Театр с большим успехом ставил его «Мизерере». После революции Юшкевич жил в эмиграции, однако писал уже очень мало.

---

[8] См. сборник «Еврейский Вестник», Ленинград, 1928.

Осип Дымов — псевдоним Осипа Исидоровича Перельмана — (1878—1959), — 14-летним мальчиком напечатал первый рассказ. Он быстро занял место в литературе, как беллетрист, драматург, юморист. Сборник лирических новелл «Солнцеворот» в 1905 г. принес ему славу. В театре он выдвинулся рядом пьес, в том числе и на еврейские темы («Слушай, Израиль!» (1909) и др.). Впоследствии пьесы Дымова ставились и на европейской сцене, у Рейнгарда и других, и фильмовались («Ню»). Дымов сотрудничал в изданиях эстетического направления, как «Мир искусства», а также в журналах «Театр и Искусство», «Сатирикон» и пр. С 1913 года переехал в Соединенные Штаты, где занял видное место в еврейском театре и литературе.

Давид Яковлевич *Айзман* (родился в 1869) — беллетрист, автор рассказов из еврейской жизни, разрабатывал проблемы взаимоотношений между интеллигенцией и народом, между евреями и христианами. Печатался в сборниках «Знание», в «Русском Богатстве», «Мире Божьем» и других изданиях. Собрание сочинений в 5 томах вышло в СПБ, в 1911 г.

Александр Абрамович *Кипен* (родился в 1870 г.). Печатался с 1903 г. в сборниках «Знания». Там же повесть «В октябре», — об октябрьских днях в Одессе. Собрание сочинений появилось в Москве, в 1931 г.

Яков Маркович *Окунев* — настоящее имя: Окунь (1882—1932). Печатался с 1903 г. в сборниках «Знания». Автор рассказов из военной жизни в первую мировую войну. После октября 1917 г. вошел в компартию, но в 1923 г. был исключен из нее. Автор романа «Грань» и других произведений после революции.

Андрей *Соболь* — Юлий Михайлович Соболь — (1888—1926). Роман «Пыль», повести и рассказы «Салон-вагон», «Мемуары веснущатого человека», «Человек и его паспорт», «Когда цветет вишня» и др. Собрание сочинений в 4 томах вышло в Москве в 1926—27 г.г. До революции Соболь отбывал каторгу за принадлежность к эсерам. Покончил самоубийством в 1926 году (за границей).

В. Ирецкий (Виктор Яковлевич Гликсман), автор многочисленных романов и рассказов. В Петербурге сотрудничал в разных изданиях, — в том числе в газете «Речь». Скончался в эмиграции в Германии вскоре после прихода Гитлера к власти.

Соломон Львович *Поляков-Литовцев* (1875—1945), журналист, думский корреспондент газеты «Речь», иностранный корреспондент московского «Русского Слова», в годы второй миро-

вой войны — писал в Нью-Йорке в «Новом Русском Слове». Автор исторического романа «Мессия без народа» (о Шабсай Цви).

Кармен — псевдоним Льва Осиповича Коренмана — (родился в 1877 г.). Автор «На дне Одессы» (1904 г.) и сборника рассказов в СПБ, 1910.

Марк Алданов — псевдоним Марка Александровича Ландау — (1886—1957). Начал писать в России в 1914 г., опубликовал книгу о Льве Толстом и Ромен Роллане. В качестве беллетриста определился после революции в эмиграции. Автор свыше 15 романов исторического и художественного значения, нескольких сборников этюдов о знаменитых современниках, философской работы «Ульмская ночь». В эмиграции пользовался исключительной популярностью, — особенно романами, трактовавшими тему о революции. Еврейский элемент в его произведениях слаб, наиболее выпукло представлен в трилогии о событиях русской революции. Книги Алданова переведены на многие европейские языки.

Владимир Евгеньевич *Жаботинский* (1880—1940), опубликовал в эмиграции ряд романов — «Пятеро» (из одесской жизни), «Самсон Назорей» и сборники рассказов и стихов. Его перу принадлежит также имевшая большой успех книга переводов стихотворений Х. Н. Бялика. Он был сотрудником «Одесских Новостей» (Альталена, псевд.), заграничным корреспондентом «Русских Ведомостей», основателем и редактором сионистского «Рассвета».

Илья Григорьевич *Эренбург* (родился в 1891 г.), всегда подчеркивающий свою принадлежность к еврейству, относится почти целиком к советской литературе, где он выдвинулся также, как коммунистический публицист-пропагандист. Начинал Эренбург еще до революции. В 1909 г., проживая в Париже, он выпустил книгу стихов христианско-мистического содержания и готовился перейти в католичество. Во время первой мировой войны был военным корреспондентом и писал патриотические статьи. Еврейские темы и еврей-герой у него порой встречаются в произведениях («В Проточном переулке», «Похождения Лазика Ройтшванца» и др.).

Исак Эмануилович *Бабель* (1894—1941) — автор рассказов почти исключительно из еврейской жизни. Впервые выступил в 1915 году в журнале «Летопись». Все последующие его произведения печатались после революции, — часто на еврейские темы: «Беня Крик», «Король» и другие. В прославившей его «Конармии» один из памятных героев — Гедали. В период ежовщины

Бабель был ликвидирован. В 1958 г. появилось следующее сообщение, в связи с так называемой посмертной «реабилитацией»: «В 1939 году Бабель был по ложному доносу арестован. Рукописей его неопубликованных произведений, к сожалению, не было найдено. Бабель скончался в 1941 году в возрасте 47 лет».[9]

6

Из числа поэтов-евреев, произведения которых в период между 1905—1917 появились в изобилии на русском рынке, то в периодических изданиях, то в виде отдельных сборников, — мы выделим следующие имена.

Михаил Осипович *Цетлин*, одно время писавший под псевдонимом Амари, (1882—1946). выпустил первую книгу стихов в Париже в 1905 году, печатался в журналах. Его перу принадлежат «Декабристы» и «Пятеро и другие» (о «Могучей кучке» в русской музыке). В эмиграции принимал участие в редакциях журналов «Современные Записки» (Париж) и «Новый Журнал» (Нью-Йорк).

Дмитрий Михайлович *Цензор* (родился в 1879 г.), автор ряда сборников стихотворений, в том числе «Старое гетто» (1907), «Крылья Икара» (1909), сотрудничал в печати в Вильно, Одессе, в толстых журналах в Петербурге.

Е. Янтарев — псевдоним Ефима Львовича Бернштейна — родился в 1880 г. Выпустил сборник под названием «Стихи» в 1910 году. Близко стоял к художественным группировкам модернистского толка в Москве — «Гриф», «Перевал» и другие.

Софья Семеновна *Дубнова*, автор сборника стихотворений «Осенняя свирель» (СПБ, 1910), сотрудничала в «Аполлоне», писала статьи на исторические и литературные темы в русско-еврейских изданиях — «Наше Слово» (Вильно), «Еврейский Мир» (псевдоним С. Мстиславская), переводила стихи с идиш на русский язык.

Муни (псевдоним Самуила Викторовича Киссина). Печатал стихи в «Перевале», «Русской Мысли» и других изданиях. Сборника стихов не выпустил. Был мобилизован в армию во время первой мировой войны. Покончил с собой в 1916 г.[10]

---

[9] Из предисловия И. Эренбурга к собранию избранных произведений Бабеля, М. 1958.

[10] См. статью В. Ходасевича о Муни в книге «Некрополь», Париж, 1939.

Вера Михайловна *Инбер* (родилась в 1891 г.). В 1912 г. выпустила в Париже несколько сборников стихотворений: «Печальное вино», «Горькая услада». Дальнейшая литературная деятельность прошла в Советской России.

Александр Акимович *Биск* (родился в 1883 г.), поэт и переводчик, печатался в «Золотом Руне», «Мире искусства», в толстых журналах. Издал книгу стихов «Рассыпанное ожерелье» (1911 г.) и переводы Рильке (Одесса, 1919 г.). В эмиграции опубликовал ряд статей, переводов, а также новую книгу переводов из Рильке (Париж, 1957 г.).

Осип Эмильевич *Мандельштам* (1891—1941 (?) выступил в литературе в 1909 г. Печатался в «Аполлоне». В 1913 г. вышла первая книга стихов «Камень». Дальнейшая деятельность поэта прошла в годы революции, вплоть до конца 30-х годов, когда поэт был подвергнут репрессиям и погиб. Еврейской тематики у него нет. Как правильно заметил один критик, «если он даже случайно вспоминал Палестину, то не с какой-либо национальной, но чисто художественной целью».

Борис Леонидович *Пастернак* (родился в 1890 г.). Первый сборник его стихов футуристического направления вышел в 1912 г. Дальнейшая литературная деятельность прошла под советской властью. В 1958 г. получил Нобелевскую премию по литературе. Его роман «Доктор Живаго», не допущенный к изданию в Советской России, вышел на иностранных языках в сотнях тысяч экземпляров и завоевал автору мировую известность.

Самуил Яковлевич *Маршак* (род. в 1887 г.) начал печатать с 1907 года стихи и переводы с английского. Дальнейшая деятельность прошла после революции. С 1923 г. выдвинулся в Советской России в качестве поэта для детей.

Lolo (псевдоним Леонида Григорьевича Мунштейна) — (1866—1947), поэт, переводчик, драматург, сатирик, либретист. Редактор журнала «Рампа и Жизнь» (1907—1917), автор пьес «Фея Каприз», «Вечный Праздник». В эмиграции вышла книга стихов «Пыль Москвы».

Саша Черный (псевдоним Александра Михайловича Гликберга), — 1880—1932. Автор нескольких сборников сатир, книг для детей, книги «солдатских рассказов». Пользовался в эмиграции большой популярностью. Крещен.

Дон-Аминадо (псевдоним Аминада Петровича Шполянского) — 1888—1957. Автор ряда сборников сатир и лирики, книги мемуаров (1954). Сотрудник ряда газет в России. В течение 20

лет помещал юмористические фельетоны и стихи в газете «Последние Новости» (Париж).

7

М. О. Гершензон в связи с новой поэзией на иврит однажды высказал следующие соображения, которые уместно будет здесь воспроизвести: «До сих пор еврейская поэзия только жаловалась и вспоминала, и оба эти тона одинаково говорили о безнадежности, — писал он. — Еврейство века жило не только в материальном гетто, внешнее рабство делало его и духовным рабом, — рабом неотвязной мысли о своей народной судьбе. Беспечность — драгоценнейшее благо смертных, источник духовной свободы, родник величия и красоты — вот что история отняла у еврейства, а с ним отняла все». Но молодая поэзия на иврит, от Бялика, Черниховского и Шнеура до наших дней, показалась Гершензону «чудом» на фоне еврейской юдоли. «Еврейскую музу не узнать, — восклицает Гершензон. — Как в отдельной личности, так еще более в целом народе совершаются события, которых нельзя предвидеть... О таком духовном событии свидетельствует новая еврейская поэзия... Эти молодые поэты любят, как юноши всех стран, и вольно и звонко поют свою любовь; им открыта природная жизнь, и они с любовью живописуют ее; они мыслят о жизни, о человеке, о Боге, — их не гнетет неотвязная мысль о еврейской беде. И потому, когда их мысль обращается к ней, — потому что забыть о ней невозможно, — как ново звучат их слова о еврействе! Они — люди, свободные люди вполне».[11]

Идишистский поэт и литературный критик И. Киссин, подхватывая восторженные слова М. Гершензона о молодой поэзии на иврит, пишет по этому поводу, — спустя 20 с лишним лет, в разгар последней национальной катастрофы — во вторую мировую войну: «Если бы Гершензону привелось читать новых еврейских поэтов, новую поэзию на идиш, он, несомненно, пришел бы еще в гораздо больший восторг». Киссин в яркой и патетической форме говорит о «новейшем чуде нашего народного творчества» — о литературе на идиш, которая «несет народу углубленное национальное самосознание» и создание ко-

[11] «Еврейская Антология». Сборник молодой еврейской поэзии под редакцией В. Ф. Ходасевича и Л. Б. Яффе. Предисловие М. О. Гершензона. Третье издание. Берлин. 1922 г.

торой «является главной заслугой русско-еврейской интеллигенции».[12]

Возвращаясь к основной нашей теме о судьбах русско-еврейской, «третьей» ветви еврейской литературы в России, мы должны констатировать прежде всего, что — в силу внешнего давления, оказанного большевистской революцией и насильственной ликвидации русско-еврейской периодической печати и связанного с ней русско-еврейского художественного слова, — оборвалась нить еврейского культурного творчества на русском языке. Было бы однако неправильно относить эту гибель только за счет внешних факторов. По-видимому, культурно-ассимиляционные тенденции сами по себе играли тут известную роль, особенно в области художественного творчества, и мы имели основание подчеркнуть процесс постепенного превращения русско-еврейского писателя и поэта, пользующегося русским языком, преимущественно как инструментом в своих национальных целях, — в писателя, максимально приобщившегося к миру русской литературы и ее языковой стихии, почти органически слившегося с этим миром, еще 80 лет тому назад совершенно чуждым даже для самого тонкого слоя народившейся только русско-еврейской интеллигенции.

Если бы Россия представляла собой правовое демократическое государство, а не коммунистическую деспотию, сковывающую всякое проявление свободного творчества, — в том числе и художественного, — и если бы в такой России обнаружились далеко идущие процессы культурной ассимиляции, — то можно было бы придти к парадоксальному выводу, что русификаторские мечтания русско-еврейских просветителей 50—60-х годов о «слиянии» с русским народом, о добровольной ассимиляции еврейской интеллигенции с русской, — осуществились! Сейчас такого рода выводы представляются явно несостоятельными. Мы видели на опыте 20-х—40-х годов, когда в Советской России, — в обязательных коммунистических формах, — шла так называемая «еврейская работа» на идиш, то она, рассудку вопреки и наперекор стихии, наполнялась национальным содержанием и вписала в свой актив немало достижений литературного и языкового характера. И в последнее десятилетие 1948—59 г.г., когда идиш разделил тяжкую судьбу

---

[12] См. И. Киссин. «Размышления о русском еврействе и его литературе». « Еврейский Мир», сборник 2. Изд. Союза русских евреев в Нью-Йорке. 1944 г.

иврит, попавшего под запрет и репрессии еще с 20-х годов, — когда всякая литературная, научная и школьная деятельность на идиш исключена из советской легальности, и в порядок дня поставлена принудительная ассимиляция, принудительная русификация (и, вероятно, украинизация, белорусизация и т. д.) для еврейского населения, — и доморощенный советский антисемитизм, повторяя черносотенные зады, вменяет себе в добродетель — «окрестить жида», — на свой, коммунистический салтык, — можно не сомневаться, что такого рода методы приведут — от обратного — только к укреплению еврейского национального самосознания, увеличат его тягу и общность с мировым еврейством и Запада, и Израиля, и подстегнут в советском еврействе потребность обсуждать свои еврейские проблемы, — обсуждать их и на идиш, и на иврит, и на русском языке. Слабый луч свободы за Железным Занавесом, первая брешь в диктатуре, — и — кто знает? — мы можем оказаться свидетелями попытки возрождения русско-еврейской литературы в России, как бы это ни противоречило столь распространенным прогнозам наших патентованных мизантропов и маловеров...

«Быть свободным евреем не значит перестать быть евреем, — напротив, только свободный еврей способен проникнуться еврейской стихией во всю глубину расцветшего человеческого духа» — писал уже цитированный нами М. О. Гершензон. Эти слова о «расцветшем человеческом духе» нужно понимать в том смысле, что всякое раскрепощение еврейского художественного творчества должно привести к усилению в нем универсальных и интернациональных элементов. Порукой в том будет и то бесспорное обстоятельство, что до сих пор для русско-еврейской интеллигенции сохраняют свое обаяние освободительные идеи и стремления, завещанные эпохой русского гуманизма от середины 19 века до февральской революции 1917 года.

8

Русское еврейство выдвинуло ряд выдающихся деятелей в области литературной критики и истории русской литературы, как и в русской философии. Достаточно назвать такие имена, как С. А. Венгеров, А. Л. Волынский, М. О. Гершензон, А. Г. Горнфельд, Ю. И. Айхенвальд, С. Л. Франк и Л. И. Шестов.

Ниже мы приводим основные сведения о них, а также о ряде других русских евреев, приобревших известность в этих областях.

Семен Афанасьевич *Венгеров* (1855—1920) вырос в семье, выдвинувшей ряд литераторов. Его мать, Паулина Венгерова, прославилась книгой на немецком языке «Мемуары бабушки», которая долго служила пособием при изучении истории русских евреев средины 19 века.

С. А. Венгеров посвятил себя собиранию библиографических материалов о русской литературе и истории литературы. Он составил «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» (вышло 6 томов) и «Источники словаря русских писателей». С 1891 г. Венгеров стал редактором литературного отдела Энциклопедии Брокгауза и Эфрона. Приняв крещение, С. А. стал доцентом, а затем профессором Петербургского университета. Он является автором многочисленных исследований и монографий о русских писателях (о Тургеневе, Писемском и др., «Героический характер русской литературы» и др.). Под его редакцией вышли многотомные, снабженные обширным критическим аппаратом издания собраний сочинений Пушкина, Белинского, Гончарова, Алексея К. Толстого, Шекспира, Байрона, Шиллера, Мольера. До первой мировой войны Венгеров руководил в Петербургском университете семинарием по изучению Пушкина, и из этого семинария вышли почти все известные пушкинисты. В конце 1916 года он создал Литературно-библиографический Институт. В 1917 году из этого института возникла Книжная Палата, директором которой Венгеров оставался до своей смерти. В основу материалов Книжной Палаты была положена картотека, составленная Венгеровым, в которой числилось около двух миллионов библиографических карточек. В журнале «Неделя» (1879 г.) С. А. Венгеров выступил со статьей, отстаивающей идеи ассимиляции еврейства.

Его сестра, Зинаида Афанасьевна *Венгерова* — была автором ряда работ главным образом по истории западноевропейской литературы; переводчиком с иностранных языков ряда художественных произведений; и постоянным сотрудником «Вестника Европы».

Аким Львович *Волынский* (Флексер) (1863—1926) начал литературную деятельность в 80-х г.г., был сотрудником «Рассвета» и «Восхода», где опубликовал ряд работ о Фруге, Спинозе, Библии в русской поэзии, Леванде, Минском и др. Одно время он был палестинофилом и вместе с В. Л. Берманом издал сборник «Палестина». С 1889 г. Волынский вошел в редакцию журнала «Северный Вестник» и вскоре стал выступать против ради-

кального направления в литературе (против Белинского, Добролюбова, Писарева, Михайловского). А. Волынский — автор ряда книг о литературе: «Русская критика», «Борьба за идеализм», «Царство Карамазовых», «Книга великого гнева» и др. Его исследование о Леонардо да Винчи, вышедшее на итальянском языке, создало ему мировое имя. В 1925 году он выпустил труд «Книга ликований», посвященный классическому балету. При советской власти Волынский был председателем Союза писателей в Ленинграде.

Аркадий Георгиевич *Горнфельд* (род. 1867) дебютировал статьей о Потебне, учеником которого был в Харьковском университете. С 1904 г. он вошел в редакцию «Русского Богатства», вместе с Н. К. Михайловским и В. Г. Короленко, в качестве литературного критика. Горнфельд автор ряда книг: «Муки слова», «Книги и люди», «На западе», «Пути творчества», «Новые словечки и старые слова» и др. Горнфельд считался чрезвычайно тонким критиком и его статьи и книги имели большой успех. Он писал также в русско-еврейских изданиях и участвовал в ряде еврейских общественных организаций: в ОПЕ, в Историко-Этнографическом обществе, в Еврейской Народной Группе.

Михаил Осипович *Гершензон* (1869—1925) — историк литературы, автор многих книг по истории умственного развития России в 19 веке: «П. Я. Чаадаев», «История молодой России», «Исторические Записки», «Грибоедовская Москва», «Декабрист Кривцов и его братья». Большое распространение имел его перевод «Истории Греции» Ю. Белоха. Гершензон — один из лучших знатоков славянофильства. Он редактировал издания сочинений поэта Н. Огарева, «Писем» А. Эртеля, «Русских Пропилеев» и «Новых Пропилеев». Большой известностью пользовались его книги «Мудрость Пушкина», «Мечта и мысль И. С. Тургенева», а в советское время — брошюра «Переписка из двух углов», написанная совместно с Вячеславом Ивановым. Для характеристики личности Гершензона существенны его «Письма к брату» (1927).

Особенное место в деятельности М. О. Гершензона занимает руководящая роль, сыгранная им в издании публицистического сборника «Вехи» (1909) совместно с П. Струве, С. Булгаковым, С. Франком, Н. Бердяевым и др. Этот сборник был направлен против традиционного мировоззрения русской демократической и социалистической интеллигенции и проповедовал начала философского идеализма.

Гершензон был человек слабого здоровья и его организм не перенес лишений эпохи большевизма. Факт преждевременной смерти М. О. Гершензона был следующим образом отмечен советской печатью. «В практике жилищной секции ЦЕКУБУ (Центральной комиссии по улучшению быта ученых) имеется уже несколько тяжелых случаев, когда волнения, страдания и мытарства, вызванные жилищными осложнениями, приводили к преждевременной смерти научных работников (известный профессор-литератор Гершензон)». См. «Известия ВЦИК» от 31 августа 1926 г.

Диссертация Юлия Исаевича *Айхенвальда* (1872—1929) носила философский характер: о Локке и Лейбнице.Ему принадлежит перевод книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Айхенвальд был сотрудником «Вопросов философии и психологии» и «Русской Мысли» (одно время редактором литературного отдела журнала). Имел большой успех, как лектор. В «Речи» он вел в течение ряда лет литературный фельетон. Его труд «Силуэты русских писателей» в трех томах был увенчан премией Академии Наук. Его перу принадлежат также «Этюды о западной литературе». Айхенвальд был выслан из Советской России в 1922 г. и затем сотрудничал в Берлине в газете «Руль» под псевдонимом Б. Каменецкий. Погиб в 1929 г. в Берлине от несчастного случая.

Николай Осипович *Лернер* (родился в 1877), сын древнееврейского писателя-критика Иосифа-Иегуды Лернера, опубликовал ряд работ о Белинском, Чаадаеве, Пушкине. За исследование «Труды и дни Пушкина» (1910 г.) получил премию Лицейского Пушкинского Общества. Лернер принял крещение, но, — как сказано в «Еврейской Энциклопедии» его собственными словами, — «с гордостью ощущает свою кровную и духовную связь с родным народом».

Петр Семенович *Коган* (родился в 1872 г.) — критик и историк литературы. По окончании Московского университета из-за еврейского происхождения не был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Коган — автор «Очерков по истории западноевропейской литературы» (1903 и 1905 г.г.). Он писал на литературные темы в «Речи». После прихода к власти большевиков, Коган занимал пост в Наркомпросе при народном комиссаре просвещения Луначарском.

Борис Михайлович *Эйхенбаум* (род. в 1886 г.) в 1916—1917 г.г. опубликовал работы о Державине и Шиллере. При большевиках он стал профессором московского университета, но впослед-

ствии подвергался в СССР опале, как один из представителей формализма в литературе. Эйхенбаум — автор двухтомной работы о Толстом, в которой с большой подробностью описывается работа Толстого над его главными произведениями. Труд остался незаконченным.

Леонид *Гроссман* (1888) литературный критик, особенно выдвинувшийся уже в Советской России. Он автор книги «Исповедь еврея» (о Ковнере и переписке его с Достоевским) и исследований о Достоевском, Пушкине и других.

Виктор Борисович *Шкловский* (род. в 1893 г.) литературовед. Он опубликовал «Воскресшие слова» (1914), о «Поэзии и заумном языке» (1916), «Искусство как прием» (1917) и в советское время ряд работ о Пушкине, Толстом и других.

Своеобразное место в истории литературы занимает Герман Маркович *Барац* (1835—1922), посвятивший ряд своих исследований «Повести временных лет», «Слову о полку Игореве», «Русской Правде» — выяснению вопроса о влиянии еврейских источников на древнерусскую письменность. Сборник его главных работ издан в Париже в двух томах.

9

Не только в сравнении с русской политикой, публицистикой и общественностью, но и в сравнении с литературной критикой — в философии русские евреи представлены довольно слабо. Это легко понять, ибо новейшая русская философия в основном своем русле проникнута религиозными мотивами, теснейшим образом связана с христианством и православием или пронизана мистическими переживаниями, навеянными школой Владимира Соловьева. Многие из русских философских мыслителей считают себя учениками Достоевского, но нетрудно установить, что обе вершины русской мысли в художественной литературе — Толстой и Достоевский — своей религиозно-философской проповедью могли лишь в слабой степени захватить представителей русско-еврейской интеллигенции.

Тем не менее, обозревателю приходится констатировать парадоксальный, но бесспорный факт, что специфически русский, окрашенный национальным своеобразием мир русской, преимущественно религиозной философии, оплодотворили и русские евреи. Как к философы русского происхождения, многие из них постепенно, по выражению Н. Бердяева, «входят в общее русло

нашей религиозно-философской мысли». Достаточно только назвать имена С. Л. Франка и Льва Шестова, оставивших глубокий след в истории русской мысли, чтобы определить вклад в русскую философскую культуру, внесенный евреями.

Семен Людвигович *Франк* (1877—1950) в юные годы примыкал к марксистам, затем стал бернштейнианцем, и первая его работа «Теория ценности Маркса» (1900 г.) уже отразила его отказ от марксизма. Его первая философская работа «Ницше и любовь к дальнему» появилась в сборнике «Проблемы идеализма» (1902). В дальнейшем С. Л. Франк явился автором ряда философских трудов: «Предмет знания», «Непостижимое», «Введение в философию», «Живое знание», «Смысл жизни» и ряда литературных (о Пушкине) и публицистических работ («Крушение кумиров», воспоминания о П. Струве и др.).

Автор «Истории русской философии» В. Зеньковский дает чрезвычайно высокую оценку С. Л. Франка, как философа. «Логика, гносеология, метафизика, антропология, этика разработаны им очень глубоко, с превосходным знанием основной литературы»—пишет он. Но Франк не только один из образованнейших философов, вышедших из школы В. Соловьева. «Оригинальность и философская сила Франка в обосновании метафизики». Учение о «целостной интуиции», развитое им «входит неотменимым приобретением в русскую философию. Книги Франка могут быть, признаны образцовыми, — по ним надо учиться русской философии». Более того, отмечая «глубину его философского усмотрения», В. Зеньковский приходит к выводу, что «по силе философского зрения Франка без колебаний можно назвать самым выдающимся русским философом вообще».

С. Л. Франк был сыном врача, переселившегося из Западного края в Москву после польского восстания 1863 года и скончавшегося в 1882 году. Детство будущий философ провел в Москве в доме своего деда М. М. Россиянского, одного из основателей еврейской общины в Москве в 60-х годах. В неопубликованных воспоминаниях С. Л. Франк писал о влиянии, которое оказывал на него дед. «Он заставил меня научиться древнееврейскому языку и читать на нем Библию. Он водил меня в синагогу, где я получил первые, западавшие на всю жизнь религиозные впечатления. Благоговейное чувство, с которым я целовал покрывало Библии, когда в синагоге обносили «свитки закона», стало фундаментом религиозного чувства. Рассказы дедушки по истории еврейского народа... стали первой основой

моего умственного кругозора. Умирая, он просил меня — тогда 14-летнего мальчика,—не переставать заниматься еврейским языком и богословием» (см. сборник памяти С. Л. Франка, Мюнхен, 1954). Однако, в 1912 году С. Л. Франк принял православие и его дальнейшая философская работа шла по руслу христианской религиозной философии. С. Л. был приват-доцентом Петербургского университета, затем профессором в Саратове и Москве. В 1922 году он был выслан из Советской России и вел научную работу в Берлине, Париже и Лондоне.

Лев Исакович Шварцман — *Шестов* — (1866—1938), автор многочисленных литературно-философских исследований — о Шекспире, о Достоевском, «Добро в учении Толстого и Ницше», «Апофеоз беспочвенности», «Начала и концы», «Власть ключей», «На весах Иова», «Афины и Иерусалим», работы о Гуссерле и Киркегарде. Л. Шестов считается одним из ярких представителей экзистенциализма.

Цитированный выше историк русской философии В. Зеньковский чрезвычайно высоко оценивает философскую деятельность Шестова. Он считает его «во многом очень близким Бердяеву, но гораздо более глубоким и значительным, чем Бердяев». Его характеризует «пафос философский: внутренняя страстность в искании истины. Философская эрудиция у Шестова очень обширна». Большое значение имеет также «исключительное литературное дарование его: Шестов пишет не только увлекательно и ясно, но на читателя чрезвычайно действует редкая у писателей простота. Изящество и сила слова своеобразно сочетаются у Шестова со строгостью и чистотой словесной формы,— и отсюда неотразимое впечатление подлинности и правдивости».

В своих работах Шестов не раз обращается к Библии. В свойственной ему форме, афористической и парадоксальной, он пишет: «Библейская философия много глубже и проникновеннее современной философии и даже — скажу все—сказание о грехопадении не придумано евреями, а досталось им одним из тех способов, о котором вы ничего не узнаете из новейших теорий познания». Религиозность Шестова отличается своеобразием. Веру он противоставляет рацио, автономии разума, считает веру «новым измерением мышления». Он пишет: «В границах чистого разума можно построить науку, высокую мораль, даже религию, но нельзя найти Бога». В Библии, по словам его интерпретатора А. Лазарева — «он видит источник не только религиозной, но и философской истины».

Среди философов, не достигших столь большой известности и влияния, как Франк и Шестов, выдвинулись следующие русские евреи:

Сергей Иосифович *Гессен*, в периодической печати — Sergius (род. в 1881 г.). Первая его работа, по-немецки, была посвящена вопросу о развитии проблемы причинности. Гессен был профессором в Томске. Его главный труд—«Основы педагогики» (Берлин, 1923). Гессен — автор статей о Соловьеве, Достоевском и других, по вопросам социологии и права (многие появились в «Современных Записках»). Перед 1939 годом он переехал из Праги в Варшаву, где преподавал в университетах. В Польше его застала вторая мировая война (на посту профессора Лодзинского университета). Специалисты отмечают у С. И. Гессена «честность мысли, законченность формулировок, постоянное тяготение к систематике понятий, — большое философское дарование».

Уже отмеченный выше *М. О. Гершензон* — автор двух работ, посвященных проблематике еврейской истории и религии, имеющих философское значение: «Судьбы еврейского народа» и «Ключ веры» (1922). Для характеристики воззрений Гершензона приведем цитату из «Ключа веры»: «В Ветхом Завете — пишет он, — как в великолепном ларце, хранится под тысячью чудесных вышитых оболочек золотой свиток еврейской религии, не предумышленное творение человека, но столь же органический плод духа, создание вочеловечившейся природы, каковы в низших сферах естества вулкан в горе или яблоко на яблоне»...

Григорий Адольфович *Ландау,* (1877—1941) — публицист, юрист, автор работ в «Еврейской Библиотеке», «Восходе», «Еврейском Мире», является также автором историко-философского труда «Сумерки Европы» и философских «Афоризмов». Погиб в начале советской оккупации Латвии.

Абрам Моисеевич *Деборин* (Иоффе), (родился в 1881 году), марксист, деятель Бунда, меньшевик, последователь Плеханова, автор «Введение в философию диалектического материализма» (1916), в 20-х годах стал одним из руководителей марксистской философии в СССР. С 1929 года— член Академии Наук, редактор журнала «Под знаменем марксизма». Деборин — автор книги «Маркс и Гегель». Одно время он был снят за «уклоны» с занимаемых им постов.

Павел Соломонович *Юшкевич* (род. в 1873 г.), марксист, меньшевик, автор книги «Материализм и критический реа-

лизм», участник сборника «Очерки по философии марксизма» (1908), последователь Авенариуса и Маха. После революции работал, как переводчик в Институте Маркса и Энгельса в Москве.

Борис Григорьевич *Столпнер* (скончался в 1937 году), марксист, меньшевик, сотрудник «Еврейской Энциклопедии» по вопросам еврейской религиозной мысли и библейской критики. Столпнер выступал в Религиозно-философском Обществе, а также с докладами на религиозно-философские темы в Еврейском Историко-Этнографическом Обществе. В 30-х годах он был сотрудником Института философии при Академии Наук в Москве и переводил собрание сочинений Гегеля.

10

С начала 20-го века, особенно в кануны и годы первой революции и после нее, — газета в России стала с большим успехом выполнять ту общественную задачу, которая в предыдущие десятилетия лежала главным образом на традиционном «толстом журнале». В России старого порядка периодическая печать замещала собой все те формы и виды общественной и политической самодеятельности, которые в странах Запада выполняли партии и другие политические объединения. Отсюда громадное значение, которое выпадало на долю периодической печати в России. Было только естественно, что активные элементы российской интеллигенции разных национальностей часто устремлялись в ряды журналистов, видя в этом почти единственный способ применения к общественному делу своих сил и дарований. Не взирая на бичи и скорпионы действовавшей цензуры, которая даже в период существования Государственной Думы ограничивала свободу печати в России, — бывали моменты, когда журналист становился общественным фактором первостепенного значения. Работа журналиста, стоявшая в фокусе русской политики, не меньше содействовала формированию общественного мнения, чем речи земских деятелей (а впоследствии депутатов Государственной Думы) и выступления популярных профессоров, вызывавшие эхо далеко за пределами университетской аудитории.

В обстановке, сложившейся в России и до 1905 года, и в период конституционализма, и в первую мировую войну до самой революции 1917 года, газета и журнал были мощным орудием общественной и политической деятельности. Естественно, что

трибуна газеты особенно привлекала представителей еврейской интеллигенции, права которой были чувствительно ущемлены специфическим ограничительным законодательством, не допускавшим евреев к деятельности городского и земского самоуправления, а в 3-ей и 4-ой Государственных Думах ограничившим число еврейских депутатов ничтожной цифрой (в 2—3 депутата). Роль евреев в органах периодической печати была порой весьма велика, и это обстоятельство не раз чрезвычайно раздражало правые и антисемитские группировки, вызывая с их стороны нелепое обвинение в «засилии» евреев в русской печати.

Нельзя отрицать, что участие евреев в русской периодической печати было весьма интенсивным. Не было такой функции в газете, не было такого поста в редакциях, не было такого газетного жанра, в котором не отличились бы евреи журналисты. Мы встречаем еврейских журналистов во главе больших русских газет, среди видных корреспондентов: иностранных, думских, муниципальных, провинциальных, — среди публицистов и политиков, даже среди «идеологов», идейных руководителей печати, среди фельетонистов, литературных и театральных обозревателей, хроникеров и репортеров.

Русская газета мало напоминала собой большую информационную печать, какую мы знаем, например, по Америке. Она не довольствовалась репортажем или сообщением новостей. Она шла в этой области естественно навстречу требованиям широкой публики, — но в то же время считала долгом чести учитывать растущие идейные и художественные вкусы интеллигентного читателя. И во всех отделах газеты, во всех жанрах — евреи-журналисты выдвинулись за те два без малого десятилетия, когда в России существовала, пробивая себе дорогу сквозь полицейские рогатки, прогрессивная, либеральная и радикальная печать.

Надо к этому добавить, что профессиональные журналисты не ограничивались сотрудничеством в газетах. Многие из них писали более обширные работы для толстых журналов, иные выпускали и книги. В известном смысле можно сказать, что для журналистов участие в газетах часто являлось ступенью на лестнице их общественно-политической или ученой карьеры.

Ниже читатель найдет некоторые данные о деятельности наиболее видных русских евреев-журналистов.

Иосиф Владимирович *Гессен* (1866—1943), основатель журнала «Право», редактор газеты «Речь», писал под псевдонимом

«Скептик», член 2-ой Государственной Думы от Петербурга. Был членом Союза Освобождения, затем кадетом. Автор ряда книг: «История русской адвокатуры», «Искания общественного идеала», «Судебная реформа» и пр. Одно время сотрудничал в «Еврейской Библиотеке» и участвовал в составлении «Сборника законов о евреях». В эмиграции был редактором газеты «Руль», издавал «Архив Русской Революции» (22 тома), автор мемуаров «В двух веках» (т. 1 вышел в 1937 г.).

Максим Ипполитович *Ганфман* (род. в 1872 г.), редактор «Наша Жизнь», «Товарищ», член редакции газеты «Речь». В эмиграции редактор газеты «Сегодня» в Риге. В качестве юриста участвовал в процессе о погроме в Гомеле (1904).

Исаак Владимирович *Шкловский* (Дионео), (1866—1935) шесть лет провел в ссылке в Якутской области, в Средне-Колымске, откуда писал в «Русских Ведомостях». Долголетний (с 1896 г.) корреспондент «Русских Ведомостей» и «Русского Богатства» из Англии, — его статьи, бывшие важным источником ознакомления русской публики с политическим бытом Англии, изданы отдельными книгами.

Григорий Борисович *Иоллос* (1859—1907). С 1886 года постоянный сотрудник «Русских Ведомостей». Прославился письмами из Берлина, в которых давал картину политической жизни Германии времени Вильгельма Второго и знакомил русское общество с германскими политическими партиями (в частности, с социал-демократией), системой социального законодательства. В 1905—1907 годах Иоллос принимал руководящее участие в редакции «Русских Ведомостей» в Москве. Он был членом 1-ой Государственной Думы от Кременчуга, Полтавской губернии. Иоллос был убит 14 марта 1907 года по дороге из редакции домой наемником черной сотни.

Осип Константинович *Нотович* (род. в 1849 г.) журналист, издатель «Нового Времени» в период либерализма, с 1873—1874 г.г. — издатель «Новостей». Выступал также, как популяризатор Бокля.

Абрам Яковлевич *Липскеров* (род. в 1848 г.) был издателем «Новостей Дня» в Москве, затем «Новостей иностранной литературы».

Александр Соломонович *Изгоев-Ланда* (род. в 1872 г.), был деятельным членом Союза Освобождения, а затем кадетом. Он стал ближайшим сотрудником «Речи», «Русской Мысли», участником сборника «Вехи», автор биографии П. А. Столыпина и книги «Русское общество и революция». В журнале «Образова-

ние» Изгоев опубликовал статью (1903 г.) «Двадцативековая трагедия» — на еврейские темы.

Александр Рафаилович *Кугель* (Homo Novus) — (1864—1928). Был редактором наиболее авторитетного в России театрального журнала («Театр и Искусство»), а также политическим фельетонистом. Опубликовал книги: «Под сенью конституции» (1907), «Литературные воспоминания» (1923), «Листья с дерева» (1926). Сотрудничал в «Русском Слове», «Дне» и других изданиях.

Его брат Иона Рафаилович *Кугель* был редактором «Киевской Мысли», а затем газеты «День» в Петербурге.

И. М. Хейфец — редактор «Одесских Новостей» (псевдоним: Старый Театрал).

Михаил Игнатьевич *Кулишер* был основателем и редактором либеральной газеты «Заря», выходившей в 80-х годах в Киеве. В газете сотрудничали адвокат Л. Куперник, поэт С. Надсон и др.

Иосиф Менасьевич *Бикерман* (род. в 1867 г.), дебютировал статьей в «Русском Богатстве» (1902 г.) против сионизма и был затем сотрудником «Сына Отечества», «Бодрого Слова», «Дня» и других изданий. В эмиграции Бикерман эволюционировал в сторону монархизма. Отрывки из его мемуаров появились в «Возрождении» (Париж).

Павел Абрамович *Берлин* (род. в 1877 г.), был сотрудником ряда журналов и газет — «Научное Обозрение», «Жизнь», «Образование», «Мир Божий», «Современное слово». Он автор книг: «Пасынки цивилизации и их просветители», «Германия накануне революции 1848 года», «Политические партии на Западе», «Карл Маркс и его время». В эмиграции — публицист, сотрудник ряда изданий.

Петр Исаевич *Звездич* (1868—1944) был сотрудником «Одесских Новостей», потом «Русских Ведомостей». С 1897 года писал из Вены, печатал корреспонденции и статьи в «Образовании», «Жизни», «Современном Мире», «Товарище», писал с 1906 года в «Русских Ведомостях». Звездич погиб во время второй мировой войны, депортированный наци из Франции.

Исаак Осипович *Левин* (1876—1944), — осведомленный и солидный обозреватель международной политики в «Русских Ведомостях», «Русской Мысли» и других изданиях. В эмиграции — сотрудник «Руля», автор книги «Эмиграция французской революции». Погиб от руки наци во вторую мировую войну.

Юлий Д. *Энгель* (род. в 1868 г.), был музыкальным критиком

«Русских Ведомостей» до закрытия газеты большевиками в 1918 году, а Николай Ефимович Эфрос (1867—1923) театральным критиком и автором монографий о Станиславском, Качалове и других. Эфрос был постоянным сотрудником «Речи», «Русских Ведомостей» и журнала «Рампа и Жизнь».

Лев Моисеевич *Клячко — Л. Львов* слыл «королем репортеров» в Петербурге. Он вел хронику жизни бюрократических кругов и министерств и прославился своими сообщениями «В сферах» — в «Речи», затем в «Дне». Опубликовал книги: «За кулисами старого режима. Воспоминания журналиста» (1926) и «Повести прошлого» (1929).

Леонид Зиновьевич *Слонимский* (род. в 1850 г.). Сын основателя древнееврейской газеты «Гацефира», математика и изобретателя Хаим-Зелика Слонимского в Варшаве, был постоянным сотрудником «Вестника Европы» и «Русских Ведомостей».

Григорий Ильич *Шрейдер* (род. в 1860 г.), был сотрудником многих изданий. В 1905—1906 он входил в редакцию газет народнического характера. Писал в «Русских Ведомостях» и в других изданиях по муниципальным вопросам и корреспонденции из Италии. — В февральскую революцию 1917 года был избран городским головой Петрограда.

Илья Маркович *Троцкий* (род. в 1878 г.), сотрудник разных периодических изданий, постоянный корреспондент «Русского Слова» из Германии, а затем из Скандинавских стран. Переводчик.

Михаил Александрович *Лурье — Ю. Ларин* — корреспондент «Русских Ведомостей» из-за границы, активный участник меньшевистской с. д. печати. Перед октябрьским переворотом перешел к большевикам и принимал активное участие в большевистской печати. Автор многочисленных работ.

Ашкенази — В. А. Азов (род. в 1873 г.) — сотрудник «Речи», «Русского Слова», «Сатирикона»; фельетонист. Опубликовал книгу фельетонов «Цветные Стекла» (1912 г.).

Александр Абрамович *Поляков* (род. в 1879 г.), сотрудник «Одесских Новостей» (с 1904 г.), затем «Биржевых Ведомостей», секретарь редакции «Русского Слова» в Москве. В эмиграции долголетний секретарь редакции «Последних Новостей» (Париж) и «Нового Русского Слова» (Нью-Йорк).

Лев Моисеевич *Неманов* — начал журналистическую деятельность в 1902 г. в «Саратовском Листке», затем сотрудничал в «Нашей жизни», «Русском Слове». Был корреспондентом в Государственной Думе. Сотрудник «Последних Новостей» в эмиграции.

Александр Михайлович *Кулишер (Юниус)* (1890—1942). Сотрудник «Права», «Речи», автор научных трудов по праву и социологии. Передовик «Последних Новостей» в Париже. Погиб во время оккупации Франции наци во вторую мировую войну.

Соломон Владимирович *Познер* (1880—1945) сотрудник разных изданий, начиная с «Освобождения» Струве (1903 г.), автор книг «Евреи в русской школе», «Адольф Кремье» (на франц. языке) и др.

Семен Осипович *Португейс, В. И. Талин, Степан Иванович* (1881—1944), публицист, начал с участия в «Южном Обозрении», писал в газете «День», «Современное Слово», в журнале «Наша Заря». В эмиграции редактор с. д. журналов «Заря» и «Записки социал-демократа», сотрудник «Последних Новостей», «Новой России», «Современных Записок», автор ряда исследований: «ВКП», «Красная Армия», «А. Н. Потресов» и др.

Дон Аминадо (Аминад Петрович Шполянский) (1888—1957). Фельетонист в стихах и прозе в разных изданиях. Сотрудник «Раннего Утра» (Москва). В эмиграции сотрудник «Последних Новостей», автор ряда сборников сатирических стихотворений и книги мемуаров.

Николай Моисеевич *Волковыский* (1881—1941) сотрудник «Биржевых Ведомостей», заведывающий отделением московского «Утра России» в Петербурге. В 1922 г. выслан из России, после 1933 г. выслан из Германии, редактор русской газеты в Варшаве. В начале второй мировой войны пропал без вести.

Соломон Львович *Поляков-Литовцев*, сотрудник «Речи», «Русского Слова». Корреспондент из-за границы в русских изданиях. В России был корреспондентом Государственной Думы.

Оль-д'Ор (псевдоним Иосифа Львовича *Оршера*), фельетонист многих изданий, юморист. Автор сборников «О сереньких людях» (1912), «Муза с барабаном» (1915), «Загадочное убийство» (1915), «Рыбьи пляски» (1916), «Яков Маркович Меламедов» (1936).

Д. О. Заславский, псевд. Homunculus, род. в 1879 г., публицист газет «Киевская Мысль», «День» и др. Автор исторических исследований. Деятель Бунда. С 1920-х г.г. перешел к коммунистам, сотрудник «Правды».

А. Наумов (псевдоним Абрама Моисеевича *Гинзбурга*), сотрудник «Киевской Мысли» и меньшевистских органов печати по рабочему вопросу и экономическим проблемам. В 1917 году был в Киеве тов. городского головы, а затем товарищем минист-

ра труда во Временном Правительстве. В 1931 г. по так наз. процессу меньшевиков получил 10 лет тюрьмы.

М. Лиров (псевдоним Моисея Ильича *Литвакова*), сотрудник «Киевской Мысли», один из лидеров партии сионистов-социалистов, перешел к коммунистам, был 16 лет редактором еврейской комгазеты «Эмес», погиб в 1938 году.

В партийной печати, преимущественно социалистической, выходившей до революции 1917 года главным образом за границей и доставляемой в Россию нелегальными путями, принимало участие немало евреев.

Так, в «Рабочем Деле», органе Союза русских социал-демократов сотрудничали Борис Кричевский, А. С. Мартынов (Пикер), М. Г. Коган (Гриневич, Круглов) и др.

В «Русском Рабочем» и затем «Революционной России», органах социалистов-революционеров, участвовали Х. Житловский, С. Ан-ский, Х. Рапопорт, Михаил Гоц, Марк Ратнер и другие.

В «Искре» и «Заре» принимали участие П. Б. Аксельрод, Ю. О. Мартов-Цедербаум, Ф. И. Дан-Гурвич, Л. Д. Троцкий-Бронштейн, Б. А. Кольцов-Гинзбург, А. С. Мартынов, Л. И. Аксельрод-Ортодокс и другие.

Среди сотрудников с. д. печати, выходившей в России, отметим: Б. С. Батурского (Цетлин), С. М. Шварца, П. А. Гарви-Бронштейна, В. С. Левицкого-Цедербаума, С. О. Ежова-Цедербаума, А. М. Наумова-Гинзбурга, Ст. Иванович — С. О. Португейса.

12

Об участии евреев в русской общественной жизни, в общероссийских политических партиях, — особенно в полосу революций 1905 и 1917 года, — о той роли, которая выпала на долю евреев в переломные эпохи русской истории 19 и 20 веков, мы можем здесь ограничиться только общими сведениями. Тема эта обширная и нуждается в специальном освещении. Для того, чтобы читатель мог получить исчерпывающее представление об этом явлении, он должен обратиться к мемуарам участников движения в первую очередь и к тем немногим исследованиям, которые накопились по этому вопросу. Мы приведем здесь имена наиболее видных участников русской политической жизни, деятельность которых в общем пользуется известностью.

Начиная с 60-х г.г., Россия переживала полосу общественного подъема. По мере формирования еврейской интеллигенции, она в той или иной степени включалась в процесс охватившего страну культурного, общественного, политического развития. Ряд участников освободительного движения 70-х и 80-х годов (П. Аксельрод, А. Зунделевич, О. Аптекман, В. Иохельсон и др.) в своих воспоминаниях рассказывают, как, сочувствуя страданиям еврейской трудовой массы и желая ей всячески помочь в ее бесправии, культурной отсталости и неорганизованности, — они наталкивались на стену отчужденности и взаимного непонимания и не могли найти ни пути, ни общего языка для приобщения к жизни этой массы. К тому же, — и это было очень серьезным фактором развития, — тяга к мощной русской культуре, влияние русского языка, — наконец, новые, общественные веяния, захватившие широкие кадры свободолюбивой русской интеллигенции, — все это увлекало еврейскую интеллигенцию на заманчивые и многообещающие русские просторы.

Таковы были объективные условия, определявшие до погромов 80-х г.г. основные настроения в русско-еврейской интеллигенции, сочетавшиеся с верой в прочность объявленных реформ и с надеждой на близость «европеизации» русской жизни. Но и впоследствии, в эпоху победоносцевской реакции, в 90-х годах и затем, в 20 веке немало представителей еврейской интеллигенции, вовлеченных в общероссийское русло, принимали активное участие в русских политических партиях, выросших на волнах революции 1905 г., в период конституционализма 4-х Государственных Дум, и, наконец, в февральско-мартовскую революцию 1917 года.

Ограничительные законы болезненно воспринимались всеми русскими евреями, как несправедливость, и только естественно, что мы встречаем еврейские имена среди деятелей всех русских политических партий, включивших в свою программу требования равноправия евреев, от большевиков до кадетов.

Даже в период самых острых гонений евреи в России не переставали ни на миг ощущать себя гражданами страны. Гражданское самосознание еврейской интеллигенции подсказывало ей повелительно, что будущее России лежит на путях свободы и демократии, и в этом будущем евреи, как и другие народы многонациональной страны, заинтересованы не в меньшей степени, чем представители господствующего русского народа.

Связь с Россией, любовь к России были характерными чертами русских евреев, — и эти чувства, как известно, сохранялись в течение многих десятилетий и передавались из поколения в поколение даже евреями-эмигрантами в Америке, в Европе, в Палестине. Русские евреи естественно считали своим гражданским долгом всячески содействовать успеху освободительной борьбы в России.

В этом отношении существенно зарегистрировать следущие факты.

В 60-х годах 19 века наблюдалось еще слабое участие еврейской интеллигенции в революционном движении. В «Земле и Воле» видную роль играл Николай Утин, который был приговорен к смертной казни и затем бежал за границу. Утин был секретарем русской секции Первого Интернационала, стоял очень близко к Карлу Марксу, которого активно поддерживал в его борьбе с Бакуниным.

Одним из наиболее прославленных революционеров этой ранней эпохи был Марк Андреевич Натансон, организатор кружка «чайковцев» и деятель «Земли и Воли». Арестованный в 1872 году, он получил возможность много позднее вернуться к активной деятельности. Он вначале пытался создать партию «Народного Права», затем вошел в партию социалистов-революционеров, где играл видную роль. После октября 1917 года Натансон (Бобров) в качестве одного из руководителей левых эсеров сблизился с большевиками.

Крупный след в революционном движении оставила деятельность Арона Либермана, родоначальника еврейского социалистического движения в России, одно время связанного с журналом П. Лаврова «Вперед», и Арона Зунделевича, выдающегося техника «Народной Воли», организатора ее нелегальной типографии. Отметим также Гесю Гельфман, одну из подсудимых на «процессе 50-и» в 1876 году, — впоследствии участницу цареубийства 1-го марта 1881 г.

В знаменитой «Народной Воле» и в «Черном Переделе» активных деятелей евреев было уже немало. Назовем, кроме Зунделевича, еще О. Аптекмана, Вл. Иохельсона, П. Б. Аксельрода, Л. Г. Дейча, Лазаря Цукермана, братьев Златопольских.

После разгрома 1881 года, революционеры делали ряд попыток восстановить деятельность организации. В этих попытках приняли участие А. Бах, Софья Гинзбург, Михаил Р. Гоц, Осип С. Минор, Л. Штернберг, М. А. Кроль, В. Г. Тан-Богораз, заплатившие за свое участие в революционном движении долгими го-

дами каторги и ссылки. Среди жертв этого периода следует также отметить Л. М. Когана-Бернштейна, Альберта Гаусмана и др., погибших в «якутской бойне» в 1889 году.

В 1883 году среди русских революционеров возникло социал-демократическое течение. Основателями Группы «Освобождение Труда», ставшей под знамя марксизма, наряду с Г. В. Плехановым, были П. Б. Аксельрод и Л. Г. Дейч. Когда в 90-х годах с. д. движение пустило корни в России, среди пионеров его были Д. Б. Гольдендах (Рязанов), Нахамкес (Ю. М. Стеклов), Б. А. Гинзбург (Д. Кольцов), А. Кремер, И. Л. Айзенштадт-Юдин, Ю. О. Цедербаум (Мартов), Ф. И. Гурвич (Дан), А. С. Пикер (Мартынов), М. Г. Гриневич (Коган).

В начале 20 века из уцелевших остатков народнического движения образовалась партия социалистов-революционеров, среди пионеров которой были и евреи: С. А. Рапопорт (С. Ан-ский), Х. Житловский, О. С. Минор, Илья Рубанович, Михаил Гоц, Григорий Гершуни, Ю. Делевский.

В связи с нарастанием революционных событий в России в начале века, — студенческих волнений, крестьянских восстаний и рабочих забастовок (1901—03 г.г.) и революцией 1905 года, число деятелей евреев в социалистических партиях — ПСР и РСДРП — заметно возрастало. В центральных учреждениях этих партий, в столице и в провинциальных центрах насчитывалось немало революционеров-евреев, из которых многие приобрели известность и во вторую революцию, — в 1917 году, — вернувшись, после лет тюремного заключения, ссылки и эмиграции к кратковременной, но свободной политической деятельности.

В течение февральской революции выдвинулись в рядах с. д.-меньшевиков Ф. И. Дан-Гурвич, М. И. Либер-Гольдман, Ю. О.Мартов-Цедербаум, Р. А. Абрамович-Рейн, Г. М. Эрлих, Б. О. Богданов, занявшие, среди других деятелей 1917 года, руководящие посты в партии и в Совете рабочих депутатов. Среди социалистов-революционеров выдающуюся роль играли Абрам Р. Гоц, И. И. Бунаков (Фундаминский), Я. Гендельман, М. В. Вишняк (в 1918 г. секретарь Учредительного Собрания).

Среди большевиков евреи-революционеры видной роли не играли кроме Ю. Каменева (Л. Б. Розенфельда) и Г. Зиновьева (Радомыслуского), ставших оруженосцами Ленина в период между двумя революциями, — из старых большевиков мы можем назвать только Литвинова (М. М. Валлаха), Гусева (С. И. Драпкина), Таратуту (Виктора), — людей небольшого политического веса. В 1917 г., к моменту октябрьского переворота, среди

наиболее активных большевиков-евреев можно назвать всего 10 человек, из них — старых большевиков, тех же Зиновьева и Каменева, а также Якова Свердлова и Г. Сокольникова (Бриллианта), четырех перешедших от меньшевиков к Ленину: Троцкого (Л. Д. Бронштейна), М. С. Урицкого, Ю. Ларина (М. Лурье) и А. А. Иоффе, а затем двух неустойчивых большевиков — Н. Рязанова и А. Лозовского (С. А. Дридзо).

В февральскую революцию в Совете рабочих депутатов играл видную роль Л. М. Брамсон, трудовик, ближайший сотрудник А. Ф. Керенского и участник законодательной деятельности Временного Правительства (в частности — активный член Совещания по выработке положения об Учредительном Собрании).

Насколько имеются данные, можно считать, что некоторым деятелям февральской революции 1917 г. были предложены посты министров во Временном Правительстве (Л. М. Брамсону, М. М. Винаверу, Ф. И. Дану, М. И. Либеру), но эти лица отклонили предложение, считая, что евреям не следует становиться министрами.

Однако, некоторые евреи принимали участие в работе Временного Правительства в качестве специалистов. Так А. Я. Гальперн (меньшевик) был короткое время управляющим делами Временного Правительства, а С. М. Шварц, И. М. Ляховецкий (Майский), Д. Ю. Далин (Левин), Я. С. Новаковский (все — меньшевики) занимали видные посты в министерстве труда.

Заслуживает также внимания деятельность ряда лиц в руководящих органах профессионального рабочего движения: меньшевика Гриневича (М. Г. Когана) — председателя ВЦСПС в 1905 и в 1917 году, — меньшевиков Батурского (Б. С. Цетлина), Гарви (П. А. Бронштейна), Кефали (М. С. Камермахера), а также Н. Рязанова и А. Лозовского (впоследствии большевиков).

Уже после октябрьского переворота несколько левых эсеров-евреев выдвинулось на всероссийской политической арене: упомянутый выше М. А. Натансон, Б. Камков (Кац) — один из лидеров партии и И. З. Штейнберг, занявший пост народного комиссара юстиции в большевистской революции.

Следует также остановиться на участии евреев в несоциалистических, либеральных и радикальных партиях 20 века. В начале века (1902 г.) возник Союз Освобождения (связанный с заграничным органом «Освобождение», выходившим под редакцией П. Б. Струве при ближайшем участии П. Н. Милюкова) — в эту нелегальную организацию входил ряд евреев: С. Л. Франк, А. И. Браудо, И. В. Гессен, Я. Г. Фрумкин, Л. М. Брам-

сон, Г. А. Ландау, С. В. Познер. В 1905 г. возникла конституционно-демократическая партия (ка-де), среди ее видных деятелей были М. М. Винавер, — один из влиятельнейших руководителей партии, — а также Г. Б. Слиозберг, М. Л. Мандельштам, И. В. Гессен, М. И. Шефтель, Г. Б. Иоллос, равно как и множество деятелей в провинции. Следует также отметить политическую деятельность некоторых «одиночек», не имевших постоянной связи с какой-либо партией, но временами подвизавшихся на общероссийской арене, как О. О. Грузенберг, Р. М. Бланк, Борис Д. Бруцкус и др.

Одним из парадоксов российского законодательства о евреях было то, что евреи, лишенные права какого-либо участия в земском и городском самоуправлении, имели, наравне с коренным населением, активное и пассивное избирательное право на выборах в Государственную Думу и Государственный Совет. Во всех русских городах евреи весьма активно принимали участие в предвыборной агитации и в самих выборах. Среди кандидатов в выборщики и в депутаты, выставленных кадетами и более левыми партиями, всегда значилось немало еврейских имен. Депутаты-евреи были во всех четырех Государственных Думах (в 1-ой — 12, во 2-й — 4, в 3-ей — 2, в 4-ой —3 депутата) и один еврей был избран членом Государственного Совета.

С. Л. КУЧЕРОВ

ЕВРЕИ В РУССКОЙ АДВОКАТУРЕ

Введением Судебных уставов 20 ноября 1864 г. была проведена одна из самых благотворных реформ императорского периода русской истории.

Рухнули стены старого суда с его инквизиционным процессом, методом формальных доказательств и полной зависимостью от администрации. Взамен ему была создана судебная система, построенная на основах гласности, публичности, состязательности и разделения властей. Исчезло взяточничество. Ляпкиных-Тяпкиных сменили судьи большой моральной чистоты. Присяжным заседателям, выбиравшимся из всех классов населения, была вручена судьба обвиняемых в самых тяжких преступлениях. Мировой суд, тоже выборный, ведал менее важными уголовными и гражданскими делами.

Судебная реформа 1864 г. создала и русскую адвокатуру.

Разумеется, эта реформа не превратила России в конституционное государство. Она осталась самодержавной в области законодательной и исполнительной. Судебную же власть царь сам сложил с себя, оставив за собой лишь право помилования. Между 1864 и 1906 гг. Россия представляла собой единственный пример в истории, где две власти — законодательная и исполнительная — в одном и том же государстве были абсолютны, в то время как третья — власть судебная — была построена на демократических началах. В суде русский обыватель вдруг увидел себя под защитой определенных правовых гарантий. Суд скорый, правый и милостивый был обещан ему, и на охрану его интересов был поставлен присяжный поверенный.

Речи защитников передавались во все концы необъятного царства без всяких цензурных ограничений, в силу Высочайшего Указа Правительствующему Сенату, разрешавшего печатать в повременной прессе отчеты обо всем, что происходило на суде.

Адвокатура видела смысл и цель своей деятельности в защите прав личности. Эту свою задачу свободная русская адвокатура свято выполняла в течение коротких пятидесяти лет своего существования.

Этой же цели верно служили и лучшие представители адвокатов-евреев. «Борьба за права личности», писал М. М. Винавер, «защита ее от безраздельного владычества государственных начал — такова арена деятельности свободной адвокатуры».[1]

Ту же мысль высказал и О. О. Грузенберг в своей речи на праздновании 50-тилетнего юбилея русской адвокатуры в 1916 г.:[2] «С крайним напряжением сил, часто с забвением собственных интересов, товарищи наши в разных концах русской земли служили свою быть может невидную, но великую службу —службу защиты личности против натиска на нее государства...».[3]

Однако обширность и глубина реформы 20 ноября 1864 г. послужили и причиной ее нарушения. «Сосуществование» автократических властей, с одной стороны, и демократической, с другой, оказалось невозможным. И в последующие годы реакции реформа 1864 г. была в значительной степени сокращена и искажена.

Одним из таких искажений было ограничение зачисления евреев в адвокатуру. В царствование Александра II в связи с либеральными реформами предполагалось предоставить евреям полное равноправие. Те ограничения, которым евреи были подвержены, должны были быть отменены в период «диктатуры сердца» Лорис-Меликова. Убийство Александра II, самое чудовищное в современной политической истории преступление, положило конец и этому начинанию: оно возвело на русский трон, взамен царя-освободителя, убежденного реакционера Александра III.

Руководящими началами царствования Александра III, выраженными в его манифесте при вступлении на престол, были народность, самодержавие и православие. «Народность» означала преобладание великорусской народности над другими, входящими в состав русского государства народностями и угнетение меньшинств, особенно евреев; «самодержавие» — отказ от либерализма предшествующего царствования; «православие» — первенствующее положение православной веры над всеми дру-

---

[1] М. М. Винавер: «Недавнее» (Париж, 1926), стр. 56.

[2] Адвокатура начала функционировать одновременно с открытием С-Петербургского окружного суда в апреле 1866 г.

[3] О. О. Грузенберг: «Очерки и речи» (Нью-Йорк, 1944), стр. 89.

гими исповеданиями. Этот последний лозунг определил характер правительственного антисемитизма, развитого в царствование Александра III и усиленного при Николае II: официально антисемитизм зиждился на религиозной почве. И действительно, достаточно было еврею отказаться от своей веры и принять крещение, как он выходил из храма — православного, католического или протестантского — облеченным всеми правами подданного русского царя. Всякий еврей, который приходил к убеждению, что «Париж стоит мессы», мог ценой ренегатства освободиться от тяготевших над ним правовых ограничений. Расовая теория Гобино — Чемберлена — Гитлера еще не была в чести, и перемена религии давала повсеместное правожительство, возможность вступления в брак с христианкой, поступления на государственную службу и т. п.

Ограничения евреев в правах распространились и на адвокатуру.

В 1889 г. министр юстиции Манасеин представил на утверждение государя доклад, согласно которому допущение в адвокатуру лиц нехристианских вероисповеданий производится не иначе, как с разрешения министра юстиции по представлению советов присяжных поверенных. Необходимость этой меры Манасеин объяснял тем обстоятельством, что адвокатура наводняется евреями, вытесняющими русских; что эти евреи своими специфическими приемами нарушают моральную чистоту, требуемую от сословия присяжных поверенных. Таким образом, мера преследовала, якобы, цель оздоровления сословия.

Манасеинский доклад был утвержден государем и опубликован 8 ноября 1889 г.[4] и внесен в Учреждение судебных установлении в виде примечания к ст. 380.

То обстоятельство, что ограничительные меры были объявлены временными, давало возможность не проводить их в виде закона через Государственный Совет и, таким образом, не привлекать к ним внимания за границей.

Особенно знаменательно то, что в секретной части своего доклада Манасеин обещал за себя и своих преемников не давать разрешения на принятие в сословие присяжных поверенных евреев, пока точная процентная норма для них не будет установлена законом в каждом округе и пока эта норма не будет фактически достигнута.

---

[4] Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1889 г., № 127, стр. 1031.

Обещание это свято выполнялось министрами юстиции вплоть до 1904—1905 гг., когда революционные события заставили правительство отступить от этого правила и дать некоторым евреям пом. прис. поверенных, отбывшим стаж, разрешение на вступление в сословие. До этого срока такие корифеи русской адвокатуры, как М. М. Винавер и О. О. Грузенберг, будучи уже знаменитыми на всю Россию, оставались помощниками, первый в течение 15-ти лет, а второй — 16-ти лет.

Но лишь только революционная волна схлынула и наступил период ликвидации революции, доступ в сословие присяжных поверенных был для евреев снова чрезвычайно затруднен, в особенности так, где не было советов присяжных поверенных.

Выработка постоянного закона об евреях в адвокатуре была на основании доклада министра юстиции Н. В. Муравьева поручена в 1894 г. Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части, так называемой, Муравьевской комиссии. Эта комиссия состояла из сенаторов, судей, профессоров и представителей адвокатуры.

Весьма любопытно, что открывая общее собрание комиссии, Муравьев сказал, что вносимый им проект, при всех изменениях, которые он вносит в организацию адвокатуры, «вместе с тем остается верен тем основным началам и взглядам, которые усвоены нашим законодательством со времени реформы 20 ноября 1864 г.».

Комиссия, наряду с другими законоположениями, внесенными в нее Муравьевым, выработала также правила, ограничивающие участие евреев в сословии присяжных поверенных 10-ю процентами в каждом округе и запрещающие евреям занимать должности председателя и товарища председателя в советах присяжных поверенных. Крещение и по проекту комиссии продолжало освобождать от ограничений.

Выработанные комиссией законоположения были представлены Государственному Совету лишь в 1904 г., когда политический климат менялся в либеральном направлении, и правила, выработанные комиссией, не были проведены в жизнь. Несмотря на это, весьма интересно ознакомиться с мотивами и соображениями, которыми руководилась комиссия, как проливающими свет на характер русского антисемитизма того времени.

Муравьевская комиссия, так же как и Манасеинский доклад, ограничительные меры мотивировала переполнением сословия евреями. Комиссия считала, что «действительную

опасность представляет не наличность в составе присяжных поверенных отдельных членов еврейского исповедания, отрешившихся в значительной степени от противных христианской нравственности воззрений, свойственных их племени, но лишь появление в среде присяжных поверенных евреев в таком количестве, при коем они могли бы приобрести преобладающее значение и оказывать тлетворное влияние на общий уровень нравственности и на характер деятельности сословия присяжных поверенных». Причина того, что евреи якобы оказывали вредное влияние на нравственность своих христианских коллег заключалась, по мнению комиссии, в том, что в ряду причин, определяющих поведение человека, «важнейшее и решающее значение принадлежит побуждениям его личной воли, его совести, т. е. той области его внутренней жизни, которая находит свое выражение в религии», между тем как нравственные начала нехристианских вероучений не всегда соответствуют требованиям, предъявляемым к деятельности правительственных и общественных учреждений христианского государства.[5]

Итак, комиссия обвинила еврейских присяжных поверенных в поведении, несовместимом с христианской моралью, чуждой евреям, как лицам, принадлежащим к нехристианскому вероисповеданию. В чем именно заключалось такое предосудительное поведение, не было сказано ни в докладе Манасеина, ни в объяснительной записке Муравьевской комиссии. Никаких примеров комиссия приводить не сочла нужным.

Если даже допустить, что некоторые адвокаты-евреи вели себя недостойно, то нет никаких оснований приписывать это тому, что они исповедовали иудейскую религию. Кто может отрицать, что и адвокаты-христиане не всегда поступали согласно велениям своей религии. Казалось бы, каждому должно быть ясным, что поведение того или иного присяжного поверенного определяется не его религией, а свойствами личного характера, ничего общего с вероисповеданием его не имеющими. По поводу «скверного влияния», оказываемого евреями на сословие, Петербургский совет присяжных поверенных в своих замечаниях на «Объяснительную записку» комиссии, писал, что никто, знакомый с жизнью сословия, не станет утверждать, что петербургские адвокаты в каком-либо отношении ху-

[5] Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка, том I, стр. 33.

же московских, хотя в петербургском округе адвокаты-евреи составляют около 13,5% общего числа адвокатов, а в московском округе — менее 5%.

Что же касается «переполнения» сословия евреями, то причиной его являлся тот факт, что после вступления на престол Александра III, с начала 80-х годов, государственная служба и научная карьера были для евреев закрыты. Естественно, что еврейская интеллигенция устремилась в свободные профессии, еще для них доступные. Одной из таковых и была адвокатура. Разумеется, это обстоятельство было комиссии хорошо известно, но она не сделала из него естественного вывода, что для устранения переполнения евреями одной профессии следует открыть для них доступ в другие профессии, а решила ограничить их зачисление и в адвокатуру. «Найдя причину этого нежелательного явления (переполнения) не в евреях, а вне их воли и желания лежащей», писал А. С. Гольденвейзер, «результат ее все же ставится на счет евреям и служит оправданием к принятию новой ограничительной меры против них. И это делает министерство, носящее имя юстиции; но где же, где тут справедливость?».[6]

Нельзя не отметить, что один из членов Муравьевской комиссии, Ф. Н. Плевако, остался при особом мнении. Плевако предвосхитил расовую теорию Гитлера. Ограничения, основанные на религиозном признаке, его не удовлетворяли, т. к. нравственно неустойчивые люди могли обойти эти ограничения путем крещения. Он был уверен, что евреи, как люди нехристианского вероисповедания, не могут обладать нравственными качествами, присущими русскому народу, и не могут быть носителями русского правосознания. «Для принятия в сословие присяжных поверенных некоторых разрядов лиц должно служить не вероисповедное начало, а начало национальности, принадлежности к известному народу или племени», писал он в своем особом мнении. Поэтому он считал, что уж лучше увеличить процент евреев-нехристиан до 15 или даже 20%, но не открывать доступа в адвокатуру крещенным евреям.

Отношение прессы и адвокатского сословия к ограничительным мерам, выработанным комиссией, было различно.

---

[6] А. С. Гольденвейзер: «По поводу законопроекта об адвокатуре». Северный вестник, 1897, № 12, стр. 45.

Так «Журнал гражданского и уголовного права» утверждал, что наплыв евреев в сословие — явление ненормальное, что даже не будучи антисемитом все же нельзя отрицать некоторых черт евреев, делающих нежелательным, чтобы евреи занимали господствующее положение в каком бы то ни было сословии, что достойных людей среди евреев — единицы в массе. Но необходимость ограничений упомянутый журнал видел также и в том, что еврейские присяжные поверенные более талантливы, обладают большими знаниями и более внимательны к своим обязанностям, чем христианские адвокаты; это, дескать, не вина русских, что история не развила в них находчивости и что конкурировать с евреями для них опасно и даже невозможно.[7]

Либеральный журнал «Русская мысль» считал, что настоящая причина всех ограничительных мер — это боязнь конкуренции; адвокаты тщательно прячут эту причину за сомнительной характеристикой нравственности евреев.[8]

В юридической литературе и в адвокатской среде преобладало отрицательное отношение к ограничительным мерам. Е. В. Васьковский, например, писал, что ограничительные нормы для евреев ниже всякой критики, т. к. они противоречат принципу относительной свободы сословия, согласно которому все лица, удовлетворяющие определенным юридическим, умственным и моральным условиям, должны допускаться в сословие присяжных поверенных, и что в этом вопросе ни религия, ни национальность не могут играть роли, подобно тому, как они не играют роли в профессии врачей, архитекторов, литераторов и других.[9]

Хотя Манасеинский доклад не упомянул помощников присяжных поверенных, Петербургский совет постановил 20 января 1890 г., что лица нехристианских вероисповеданий, не получившие свидетельства на ведение гражданских дел в течение трех лет после зачисления в сословие, подлежат исключению из списков помощников. Совет исходил из той точки зрения, что помощникам следует в последние два года стажа, хотя и оставаясь под руководством патрона, вести дела от собственного имени для того, чтобы приобрести необходимый опыт; помощникам

[7] Журнал гражданского и уголовного права, 1889, № 6, стр. 146.
[8] Русская мысль, 1890, № 4, стр. 210.
[9] Е. В. Васьковский: «Организация адвокатуры», том 2, страницы 111—112.

же евреям, по мнению Совета, выдача свидетельств на ведение гражданских дел будет фактически прекращена в силу Манасеинских правил.[10] Совет не ошибся: действительно суды перестали выдавать подобные свидетельства евреям. Однако Общее собрание петербургских присяжных поверенных от 4 февраля 1890 г. это постановление Совета отменило.

В округе Московской судебной палаты правила 1889 г. имели для помощников присяжных поверенных евреев более печальные последствия. Московский совет присяжных поверенных постановлением от 3 марта 1890 г. ввел аналогичное требование наличия свидетельства на ведение гражданских дел уже при зачислении в помощники. Московский совет считал, что он не может зачислять в помощники лиц нехристианских вероисповеданий, если они не имеют разрешения министра юстиции на судебное представительство, т. к. впоследствии для получения этими лицами звания присяжного поверенного потребуется разрешение того же министра. Московский совет не представил своего решения на одобрение Общего собрания присяжных поверенных. Помощники присяжных поверенных Московского округа подали жалобу на постановление совета, содержавшее еще и другие ограничительные правила, в судебную палату, а затем и в Правительствующий Сенат. Постановление совета от 3 марта 1890 г. было отменено Сенатом лишь 4 мая 1895 г., так что между 1890 и 1895 гг. евреи фактически в помощники присяжных поверенных в Московском округе не принимались.

Ввиду того, что с 1889 г. по 1904 г. выдача свидетельств на ведение гражданских дел евреям была, как правило, прекращена, помощники присяжных поверенных должны были ограничиваться защитой по уголовным делам, выступлениями в мировых и коммерческих судах (в последних в качестве присяжных стряпчих) и работой у патронов. В мировых судах разрешалось выступать по гражданским делам только три раза в год.

Затем прекратилось и зачисление евреев в помощники присяжных поверенных в силу разъяснения Правительствующего Сената от 12 марта 1912 г. На вопрос министра юстиции Щегловитова, распространяется ли ст. 380 Учреждения судебных установлений, в примечании к которой сказано, что лица нехристианских исповеданий допускаются в присяжные поверенные

---

[10] Отчет Совета присяжных поверенных при С.-Петербургской судебной палате, 1889/90, стр. 23.

только с разрешения министра юстиции, также на зачисление в помощники присяжных поверенных, Сенат дал утвердительный ответ.[11] Это разъяснение Сената, — давшее, вопреки правилу, распространительное толкование ограничительному закону, и к тому же через 23 года после его издания, — окончательно захлопнуло перед евреями двери в адвокатуру.

В период первой мировой войны правительство собиралось, руководствуясь соображениями внешней и внутренней политики, внести некоторые послабления ограничительных законов об евреях. Сменивший Щегловитова министр юстиции А. А. Хвостов, при вступлении своем на должность, заявил прессе, что он находит политику своего предшественника по отношению к евреям несправедливой и нецелесообразной и считает необходимым внести в нее некоторые изменения.

В период переговоров с думским прогрессивным блоком о создании пользующегося доверием народа правительства, Хвостов в заседании Совета министров от 26 августа 1915 г. высказался в том смысле, что и в отношении еврейского вопроса в адвокатской профессии следует вести беседу с блоком в смысле согласия идти по пути постепенного пересмотра ограничительного законодательства и административных репрессий.[12]

Как известно, переговоры с блоком ни к чему не привели, и прежняя политика продолжалась.

Однако 29 декабря 1915 г. Совет министров одобрил заключения особого совещания при министерстве юстиции по принятию в число присяжных поверенных и их помощников лиц нехристианских исповеданий.

Следующие мероприятия были одобрены Советом министров:

1) Принимать беспрепятственно в число присяжных поверенных и их помощников магометан и караимов при отсутствии опорочивающих сведений.

2) Для приема в присяжные поверенные евреев установить следующие нормы: 15% для округов варшавской, виленской и одесской судебных палат, 10% для округов петроградской и киевской палат и 5% для прочих судебных округов.

---

[11] Решения Общего собрания кассационных с участием Первого и Второго Департаментов Правительствующего Сената, 1912 г. № 4.

[12] Архив русской революции, том 18, стр. 112.

3) Независимо от установления приведенной нормы, немедленно зачислить в число присяжных поверенных всех тех помощников-евреев, которые отбыли указанный стаж и получили от окружных судов свидетельства на ведение чужих дел при условии отсутствия в министерстве юстиции сведений, этих лиц опорочивающих.

4) Прием евреев в помощники присяжных поверенных временно прекратить впредь до установления повсеместно соответственной нормы евреев в составе присяжных поверенных с тем, чтобы впоследствии евреи принимались в помощники с соблюдением вышеозначенной процентной нормы.[13]

5) При принятии евреев в частные поверенные: в тех городах, где учреждены окружные суды, соблюдать известную 15%, 10% и 5% норму, в зависимости от размера нормы, установленной в данной местности для приема евреев в присяжные поверенные, а в прочих местностях — вопрос о выдаче свидетельства на ведение чужих дел разрешать в каждом отдельном случае в зависимости от потребности населения в юридической помощи.

6) Выдавать свидетельства на ведение чужих дел помощникам присяжных поверенных евреям наравне с частными поверенными (евреями) на тех же основаниях.[14]

Таким образом, Совет Министров осуществил в 1915 г. мероприятия, рекомендованные Муравьевской комиссией, установив вместо единообразной 10% нормы, 5—15% нормы в зависимости от округа.

Временное Правительство отменило все ограничения евреев в правах. Присяжные поверенные М. М. Винавер, Г. Ф. Блюменфельд,[15] О. О. Грузенберг и И. Б. Гуревич[16] были назначены сенаторами, первые два — Гражданского, третий — Уголовного Кассационных Департаментов, а последний — Судебного Департамента.

Несмотря на все ограничения и гонения, евреи, благодаря таланту отдельных своих представителей, сумели занять весьма

---

[13] Фактически прием был прекращен, как было указано выше, вследствие разъяснения Сената от 1912 г.

[14] «Еврейская Жизнь», 1916, № 2, стр. 43—44.

[15] Выдающийся знаток гражданского права. «Среди русских цивилистов я не знал ему равного», писал о нем Винавер («Недавнее», стр. 272).

[16] Специалист по торговому праву, многолетний член С. Петерб. совета присяжных поверенных.

почетное место в самых первых рядах русской адвокатуры. Адвокаты-евреи участвовали в защите прав личности, которую взяла на себя свободная русская адвокатура. Множество талантливых, пламенных речей было произнесено ими в стенах русского суда, много самоотверженных поступков ознаменовали их деятельность, и велик был их вклад в сокровищницу русского правосознания.

Здесь набросаны портреты наиболее выдающихся их представителей: Пассовера, Винавера, Слиозберга, Гольденвейзера и Грузенберга. Следовало бы, конечно, остановиться еще на целом ряде других известных и талантливых адвокатов-евреев, но недостаток места заставляет, к сожалению, ограничиться лишь очень немногими.

А. Я. ПАССОВЕР

«...Вот настает момент, когда нужно выступать. До этой минуты худенький человек в застегнутом на все пуговицы фраке, с адвокатским знаком не в петлице, как у всех, а на груди, в серых замшевых перчатках, сидел там, где-то в толпе, незаметный, опустив голову, закрыв глаза, — исхудалая, желтая, мертвенная фигура. Настает его очередь — фигура угловатою походкою приближается к кафедре — раздается какой-то неясный, никому неслышный, робкий шепот. Невольно настораживаются уши. Не к чему: через минуту исчез уже куда-то маленький робкий человек, движения оживают, голос набухает сильными, подчас раскатистыми звуками, глаза раскрылись и блещут своим серым, стальным блеском, — часто злым, безжалостным, насмешливым блеском, — лицо розовеет, точно молодая кровь в нем играет. То играет мысль».[17]

Александр Яковлевич Пассовер не был адвокатом по призванию. По складу ума и вкусам он был типичным ученым. Но научная карьера была для него, как еврея, закрыта. Занять предложенную ему кафедру под условием крещения Пассовер отказался.[18]

---

[17] М. М. Винавер: «Недавнее», стр. 99.

[18] Когда Пассоверу, по его возвращении из-за границы, куда он: ездил для подготовки к профессуре, было сказано: «Кафедра может быть за вами, но, конечно, вы должны отказаться от еврейства». «Нет, я отказываюсь от кафедры», ответил Пассовер.

Реформа 1864 г. открыла дорогу евреям в судебное ведомство, и Александр Яковлевич получил должность товарища прокурора сперва при Владимирском, а затем при Одесском окружном суде. В Одессе он оставался недолго. Там в личной его жизни произошла трагедия, наложившая отпечаток на всю его дальнейшую судьбу. Он влюбился в красавицу дочь писателя Р., но чувство его не встретило взаимности. Он так и остался на всю жизнь холостяком.

Переехав в С.-Петербург в 1872 г., Пассовер записался в сословие присяжных поверенных, где сразу занял совсем особое, выдающееся положение.

Он обладал необыкновенной эрудицией, обширнейшими познаниями в области юриспруденции, философии, социологии, естествознания, новых и древних языков. До конца дней в нем не ослабевало стремление к приобретению все новых знаний, горела неугасимым огнем любовь к книге. Квартира его, где он принимал посетителей, была буквально завалена книгами. Была у него и другая квартира, в Берлине, куда по его поручению стекалось от антикваров со всех концов Европы все, что появлялось значительного на книжном рынке.

В его распоряжении была совершенно феноменальная память. Он появлялся в суде без портфеля, без единой записки и произносил свою речь, длившуюся иногда часами, с ссылками на сенатские решения и со сложными цифровыми выкладками, не пользуясь ни заметками, ни бумагами.

Речь Пассовера не была обращена к чувству судей или присяжных. Он оперировал исключительно логическими построениями, действуя на своих слушателей, по выражению М. Л. Гольдштейна, «величайшим пафосом логики».

Занимаясь по преимуществу гражданскими делами, Пассовер изредка — и тогда с необычайным блеском — выступал и по уголовным делам. Так, например, по делу Вальяно, процессу-монстр, длившемуся два месяца, Пассовер защищал вместе с такими корифеями адвокатуры, как Плевако, Андреевский, Карабчевский и Александров, и, по свидетельству Гольдштейна, превзошел всех. Другой участник процесса, Н. П. Карабчевский, писал, что он никогда не забудет речи Пассовера по этому делу, настолько она выдавалась из всех речей глубиною изучения дела, полнотою освещения, неистощимой оригинальностью, остротою и сокрушительной силой аргументации. А Ф. Н. Плевако по поводу той же речи так охарактеризовал Пассовера: «Это удивительный ум, пожалуй, нерусский, — он совсем

не разбрасывается, не глядит по сторонам. Это ум, отточенный как бритва, пронизывающий беспощадно как раз то, что он хотел пронизать».[19]

Однако, уголовная защита не была его настоящим призванием. По своему душевному складу и рационалистическому мышлению он не всегда подходил к роли уголовного защитника. Так Пассовер однажды послал С. А. Андреевскому клиента, обвинявшегося в 30-ти подлогах документов и векселей, с сопроводительной запиской: «Клиент во всем сознался, поэтому мне нечего делать; правосудие должно свершиться; я, как защитник, не знал бы, что сказать в его оправдание». Андреевский защиту принял, и на все 30 вопросов о виновности присяжные дали отрицательный ответ: подсудимый был оправдан. Пассовер при встрече поздравил Андреевского, а кстати и себя, что он «не криминалист и поэтому еще кое-как может служить правосудию».[20]

И действительно, истинное его служение правосудию было в области цивилистики. Там он не имел себе равного. Влияние его на практику Гражданского кассационного департамента Сената было очень значительно.

Любимым его детищем, деятельностью, которая была ближе всего его сердцу, являлось руководство конференцией помощников присяжных поверенных, где молодые стажеры под его руководством получали подготовку для будущей самостоятельной работы. Когда исполнилось 25 лет его адвокатской деятельности и коллеги пожелали чествовать его, как принято было в таких случаях, поздравительной делегацией на дому юбиляра, банкетом с торжественными речами и обильными возлияниями, он наотрез отказался. Уломать его не было возможности, и только на одно предложение он согласился: на чествование во время одного из очередных заседаний конференции, имевших место по воскресеньям в здании окружного суда.

В торжественном соединенном собрании конференций и их руководителей были произнесены поздравительные речи, а затем, когда официальная часть собрания была закончена, конференция под председательством Пассовера приступила к своей обычной деятельности: чтению и обсуждению очередного доклада.

---

[19] Н. П. Карабчевский: «А. Я. Пассовер». Северный вестник, 1897, № 3, стр. 323.

[20] М. Л. Юльдштейн: «Адвокатские портреты» (Париж, 1932), стр. 22

Среди его учеников были М. И. Кулишер, М. М. Винавер, Г. Б. Слиозберг, М. И. Шефтель и другие, в будущем известные адвокаты. Главный интерес участников конференций сосредоточивался на анализе доклада, который давал Пассовер. Для предварительного просмотра он доклада не получал, слышал его в первый раз в заседании конференции. Тут-то он и обнаруживал свои обширнейшие познания, умение с необыкновенной быстротой схватывать суть вопроса и поражал силой своей аргументации. Один из учеников Пассовера, М. М. Винавер, так охарактеризовал его заключения: «Даже тогда, когда мы внутренне не сдавались, блеск его критики так ослеплял, что все предшествовавшее блекло, мы не возражали, оставался на поле битвы один Пассовер...».[21]

Несомненно, что в конференциях Пассовер создал себе замену профессуры, к которой стремился, но не мог получить. «За необращение в православие, обращен в адвокатуру», говорил он о себе.

В конференциях же — в этом вольном университете — где он, по меткому выражению Гольдштейна, «занимал все кафедры», он нашел должное применение своему педагогическому дарованию. Русская профессура потеряла в нем одно из лучших своих украшений. Его дар преподавания послужил бы на пользу не горсточке молодых стажеров, а целому поколению русских юристов.

Пассовер долго отказывался от звания члена Совета. В приветственной речи по случаю празднования 25-летия адвокатской деятельности Пассовера, Спасович призывал его согласиться баллотироваться в Совет: «Я выражаю наше всеобщее пожелание в виде просьбы: не уклоняйтесь, снимите зарок, который вы на себя напрасно наложили, дайте себя увлечь. Это скрепит еще более вашу связь с сословием, которое гордится тем, что считает вас своим членом», сказал Спасович.[22]

Уступив просьбам коллег, Пассовер, наконец, согласился принять звание члена Совета, но когда председатель Совета подал министру юстиции статистические данные о числе евреев в сословии, приведшие к Манасеинскому докладу, он подал в отставку, считая действие председателя Совета недостойным. В Совет он больше не возвращался, не взирая ни на какие просьбы и убеждения.

---

[21] М. М. Винавер: «Недавнее», стр. 94.

[22] В. Спасович: «А. Я. Пассовер». Северный Вестник, 1897, № 3, стр. 327.

Компромиссы были чужды цельной натуре Пассовера. Он и еврейству остался верен не потому, что был с ним особенно связан религиозными или национальными узами, а потому, что не выносил принуждения: у него была «спина, неспособная сгибаться, даже кланяться», как сказал о нем Спасович.

Своеобразной чертой Пассовера было то, что он не писал, даже бумаг не подписывал, а подавались они от имени его ближайших сотрудников, М. И. Кулишера или другого. Он не оставил после себя ни одной печатной строчки. Весь его огромный запас знаний, вся колоссальная работа его острого, как секира, ума остались не запечатленными для будущих поколений и лишь промелькнули, как фейерверк, мимолетным ярким и холодным светом в судебных заседаниях и собраниях конференций.

Какая тому причина? Пассовер говорил про себя: «Я профессиональный читатель, а не писатель». И на вопрос, почему он не пишет, отвечал: «Написать по поводу двух хороших книг третью плохую я не хочу, а написать самостоятельную и новую я не могу». Вряд ли это соответствовало действительности. Он, разумеется, мог написать самостоятельную книгу и, наверное, хорошую.

Трудно согласиться с Винавером, который из того обстоятельства, что Пассовер ничего не написал, сделал вывод, что Пассовер не был настоящей «творческой натурой... что у него не было широкого положительного начала, которое руководило его мыслью...» Ведь каждая судебная речь Пассовера была плодом творчества, и тот же Винавер пишет о выступлении Пассовера: «Вот оно, мгновенное, но истинное упоение творчеством».

Не является ли причиной того, что Пассовер не оставил после себя печатных трудов, необыкновенная замкнутость его натуры? В произведения свои автор вкладывает самого себя, раскрывает перед читателем свою душу, делает именно то, на что Пассовер не был способен. Все, стоявшие близко к нему по работе, свидетельствуют, что никогда и ни перед кем не раскрывал он своих душевных переживаний, ни перед кем не подымал забрала, за которым ревниво скрывал от чужих взоров свой внутренний мир, свое настоящее «я». Даже внешним своим обликом производил он впечатление человека, замкнутого в себе, и серые замшевые перчатки, которые он всегда носил и снимал только перед началом своей речи, как бы свидетельствовали о том, что он избегает даже мимолетного соприкосновения с людьми при рукопожатии. В упомянутой выше приветственной речи Спасо-

вич весьма метко сравнил Пассовера с пушкинским «Скупым рыцарем»: оба ревниво охраняли свои накопленные богатства, скупой рыцарь — материальные, Пассовер — умственные. Предоставить другим возможность пользоваться этими богатствами Пассовер не пожелал.

Человек-одиночка, «отшельник в миру», как назвал его Винавер, он гордо шел по пути, не избранному, а на который толкнуло его еврейское бесправие. «Силен тот, кто остается один», провозгласил ибсеновский Штокман. Несомненно, в гордом одиночестве Пассовера была большая сила. Но дала ли она ему удовлетворение? Вряд ли.

Пассовер принес на службу праву свои исключительные способности и огромный запас накопленных и постоянно обновляемых знаний. Но что жизнь дала ему взамен? Еврейское бесправие лишило его возможности отдаться делу, к которому его влекло, несчастная любовь его юности лишила его семейного счастья. Осталось лишь гордое одиночество. Никто не был ему действительно близок, и никто его не любил, хотя все перед ним преклонялись. И он не захотел оставить этим чужим ему, нелюбимым людям ничего из своего умственного достояния. Он ушел из этого мира, унесши с собой, в противоположность скупому рыцарю, все свои несметные богатства — свой ум и знание. Но славы своей он забрать с собой не мог. Она осталась жива в сердцах его современников, и образ его, как одного из величайших русских адвокатов, запечатлен его коллегами по профессии.

Пассовер выделялся среди самых талантливых юристов своего времени. «Гулливер среди карликов», писал о нем Гольдштейн. И русское еврейство может по праву гордиться, что оно дало русской адвокатуре А. Я. Пассовера.

М. М. ВИНАВЕР

Однажды В. А. Маклаков, будучи еще молодым помощником, был приглашен известным адвокатом А. Ф. Дерюжинским для разработки одного гражданского дела, два раза выигранного Дерюжинским в судебной палате и во второй раз кассированного Сенатом. Несмотря на то, что дело в палате было дважды выиграно и вопреки советам своих сотрудников, Дерюжинский настаивал на том, что нужно мириться. «Все равно, — говорил он Маклакову, — в Сенате мы этого дела не выиграем. Там выступал оба раза какой-то Винавер, еще молодой ад-

вокат, даже только помощник. Ну, батенька, — это штучка. Ничего подобного я не слыхивал. Сенаторы глядят ему в рот. Что хочет, то с ними делает. Никому, кроме него, теперь дел поручать не стану».[23]

* * *

Максим Моисеевич Винавер родился в Варшаве в 1862 г. и там же окончил университет в 1886 г. Переехав в С.-Петербург, он записался в помощники присяжного поверенного. Как уже упоминалось, в помощниках он пробыл 15 лет, до 1904 года.

Из вышеприведенных слов Дерюжинского следует, что Винавер с первых же шагов в адвокатуре сумел завоевать себе первенствующее положение среди русских цивилистов. К нему стекались самые сложные дела, главным образом для консультации или выступления в Сенате. На сенатскую практику он оказал большое влияние не только своими выступлениями, но и статьями. В редактируемом им «Вестнике гражданского права» он вел отдел хроники, где блестяще комментировал решения Гражданского кассационного департамента Сената по самым разнообразным делам. Хронику эту он превратил в кафедру, с высоты которой обсуждал практику Сената. И Сенат не только прислушивался к мнению Винавера, но и часто следовал за ним.

Влияние Винавера на сенатские решения было особенно важно потому, что Сенат был призван не только комментировать, но отчасти и творить право. В России, правда, судебные решения никогда не приобрели значения полновесного источника права наряду с законом, как это имеет место в англосаксонских странах. Решение Сената было обязательно только по тому делу, по которому оно было вынесено. Сам Сенат на протяжении своей практики нередко отступал от предыдущих толкований, менял свою точку зрения по аналогичным вопросам. И все же роль Сената в создании права была значительна, особенно в конце XIX и начале XX века, когда расцвет промышленности создал сложные гражданско-правовые отношения, которые в узкие рамки X тома и Устава торгового никак не укладывались, и Сенату приходилось восполнять пробелы устаревшего законодательства. Это естественно придавало сенат-

---

[23] В. А. Маклаков: «1905—1906» в кн. «М. М. Винавер и русская общественность начала XX века» (Париж, 1937), стр. 55.

ским решениям и, следовательно, и влиянию на них, особенно большое значение.

Но была еще одна область адвокатской деятельности, где Винавер был незаменим: это были консультации. По самым сложным гражданским делам его консультировали другие адвокаты. При этом Винавер, по свидетельству Б. Л. Гершуна, не считался с тем, какая сторона его консультирует, и выступал в консультации строгим, беспощадным судьей дела.[24]

Назначение адвоката, как было сказано выше, Винавер видел в защите прав личности и в этой защите он не ставил адвокату узких рамок. Он считал «ложным и жалким правилом, ведущим к произволу и отчаянию», принцип, согласно которому адвокат должен принимать лишь те дела, в справедливости которых он уверен; суд, а не адвокат призван раскрыть и утвердить правду; предоставленные самим себе, самые талантливые судьи не в состоянии выполнить это дело. Винавер полагал, что адвокат обязан честно и правдиво изложить суду все, что идет в пользу его клиента. Дело суда разобраться, на чьей стороне право.[25] Адвокат, «идя своим собственным путем, строит, вместе с другими силами, будущее правовое государство», писал Винавер.[26]

Особенно близка его сердцу была защита прав евреев. Он, как и другие его христианские и еврейские коллеги, принимал деятельное участие в организации представительства еврейских интересов в погромных процессах. Особенно значительно было его выступление в Сенате по делу о бездействии власти, возбужденному против кишиневского губернатора после погрома в Кишиневе.

В 1906 г. стало известно о погромной деятельности департамента полиции министерства внутренних дел. Статский советник Макаров представил 15 февраля 1906 г. доклад[27] министру внутренних дел Дурново о том, что в департаменте полиции пишутся и печатаются, под руководством чиновника особых пору-

---

[24] Б. Л. Гершун: «Воспоминания адвоката», Новый журнал, 1955, том XLIII, стр. 145.

[25] Винавер: «Очерки об адвокатуре» (С.-Петербург, 1902), стр. 159—160. Об адвокатской этике см. S. Kucherov: «Courts, Lawyers and Trials Under the Last Three Tsars» (New York, 1953).

[26] Винавер: «Адвокатура и правовое государство» (С.-Петербург, 1905), стр. 32.

[27] Доклад напечатан полностью в газете «Речь» от 5 мая 1906 г.

чений Комиссарова, погромные прокламации, распространяемые департаментом полиции в тысячах экземпляров.[28]

По этому поводу Госуд. Дума предъявила правительству запрос, при обсуждении которого Винавер, в качестве члена Думы, произнес блестящую, горячую речь, в которой он сказал: «...Были пущены в ход средства, которых никогда и нигде в мире не применяла власть, именующая себя государственной. Во всей истории культурного человечества вы не найдете страны, в которой власть дерзнула бы сказать: я, призванная охранять жизнь, спокойствие и порядок, — я, виновная даже если только бездействую, не охраняю жизни граждан, когда на нее посягают другие, — я сама сделаю эту жизнь граждан орудием, я принесу ее в жертву для торжества моих политических замыслов, — и сделаю не открыто, а тайно, крадучись, — вложу нож в руки одних граждан и сделаю их убийцами других, моих же граждан! Да разве вы не видите, что вы или ваши предшественники сделали взаимное уничтожение граждан нормальным средством политической борьбы?» Винавер привел цитаты из донесения по начальству государственного чиновника ротмистра Будаговского, распространявшего среди населения воззвания, призывавшие образовывать дружины, вооружаться вилами и косами и подняться против евреев и революционеров: «...В деле борьбы с революционным движением», писал Будаговский по начальству, «эти распространяемые мною в значительном количестве воззвания окажут существенную пользу. ...Я убежден, что эти воззвания благотворно повлияют на крестьян и удержат их от насилий над помещиками». «И этот государственный чиновник, — воскликнул Винавер, — не только распространяет, но и доводит до сведения начальства, вероятно, зная, что осуществляет нечто желательное наверху. Приведенные цитаты не частная дружеская переписка, не политическая исповедь, это — бумага за номером, писанная по начальству и попавшая в надлежащие руки». А люди, это донесение получившие и стоящие во главе управления, «знали, что подведомственные им чины разбрасывают прокламации, возбуждают одну часть населения против другой, заражают воздух ядом убийства, и, зная все это, молчали». «Власть может и должна», продолжал Винавер, «охранять жизнь и

[28] Комиссаров заявил Макарову: «Какой угодно погром можно устроить: хотите на 10 человек, а хотите — на 10000». Ю. Лавринович: «Кто устроил погромы в России» (Берлин, б. ч.), стр. 217.

спокойствие граждан. Но для этого она прежде всего не должна колебать свои собственные нравственные устои. А вы вырвали с корнем эти устои, потворствуя преступлению, как орудию власти; это орудие развратило тех, кто еще не был в конец развращен. ...Далее, вы разрушили устои твердой власти потому, что вам нужно было создать почву бесправия. Там, где приходится управлять путем восстановления граждан против граждан, нужно ослабить одних, чтобы легче выставлять их под нож других. И вы это сделали мастерски. Вы разводили в течение 20 лет и продолжаете разводить теперь эти бациллы бесправия, ими кишит уже воздух всей России. В этой гнилой атмосфере рождаются те ужасы, смысл которых так страшен для нас и так чужд вам... Тот порядок управления, который вы поддерживаете, не есть проявление власти твердой и сильной: имя ему — анархия».[29]

Кроме адвокатской и политической работы на пользу еврейского народа Винавер принимал участие в «Обществе для распространения просвещения между евреями в России», возглавлял Еврейское историко-этнографическое общество, собиравшее материалы по истории русских евреев, участвовал в русско-еврейском журнале «Восход», председательствовал на съезде еврейских общественных деятелей в Вильне в марте 1905 г., на котором был учрежден внепартийный «Союз полноправия еврейского народа в России», в деятельности которого он принимал живейшее участие.

Наряду с адвокатским дарованием у Винавера был также недюжинный литературный талант, способность увлекательно излагать сухие, узкопрофессиональные вопросы. Он обладал даром обобщения и от обсуждения индивидуальных положений неизменно восходил к общим выводам. В его уме синтетически сливались формальная логика со здравым смыслом.

В противоположность Пассоверу, Винавер много писал. Его перу принадлежит ряд научных и литературных монографий и статей, один перечень которых занимает 8 печатных страниц большого формата.

Значительную часть своей жизни Винавер посвятил политической деятельности. Он был одним из основателей конституционно-демократической партии («к.-д.») и членом ее центрального комитета. Член Первой Государственной Думы по С.-Пе-

---

[29] Государственная Дума первого созыва. Стенографический отчет (С.-Петербург, 1906), том 2, стр. 1135—1136.

тербургу, Винавер был одним из главных руководителей кадетской фракции Думы. Он был в числе подписавших Выборгское воззвание, отсидел за это три месяца в Крестах и был лишен права быть выбранным в последующие Думы. Это, однако, не помешало ему принимать активное участие в работах центрального комитета и съездов партии. Он также был избран в Учредительное собрание по гор. Петрограду.

После разгона Учредительного собрания он уехал на юг России, где принимал участие в борьбе с большевиками и был назначен министром внешних сношений Крымского краевого правительства.

В 1919 г. Винавер покинул Россию и поселился в Париже. Свою политическую деятельность он продолжал и в изгнании: в 1920 г. основал вместе с Милюковым демократическую группу «к.-д.» и в 1921 г. участвовал в учреждении «Совещания членов Учредительного собрания».

В Париже он возобновил также адвокатскую деятельность в качестве консультанта и научную работу: читал систематический курс гражданского права в русском университете при Сорбонне.

В 1923 г. он начал редактировать литературный журнал «Звено».

Сердечная болезнь унесла его в могилу 10 октября 1926 года.

Адвокат, ученый, политик, литератор, Винавер во всех эти областях проявлял чрезвычайные способности, высокий ум, обширные знания и большое ораторское дарование. Он принадлежал к тем немногим избранным, талантливость которых проявляется на любом поприще, на каком бы ни протекала их деятельность, и у которых различные дарования гармонически сплетаются в одно творческое целое.

Но все же интересно поставить вопрос, в какой области своей деятельности Винавер больше всего отличился. Сам он, по свидетельству М. Л. Кантора, говорил, что в жизни у него было три интереса: адвокатура, политика и литература, и что волею судьбы он лучшие свои силы отдал первой, тогда как всего больше влекла его к себе последняя.[30] Быть может это и так. По вкусу ближе всего была ему литература, но прославила его адвокатура. Только в ней достиг он вершин и занял одно из первых мест великого мастера адвокатского дела. А его писа-

[30] М. Л. Кантор: «Право, как искусство» в кн. «М. М. Винавер и русская общественность начала XX в.», стр. 210.

тельский талант дал ему возможность запечатлеть на бумаге свои мысли.

В противоположность Пассоверу, Винавер «не весь умер» и не только осталась по нем неизгладимая память в сердцах его современников, но влияние его скажется и на грядущих поколениях юристов.

Г. Б. СЛИОЗБЕРГ

Генрих Борисович Слиозберг был «не только вождем своего народа, но и его слугой. И, мне кажется, вот этим именно он должен гордиться больше всего. Сказано: сын, снимающий сапоги с ног усталого отца, будет благословен во веки веков. Благословенно будет и имя Генриха Борисовича. Из тысяч мелких дел сложился памятник, равного которому нет ни по величине, ни по красоте, ни по рекам крови и слез, которыми он спаян».[31]

* * *

Генрих Борисович Слиозберг родился в местечке Мир, Минской губернии, в 1863 г. В том же году его отец пе-реехал со всей семьей в Полтаву, где прошли детские и юношеские годы Слиозберга вплоть до окончания гимназии. В 1882 г. он поступил на юридический факультет С.-Петербургского университета. Получив золотую медаль за сочинение по уголовному праву, он считал себя вправе рассчитывать на то, что ему предложат остаться при университете для подготовки к профессуре, о которой он мечтал. Профессора Фойницкий и Сергиевский поддерживали его в этом стремлении, но попечитель округа Новиков не счел возможным даже ходатайствовать перед министром народного просвещения, графом Деляновым, об оставлении еврея при университете.

Также тщетно пытался Слиозберг поступить на государственную службу в Сенат. Несмотря на неудачи, он все же продолжал надеяться, что профессура не останется навсегда для него закрытой и если он напишет серьезный научный труд, за который получит ученую степень, для него сделают исключение и откроют перед ним двери университета. Для пополнения своего образования он отправился за границу, где слушал лекции светил юридических наук того времени в университетах Гейдельберга, Лейпцига и Лиона.

---

[31] М. Л. Гольдштейн: «Адвокатские портреты», стр. 30.

По возвращении в С.-Петербург в 1888 г. он сдал экзамен на степень магистра уголовного права.

Однако, это не открыло ему дороги к профессуре; надежды Слиозберга не оправдались — исключения для него не сделали!

Несмотря на горечь разочарования, у Слиозберга и мысли не возникло о возможности перемены вероисповедания. Любопытный случай рассказывает по этому поводу Грузенберг. Когда Грузенберг, по окончании киевского университета, нагруженный рекомендациями, приехал в Петербург, он явился с письмом к проф. Фойницкому. Фойницкий внимательно прочел письмо и произнес: «н-да; старая история... упорное цепляние за религию, которое так присуще еврейской интеллигенции, хотя она такая же неверующая, как наша... Недалеко ходить за примером, может быть, слыхали про Слиозберга... тоже еврей... Талантливый, умница да, в придачу, работяга... И за границей за свой счет два года проработал... хоть сейчас на кафедру — не осрамит... да, вот, подите ж... хочу оставаться евреем... ну, и оставайся, только перемени метрику...».[32]

Окончательно простившись с мыслью о профессуре, Слиозберг должен был искать источник существования для себя и своей семьи. Он записался в помощники присяжного поверенного и успел получить свидетельство на ведение гражданских дел, почти накануне введения ограничений, вступивших в силу вслед за утверждением Манасеинского доклада.

Но научной работы Слиозберг не прекратил. Слишком уж она соответствовала складу его ума и желаниям сердца. Он много потрудился в С.-Петербургском юридическом обществе, в уголовном его отделении, в качестве секретаря редакционного комитета. В 90-х годах Слиозберг являлся докладчиком юридического общества по всем серьезным вопросам теории и практики уголовного права. Он также принимал активное участие в юридической прессе. Особое внимание петербургского юридического мира привлек его доклад о новых веяниях в уголовном праве, вызвавший оживленные прения среди криминалистов.

Поиски заработка привели Слиозберга к работе по юрисконсультской части министерства внутренних дел. Юрисконсульт министерства искал молодого юриста, который помогал бы ему в разработке министерских дел. К нему направили Слиозберга, и он сделал его своим неофициальным помощником. Это поло-

[32] Грузенберг: «Очерки и речи», стр. 156.

жило начало всей будущей юридической деятельности Слиозберга, как выдающегося знатока административного права. По ходу своей работы Слиозберг получил возможность во всех подробностях ознакомиться с законодательством и административными распоряжениями, опутывавшими густой сетью бесправия русское еврейство. Борьбе с этим бесправием и отдал Слиозберг все свои силы.

Традиционным представителем русского еврейства считался в то время барон Гораций Осипович Гинцбург, посвящавший много времени и внимания еврейским делам. Первенствующее положение, занимаемое бароном Гинцбургом в столице, и личное его обаяние способствовали успеху его никогда не прекращавшихся ходатайств перед высшими властями. Слиозберг был приглашен юрисконсультом конторы Гинцбурга и вместе с ним всецело ушел в дело защиты еврейских интересов.

Он приступил к своей работе во всеоружии исчерпывающих знаний законов, циркуляров и сенатских разъяснений, касающихся евреев. Ограничительные законы, часто неясные и противоречивые, оставляли место для толкования в смысле новых ограничений. Почти по каждому делу приходилось отстаивать благоприятное для евреев толкование закона, проявлять большую изобретательность, изощряться в сложнейших аргументациях, исписывать бесконечное количество бумаг, убеждать, доказывать... Особенно мучительна была борьба за право жительства или, вернее, как писал Слиозберг, «за право жить». Каждое дело о выселении, получившее в сенате неблагоприятное решение могло служить прецедентом для других выселений. Так что каждый отдельный случай превращался в дело чрезвычайной важности для целого ряда людей, и Слиозберг, защищая интересы жалобщика, тем самым являлся защитником всего еврейского населения.

В трех томах своих «Дела минувших дней; записки русского еврея», написанных им уже в изгнании, в Париже, Генрих Борисович рассказал, как после смерти Александра II все теснее и теснее сжимало кольцо ограничений русское еврейство, как с каждым новым административным распоряжением и разъяснением Сената в царствование Александра III, и в особенности Николая II, росло бесправие. Он также описал ту неустанную мучительную борьбу, которую вело еврейство против правительственного гнета. Нужно было упорно отстаивать те немногие права, которыми еще располагали евреи, т. к. про-

извол угрожал уничтожить самую возможность существования еврейской массы, если не отстаивать шаг за шагом эти права теми законными средствами, которые еще оставались в распоряжении евреев.

К Слиозбергу стекались дела ищущих покровительства и справедливости из разных концов России. Он пытался оградить их от притеснений местных властей, хлопотал за лиц, выселяемых усердными губернаторами, возглавлял групповые ходатайства, вел в Сенате принципиальные еврейские дела, выступал в погромном процессе в Гомеле, предстательствовал перед Плеве и Дурново, и не было для него «важных» и «мелких» еврейских дел — «были просто и только еврейские дела».

Слиозберг был настоящим защитником еврейского народа, его неизменным заступником перед лицом власть имущих. И в эту изнурительную, ежедневную, незаметную, но грандиозную по своим размерам и значению, работу, которую он сам назвал «титанической с одной стороны и сизифовой с другой», он вкладывал всю свою душу великого печальника еврейского народа. Таким он и войдет в историю русского еврейства...

А. С. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР

25-го мая 1915 г. хоронили в Киеве Александра Соломоновича Гольденвейзера. Многоголовая, разношерстная толпа провожала гроб на еврейское кладбище. Парные экипажи, элегантные пролетки, простые извозчичьи дрожки растянулись длинной шеренгой. Но большинство следовало за гробом пешком.

Я заметил в толпе пожилого еврея, бедно одетого, на вид типичного ремесленника. Мне захотелось узнать, почему он пришел на похороны, и я спросил его, знал ли он покойного. «Нет», ответил он мне на идиш, «но это же наш «Гольденбейзер».

* * *

Александр Соломонович Гольденвейзер родился в Екатеринославе в 1855 г. После окончания С.-Петербургского университета, он поселился сперва в Москве, а затем переехал в Киев по настоянию известного адвоката Л. А. Куперника, помощником которого он состоял в первые годы. Там и протекла вся его адвокатская деятельность.

В киевской адвокатуре он вскоре занял первое место и считался одним из лучших цивилистов России.

Характеризуя положение Пассовера и Гольденвейзера, Гольдштейн пишет, что оно «шло скорее в глубину чем в ширину. Они имели больше уважения, чем популярности. Их знала не улица; но зато, кто узнавал, — глубоко ценил и бесконечно уважал».[33] Если это и правильно в отношении Пассовера, то никак не в отношении Гольденвейзера, популярность которого в Юго-Западном крае простиралась столь же далеко в «ширину», как и в «глубину». Там не было еврея, кто не знал бы его имени, если даже и называл его «Гольденбейзер» вместо «Гольденвейзер».

Но широка была его популярность не только среди еврейского населения: его одинаково ценили, как евреи, так и христиане. Он был многие годы неоспоримым главой киевской адвокатуры.

На то особое положение, какое Александр Соломонович занимал в Киеве, его выдвинули не только успехи в адвокатской деятельности, но и обаяние его личности. Он был «джентльменом» в самом лучшем смысле этого слова и внушал безграничное уважение к себе всем, кто имел с ним дело. И такое же уважение к нему питал и суд. Коллеги ежегодно предлагали ему председательство в «Распорядительном комитете консультации присяжных поверенных», учреждении, заменявшем совет присяжных поверенных в Киеве, где совет еще не был введен. Однако, он отказывался, так как считал, что этот пост не следует занимать еврею, и его неизменно избирали товарищем председателя. Но он был фактическим руководителем комитета. Александр Соломонович оставался на этом ответственном и трудном посту «живой совестью сословия» до самого своего конца.

«Было во всей его жизни, во взглядах, в отношениях к людям, даже во внешней, благородной, достойной осанке, нечто особенное, что невольно приковывало к себе всех, с кем бы он ни соприкасался. Есть такие люди — они не смешиваются с толпою, как бы она ни была пестра и громадна. Точно печать избранности на их челе. И всякий жест, всякое слово обличает, что все у них свое, все личное, незаменимое».[34]

Но под внешней оболочкой горделивой осанки и благородной сдержанности в обращении с людьми скрывалось горячее сердце, полное отклика к страданиям ближнего. С особенно ос-

---

[33] Гольдштейн: «Адвокатские портреты», стр. 11.

[34] Винавер: «Недавнее», стр. 214.

трой чувствительностью переживал он все, касающееся положения евреев в России. Однако, к активной политической деятельности Александр Соломонович наклонности не имел, хотя всю жизнь живо интересовался социальными и политическими вопросами. Он ни к какой партии не примыкал, не принимал активного участия в выборах, был «одиночкой» — инстинктивно отталкивался от всяких массовых оказательств.

Человек широкого философского образования, Александр Соломонович в молодости увлекался метафизикой и Владимиром Соловьевым, но затем перешел в лагерь позитивистов английского типа, став горячим поклонником Спенсера. В 1904 г. он выпустил большой труд под названием: «Герберт Спенсер. Вопросы свободы и права в его философской системе».

Как убежденному индивидуалисту, Александру Соломоновичу свобода личности была особенно дорога, и понятно, что он избрал единственную профессию, которая в его время в России давала возможность защищать права личности. Он выступал по уголовным делам с большим успехом, внося в защиту обвиняемого свойственные ему благородство тона, тонкость умственного анализа, изящество формы.

Однако, гражданские дела вскоре сделались центром его адвокатской деятельности. То обстоятельство, что он сосредоточил свою работу на гражданских, а не на уголовных делах, не случайность, а имеет глубокую причину, лежащую в воззрении Александра Соломоновича на наказание и уголовный суд.

Уже в одной из своих ранних защит в 1883 году по делу Вайнрупа, он высказал мнение, что на преступника нужно смотреть, как на обыкновенного человека, у которого проявились лишь некоторые уклонения от нормальной человеческой деятельности. Ссылаясь на французского физиолога Клода Бернара, который утверждал, что болезненные явления в сущности не что иное, как чрезмерно напряженное состояние нормальных физиологических процессов и что нужно только поместить больного в нормальную здоровую обстановку, чтобы его вылечить, Гольденвейзер считал, что «такое же воззрение вполне применимо к большинству тех нравственных болезней человека, которые называются преступлениями. В этих случаях достаточно констатировать, что данное преступное посягательство является случайным уклонением от нормального субъекта и предать дело воле Божьей».[35]

---

[35] А. С. Гольденвейзер: «Наказание — как преступление, а преступление — как наказание» (Киев, 1908), стр. 202—203.

В этой речи уже ясно выражена мысль о ненужности наказания. Но вот, в 1899 г. выходит в свет «Воскресенье» Толстого. Книга эта производит на Александра Соломоновича глубочайшее впечатление. В следующем году он читает доклад в Киевском собрании присяжных поверенных на тему: «Преступление — как наказание, а наказание — как преступление (Мотивы Толстовского «Воскресенья»)». Из самого заглавия доклада ясен вывод, к которому приходит Гольденвейзер, — что преступление является наказанием для общества, которое одно, а не злая воля преступника, виновно в его совершении; и что общество, наказывая преступника, совершает преступление и против преступника и против самого себя. И в этом коллективном преступлении участвуют полицейские, судьи, тюремщики, палачи — все те, кто накладывает наказание и приводит его в исполнение.

Для Толстого, и вслед за ним и Гольденвейзера, «грех судебного процесса не во внешностях, а в самом его корне». В существе его они видят продукт «одного лишь своекорыстного стремления людского оберегать свою священную персону и неприкосновенность своего имущества, каких бы это ни стоило насилий над ближним». И они считают, что уголовная юстиция, предназначенная, якобы, для общественного блага и ограждения безопасности в общежитии, на деле является апофеозом эгоизма и душевной черствости.[36]

Мучительный вопрос об уголовных наказаниях не покидает Гольденвейзера и в последующие годы. В 1901 г. он делает в заседании Киевского юридического общества сообщение на тему: «Исправительные заведения в Северо-Американских Штатах»; в 1902 г. читает две лекции в Русской высшей школе общественных наук в Париже о «Вопросах вменения и уголовной ответственности в позитивном освещении»; участвует в международных пенитенциарных конгрессах в Будапеште, Париже, Вашингтоне.

---

[36] Толстой высоко оценил работу Гольденвейзера, посвященную мотивам «Воскресенья». В письме к переводчику этого произведения на английский язык, сыну Александра Соломоновича, Эмануилу Александровичу, Толстой писал: «...не могу не сказать, что этюд Вашего отца с большой силой и яркостью освещает дорогие мне мысли о неразумности и безнравственности того странного учреждения, которое называется судом». Текст письма Толстого приведен в книге А. А. Гольденвейзера «В защиту права» (Нью-Йорк, 1952), стр. 19.

Осуждая систему наказаний, главной целью которой является устрашение, Гольденвейзер говорит, что приверженцы этой системы не приводят и не могут привести ни одного примера, когда одним усилением наказания за известное деяние достигнуто действительное прекращение этих деяний. Он считает, что вред устрашительного действия более пагубен для общественного строя, чем то, против чего оно направлено, что лекарство — более разрушительно, чем болезнь, и приводит изречение, что «наказание есть меч без рукоятки, который ранит не только того, кого им разят, но и того, кто им пользуется».

Однако, Гольденвейзер не следует за Толстым в его учении о непротивлении злу. Он не желает предоставить нарушителям чужих прав свободу от всякой ответственности за преступные деяния, а восстает только против системы причинения страданий путем наказания, которое он хотел бы заменить принципом попечения. «Принцип этот должен сдвинуть и заменить треножник современной карательной системы, опирающийся на начала устрашения, искупления и исправления; ни то, ни другое, ни третье не должно занимать принципиального места в этой системе, ни врозь, ни в совокупности».

В ответ на приветственные речи в торжественном собрании по поводу празднования 35-летия его адвокатской деятельности, Александр Соломонович произнес слова, поразительные в устах человека, всю свою жизнь отдавшего служению суду: «Суд уголовный представляется мне делом, не только превосходящим силы и способности человека, но и делом — в виду цели его, заключающейся в причинении ближнему страданий наказанием, — греховным».[37] В соответствии с этим убеждением, Гольденвейзер за всю свою длинную адвокатскую практику ни разу не выступал в качестве гражданского истца в уголовном деле, т. е. никогда не поддерживал обвинения, и говорил, что когда ему приходилось быть присяжным заседателем, он ни одного обвинительного приговора не взял на свою совесть.

Хотя Гольденвейзер и не дает полной и практически применимой для настоящего времени, при современной степени культуры человечества, системы мер, которые могут быть применяемы к правоотступникам, взамен существующей, идеи его свидетельствуют об его необыкновенной гуманности, благородстве духа и высоком полете мысли.

---

[37] Отчет Распорядительного комитета консультации присяжных поверенных (Киев, 1912), стр. 8.

Перед открытой могилой Александра Соломоновича представитель киевской адвокатуры, прис. пов. И. Н. Пересвет-Солтан, сказал: «Твое участие подымало нашу групповую работу с болота обывательщины и сообщало всему, к чему ты прикасался, веяние идеала. Там, где ты появлялся, всегда начинали звучать в наших душах забытые великие слова. Каждый из нас в твоем обществе чувствовал себя лучше и возвышеннее. Ты всегда и везде будил в нас вечное».[38]

О. О. ГРУЗЕНБЕРГ

Туманным, холодным утром 1908 г. в петербургскую квартиру Грузенберга пришел один из его коллег и просил Грузенберга выступить в то же утро для поддержания жалобы перед Главным военным судом по делу поручика Пирогова, присужденного Приамурским военно-окружным судом к смертной казни.

Грузенберг немедленно отправился в суд. С делом он знаком не был. Просмотреть дело перед заседанием ему также не удалось: докладчик взял бумаги на дом и привез их с собой прямо на заседание. Ничего другого не оставалось, как напряженно прислушиваться на заседании к докладу дела, знакомящему с основаниями кассационной жалобы, и тут же делать нужные выводы.

И вот докладчик читает пункт за пунктом основания кассационной жалобы: первый пункт... «вздор», думает Грузенберг; второй... (тоже); третий... (тоже); четвертый: Пирогов жалуется, что, несмотря на его просьбу, к защите не допустили гражданского защитника, хотя ко времени суда он уже не был военным. («Ребячество», думает Грузенберг: «важно лишь то, кем был подсудимый во время совершения преступления, а не суда над ним»). Между тем доклад приходит к концу, и докладчик оглашает заключительные слова: соучастники Пирогова обвиняются по статье 102-ой Уголовного уложения, а Пирогов — и по 110, 112 статьям Свода военных постановлений. Грузенберг не верит своим ушам и просит повторить заключительные слова. Нет, он не ошибся: Пирогов обвинялся «и» по военным законам, следовательно, наряду со своими соучастниками, также и по Уголовному уложению, что давало ему право на гражданского защитника, право, в котором ему было противозаконно отказано. В од-

[38] Киевская Мысль, 26 мая 1915 г.; Винавер: «Недавнее», стр. 222.

ной букве «и» Грузенберг сумел уловить в течение буквально секунд кассационный повод и спасти жизнь своего подзащитного. В этом деле весь Грузенберг.[39]

* * *

Жизнь Оскара Осиповича Грузенберга была неустанной борьбой: борьбой за существование, борьбой с еврейским бесправием, борьбой за права личности в суде.

Грузенберг родился в Екатеринославе в 1866 г. в довольно зажиточной семье. Когда ему было 13 лет, отец его внезапно умер, оставив без средств многочисленную семью. Незадолго до этого Грузенберги переехали в Киев, где дети поступили в учебные заведения.

Хотя Киевская губерния и входила в черту оседлости, но сам город Киев был изъят из черты, и полиция, чтобы уловить не имеющих права жительства евреев, устраивала облавы по ночам. Явилась полиция и в квартиру Грузенбергов. Дети, как обучавшиеся в учебных заведениях, имели право жить в Киеве, и хотя их мать по закону имела право жительства «для воспитания детей», она была арестована и ее потащили в участок.

Это столкновение с еврейским бесправием оставило неизгладимый след в душе молодого Грузенберга: «Забыть, как унизили мою старуху-мать, никого в своей жизни не обидевшую, значило бы забыть, что если жизнь чего-нибудь стоит, то только тогда, когда она не рабская».[40]

После переживаний этой ночи, после этой муки, у Грузенберга созрело решение отдать свою жизнь на борьбу за права еврейского народа.

По окончании гимназии, когда встал вопрос о выборе профессии, Грузенбергу пришлось считаться с тем, что филологический факультет, куда его особенно влекло, — он увлекался русской литературой — не открывал перед ним никаких возможностей, т. к. педагогическая и научная деятельность для него, еврея, были закрыты; креститься же он не хотел. Единственная профессия, тогда еще открытая для него, где он мог использовать свои огромные способности и боевой темперамент, была адвокатура.

---

[39] Грузенберг: «Поручик Пирогов». Современные записки, 1924, том 21, стр. 237—238.

[40] Грузенберг: «Вчера» (Париж, 1938, стр. 20).

По окончании юридического факультета, он отверг предложение остаться при университете, отказавшись «купить билет в историю ценою ренегатства». Он переехал в Петербург и записался в помощники к прис. пов. П. Г. Миронову. Это было в 1889 г., в год Манасеинского доклада и Грузенбергу пришлось пробыть в звании помощника присяжного поверенного 16 лет...

Уже с первых лет своей адвокатской деятельности Грузенберг вступил на путь «великого защитника еврейства» — так назвал его неизвестный юноша, проходивший по улице имени Грузенберга в Тель-Авиве, когда его спросили, кем был тот человек, чьим именем названа улица.

В 1900 г. виленский еврей Давид Блондес был обвинен в том, что ранил свою служанку, христианскую девушку, чтобы взять ее кровь на изготовление пасхальной мацы. Присяжные заседатели признали Блондеса виновным, но суд назначил ему сравнительно мягкое наказание: 1 год 4 месяца арестантских рот. Виленские евреи не решались подать кассационную жалобу, опасаясь вторичного, более сурового, приговора. Грузенберг горячо запротестовал. Он считал недопустимым примириться с тем, чтобы подобное обвинение тяготело над еврейской религией, не использовав всех средств защиты. По жалобе Грузенберга приговор был кассирован, и Блондес при вторичном разбирательстве дела — оправдан. Этим Грузенберг оказал еврейству неоценимую услугу: не сними он обвинения с Блондеса в употреблении христианской крови, это могло послужить весьма опасным прецедентом для дела Бейлиса.

В 1903 г. Плеве объявил сионизм «противоправительственным движением». Начался ряд процессов, — против А. Д. Идельсона, редактора «Рассвета», и других. Защитой сионистов руководил Грузенберг.

Затем он участвовал в деле о Кишиневском погроме и защищал Дашевского, покушавшегося на одного из подстрекателей к погрому, Крушевана.

В 1911—1913 г.г. — дело Бейлиса. Грузенберг вел защиту, в которой участвовали Карабчевский, Маклаков, Зарудный и Григорович-Барский. Среди защитников он был единственным евреем и чувствовал ту огромную ответственность перед еврейским народом, которая лежала на его плечах, ибо на его долю выпала защита не только Бейлиса, но и еврейской религии и всего еврейского народа.

Свою пламенную шестичасовую речь, в которой он разобрал и разбил все улики против Бейлиса, Грузенберг закончил так:

«...Для того, чтобы сказать виновному злодею, что он — злодей, не требуется мужества. Но если сказать о невинном, вопреки очевидности, что он виновен — для этого требуется не мужество, а нарушение судейской присяги. Избави Господь русского судью от такого мужества... Я твердо надеюсь, что Бейлис не погибнет. Что, если я ошибаюсь; что если вы, г.г. присяжные, пойдете, вопреки очевидности, за кошмарным обвинением. Что ж делать! Едва минуло двести лет, как наши предки по таким же обвинениям гибли на кострах. Безропотно, с молитвой на устах, шли они на неправую казнь. Чем вы, Бейлис, лучше их? Так же должны пойти и вы. И в дни каторжных страданий, когда вас охватывает отчаяние и горе, — крепитесь, Бейлис. Чаще повторяйте слова отходной молитвы: «Слушай, Израиль! — Я — Господь Бог твой — единый для всех Бог!»[41]

Началась первая мировая война, и Грузенбергу вновь пришлось выступить в защиту своего народа.

После первых неудач на фронте, командование без всяких оснований стало обвинять евреев, живших в пограничных районах, в шпионаже и предательстве. Приказы о выселении всех евреев из западных губерний вглубь страны двинули сотни тысяч разоренных людей на восток. В прифронтовой полосе пошли процессы против отдельных лиц и целых еврейских общин, обвиняемых в сношениях с неприятелем. Эти процессы по большей части подлежали ведению военно-полевых судов без участия защиты. Все же как-то защищать было необходимо. И вот Грузенберг взял на себя организацию этой защиты по делам о мнимом шпионаже и предательстве. «И как всегда он отдал этой задаче весь свой талант, все свое святое беспокойство. Только тот, кто стоял близко к этой страшной, мученической работе Грузенберга, мог иметь понятие о том, что

---

[41] «Дело Бейлиса. Стенографический отчет» (Киев, 1913), т. 111, стр. 193. После Февральской революции Грузенберг получил возможность ознакомиться с секретными бумагами по делу Бейлиса, хранившимся в департаменте полиции. Из них следовало, что председатель суда Болдырев ввел в совещательную комнату присяжных переодетого жандарма под видом сторожа для услуг; что два чиновника департамента были командированы на процесс и ежедневно сообщали по телеграфу о ходе дела. В одной из телеграмм выражалась надежда, что «хотя улик нет, но темный состав присяжных, руководясь ненавистью к евреям, осудит и без улик». После оправдания Бейлиса, один из этих чиновников писал департаменту: «Произошла судебная Цусима». Грузенберг: «Вчера», стр. 128—129.

значит самопожертвование. Грузенберг метался от главных военных прокуроров в штабы армий, ища где только возможно было найти защиту, не щадя ни себя, ни своих сил, ни здоровья».[42]

Грузенбергу удалось спасти мельника Чеховского, обвиненного в сигнализации немцам, смягчить участь портного Гольцмана, приговоренного к смертной казни, доказать невиновность мариампольского еврея Гершоновича, присужденного к каторжным работам. Процесс Гершоновича был особенно серьезным и чреватым последствиями: военные власти обвинили Гершоновича в том, что он убедил мариампольских евреев доставлять немцам фураж и лошадей. Таким образом обвинение было косвенно направлено против всей еврейской общины Мариамполя. Грузенберг в течение целого года собирал материал по этому делу. В 1916 г. он добился от главного военного суда пересмотра дела, и Гершонович и вместе с ним вся еврейская община были оправданы. В этом снятии с целой общины позорного пятна — одна из величайших заслуг Грузенберга перед русским еврейством.

Но защита евреев была лишь одной из областей адвокатской деятельности Грузенберга. Всероссийскую славу снискал он себе выступлениями по политическим и общеуголовным делам. Он защищал Милюкова, Гессена, Набокова, как редакторов «Речи»; Пешехонова, Мякотина, Анненского и Короленко по делам «Русского Богатства». Довелось ему также защищать и Троцкого по делу С.-Петербургского Совета Рабочих Депутатов в 1906 г.[43]

В период «ликвидации революции» имело место множество политических процессов в судебных палатах с участием сословных представителей, в военных судах и в кассационных инстан-

---

[42] И. А. Найдич: «Грузенберг и русское еврейство» в кн. Грузенберг: «Очерки и речи», стр. 40

[43] По этому поводу А. Я. Столкинд рассказывает в своих воспоминаниях о Грузенберге любопытный инцидент: Грузенберг встретился опять с Троцким в 1917 г. на совещании в Александрийском театре, на котором Троцкий призывал немедленно прекратить войну. На вопрос Троцкого, понравилась ли ему его речь, Грузенберг ответил: «За годы вашего пребывания за границей... вы не утратили своей эрудиции, своего блестящего ораторского таланта. Но в качестве сенатора у меня для вас готов каторжный приговор». На что Троцкий возразил: «Вы хотите исправить ошибку, которую сделали, защищая меня». Грузенберг: «Очерки и речи», стр. 21.

циях. Каждый обвиняемый находил себе защитника в рядах адвокатуры, что вовсе не означало, что защитник разделял политические убеждения подсудимого или хотя бы сочувствовал им. Так, например, Н. П. Карабчевский, по своим убеждениям весьма умеренный либерал, защищал Сазонова, убийцу Плеве, из чего никак не следует, что Карабчевский сочувствовал террористическому акту Сазонова.

«Как это случилось, что я, — пишет Грузенберг, — немолодой уже адвокат, с твердой репутацией «кассатора», примкнул к политическим защитникам? Что привело меня к ним? Политические страсти? — Нет, — и тогда, как теперь, я был далек от политики. Честолюбие? — Еще менее: честолюбцы идут через политику к известности, но никогда — наоборот. Привел меня случай, а оставили там навсегда переживания юности. Тяжелые, обидные, они вспыхнули через много лет с непобедимой силою, сжигая тонкий налет сытого покоя».[44]

К политическим процессам привела Грузенберга также его вера в роль адвоката, как защитника личности от напора государства, а где же этот напор больше всего проявляется, как не в политических процессах.

«Адвокат может быть пешкой в общественной работе, которую он ведет вне суда. Но когда он вступает в защиту преследуемых государством, он делает свое дело, великое дело! И это дело не меркнет по сравнению ни с какой политической борьбой. Государственный строй меняется. Власть приходит и уходит. Партии слагаются и распадаются. Но незыблемыми остаются те принципы права и свободы, во имя которых адвокат встает на защиту личности», сказал Грузенберг в одной застольной речи.[45]

Редкий громкий уголовный процесс проходил без участия в нем Грузенберга, если не в первой, то в кассационной инстанции. Не было в России равного ему кассатора по уголовным делам. Тому служило его исключительное знание кассационной практики, прекрасный дар слова, а главное необыкновенная находчивость и быстрота умственной работы. Это был не холодно-рассудительный человек, оперирующий превосходным мозговым аппаратом; это была на редкость эмоциональная натура, всецело отдающаяся своему делу. «Драчун милостью Божьей», назвал его П. А. Потехин.

---

[44] Грузенберг: «Поручик Пирогов», стр. 230—231.

[45] См. Е. М. Кулишер: «О. О. Грузенберг как адвокат» в кн. Грузенберг: «Очерки и речи», стр. 18.

Вот как Грузенберг, уже в изгнании, предается воспоминаниям о былых переживаниях во время защиты в военных судах: «Вспоминается метание, вместе с моими сотоварищами, по разным концам страны. Припоминаются мрачные залы судов, угрюмые судьи, равнодушно сосчитывающие человеческую греховность. Наискось от них, за моей спиною, бьется судорожно, жертвенно-радостно молодая, безжалостная к себе самой жизнь. Вот-вот захлестнет ее петля палача. Вот-вот навсегда закроются ставшие мне, почему-то, дорогими глаза, западут виски, заострится нос, — и ужас сжимал мое сердце».

Вспоминается Грузенбергу и охватывавший его душу восторг, когда ему удавалось отвести смертельный удар от своего подзащитного: «Послушайте вы — мудрые, ровные, холодные люди — люди, для которых нет загадок, для которых жизнь ясна, как базарная такса; вы, знающие установленные цены на вещи, людей, даже на идеи: испытали ли вы когда такое счастье?.. Разрезать веревку на шее совершенно чужого тебе человека: разве есть на свете радость глубже и прекраснее...»[46]

Перед больным, состарившимся Грузенбергом, вкусившим горький хлеб изгнания, но все еще печалующимся о судьбе своей «несчастной, бесконечно милой родины», встают знакомые образы, воспоминания о былых переживаниях. Один за другим проходят перед его умственным взором его подзащитные, «все эти беспокойные и бессонные хлопотуны за человеческое счастье. Хороши они были или плохи? Добрые или злые — как мне судить: ведь я всего себя роздал им по кускам».

Да, Грузенберг прожил свою жизнь не только для себя... Ведь он и сам был неустанным «хлопотуном за человеческое счастье».

Не могу закончить эти беглые наброски адвокатских образов, не подчеркнув одну общую черту, свойственную этим, по существу столь различным, людям: это — их любовь к России.

«Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust...», мог сказать каждый из них словами Гёте. Преданные сыны еврейского народа, они вместе с тем горячо любили и свою родину — Россию, и верно служили ей. Антисемитизм, насаждаемый и поддерживае-

---

[46] Грузенберг: «Поручик Пирогов», стр. 230—231.

мый правительством, как мера борьбы против освободительного движения, не проникал в гущу русского народа и не мешал сближению евреев с либеральными и наиболее культурными слоями русского населения. Еврейская масса черты оседлости также прекрасно уживалась с христианским населением, пока не натравляли на нее подонков общества. И такие страшные события, как погромы или обвинения в ритуальном убийстве, разверзали пропасть между евреями и христианами. «Что в том, — сказал на процессе Бейлиса Грузенберг, — что я рос среди вас, учился в вашей школе, учился по вашим книгам, имел друзьями вас, христиан? Я жил вашими болями, вашей скорбью, вашими страданиями. А вот видите, ударил страшный час, раздались слова кровавого навета, и мы разъединены и стоим врагами друг против друга».

Но это были лишь отдельные мучительные минуты; обычно же принадлежность к еврейской национальности легко совмещалась с признанием себя русским гражданином. «Любя свой народ и ценя его превыше всего», писал Слиозберг, «я всегда любил Россию... Приобщение к русской культуре... вполне согласовалось с верностью еврейской национальной культуре».[47] А Грузенберг с умилением вспоминал свои детские годы, когда зарождалась его любовь к России. «Первые слова, которые дошли до моего сознания, были русские. Песни, сказки, сверстники первых игр — все русские». А потом университетские годы: «Русские книги, русские друзья и приятели — весь этот чудный мир молодых мечтаний и бескорыстных увлечений завладел нами всецело, закружил — и поднял высоко над землей».[48]

На вопрос же, за что эта любовь: «за еврейское бесправие, за унижения, за погромы?» Грузенберг отвечал: «Те, кто ставят так вопрос, не знают, что такое истинная любовь. За что любим Россию? Как это объяснить. За то, что. там солнце светит и греет поиному; иначе плывут в небе облака, поет река, хрустит под ногами песок... ну и совесть в ней совестлива по-иному...»[49]

Настоящая любовь беспричинна, а «чувство родины есть не признание и не симпатия, а стихийная эмоция, с которой спорить невозможно», по меткому определению Жаботинского.

---

[47] Слиозберг: «Дела минувших дней», том I, стр. 3—4.

[48] Грузенберг: «Вчера», стр. 5 и 7.

[49] Грузенберг: «Очерки и речи», стр. 160.

Любовь к России была свойственна не только еврейской интеллигенции, но и огромному большинству всего русского еврейства. И я уверен, что евреи в Советском Союзе, несмотря на антисемитизм и новые гонения, также любят свою родину, как любили мы Россию при царском режиме и как продолжаем любить ее в изгнании.

Р. В. ВИШНИЦЕР

РУССКИЕ ЕВРЕИ В ЖИВОПИСИ И СКУЛЬПТУРЕ

Евреи, выдвинувшиеся в России в области искусств, ведут свое происхождение большей частью из Литвы и Белоруссии. Уроженцы Польши, где евреи начинают играть роль в искусстве, как, например, Александр Лессен (1814—1884) или Александр Сохачевский (1839—1923), тяготели к Польше и посвящали свои работы патриотическим польским темам. Симпатий к России у этих художников не было. Национально настроенное еврейское поколение, родившееся в Польше в 60-х годах, тяготело к Западу, и только за редкими исключениями искало доступа в Россию.

Первым евреем-художником, учившимся в Петербургской Академии Художеств, был уроженец Вильны Марк Матвеевич Антокольский (1842—1902). Он был принят в Академию благодаря покровительству жены виленского генерал-губернатора Назимова и мог проживать в Петербурге только благодаря этой протекции. Не имея общеобразовательного ценза, он был принят в Академию вольнослушателем, что не давало ему права жительства в столице. Подготовка Антокольского была первоначально ремесленная. Он работал у резчика по дереву в Вильне и, оставшись в провинции, вероятно украшал бы традиционной резьбой синагогальные кивоты. Ему было нелегко освободиться от детальной ремесленной трактовки сюжетов.

Академия вначале поощряла его, дала ему медаль за «Еврейского портного у окна» (1864) и стипендию за «Скупого в окне». Но когда обнаружилось, что он продолжает работать над рельефами и не проявляет желания взяться за более крупные замыслы и композицию цельных фигур, Академия потеряла интерес к нему. Обескураженный Антокольский уехал в 1868 году в Берлин. Возможно, что работы Шадова, Рауха и Менцеля дали толчок его творческому воображению. Вернувшись в Петербург, он

стал задумывать образы Моисея, Самсона, Исайи, пророчицы Деборы, однако что-то тормозило его и мешало осуществить эти замыслы.

Антокольский объяснял свое творческое бессилие оторванностью от родной среды. «Чтобы воспроизводить евреев так, как я их знаю, необходимо жить среди них там, где эта жизнь кругом тебя клокочет и кипит, а делать это за глаза — то же самое, что художнику работать без натуры», писал он.

Неожиданный успех «Ивана Грозного» (1871) — Александр II лично посетил Антокольского в его мастерской и приобрел бронзовый отливок статуи для Эрмитажа, между тем как Академия игнорировала ее, — определил судьбу Антокольского. Особенно важны были для него одобрительные отзывы И. С. Тургенева и художественного критика В. В. Стасова.

Единодушие двора и интеллигенции в оценке «Ивана Грозного» объясняется поворотом во вкусах того времени. Классицизм эпохи Александра I отступал, под напором передвижников, перед бытовым реализмом. Образ царя, представленный слабым, уязвимым, страдающим, был приемлем для всех кругов. «Петр Великий» и «Ермак» не так ему удались и не имели такого успеха, но «Умирающий Сократ» (1877) и «Спиноза» (1881), выполненный по заказу барона Г. О. Гинцбурга, показали Антокольского во всем блеске развернувшегося таланта. Ясно, что агрессивные типы ему не давались. Технически Антокольский тоже совершил в этих двух работах крупный сдвиг в смысле более обобщенной трактовки и создания более крупных форм.

Вклад Антокольского в область русского ваяния несомненно был значительным. Стоит посмотреть на одну из видных работ И. С. Пименова, руководителя Антокольского по Академии, чтобы стало ясно, что именно Антокольский внес нового. В своем «Парис, играющий в бабки» (1836), последовавшим за «Юношей, играющим в городки» А. А. Иванова, Пименов дал довольно бледный вариант на тему дискометателя греческого скульптора Мирона. Однако, критика видела в этих первых, робких попытках изображения бытового русского мотива зарождение национальной скульптуры. Не отрицая заслуги Пименова, нельзя не отметить, что Антокольский пошел значительно дальше в смысле самостоятельности и психологической интерпретации характеров и ситуаций.

Конечно, Антокольского нельзя ставить в один ряд с бельгийцем Менье или с французом Родэном, владевшими умами

того поколения. Но эти вожди нового направления в скульптуре работали в более интенсивной обстановке Запада, черпая вдохновение в гуще народной жизни, которая не была доступна Антокольскому, и он сознавал это.

Не надо, однако, думать, что русская обстановка не давала стимулов художнику. Антокольский испытал на себе бодрящее и чарующее влияние русской интеллигенции. В своей усадьбе Абрамцево под Москвой промышленник и меценат Савва Мамонтов устроил студию для художников. Антокольский был там желанным гостем. В приветливой атмосфере этого дома он встречался с Репиным, с которым его связывала тесная дружба с первых лет в Академии. Там бывали В. А. Серов, В. М. Васнецов, В. И. Суриков, К. А. Коровин, И. И. Левитан, М. В. Нестеров и многие другие художники. Сын Саввы Ивановича, В. С. Мамонтов, которому было всего семь лет, когда он в 1878-ом году видел Антокольского в Абрамцеве, описывает его в своих воспоминаниях: «небольшого роста, щупленький, болезненный на вид брюнет, он резко отличался своим наружным франтоватым видом и изысканными манерами от обычных гостей нашего дома». Мамонтов сохранил образец юмора Антокольского. Обращаясь к детям, он как-то задал им вопрос: «Милые детки, хотите быть умными?» — «Хотим, конечно хотим, Марк Матвеевич», дружным хором отвечали мы. — «Так будьте».

Все это было очень мило и забавно, и все же нарочито изысканный костюм и манеры и что-то такое, отличавшее Антокольского от «обычных гостей» мамонтовского дома, наводит на мысль, что Антокольский, по-видимому, не чувствовал себя в этом доме «своим». Он безусловно сознавал, что он не «дома», что он витает где-то меж двух культур, бессильный найти синтез, бессильный выявить и собственное культурное наследие, потому что, чтобы «воспроизводить евреев так, как я их знаю, необходимо жить среди них», твердил он. Но жить в черте оседлости было уже для него невозможно. В Петербурге же в 1880-х годах началась травля Антокольского в антисемитской печати, которая не могла допустить, чтобы еврей представлял Россию на международных выставках, получал отличия и прикрывался ореолом России для своего возвеличения.

Антокольский прожил последние годы в Париже, где вращался среди русских художников и был принят в кругу Тургенева. Его постоянно влекло в Россию, и мнение о нем в России было ему ценно. В 1893-м году он повез свою выставку в Петербург, и снова подвергся нападкам реакционной прессы. Умер он

на водах в Гамбурге (Германия), но останки его были перевезены в Петербург, где его похоронили на еврейском Преображенском кладбище.

II

После Антокольского судьбы евреев — питомцев Академии складываются более нормально. Исаак Львович Аскназий (1856—1902), родом из Дриссы, Витебской губернии, был 14-ти лет определен родителями в Академию. По окончании курса Академия послала его пенсионером на четыре года за границу. В Вене, работая у модного тогда Макарза, он усвоил технику больших фигурных композиций. В 1885-ом году, возвратившись в Петербург, он получил звание академика за картину «Моисей в пустыне». Его декоративные библейские картины в ассирийском вкусе имели успех и его работы приобретались русскими музеями. Это было время, когда В. В. Стасов, восхищаясь библейскими иллюстрациями француза Доре, рекомендовал изображать библейских героев в аутентичной восточной обстановке.

Другой живописец, Моисей Львович Маймон (1860—?), происходил из Польши, из Волковышек, Сувалкской губернии. Учился он в художественных школах в Варшаве и Вильне и в 1880-м году был принят в Академию в Петербурге. Его привлекала тема, которая в свое время навлекла на Антокольского гнев Академии. Антокольский задумал изобразить «Нападение инквизиции на марранов за пасхальной трапезой» в виде сцены в подвале с горельефными фигурами и искусственными световыми эффектами — задача, вряд ли выполнимая в скульптуре. Маймон получил за свою картину на эту тему звание академика. Он был бойкий иллюстратор, и его еврейские бытовые сценки издавались в виде приложений к столичным журналам и газетам. В картине 1905-го года он изобразил эпизод Японской войны: евреи солдаты-музыканты, поддерживая раненого священника Щербиновского, ведут полк в атаку. Маймон выставлял свои работы в Амстердаме и Лондоне и по возвращении из-за границы в Петербурге и Москве.

Многим из того, что мы знаем об Антокольском и его времени, мы обязаны его ученику, Илье Яковлевичу Гинцбургу (1859—1939), сыну талмудиста-писателя из Вильны. Привезенный своим учителем 11-летним мальчиком, Гинцбург окончил реальное училище и Академию в Петербурге.

Его обаятельные статуэтки подростков, навеянные школьными воспоминаниями («Подсказывает» и др.), отличались юмором и приятной легкостью. Уже при большевиках в 1919 году Гинцбург основал в Петербурге Еврейское Общество Поощрения Художеств, желая сплотить художников в момент общей неразберихи и разброда.

Контраст, сказывавшийся между Петербургом и Москвой, отражался на характере художественных школ, на атмосфере Академии и Московского Училища Живописи, Ваяния и Зодчества. Этот контраст сказался и на творчестве Исаака Ильича Левитана (1861—1900). Левитан родился в местечке Кибарзы близ Вержболова. Отец его, бывший пограничным чиновником, переехал в Москву, когда сыну было 12 лет и определил его в Училище Живописи и Ваяния, где учился также его старший брат. Любопытно, что Левитан был одно время стипендиатом московского генерал-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова. Тем не менее в 1891-м году он едва не был выслан из Москвы во время массового выселения евреев. Окончил он курс в 1881-м г., а в 1897-м был приглашен преподавателем по живописи в Училище.

Левитан был влюблен в подмосковную природу. Ландшафты его с высоким небом, тихими водами, тоненькими березками, вызывали ответные струны в русской душе. Говорили, что он создал «задушевный пейзаж». Левитан дружил с Чеховым, и его роль в живописи сравнивали с ролью Антона Чехова в литературе. Учителями Левитана были передвижники В. Д. Поленов и А. К. Саврасов. Однако Левитану всякий бытовой или тенденциозный подход был чужд. В 1889-м году он был в Париже, и наибольшее впечатление на него произвели ландшафты Коро с их серебристой дымкой.

Есть много свидетельств об обаятельности Левитана в личных отношениях. Женщины играли роль в его жизни, и Чеховы принимали живейшее участие в его душевных драмах. Левитан выставлял в Товариществе художественных передвижных выставок, потом перешел к Союзу Русских Художников, экспонировал также в «Мире Искусства».

Москвичом можно считать и Леонида Осиповича Пастернака (1862—1945). Родился он, правда, в Одессе и учился в Мюнхене, но преподавал в Московском Училище Живописи, Ваяния и Зодчества. Всем памятны его сценки из Ясной Поляны, набросанные углем портреты Льва Толстого, иллюстрации к роману «Воскресенье» Толстого и др., и иллюстрации к Лермонтову (Изд. Кушнарева, 1896).

Интимность и теплота манеры Пастернака тесно связаны с его русскими сюжетами и русским периодом его творчества. Ему было под шестьдесят, когда он покинул Россию в 1921-м году, в период гражданской войны. Его портреты Бялика, Соколова, метко схваченные, не имели уже обаяния непосредственности. Пастернак выставлял сперва у передвижников, потом, выступив из Товарищества, перешел к Союзу Русских Художников, выставлял также в «Мире Искусства».

В лице Наума Львовича Аронсона (1872—1943) мы имеем художника, более связанного с Западом, чем с Россией. Аронсон родился в м. Креславке и учился в Вильне в рисовальной школе. Перспектива мытарств, связанных с положением вольнослушателя Академии, не улыбалась ему, и он уехал 18-ти лет в Париж, где его ожидали годы тяжелых лишений. Он учился в Школе декоративных искусств (Ecole des Arts dйcoratifs) и в свободной академии Colorossi. В 1897-м году он был принят в «Салон», и успех уже не покидал его. В его бюстах Тургенева, Толстого, Пастера, Бетховена сказалась усвоенная в Париже широкая трактовка пластических форм. В своих этюдах обнаженного женского тела Аронсон обнаружил стремление к элегантной идеализации. Аронсон был слишком ровен и мягок в своих творениях, чтобы занять видное место в европейской скульптуре, но работы его высоко ценились, и он создал ряд памятников и фонтанов. В 1902-м г. он выставлял в Петербурге. Умер он в Нью-Йорке, куда спасся во время второй мировой войны.

III

Было бы ошибкой думать, что роль евреев в русском искусстве исчерпывается Антокольским, Левитаном и Пастернаком, хотя эти имена обыкновенно прежде всего приходят в голову в русско-еврейской среде и с ними ассоциируется все значительное, сделанное евреями в искусстве.

После неудавшейся революции 1905 года культурный климат в России переменился, наступила переоценка ценностей, которая коснулась всех. Не пощажены были и еврейские художники. Эта переоценка не проникла сразу в более широкие круги. Все же на Репина, например, стали смотреть уже как на пережиток славного, но оскудевшего прошлого. «Мир Искусства», «Золотое Руно» и «Аполлон» выдвигали новые эстетические лозунги, подчеркивая свое пренебрежение к идейному и психологиче-

скому содержанию. Однако, новые вожди отказывались видеть эстетические ценности в настоящем. Александр Бенуа, критик и художник, проповедывал возвращение к более далекому прошлому, к классицизму, с которым в России была связана блестящая эпоха архитектуры и портретной живописи. Лидваль, Фомин и другие, в том числе еврей-архитектор Александр Клейн (сейчас преподает в техникуме в Хайфе), строили в неоклассическом духе.

В скульптуре стали увлекаться архаизмом, навеянным. народным лубком, деревянными игрушками и иконами. С. Т. Коненков и Д. С. Стеллецкий руководили этим движением, а в живописи его представляли Н. П. Крылов, С. Ю. Судейкин, Б. Кустодиев. Рерих создавал свой «варяжский» стиль. Наряду с архаистами пользовались успехом поклонники пряного рококо и мечтательных 30-х годов во главе с Сомовым и Борисов-Мусатовым.

Художники стали ездить в провинцию зарисовывать старину. М. В. Добужинский ездил в Вильно и привозил оттуда интересные этюды и зарисовки. Григорий Лукомский привозил из Литвы и Польши наброски церквей, синагог, ратушей и усадебных дворцов. В этой атмосфере исканий, увлеченья новыми кумирами и развенчиванья старых, симпатии и антипатии сильно обострились. Антокольский, Васнецов, даже Левитан ничего больше не говорили ни уму, ни сердцу. Скульптор Леопольд Бернштам (Рига, 1859—?), покровительствуемый Николаем II, вызывал только пожимание плеч. Даже преклонение перед Серовым несколько поколебалось, когда начало казаться, что он еще близок к Репину. Малявинские «Бабы» в кумачевых сарафанах, которыми недавно еще восхищались, были слишком «бытовыми». Чувствовалась нужда в более острых, необычных зрительных впечатлениях.

Критика приветствовала отвергнутую Академией картину Бориса Израилевича Аннсфальда (Бельцы, Бессарабской губ. 1879—), изображавшую оргию красного цвета. Портреты Натана Альтмана, по-новому экспрессивные, нравились своей вычурностью.

Из Парижа приходили сведения об исключительном успехе Дягилевского балета. «Шехерезада» с декорациями и костюмами Льва Самойловича Бакста (1910) произвела сенсацию. Баксту суждено было сыграть совершенно необычайную роль в русском искусстве. Родом из Гродно, Л. С. Бакст (1867—1924) посещал гимназию и Академию в Петербурге. В 1892—95 годах он

учился в свободной Academie Julius в Париже. Он ездил в Грецию, Тунис и Алжир. Он обратил на себя внимание своей изощренной графикой, которая появлялась в журнале «Мир Искусства» в Петербурге, основанном С. П. Дягилевым в 1898 году. Интернациональное имя Бакст завоевал своими сценическими декорациями для Дягилевского балета в Париже. Экзотика Бакста революционизировала даже женские моды. Никогда еще русское искусство не имело такого престижа на Западе, как в эпоху бакстовских постановок. Конечно, им содействовал несравненный русский балет с Идой Рубинштейн, содействовала Дягилевская организация, и на фоне всего этого мощь императорской России тех лет.

Когда после октябрьской революции блеск русского имени несколько померк, критики без труда убедились в том, что в постановке «Спящей Красавицы» в Лондоне (1921) Бакст уже не тот. С поворотом колеса истории вкусы стали опять меняться. Да и творческие силы самого Бакста уже иссякли в эти последние годы его жизни.

IV

Между тем, на Петербургском горизонте всходила новая звезда. Около 1910 года в школу Бакста и Добужинского явился с рекомендацией Л. А. Сева Шагал. Марк Захарьевич Шагал (р. в Лиозно близ Витебска, по словам Шагала, в 1889 г.), жил в Петербурге, — вернее мытарствовал в Петербурге — с 1907 года. В школу барона Штиглица, которая давала право жительства, ему попасть не удалось. Он поступил в школу Общества Поощрения Художеств, а для обеспечения права жительства приписался в качестве служителя к прис. пов. А. Гольдбергу. По рекомендации скульптора Гинцбурга, барон Д. Г. Гинцбург назначил ему на некоторое время стипендию в 10 рублей в месяц. М. М. Винавер устроил его в помещении издательства «Разум».

Бакст принял Шагала в школу, но к его рисункам относился весьма критически. Все складывалось очень неудачно, когда Винавер обещал Шагалу поддержку, давшую ему возможность уехать в Париж. В Париже Шагал попал в круг передовых французских писателей и художников. Импрессионизм, постимпрессионизм, гогеновская экзотика были преодолены, на очереди были конструктивизм, начинавшийся уже при Сезанне, и узорчатая красочность Матисса.

Шагал был слишком проникнут образами еврейской провин-

ции, чтобы отказаться в своем творчестве от содержания в пользу кубизма, разбивающего предметы на абстрактные геометрические фигуры. Он, однако, усвоил от кубизма метод упрощения форм и способ помещать в пределах одной композиции разные элементы, сочетание которых в реалистической живописи было бы трудно мотивировать. Благодаря кубистской разбивке поверхности и изощренной трактовке красок, материал Шагала, по существу бытовой, приобрел новое лицо.

Развитие Шагала и его формирование в России все еще недостаточно исследованы. Указывали на влияние лубка и икон, но мало обращали внимания на то, что Шагал сам отметил в своих своеобразных воспоминаниях. По его словам, он, будучи в 5-м классе училища в Витебске, натолкнулся на «Ниву» и взялся копировать из нее иллюстрации. В «Ниве» Шагал мог найти Васнецовскую «Птицу радости» и «Птицу печали». Упоминает он также, между прочим, город Могилев. Как известно, Шагал любит называть Исаака Сегала, который расписал в 18 веке деревянную синагогу в Могилеве на Днепре, своим «дальним» родственником. Есть ли в этом утверждении какое-либо основание, помимо сходства имен, мы не знаем. Но могилевская роспись интересовала собирателей старины и художников — фотографии частей могилевской росписи были опубликованы в «Истории Еврейского Народа» в Москве в 1914 г. Копии росписи в красках, сделанные Б. Л. Лисицким, появились в Берлине, в журнале «Римон» и в параллельном издании «Мильгром» в 1923 году.

Шагал мог ознакомиться с этим материалом гораздо раньше. Здесь в шатровой крыше старой синагоги можно было видеть мифического змия, львов с человеческими глазами, домик на колесах и другие чудеса.

В петербургский период Шагал, конечно, имел возможность ознакомиться на выставках с новым французским искусством, не говоря уже о современном русском искусстве. Из его воспоминаний интересно отметить сон о Врубеле. Ему снилось, что М. А. Врубель, таинственный художник Врубель, которым восхищались в те дни в России, — его брат. Врубель тонет и отец Шагала говорит ему: «Наш сын, Врубель, утонул. У нас остается только один сын-художник, ты, сын мой»...

Шагал, по-видимому, идентифицировал себя с Врубелем, и с изумительными Врублевскими церковными фресками и иллюстрациями к Лермонтову шагаловская живопись действительно имеет что-то общее.

В Париже Шагала ждали иные впечатления. Его интриговал Пикассо, и он, судя по его воспоминаниям, просил писателя Аполлинера познакомить его с ним. Если у Шагала еще был какой-нибудь пиетет по отношению к логике реального мира, то Пикассо освободил его от последних сомнений в правильности субъективного подхода к действительности. Субъективизм Шагала, однако, нельзя понимать в смысле полной оторванности от жизни. То, что так озабочивало Антокольского, — потеря связи с родной средой, — никогда не беспокоило Шагала. У него есть какое-то врожденное жуткое чувство, — du geste juste, вроде как у некоторых писателей имеется врожденное чувство du mot juste. Он помнит жесты, мимику, выражения лиц, и не только витебских евреев, но и витебских мужиков, русских торговок, русского солдата. Вся эта фантасмагория жестов навсегда зафиксирована в его зрительной памяти.

Мы не можем останавливаться на биографии Шагала, который в начале Первой Мировой Войны вернулся в Россию, в 1919/20 году расписывал зал Еврейского Камерного театра в Москве и, после неудачной художественно-административной деятельности в Витебске, вернулся в 1922-м году в Париж, остановившись на короткое время в Германии. Спасшись во время Второй Мировой Войны в Америку, он после окончания ее вернулся во Францию.

V

В 1920-х годах, во время гражданской войны, многие художники покинули Россию; одни задержались в Германии, другие прямо направились в Париж, кое-кто эмигрировал в Америку, а кое-кто вернулся в Россию.

У нас нет возможности проследить судьбы еврейских художников в России. Накануне Первой Мировой Войны стали выделяться Певзнер, Габо, И. И. Бродский (1884—1939), из старшего поколения памятны Осип Эммануилович Браз (Одесса, 1872—), А. Лаховский, Я. Ф. Ционглинский. Среди тех, кто жили в Берлине в начале 1920-х годов, выделялся Иссахар Рыбак (Елисаветград, 1897—1935). Его преследовали в те годы эпизоды украинских погромов, жертвой которых пал его отец. Он увековечил их, — если эти работы вообще сохранились, — в серии небольших картонов, писанных в темных тонах иконописи. В 1926-м году он посетил еврейские колонии в Крыму, откуда привез очень непосредственные, полные жизнерадостности эскизы, ри-

сующие быт еврейских земледельцев. В последние годы своей короткой жизни он работал в Париже над еврейскими народными типами в керамике. Его статуэтки были исполнены в Севрской мануфактуре.

Мане Кац (Кременчуг, Полтавская губ., 1894) писал в ярких задорных красках хасидских юношей. Под подернутым сероватым небом Парижа его краски сделались более нюансированными, и его живость приобрела большую тональность.

Макс Бано (Науместис, Литва, 1900) пробыл в Берлине 1920—1922 гг., а затем переселился в Париж. Его ранние портреты, строго линеарные и плоскостные, обнаруживали влияние Бориса Григорьева. С годами его стиль приобрел более эмоциональный характер. Один из главных его мотивов «Мать с сыном». Он живет в Лос-Анджелесе.

Короткое время подвизался в Берлине Лисицкий, копировавший могилевскую стенопись. Он был последовательный конструктивист, представляя русское супрематистское движение.

Некоронованным вождем парижской группы был Хаим Сутин (Смиловичи, 1894—1943), пошедший дальше Ван Гога в исступленном экспрессионизме красок.

Среди более ста евреев художников, депортированных из Парижа во время немецкой оккупации в 1942—1944 гг., назовем Альфреда Федера (1887—1943), родом из Одессы, скульптора Моисея Когана (1879—1943), р. в Оргееве, Бессарабия, и престарелого скульптора Бернштейна-Синайского (1867—1944), родом из Вильны. Из выживших и ныне живущих в Париже надо упомянуть скульпторшу Хану Орлову (Старо-Константиновск, Украина, 1888), художницу большого формата. Она приобрела интернациональное имя своими строго стилизованными, полными динамики портретными статуями и бюстами. Выдвинулся также художник Бен, уроженец Белостока. Парижская группа почти сошла на нет из-за депортаций и эмиграции в Америку.

Переходя к американской группе, приходится отметить образовавшиеся в ней наслоения. Здесь еще недавно можно было встретить представителей русского передвижнического направления, Марка Иоффе (Двинск, 1864—1941), Иоеля Левита (Киев, 1875—1937), учившегося в Петербурге, и кое-кого еще.

Саул Раскин (Ногайск, Таврической губ., 1878), летописец природы и быта еврейской Палестины и иллюстратор, работает в стиле реалистического жанра. Аббо Островский (Елисаветград, 1889) известен главным образом как основатель художест-

венной школы Educational Alliance в Нью-Йорке, из которой вышло много видных художников. Он и Раскин иммигрировали в начале 20-го века. Оба учились в юности в Одессе и сохранили в своем облике кое-какие следы русского прошлого.

Аврам Маневич (Мстиславль, Могилевской губ., 1881—1942), учившийся в Киеве и Мюнхене, выставлялся в 1907—10 г. в Союзе Русских Художников, в «Мире Искусства», и с 1912-го г. в Париже. Его виды Москвы написаны с большим мастерством. Импрессионист, один из немногих в России, он в 1920-х годах обнаруживает наклонность к более линеарному, узорчатому стилю. Он приехал в Америку в 1922 г.

Значительно американизировались Авраам Валковиц (Тюмень, Сибирь, 1880) и Макс Вебер (Белосток, 1881). Оба попали в Америку детьми. Вебер был одним из пионеров нового искусства в Америке. Оба считаются коренными американскими художниками, по крайней мере в нью-йоркских художественных кругах. Вполне интегрированными членами американской сцены надо считать также выдающуюся скульпторшу Минну Гаркави (Либава, 1895), скульптора Вильяма Зохара (Юрбург близ Ковно, 1887) и своеобразнейшего живописца и графика Бен Шана (Ковно, 1898).

Список этот можно было бы значительно расширить, но ни одно из имен, которые мы бы прибавили, не изменило бы впечатления ассимиляции русско-еврейских художников в американской художественной атмосфере. Пожалуй, Наум Чакбасов (Баку, 1899) обязан своей яркой красочной гаммой кавказскому прошлому, но сказать это с уверенностью нельзя, так как он мог черпать и из других источников. Борис Аронсон (Нежин, 1900), театральный декоратор, иммигрировавший в Америку в 1924-м году и принадлежавший временно к берлинской группе, сохранил еще какую-то культурную связь с группой выехавших из России в начале 1920-х годов. Конечно, и скульптор Жак Липшиц (Литва, 1891) больше француз, чем американец и больше русский, чем француз. В последнее время наблюдаются еврейские религиозные мотивы в его творчестве. Берлино-парижская иммиграция русско-еврейского происхождения еще носит в Америке свой особый отпечаток. Но с ней исчезнут последние следы русского прошлого в еврейском художественном творчестве в Америке.

Они всецело идентифицируют себя со страной, с ее языком и достижениями. Место рождения вряд ли может еще много сказать об их умонастроении и творчестве.

В Израиле Борис Шац (Ворна близ Ковно, 1866–1932), ученик Антокольского, создает в Иерусалиме из ничего, собственными руками школу прикладного искусства и музей, которые являются центром художественной жизни в Израиле. Школа празднует свой 50-летний юбилей. В Израиле осела значительная группа художников из России. Там более, чем где-либо, художники русского происхождения срослись со страной, может быть оттого, что многие из них были среди первых пионеров-колонистов.

Россия была резервуаром непочатых сил, но она редко была для художников вдохновителем, учителем, руководителем. Эту роль взял на себя Запад, преимущественно Франция. Это и понятно: в отсталой, аграрной стране, с ее стеснительным еврейским законодательством широких возможностей для еврея-художника не было. Рано или поздно ему приходилось покидать страну. Одному Левитану было дано по характеру творчества прият Россию, какой она была, и она приняла его с любовью. Не надо забывать, конечно, роли отдельных благожелателей, — от чинов Двора до того жандарма, у которого Шагал снимал комнату, — в жизни еврейских художников. Случай, влиятельное покровительство помогали им в тяжелые моменты. Но если они выбивались и добивались своего, то они больше всего были обязаны своим успехом себе, своей инициативе, стойкости и удивительной закаленности.

БИБЛИОГРАФИЯ

В. С. Мамонтов, Воспоминания о русских художниках. Абрамцевский художественный кружок. Москва, Издание Академии Художеств 1950.

Сергей Глаголь и Игорь Грабарь, Исаак Ильич Левитан, Москва, Кнебель.

Clara Brahm, «Levitan, Landscape Painter», The Menorah Journal, XL, № 1 (Весна 1952), стр. 86—97.

Я. Д. Минченков, Воспоминания о передвижниках, Гос. Изд. «Искусство», 1940.

Louis Lozowick, Modem Russian Art, New York, Museum of Modern Art, 1925.

Сергей Маковский, Страницы художественной критики, С. Петербург, Изд. Аполлона, 1913, книга 3-я.

Rachel Wischnitzer, «Jewish Art», The Jewish People, New York, Jewish Encyclopaedic Handbooks, 1952, vol. Ill, стр. 268—323.

Воспоминания *Люси Маневич-Виданс,* дочери художника (рукопись).

Marc Chagall, Ma Vie, Paris, Stock, 1931.

Б. Аронсон, Марк Шагал, Берлин, Петрополис, 1923.

ГЕРШОН СВЕТ

РУССКИЕ ЕВРЕИ В МУЗЫКЕ

Иосифу Ясселу
благодарный автор

В книге «Русские пианисты»[1] советский музыколог А. Алексеев приводит из № 92 «Северной Пчелы» за 1838 год объявление о том, что «юная девица Юлия Гринберг, десяти лет, будет иметь честь дать музыкальное утро». «Одушевленная игра молодой виртуозки не раз восхищала одесскую и харьковскую публику. Верность и полнота игры, чувства и стиля, столь превышали нежный возраст фортепианистки, что слушатели были восхищены. Не руки слабой малолетней девицы прикасались к клавишам; казалось, сам Мейер, Гензельт, Мошелес и Тальберг попеременно садились за инструмент; огромный зал Дворянского Собрания был переполнен» — писали о ней тогда. Юлия Гринберг была ученицей Гензельта, затем училась у Фишгофа в венской консерватории. Она давала концерты в разных городах Европы. В Германии ее прозвали «Русской Кларой Вик».[2] В 1845-м году она снова играла в Петербурге уже 17-летней девушкой и имела еще больший успех, чем когда была «вундеркиндом». «Этюды Мошелеса, пьесы Гензельта, Скарлатти и Тальберга Юлия Гринберг «разыграла» с необыкновенным вкусом, легкостью, быстротой и певкостью (?), доступными только первоклассным артистам», писала о ней та же «Северная Пчела» (№ 100 за 1845-й год). Родившись в семье врача-еврея, она впоследствии вышла замуж за сенатора Тюрина и, по-видимому, крестилась.

Выступления в больших центрах России и Украины «малолетней девицы» Юлии Гринберг, бывавшей и в доме родителей Антона Рубинштейна, имели место в конце 30-х и середине 40-х годов прошлого века. Кроме нее, в 30-х г.г. 19-го столетия пожинал артистические лавры в больших центрах Западной Европы «виртуоз на соломенной гармонике» Михаил Иосифович Гузи-

---

[1] Изд. Музгива. Москва 1948.

[2] Знаменитая пианистка того времени, жена Шумана.

ков; уроженец Шклова. Он родился в 1806 г. (по другим источникам — в 1809-м г.) и умер 21-го октября 1837-го года в Аахене, в Германии. Гузиков играл на им самим построенном цимбале с деревянными и соломенными пластинками. Своей игрой он привел в восторг знаменитого польского скрипача Липинского. По совету французского поэта Ламартина, случайно слышавшего его игру в Одессе, Гузиков предпринял турне по Европе и всюду вызывал фурор. Гузиков давно забыт; его имя сохранилось только в музыкальных энциклопедиях и словарях. Между тем, это был гениальный самородок, игра которого восхитила такого великого музыкального творца, как Феликс Мендельсон-Бартольди, после концерта Гузикова писавшего своей матери (письмо от 18-го февраля 1836-го года), что Гузиков — «истинный гений». В Вене Гузикова прозвали «Паганини на инструменте из дерева и соломы».

Гузиков был религиозен, носил бороду и пейсы. В черном хасидском кафтане, с атласной ермолкой на голове, он выступал и на эстраде. Однажды его в Вене пригласили играть в императорский дворец, где он выступал и до того. На этот раз приглашение выпало на пятницу вечером, и Гузиков, строго соблюдавший обряды, отклонил приглашение.

«Малолетняя девица» Юлия Гринберг и «Паганини на цимбале из дерева и соломы» Гузиков были единичными проявлениями участия виртуозов еврейского происхождения в концертно-музыкальной жизни России того времени. В обеих столицах и особенно в Киеве, Одессе, Харькове и других городах концертная жизнь в 40-х г.г. была слабо развита. Но первоклассные, а нередко и второразрядные заграничные артисты, как некая «ученица Шпора», «первая жена Фильда», итальянка Каталани, скрипач Липинский, или такие «вундеркинды», как Юлия Гринберг, привлекали полные залы слушателей. Среди слушателей уже и тогда были евреи, хотя и в незначительном числе.

В 40-х г.г. в еврейских центрах проживало немного еврейской интеллигенции, зажиточных купцов и промышленников. Полвека спустя в таких городах, как Киев, Одесса и Харьков, евреи составляли уже значительный процент, если не большинство, не только среди посетителей концертов, но и среди учителей музыки и артистов симфонических концертов.

Антон и Николай Рубинштейны. Основав в 1859-м году Императорское Русское Музыкальное Общество, и, три года спустя, первую русскую консерваторию в Петербурге; великий пианист и композитор Антон Рубинштейн положил начало музы-

кальной культуре в России, давшей миру гениальных творцов и блестящих виртуозов-исполнителей, которыми и в наше время продолжает поражать мир Советский Союз. Антон Рубинштейн, вместе со своим младшим братом Николаем, — основателем отделения Музыкального Общества л консерватории в Москве, — явились в этой области пионерами.

Об обоих братьях Рубинштейн (Николая многие считали пианистом не меньшего калибра, чем Антон) опубликовано множество работ на разных языках. В 1957 г. в Государственном Музыкальном Изд-ве в Ленинграде, вышел первый том труда музыколога А. Баренбойма «Антон Рубинштейн, творчество, музыкальная общественная деятельность», в котором впервые использованы материалы государственных архивов, как и частных архивов семьи Рубинштейн. Антон был, как известно, крещен своим дедом по отцовской линии, Романом Ивановичем, бердичевским купцом. Сестра Рубинштейна, Софья Григорьевна, сообщила писателю В. Сторожеву, что «крестив всю семью, дед, по-видимому, стремился угодить Николаю Первому». Роман Рубинштейн был умным, энергичным и предприимчивым человеком, но в деловой тяжбе с могущественным польским магнатом кн. Радзивиллом он потерял состояние и оставил обширную семью из 35 душ без средств.

Все они были им крещены в июле 1831-го года, когда Антону было всего два года. Николай родился в 1835-м году.

Оба брата Рубинштейны были музыкантами мирового масштаба. Как пианист, Антон во всем мире имел только одного соперника — Листа. Были ценители, утверждавшие, что Рубинштейн своей игрой превосходил Листа. Как дирижер, Рубинштейн не обладал, по-видимому, столь же высокой техникой, но для той эпохи он и в этой области был артистом крупного калибра. Симфонические концерты под его управлением были центральными событиями музыкальной жизни Петербурга.

Вдохновенные исполнительские замыслы Рубинштейна — пишет его биограф — требовали для своего воплощения безукоризненного оркестра и хора. Тогдашний оркестр и хор Русского Музыкального Общества этому требованию не отвечали. Оркестр был сборным, а не постоянно действующим коллективом. На каждый концерт отводились одна-две репетиции. Давать в этих условиях каждый сезон по десять симфонических концертов было сложным делом. И все же Рубинштейну удавалось добиваться прекрасных результатов, что признавали даже его противники, как, например, Балакирев. Кюи, считавший, что Ру-

бинштейн дирижирует неровно, тоже признавал, что некоторые произведения он исполняет «чудесно, безукоризненно». — У Рубинштейна — писал Кюи — не было тонкой отделки деталей, как у Бюлова, но общие линии, главные идеи у него выступали с замечательной рельефностью. Едва ли мы, писал Кюи, услышим такую грандиозную передачу Бетховенской Девятой Симфонии, как в его исполнении.

Рубинштейна-композитора в наше время принято расценивать не высоко. Его оперы и оратории, если и исполняются, то очень редко; пианисты порой еще играют тот или иной его фортепианный концерт. Иногда в советских оперных театрах ставят «Демона», который в 1890-х и 1900-х годах был одним из гвоздей репертуара всех русских оперных театров. Только чудесные «Персидские песни» продолжают жить в концертном репертуаре, благодаря, главным образом, незабываемому исполнению Шаляпина. Из «Персидских песен» «Клубится волною кипучею Кур» на слова Мирза-Шафи в течение нескольких дней завоевала всеобщую популярность в России.

Рубинштейн был плодовитым композитором. Он оставил после себя свыше 200 опусов, среди них ряд монументальных произведений, — опер, ораторий, симфонических пьес, фортепианных концертов, произведений камерной музыки и др. Постоянно перегруженный бесчисленными обязанностями, много концертировавший в самой России и за границей, как пианист и дирижер, много путешествовавший по свету, в то же время оставаясь на посту директора Музыкального Общества и Петербургской консерватории, Рубинштейн свои музыкальные произведения писал большей частью наспех и выпускал их в свет не всегда выношенными и созревшими. Поэтому в рубинштейновской музыке наблюдаются частые срывы; наряду с замечательными, вдохновенными страницами в ней встречаются общие места, длинноты, бесформенность фактуры и т. д. Но все распространенное в наше время отрицательное мнение о Рубинштейне-композиторе будет когда-нибудь пересмотрено. Во всех его произведениях, даже в заведомо слабых, имеются подлинные музыкальные перлы. В «Демоне», в ораториях «Вавилонское столпотворение», «Потерянный рай», «Моисей», в симфонии «Океан» и др. много прекрасной, искренней, вдохновенной музыки, писать которую способны только избранные. Рубинштейн, а не Римский-Корсаков, как принято считать, был творцом первой симфонии в России. Его фортепианные концерты с оркестром положили начало и этой музыкальной фор-

ме в русской музыке. Они были предтечами фортепианных концертов Чайковского, Рахманинова, Скрябина, позже Прокофьева и Шостаковича. Чайковский, учившийся у Рубинштейна, очень высоко ценил его, как композитора. Чайковский чрезвычайно высоко ценил также Николая Рубинштейна, по приглашению которого он стал профессором Московской консерватории и посвятил его памяти свое знаменитое трио («На смерть великого артиста»).

О том, что Рубинштейн, как пианист, был гениален, давно уже не спорят, хотя «кучкисты» и недооценивали его даже в этой области. После одного из концертов Листа кто-то из «кучкистов» сказал, что он играет «еще хуже Рубинштейна». О пианистической игре Рубинштейна имеется много свидетельств таких музыкантов, как Лист, Мендельсон, Сен-Санс и др., не оставляющих сомнения в его великом мастерстве.

— «С первых же звуков Рубинштейн неудержимо захватывал слушателей, как бы заражая их гипнозом своей мощной художественной личности. Слушатель терял способность рассуждать и анализировать, он безропотно покорялся стихии его вдохновенного искусства. По богатству звуковых красок исполнение Антона Рубинштейна не может идти в сравнение с игрой ни одного из пианистов... Звучность «У источника» Листа на фортепиано напоминала влажный, прозрачный, звенящий плеск воды... В его исполнении соната Бетховена в первой части цис-мольной сонаты — поражала скупая, почти беспедальная звучность триольного фона, какие-то не фортепианные певучие ноты мелодического голоса, неудержимо страстный поток финала с его аккордами сфорцетто, на которые Рубинштейн всякий раз как бы обрушивался». Так пишет о нем наш современник, известный пианист и музыкальный педагог А. Б. Гольденвейзер.[3] В Вене, в сезон 1857—1858 года о нем писали, что его игра превосходит игру Листа и Клары Шуман-Вик.

Рубинштейн был по происхождению евреем, как по отцу, так и по матери. Сказалась ли еврейская кровь в его музыке?

— «Из творческого наследия Рубинштейна, — пишет его биограф, — выдержало испытание временем то, что опиралось на национальные основы и национальные традиции, как «Персидские песни» с их восточным колоритом, хоры из оперы «Демон», арии и хоры из библейских ораторий и т. п.»

---

[3] См. «Историю русской музыки», изд. Мусиздата, Москва, 1940.

— «В доме Рубинштейна, — пишет Баренбойм, — звучал своеобразный интонационный комплекс восточного склада, музыкальный сплав, включавший в себя, в частности, молдавские и еврейские песни и танцы». (Рубинштейн, как известно, родился в Бессарабии). Такого рода «переднеазиатский музыкальный субстрат» был широко распространен на юге России. В детстве Рубинштейн неоднократно слышал от матери, хорошей музыкантши, песню еврейского склада, которую он впоследствии использовал в своей опере «Маккавеи». «Я был уверен, писал он матери, — что это еврейская народная мелодия. Если же она сочинена Вами — простите ошибку!» «Можно не сомневаться в том, — пишет его биограф, — что мать Рубинштейна, сочинявшая музыку, основанную на еврейских мелодических оборотах, играла ему и другие такого рода народные песни и танцы».

Рубинштейн не относился безразлично к своему еврейскому происхождению.

В последние годы своей жизни он собирался написать оперу на современный и не библейский, еврейский сюжет, и через газеты просил пишущих на такие темы предлагать ему либретто. От покойного философа Ительсона, погибшего от последствий нападения гитлеровцев в Берлине, я слышал, что он, в ответ на этот рубинштейновский призыв, принес композитору либретто на тему о преследованиях евреев в эпоху крестовых походов, которое, однако, Рубинштейну не понравилось.

Антон Григорьевич предложил Ительсону, тогда молодому студенту, написать для него другое либретто, в котором центральной фигурой был бы еврей типа Фигаро в «Севильском Цирюльнике». «Достаточно нам, (так Рубинштейн выразился: «нам») хныкать, вспоминая ужасы прошлого. У нас ведь нет выхода, нам ведь необходимо жить бок о бок с «ними», так какой же смысл в вечном нытье и хныканье, в воспоминаниях об инквизиции и гетто, о погромах, преследованиях? Дайте мне, наоборот, веселого, жизнерадостного еврея, высмеивающего «их»!..

По своему официальному положению в Петербурге, вращаясь в придворных кругах, живя во дворце великой княгини Елены Павловны, Рубинштейн ходил в церковь, но тянуло его к «Маккавеям», «Вавилонскому столпотворению» и еврейскому «Фигаро». Брат его, любимец Москвы, Николай, был абсолютно ассимилирован и о том, как он воспринимал свое еврейское происхождение, неизвестно. В опубликованных о нем работах никто не коснулся этой темы.

Вторая половина 19-го века. В 60-х годах 19-го века русские евреи еще не приобщились к европейской музыкальной культуре. Но уже в ту эпоху из рядов русского еврейства вышли отдельные музыканты большого калибра. Среди преподавательского состава первой русской консерватории в Петербурге, помимо Рубинштейна, числились оба брата Венявские — скрипач Генрих и пианист Иосиф, — оба блестящие виртуозы, сыновья врача из Люблина, и один из самых крупных русских виолончелистов того времени Карл Юльевич Давыдов (1838—1889), сын врача из городка Гольдинген, Курляндской губернии. О них — ниже.

Еврейские массы в России жили обособленно. Начавшаяся укореняться в жизни русской интеллигенции музыкальная культура, которую насадили братья Рубинштейны в Петербурге, Москве и других городских центрах, концертная жизнь в обеих столицах и в больших городах Украины, Белоруссии, Литвы, Польши — все это не соприкасалось с бытом еврейских масс, которые в концерты и на оперные спектакли не ходили. Их музыкальные запросы удовлетворялись преимущественно домашним пением и музицированием (игра на скрипке в хасидской среде была очень распространена), свадебными оркестрами и их прославленными виртуозами, как Педацур и др., равно как и сладкопевцами синагогального амвона, знаменитыми канторами. Последние, с хорами синагог Одессы, Бердичева, Вильны, Кишинева, Варшавы и др. разъезжали в зимние месяцы, а нередко и летом, по городам и местечкам Подолии, Волыни, Литвы, Белоруссии и давали там публичные богослужения-концерты, привлекавшие массу слушателей. Для еврейских народных масс «гастроли» канторов с их хорами, как и игра свадебных оркестров, были тогда тем же, чем для русской интеллигенции столиц и крупных центров были симфонические концерты Рубинштейна или гастроли итальянских певцов и инструменталистов-виртуозов.

Хазаны и канторы. По своим голосовым данным, певческой одаренности и вокальному мастерству популярные хазаны и канторы России в первой половине прошлого века немногим уступали популярным итальянским певцам, даже таким, как Мадзини, Тамберлик, Рубини, и др., певшим в ту эпоху в России. Кантором обычно называли хазана т. наз. хоральной синагоги, в которой богослужение было уже в известной степени реформировано на новый лад, вроде венского или берлинского, хотя и без участия органа. В первой половине 19-го века среди хазанов

в России славились Бецалел-Шульзингер, Сендер Минский, Дэр Вильнер Балэбэсл, Барух Карлинер, Иерухом Гакотон, Нисан Бельдзэр, Нисан Блюменталь, Вэлвэлэ Шестопал, Вейнтраубы отец и сын; во второй половине века — Яков Бахман, Пици Аброс, Пинхас Миньковский, Барух-Лейб Розовский, Элиэзэр Герович, Моше Штейнберг и др. Все они состояли постоянными канторами больших синагог в Одессе, Бердичеве, Вильне, Минске, Риге, Варшаве, Кишиневе и др.

Знаменитые канторы обычно отправляли богослужения раз-два в месяц. В остальные две-три субботы амвон обычно занимал «хазан шейни» (второй кантор) и пел большей частью без сопровождения хора. В субботы «благословения нового месяца» или в другие, когда на амвоне выступал Бецалел, Иерухом или Сендер, синагога бывала переполнена до отказа.

Среди знаменитых канторов, большая часть которых были поистине феноменальными певцами, имелись лица и творчески одаренные. Они владели также искусством импровизации, которое в наши дни все реже встречается в музыкальном обиходе.

«Дэр Вильнер Балэбэсл» принадлежал к этой категории канторов. Его настоящее имя было Иоэль-Довид Ле-венштейн. «Балэбэсл» означает молодожен. Он был так прозван после того, как его в 14-летнем возрасте женили. Со своим хором он разъезжал по центрам еврейской черты, отправляя по субботам службы в синагогах, а в будни давал концерты, иногда и в концертных залах, где его слушали и неевреи. Циркулирует легенда о том, как польская красавица-певица в него влюбилась, что привело к трагическому финалу: он заболел душевно и умер в 1850-м году в доме для умалишенных. «Балэбэсл» обладал лирическим тенором редкой красоты, «жемчужной» колоратурой, превосходной вокальной техникой и большим даром импровизации. Когда он бывал в ударе, его импровизированные песнопения потрясали сердца слушателей. Он был учеником знаменитого польского композитора Монюшко, у которого брал уроки по композиции. Сохранилось в нотной записи до десятка его творений, из которых часть, по крайней мере, вероятно, не вполне аутентична.

Обычно канторами были теноры, но попадались среди них и басы, бас-баритоны, и даже совсем низкие басы (бассо профундо), как Иосиф Слонимер-Альтшул. Были и почти совсем безголосые канторы, как это ни звучит парадоксально. Безголосым слыл Нисан Бэльдзэр-Спивак, который однако почитался очень оригинальным композитором и большим мастером-регентом.

Почти полстолетия разъезжал он по «черте», всюду привлекая массы слушателей. Бэльдзэр-Спивак создал свой особый стиль в литургической музыке, в котором старинные молитвенные напевы переплетались иной раз с секулярными мелодиями из итальянских опер и с ритмами военных маршей. Самоучка, он ухитрялся писать временами и канон, и фугу, и постиг чутьем ряд других композиторских премудростей, особенно в области гармонических модуляций. Нет сомнений, что получи «Нисси», как его прозывали, музыкальное образование, из него вышел бы недюжинный композитор и дирижер.

Канторы второй половины 19-го столетия уже владели лучшей композиторской техникой и были музыкально более образованы, чем их предшественники. Ниссан Блюменталь, вдохновенный певец, кантор одесской «Бродской» синагоги (основанной выходцами из галицийского пограничного города Броды) был даже знаком с музыкой Баха, Генделя, Мендельсона, у которых он нередко «заимствовал» отрывки музыкальных тем, приспособив их к тексту какого-нибудь псалма или другой молитвы. Вольф Шестопал (родился в 1832-м году в Херсоне), чьи произведения много пелись по синагогам в России, приспособил под текст псалма 115 часть арии Виолетты из «Травиаты» Верди.

Следует принять во внимание, что все прославленные канторы были глубоко религиозными людьми. Им и в голову не приходило пойти на концерт или в оперу. Это был чуждый, враждебный им мир. Канторы, пришедшие старшим на смену, — Миньковский, Штейнберг, Новаковский, Герович, Дунаевский, Альман, Маргановский (известный под именем Зейдел Ровнер), уже отваживались и на концерт пойти, и даже послушать оперу, но обычно сидели на галерке с покрытой ермолкой головой.

Каким же образом в произведениях Иерухома Гакотона, Ниссана Бэльдзэра или Бэцалела Шаца и др. оказывались фразы, выхваченные у Доницетти, Беллини или Россини? Клавираусцугов они читать не умели, на рояле не играли, многие из них слабо владели нотной грамотой. Фразы из итальянских опер доходили к этим благочестивым и богомольным канторам прежде всего через военные оркестры, которые летом, в табельные и другие торжественные дни часто играли на площадях или в городских парках и садах в местечках «черты». Возглавляемые нередко военными капельмейстерами-евреями, из которых многие, как Чернецкий, Гордон, Чернявский, братья Роговые, получили широкую известность, оркестры эти любили исполнять

попурри из популярных опер. Этими попурри, нередко коряво состряпанными, питались еврейские хазаны и канторы-композиторы. Немудрено, что воспринятые ими оперные мотивы проникали — часто бессознательно — в их собственные литургические песнопения.

Летом канторы обычно ездили на курорты — в Мариенбад, Карлсбад, Францисбад, бывшие излюбленным местом летнего отдыха у галицийских, польских и украинских хасидских «цадиков» из Гуры Кальварии, Садагоры, Черткова, Гусятина, Ротмистровки, Златополя и др. По вечерам на этих курортах обычно под открытым небом, или на эстраде в крытом павильоне, оркестр исполнял увертюры из опер и оперетт, марши и попурри из «Цампы», «Любовного Напитка», «Лючии» и др. Всем, находившимся в свите «цадика» из Черткова, и даже самому набожному из набожных хазанов не возбранялось отдыхать на скамье в курортных парках и внимать звукам курортного оркестра. И вот подслушанные хазаном на курорте те или иные музыкальные фразы, гармонические ходы или ритмические фигуры выплывали через некоторое время — и подчас в явно «объевреенном» виде — в синагогальном исполнении «Мин Гамецар» или «Мо ошив». В молитве «Ато ниглейсо» из «Мусафа» в Рош-Гашана одного из упомянутых канторов-корифеев, первые строфы звучали под Вагнера, и затем непосредственно переходили на вальсовый ритм в три четверти. «Ато ниглейсо баанан кводеха»! (Ты открылся нам в дыму твоего величия!) из литургии на Рош-Гашана, в ритме легкомысленного вальса, — далеко не единственный стилистический курьез в литургической литературе той эпохи.

Замечу попутно, что даже в Нью-Йорке, в великолепном «Тэмпл Имэнюэл» на 5-ом авеню, я лично на предвечерней пятничной молитве слышал «Коль Славен» Бортнянского, которого только недавно устранили из субботнего богослужения...

Давид Новаковский, дирижер и композитор из упомянутой «Бродской» синагоги в Одессе, был образованным музыкантом, владевшим мастерством полифонии и знавшим европейскую классическую музыку. Его произведения внешне очень эффектны и рассчитаны скорее на богослужения-концерты, нежели на обычную службу. Элиэзер Герович (1844—1913) из Ростова, у которого учился композитор М. Ф. Гнесин, прошел курс композиции и пения в петербургской консерватории. Его литургические произведения представляют собой почти идеальный образец синагогальной музыки, построенной на напе-

вах древности и облаченной в музыкальную форму современности, как и произведения Б. Л. Розовского, отца композитора и музыколога С. Б. Розовского. Розовский-отец обладал прекрасным тенором и был для своего времени культурным музыкантом. В хоре Розовского в Риге пели Герман Ядловкер и Иосиф Шварц, впоследствии прославившиеся оперные певцы берлинской и нью-йоркской опер. Пинхас Миньковский, состоявший после Н. Блюменталя около 30 лет кантором Бродской синагоги в Одессе, получил музыкальное образование в Вене. По пению он был учеником известного Ракитанского. Миньковский был культурным, очень музыкальным певцом, обладателем лирического тенора приятного тембра. Сообща с Новаковским, одним из самых значительных литургических композиторов в русском еврействе и для своего времени превосходным хормейстером, Миньковский ввел ряд умеренных реформ в богослужении, поставил орган, единственный на все синагоги России. Оба они исполняли лучшие произведения из еврейской литургической музыки и часто устраивали в будние дни синагогальные концерты в 1920-м году, когда в Одессе уже царил большевистский режим. От всех ужасов евреи Одессы в те дни находили утешение под сводами «Бродской» и других синагог, слушая пение Миньковского, Моше Штейнберга, Давида Ройтмана, Шульмана с их хорами. Миньковский оставил Россию в 1923-м году, добрался через Берлин до Америки и умер в 1924-м году в Филадельфии.

Центрами синагогального пения во второй половине 19-го столетия были Одесса, Бердичев, Вильно, отчасти Варшава. Еще в первую четверть 20-го столетия канторское искусство в России и в странах Восточной Европы продолжало оставаться золотым веком, закат которого пришелся на наши дни. Тогда выдвинулся сонм канторов-виртуозов: Соломон Разумный (умер в 1904-м году), Пици Абрас (1820—1883), Яков Бахман (1840—1903), — обладатель голоса широчайшего диапазона и большого дара импровизации. Когда Мусоргский, незадолго до смерти, побывал в Одессе, он слышал на богослужении одного из них, Абраса или Бахмана, а, может быть, и обоих, и пришел в совершенный восторг. Гершон Сирота из большой виленской, а потом варшавской синагоги, был певцом ранга Мадзини. Мордехай Гершман, Занвиль Квартин, Давид Ройтман, Мошэ Штейнберг, Иосэлэ Розенблат эмигрировали после первой мировой войны в Америку и впоследствии тут скончались. Из канторов этого ранга в живых сейчас только П. Пинчик-Сегал, исключительно та-

лантливый певец и музыкант, да Л. Гланц, проживающий ныне в Израиле, где пользуется большим успехом.

Созданная хазанами и канторами литургическая литература количественно огромна. Не все в ней, конечно, равноценно. Но есть в ней жемчужины, представляющие собой образцы яркой, оригинальной еврейской музыкальной речи.

Подобно тому, как в синагогальную музыку в России прошлого века просочились оперные мелодии, в музыку еврейских театров проникло немало элементов синагоги. Покойный еврейский музыколог А. Идельсон в своей книге «Еврейская музыка в ее историческом развитии» (на английском языке, Нью-Йорк, 1944), анализируя ряд мелодий Авраама Гольдфадена из его популярных исторических оперетт, «Бар-Кохба», «Суламифь» и др. отмечает, откуда эти мелодии заимствованы. Гольдфаден черпал свои темы из разных источников еврейского фольклора, из украинских и румынских песен, из опер Верди и Галеви, и немало из синагогальных литургических песнопений Шестопала, Наумбурга и др. Родившийся на Волыни, в Староконстантинове в 1840-м году и скончавшийся в Нью-Йорке в 1908-м году, Гольдфаден был в известной мере музыкальным самородком. Но тема о Гольдфадене относится к еврейскому театру, хотя Гольдфаден внес свой вклад и в область еврейской музыки.

Клезмеры и еврейские свадебные оркестры. — В Советской России в последние три десятилетия вышло несколько работ о еврейских народных музыкантах и оркестрах. Автор их М. Береговский, киевлянин, имевший в прошлом отношение к еврейской «Культур-Лиге». Помимо него опубликовал превосходное исследование о еврейских народных музыкантах Иоахим Стучевский, известный виолончелист, композитор и музыколог, проживающий с 1938-го года в Тель-Авиве. Имеется кое-что на ту же тему у упомянутого Идельсона, и у музыковеда-певца-композитора Марка Ротмиллера. Иоахим Стучевский в своей книге «Еврейские народные музыканты, их быт и творения» — (иврит, Иерусалим, 1959 г.) утверждает, что к концу 19-го века в странах Восточной Европы насчитывалось до 4500—5000 профессиональных еврейских музыкантов-клезмеров. М. Береговский пишет, что в начале 20-го века в одной лишь России, не считая Польши и Галиции, числилось около 3000 клезмеров, музыкантов еврейских оркестров, игравших также и на нееврейских свадьбах и балах. Из них свыше 2000 жили в городах и местечках Киевской, Подольской, Волынской, Полтавской и Но-

российской губерний. В каждой из этих губерний насчитывалось до 50—60 еврейских оркестров. Стучевский утверждает, что цифры эти скорее преуменьшены, чем преувеличены. В его родном городе Ромны, Полтавской губернии проживало 26 семейств клезмеров, в Бердичеве — их было свыше 50, имевших свою синагогу.

Среди клезмеров попадались блестящие виртуозы, которые, подобно хазанам и канторам, были одаренными импровизаторами. Наиболее известным был уже упомянутый «Педацур», имя которого стало потом нарицательным для знаменитых народных скрипачей. «Он играет, как Педацур» — говорили про такого скрипача. Его настоящее имя было Арон-Мошэ Холоденко. Уроженец Бердичева, он умер 74 лет в 1902-м году. Педацура называли «королем клезмеров». Было в нем — пишет Стучевский — много от эксцентричности и артистичности скрипачей-виртуозов той эпохи. Он любил имитировать на скрипке пение соловья, щеголяя виртуозными пассажами и флажиолетто. Сам он был знающим музыкантом, но играл преимущественно пьесы своего собственного сочинения, из которых сохранились только немногие. Особенно популярна его «Колыбельная-Люлли».

Известностью пользовался также Алтер Чудновер-Гузман из Волынского Чуднова (1846—1912). Аттракционом этого скрипача была «Железная дорога», пьеса, иллюстрировавшая поезд в пути, что приводило слушателей в неимоверный восторг. При всей наивности стиля пьесы Педацура, Чудновера и других поражали виртуозностью и техническими трюками. Говорили, что Чудновер владел драгоценной скрипкой Амати. Иосл Друкер (1822—1870) — был не кто иной, как «Стемпеню», которого Шолом Алейхем увековечил в своем романе того же названия. Семья Друкер насчитывала семь поколений музыкантов: отец играл на контрабасе, дед на трубе, прадед был цимбалистом, прапрадед флейтистом. Шурином «Стемпеню» был Чернявский, из семьи которого вышло также несколько поколений музыкантов-скрипачей, виолончелистов, пианистов, дирижеров.

Благодаря Береговскому и Стучевскому сохранилось много имен еврейских народных музыкантов, среди которых было немало самородков-виртуозов и композиторов. Они обычно женились на девушках своего круга. Музыкантская профессия среди еврейских клезмеров переходила из поколения в поколение. Таковы были семьи Шпильберг, Гофмеклер, Зиссерман и др. Были

среди них музыканты, которые знали музыкальную грамоту, и другие, которые даже нот читать не умели и самые сложные вещи в оркестре играли на слух и по памяти. Отец Яши Хейфеца играл в оркестре в Вильне. Профессиональными музыкантами были дед и отец Гарри Графмана, одного из талантливейших американских пианистов из молодого поколения. Из музыкантской семьи вышли Наум Блиндер, концертмейстер симфонического оркестра в Сан-Франциско, Малкины — виолончелист Иосиф, пианист Манфред, скрипач Жак и превосходная оперная певица Беата. Михаил Таубэ, имевший свой камерный оркестр в Берлине, проживающий теперь в Израиле, — дитя семьи клезмеров. Скрипачка Фрэнсис Магнес происходит из семьи клезмеров, официальная фамилия которых в России была «Музыкантский».

Изучение истории еврейских клезмеров в России и Галиции дает основание для заключения, что появление в конце прошлого и начале нынешнего века евреев-виртуозов скрипачей, виолончелистов и пианистов (Бронислав Губерман, Адольф Бродский, Яша Хейфец, Миша Эльман, Ефрем Цимбалист, Лея Любошиц, Григорий Пятигорский, Белоусов, Анна Любошиц, Рая Гарбузова, Владимир Горовиц, Натан Мильштейн, Менухин, Штерн и ряд других) не было случайностью. Их высококвалифицированное искусство было обусловлено существованием в течение 2—3 столетий тысяч еврейских клезмеров, музыкантов-инструменталистов, среди которых, возможно, имелись потенциальные Хейфецы и Ойстрахи. Не имея доступа к европейской музыкальной культуре, они прозябали в местечках и городках «черты», довольствуясь славой и успехом у еврейских народных масс.

Во второй половине 19-го века в России были большие пианисты, из которых евреями были братья Рубинштейны и Николай Метнер (в жилах которого текла еврейская кровь). В последней четверти 19-го века стали появляться пианисты евреи: Изабелла Венгерова, Леопольд Годовский, клавесинистка Ванда Ландовская. В первой половине 20-го века еврейство уже выдвинуло Артура Рубинштейна, Александра Боровского, Осипа Габриловича, Александра Браиловского, Симона Барера, Леонида Крейцера, Иосифа Левина, Бенно Моисеевича, Владимира де Пахмана, Александра Унинского, Владимира Горовица и др.

В первые годы после большевистской революции многие преподаватели музыки эмигрировали из России. Из крупных

педагогов по классу рояля остались Гольденвейзер и Фейнберг, из неевреев Нейгауз и Игумнов. Не прошло и десятилетия, как в России стали появляться молодые виртуозы-скрипачи, пианисты и виолончелисты. Подавляющее большинство среди них — евреи, дети еврейских семей из бывшей «черты». Имена Эмиля Гилельса, Давида Ойстраха, Леонида Когана известны теперь всему миру. Они выступают в концертах и занимаются музыкальной педагогикой. Яков Флиер, Яков Зак, Мария Гринберг, Теодор Гутман, Григорий Гинцбург, г-жа Юдин, Бела Давидович, Натан Перльман, Арнольд Каплан, Авраам Шацкес, А. Иохелес — пианисты. Все они были премированы на разных международных и всероссийских конкурсах. Курьезно, что Гилельс, Флиер и Зак — три лучших пианиста Советского Союза — родом из Одессы. Там же родился и вырос Давид Ойстрах, лучший скрипач теперешней России.

В 18-м столетии в России был выдающийся скрипач Иван Хадошкин (1747—1804). Но все после него появившиеся известные скрипачи почти поголовно евреи. Первый из них, завоевавший мировое признание, был Генрих Венявский (1835—1880). В конце 60-х г.г. в Петербурге поселился венгерский скрипач Леопольд Ауэр, ученик Иосифа Иоахима. Ауэр был превосходным скрипачом и исключительно одаренным педагогом. Ауэр в течение десятилетий руководил классом скрипки в Петербургской консерватории, в который устремлялись подающие надежды молодые скрипачи из всех городов России. Из класса Ауэра вышли Яша Хейфец, Миша Эльман, Ефрем Цимбалист, Тоша Зейдл, Мирон Полякин, братья Пиастро, Иосиф Ахрон и другие прославленные скрипачи. После революции Ауэр, уже стариком, эмигрировал в Америку и считался и здесь одним из лучших в стране музыкальных педагогов. Он умер в 1930-х г.г. в Нью-Йорке.

Современником Ауэра и отчасти продолжателем его педагогической деятельности в области скрипичной игры был Петр Столярский из Одессы. Ауэр был образованным музыкантом и выдающимся скрипачом. Столярский не принадлежал ни к той, ни к другой категории. Он был малообразован и сам играл посредственно. Но учитель он был, по-видимому, недюжинный. Он воспитал Натана Мильштейна, впоследствии перешедшего к Ауэру. Из класса Столярского вышли Давид Ойстрах, Лиза Гилельс, Буся Гольдштейн, Миша Фихтенгольц и другие прославленные скрипачи нынешней России. Отец Гилельса был скромным конторским служащим в Одессе, отец Леонида Когана —

фотограф в Екатеринославе. Все они дети былой «черты». Известен уже и сын Давида Ойстраха — Игорь, представитель второго поколения виртуозов-евреев. Среди виолончелистов выдается Даниил Шафран, о котором в Париже писали, что такого виолончелиста «мир еще не слышал».

Блестящая плеяда виртуозов-пианистов, скрипачей, виолончелистов, выходцев из русского еврейства, значительно обогатила концертную жизнь всего мира. Русское еврейство выдвинуло и ряд первоклассных оркестровых дирижеров, как Эмиль Купер, Сергей Кусевицкий, Исай Добровейн, Плотников, Штейнберг, Пазовский, Штейнман, Фительберг, Моргулян, Феликс Блюменфельд, (который, как и М. Бихтер, был и замечательным пианистом). В Советской России первенствующее положение в дирижерском искусстве занимают Самосуд, Рахлин, Хайкин, Юрий Фай-ер. В опере и радио известны Пантофель-Чернецкая, бас Рейзен, Изо Голянд и др. Список этот, конечно, далеко не полон. Несомненно, имеется немало евреев среди артистов, пользующихся псевдонимами, затрудняющими установить их национальность.

Евреи на оперной сцене. На первом представлении «Евгения Онегина» в Москве, Ленского пел «некто Медведев», как Чайковский писал в письме от 16-го марта 1879 г., «с очень недурным голосом, но еще совершенно новичок и плохо выговаривающий по-русски». Этот «некто Медведев» стал впоследствии знаменитым оперным артистом в России. В Мариинской Опере Ленского пел Михайлов-Зильберштейн, обладатель «голоса-алмаза». В последующие годы было много евреев оперных певцов на русской сцене. Баритон Иоахим Тартаков имел громадный успех сначала в Киеве, а затем в Мариинском театре в Петербурге, где он впоследствии стал главным режиссером. Тот же путь — Киев и затем Петербург прошел бас Л. Сибиряков, который в юности сопровождал одного из странствующих канторов и пел в синагогах. Громкую известность имели также баритоны Оскар Камионский и Брагин-Брагинский, теноры Зиновьев, Розанов-Розенкерер, Арнольд Георгиевский-Штейнберг, сопрано Клара Брун, в Музыкальной драме пели сопрано Мария Исаковна Бриан, Мария Соломоновна Давыдова, которая в свое время считалась лучшей Кармен на русской оперной сцене, контральто Анна Мейчик, Евгения Фореста и др.

В свое время Медведев и Тартаков были на русской сцене лучшими исполнителями партий Ленского и Онегина. Тартаков блистал также в роли «Демона», в которой он по общему при-

знанию не имел себе равного, и имел большой успех, как исполнитель лирических романсов на концертах. А. Давыдова считали лучшим Германом в России. Превосходно исполнял Германа и Медведев. Русские евреи-певцы выдвинулись и за границей: выше упомянутые Ядловкер и Шварц, Александр Кипнис, бас — артист берлинской и нью-йоркской оперы, Георгиевский-Штейнберг, лирический тенор с огромным успехом певший в Монте-Карло, в Германии, Румынии и др. В провинции в России на оперной сцене подвизались баритон Ярославский, бас Шмундак-Яров, теноры Брайнин и Летичевский — список этот довольно длинен. Беата Малкина была многие годы примадонной берлинской оперы. Это на редкость музыкальная певица с прекрасным голосом. Женя Турель известна как концертная и оперная певица.

Композиторы и еврейская школе в музыке. Распространено представление, что евреи — одаренные исполнители, но не музыкальные творцы. Евреи — говорят сторонники этой теории — не дали миру своего Баха, Бетховена, Моцарта, Гайдна, Генделя. Но какой другой народ, кроме немцев и австрийцев, дал миру музыкальных титанов, равных Баху и другим великим композиторам? Но в группе творцов, которая следует за Бахом-Моцартом-Генделем и др., евреи музыканты все же творчески не бесплодны. Один Мендельсон-Бартольди чего стоит! Далеко не последние места занимают в этом списке Оффенбах, Мейербер, Гольдмарк, Галеви, Малер, Шенберг, Корнгольд, Кастельнуово-Тедеско, Мийо и Дюка во Франции, Николай Лопатников, Эрнст Тох, Эрнст Блох, в Америке Гершвин, Копланд и др. Из среды русского еврейства вышел и творчески ему обязан Антон Рубинштейн, который, при всей неровности своего дарования, был композитором большого калибра. Лист и Чайковский высоко ценили его, как композитора. В истории русской музыки Рубинштейн остается, как автор первой симфонии и создатель первых фортепианных концертов с оркестром, из коих все пять, особенно четвертый, явились предтечами фортепианных концертов Чайковского, Рахманинова, Скрябина, Прокофьева. Помимо того Рубинштейн создал 19 опер и ораторий, 6 симфоний и много других сочинений, в общей сложности свыше 200 опусов, среди которых немало первоклассной, вдохновенной музыки.

Музыкальное творчество среди еврейской массы в эпоху Рубинштейна проявлялось преимущественно в синагогальной музыке, в пьесах для свадебных и бальных оркестров, и для скри-

пичных «аллюр» Педацура, Чудновера и др. Только на рубеже 20-го века евреи стали появляться в русских консерваториях в классах по композиции. В 1908-м году в Петербурге создано было «Общество Еврейской Народной Музыки». Размеры статьи не позволяют нам подробно остановиться на творчестве тех композиторов, которые группировались вокруг отделений этого общества в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе. Оттуда вышли композиторы Ахрон, Мильнер, Гнесин, оба брата Крейн, Энгель, Розовский, Саминский, Веприк. Киевский адвокат Марк Варшавский, автор популярной «Афн припечик», был даровитым дилетантом. Его песни в еврейских массах в России пользовались большой любовью. Михаил Гнесин, Александр Крейн, Михаил Мильнер и Иосиф Ахрон — музыкальные творцы с самостоятельным композиторским «почерком». Большой популярностью пользовалось камерное трио: Шор, Крейн и Эрлих.

В Советской России евреи-композиторы занимают большое место в музыке легкого жанра. Исаак Дунаевский (скончался в 1955 г.), песни которого распевает вся Россия, происходил из семьи известного литургического композитора и регента одесской большой синагоги и обладал большим мелодическим даром и природным чутьем стиля народной песни. В его песнях, которые поют по всей России, например, в «Ой, цветет калина!» из кинофильма «Кубанские казаки», только глухой не услышит еврейских элементов в мелодике. Кроме него, в этой области известны братья Покрас, киевляне, написавшие сотни песен для Красной Армии. Этот перечень не полон, ибо не все артисты в Советском Союзе выступают под своим настоящим именем.

Свой вклад в русскую и мировую музыкологию внес ряд музыковедов, как И. Эйгес, Е. Браудо, Д. Житомирский, Ю. Энгель, упомянутый А Баренбойм, эмигрировавшие из России И. Шиллингер, Н. Слонимский, Иосиф Яссер, С. Розовский (увековечивший свое имя в качестве исследователя синагогальных «троп», кантилляционных знаков, по которым читают Тору в синагоге), недавно скончавшийся Л. Саминский, автор нескольких книг о музыке, упомянутые Береговский и Стучевский. Гдалья Залесский, концертирующий виолончелист, а в последние годы оркестровый музыкант, написал объемистый труд об известных музыкантах еврейского происхождения.

В Америке ряд евреев музыкантов из России известны как композиторы, дирижеры и инструменталисты. Покойный Сергей Кусевицкий, известный уже в России, в эмиграции сделал мировую карьеру. Пользуются успехом чета дуопианистов Ба-

бин-Вронская, чудесный скрипач Шимон Гольдберг из Лодзи, чета Николай и Ганзи Граудан, виолончелист и пианистка, оба музыканты и артисты высокого калибра, превосходная пианистка Надя Рейзенберг, виолончелист Иосиф Шустер, пианистка Надя Эйтингон в Израиле. Недавно скончавшаяся Изабелла Афанасьевна Венгерова многие годы занимала выдающееся положение среди музыкальных педагогов Нью-Йорка и Филадельфии. В Калифорнии действует с большим успехом, как преподаватель, ученик Киевской консерватории пианист Александр Либерман. Лев Пышнов — уроженец Житомира, окончивший Петербургскую консерваторию по классу Есиповой, — живший с 1920 г.г. до своей смерти в 1958 г. в Лондоне, пользовался в Англии большой известностью, как педагог и как пианист.

В Америке известны в области еврейской музыки хоровые дирижеры и композиторы Лео Лиов и Ш. Секунда, Я. Вейнберг и И. Румшинский (последние два скончались). Умерла за пределами России Иза Кремер, одна из самых популярных исполнительниц народных песен, и здравствует концертный певец и кантор Сидор Белярский из Одессы. Бесспорно, что вклад русских евреев в музыкальную культуру, русскую и западную, весьма значителен.

ИЛЬЯ ТРОЦКИЙ

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И САМОПОМОЩЬ РУССКОГО ЕВРЕЙСТВА

ОПЕ

В 60-х годах прошлого века Петербург стал стягивать к себе немало представителей торгово-промышленных и интеллигентных представителей еврейства, сторонников еврейского просвещения. В их среде и зародилась мысль о создании в Петербурге центральной просветительной организации, с целью приобщить широкие круги еврейства к русской культуре. Группа влиятельного купечества, имевшая крупные связи в петербургской бюрократии с Евзелем (Осипом) Габриелевичем Гинцбургом (впоследствии бароном) во главе, взяла на себя осуществление этой задачи. Правой рукой Е. Г. Гинцбурга являлся Э. Б. Левин, бывший преподавателем Минской талмуд-торы, затем казенного училища в Проскурове и Житомирского раввинского училища, который и выдвинул план Общества распространения просвещения среди евреев. Мысль об Обществе распространения просвещения среди евреев (сокращенно ОПЕ) вызвала однако к себе подозрительное отношение со стороны правительственных верхов. Тем не менее к началу 1862 года препятствия были устранены, и устав Общества представлен на утверждение. В течение этих лет в подготовительных шагах к учреждению Общества приняли участие, кроме Е. Г. Гинцбурга и Э. Б. Левина, также А. М. Бродский, известный деятель юга России, А. М. Варшавский, петербургский раввин А. Нейман, сын старика Гинцбурга, Гораций Осипович и особенно Л. М. Розенталь.

Но прошел еще год с лишним до утверждения правительством устава ОПЕ. Хотя министр внутренних дел граф П. Валуев и некоторые другие сановники относились положительно к инициативе ревнителей еврейского просвещения основать для этой цели еврейское общество, — оно было разрешено только 16 марта 1863 года. Этой датой положено было начало деятельности ОПЕ.

Официальными учредителями Общества были Е. Г. Гинцбург и А. М. Бродский. Первое собрание ОПЕ состоялось 18 декабря 1863 г. в Петербурге. Членами-основателями, кроме учредителей, были следующие лица: И. М. Бродский, М. Д. Вайнштейн, М. Б. Райх, Г. О. Гинцбург, Анна Гинцбург, Г. М. Розенберг, Л. М. Розенталь, Ю. М. Розенталь, А. И. Горвиц, А. М. Варшавский, И. Герман, А. Куперник, В. В. Розен, А. И. Зак, Г. В. Бертенсон, Н. И. Горвиц, Н. Левинсон и д-р И. В. Бертенсон. Председателем был избран Е. Г. Гинцбург, секретарем — Э. Д. Левин и казначеем Л. Розенталь.

Основной пункт устава ОПЕ гласил, что в его задачи .входит «способствовать распространению среди евреев русского языка, издавать и содействовать другим к изданию полезных сочинений, переводов и периодических изданий на русском так и на еврейских языках, имеющих целью распространять просвещение среди евреев, — и поощрять пособиями юношество, посвящающее себя наукам и образованию».

Инициаторы ОПЕ обратились к петербургским и иногородним деятелям, приверженцам просветительных идей, с предложением вступить в члены. Наряду с этим были избраны в качестве почетных членов лица, выдвинувшиеся на поприще просвещения, науки и литературы. На ближайшем заседании ОПЕ в его состав, в качестве почетных членов, вошли О. Рабинович, Х. З. Слонимский, С. И. Финн, А. Цедербаум, О. Минор — тогда минский раввин, доктор С. Швабахер, одесский раввин, Г. Каценеленбоген; в члены сотрудники были избраны д-р Л. О. Пинскер, д-р Е. Соловейчик, И. Тарновский и Р. Кулишер. Вскоре примкнули к ОПЕ также профессора: Д. Хвольсон, Б. Утин, В. Федоров (в еврействе — Гринбаум); еврейские писатели — Л. О. Леванда, Л. О. Гордон, С. М. Абрамович, А. Я. Гаркави и Аврам Мапу. Не замыкаясь в узкие рамки «гетто», руководители ОПЕ вовлекли в круг своей деятельности ряд либеральных представителей русского общества, деятелей печати, в первую очередь. В число почетных членов ОПЕ вошли А. Краевский — редактор «Голоса» и «Отечественных Записок», П. Усов — редактор «Северной Пчелы», А. Скачков — редактор «Биржевых Ведомостей», И. В. Вернадский — редактор «Экономиста», И. Балабин — редактор «Народного Богатства», проф. А. И. Георгиевский, А. Ф. Постельс, А. М. Богдановский и ряд других представителей тогдашней столичной интеллигенции.

Одним из первых шагов издательской деятельности ОПЕ

был выпуск Библии — Пятикнижия — в русском переводе, под редакцией И. Г. Герценштейна и Л. О. Гордона. Этому изданию деятели ОПЕ придавали большое и положительное значение. Инициатором перевода Пятикнижия и молитвенников с русским подтекстом являлся проф. Д. Хвольсон (как известно, принявший христианство). Однако ревнители ортодоксии заявили резкий протест, узрев в этом переводе библии кощунственное посягательство на святость еврейской Торы.

В первый период своей деятельности ОПЕ, помимо издания полезных по его мнению книг на русском языке, поощряло также писателей к изданию научно-популярных книг на древнееврейском языке в целях распространения знаний, в частности, в области естествознания в еврейской среде. Общество также оказывало поддержку еврейской студенческой молодежи. Расширению деятельности содействовал закон от 28 июня 1865 г., дозволивший евреям ремесленникам, а также обучающимся ремеслу проживать повсеместно в империи. ОПЕ получило в 1867 г. разрешение изменить свой устав в смысле понижения членского взноса (с 25 рублей в год до десяти) и право открывать. отделения. В конце 1867 года было открыто в Одессе отделение ОПЕ, превратившееся постепенно в один из центров еврейской общественности.

В 1874 году ОПЕ приступило к регулярной поддержке еврейских школ, образовав для этой цели особый капитал (преимущественно из взносов семьи барона Гинцбурга), ставя условием предоставления субсидии преподавание русского языка. После смерти барона Гинцбурга, в 1878 году, председателем ОПЕ стал его сын, Г. О. Гинцбург. По его почину создается в 1880 году фонд помощи еврейским студентам. Одновременно ОПЕ начинает обрастать новыми культурными силами, повысившими его престиж и общественный вес. По инициативе .известного ученого А. Я. Гаркави образована была особая комиссия для развития издательской работы. Комиссия подготовила к печати пять томов перевода с немецкого еврейской истории Греца и материалов по истории евреев в России. Из наиболее активных членов комиссии ОПЕ следует назвать А. Я. Гаркави, Н. И. Бакста, д-ра Л. И.Каценельсона, Я. М. Гальперна. Секретарем ОПЕ с 1872 года состоял Л. О. Гордон, затем — У. Розенцвейг. В 1882 году ОПЕ сделало серьезный вклад в историческую литературу, издав два тома «Русско-еврейского архива». Расходы ОПЕ за первую четверть века его существования выразились в сумме 324 тысячи рублей, издержанных по преиму-

ществу на пособия учащимся в высших учебных заведениях, на поощрение литературным работникам и на единовременную помощь разным лицам.

Общественная дифференциация русского еврейства едва только намечалась. Если в еврейской провинции еще господствовали ортодоксально-религиозные настроения, первое наступление на которое делали писатели-гебраисты, то в крупных городских центрах, особенно в столице, все больше охватывало еврейские общественные круги убеждение, что приобщение к русскому языку и русской культуре — есть единственный путь прогресса для еврейских масс в России. Это убеждение накладывало неизгладимую и яркую печать на идеологические воззрения и на практические планы тогдашних петербургских просветителей. В сущности эти воззрения были характерны и для одесских деятелей ОПЕ. Они склонны были идти на существенные концессии в отношении древнееврейского языка, но «жаргон» вызывал решительное отталкивание в этих кругах. Среди просветителей 60—70-х годов и позже русификация являлась альфой и омегой культурной работы того времени.

Первую брешь в мировоззрении просветителей пробил погром 1871 года в Одессе. Когда же началась полоса погромов 80-х годов, от надежд на реформы, на улучшение правового и экономического положения евреев ничего не осталось: установившаяся длительная политическая реакция парализовала всякую возможность самых скромных усилий в области еврейской самодеятельности. ОПЕ неизбежно разделило общую судьбу еврейских общественных начинаний тех лет. И до того привыкшее ограничивать свою работу главным образом помощью студентам и тому подобными паллиативными начинаниями, ОПЕ замерло на довольно длительный период, как серьезный фактор на ниве еврейского просвещения.

Только с 1893—94 г.г. наступает некоторый поворот в работе ОПЕ, заинтересовавшегося проблемами еврейского начального образования. Специально для этой цели была избрана комиссия, возглавляемая новыми деятелями, в частности, Л. М. Брамсоном и Г. С. Вольтке. Комиссия эта приступает к собиранию и систематизированию материалов о положении еврейского народного образования в России, а заодно — и к изданию справочника по вопросам образования евреев. В задачи комиссии входила также теоретическая разработка проблем, связанных с просвещением. К этому времени членский взнос в Обществе пони-

жается до 3 рублей в год, что вызвало увеличение числа его членов. В 1895 году ОПЕ выдало 517 учащимся субсидии на сумму 27000 рублей.

С середины девяностых годов ОПЕ начало открывать свои собственные школы, требуя, чтобы наряду с русским языком в них шло преподавание еврейских предметов (на иврит). Результаты нового направления Общества продемонстрированы были на Всероссийской Нижегородской выставке 1896 года, на которой Общество имело свой павильон с богатой коллекцией экспонатов, привлекший всеобщее внимание. В начале 1898 г. ОПЕ открыло отделение в Риге и несколько позже отделение в Киеве.

Все больше уделяя внимание нуждам народного образования, ОПЕ к 1898 году выдавало субсидии почти сотне народных еврейских школ (в 1894 г. число субсидируемых школ составляло 37). Тем не менее субсидии студентам на получение высшего образования в 90-х годах все еще стояли на первом месте в бюджете Общества, да и размер сумм, выдававшихся ОПЕ школам, был очень невелик: с 75—93 рублей в год в конце 90-х г.г., он только в 1902 г. достиг в среднем 742 рублей.

Начиная с 1900 года в орбиту деятельности ОПЕ включаются мероприятия по подготовке еврейских учителей и вводится институт разъездных уполномоченных, выполняющих функции школьных инструкторов; среди уполномоченных ОПЕ выдвинулись д-р Ландер и П. Марек, а затем Х. Фиалков, А. Страшун и И. Д. Кантор.

В конце 1902 года ОПЕ созвало первое всероссийское совещание деятелей по еврейскому народному образованию. В 1901—1904 г.г. ОПЕ проводит ряд летних курсов для учителей еврейских школ.

Интерес к деятельности ОПЕ и его популярность в среде еврейской интеллигенции к началу нового века заметно растут. Прилив новых сил обновляет и идеологический климат ОПЕ. Среди актуальных вопросов школьной деятельности ОПЕ особое место начинает занимать мысль о включении идиш в программу школьного образования. Формально этот вопрос впервые был поставлен на обсуждение общего собрания членов ОПЕ в 1903, на котором влиятельная группа петербургской интеллигенции — С. М. Гинзбург, Л. М. Брамсон, Я. Г. Фрумкин, Л. Болотин, Г. Хоронжицкий и другие отстаивали включение идиш. Аргументация этих деятелей звучала убедительно и сводилась к мысли, что пропагандировать необходимость приобщения ев-

рейских масс к русской культуре целесообразна прежде всего на родном языке этих масс, т. е. на идиш, которым еврейские массы пользуются в семье и быту. Идиш наравне с русским языком должен стать проводником просвещения среди евреев в соответствии с заданиями ОПЕ. Такова была позиция этих деятелей, противниками которых выступили сионисты и почитатели языка библии (И. Тувим и др.). И хотя упомянутое знаменательное собрание вследствие разыгравшихся страстей и взаимной перебранки не приняло никаких решений, тем не менее атака идишистов пробила брешь в ассимиляторской до того политике ОПЕ. В последующие годы идишистское направление стало пробивать себе дорогу и в руководство ОПЕ.

В печати (в «Восходе» и других изданиях) обращает на себя особенное внимание отчет общего собрания ОПЕ за январь 1906 г., где опять скрестили копья сторонники и противники включения идиш в программу ОПЕ. Со стороны идишистов выступали С. Л. Цинберг, М. Б. Ратнер, М. Н. Крейнин, Г. Хоронжицкий, а со стороны гебраистов д-р Л. Каценельсон (Буки-бен-Иогли) и др. Температура дебатов была очень высока, и собрание продолжалось в течение ряда вечеров.

В 1906—1907 годах ОПЕ получило возможность на основе нового закона об обществах видоизменить свой устав и расширить свою деятельность. В Гродне ОПЕ открыло в 1907 году учительские курсы, куда устремилась волна идеалистов-учителей, увлеченных мечтой о создании народной школы, соответствующей потребностям и сознанию еврейских масс. Число отделений Общества росло. В ряде провинциальных углов ОПЕ стало постепенно превращаться в один из центров местной еврейской общественности. В 1907 году число членов ОПЕ составляло 3870, а в 1911 году оно поднялось до 5800. К тому времени был уже открыт доступ в общество широким, демократическим элементам интеллигенции, ремесленникам и пр. В 1910 году число школ, которым ОПЕ выдавало субсидии, составляло 98. В том же 1910 году ОПЕ стало издавать педагогический ежемесячник «Вестник», на страницах которого шло оживленное обсуждение основных вопросов школьной жизни и работы. ОПЕ стало систематически созывать в центре совещания с участием местных деятелей по вопросам просвещения. Эти совещания привлекали к себе общественное внимание, и в русско-еврейской, и еврейской печати печатались о них регулярные отчеты и несомненно сыграли крупную роль в деле еврейского просвещения.

Первое совещание деятелей ОПЕ состоялось в марте 1910 года, второе — через год — в апреле 1911 года. Следует отметить, что на этих совещаниях впервые в пользу идиш присоединился к его защитникам (Л. Брамсону, М. Крейнину, М. Ратнеру и другим) голос еврейских социалистических течений (представителей Бунда,— М. И. Гольдмана-Либера, М. Рафеса и сионистов-социалистов — М. Литвакова, С. Нигера, Левитана). На совещании 1911 года радикальные группировки внесли свою программу деятельности ОПЕ, которая вызвала решительные возражения, в частности, со стороны историка С. М. Гинзбурга. Тем не менее это совещание приняло резолюцию, которую следует рассматривать, как укрепление позиций идиш в работе ОПЕ. Текст резолюции был следующий: «1. во всех народных школах должно быть поставлено изучение библии и древнееврейского языка; 2. в школах, находящихся в тех местностях, где народные массы говорят на идиш, — этот язык должен найти свое место в школах, как язык преподавания и как предмет изучения».

На третьем совещании ОПЕ с представителями мест в декабре 1912 года, центральным вопросом был вопрос об отношении к хедеру, причем особенное значение имело на совещании выступление в защиту традиционного хедера со стороны известного поэта Х. Н. Бялика, поддержанное С. М. Дубновым и другими. Резолюция, принятая большинством в пользу хедера, вызвала в печати и в обществе длительную дискуссию.

Иным уже было однако настроение следующего, четвертого по счету, совещания, состоявшегося в декабре 1913 года, на котором присутствовало 62 делегата с решающим голосом. Это совещание между прочим совпало с 50-летием существования Общества распространения просвещения среди евреев. Требования радикальных и демократических течений были формулированы в следующих пунктах: 1. школа, как и внешкольное образование должны быть свободны от конфессионального начала и от националистических элементов; 2. школа должна быть построена на родном языке учащихся, на идиш; 3. ОПЕ должно быть организовано на началах участия в нем представителей широких народных масс.

Прения приводили к ряду конфликтов на совещании, главным образом, по вопросу об языке в школе. Совещание приняло резолюцию, призывающую еврейскую общественность принять активное участие в осуществлении плана всеобщего обучения и включения в сеть народного образования еврейских школ на

родном языке. Как раз в эти годы в 4-ой Государственной Думе стоял на очереди законопроект о всеобщем обучении. Вопрос о языках получил выражение в резолюции, исходившей из признания, что национальные и религиозно-бытовые особенности еврейского народа требуют, чтобы преподавание в еврейской народной школе велось на идиш, и чтобы в то же время было уделено внимание в надлежащем объеме изучению еврейских предметов, — библии, еврейской истории, иврит и идиш. Как обычно, достигнутый компромисс удовлетворил только в частичной мере спорящие стороны.

На основании прошедшего в Государственной Думе закона от 1-го июля 1914 года, создалась легальная возможность осуществления школьного дела на идиш. Но началась война с ее исключительными бедствиями, с массовым беженством, с ростом антисемитизма, с новыми еврейскими общинами, возникавшими в глубине России,— и с новыми проблемами, в частности, в вопросе об обучении подрастающего поколения. В феврале 1916 года было в связи с новым положением созвано пятое — по счету — совещание ОПЕ. На этом совещании выступили среди других С. М. Дубнов, Х. Н. Бялик,— с одной стороны,— и Н. Штиф, Х. Фиалков — с другой. Главное решение совещания по вопросу о народной школе (речь шла в первую очередь о школе для детей беженцев и выселенцев) носила вновь компромиссный характер, но с заметным уклоном в сторону приоритета идиш. Согласно резолюции совещания, все предметы, кроме русского языка, русской истории и географии, должны преподаваться на идиш. Иврит может изучаться при помощи иврит или идиш. Еврейской истории следует обучать на идиш, и только в известных условиях — на иврит. Религиозному моменту в воспитании должно быть отведено место в народной школе. Еврейский язык должен быть одним из предметов изучения, а древнееврейский в той мере, чтобы ученик мог по окончании школы читать книгу на иврит.

К началу первой мировой войны ОПЕ насчитывало, кроме отделений в Одессе, Риге, Киеве и Москве, еще 25 отделений в провинции, каждое из которых хотя и действовало вполне автономно, но организационно поддерживало связь с центром в Петербурге. Годы войны, хозяйственной разрухи и другие трудности естественно отразились и на деятельности ОПЕ. Каждая новая мобилизация вырывала из рядов его административного аппарата и педагогических кадров молодых и деятельных работников.

Семьи учителей, призванных под знамена, нуждались в материальной помощи. Сокращение педагогического состава диктовало потребность в подготовке квалифицированной смены. Продолжая свою нормальную деятельность в тех местах черты оседлости, которых не коснулась разруха, Общество должно было следовать за потоком беженцев, — чтобы на новых местах строить для детей школу.

В течение 1915 и 1916 годов ОПЕ открыло вечерние курсы в Петербурге и Харькове, а его уполномоченные, работая среди беженцев, как и в старой черте, так и в новых местах поселения, создала ряд школ в Минской и Могилевской губерниях, в Каменец-Подольской губернии и Проскуровском районе, в Полтавской губернии. С. Л. Каменецкий, долголетний секретарь ОПЕ, отмечает в своем отчете, что на оборудование и содержание беженских школ за девять месяцев 1916 года израсходовано было свыше 460 тысяч рублей. В начале 1917 года, незадолго до вспыхнувшей революции, число детей и подростков из беженцев, обучавшихся в школах и на курсах ОПЕ, доходило до 25000. Учебных заведений разного типа, разбросанных по 159 городам, насчитывалось 260. В 40 городах ОПЕ субсидировало также хедера, в которых обучалось свыше 2500 детей.

В дополнение к общей характеристике деятельности ОПЕ следует отметить, что с конца 1891 г. при Петербургском комитете Общества возникла по инициативе группы молодых юристов, группировавшихся при А. Я. Пассовере, еврейская Историко-Этнографическая Комиссия, привлекшая в свой состав впоследствии выдвинувшихся в еврейской общественности М. М. Винавера, М. И. Кулишера, Г. Б. Слиозберга и других деятелей.

Еврейская историко-этнографическая комиссия при ОПЕ, превратившаяся в 1908 году в Историко-Этнографическое Общество, — заложила фундамент еврейской историографии — собиранию материалов по истории евреев в России. Отсылая читателей к статьям, освещающим работы в этой области, мы должны в очерке, посвященном ОПЕ, подчеркнуть, что первые шаги в этом направлении были сделаны еврейской общественностью в рамках Общества Распространения Просвещения.

ОРТ

Возникновение Орта (Общества Ремесленного и Земледельческого Труда) относится к последним годам царствования

Александра II, когда от либерального духа, которым обвеяна была эпоха великих реформ, очень мало осталось. Было это в 1879—1880 годах прошлого столетия, — в пору первых робких шагов организованной еврейской общественности. Будущность русского еврейства, поскольку она отражалась в настроениях передовых элементов еврейской интеллигенции и в русско-еврейской печати того времени, рисовалась в виде отмены черты оседлости, уравнения в правах с прочим населением и в свободе выбора занятий.

Еврейское бесправие должно быть уничтожено не только во имя справедливости, но и потому, что бесправие увековечивает нестерпимую еврейскую нищету. Пропаганда еврейского земледелия, развитие ремесла, профессионального образования, содействие индустриально-технической подготовке еврейского труда — все эти вопросы волновали общественную мысль, служа темами для дискуссии на собраниях и вечерах петербургской еврейской интеллигенции в 1879 году.

Еврейское население черты оседлости задыхалось от скученности в городах и местечках, от конкуренции и нужды. Закон 1865 года, разрешавший евреям-ремесленникам жить вне черты оседлости, в очень небольшой степени облегчал эту нужду, особенно вследствие административной практики, сопровождавшей осуществление закона. Разредить черту, поднять земледелие и ремесло на должную высоту, развить производительные силы еврейства — диктовалось объективными условиями, как первый шаг на пути к устранению и облегчению этой нужды.

Этим идеям, созревшим в кругах интеллигенции, удалось встретить понимание и в среде влиятельных еврейских нотаблей столицы, имевших связи в правительственных сферах. Одним из основоположников Общества Ремесленного и Земледельческого Труда среди евреев и явился популярный по тому времени «железнодорожный король» С. С. Поляков, которого толкнул на дело создания новой организации Н. И. Бакст, убежденный поборник социально-экономического оздоровления еврейства. Он побудил С. С. Полякова обратиться к правительству за разрешением на организацию сбора в пользу будущего Орта. Ходатайство было мотивировано патриотическим побуждением — стремлением увековечить дату 19-го февраля 1880 года — день двадцатипятилетия царствования Александра II. Ходатайство С. С. Полякова было удовлетворено и министр внутренних дел Л. Маков в письме от 22 марта 1880 года сообщил о положительной резолюции Александра II.

Письмо министра внутренних дел Л. Макова послужило фундаментом, на котором постепенно стала складываться новая организация. С. С. Поляков предложил группе петербургских деятелей — барону Г. О. Гинцбургу, А. И. Заку, Л. М. Розенталю и М. П. Фридлянду — взять на себя инициативу по собиранию средств для будущего Ремесленного Фонда — как тогда в печати называли новую организацию. Инициативная группа, при участии Н. И. Бакста, выработала и широко разослала по всей провинции циркулярное письмо, датированное 10 апреля 1880 года.

Согласно этому письму, представлявшему собой первый набросок программы будущего ОРТ'а, — в задачи организации входило создание фонда, доходы с которого должны быть употребляемы на вспомоществование и дальнейшее развитие уже существующих для евреев ремесленных школ, на облегчение переезда ремесленников с одного места на другое, на вспомоществование еврейским земледельческим колониям, на основание новых колоний, образцовых ферм и земледельческих школ.

Не менее важным, чем эти цели, было и то настроение, тот широкий отклик, который вызвало это циркулярное письмо, стремясь привлечь все слои еврейства к участию в работе. Призыв к образованию широкого общественного движения вокруг идей, легших в основу будущего ОРТ'а, действительно, отразил вполне созревшее в широких кругах еврейского общества сознание, что дело экономической самопомощи не терпит более отлагательства.

30 сентября 1880 года правительство утвердило правила для Временного Комитета по управлению Ремесленным Фондом, который должен был функционировать впредь до образования Общества ремесленного и земледельческого труда.

В состав Временного Комитета вошли следующие лица: Н. И. Бакст, Э. Б. Банк, А. М. Варшавский, Я. М. Гальперн, барон Г. О. Гинцбург, раввин А. Н. Драбкин, А. И. Зак, И. И. Кауфман, С. С. Поляков, Л. М. Розенталь и М. П. Фридлянд. Председателем был избран С. С. Поляков, старшим членом Комитета — барон Г. О. Гинцбург, и казначеем — А. И. Зак. Первое заседание Комитета состоялось 12 ноября 1880 года. В этом же заседании избрана была комиссия по выработке устава будущего Общества.

В этом первом заседании Временного Комитета был заслушан доклад о ходе кампании сборов в пользу Ремесленного

Фонда. Выяснилось, что за истекшие несколько месяцев в период времени от 30-го апреля по 30-ое октября 1880 года в кампании приняли участие 12457 лиц из 407 мест, внесших сумму в 204000 рублей в форме единовременных пожертвований и до 15000 рублей в виде взносов ежегодных. Эти результаты были в высшей степени обнадеживающими и создали предпосылки успеха для будущего ОРТ'а.

Еврейская печать начала 80-х годов приняла дело создания ОРТ'а, как свое собственное дело, безоговорочно поставив себя ему на службу.

Письмо, разосланное инициативной группой, проникая в отдаленнейшие уголки России, встречало всюду самый горячий отклик. Произвело большое впечатление известие о том, что знаменитый Ковенский раввин Ицхок-Элхонон примкнул к начинанию и прислал личное пожертвование. Поддержали сборы в Фонд и некоторые русские деятели, в том числе и известный Пирогов, откликнувшийся личным пожертвованием. Сборы приняли характер крупной общественной акции. Казалось, будто ОРТ родился под счастливой звездой и что перед ним открывается перспектива большой и полезной общественной работы. Одушевленные этим успехом, передовые элементы еврейской интеллигенции связывали с возникновением ОРТ'а первый шаг к осуществлению заветных мечтаний об уничтожении еврейского бесправия в России.

Но скоро наступил конец мечтаниям. Гибель Александра II, павшего от бомбы Народной Воли, политическая реакция, возглавляемая Победоносцевым и вдохновляемая Катковым, новый царь — Александр III, пошедший по пути ликвидации остатков либерального наследства предыдущего царствования, погромы, обрушившиеся на еврейское население России, — все эти обстоятельства не могли не подорвать в корне новое общественное начинание.

Новый правительственный курс сказался и на судьбе ОРТ'а. Тщетны были все старания и ходатайства Временного Комитета добиться утверждения устава с тем, чтобы превратить Временный Комитет в Общество. Проект устава из различных канцелярий попал в т. н. Паленскую комиссию, которая, поработав несколько лет над изучением еврейского быта и бесправия, была распущена в 1888 году. Мотивом к роспуску Паленской Комиссии послужила ее рекомендация «постепенно расширить права еврейства». Одной из жертв восторжествовавшего антисемитского курса была еврейская ремесленная школа в Житомире. Ее

закрыли в 1884 году, ибо, согласно официальной версии, она «являлась лишним орудием в руках евреев для эксплуатации коренного населения».

Четверть века длилось «хождение по мукам» проекта ортовского устава. Конец этому положила революция 1905 года, открывшая возможность ОРТ'у реорганизоваться на началах нормального Общества.

Что же было достигнуто за прошедшие 25 лет? Каковы были итоги деятельности Временного Комитета?

Умершего С. С. Полякова сменил на посту председателя его сын Д. С. Поляков. В состав Комитета вошло несколько новых лиц, — в том числе Л. С. Каценельнсон и Д. Ф. Файнберг. Но главным, если не единственным работником и руководителем оставался Н. И. Бакст. Он распределял средства фонда среди нуждающихся ремесленников, содействовал переселению их во внутренние губернии, снабжал беднейших из них инструментами. Ближайшим сотрудником Бакста был Н. Ф. Весолер, долголетний и бессменный секретарь Комитета.

В 1906 году был, наконец, утвержден устав Общества, и Временный Комитет прекратил свое существование. Сборы в Ремесленный Фонд за период 1880—1906 г.г. выразились в сумме 1132214 рублей.

За время своего существования расходы Временного Комитета составили: на поощрение ремесла 206673 рубля; на профессиональное образование 302233 рубля; на поощрение земледелия 144951 рубль и на организационные нужды — 49625 рублей, всего — 703489 рублей.

К моменту образования Общества ремесленного и земледельческого труда осталось неизрасходованных 428731 рубль, поступивших в кассу Общества.

Но в новое время, наступившее после первой революции вплоть до первой мировой войны, ОРТ'у не удалось развить сколько-нибудь существенную деятельность, не удалось превратиться в подлинную демократическую организацию. ОРТ не стал действенным фактором в еврейской общественности, не взирая на то, что его идеи и принципы апеллировали к чувствам и настроениям широких народных масс. Даже в те годы, когда в состав Правления ОРТ'а, возглавляемого Я. М. Гальперном, Г. Б. Слиозбергом и др., в состав общества входили активные, демократические деятели, и одно время даже в нем сложилось оппозиционное ядро, во главе с Л. М. Брамсоном, Р. М. Бланком, Ю. Д. и Б. Д. Бруцкусами, Я. Г. Фрумкиным, Г. А. Ландау, И. В.

Яшунским и другими, оторванность петербургских деятелей от провинции, слабый контакт с еврейской жизнью, — парализовали возможности широкой положительной работы. Отметим некоторые оказательства ОРТ'а в эти годы, привлекшие общественное внимание.

В 1909 году на еврейском совещании в Ковно Л. М. Брамсон выступил с обширной программой, разработанной ОРТ'ом в целях привлечения еврейских масс к различным формам продуктивного труда. Двумя годами позже, в 1911 году, на Всероссийском ремесленном съезде в Петербурге тот же Л. М. Брамсон, возглавлявший еврейское представительство, имел возможность засвидетельствовать фактами ряд практических достижений ОРТ'а на трудовом фронте, — отстаивая при этом необходимость ликвидации черты оседлости и уравнения евреев в гражданских правах.

В 1913 году ОРТ выделил международную комиссию для установления контакта с зарубежным еврейством. Была избрана между прочим специальная делегация для поездки в США, в целях ознакомления тамошнего еврейства с целями и деятельностью ОРТ'а. Мысль эту не удалось осуществить, главным образом, из-за войны. Здесь уместно вспомнить, что когда Д. В. Львович во время войны оказался в 1916 году в Нью-Йорке, он сумел заинтересовать Арбейтер Ринг деятельностью ОРТ'а, и последний ассигновал на работу в России по трудовой помощи — через ОРТ 15 тысяч долларов.

В феврале 1914 г. ОРТ созвал в Петербурге совещание, посвященное нуждам еврейского ремесла и мелкой индустрии, в котором приняли участие представители провинции. На этом совещании Б. Д. Бруцкус защищал мысль о превращении ОРТ'а в центральный орган еврейской самодеятельности в области труда. Идея Б. Бруцкуса в общем встречена была большинством участников совещания сочувственно. Ей не суждено было осуществиться вследствие войны. Но как раз война, причинившая тяжкие бедствия еврейскому населению, создала условия для превращения ОРТ'а в действенную организацию, в один из серьезных факторов еврейской общественности. Впервые за 35 лет существования почти стерлись грани непонимания между Петербургом и провинцией. Война дала мощный толчок еврейской самодеятельности, впрыснула энергию в дело самопомощи, вопреки репрессиям, ущемлениям и возросшему антисемитизму. Проблема выселенцев и бездомных изгнанников из Польши, Литвы и Прибалтики — встала во весь рост перед Россией. Тра-

гедия свыше 200 тысяч выселенцев и беженцев, покинувших насиженные места часто без всякого имущества и без орудий труда, потрясла не только еврейскую, но и всю передовую общественность. Под давлением общественного мнения правительство вынуждено было открыть доступ евреям в глубь страны, в центральную Россию, Поволжье, на Север и в Сибирь, куда шла массовая эвакуация и людей, и предприятий и чем фактически ликвидирована была черта оседлости.

ОРТ развил на этом трагическом фоне ценную деятельность и сыграл крупную организационную роль. Он сопровождал беженцев и выселенцев на пути их странствований и проявил разностороннюю энергию в области конструктивной работы. Екатеринослав, Одесса, Полтава, Гомель, Витебск, Саратов, Екатеринбург, Юзовка, Луганск, Вологда, Казань, Нижний Новгород, Курск, Ярославль и многие другие города и промышленные центры — оказались этапами ортовской работы. В первую очередь открыты были рабочие кухни, отпускавшие наиболее неимущим даровую пищу. В 72-х пунктах были созданы бюро труда по подысканию занятий, давшие возможность беженцам ориентироваться на новых местах и приложить там свои силы. Заслуга бюро труда заключалась еще и в борьбе с грозным и деморализирующим явлением тех лет — с деклассированием широких масс населения. Пропаганде и выяснению проблем трудовой помощи служил журнал, основанный при петербургском ОРТ'е — «Вестник трудовой помощи», посвященный актуальным экономическим вопросам. Наряду с этим ОРТ работал по-прежнему в области профессионально-технического образования, содействовал поднятию уровня ремесла. Не забыты были ОРТ'ом и евреи-инвалиды войны, для обучения ремеслу которых были организованы специальные мастерские. Продолжалась и работа ОРТ'а в области поддержки кооперативных начинаний среди ремесленников по сбыту изделий, по закупке сырья, по снабжению инструментами.

Бюджет ОРТ'а, составлявший в 1914 г. всего 54000 рублей, возрос к концу 1916 года до суммы в 436527 рублей. Увеличилось и число его провинциальных отделений до 37.

Симпатии еврейской общественности к разносторонней работе ОРТ'а были общи и ярко демонстрировались на созванном в Петрограде в феврале 1916 г. совещании ОРТ'а. Здесь впервые заявили о. своей солидарности с идеологией и задачами ОРТ'а еврейские радикальные и социалистические группировки. Особенное оживление царило в самой обширной секции совещания,

посвященной вопросам трудовой помощи и бюро труда, где шла по широкому фронту борьба внутри социалистических группировок (Бунда, сионистов-социалистов и др.). На авансцене ОРТ'а появился ряд новых выдающихся деятелей, как Я. Д. Лещинский, И. Хургин, М. Рафес и другие.

Вспыхнувшая в 1917 году революция окрылила идеологов и руководителей ОРТ'а. Крушение старого режима и упразднение всех правоограничений открывало далеко идущие перспективы.

Вырабатывались новые практические планы, связанные с реконструкцией социально-экономического уклада еврейской жизни в новых условиях гражданского и национального равноправия: привлечение деклассированных еврейских масс к сельскому хозяйству и к различным отраслям индустриального труда. План предусматривал и созыв нового совещания, которое создало бы из ОРТ'а мощную демократическую организацию на основе действительной самодеятельности народных масс. Увы, ни совещанию, ни разработанному плану не суждено было осуществиться. Октябрьский переворот смел помыслы и планы деятелей ОРТ'а. Наследства ОРТ'а хватило еще на несколько лет призрачного существования этой организации при советской власти. Но центр деятельности ОРТ'а перешел за пределы России.

В настоящее время эта организация, сохранившая название, основанное на русских инициалах, распространила свою деятельность по всему миру, имея свои профессиональные школы в 20 странах и являясь самой крупной в мире общественной организацией по профессиональному образованию. Это необычайное развитие было достигнуто под руководством русских евреев, главным образом Л. М. Брамсона, Д. Львовича и А. Сингаловского.

ОЗЕ

Первые сообщения об учреждении в Петербурге Общества охранения здоровья еврейского населения появились в печати в феврале 1912 г. Инициаторы, группа врачей и общественных деятелей, созвали собрание учредителей будущего общества и избрали Временный Комитет для созыва первого общего собрания. Однако, только осенью, 28 октября 1912 года состоялось общее собрание членов нового общества, на котором были выслушаны доклады доктора М. М. Грана, и д-ра М. С. Шварцмана, а затем состоялись выборы первого состава Комитета. Еврей-

ская печать, оповещая о возникновении Общества охранения здоровья еврейского населения в России (получившего впоследствии известность под названием ОЗЕ), вряд ли могла себе представить, что организация с весьма узкими и специальными целями, созданная представителями русско-еврейской интеллигенции, вскоре приобретет широкую популярность среди еврейского населения черты оседлости, а, пройдя через горнило испытаний войн и революций, выйдет далеко за пределы России и вырастет в мировой союз ОЗЕ, радиус действия которого охватывает чуть ли не все континенты.

На общем собрании 28 октября 1912 года на тему о задачах охранения здоровья еврейского населения выступил М. М. Гран, сам врач-общественник с весьма крупным земским стажем. Докладчик остановился на особых условиях, в которых живет еврейское население, — на бесправии, на материальной нужде народных масс, на скученности в черте оседлости, на тяжких квартирных условиях, на антисанитарности городов и местечек и т. д. Д-р Гран осветил и ряд вопросов биологического и социального характера, — которые вынуждают каждого врача и общественника ставить в широком масштабе задачу охранения здоровья еврейского населения. Докладчик, подчеркивая необходимость создания еврейской общественной медицины, указал, что новое общество никоим образом не должно рассматривать себя, как академическое начинание. Наоборот, цели наши должны быть практические в первую очередь. И призывом помочь этому новому общественному делу закончил М. М. Гран свой доклад.

Д-р М. С. Шварцман в своем докладе конкретизировал предстоящую деятельность новой организации. Он прежде всего охарактеризовал существующий до сих пор среди евреев тип филантропических учреждений, оказывающих медицинскую помощь широким неимущим слоям населения, — все эти «Бикер Хейлим», «Линес Хацедек», «Ройфе Хейлим» и т. д., которые можно встретить в любой еврейской общине от губернского города до позабытого Богом и людьми местечка. Помощь, оказываемая этими учреждениями, обычно сводится к обеспечению больного врачом, койкой в больнице, лекарством, питанием и т. д. После того, как эта помощь больному оказана, и он стал на ноги, — функция гуманитарного учреждения прекращается. Но вне поля зрения такой благотворительной работы остается вся обширная область нашей общественной работы, к которой следует привлечь всеобщее внимание. Необходимо

Обществу поставить перед собой в первую очередь ряд общих задач, — по борьбе с физической деградацией еврейского населения, по борьбе с эпидемиями, обрушивающимися часто на детей и на взрослых, по борьбе со смертностью. Индивидуальной помощью, врачебным уходом мы не должны ограничиваться. Надо разработать широкую программу улучшений в области санитарно-гигиенических условий существования масс. Надо всемерно содействовать уменьшению коэффициента заболеваний и смертности. Нужно поставить вопрос об обслуживании в медицинском и гигиеническом отношении всей еврейской среды, еврейской общины и еврейской семьи и действовать здесь не только лечебными, но и в особенности превентивными медицинскими методами. Этим задачам должно послужить наше новое общество.

Общее собрание ОЗЕ, разделяя руководящие идеи, изложенные докладчиками, постановило положить их в основу деятельности нового общества, приняло предложенный устав и избрало комитет ОЗЕ в составе следующих лиц, принадлежащих в большей своей части к врачебному миру:

Я. Г. Бавли, В. И. Бинншток, Н. Р. Ботвинник, А. М. Брамсон, инженер С. Э. Вейсблат, адвокат Г. А. Гольдберг, М. М. Гран, Г. И. Дембо, А. В. Залкинд, С. А. Кауфмащ М. С. Шварцман, Я. Б. Эйгер. Председателем комитета был избран С. А. Кауфман, тов. председателя — Г. А. Гольдберг, казначеем — д-р Н. Р. Ботвинник и секретарем — д-р М. С. Шварцман.

Еврейская общественность на местах оценила инициативу петербургской русско-еврейской интеллигенции. Новое общество, поставив перед общественными кругами еврейства ряд вопросов, до сих пор в сущности остававшихся в тени, вызвало к себе интерес. По-видимому, потребность внести живой дух инициативы в области, которые оставались монополией благотворительных, подчас рутинных, учреждений — произвести и тут назревшие реформы, — была осознана в широких кругах. Это подтверждается первыми откликами на призыв инициаторов ОЗЕ.

За первые три года существования ОЗЕ — 1912—1915 годы — в Киеве, Харькове, Минске и Одессе открылись отделения ОЗЕ, которые развили весьма интенсивную деятельность в отношении научного обследования физического и психического состояния еврейских масс, санитарно-гигиенической пропаганды и превентивной (профилактической) медицины. В связи с этим на местах, в черте оседлости, возникли консультации по охране

материнства и младенчества, были организованы детские площадки и детские колонии, устроены детские ясли, санитарные бани, амбулатории, диспансерии, передвижные медицинские пункты, и в придачу было поставлено бесплатное снабжение детей молоком — так называемая «капля молока».

Порой медицинскому персоналу ОЗЕ приходилось в борьбе за улучшение санитарно-гигиенических условий наталкиваться на закоренелые предрассудки и недоверие к медицине со стороны отсталых элементов. Постепенно все же на смену недоверию приходило понимание. Этому способствовала в значительной мере популяризация идей и задач ОЗЕ в форме доступных лекций на русском и еврейском языках; распространение брошюр и листовок об элементарной гигиене и с указаниями практического осуществления.

К началу первой мировой войны ОЗЕ успело уже покрыть значительную часть «черты оседлости» сетью своих учреждений и стать серьезным фактором в общественной жизни. Особенно это сказалось в период войны, в трагические для еврейских масс 1914—1918 годы. Война поставила еще не вполне окрепшее Общество перед новыми задачами, далеко выходившими за рамки его программы. Рост антисемитизма и жестоких преследований евреев в прифронтовой полосе, — наконец, массовые выселения и вся сложившаяся в обстановке войны и разрухи проблема еврейского беженства, — все это поставило перед ОЗЕ ряд новых и ответственных задач. «Крестному пути» выселенцев и беженцев сопутствовали болезни, а наличие значительного количества стариков, женщин и детей, страдавших тяжело в жутких условиях эвакуации, потребовало от деятелей ОЗЕ в срочном порядке перестроить программу своей работы.

Центральное Правление ОЗЕ организовало институт уполномоченных на местах, которым было поручено организовывать все виды помощи, в том числе и питание беженцев.

На всем протяжении пути беженцев были созданы питательные пункты, летучие врачебные отряды, передвижные амбулатории и аптеки.

По мере расселения на новых местах, ОЗЕ и туда несло помощь, систематически ее организуя и расширяя. Главноуполномоченный ОЗЕ, д-р М. М. Гран сумел в течение 1915—16 г.г. организовать 42 летучих отряда, энергично осуществлявших порученные им задания. Работу ОЗЕ на фронте возглавлял молодой врач, д-р С. Г. Фрумкин, безвременно скончавшийся в 1918 году от тифа. Кстати, в память жертвенной деятельности д-ра

С. Г. Фрумкина построен в Ковно «Дом здоровья» его имени, существующий и поныне.

За годы 1912—1918 ОЗЕ организовало 160 детских приютов и детских садов, обслуживавших свыше 50 тысяч детей дошкольного возраста. В течение этих лет им были созданы 17 врачебно-консультационных пунктов для рожениц, с оборудованными молочными кухнями, вскормившими свыше 5000 новорожденных. ОЗЕ питало 20 тысяч школьников в 87 школах; организовало 115 детских площадок и 66 детских летних колоний, где находили отдых 33 тысячи детей. В 105 амбулаториях ОЗЕ зарегистрированы были свыше 50 тысяч пациентов; тысячи других больных находили медицинскую помощь в 23 госпиталях, включенных в разветвленную сеть бесплатной медицинской помощи. Биография ОЗЕ была бы не полна, если к ней не прибавить, что из 200 тысяч беженцев и выселенцев, рассеянных по внутренним губерниям России, до 40 тысяч прошли через разные учреждения ОЗЕ.

Декретом советской власти от 1921 года ОЗЕ принуждено. было ликвидировать свою деятельность в пределах Советского Союза. Некоторым из его видных деятелей удалось эмигрировать за границу или обосноваться в лимитрофах. Это послужило стимулом к организации деятельности ОЗЕ в мировом масштабе. В августе 1923 года состоялась первая конференция ОЗЕ в Берлине, в результате которой был создан мировой союз ОЗЕ. Несколько десятков лет деятели ОЗЕ неустанно работают над распространением идей превентивной медицины и народного здравоохранения во всем еврейском мире, И в этой большой и разветвленной общественной работе ОЗЕ остается верно тем идеям и традициям общественной медицины, которые в 1912 году поставили в порядок дня русско-еврейские врачи и общественники.

ЕКО

Предыстория деятельности Еврейского Колонизационного Общества, центр которого находился за границей, — относится к полосе 80-х годов 19-го столетия, когда на русское еврейство обрушились погромы, антисемитизм, разорения, выселения и пр. Известный еврейско-французский филантроп, барон Мориц Гирш, желая помочь своим соплеменникам в России, ассигновал в 1888 году капитал в 50 миллионов франков на создание земледельческих ферм, профессиональных школ и раз-

витие ремесла среди русских евреев. При ведении переговоров об этом с русским правительством выяснилось, что барону Гиршу прежде всего оказалось необходимым преподнести «в дар» всесильному тогда Победоносцеву 1 миллион франков на... церковноприходские школы, а затем, что правительство даст согласие на предложение Гирша только в том случае, если его ассигнование в 50 миллионов будет передано в руки правительства, а не в распоряжение представителей русского еврейства. К тому же оказалось, что русское правительство не только не заинтересовано в акции помощи русским евреям, но предпочитает прежде всего добиться путем эмиграции... выселения евреев из России. Узнав, что барон Гирш проектирует переселение евреев на свободные земли в Аргентине, правительство, вначале систематически отклонявшее всякие предложения барона Гирша, спустя несколько лет выразило согласие допустить его деятельность в стране, если она будет направлена преимущественно на эмиграцию евреев из России. Правительство в частности добивалось в переговорах с представителем барона Гирша, А. Уайтом (английским парламентарием), чтобы в течение 12 лет был вывезен из России один миллион евреев. А. Уайт совершил тогда поездку по России, был в Москве, Киеве, Одессе, Бердичеве и Херсоне, объехал земледельческие колонии на юге России и лично убедился, — как он впоследствии писал в докладе барону Гиршу, — что все россказни в Петербурге о том, что евреи представляют собой «смесь мошенника с ростовщиком» —есть «плод фантазии некоторых государственных деятелей» и что «если нравственное мужество, терпение, умеренность составляют хорошие качества, то евреи — отличный народ», к тому же годный для колонизации в Аргентине, в Сибири, в Южной Африке.

С самого начала надо отметить, что все далеко идущие планы русского правительства добиться при помощи барона Гирша переселения в Аргентину в течение четверти века 3,25 миллиона русских евреев оказались абсолютно вздорными. Более того, создание еврейских колоний в Аргентине, которым, действительно, ЕКО уделяло много внимания и средств, оказалось делом чрезвычайно трудным и длительным. А что касается переселения русских евреев, то вместо обещанного (по-видимому А. Уайтом) правительству переселения в Аргентину в первый год деятельности ЕКО 25 тысяч евреев, удалось переселить туда всего 3,5 тысячи.

Было это в 1891 году, в памятную для русского еврейства да-

ту, когда под влиянием выселения из Москвы и усилившихся гонений евреев по всей стране, началась новая полоса массовой еврейской эмиграции. Осенью этого года и создал барон М. Гирш Еврейское Колонизационное Общество (Jewish Colonisation Association) в Лондоне с капиталом в 20 миллионов рублей, и в это же время были предприняты практические шаги к открытию деятельности ЕКО в России. Положение о деятельности ЕКО было утверждено правительством 6 мая 1892 года, согласно которому учреждался в Петербурге Центральный Комитет ЕКО в составе 7, а затем 10 лиц, во главе с бароном Г. О. Гинцбургом и генеральным секретарем Д Ф. Файнбергом.

В следующем 1893 году расходы ЕКО по переселению евреев выразились в 31 тысяче рублей. Годом позже сумма эта достигла 100 тысяч рублей. Однако, вследствие кризиса в аргентинской колонизации, над которой чуть ли не с первого дня тяготел рок, ЕКО принуждено было на несколько лет прервать свою деятельность в этом направлении. Центральный Комитет ЕКО обратился в главный Совет с предложением оказания помощи растущей с каждым днем и крайне беспорядочной эмиграции евреев из России в другие страны. Барон Мориц Гирш согласился с этим предложением, однако, при условии, чтобы расходы на подобную деятельность шли не из сумм ЕКО, а из частных пожертвований, собираемых в России...

На совещании руководителей ЕКО в Париже в 1895 году (после смерти барона Гирша), на котором присутствовал также и представитель из России, решено было расширить рамки деятельности ЕКО, и распространить ее на области земледельческого и ремесленного труда в черте оседлости. Однако, и после этого деятельность ЕКО не получила развития.

Только с 1897 года ЕКО, в отличие от первых лет, приступило к действительному ведению работы среди еврейского населения в самой России. Центральный Комитет ЕКО приступил тогда в связи с переписью 1897 года к обследованию экономического положения русского еврейства и провел с этой целью анкету в 1400 пунктах. Работа эта потребовала полутора лет в 1898—99 г.г. Ближайшее участие в этой работе принимал Л. М. Брамсон, занимавший с 1899 г. пост делопроизводителя ЕКО в России. При его содействии расширены были также функции и Совещательного Бюро при ЕКО. Оно было разделено на ряд секций, охватывавших все области еврейского быта: эмиграцию, земледелие, профессиональное образование, кооперативное движение и

кредитную помощь. Деятельность ЕКО в отношении земледельческого труда шла в двух направлениях — в развитии сельскохозяйственного образования и в помощи существовавшим колониям путем введения более усовершенствованных орудий труда и методов лучшей обработки земли, развития новых отраслей сельского хозяйства и предоставления дешевого мелиоративного кредита.

В 1898—1899 годах ЕКО содержало 6 ферм и школ садоводства. Помощь еврейским колониям за эти два года была оказана в 36 пунктах в районах Подолии, в Бессарабии и в Северо-западном крае. В 1898 году было израсходовано на сельскохозяйственное образование свыше 168000 рублей, а в 1899 году уже в 4 раза больше. На мелиоративную помощь истрачено 190144 рубля. Созданный ЕКО в 1901 году плодово-виноградный питомник близ Сорок, Бессарабской губернии, считался образцовым.

В области профессионального образования достижения ЕКО в первые годы 20 столетия также были весьма значительны. Образовательная сеть охватывала 28 мужских школ с 1600 учениками и 19 женских с 2900 ученицами.

Во многих городах черты оседлости открыты были курсы для инструкторов и вечерние классы. Кроме того, ЕКО построило в местечке Дубровне Могилевской губернии фабрику бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры, вложив в это предприятие 800 тысяч рублей. Расходы по одному только профессиональному образованию в 1909 году достигли 218220 рублей.

Для облегчения жилищной нужды ЕКО ассигновало на постройку дешевых квартир в Вильно и Бобруйске 270000 рублей.

По статистическим данным агронома И. Эттингера, число евреев-земледельцев в России накануне первой мировой войны составляло 185 тысяч душ, обрабатывавших площадь пахотной земли в 255 тысяч гектаров. В течение 1901—1914 г.г. ЕКО ссудило одних только колонистов Екатеринославской и Херсонской губерний долгосрочными кредитами на сумму в 800 тысяч рублей.

Наибольший однако успех в деятельности ЕКО выпал на долю кооперативного движения и организации касс мелкого кредита. Главной задачей ссудосберегательных касс было снабжение дешевым и доступным кредитом малоимущих ремесленников, мелких торговцев и другие трудовые слои. Кредитная кооперация, а также организация сбыта ремесленных изделий — все большее место занимали в деятельности ЕКО.

К руководящей работе в этой области ЕКО привлекло ряд еврейских экономистов и общественных деятелей, как И. А. Блюм, Б. Д. Бруцкус, Л. С Зак, И. Р. Ефройкин и других. Следует отметить, что кооперация развивалась в атмосфере правительственного антагонизма и подозрительности. Каждое разрешение на открытие ссудосберегательного товарищества в черте оседлости достигалось ценой больших хлопот. Первое ссудосберегательное товарищество было создано в Гродно. Начиная с 1904 года ЕКО приступило к организации сбыта ремесленных изделий, открывая для этой цели специальные склады. Опыты выдачи ссуд под ремесленные изделия дали отличные результаты.

К началу 1914 года ЕКО удалось организовать 635 ссудосберегательных касс в черте оседлости и 16 — вне черты, насчитывавших около 400 тысяч членов. Каждый член товарищества обыкновенно представлял семью. Если считать семью, в среднем, сам-шесть, то количество населения, которое обслуживалось еврейской кооперацией, достигало 2,5 миллиона душ.

Финансовые операции сберегательных товариществ выражались в десятках миллионов рублей. Иллюстрацией их достижений может служить 1911 год, когда были выданы 220 тысячам членов товариществ ссуды на сумму в 34155104 руб. — цифра астрономическая.

Большое значение для русского еврейства имели организованные ЕКО информационные бюро для эмигрантов, в целях осведомления, защиты их интересов и сношений с странами иммиграции. Таких бюро насчитывалось свыше 400. В одном только 1909 году к помощи этих бюро прибегло 33000 человек. В интересах эмиграции ЕКО стало издавать на идиш двухнедельный журнал «Дер идишер эмигрант», а в конце 1907 г. в Минске был сделан первый опыт устройства курсов для изучения английского языка. Разразившаяся первая мировая война сказалась губительно на деятельности ЕКО, поставив под удар его достижения, а с развитием революционных событий после Октября 1917 года ЕКО разделило судьбу других начинаний в области самопомощи.

Подводя итоги деятельности ЕКО в России, мы должны подчеркнуть, что задуманное, как филантропическое начинание, связанное с именем барона М. Гирша, ЕКО было широко использовано еврейской интеллигенцией для того, чтобы поднять в широких кругах еврейских ремесленников, мелких торговцев и трудовой интеллигенции их общественную энергию и направить ее на пути самодеятельности.

Под этим названием приобрело популярность в годы первой мировой войны Еврейское Общество помощи жертвам войны. Возникшее в Петрограде в 1915 году, в связи с обрушившимся на русское еврейство бедствием, — массовым выселением и массовым беженством евреев из прифронтовой полосы, — ЕКОПО поддерживало тесные отношения с организациями, возникшими в провинции, главным образом в черте оседлости, и вскоре превратилось в общепризнанный еврейской общественностью, а также официальными властями, центр по оказанию помощи в первую очередь беженцам.

В течение 1915—16 г.г. ЕКОПО создало разветвленную сеть уполномоченных, обслуживающих еврейских беженцев на местах и содействовавших провинциальным организациям в выпавшей на их долю работе. ЕКОПО установило тесный контакт и координацию с другими общественными организациями (ОРТ, ОЗЕ и др.) и время от времени созывало совещания как уполномоченных, так и представителей еврейской общественности для выработки программ работы и внесения в нее единообразия и планомерности. ЕКОПО установило связи с заграничными еврейскими организациями и привлекало их финансовую поддержку. ЕКОПО также видело одну из своих задач в том, чтобы исходатайствовать финансовую поддержку со стороны правительства и специально созданных им официальных институций помощи беженцам (Особое совещание помощи беженцам, Татьянинский Комитет), а также установило контакт с Всероссийским Союзом Городов и Земств, в котором либеральные земские и городские деятели развили работу помощи пострадавшему от войны населению.

Русское еврейство с самого начала первой мировой войны стало жертвой военных событий. Уже 29 июля 1914 г. военные власти приступили к принудительному выселению евреев из прифронтовой полосы в русской Польше, и через три месяца после начала войны в одной Варшаве оказалось свыше 80 тысяч евреев-беженцев. Но с дальнейшим развитием военных событий, когда усилились военные поражения русских войск, и Верховное командование (Вел. кн. Николай Николаевич и его начальник штаба ген. Янушкевич) в поисках козла отпущения обрушилось репрессиями на еврейское население, прибегая к злостным антисемитским обвинениям (в шпионаже, измене и пр.), — беженская проблема приобрела трагические размеры.

Весной 1915 года в течение нескольких часов военное командование произвело насильственное выселение всего еврейского населения из Ковенской и Курляндской губерний, — около 200 тысяч человек, в том числе женщин, детей, стариков, больных. По описаниям, появившимся тогда в печати, десятки товарных поездов, в которые были погружены несчастные выселенцы-евреи с их семьями, блуждали по колеям железных дорог, в разных направлениях, в поисках убежища. Картина бедствий, выпавших на долю выселенцев, взволновала до крайности еврейское общественное мнение и побудила руководителей ЕКОПО предпринять ряд решительных шагов для того, чтобы сколько возможно добиться смягчения остроты и безысходности еврейского положения. К этому времени особую актуальность приобрел вопрос о ликвидации черты оседлости, губернии которой оказались переполненными беженцами и выселенцами.

Представители ЕКОПО посылали делегации в Совет министров. Министр внутренних дел Н. Маклаков, вполне соглашаясь с доводами еврейской делегации о необходимости снести стену, отделяющую черту оседлости от остальной России, высказал, однако, свои опасения, как бы эта гнилая стена при падении не раздавила его, министра. Заменивший его новый министр кн. Щербатов летом 1915 года разрешил открыть для потока еврейских беженцев три губернии внутренней России — Тамбовскую, Пензенскую и Воронежскую, прибавив к ним вскоре еще две — Вятскую и Нижегородскую, а в августе того же года Совет Министров постановил «разрешить евреям жительство в городских поселениях вне. черты общей их оседлости за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министра императорского Двора и военного» (см. «Еврейская Неделя» №№ 11, 13, 14 августа 1915 г.).

Помощь беженцам в первую очередь выражалась в мерах по урегулированию эвакуации беженцев и сопровождению поездов. Затем требовалась работа по временному устройству на новых местах, по обеспечению беженцев продовольствием, одеждой, медицинской помощью, по устройству столовых. В дальнейшем появились задачи, упиравшиеся в программу конструктивной работы — по снабжению беженцев постоянным жильем, по приисканию занятий и устройству на работу. В следующей стадии возникли вопросы об организации бюро труда, сети детских учреждений и школ, общих и еврейских, для детей школьного возраста и курсов и мастерских профессионально техниче-

ского характера. Эта разветвленная общественная и практическая работа требовала координации всех сил и создания на местах деятельного аппарата.

В течение 1915—16 годов число беженцев, оказавшихся на иждивении ЕКОПО и местных организаций помощи, неизменно росло. В № 1 журнала «Помощь», издававшегося ЕКОПО, число беженцев определялось в 158751 человек. Согласно № 7 журнала число это достигло — 185000. На первое августа 1916 г. число зарегистрированных беженцев было 215511. На 1 февраля 1917 года евреев беженцев, находившихся на иждивении, по официальным данным, было 199895. По данным же отчета ЕКОПО, число это было много выше, достигая 250000 человек (См. Большая Советская Энциклопедия, т. 24).

В связи с ростом числа беженцев и увеличивавшимся кругом задач, ложившихся на ЕКОПО, возникали финансовые трудности. Средства ЕКОПО, вначале составлявшиеся из пожертвований и взносов отдельных лиц, были явно недостаточны. На совещании комитетов помощи, созванном в сентябре 1916 года ЕКОПО, полугодовая смета с июля 1916 по 1 января 1917 г., определялась в 10 миллионов рублей (См. «Еврейская Неделя», № 39—40 от 25 сентября 1916 г., доклад М. Н. Крейнина). Для того, чтобы изыскать такого рода средства, требовалось добиться значительных субсидий от правительства, от Татьянинского Комитета, от Особого Совещания о беженцах и пр. Представителями ЕКОПО в Особом Совещании были Г. Б. Слиозберг и М. И. Шефтель, которым удалось обеспечить получение ассигновок из общегосударственных средств. По данным, относящимся к более позднему времени (после революции 1917 г.), правительство выдавало ЕКОПО 1 миллион рублей в месяц, исходя из расчета, что беженский «паек» получают 65% всех зарегистрированных беженцев («паек» этот исчислялся в 7 руб. 50 коп. в месяц). (См. «Новый Путь», № 20 от 1 июня 1917 г.). За время войны ЕКОПО получало также средства от центральных еврейских организаций из-за границы, главным образом, из Соединенных Штатов Америки. За 3 года 1915—1917 получено было из этих источников свыше 11 миллионов рублей.

Д-р И. Л. КЛАУЗНЕР

ЛИТЕРАТУРА НА ИВРИТ В РОССИИ

I

«Древнееврейская литература новейшего времени» — это, в сущности, contradictio in adjecto. Новая литература немыслима на древнем языке, разве если этот язык сам станет новым. Так, древнегреческий, доживший до наших дней, стал новогреческим. И точно также древнееврейский стал ново-еврейским. Только потому, что русский язык не имеет слова, которое вполне соответствовало бы французскому hebreu или hebraique, английскому hebrew, hebraic, и немецкому hebraisch (в отличие от juif, judaique, Jewish, judisch — еврейский), так что легко принять ново-еврейский за разговорно-еврейский (жаргон), — только поэтому приходится говорить о древнееврейской литературе XIX и XX века. На самом же деле древнееврейский язык еще задолго до начала христианской эры видоизменился и стал ново-еврейским. Язык Мишны и Барайты (древнейших частей Талмуда) является совершенно новой формацией языка пророков, от которых он весьма существенно отличается и этимологически и синтаксически. А позднейшие лексические наслоения привели к тому, что прозаический язык Бялика не на много ближе к языку Исайи, нежели новогреческий язык Венизелоса к языку Демосфена.

Но и библейский язык остался жив до известной степени. От времени до времени появлялись подражатели языку Исайи и Иова, особенно среди поэтов, которые вообще не чуждаются архаизмов. И древнееврейский язык Библии, на ряду с ново-еврейским Мишны, несколько раз переживал периоды Ренессанса. Так он, например, достиг небывалого расцвета в арабской Испании и в Италии времен Ренессанса (от XI до XV вв.). Знаменитое «созвездие» воспетое Генрихом Гейне в его «Romanzero» — Иегуда Галеви, Соломон ибн Габироль и Моисей ибн Эзра, а также друг Данте — Иммануил Римский

(1270—1330) подняли еврейскую поэзию на древнееврейском языке на недосягаемую высоту. Бурная жизнь благодатных южных стран клокочет и пенится в их полнокровных, красочных и страстных лирических и дескриптивных стихотворениях, в которых национально-еврейские мотивы чередуются с чисто человеческими, причем пышная южная природа и чарующая красота восточной женщины занимают тут не. последнее место. И не только поэзия процветает на еврейском языке в средние века. Философия, естествознание, математика, астрономия, — все это находит свое выражение на значительно видоизмененном и обогащенном целой новой терминологией языке Библии и Мишны.

Лишь начиная с XVI века, после изгнания евреев из Испании (1492), когда во всей Европе (за исключением Турции и Польши) положение евреев становится страшнее и беспросветнее даже, чем в средние века, древнееврейская литература перестает быть светской и становится почти исключительно богословской. Древнееврейский язык искажается до неузнаваемости и испещряется множеством арамеизмов (слов и выражений, заимствованных у арамейско-сирийского наречия); пишутся на нем лишь книги по религиозно-обрядовым вопросам или по еврейской религиозной мистике («Каббала»). Ни светской науке, ни поэзии с общечеловеческим содержанием нет места среди евреев. Как будто толстая стена гетто, которою христиане отделили себя от евреев, отрезала еврейский народ от всего общечеловеческого. Более того: даже книги древнееврейских пророков евреи стали изучать все реже. Слишком далеки были эти пламенные борцы за свободу, правду и справедливость от их втоптанного в грязь, лишенного всех прав, гонимого и угнетаемого народа...

Но стоило XVIII-му веку прокламировать «права человека» и зажечь яркий светоч «просвещения», как евреи тотчас же потянулись за новым светом, и на древнееврейском языке зародилась новая светская литература.

Новейшая литература на иврит (на древнееврейском языке) датирует с 1785 г., когда зародилось первое еврейское периодическое издание под именем «Hameassef» (Сборник), целью которого было как распространение просвещения среди евреев, так и возрождение древнееврейского языка и улучшение литературного вкуса. И 130 лет, протекших со дня основания «Сборника» (1785—1915), можно разделить на 2 или на 4 периода, смотря по тому, имеем ли мы в виду страны, в которых новоеврейская ли-

тература нашла свое развитие, или же — главные течения этой литературы.

По странам развития первый период (1785—1850) можно считать *западным*, или германо-итало-австрийским, а второй (1890—1915) *восточным*, или русско-польско-палестинским.

А по литературным течениям — первый период (1785—1860) можно назвать романтическим, второй (1860—1880) — реалистическим, третий (1880—1900) — неоромантическим, и, наконец, четвертый (1900—1915) — модернистским...

II

Первые толчки к просвещению и к возрождению древнееврейского языка и литературы русское еврейство получило от евреев Германии и Австрии. Новое движение «маскилизма» (Maskil — просвещенный, интеллигент) родилось на Волыни, по близости с Галицией, и на Литве, по близости с Германией. На Волыни первые лучи «гаскалы» (просвещения) распространял *Исаак Бер Левинсон* (1788—1860). В царствование Николая I евреи еще всецело были поглощены или изучением Талмуда и его многочисленных комментаторов, или же — торговлей. Занятие земледелием или ремеслами и изучение государственного языка или светских наук считались недопустимыми: это может отдалить от изучения религиозной письменности и совратить с «пути истины». Это опасение имело тогда некоторое основание. Николай I, стоявший за приобщение евреев к земледелию и к русской культуре, действительно помышлял о том, как бы вербовать среди евреев побольше прозелитов. Но евреи, вместо того, чтоб само просвещение приспособить к условиям их национального существования, заперлись в духовном гетто и знать не хотели, что за стенами его происходит великая переоценка всех ценностей. Левинсон произвел опыт такого приспособления. Цитатами из древней и средневековой письменности он доказывал, что евреи были земледельцами не только до разрушения Второго Храма, но и много веков после этого; что выдающиеся талмудисты были ремесленниками; что лучшие люди в Израиле знали греческий, арабский и испанский языки и даже писали на этих языках религиозно-философские трактаты и т. д. Таким образом Левинсон боролся с предрассудками его современников их же орудием.

На Литве действовал в том же направлении, но другими средствами *М. А. Гинцбург* (1795—1846). Он популяризировал светские науки на древнееврейском языке, который у него, как и у И. Б. Левинсона, обогатился и по-библейскими словами и формами. М. А. Гинцбург руководился правилом: «Не бороться с тьмой, а вносить свет». Он пишет «Всеобщую Историю», переводит повести и рассказы общего содержания, в художественной биографии своей наглядно показывает всю бессмысленность старого еврейского воспитания. А в целях сближения русских евреев со страной, в которой они живут, он составляет краткую «Историю России», — первую в этом роде, — и пишет книгу об Отечественной войне.

Появившийся в то же самое время и в той же Литве поэт *А. Б. Лебензон* (отец), известный под псевдонимом «Адам Гакоген» (1794—1878) — романтик. Лучшие его стихотворения, это — те, в которых лирика соприкасается с философией и Welt-schmerz превращается в богоборчество, — в обвинительный акт против Творца. Его творчество далеко от жизни и от чистого искусства.

Поэтом в современном смысле был его сын, *Михаил Лебензон* (1828—1852), гениальный юноша, унесенный в могилу чахоткой на 24-ом году жизни. Он оставил после себя, кроме перевода III и IV книг «Энеиды» Виргилия, 2 небольшие книжки стихотворений, «Песни Сиона» и «Арфа Сиона». Первая содержит 6 исторических поэм библейского содержания.

В «Арфе Сиона» собраны мелкие стихотворения, оригинальные и переводные. Оригинальные стихотворения — перлы древнееврейской лирики. Эротические стихотворения Лебензона-сына дышат непосредственностью и искренностью.

Товарищ Михаила Лебензона, Иегуд-Лейб (Лев Осипович) *Гордон* (1830—1892) впоследствии был прозван «еврейским Некрасовым». Но в первый период творчества и он обрабатывал исторические темы в духе романтики. Весьма выдающимися можно считать его более поздние поэмы. Одна из них[1] рисует изгнание евреев из Испании, когда в один день было выселено 300000 человек.

И снова изгнанье... Ряд мрачных веков
Скитанья, презренья и злобы врагов

---

[1] Имеется русский перевод под названием «В пучинах моря», в сборнике стихотворений Л. Яффе — «Грядущее», Гродно, 1902, стр. 86—97.

Настал для несчастных. Европы столицы
Им дали одни лишь гробы и темницы,
Их в Африке ждали неволя и цепь,
Поила их кровь азиатскую степь;
Наполнилась трупами бездна морская,
И крови потоки на суше текли...
Но скрылся Всевышний с небес, не взирая
На слезы и муки земли.

Другая поэма И. Л. Гордона «В пасти льва» рисует картины Иудео-Римской войны времен Веспасиана и Тита (70 по Р. Хр.).

Вместе с исторической поэмой появился на древнееврейском языке и *исторический роман*. Исторический роман «Агават Цион» (Сионская любовь), появившийся в 1853 г., был первым еврейским романом вообще, и автор его, Авраам Мапу (1808—1867), был отцом еврейского романа. Но «Сионская любовь» — больше чем обыкновенный исторический роман. Это — полное воссоздание блестящей эпохи Первого Храма — времен пророка Исайи и царя Езекии. Если какой-нибудь археолог вздумал бы выдать книгу Мапу за найденную рукопись пророка VIII или VII века до Р. Хр., ничто не обнаружило бы этой мистификации, — настолько выдержана вся эта книга как по содержанию, так и по языку, в древнееврейском духе. С помощью непостижимой интуиции бедный литовский учитель постиг эпоху, столь отдаленную от его собственной. Здесь история не конструируется, а *живет*, — живет кипучей жизнью древнего Иерусалима со своими пророками и лжепророками, со своим политическим и духовным величием и своими страшными моральными и социальными язвами.

Роман «Сионская любовь» имел неотразимое действие на еврейскую молодежь, не только потому, что он воскресил перед ней светлое прошлое Израиля, но косвенно задевал и российскую действительность. Контраст между прошлым и современностью слишком бил в глаза. Блестящий, свободный и самоопределяющийся Иерусалим времен Езекии — и крайняя приниженность евреев во времена Николая I; лучезарный свет этического учения глубочайшего из пророков — Исаии, — и кромешная тьма узких фанатиков и мракобесов русского еврейства 50-х годов — как мало гармонировало одно с другим! Этот контраст чаровал и пленял молодых евреев — современников Авраама Мапу.

От неприглядной действительности они бежали к романтическому прошлому, — и первый роман Мапу, как и. последовавший за ним в 1865 г. второй его роман «Самарийские козни», стали для еврейских просветителей второй Библией, Они возбуждали отвращение к темным сторонам жизни старого гетто и будили чувство гражданственности и национальное самосознание. Как и просветительное, освободительное движение, так и национально-сионистское движение среди евреев многим обязаны этим романам.

III

В эпоху великих реформ в России нарождается периодическая печать на иврит: в 1857 г. появляется первая древнееврейская *еженедельная газета* «Гамагид», а в 1860 г. появляются сразу 2 еженедельные газеты на древнееврейском: «Гакармел» в Вильне и «Гамелиц» в Одессе, последний из которых, переведенный в Петроград, просуществовал, с перерывами, целых 44 года (1860—1904). К ним присоединяется в 1862 г. 4-ая газета «Гацефира» в Варшаве. Вместе с периодической печатью рождается и еврейская публицистика, трактующая о вопросах живой жизни; и, вместе с нею, вся еврейская литература не витает более в эмпиреях.

В этот период еврейской литературы особенно сильно сказывается на ней влияние русской литературы. Более либеральные веяния сблизили еврейскую интеллигенцию с русской, и русский реализм, даже в его крайних проявлениях, сильно чувствуется во всей еврейской письменности этого периода. Влияние Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Некрасова и др. весьма заметно в произведениях лучших представителей просветительно-обличительного течения еврейской литературы. Нарождается *критическая литература* на древнееврейском языке (этюды Ковнера, Паперны, Абрамовича, Смоленскина), которая глубоко проникнута идеями Писарева и Добролюбова. Вместе с этим появляется целый ряд книг по естествознанию, по истории и географии (Шульмана), по истории России (Манделькерна). В этих сочинениях сквозит стремление пойти рука об руку с прогрессивной Россией и «заслужить» равноправие, осуществление которого считалось тогда предстоящим в близком будущем.

И древнееврейская беллетристика изменилась тогда коренным образом. Тот же Мапу, который в двух романах своих как будто совершенно слился с прошлым, печатает, начиная с 1857 г.

новый роман «Ханжа», из современной жизни. В этом романе он рисует быт русско-литовского еврейства с небывалым до той поры реализмом, бичует святош и воротил и типичных талмудоведов-тунеядцев. А *С. М. Абрамович*, ставший впоследствии известным под именем «Менделе Мохер-Сфорим», изображает в своем романе «Отцы и дети» быт волынских и подольских хасидов и показывает всю бессмысленность религиозных суеверий и весь вред социальных предрассудков этой тогда особенно отсталой части еврейства. Абрамович зло высмеивает также гебраиста-романтика, для которого библейская фраза стала фетишем и который запросов новой жизни знать не хочет.

Подобно романисту Мапу, меняется и поэт Гордон. Он, который в 50-х и в начале 60-х годов занимался, главным образом, историческими сюжетами, теперь становится грозным обличителем традиционного еврейства. А с 1869 г. Гордон выступает и как публицист, присоединяясь к борьбе за реформирование еврейской религии, которую вел один из лучших еврейских публицистов, *М. Л. Лилиенблюм* (1843—1910), напечатавший в газете «Гамелиц» за 1869— 1870 г. ряд статей, в которых доказывал, что позднейшие наслоения еврейской обрядности сделали исполнение всех требований еврейской религии для современного еврея-человека совершенно немыслимым. А в 1876 г. Лилиенблюм издает замечательную книгу «Хатос Неурим» (Грехи молодости), в которой он с искренностью Руссо раскрывает язвы исковерканной души, которые он считает результатом воспитания, основанного на изучении отжившей, сухой, чисто богословской письменности.

Поддерживая Лилиенблюма, поэт Гордон печатает в основанном *П. М. Смоленскиным* ежемесячном журнале «Га-шахор», просуществовавшем 15 лет (1869—1884) и сыгравшем в древнееврейской литературе роль «Отечественных Записок» в русской, ряд поэм обличительного характера. В этих поэмах из современной жизни русского еврейства зло высмеиваются устарелость многих еврейских обрядов, оторванность от жизни всего старого уклада гетто, а также бестолочь еврейских заправил и нравы старой еврейской квази-интеллигенции. Недаром Гордон был прозван «еврейским Некрасовым». Едкая сатира чередуется тут с глубокой скорбью о судьбе некогда великого народа, который стал набальзамированной «египетской мумией».

Поэма-монолог Гордона «Седокия в темнице» — обвинительный акт против израильских и иудейских пророков от Самуила до Иеремии, своим ригоризмом и признанием примата религии

и этики убивших в зародыше еврейскую государственность в эпоху Первого Храма точно так же, как книжники-раввины это сделали к концу Второго Храма.

То, что публицист Лилиенблюм и поэт Гордон обличали в статьях и поэмах, воплотил *Р. А. Браудес* (1851—1902) в романе «Религия и жизнь», местами напоминающем «Один в поле — не воин» Шпильгагена.

Но самое интересное явление этого периода, это, быть может, то, что влияние русской литературы на древнееврейскую сказалось и в нарождении *социалистической литературы на древнееврейском языке*. Первая социалистическая прокламация, предназначенная исключительно для еврейской молодежи, появилась на древнееврейском языке в Лондоне в 1875 г. А в 1876 выходил в Вене даже специальный социалистический ежемесячник «Гаэмес» под редакцией *А. Либермана-Фримана* (умер в 1880 г.). Социализму отводилось значительное место и в журнале, издававшемся в Кенигсберге в 1877—1878 г.г. Кроме ставшего известным впоследствии в американско-еврейских социалистических кругах *Бен-Неца* (Мориса Винчевского), в этом журнале принимал участие и М. Лилиенблюм.

Таким образом, древнееврейская литература представляла в 60-х и 70-х годах почти все течения европейской мысли. Но особенный отклик нашла в ней пробудившаяся тогда благодаря объединению Италии и национальным движениям на Балканах *идея национализма*. Отцом ее в древнееврейской литературе был основатель журнала «Гашахар», *Перец Моисеевич Смоленскин* (1842—1885), литературное творчество которого является как бы переходной стадией от реализма к неоромантизму.

Смоленскин — центральная фигура в новейшей литературе на древнееврейском языке. Он одинаково значителен как беллетрист и как публицист. Шесть крупных романов написал он, кроме ряда мелких рассказов. И почти во всех них он — бытописатель-реалист, изображающий неприглядные стороны быта и картины нравов русско-еврейского гетто. Широкую картину староеврейской жизни он нарисовал в своем четырехтомном романе «Блуждающий по путям жизни», где дал эпопею мятущегося еврейского юноши, который находит последнее успокоение в гибели за свой народ во время погрома в Одессе в 1871 г. А в романе «Ослиное погребение» он показал неизбежность коллизии между личностью еврея, стремящегося к свету и свободе, и обществом, застывшим в старом укладе жизни. Только в романе «Воздаяние праведных» уже просвечивает но-

вое мировоззрение Смоленскина: на примере польского восстания автор убедительно показывает, как мало евреи могут рассчитывать на чужие силы и насколько необходимо евреям творить собственную историю. В повести, написанной незадолго до смерти, «Заветная месть», Смоленскин рисует перелом, совершившийся в душе ассимилированного еврейства под влиянием антисемитской травли и погромов 1880-х г.г. Этому перелому способствовал сам Смоленскин своими публицистическими произведениями.

Реалистический, период древнееврейской литературы породил то просветительно-обличительное литературное течение, которое проповедовало евреям приспособление к общеевропейской и к русской культуре. Положительной стороной этого течения было значительное ослабление влияния религиозных суеверий и национальных предрассудков. Но оно имело и отрицательную сторону: в погоне за общечеловеческой культурой оно проглядело все то, что было общечеловеческого в специфически еврейском. Народу, ведущему политически-самостоятельную жизнь на собственной территории, это, быть может, не страшно. Но у народа, живущего меньшинством среди чужих, лишенного территории и разговорного языка и не имеющего своей собственной экономической структуры, общечеловеческое волей-неволей окрашивается в национальную окраску коренного народа, среди которого народ-меньшинство живет, даже если коренной народ этого не требует. И, таким образом, еврейский народ, со вступлением его в сонм европейских наций, стал обезличиваться. Стало заметно такое явление: резко-национальными чертами отличался лишь еврей гетто, суеверный и фанатичный, а еврей интеллигентный всеми силами старался быть непохожим на еврея. И, если это ему не всегда удавалось, он достигал другого: поляком, французом, немцем он не становился, но сознательным евреем переставал быть. И мало помалу распространилась теория, что еврейской нации нет, а есть лишь «поляки, французы, немцы Моисеева закона». Точно так же, как есть немцы-католики и немцы-лютеране, есть и «немцы-израэлиты». Все дело в вере, а не в национальности.

Против этого взгляда восстал со свойственной ему горячностью П. М. Смоленскин. В появившемся в 1872 г. в журнале «Гашахар» его произведении «Вечный народ» он создает впервые доктрину *«еврейского прогрессивного национализма»*. Этот национализм, столь далекий от «зоологического», не может противо-

речить идее равенства и братства людей: никто больше Смоленскина не ценит великого пророческого универсализма, самого драгоценного дара, который еврейство преподнесло человечеству. Национализм Смоленскина это — стремление к сохранению и свободному развитию разнообразных форм культурной жизни человеческих групп, объединенных общим происхождением и общими историческими переживаниями, — форм, благодаря сочетанию которых и возможна гармония духовной жизни всего человечества. Стремиться не к универсализму, а к космополитизму, значит стремиться к обеднению человечества.

И в гамме национально-культурных форм не последнее место должна занимать национальная культура еврейства. Ибо евреи — нация, а не только религиозная разновидность других наций: у них общее происхождение, общая история и общий язык. Иначе, т. е., если евреи не нация, а лишь религиозная конгрегация, — чем объяснить то, что евреями остаются и атеисты? Исходя из этого взгляда, Смоленский обрушивается в своей следующей книге на всех, придерживающихся теории, что евреи — лишь «Иксы Моисеева закона». Не религия сохранила еврейский народ, а национальное самосознание. Ключ к тайне столь поразительного долголетия еврейского народа надо искать не столько в религиозной спайке его, сколько в великой надежде на возрождение, политическое и духовное.

Но этот ход мыслей уже вводит нас в 3-ий период древнееврейской литературы — в период неоромантический (1880—1900).

IV

Две причины вызвали к жизни еврейский неоромантизм. Освобождение славян усилило, как в свое время объединение Италии, идею политического национализма, основанного на национальной свободе, а погромы и реакция звали к обособленности и идеализации прошлого. И эти два момента, — прогрессивный и реакционный, — идут рука об руку в древнееврейской литературе 80-х и 90-х годов. Политический национализм вылился еще до погромов, в 1879 году, в самый разгар войны за освобождение славян, в стремление к восстановлению еврейской национальной свободы путем колонизации Палестины и к восстановлению еврейской национальной культуры путем воскрешения древнееврейского языка в разговорной речи. Это стремление нашло себе выражение в статьях *Л. Бен-Иегуды* (род. в 1858), кото-

рый, переселившись в Палестину и основав в Иерусалиме первую газету европейского типа, первый ввел древнееврейскую разговорную речь в семью и школу. Обнаружился недостаток новых слов, оборотов речи и технических терминов, — и этот недостаток был восполнен как неологизмами, так и забытыми словами, находящимися в изобилии в сокровищнице 3000-летней еврейской письменности. И с этого момента датируется воскресение древнееврейской речи.

Усилившийся интерес к Палестине не мог не повлечь за собой нарождение целой литературы, воспевающей «обетованную землю», и не мог не будить любви к старине вообще. Поэты *М. М. Долицкий* (родился в 1856 г.) и *Н. Г. Имбер* (1856—1909) воспевали тоску по «прекрасной дочери Сиона», а крещеный еврей — ирония судьбы! — *К. А. Шапиро* (1841—1900) воспел еврейские народные легенды, связанные с идеей искупления и избавления через Мессию. Рано ушедший в могилу *М. Г. Мане* (1860—1887) сочетал пламенную любовь к Сиону со страстным упоением природой и великой тоской по красоте. *Давид Фришман* (1865—1922), талантливый критик и фельетонист, зовет в своих статьях к вечно прекрасному и к вечно человечному, но в своих новеллах, отличающихся изяществом формы, он — романтик чистейшей воды. *Л. В. Явеф* (род. в 1847 г.), автор многотомной «Истории Израиля» в ортодоксальном духе, публицистических статей и полубеллетристических картинок, зовет к самобытности и строгой религиозности, причем, по его мнению, от Европы нам следует позаимствоваться лишь одними внешними формами жизни и литературы.

Совершенно особняком стоит *Менделе Мохер-Сфорим,* псевдоним С. М. Абрамовича (1836—1917). После долгих лет, которые он отдал почти всецело разговорно-еврейскому языку, он вернулся к древнееврейской литературе и подарил ей целый ряд выдающихся беллетристических произведений. Менделе — первоклассный бытописатель-художник. Его бытописания — настоящий эпос. Это — грандиозная эпопея из патриархальной жизни русского еврейства времен Николая I, прежде, чем начался еврейский «ледоход», когда еврейская семья и еврейская община представляли собой мощную скалу, о которую разбивались наступления врагов и все приставания «друзей». Как истый «просветитель»-семидесятник, Менделе относился отрицательно к патриархальному быту; но дух времени сказывается в этих произведениях не только в совершенно обновленном языке, но и в теплой нотке, прорывающейся у

него каждый раз, когда дело касается народных страданий и народного подвижничества.

В 80-е годы древнееврейская литература как бы вся помолодела. До 1886 г. на древнееврейском языке были лишь ежемесячники и еженедельники. В 1886 г. доктор Л. О. Кантор (1848–1915) стал издавать первую *ежедневную древнееврейскую газету* под названием «Гайом». Вслед за этой газетой вышеупомянутые еженедельники «Гамелиц» и «Гацефира» стали также выходить ежедневно. Народилась журналистика, которая трактовала обо всех вопросах общечеловеческой жизни наравне с европейской прессой. Особенно отличились, как крупные журналисты, *Н. Соколов* (1859–1936), редактор «Гацефиры», д-р *Л. О. Кантор, Д. Фришман,* публицисты-ученые д-р *С. Бернфельд* и д-р *Л. И. Каценельсон,* фельетонист *Э. Л. Левинский,* поэт-публицист *З. Эпштейн* и другие. Несколько раньше появились солидные ежегодники, несколько позже – литературные альманахи. Предприимчивый издатель, новеллист *Бен-Авигдор* создал «Грошовую Библиотеку» беллетристических книжек для народа, продававшихся по дешевой цене. Позже, издательства «Ахиасоф» и «Тушия» обогатили древнееврейскую литературу большим числом оригинальных и переводных книг как общечеловеческого, так и еврейского содержания. Появились древнееврейские переводы Пушкина и Лермонтова, Толстого и Тургенева, Короленко и Чехова, а из иностранной литературы – Шекспира и Байрона, Виктора Гюго и Эмиля Золя, Гёте и Гейне, Кнута Гамсуна и Стриндберга, Ницше, Спенсера, Эмерсона и др.

К концу 80-х годов в древнееврейской литературе появляется, как бы на смену Смоленскину и его журналу «Гашахар», крупный писатель, который занял центральное место в литературе 25-летия (1889–1914) и также основал (в 1896 г.) ежемесячник «Гашилоах», выходивший впоследствии под редакцией автора настоящей работы. Это – творец так называемого «духовного сионизма» *О. И. Гинцберг,* известный под псевдонимом «Ахад-Гаам» («Один из народа») (1856–1927).

Этот крупный публицист-мыслитель выступил на литературное поприще к тому времени, когда еврейский патриархальный строй, описанный Менделе, стал давать трещины. Писатели-просветители сделали свое дело. Просвещение, несмотря на ограничения времен Александра III, проникло во все поры еврейства, – и началось бегство из гетто. С тем большим рвением еврейская ортодоксия, поддержанная реакцией с ее ограничи-

тельными законами, ухватилась за старое и отжившее. И создалось положение, при котором с одной стороны стояла ортодоксия, чуждая жизни, окаменевшая и застывшая в обрядности, а с другой — интеллигенция, которая вместе с религией, отвернулась и от родных масс и их национального достояния. Еврейству грозил полный развал.

В это время появляется Ахад-Гаам. Вся его долголетняя литературная и общественная работа, это — искание синтеза между старым и новым еврейством. Он видит «еврейское зло» в том, что, если выразиться несколько утрированно, «еврей — не человек, а человек — не еврей», иными словами — ортодоксальный еврей, свято хранящий все национально-религиозные ценности народа, отворачивается от всего общечеловеческого, а еврей — общечеловек чуждается всего национально-еврейского. Такова судьба народа без территории, без национальной политики и без разговорного общенационально-исторического языка.

Что можно предпринять против этого? — Проповедовать обособленность и шовинизм? — Но, помимо того, что это не в духе еврея и не в духе времени, мы уже видели, что это приводит лишь к окаменелости самого иудаизма: традиционный еврей — «только еврей», а не «еврей-человек». И вот Ахад-Гаам не находит иного средства не только для спасения еврейства как национальности, но и для установления синтеза между еврейским и общечеловеческим, кроме *создания еврейского духовно-национального центра в Палестине*. Такой центр, не разрешая ни чисто-экономической, ни чисто-политической стороны еврейского вопроса в диаспоре, разрешит *национальный* вопрос всего еврейства. Создается мало помалу уголок на земном шаре, где евреи будут иметь свою собственную — хотя бы ограниченную суверенными правами другой державы — государственность, будут творить свою собственную национальную культуру, будут говорить на своем собственном национальном языке и, вообще, будут как все территориальные нации. А так как этим уголком будет Палестина, т. е. не только историческая родина еврейства, но и колыбель пророчества и христианства, то есть основание предполагать, что евреи там возьмутся снова за прерванную почти 19 веков тому назад нить их истории и вновь создадут культурные ценности, которые, подобно Библии и христианству, станут достоянием всего человечества.

Таков «духовный сионизм» Ахад-Гаама, который, в отличие от «политического сионизма» Герцля, стремился к тому, чтоб — по собственному выражению Ахад-Гаама «центром всего стало

живое стремление сердца к объединению и возрождению нации и к свободному ее развитию, *соответственно духу ее, на общечеловеческих началах*».

Эта весьма интересная доктрина[2] поставила проблему старого и нового еврейства, и тесно связанную с нею проблему еврейского и общечеловеческого, во всю ширь. И этим она послужила толчком к новым идеям и стремлениям, которые тесно сплетаются с новейшим течением еврейской литературы — *с модернизмом*.

V

Первым еврейским модернистом был *И.-Л. Перец* (1851—1915). Еще в 1894 г. он издал небольшую книжку эротических стихотворений «Флейта», которые поражают новизной поэтических форм, тонкостью поэтических настроений и своеобразием поэтического языка. Несколько позже Перец стал творцом небольшой художественно-законченной картинки, тонкого силуэта, беглого, но изящного эскиза, символического рассказа и аллегорической сказки. Как Менделе Мохер-Сфорим, и он писал одновременно на древнееврейском и на разговорно-еврейском языке. И, если реалист Менделе является «дедушкой еврейской литературы», то модернист Перец — «отец» ее. В противоположность Менделе, который рисует групповые типы народа, Перец изображает типы индивидуальные, и в то время, как Менделе рисует еврея в человеке. Перец рисует человека в еврее. Однако, и модернист Перец отдал обильную дань еврейской неоромантике. Он, вместе с *Бердичевским*, о котором речь впереди, и с весьма талантливым новеллистом *Иегудой Штейнбергом* (1863—1908), подметил лучшие черты хасидизма, на который так нападали еврейские просветители: он узрел поэтическую философию, легшую в основу этого родного дитяти еврейского мистицизма. «Хасидские рассказы» Переца, это — неоромантика, поднимающая изживший себя хасидизм до степени нового «философско-поэтического миропонимания». А его «Народные сказки» поднимаются до высот тончайших символических творений лучших модернистов.

Развал патриархального строя вызвал в душе молодых еврейских писателей двойственное чувство. С одной стороны, со-

---

[2] Подробнее о ней см. мою книгу: «Ахад-Гаам и его духовный сионизм». Издание 2-ое, Одесса, 1905.

знание, что старое должно уйти безвозвратно, что победа нового неминуема; с другой — тоска по лучшему, что сохранило старое, и страх перед неизвестным, что принесет с собою новое. И эта тоска, и этот страх еще усугубляются опасением: кто знает, будет ли это новое — еврейским? — И есть ли уход старого — результат внутренне еврейского процесса, или же результат внешнего давления, ничего общего с внутренним развитием не имеющего?.. Эту двойственность, этот душевный разлад еврейского интеллигента выразил в мягких лирических тонах безвременно погибший *М. З. Фейерберг* (1874—1899) в ряде чудных эскизов и в повести «Куда?». Тут выступает тот специфический Judenschmerz, который в молодой еврейской литературе пришел на смену общечеловеческому Weltschmerz. Народ, который благодаря своеобразной культуре своей, выдержал натиск эллинизма, испанской инквизиции, бесконечных гонений и ограничений, — неужели такой народ может пожертвовать всеми своими национально-культурными ценностями во имя эмансипации и пойти навстречу ассимиляции, т. е. национальному самоубийству?.. И тихая, но глубокая скорбь охватывает молодого мечтателя, который ухватывается за синтез Ахад-Гаама, т. е. за территориальный национализм, базирующий на общечеловеческих началах.

Совершенно иного взгляда на разрешение проблем, поставленных Ахад-Гаамом и отображенных в произведениях Фейерберга, придерживается публицист-художник *М. И. Бердичевский* (род. в 1865). Ахад-Гаам — моралист. Его «духовный сионизм» базирует на том, что евреи были «народом духовным», и таковым должны остаться. Исторический иудаизм должен быть продолжен в существенных частях своих: он лишь должен европеизироваться и — главное — опочвиться. Коренная ломка невозможна да она и нежелательна: иначе историческая эволюция будет нарушена, и еврейство превратится в «нееврейство». Уже древнейшее пророчество Бердичевский считает роковой ошибкой: пророки, напирая на мораль и на служение Богу, убили в еврейском народе любовь к земному и вместе с этим к государственности. Они сделали его народом без родины: сделали Бога его родиной, и Тору — его государством. И то, что начали пророки, закончили фарисеи и творцы Талмуда. Они подменили живую, национальную жизнь и убили любовь ко всему земному; взамен этого возвеличили бесплотную духовность и создали культ книги. Таким образом, *иудаизм поглотил еврейство*. И пока евреи не перестанут все отдавать своему

Богу, жить неземными идеалами и считать себя «избранным народом», они будут непригодны ни к возрождению Палестины, ни к полной государственной и культурно-экономической жизни опочвившегося народа. Необходима переоценка всех ценностей: необходимо на место книги поставить жизнь, на место разума — чувство, а на место отвлеченных идей — земную красоту и земные здоровые чувства. И только тогда будет возможно возрождение страны для народа и преодоление дряблости, безвкусицы, надорванных душ, половинчатости и бескровности. В многочисленных беллетристических произведениях Бердичевский рисует еврейскую молодежь с «надрывом», — которая от еврейского отстала и к общечеловеческому не пристала, — бескровных юношей, которые не умеют ни сильно любить, ни наслаждаться природой, — ибо они — ходячие идеи, ибо рефлексы и резонерство заели их, — детей народа-книжника. Лишь в хасидизме с одной стороны и у еврейского простонародья — с другой, он находит цельные натуры, нетронутые книгой или преодолевшие ее власть над евреем-интеллигентом, старым и молодым.

Очевидно, разногласие между Ахад-Гаамом и Бердичевским коренится в антагонизме между «эллином» и «иудеем». Этот антагонизм сильно занимал и продолжает занимать древнееврейскую литературу. Против сужения границ иудаизма восстал ряд видных писателей: *Р. Брайнин,* талантливый эссеист и критик, д-р *М. Эренпрейз,* критик и публицист с чуткой душой, д-р *О. Тон,* социолог, написавший солидную книгу о Спенсере, д-р *Д. Неймарк,* глубокий философ с оригинальными взглядами, *Гилель Цейтлин,* поэт-публицист и мистик, *Саул Гурвич,* самый крайний из «расширителей» границ иудаизма и т. д. Но эта борьба за и против эллинизма отразилась также и на творчестве трех крупнейших еврейских поэтов современности — *Х.-Н. Бялика* (1873—1934), *Саула Черниховского* (1875—1943) и З. Шнеура (1887—1959).

Бялик — единственный еврейский поэт, который стяжал себе мировую известность: сборники переводов его стихотворений появились на русском, итальянском, немецком языках, а отдельные его стихотворения имеются и во французском, польском и венгерском переводах.[3]

---

[3] Русский перевод, наиболее полный: Х. Н. Бялик. Песни и поэмы. Авторизованный перевод с еврейского и введение Вл. Жаботин-ского. Издание 3-е. Петроград. 1914.

Его литературная деятельность разбивается на два периода. В первом он — неоромантик. Он страстно любит еврейскую старину и воспевает еврейский «бет-гамидраш», который он считает источником вечной жизни еврейского народа. Он скорбит о том, что вся прежняя святость и величие еврейского духа идут насмарку под разлагающим влиянием чужой культуры. Но уже и в этот период он в поэме «Подвижник», вместе с возвеличением подвижничества народа, горячо сетует на бесконечные жертвы еврейства, которые не спасли старого иудаизма, но лишили носителей его света, красоты, земной любви и полноты национальной жизни. А в стихотворении «Как суха трава...» он изобличает и пророчески карает еврейский народ, который настолько ушел в религиозную обрядность, с одной стороны, и в погоню за золотом, с другой, что исчах и истлел, и не способен подняться и восстать против своей судьбы, даже когда «прогремел глас Божий», — а подымают его лишь скорпионы да погромы...

Во втором же периоде деятельности Бялик прощается с неоромантикой. Кишиневский погром 1903 г. вызвал появление его «Сказания о погроме». Это не поэма, а пророческое видение. Не против громил и вдохновителей их направлено оно, но против дряблости и пассивности народа, который считает среди своих предков Маккавеев и великомучеников. И страшны поэту бесцельность и бессмысленность новых еврейских гекатомб: и религиозного мученичества тут не было, и защита национального достоинства тут не имела места...

Вы бьете в грудь и плачете, и громко
И жалобно кричите мне: грешны...
Да разве есть у праха, у обломка,
У мусора, у падали вины?
Мне срам за них, и мерзки эти слезы!
Да крикни им, чтоб грянули угрозы
Против Меня и неба, и земли, —
Чтобы, в ответ на муки поколений,
Проклятия взвилися к горной сени,
И бурею престол Мой потрясли!

А после погромов 1905 г. поэт отворачивается от чисто еврейских сюжетов и поет песни света и песни любви, из которых многие, — в особенности, ярко рисующие русскую зиму «Зимние песни», — отличаются богатством красок и глубиной элеги-

ческого элемента. Но песни света Бялика выражают лишь неутолимую жажду света, а песни любви — лишь сильную тоску по неизведанной любви. Старый иудаизм крепко держит Бялика в своих цепях.

Истинным певцом света, красоты и любви является *Саул Черниховский*. Это — самый эллинистический из иудеев. Вместе с ним в древнееврейскую литературу, которая столетиями не знала ничего, кроме плача и стенаний, ворвалась могучая струя эллинской жизнерадостности и почти дионисийского упоения земным и чувственным. Ни следа плаксивости и сентиментальничанья. «Страсть огневая» — его стихия. Радости жизни — его божество. Свежим ароматом лесов благодатной Украины и степей чарующего Крыма, откуда он родом, веет от каждого стиха его. Вместе с преклонением перед красотой, его воодушевляет все мощное и величавое в природе и в истории. Он жаждет борьбы и волнений; только они способствуют полному проявлению жизненных сил. Падший в неравной борьбе с императором Адрианом, мощный гигант Бар-Кохба, вследствие неудач получивший презрительную кличку «Сына Лжи» и Лжемессии, для него неизменно остается «Сыном Звезды». А средневековые монументальные замки и башни, пережившие века, вызывают в нем восхищение «гордыми поколениями», великими «в своей вере и в своих преступлениях», и пламенное желание быть, как и они, «молотом на наковальне бытия».

Черниховский — пантеист. В одном из стихотворений «Ноктюрн» он обращается к земным стихиям и просит их, чтобы они наделили его частью их собственного могущества. Особенно ярко проявляется это пантеистическое слияние человека со всем бытием в стихотворении «Лесные чары», где заросшие мхом камни и пробивающийся из-под земли ручеек, логовище зайца и нора крота, муравейники и семьи грибов — все ему одинаково дорого, всех их он приветствует.

Черниховский влюблен в Элладу. Никто не говорил о стране Гомера и Анакреона в таких восторженных выражениях, в каких описывает ее древне-ново-еврейский поэт в своей поэме «Деянира». И никто, как он, не стоял коленопреклоненным «перед статуей Аполлона» и не звал так громко и повелительно к Богу Красоты больной народ свой. Этот эллино-иудей рисует специфически еврейские страдания в совершенно новом свете. Бялик в «Сказании о погроме» умел пророчески карать дряблость и страдальческую пассивность еврейского народа. Черниховский в исторической поэме «Барух из Майнца» показал нам отрав-

ленную душу гонимого еврея со всей накипевшей в ней злобой и жаждой мести.

Черниховский знает и великую трагедию рассеянного народа. В поэме «В тупике» он повествует, как во время греко-турецкой войны 1897 года оба сына Самуила из Салоник отправились добровольцами, один — в турецкую армию, а другой — в греческую. Огонь выстрела, мелькая, освещает роковое событие: брат убил брата во имя чуждых им обоим интересов. Но эта трагедия рассеянного народа, и даже страшный распад его, не туманят ясного взора еврейского жреца Аполлона. Если в Бялике есть много от Лермонтова, то в Черниховском можно найти нечто от Пушкина. Великая вера в жизнь не покидает его ни на минуту. Особенно она проявляется в его «Идиллиях» — эпических творениях современной еврейской поэзии. На фоне мягкой Украины и солнечного Крыма Черниховский набрасывает широкие картины еврейского народного быта, в которых отражена светлая сторона иудаизма не как учения, а образа жизни еврейских масс. Что-то гомеровское разлито по всем этим величавым описаниям, где сливаются природа и люди, быт и мать-земля, евреи и христиане — соседи их. Мирное сожительство еврейской массы с русской находит здесь гармоническое освещение, притом — лишенное малейшей тенденциозности.

З. Шнеур — поэт большого города. Нет святынь для этого «жестокого таланта». В поэме «Видение о скуке» он изображает пресыщенность современного человека: женщина, слава, возрожденный культ Аполлона и Венеры не могут спасти жителя большого города от скуки, преследующей его. Сознание относительности и преходящести морали, познания, правды, красоты, лишило современное человечество Бога, идеала, абсолюта, — и horror vacui страшен человеку XX века. И еще страшнее он современному еврею — сыну народа беспочвенного, от своей культуры отставшему и к чужой не приставшему. Даже великий мессианский идеал Исайи ему ненавистен, как и идеал социалистического равенства. В чем искать спасения? — И поэт ищет спасения, подобно Бодлеру, в грехе. Но он и грехом пресыщен — и тогда обращается к Природе. Он пишет лирическую поэму «В горах». Эта поэма — симфония красок и музыки. Есть в ней философско-поэтические рефлексы, которые напоминают лучшие страницы второй части «Фауста». — Но Шнеур одной природой жить не может. В другой лирической поэме «Под звуки мандолины» после ожесточенных нападок на религию, которая убила жизнерадостность на земле, обращается он к Риму, разрушите-

лю Иудеи. Рим возжелал уничтожить Иерусалим. Рим сжег храм Иеговы, рассеял Его сынов, разграбил Его святыни. Но Иерусалим жестоко отомстил: он дал Риму Бога. И вместе с Богом Иерусалим «иудаизировал» всю греко-римскую культуру и ее наследницу — культуру Европы!

Кроме трех выдающихся поэтов, современная еврейская литература обладает целым рядом поэтов второй величины. Самый выдающийся из них — *Яков Коган* — лирик с нежной душой, стих которого обладает редкой музыкальностью. За ним идут *Д. Шименович, Я. Фихман, И. Каценельсон, Я. Штейнберг* и др.

Из молодых беллетристов достоин упоминания: *И. Бершадский* (1870—1908), романы которого обнаруживают сильное влияние новейшей русской литературы; *И. Х. Бреннер* (1881—1921), ярко изобразивший типы раздвоенных и надломленных еврейских мечтателей, революционеров, как и сионистов, писавший под влиянием Достоевского; *С. Бен-Цион,* бытописатель мягкий и задушевный, тонкий знаток души ребенка и красочно изображающий пышную природу Бессарабии; *Г. Шофман* — художник-ваятель, набрасывающий двумя-тремя штрихами характеристику целого типа и являющийся оригинальным сочетанием Чехова и Кнута Гамсуна; *У. Н. Гнесин* (1880—1913) — самый индивидуалистический из всех еврейских художников, всю короткую жизнь свою изображавший немые души и употреблявший лишь полусвет и полутона; *Д. Г. Номберг* — типичный еврейский декадент, и многие другие.

Таков краткий, — слишком краткий — очерк новейшей литературы на древнейшем языке[4]. Из него легко убедиться, насколько ошибочно представление, будто на древнееврейском языке имеется лишь религиозная литература евреев. Язык, на котором издаются ежедневные и еженедельные газеты и ежемесячные журналы, и на который переведены десятки произведений лучших европейских классиков, не. может быть выражени-

[4] Более обстоятельный разбор этой же литературы читатель найдет в моей книге: Ново-еврейская литература (1785—1910). Издание второе, Одесса, 1912. См. также: N. Slousct: La Renaissance de la litterature hebraique (1743—1910), Paris 1903 и его же: La poesie lyrique hebraique contemporaine (1882—1910), Paris 1911.

ем одной лишь религиозной мысли народа, принимающего участие во всех политических и социальных движениях современной Европы. И, действительно, все течения европейской мысли и европейского искусства нашли себе более или менее полное отражение в древнееврейской литературе последних 130 лет. А что эта литература связана с политической жизнью России и с течениями русской литературы — очевидно.

Такие крупные таланты, как Гордон и Лилиенблюм, Бершадский и Бреннер, находились под влиянием русской литературы. В «Зимних песнях» Бялика или в «Идиллиях» Черниховского проявилась теснейшая связь древнееврейской поэзии с русской природой и даже с русским бытом. Но, несмотря на все это, древнееврейская литература сохранила свою самобытность. Она не только отражала все переживания еврейского народа за последние 130 лет, но и разработала все специфически еврейские проблемы, вызываемые исключительным положением рассеянного и гонимого народа. И в центре этих проблем стояло соотношение между специфически еврейским и общечеловеческим. Еврейская литература вот уже целые десятилетия как ищет синтеза между эллинским и иудейским, между арийским и семитическим. И этого синтеза, в сущности, доискивается все мыслящее человечество. Отсюда — не говоря уж о самодовлеющей ценности новейшей литературы на древнейшем и вечно обновляющемся языке народа, — огромный интерес, который еврейская литература представляет для всякого, и нееврейского, читателя. А для русского читателя она представляет интерес сугубый: ведь, главным образом, в России эта литература выросла, развилась и достигла расцвета.

1915 г.

От редакции. Статья известного еврейского историка и историка литературы д-ра И. Л. Клаузнера была опубликована впервые в сборнике «Отечество», вышедшем в Петрограде в 1916 г. Мы печатаем ее с сокращениями, дополнив некоторыми датами.

ЮДЛ МАРК

ЛИТЕРАТУРА НА ИДИШ В РОССИИ

Автор обзора еврейской литературы в России от начала 60-х годов прошлого столетия до большевистского переворота берет на себя благодарную, но в то же время несколько искусственную задачу. Благодарной она является потому, что эти пятьдесят с лишним лет были эпохой пышного и мощного расцвета еврейской литературы, совпавшего с большими переменами и потрясениями в жизни народа. Автора смущает однако то обстоятельство, что он вынужден отрывать ветки, выросшие на русской почве, от ствола всемирной еврейской литературы, сложившейся, как нечто целое и единое. Трудно, например, говорить о С. Фруге, умалчивая об его современнике Морисе Розенфельде, или характеризовать начало поэтической карьеры А. Лесина и Иегоаша, игнорируя их дальнейшую деятельность только потому, что эта деятельность протекала в США. Автору придется, однако, оставаться в пределах своей темы. Памятуя об этом, читатель не может рассчитывать на то, что предлагаемая работа даст ему полный обзор всей литературы на идиш за 50 лет. Наша задача – дать представление о главных линиях и наиболее значительных литературных явлениях, жертвуя при этом подробностями, могущими только утяжелить изложение.

Развитие литературы на идиш шло в течение полувека рука об руку с развитием еврейской общественности. Литература отражала происходившие в жизни существенные перемены, но она не была просто на просто зеркалом действительности: она будила общественную мысль, толкала ее вперед и являлась ведущей духовной силой в жизни русских евреев. Расцвет литературы радикально изменил отношение к еврейскому языку – к идиш: заодно с ростом литературы росла и роль идиш, как национального языка еврейского народа.

В начале 19-го века небольшая группа маскилим (просветителей), руководимая Менделем Сатановером, стремясь поднять престиж идиш, решила попытаться перевести Библию на разговорный язык евреев Подолии. План вызвал оппозицию со стороны большинства местных маскилим; смелое предприятие пришлось оборвать. В первой половине 19-го столетия авторы, находившиеся под влиянием европейской литературы и пытавшиеся внести в идиш новые литературные формы, вынуждены были писать для ящиков письменных столов или для узкого круга друзей и знакомых. Они не печатали своих произведений, а переписывали их от руки, как это было до изобретения книгопечатания. Согласно давней традиции, книги на идиш предназначались для двух категорий читателей: для малограмотных (невежд) и для женщин (надпись на таких книгах гласила: «красиво и пригодно для женщин и девушек»).

Движение Гаскалы в России находилось в большой мере под влиянием аналогичного движения в Германии, представители которого, борясь против старых форм еврейской жизни, зло высмеивали идиш и называли его «жаргоном». В Германии маскилим пользовались почти исключительно немецким языком («Гамеассеф» существовал недолго, и круг его читателей был невелик). В России просветители в первой половине 19-го века не могли использовать русский язык, так как писатели-маскилим сами плохо владели русским языком. Языком идей Гаскалы и литературного творчества был в ту пору иврит. Лишь немногие, считанные писатели, проникнутые передовыми социальными идеями и стремившиеся в борьбе с хасидизмом расширить круг своих читателей, принялись писать на идиш; но они не задавались целью способствовать росту еврейской литературы в ее полном объеме (единственное исключение составлял тут Ш. Этингер). Широкие народные массы несомненно были привязаны к родному языку. Но бесправие, материальная нужда и социальная приниженность мешали росту самоуважения в народе: это не способствовало поднятию престижа и уважения к родному языку. Приобретение знаний и продвижение вверх по ступеням культуры вообще связано было с русским или древнееврейским языком; единственным языком светского образования был русский. Даже к концу 19-го века в пору возникновения народнических и революционных движений, когда было уже признано необходимым использование идиш для просвещения народа и пробуждения в молодежи стремления к лучшей жизни, даже тогда видели в идиш лишь средство приобщения к новым идеям,

но не средство выражения собственных духовных запросов или язык подлинного художественного творчества. Эти взгляды на идиш были распространены в еврейской интеллигенции и в начале XX века; перемена отношения к идиш явилась результатом несравненного роста еврейской литературы и духовного созревания вышедшей из народа интеллигенции, связь которой с широкими массами становилась с каждым годом глубже и интимнее. История воззрений на идиш является как бы частью истории еврейской литературы и общественного развития еврейской народной интеллигенции. Ниже мы остановимся на важнейших моментах этого развития.

В 60-х годах просветительное движение переживает кризис: говоря словами С. Нигера, Гаскала, которая считала себя «дочерью небес», сходит на землю и приобщается к повседневной жизни. Еврейские интеллигенты, которые еще недавно заботились только о собственном просвещении и о том, чтобы самим вырваться «из тьмы», постепенно втягиваются в работу для народных масс, стремясь «принести свет живущим во мраке». Гаскала смыкается с процессами, происходящими в еврейской народной жизни, и это дает сильный толчок подъему еврейской литературы. Характеризуя предшествующую эпоху до начала 60-х годов, И. Л. Гордон заметил, что «просветившиеся» суть оторванные от народа одиночки. Но в 60-х годах положение начинает медленно меняться, а спустя 20 лет, к 80-м годам, уже возникает бурное движение. До 60-х годов печатаются и распространяются только отдельные книги светских еврейских писателей. Авторам произведений, написанных в первой половине 19-го века, суждено было увидеть их в печати только во второй половине века. Литература на идиш первой половины 19-го века была рукописной; исключение составляли популярные новые хасидские сочинения и книги, которые были продолжением старых изданий, религиозных или развлекательных. Некоторые из рукописных произведений предназначались для чтения вслух, для пения или декламации. Только одному еврейскому писателю удалось добиться популярности в пятидесятых годах: это был Айзик Меер Дик, уроженец Вильны (1814?—1893).

Картина быстро меняется в 60-х годах, когда в России появляются периодические издания на идиш (Мы не включаем в обзор «Беобахтер ан дер Вайсл» — 1823—1824, — выпустивший 44 номера, так как он не имел ни общественного, ни литературного значения). Еще при Николае I-м прилагались усилия, не увенчавшиеся успехом, получить разрешение на издание журнала на

идиш. Первый еженедельник вышел только в октябре 1862 года. Это был «Кол-Мвассер», выпускаемый Александром Цедербаумом в качестве приложения к его же органу на иврит «Гамелиц» в Одессе. В 1869-м году «Кол-Мвассер» становится самостоятельным органом и продолжает выходить в Одессе в то время, как «Гамелиц» переносится в Петербург. В течение последних двух лет своего существования журнал редактировался М. Белинсоном. Он просуществовал ровно десять лет (последний номер вышел 15-го ноября 1872 г.).

«Кол-Мвассер», первый орган на идиш в России, пользовался большим влиянием. Он заинтересовал читательскую аудиторию, будил застоявшуюся общественность и призывал реформировать еврейскую жизнь. «Кол-Мвассер» проникнут был духом Гаскалы и — главное — пропагандировал мысль о современном еврейском воспитании. Он систематически отражал протесты с мест просвещенных и прогрессивно настроенных деятелей против порядков в общинных учреждениях. В еженедельнике сотрудничали Иегошуа Лифшиц, Менделе Мойхер-Сфорим, И. И. Линецкий, И. Л. Гордон и другие. «Кол-Мвассер» содержит богатый материал по истории десятилетия; на его страницах появились первые подлинно художественные произведения таких писателей, как Менделе и Линецкий. Журнал постепенно приучал читающую публику к более высокому литературному уровню произведений, имевших одновременно характер общественной сатиры. Чтобы не возвращаться к другим периодическим органам, выходившим до 80-х годов, мы упомянем здесь «Варшавер Идише Цайтунг», издававшуюся с февраля 1867 г. до января 1868 г. Этот еженедельник носил локальный характер и имел ограниченный успех, и роль его была невелика.

Ввиду того, что в 70-х годах получить разрешение на выпуск еврейских периодических изданий было невозможно, сделано было несколько попыток издавать периодические органы на идиш за пределами России. И. И. Линецкий и Абрам Гольдфаден издавали в Лемберге с сентября 1875 года по февраль 1876 г. еженедельник «Исролик». Главной опорой журнала была группа писателей-южан — И. И. Лернер, М. Л. Лилиенблюм и Менделе Мойхер-Сфорим. Еженедельник просуществовал около полугода и вынужден был закрыться, так как ввоз его в Россию был запрещен властями. Другую попытку издания журнала заграницей сделал Луи Родкинзон в Кенигсберге, выпуская там с августа 1876 г. до средины 1879 «Кол-Лоам».

Журнал проникнут был традиционными настроениями и пытался установить компромисс между религией и Гаскалой. В нем сотрудничали преимущественно писатели из северных районов — Айзик-Меир Дик, Михл Гордон, Элиокум Цунзер. Направление журнала резко изменилось, когда он попал в руки социалиста М. Винчевского. Цензура немедленно почувствовала происшедшую перемену и запретила ввоз журнала в Россию. «Кол-Лоам» прекратил существование.

Центральной фигурой в еврейской литературе за последнюю треть 19 века является Менделе Мойхер-Сфорим. Господствующим направлением той эпохи был реализм, и главным вкладом Менделе явилось установление основ творчества — образцов формы, стиля, писательской техники, языка. Важнейшие литературные явления того времени и большинство еврейских писателей концентрировались вокруг личности Менделе. Среди писателей были как его предшественники, так и современники его, хотя по характеру своей литературной деятельности принадлежавшие к более ранней эпохе; среди них были также попутчики, последователи его и — противники. Менделе принадлежит в литературе на идиш центральное место, и вокруг его личности мы наметим схему развития еврейской литературы.

Начнем с тех писателей, которые, будучи хронологически современниками Менделе, по форме и содержанию своих произведений были его предшественниками.

Еврейские поэты того времени составляли как бы промежуточное звено, переход от народной песни к индивидуальному творчеству. Самым известным поэтом был Михл Гордон (1823—1892), уроженец Вильны. Это был человек исключительной душевной чуткости, прошедший через мытарства и скитания, честный просветитель (маскил), в своих произведениях подвергавший критике отрицательные стороны еврейского быта. Язык его стихов прост и ритмичен, содержание прозрачно. Его любимый жанр — бытовые баллады; многие из них вошли в народный песенный репертуар. Под старость Гордон разочаровался в идеалах Гаскалы; удрученный нищенским существованием домашнего учителя, он создает цикл проникнутых горечью и одиночеством элегий. Шурином Михла Гордона был известный поэт на иврит Иегуда-Лейб Гордон (1829—1892), который выпустил только в 1886 году свой сборник стихов на идиш под названием «Шихас Хулин» с преобладанием в них социальных мотивов в духе Гаскалы. Поэт сам не слишком высоко ставил плоды своего творчества на идиш, но нужно

признать, что стихи его по форме отличаются от произведений других поэтов-маскилим легкостью и мастерством. Известного совершенства формы достиг и другой поэт той эпохи — уроженец Вильны Ш. И. Каценеленбоген, обнаруживший также разнообразие тематики: лирику, национальные мотивы, сатирические куплеты, переводы из Гейне и русских поэтов, молитвы и религиозные напевы. Он, однако, не имел успеха, представляя собой как бы звено, соединяющее Шлойме Этингера (1800—1856) с Шимоном (С.) Фругом.

Наибольшей популярностью на Литве пользовался в свое время Элиокум Цунзер (1835—1913), этот Айзик-Меир Дик еврейской поэзии. Это был последний знаменитый «бадхен», выступавший, по старинному обычаю, со своим репертуаром на свадьбах и на торжествах в богатых домах. Его стихи стали достоянием народных масс. Придерживаясь традиций «бадхенов», Цунзер неизменно дидактичен и тяготеет к морализированию — сначала в духе Гаскалы, а затем — в духе палестинофильства. Подобно другим «песенникам» и поэтам, обнаруживающим склонность к театральности, Цунзер часто прибегает к персонификации («Паром», «Лето и Зима»). Особенной популярностью пользовались его поэмы «Соха», «Аристократ», «Девятый вал».

В 60-х и 70-х годах приобрел некоторую известность уроженец юга России Шмуэль Бернштейн, автор разных произведений, но главным образом — стихов. Среди них преобладают сентиментальные жалобы на жизненные невзгоды, — они проникнуты искренней народной задушевностью и кроткой примиряющей резиньяцией перед лицом суровой судьбы.

Абрам Гольдфаден (1840—1908) входит в историю, как «отец современного еврейского театра», как организатор, режиссер, драматург и композитор, создавший ряд трогательных мелодий. Тема еврейского театра выходит, однако, за пределы нашего обзора; притом надо отметить, что театр Гольдфадена возник в 1876 г. в Румынии; период его расцвета в России продолжался всего несколько лет — с 1879 по 1883 г. В 1883 г. распоряжением властей запрещены были представления на идиш, и театр перенес свою деятельность в Соединенные Штаты. Нас А. Гольдфаден интересует здесь, как автор стихов, проникнутых духом Гаскалы и романтического национализма; в этих мелодиях, выдержанных в народном стиле, он достиг большого стихотворного мастерства. На лестнице, ведущей от народной песни к современной поэзии, он бесспорно занимает первую

ступень. Необходимо также отметить литературное значение его опереток. Некоторые из них — это комедии-гротески, высмеивающие, подчас в грубоватой форме, отрицательные стороны еврейской жизни: таковы, например, «Шмендрик» или «Цвей Кунелемилех». Другой жанр — сентиментальные народные мелодрамы на исторической канве, вроде «Бар-Кохбы» или переработка легенд — «Суламифь». А. Гольдфаден поднял на большую высоту старинное наследие Пуримских представлений, придал более рафинированную форму жанру искусства кабачков, представителями которых были т. наз. «певцы из Брод» (к сожалению, мы лишены возможности включить в рамки нашего обзора характеристику последнего из этих «певцов», Вельвеля из Збаража).

Писатели Гаскалы питали большую склонность к драматической форме, хотя не могли рассчитывать на то, что их пьесы попадут на театральные подмостки. Все они тяготели к реализму и к сатире и были убеждены, что форма драмы даст возможность изобразить действительность с наибольшей точностью. Этим объясняется появление в 60-х и 70-х годах таких бытовых пьес, как «Бабьи узелки» (1864) Людвига Левинсона (пьеса эта впервые появилась на сцене в 20-х годах нашего столетия), «Реб Иохце Дал-Гао» Шмуэля Бернштейна, «Хаим-богатей» (1866) и «Певица Рохеле» (1868) И. Б. Фальковича, «Необыкновенный брис» (1871) и «Комиссионер» (1879) Ульриха Калмуса.

Пора, однако, вернуться к Менделе Мойхер-Сфорим, к центральной фигуре нашей литературы. Есть нечто символическое в том, что Шолом-Яков Абрамович (1836—1917) приверженец Гаскалы и современных методов воспитания, признанный участник литературы на иврит, преобразился в человека из народа, простака-книгоношу, как только он начал писать на идиш. Менделе Мойхер-Сфорим — это не только псевдоним, это также художественный образ в его богатой галерее типов: он стоит перед нами, как живой, этот старый еврей с нагруженной книгами тележкой, в которую впряжена тощая кляча, постоянно ухмыляющийся, мудрый странник по городам и местечкам черты оседлости. Впоследствии, когда за писателем укрепилось почетное звание «дедушки еврейской литературы» (данное ему «внуком» Шолом Алейхемом), представление о «дедушке» сливается с представлением о той маске, в которой Шолом-Яков Абрамович предстает перед еврейским читателем. Это первый большой писатель на идиш, которому удалось

завоевать интимную привязанность и глубокое уважение широких кругов читателей.

В течение первых двадцати лет своей деятельности Менделе Мойхер-Сфорим выступает как боец и обличитель («Маленький человечек», «Фишка хромой», первый вариант «Волшебного колечка»), но постепенно его творчество становится более уравновешенным. Он переходит от сатиры к юмору, от тенденциозности, подсказанной общественными мотивами, к объективизму, от борьбы с теневыми сторонами еврейской жизни — к увековечению ушедшей жизни (более поздний вариант «Волшебного колечка» и «Шлойме сын реб Хаима»). Начав, как просветитель, маскил, — но верный направлению, репрезентантом которого был Элиэзер-Цви Цвейфель, — Менделе не выступил против хасидизма и никогда не задевал религиозных чувств читателей. Его социальная сатира направлена была против заправил общины, верховодивших народной массой, она бичевала экономическую беспочвенность, праздность, презрение к физическому труду, провинциальную беспомощность, готовность довольствоваться малым, духовную ограниченность и изоляцию от окружающего мира («Странствия Веньямина Третьего»).

Идейно Менделе стоял значительно выше своих современников. Хотя драма «Такса» является как бы продолжением «Беззаконного мира» Ицхок-Бера Левинсона, в ней, наряду с беспощадно разоблачаемой машиной коррумпированных дельцов общины, выступает наделенный некоторыми чертами самого автора образ Шлойме Векера, этого предтечи грядущего еврейского революционного движения. В символической повести «Кляча», которую можно рассматривать, как вторую часть «Таксы» (1873), автор, опережая на десять лет свое поколение, становится провозвестником национальной идеи, воспринятой в еврейской среде лишь в 80-х годах. В этой повести, которая, кстати сказать, пользовалась большой популярностью у читателей, автор выступает с критикой экономической программы Гаскалы, предваряя ту критику, с которой выступило впоследствии еврейское революционное движение. Менделе принадлежит почетное место не только в истории литературы, но и в истории еврейской общественности. Это вполне естественно, ибо основной чертой литературы на идиш является ее тесная связь с общественной жизнью, постоянный параллелизм развития художественных форм и новых идей в еврейской общественности.

Менделе Мойхер-Сфорим был синтетическим реалистом. Он создал типичное местечко Кабцанск (от слова «кабцан» — бедняк) и дал нам большие полотна, изображающие характерные ситуации в жизни еврейской местечковой бедноты в середине 19-го столетия. Он рисует все возрасты, все социальные слои, дом и синагогу, баню и богадельню, нужду будней и благодать субботы, жилище, одежду, пищу, образ мысли своих героев, их разные ухватки и навыки. От изображения местечка он переходит к зарисовке типов большого еврейского города Глупска (прототипом Глупска был Бердичев, подобно тому, как прототипом Кабцанска явилось местечко Капуля Минской губернии, в котором автор родился). События, происходящие в Глупске, относятся к 60-м и 70-м годам. Все последующие перемены, наступившие в еврейской жизни, отсутствуют в произведениях Менделе: вплоть до глубокой старости он пытается совершенствовать и углублять изображение типов, которые поразили его воображение в юные и зрелые годы. Изображенная им жизнь почти неподвижна, статична; от этого подхода автора пострадала сюжетная сторона его произведений. В его романах мало интриги, мало происшествий, что компенсируется мастерской обрисовкой характеров и ситуаций, нравов и учреждений. К этому прибавляется своеобразное описание природы у Менделе, который как бы «облачает ее в молитвенное одеяние, — в талес». Нет сомнений, что писатель «объевреил», придал чисто-еврейский колорит всем своим заимствованиям из лучших образцов современной русской реалистической литературы.

Хотя Менделе начал писать на идиш под влиянием идеалистических и народнических мотивов, но вскоре его захватила непосредственная радость художественного творчества (нечто подобное испытал раньше Шлойме Этингер), это его побуждало совершенствовать, шлифовать каждую фразу, каждое слово. Его тщательно взвешенная, чеканная проза стала образцом не только для его последователей в литературе, но и для писателей, сторонников других литературных школ: в области языка все они сохранили верность «дедушке». Х.-Н. Бялик как-то заметил, что Менделе не только основоположник реалистической школы в еврейской литературе, но и создатель самого языка. Он оформил еврейский литературный язык, и, путем преодоления диалектов, утвердил его языковые основы.

Менделе внушал писателям мысль о глубокой ответственности, лежащей на их профессии.

Он сам был олицетворением идеи служения народу путем художественного творчества и помог развитию эстетического вкуса у своих соплеменников. Он неустанно перерабатывал свои произведения: их позднейшие варианты представляют собой порой новые произведения. Он является связующим звеном еврейской литературной жизни всего 19-го века: в нем нашли свое завершение народнические тенденции Гаскалы; ему дано было осуществить задачу создания литературного языка, поставленную еще в начале столетия Менделем Сатановером; он достиг значительных высот в области общественной сатиры и художественного синтетического реализма. Наследник старинной дидактической литературы, традиции магидов и авторов популярных книг для народа, он стал путеводителем своего и последующего поколения, — в сущности двух поколений писателей-реалистов. Корни его творчества уходят в далекое прошлое, за пределы 19-го века, а влияние распространилось много дальше 19-го века.

Одновременно с Менделе вошел в литературу Ицхок-Иоэль Линецкий (1839—1916), зоркий наблюдатель еврейской жизни и острый сатирик. Его автобиографический роман «Польский мальчик» (во втором издании — «Хасидский мальчик»), который является резкой, беспощадной критикой хасидизма, вызвал много шума; но в противоположность Менделе, талант Липецкого не рос и не развивался, и в течение всей своей жизни он не пошел дальше этого юношеского произведения. Он пробовал свои силы в разных литературных жанрах, в конце концов ожесточился и лично стал «анти-Менделе». В годы старости он был почти забыт.

Яков Динезон (1859—1919) тоже пытался в начале своей деятельности подчеркнуть свое принципиальное расхождение с Менделе, писать простонародно, без всякой изощренности. Он шел по стопам Айзик-Меера Дика; его первый роман, имевший сенсационный успех, носит типично мелодраматическое заглавие «Влюбленные и нежные или черный паренек» (1877). Мир, изображенный в этом романе, населен ангелоподобными существами, которые становятся жертвами бессовестных злодеев. Сам примитивный упроститель, Динезон не раз упрекал Менделе в том, что он пишет на идиш для интеллигенции, не считаясь со вкусом и уровнем читателя из народа. Развитие литературы пошло, однако, по пути, начертанному Менделе, и Динезону пришлось перед этим склониться. В романе «Эвен негеф» он идет на компромисс; в рассказах 90-х годов — «Гер-

шеле» и «Иоселе» (последний рассказ — самое слезливое произведение в еврейской литературе) — уже чувствуется стремление к некоторой изощренности формы и языка: автор явно вовлечен в орбиту влияния Менделе. Динезон был до конца своих дней близким другом И. Л. Переца, пролагателя новых путей в литературе.

Произведения Менделе предназначены были для людей с литературным вкусом. Повести, изображающие повседневную жизнь, усвоить которые нелегко, не могли иметь успех у примитивных читателей, а тем более у читательниц из народной массы. Для людей из народа предназначены были выходившие в 70-х и 80-х годах «особо занимательные романы», изобилующие красочными, невероятными, неожиданными происшествиями: в них изображалась любовь ешиботника и принцессы, графа и кухарки, с трогательными излияниями, с драматическими эпизодами, побуждающими читательниц заодно поплакать и над своей горькой долей, — с изображениями роскоши и сказочного счастья, уводящих читательниц в мир далекий от серых будней. Десятки романов такого характера написал Шомер (псевдоним А. Шайкевича). Он создал целую школу лубочной литературы (Блоштейн, Бухбиндер и др.). Эта литература, вульгаризировавшая вкус читателя и развлекавшая его трюками, которые мы теперь назвали бы голливудскими, имела, однако, ту положительную сторону, что она расширяла круг читателей на идиш, и явилась как бы вызовом ученикам Менделе, дав им понять, что необходимо создавать художественные, но занимательные произведения, которые были бы предназначены не только для низшего слоя читателей.

Мы перейдем сейчас к еврейской периодической печати 80-х годов.

В 1881 г. начал выходить еженедельник «Идишес Фольксблат», выходивший до 1890 г. В последние годы своего существования он давал подписчикам приложения — еженедельные и ежемесячные. Это был первый в России журнал на идиш европейского типа. Первым его редактором был Александр Цедербаум; спустя некоторое время он уступил место И. Л. Кантору и Израилю Леви, который был также издателем журнала. Еженедельник отстаивал идеи национального возрождения и палестинофильства; много места уделялось и проблеме эмиграции, ставшей до болезненности актуальной в 80-х годах. В «Идишес Фольксблат» принимали участие молодые писатели, а также авторы, которые писали раньше на иврит или по-русски: С. Фруг,

Д. Фришман, Я. Динезон, Шолом-Алейхем, М. Спектор, М. Лилиенблюм, А. Левинский и др. В журнале печатались сообщения о заграничной жизни и статьи местных корреспондентов, и немало места отводилось и литературе. «Фольксблат» несомненно оказал значительное влияние на общественную жизнь и развитие еврейской мысли.

Одним из пионеров поэзии на идиш был С. Фруг (1860—1916), уже успевший приобрести популярность, как русско-еврейский поэт, прежде чем он перешел на идиш. Этому поэту, неоднократно сетовавшему на примитивность и необработанность идиш, удалось создать именно на этом языке стихи, пленяющие грациозной, легкой мелодичностью. Особенно хороши у него изящные, плавные строфы лирических описаний природы. Фруг нередко впадает в элегический тон, но скорбит он не о личных невзгодах, а о горькой доле народа в диаспоре (в голусе). Сторонник палестинофильства, он видит в мечтах счастливое будущее народа в стране предков и вдохновляется библейскими темами; не чужд ему, впрочем, и боевой социальный пафос (в позднейших стихах 1905-го года). Творчество Фруга богато и разнолико, но в его писательском облике есть нечто расплывчатое. Главная заслуга его состоит в том, что он много работал над формальной стороной еврейского стиха. Он внес в еврейскую поэзию и новую форму, и новое содержание. (Эту работу углубил и современник Фруга, Морис Розенфельд в США, а вслед за ним целая плеяда еврейско-американских социальных поэтов).

Во второй половине 80-х годов на арене еврейской общественности появляется движение, сознательно и последовательно проводящее идеи идишизма, — называвшееся «движением жаргонистов», — его приверженцы открыто объявили себя «жаргонистами». Возникло оно на почве национального подъема 80-х годов, когда в широких кругах интеллигенции зарождается живой интерес к участи народных масс, и, что особенно важно, все большую роль начинает играть в еврейской жизни интеллигенция из народа, тесно связанная с долей народа, стремившаяся не уйти от него, — напротив, служить ему. Если еще нет открытой борьбы за права народа, то уже определилась задача облегчить его тяжкое состояние, принести ему утешение. Пробуждается интерес к фольклору, к богатству и чистоте идиш. Крепнет стремление распространить влияние художественной еврейской литературы на возможно более широкие круги. Идиш приобретает притягательную силу для писателей, которые считали

до того языком своего творчества иврит или русский. В этой атмосфере появляются солидные литературные сборники. В них печатаются серьезные публицистические и популярные статьи, но наиболее значительным является отдел литературы и литературной критики. Первое место среди них занимают два сборника «Еврейской Народной Библиотеки», выпущенные Шолом-Алейхемом в 1888-м и 1889-м году; их появление было настоящим событием в еврейской литературной жизни. В этих сборниках нашли себе приют и произведения представителей предыдущей эпохи, которым не удалось появиться в свое время в печати и которые оставались до того в манускриптах (Готлобер, Цвайфель). Шолом-Алейхем был в ту пору состоятельным человеком и платил сотрудникам солидный гонорар. Он привлек к сотрудничеству Менделе Мойхер-Сфорим, И. Липецкого, М. Спектора, М. А. Шацкеса (автора остросатирического произведения «Канун еврейской Пасхи»), поэтов Палтиэля Замощина, Михла Гордона, С. Фруга и других, литературных критиков И. Лернера и И. Х. Равницкого, публицистов д-ра Каминера, Менаше Марголиса и др. Идиш развивался бурным темпом; в его орбиту втягивались новые литературные силы. В 1888, 1889, 1894, 1895 и 1896 годах в Варшаве выходят под редакцией М. Спектора сборники, носящие название «Домашний друг»; они беднее содержанием, чем альманахи, изданные Шолом-Алейхемом, но более приноровлены к пониманию читателя. Мы должны упомянуть еще «Идише Библиотек», выходившую два раза в год под редакцией И. Л. Переца (1891—1893); подзаголовок гласил: «журнал литературный, общественный и экономический».

Шолом-Алейхем и М. Спектор вступили в литературу одновременно — в 1883-м году; их первые рассказы появились в еженедельнике «Юдишес Фольксблат». Шолом-Алейхем дебютировал произведением, не характерным для знаменитого юмориста; в «Романе без названия» Спектора уже явно выступают черты, характерные для этого народного, непритязательного писателя, который знал быт народных масс и глубоко сочувствовал судьбе своих злополучных героев. М. Спектор (1859—1925) проявил себя, как реалист, склонный к сентиментальности и добродушному юмору. В своих романах («Еврейский мужик», «Нищие и голыши», «Реб Трайтл» и др.) и в многочисленных рассказах он изображает тяжкую жизнь еврейской бедноты, — главным образом горькую долю женщины и ребенка, — в тонах спокойной резиньяции и пассивного сочувствия. Стиль писателя

часто так же бескрасочен, как и жизнь его героев, его язык гораздо беднее языка Менделе, — хотя у него Спектор заимствовал реалистическую манеру и умение подмечать детали.

Шолом-Алейхем (1859—1916), самый популярный из еврейских писателей, вошел в литературу под своим веселым псевдонимом, вытеснившим из памяти читателей его настоящее имя — Шолом Рабинович. В его первых литературных опытах чувствуется неуверенность; тем не менее на них сразу обратил внимание серьезный литературный критик, писавший под псевдонимом Критикус (так подписывал свои критические статьи в «Восходе» молодой историк С. М. Дубнов). К концу 80-х годов Шолом-Алейхем приобрел популярность и как редактор литературных сборников. В первой полосе своей деятельности, еще не создавая своего собственного стиля, он остается верным учеником Менделе. Правда, и позже попадаются у него ситуации и типы, живьем взятые из богатой галереи Менделе, но он углубляет их на свой лад. Любимая литературная форма Шолом-Алейхема — монолог; иногда он уступает место диалогу или эпистолярной форме. Очень редко писатель прибегает к рассказу от третьего лица (характерно, что этот прием им применен в автобиографической повести «С ярмарки»). Язык Шолом-Алейхема — простой, разговорный; его персонажи — неутомимые говоруны, и как богат он оттенками, как кипит и переливается красками в их устах особенно украинский диалект идиша! В стиле писателя чувствуется порой нервозный динамизм, отчасти и страстность, смягченная верой. Он не заботится о внешних деталях и не любит задерживаться на описываемой ситуации. Пользуясь импрессионистской техникой, он выделяет какую либо одну яркую особенность описываемого лица, чтобы выявить в полной мере своеобразие и комические черты его характера. Этот прием может временами привести к гротеску, но Шолом-Алейхему удается избежать этого; в лучших своих произведениях он подымает образы на высоту символов. Его творчество равноценно в двух измерениях: вширь и вглубь. Перед нами проходят представители всех слоев народа — местечковые евреи, биржевики-горожане, деревенские жители, актеры. Поражает разнообразие типов из народа, живущих в чисто-еврейской среде, в условиях своеобразного еврейского быта; среди них нет только рафинированного индивидуалиста, любящего копаться в своих душевных переживаниях. Иногда при чтении Шолом-Алейхема начинает казаться, что автор сам не изображает людей, а они возникают в

рамке своих собственных разговоров. Утверждая, что творчество писателя идет и вглубь, мы имеем в виду не столько его психологический анализ, сколько собранный им богатый материал, который служит и психологу, и социологу ключом к народной душе. Юмор Шолом-Алейхема доставляет удовольствие не только рядовому читателю, которого смешат забавные словечки и ситуации, но и тонкому ценителю литературы, — открывающему в его произведениях образы психологической глубины и символики, какие редко встречаются в мировой литературе.

Популярность Шолом-Алейхема была огромна: едва ли найдется среди еврейской читающей публики конца прошлого и первых 20 лет нынешнего столетия человек, не читавший Шолом-Алейхема. Любимым времяпрепровождением в семейном кругу было чтение вслух его книг. Эту популярность создал многокрасочный юмор писателя; часто это свежий беззаботный смех, а по временам — смех сквозь слезы; в некоторых рассказах тончайший, деликатный юмор овеян лирической дымкой; в других — попадаются грубовато-комические ситуации. Наиболее оригинальная черта творчества Шолом-Алейхема — умение трактовать совсем невеселые, а подчас и трагические ситуации, с такой легкостью, которая проистекает из веры в способность человека преодолевать удары судьбы. Даже его «маленькие людишки с малыми амбициями» находят в себе силу не поддаваться унынию в горестную минуту жизни. В противоположность многим юмористам, Шолом-Алейхем отвергает жизненную философию, пропитанную пессимизмом: его творчество является источником безграничной веры и надежды. Мы должны — утверждает он — овладеть одним искусством: смеяться над собственными неудачами. Его мотто гласит: «смеяться полезно для здоровья — доктора прописывают смех».

Шолом-Алейхем добился того, что оказалось не под силу его учителю Менделе: он заставил духовно-отсталого читателя отвернуться от вульгарных романов Шомера и ему подобных и стал во всех слоях народа самым близким, нужным, любимым и родным писателем. Свойственный нашему многострадальному народу дар юмора, находивший до того свое выражение в народных шутках и поговорках, засиял в творчестве Шолом-Алейхема сотней характеров, собирательные типы которых можно свести к четырем основным образам:

1. Касриловец — житель местечка Касриловки, неунывающий бедняк, в котором заговорила жажда жизни; 2. Менахем

Мендель, герой названной его именем повести и десятков рассказов — «человек воздуха», без определенных занятий, вечный искатель заработка, проявляющий неисчерпаемую предприимчивость, неудачник с огромным запасом веры в удачу; 3. старик труженик и философ Тевье дер Милхикер (Тевье Молочник), перевоплощение реб Ицхока Бердичевера, чье сердце переполнено любовью ко всему миру; 4. ребенок, изображенный в мягких, лирических тонах, большей частью в обстановке праздника, когда жизнь становится менее тягостной; к этой категории принадлежит чудесный мальчик из «Мотл Пейси дем хазенс», которому «хорошо живется на свете», потому что он — сирота. Задумываясь над этими образами, мы приходим к выводу, что все они перевоплощения самого автора, и что Шолом-Алейхем, подобно Толстому, Томасу Манну и другим создателям эпических произведений, был лириком-субъективистом, черпавшим из личных переживаний не меньше материала, чем из окружающей действительности.

Популярные образы, созданные Шолом-Алейхемом, давали читателям критерий для оценки жизненных явлений, а подчас и самих себя. Критик Баал-Махшовес заметил, что идеальным читателем Шолом-Алейхема мог бы стать его герой Менахем-Мендель, которому писатель открыл глаза на сущность его характера. Этот критик утверждал также, что Шолом-Алейхем научил своих соплеменников смеяться. Это преувеличение: Шолом-Алейхем ставил себе целью не смешить, а нести утешение своему народу, стремясь на него воздействовать и повысить его жизнеощущение, — что был в силах осуществить лишь тот, кто интимно был связан с жизнью восточно-европейского еврейства.

Ограничиваясь этой общей характеристикой творчества Шолом-Алейхема, мы должны упомянуть такие его крупные произведения, как юношеские романы «Стемпеню» и «Иоселе Соловей», а также позднейшие — «Кровавая шутка», «Блуждающие звезды» и комедию «Большой выигрыш». Наряду с несравненной легкостью эти произведения сочетают глубину изображений и переживаний.

В ином направлении оказывал воздействие на литературу и общественность третий — после Менделе и Шолом-Алейхема — корифей еврейской классической литературы — Ицхок-Лейбуш Перец (1852—1915). Перец дебютировал, как автор стихов на иврит. Его первым произведением на идиш была поэма «Мониш», помещенная в сборнике «Идише Фольксбиблиотек», изданном Шолом-Алейхемом; связь его с идиш длилась всего 25 лет.

За этот короткий период писатель обнаружил исключительную многосторонность, сопровождавшуюся беспокойными переходами, противоречиями, зигзагами, создавая подлинные образцы в различных литературных направлениях и стилях. Ранний период его творчества, в котором доминирует поэзия, находится под сильным влиянием Гейне и Шамиссо; Перец вдохновляется текстами из книг пророков и своеобразно сочетает социальные и индивидуалистические мотивы. В первый — реалистический — период творчества он создает ряд небольших рассказов, но ему чуждо в них, как пристрастие Менделе к деталям, так и многословие Шолом-Алейхема; в его описаниях жизни бедноты (рассказ «В подвале») и в трогательных зарисовках силуэтов еврейских женщин («В почтовом дилижансе») нет лишних слов. В рассказах на социальные темы писатель отдает дань сентиментальности — там, где он отражает влияние идей Гаскалы, преобладает у него сарказм. В период тяготения к общественному радикализму и социалистическим идеям Перец выступает в своих «Ионтовблетлех» (1894—1895), как пропагандист и популяризатор научного знания. Он завоевывает сердца новых читателей, членов рабочих кружков, становится глашатаем социального протеста и растущего социалистического движения. С течением времени преобладающим началом в его творчестве становится романтизм, особенно в его «Хсидиш». В его рассказах идеализированные хасидские раввины выступают в поучение современному свободомыслящему читателю, как носители высокой морали. Склонность к символике становится все заметней в его творчестве, сочетаясь с влечением к фольклору. Перец выпускает свои «Народные сказания» («Фолькстимлихе гешихтен») — свои самые поэтические и оригинальные произведения, в которых люди из народа становятся праведниками, а их создатель обретает душевный мир и просветленность. В своих насыщенных, символических драмах («Золотая цепь», «Ночь на старом рынке» и др.) Перец пытается выявить основные черты своего миросозерцания. Одновременно его увлекает мечта о современном еврейском театре. В волнующих, острых, импрессионистических, афористических фельетонах Перец борется за подлинное свободомыслие, — которое для него неотделимо от глубокой религиозности, — борется за национальное и общечеловеческое достоинство, за национальную роль еврейского языка — идиш, — за новые формы народной жизни, проникнутой идеалами социального освобождения и национально-творческого возрождения. Не удовлетво-

ряясь разнообразием, расцвеченным всеми цветами радуги, своей литературной деятельности, писатель под старость отдает себя стихам для детей.

Еврейские истоки творчества Переца выросли из заложенной в веках эпической тенденции литературы, из святого беспокойства бого-и-правдоискательства, из сознания разлада между лишенною традиций жизнью еврейских радикалов и людьми и созданиями огромного формата прежних, верных традициям эпох. В литературной технике писатель следует западноевропейским образцам; мир его идей глубоко проникнут еврейским началом и в то же время влияниями современности. В наиболее оригинальных и зрелых произведениях Переца — хасидских и народных рассказах— чувствуется влияние народных сказаний; они и сродни символическим сказаниям Нахмана Брацлавского. Несмотря на все свои зигзаги, Перец следует своей верной дороге, от реализма к романтизму, от романтизма к символизму. Он всегда остается экспериментатором. Он — романтик, но в последнем счете он оборачивается интеллектуалистом. Но каковы бы ни были его идейные сдвиги, он остается всегда религиозно устремленным искателем, оптимистическим волюнтаристом, профетически настроенным революционным преобразователем мира и, прежде всего, воспламенителем сердец против равнодушия и косности. Литература была для него средством преображения человека.

Круг читателей Переца — это главным образом интеллигенция, а также рабочие и молодежь из радикальных кругов. Исповедуя народнические идеи, он не приспособлялся к массовому читателю, а пытался поднять его до, своего уровня. Это не всегда удавалось: Переца больше уважали, чем читали, и больше читали, чем понимали. Но у него были горячие поклонники, он имел огромное личное влияние на люд ей: его воздействие не ограничивалось пределами литературы. В первые 15 лет нового века, в пору, когда между литературой и общественностью установилась такая тесная связь, Перец становится «отцом еврейской литературы» и духовным вождем той части интеллигенции, которая стремилась при помощи идиш модернизировать еврейскую жизнь и осуществить национально-культурный Ренессанс во всех странах еврейской диаспоры.

Тройственный союз — Менделе, Шолом-Алейхем и Перец — это счастливое сочетание дополняющих друг друга темпераментов. Менделе запечатлел в своих произведениях характерные черты старого быта, — отчасти чтобы их преодолеть, отчасти

чтобы сохранить память о них для потомства. Шолом-Алейхем искал курьезных, забавных, комических явлений, не задаваясь целями переустройства мира. Перец нашел в прошлом необычайные черты, которые должны стать образцом для грядущих поколений. Менделе тяготеет к устоявшемуся быту, в творчестве Шолома-Алейхема и Переца доминирует динамика. Шолом-Алейхем опирается на Менделе, а Менделе — на своих предшественников; Перец в большей мере, чем они оба, подвержен влияниям европейской литературы и в то же время глубоко уходит корнями в почву исторического еврейства. Менделе и Перец требуют от читателя напряжения, с Шолом-Алейхемом читатель чувствует себя легко и, свободно. Благодаря этим трем писателям, еврейская читательская масса стала своего рода семьей, а литература, ставшая в центре общественной жизни, приобрела огромную притягательную силу: она соединяла прошлое с настоящим, настоящее с ростками будущего, народные массы с интеллигенцией, один пункт диаспоры с другим. В результате в борьбе за дальнейшее существование народа возникла новая, светлая, мощная движущая сила.

Возвращаемся к еврейской периодической печати. В России в 90-х годах прошлого столетия не могло быть речи об издании журнала на идиш. Сборники «Ионтов-Блетлех», издававшиеся Перецом, были суррогатами периодической печати. В эту пору стали появляться нелегальные органы социалистических направлений. В 1896-1904 годах выходил за границей «Дер Идишер Арбайтер», нелегально распространявшийся в России. В нелегальной типографии внутри России печатался орган Бунда «Арбайтер-Штимме». Выходили нелегально и нерегулярно органы других революционных партий; все они отражали общественные настроения, но с литературой были связаны мало. Большую роль в развитии и распространении еврейской литературы сыграл двухнедельник «Дер Ид», выходивший в Кракове (1899—1902); его редактором был сначала И. Х. Равницкий, а потом д-р Иосиф Лурье. В этом, пользовавшемся популярностью, журнале наряду с писателями старшего поколения печатались и молодые — Аврам Рейзин, Шолом Аш, Ном-берг, Баал-Махшовес. Передовые статьи велись в сионистском духе, но привязанность и любовь к литературе на идиш проявлялась на каждом шагу.

Первая ежедневная еврейская газета в России — «Дер Фрайнд», начала выходить 14-го января 1903 года. Этому первому и наиболее влиятельному органу еврейской печати суждено было сыграть огромную роль в общественной и литературной

жизни русского еврейства. В городах и местечках черты оседлости очередные номера газеты раскупались нарасхват. «Фрайнд» был беспартийным органом и поддерживал все творческие силы в еврействе. Редактировал газету Саул Гинзбург, издателем был Ш. Рапопорт. В газете сотрудничали Хаим-Дов Гурвич, Иосиф Лурье, Хаим Житловский (под псевдонимом Гайдаров), Шмуэл Розенфельд и ряд молодых журналистов. В литературном отделе принимали участие все лучшие писатели той эпохи — Шолом-Алейхем, Перец, время от времени Менделе Мойхер-Сфорим; постоянно писали Я. Динезон, М. Спектор, Д. Фришман, С. Фруг, а из молодых — Шолом Аш, А. Рейзин, реб-Мордхеле и другие; на столбцах «Фрайнда» появлялись стихи Х.-Н. Бялика на идиш. Язык статей «Фрайнда» был отшлифованный, отточенный; большое внимание обращалось и на орфографию, несмотря на то, что принципиальное отношение редакции к идиш оставалось невыдержанным; руководители газеты не решались занять определенной позиции в начавшейся борьбе между идиш и иврит. «Фрайнд» сознавал свою моральную и общественную ответственность перед читающей публикой и стремился политически воспитывать своих читателей, несмотря на действовавшую царскую цензуру. Тираж «Фрайнда», составлявший в начале 15000 экземпляров, дошел в 1905-м году до 50000. В декабре 1905 г. «Фрайнд» был приостановлен по распоряжению властей; в течение короткого периода (декабрь 1905 — июль 1906) газета выходила под названием «Дос Лебен». В 1908-м году она снова подверглась запрету. В это время стало ясно, что Петербург, где давала себя чувствовать оторванность от еврейских масс, неподходящее место для такого органа, как «Фрайнд», и в 1909 г. газета перекочевала в Варшаву, где ее редактором стал Ш. Розенфельд. В 1913 г. власти снова приостановили издание «Фрайнда», и он вторично преобразился в «Дос Лебен». Война нанесла окончательный удар этому солидному органу, который достиг наибольшей популярности в период 1903—1907 г.г. Будучи первым ежедневным органом на идиш, «Фрайнд» наметил дальнейшие пути развития еврейской печати и остался в памяти потомства образцом ежедневной газеты, стоящей на страже подлинных интересов общественности.

В революционные годы 1905—1907, когда оказалось возможным выпускать легально партийные органы, появился целый ряд новых периодических изданий. Упомянем два еженедельника, выходившие в Вильне — орган сионистов-социалистов (С. С.) «Дер Найер Вег» (постоянные сотрудники — Яков

Лещинский, М. Литваков, В. Бертольди, Ш. Нигер) и орган сеймовцев «Фольксштиме» (сотрудники Х. Житловский, М. Ратнер, Бен-Адир (А. Розин), Н. Штиф). В Польше в 1905 году появляются ежедневные газеты — орган Цви Прилуцкого «Дер Вег», первая еврейская газета, выходившая в двух изданиях — утреннем и вечернем, и орган Нахума Соколова «Дер Телеграф». В Вильне возникли органы Бунда — «Дер Векер» и «Ди Фольксцайтунг». Огромной популярностью пользовался «Идишес Фолькс-блат», выходивший под редакцией Ш. Н. Яцкана в 1906—1911 г.г., стоивший всего на всего одну копейку и расходившийся в количестве 80000 экземпляров. В 1908 г. в Варшаве начал выходить «Хайнт»; эта газета, систематически печатавшая сенсационный материал и бульварные романы, имела успех у читателей; наряду с этим материалом в «Хайнте» печатались и серьезные публицистические статьи в сионистском духе. В 1910 г. Цви Прилуцкий приступил к изданию газеты «Момент», конкурировавшей с «Хайнтом». Оба эти органа имели наибольший круг читателей в годы, предшествовавшие первой мировой войне.

В эту пору появились еврейские периодические издания в других городах. В 1912 г. М. Спектор переносит в Одессу свой журнал «Унзер Лебн», выходивший в Варшаве с 1907-го года. В Вильне Бенцион Кац приступает к изданию «Ди Цайт» (1905—1906). В Лодзи, начиная с 1912 г., выходит «Лодзер Фолькcблат» под редакцией И. Угера. Время от времени появлялись издания и в Вильне, Минске, Белостоке, Бердичеве, Ченстохове и других местах.

Годы 1905—1914 были периодом бурного роста еврейской печати. Ее органы давали читателям богатый информационный материал; хорошо был поставлен отдел корреспонденции из-за границы. Отличительной чертой большинства газет была живость и популярность изложения, иногда, к сожалению, переходящая в некоторую вульгарность. Печать выполняла крайне важную функцию: наряду с политической информацией она давала в популярной форме сведения из разных областей науки; кроме того в периодических изданиях сотрудничали почти все еврейские беллетристы и поэты, для которых литературная работа была источником заработка. Это по временам давало повод к нареканиям, что газета поглощает изящную литературу и тормозит ее развитие.

Еврейская печать переживала период бурного расцвета, когда на нее обрушился тяжелый удар: 5-го июля 1915 г. опублико-

вано было правительственное распоряжение, приостанавливающее все периодические издания на идиш в пределах Российской империи. В пору военной разрухи, когда евреи стали жертвой жестоких бедствий и выселении, печать на идиш была приговорена к молчанию.

Рост еврейской литературы характерен для всей рассматриваемой нами эпохи; темп его ускоряется в восьмидесятых годах. Но периодом наибольшего расцвета было предшествовавшее войне пятнадцатилетие (1899—1914). В эти годы еврейская общественность, в недрах которой развиваются идеи сионизма, социализма и автономизма, становится ареной борьбы идеологий; эта духовная борьба в еврействе стимулирует и захватывает литературу, вносит в нее оживление, модифицирует ее. Литература этой поры загорается мечтами о грядущем Ренессансе. Она охватывается бурей революции 1905 года. Она переживает с 1907 года временную полосу резиньяции и меланхолии. Но вскоре окрепшее идишистское движение втягивает в орбиту культурного подъема значительную часть интеллигенции. Этот подъем получил свое оформление на конференции в Черновицах в 1908-м году, в которой приняли активное участие И. Л. Перец и доктор Н. Бирнбаум. Конференция признала идиш «национальным языком еврейского народа» и высказалась за то, чтобы все многовековое культурное достояние еврейства было переведено на идиш.

Черновицкая конференция послужила импульсом к созданию ряда литературных начинаний. В 1908 году в Вильне начинает выходить журнал «Литерарише монатсшрифт» при ближайшем участии Ш. Горелика, А. Вайтера и Ш. Нигера. Незадолго до войны, в 1913 г., выходит в свет «Дер Пинкос» — ежегодник, посвященный «истории еврейской литературы и языка, фольклору, критике и библиографии». Центральное место в литературной жизни еврейства обоих полушарий занимает ежемесячник «Ди Идише Велт», который должен быть признан самым лучшим из еврейских журналов; он выходил, как и «Пинкос», под редакцией Ш. Нигера. В эти годы модернизируются старые издательства и возникает в Вильне издательская фирма Б. Клецкина. Упомянутые нами выше молодые писатели вступают уже в полосу зрелости, и в литературу вновь вливаются новые силы. Публицистика становится серьезнее, стиль «эссей» — более изощренным. Разветвляются литературные течения и школы.

Литература на идиш оказалась притягательной силой для

многих древнееврейских писателей. Корифей древнееврейской поэзии Х.-Н. Бялик перевел на народный язык свои песни «печали и гнева», навеянные кишиневским погромом; ему принадлежит также ряд стихотворений на идиш, патетических и лирических. Лирические стихи писал также Яков Фихман. Иегуда Штейнберг дал читателю ряд идиллических картин из хасидского быта и рассказы для детей. Задушевностью отличаются рассказы М. И. Бердичевского; как бы углубляя притчу Менделе о «двух ноздрях» — еврейской и древнееврейской — он назвал иврит отцом, а идиш — матерью народной души.

Бердичевский и Иегуда Штейнберг подходили к хасидской тематике иначе, чем Перец. Своеобразную фигуру реб Або — старого философствующего хасида, создал З. Онойхи.

Неохасидизм то и дело соприкасался с широким течением фольклористики, истоки которой восходят к 80-м годам. В памяти народа песенник и бадхен жили еще в своем патриархальном облике, предшествовавшем их литературному воплощению. Шолом-Алейхем открыл еврейского Беранже в лице киевского адвоката Марка Варшавского (1848—1907), автора сборника «Пятьдесят подлинных народных песен». Эти песни приобрели в течение нескольких лет огромную популярность и заняли прочное место в народном песенном репертуаре («Ойфн припечек», «Ди мизинке ойсгегебен» и т. п.). Фольклор, углубленный Перецом, стал импульсом для деятельности целой группы писателей: Берл Шафир в стихах и в прозе выводит типы неунывающих бедняков; другой поэт и прозаик А. Литвин воспевает тихие души людей из народа. Почетное место в ряду фольклористов занял Ш. Ан-ский (С. А. Рапопорт, 1863—1920), неутомимый собиратель и исследователь памятников народного творчества. Он перешел с русского на идиш — под влиянием Переца; народные легенды в его передаче приобретают особую прелесть. Впоследствии он прославился, как автор пьесы «Дибук».

К собранию «Еврейских народных песен» в России С. Гинзбурга и П. Марека (1901) прибавились собрания Н. Прилуцкого, а И. Л. Каган занялся в Варшаве собиранием народной песни (вышло впоследствии в 1912 г. в Нью-Йорке).

На идиомах, на тщательной записи народной речи построены легкие сатирические стихотворения и басни реб Мордхеле (псевдоним Хаима Чеменинского, 1862—1917). В своих переводах басен он достигал их совершенного «объевреивания». Его литературные заслуги главным образом в рамках фольклоризма.

Влияние народной песни оказалось более длительным, чем влияние народных сказаний. Лучшей иллюстрацией этого положения является Аврам Рейзин (1876—1953), сделавшийся в последнее пятнадцатилетие излюбленным поэтом народных масс. Корни его творчества лежат в народной песне, — в то время, как в своих рассказах он чужд народным сказаниям. Правда, на его стихах лежит отчетливый отпечаток влияний Гейне и русских поэтов-народников. Стихи его, достигшие наибольшей художественности и оригинальности, — просты, певучи, полны настроений, немногословны; в них переплетаются горести и надежды, жалость к одиноким и страдающим и глубокие отзвуки национально окрашенной «мировой скорби». Лирика Рейзина сдержанна и целомудренна; народное горе часто заставляет его забывать о личных невзгодах. Эти стихи, прозрачные по содержанию и по форме, так полюбились массовому читателю, что их стали распевать, как народные песни.

Почти одновременно с Рейзиным начал свою литературную деятельность А. Лесин (1872—1938), лидер национально-настроенной оппозиции в рабочем движении. Это первый поэт, углубивший революционную лирику, внеся в нее индивидуальный тон; он видел в юных конспираторах-энтузиастах продолжателей традиций еврейского мученичества. Талант А. Лесина окончательно созрел уже на американской почве. Его сверстником был Иегоаш (1871—1927), подобно ему ставший зрелым художником уже в Америке. В противоположность волюнтаристу Лесину, Иегоаш является в своем творчестве типичным интеллектуалистом. В первые годы своей деятельности он пишет баллады, проникнутые национальными настроениями, перерабатывает народные легенды, перелагает в стихи фрагменты из Библии.

Настроение резиньяции, вызванное провалом революции 1905-го года, наложило отпечаток на стихи Давида Эйгорна, которые вошли в сборник «Тихие напевы». Романтической грустью проникнуто творчество молодого поэта, свидетеля медленной агонии еврейского местечка, от которого молодежь уходит в большие города или за океан. Нежные идиллические тона звучат в стихах, воспевающих целомудренную еврейскую девушку. Почти одновременно выступил З. Сегалович (1884—1949), автор сборников «Тихие сны» и «В Казимеже», где поэт воспевает красоту живописного городка. Мотивы эротики найдет читатель в сборнике «Лепестки розы», принадлежащем уроженцу Галиции Ш. И. Инберу.

Краткий перечень упомянутых нами имен не дает, разумеется, представления о целой плеяде писателей, вошедших в литературу незадолго до войны. Но мы не ставим себе задачей дать полный указатель имен, а характеристика, хотя бы самая краткая, не умещается в рамках нашего обзора.

Несмотря на заметное развитие еврейской поэзии, нужно признать, что в предшествовавшую войне эпоху душой литературы были поразительные достижения художественной прозы. До совершенства доведен был короткий рассказ, а под конец эпохи стали появляться большие романы. Следующие моменты способствовали тому, что рассказ раньше достиг художественной зрелости, чем роман: влияние Переца и Шолом-Алейхема; спрос на короткие очерки в периодических изданиях; соперничество между художественным романом и бульварным, и наконец,—огромная популярность короткого рассказа (новеллы) в тогдашней европейской литературе.

Одним из выдающихся прозаиков оказался поэт Аврам Рейзин. В его рассказах — на фоне, намеченном несколькими штрихами, — выступает длинная вереница образов местечка, и трудящийся и обойденный люд большого города. Чем печальнее судьба героев этих рассказов, тем больше сочувствия высказывает им автор. Его внимание привлекают мелкие, повседневные нужды и несложные душевные конфликты этих беспомощных людей. Юмор проявляется у этого писателя в редкой улыбке; он переплетается с лиризмом и пессимистическим ощущением, что человек — далеко не венец создания. Рейзин, впрочем, не предъявляет своим персонажам никаких претензий — они возбуждают в нем только жалость. Главное его достоинство — сила художественной конденсации и легкость слога; его техника — тщательна, хотя несколько однообразна. Его место в литературе непосредственно после трех классиков.

Шолом Аш, ставший впоследствии самым крупным еврейским романистом и переведенный на русский, немецкий, английский и другие языки, достигший широкого признания, начал с рассказов. В них чувствуется любовь к природе и увлечение идиллическим бытом маленького городка. Ш. Нигер назвал Аша «пророком земли», потому что он превозносит все обыденное и земное. Аш ввел в литературу «идеализацию» еврейского местечка («А Штетл», «Реб Шлойме Ногид») и примитивных, но чистых сердцем обитателей «Переулка мясников».

Несомненна связь его с Менделе и с Перецом. Накануне войны он успел закончить два больших романа — первые из целой серии: «Мери» и «Путь к себе».

Х. Д. Номберг (1876—1927) принадлежал к троице писателей, образовавших в свое время в Варшаве убогую коммуну и считавших Переца своим «мэтром». Он был мастером острого психологического анализа; его герои — неудовлетворенные, вечно копающиеся в своей душе полуинтеллигенты: они не находят себе места в жизни большого города и страдают в одиночестве. Склонность к анализу сочетается в его творчестве с затаенным лиризмом («Молчи, сестра»). Такие качества, как четкость языка и мастерство конструкции обеспечили за Номбергом почетное место в литературе, хотя его литературное наследство невелико и страдает однообразием.

Реакцией на манерность Аша и психологизм Номберга явилось крепкое, земное творчество М. Вайсенберга (1881—1937), беспощадного натуралиста, чьи образы отличаются ярко выраженной пластичностью. Его герои — крепыши, полнокровные типы с сильными страстями («Городок», «Отец и сыновья»), порою также и мирные труженики, обиженные судьбой. Сам рабочий, Вайсенберг изображает трудовой люд без малейшего налета сентиментальности, и видит в нем обычные, подчас брутальные черты. Другой писатель из рабочей среды — Иона Розенфельд дебютировал рассказами, носящими автобиографический характер; в его позднейших произведениях выступает склонность к болезненному психологизму. Талантливый беллетрист Л. Шапиро в первых своих рассказах, проникнутых жаждой мщения, описывает ужасы погрома. Добродушный И. Я. Беркович изображает, говоря словами Нигера, «обыкновенных людей в необыкновенных ситуациях». Нужно еще отметить удачные зарисовки домашних животных в рассказах М. Ставского.

Литературный дебют Давида Бергельсона сразу дал читателям возможность оценить его своеобразие и блестящий стиль. «Вокруг вокзала» и «Когда все кончилось» (1913) выдвинули его в ряды лучших еврейских беллетристов. В его творчестве влияние Менделе и Переца переплетается с влиянием такого чуждого им по духу писателя, как импрессионист Кнут Гамсун.

(Нам приходится снова напомнить, что целый ряд беллетристов остался вне пределов нашего обзора).

Драматический жанр в литературе сильно отставал от эпоса и лирики. Одним из пионеров этого жанра был Давид Пинский —

первый еврейский писатель, изобразивший в своих рассказах 90-х годов жизнь еврейских рабочих. В своих драмах он главным образом передавал конфликты, возникшие на почве распада традиционно-патриархальной семьи. Пинский еще в молодые годы перекочевал в Америку, но его драмы на социальные и национальные темы, связывавшие литературу с общественной жизнью, имели большой успех на старой родине. В роли драматурга выступил и Шолом Аш; его первая драма «Времена Мессии» изображала борьбу различных общественных течений в еврейской среде; за ней последовали вызвавшая сенсацию пьеса «Бог мести» и ряд попыток драматизации исторических событий. Сочетание элементов реализма и символизма характерно для драм А. Вайтера (1878—1919), изображающих интеллигентскую среду (пьеса «Немой»). Дань жанру семейной драмы заплатили Шолом-Алейхем («Рассеянные по свету») и Х. Д. Номберг («Семья»). Самой лучшей комедией следует признать «Большой выигрыш» Шолом-Алейхема.

Перец Гиршбейн (1880—1948) был не только драматургом, но и организатором труппы еврейского художественного театра; он и сам выступал на сцене. В его первых, чисто реалистических драмах изображена жизнь одиноких людей; затем автор создает под влиянием Метерлинка ряд «пьес с настроением»; он также ищет персонажей в среде простых деревенских евреев («Пустая корчма»).

В драматическом творчестве начала века связь с предшествующей эпохой была гораздо слабее, уем в беллетристике и в поэзии. Жанр Гольдфадена не привлекал драматургов; пути художественной драматургии не совпадали с путями театра, обслуживавшего потребности широкой публики. Серьезным репертуаром интересовались любительские драматические кружки, возникшие незадолго до войны в разных городах черты оседлости; их деятельность была одним из симптомов роста еврейской культуры.

О роли литературы в тогдашней жизни свидетельствует огромная популярность рефератов на литературные темы. Рефераты читались не только писателями; чуть ли не каждый общественный и даже партийный деятель считал своим долгом время от времени выступать с докладом о литературе, делая выводы, соответствующие его идеологической установке. Почти все редакторы периодических изданий и большая часть писателей время от времени писали статьи на литературные темы. Первым специалистом является Баал-Махшовес (1873—1924),

который подошел к литературе с чисто эстетическим критерием. Он не хотел выносить приговоры и слыть патентованным знатоком; он влюблен был в еврейское художественное слово и хотел ему служить. Он пытался доказать, что современная еврейская литература представляет собой единое целое. Последователь Ипполита Тэна, он особенно проникновенно анализировал творчество писателей-реалистов. Его литературные обзоры и импрессионистские очерки написаны с большим подъемом.

Рано выдвинулся в области литературной критики Ш. Нигер (1883—1955), вышедший из среды идишистов. Он дал основательно продуманный, проработанный анализ классической и современной еврейской литературы. Уже в первых своих работах он обнаружил осторожность и сдержанность в оценках. К описываемой нами эпохе относится лишь начало деятельности этого критика, выдвинувшегося впоследствии на первое место в еврейском литературоведении.

Изучение фольклора и исследование еврейского языка (в частности деятельность Б. Борохова) характерны для периода 1908—1915; в эти годы появляются научные труды на идиш и подготовляется почва для деятельности еврейского научного института, возникшего в Вильне спустя много лет.

Мы резюмируем вышесказанное: за время от 1864-го года до 1914 еврейская литература стала светской многообразной литературой европейского типа. Преобладающим направлением в ней был реализм, но с течением времени в ней усилилось тяготение к романтизму, а в последние десять лет — к символике и модернизму. Ее географическим центром была черта оседлости (Варшава, Одесса, Вильно); небольшие литературные группы существовали в Петербурге и затем в Киеве. Под конец описываемого периода оформилось (главным образом под влиянием Переца) сознание роли — вернее — миссии еврейской литературы в жизни народа. Литература стала фактором огромного значения, организующим еврейскую общественность, пробуждающим в массах стремление к преобразованию жизни, соединяющей новыми узами интеллигенцию с народом. Будучи орудием социального прогресса и в то же время мощным фактором национализации и объединения, она создала связь между разбросанными по свету евреями, языком которых был идиш. Она воспитала в читателе привязанность и уважение к литературе и писателю. Она сумела сочетать динамизм с почти семейственной интимностью и заполнила в жиз-

ни народа пробелы, неизбежные в обстановке диаспоры. Через рупор литературы обращается еврейский народ к миру и к себе самому и при ее посредстве стремится он уяснить свой подлинный духовный облик.

ГРИГОРИЙ АРОНСОН

РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ПЕЧАТЬ

Создание русско-еврейской печати теснейшим образом связано с проблемой образования и оформления нового явления в жизни русских евреев: русско-еврейской интеллигенции. Еще в 40-х годах 19-го века о такой интеллигенции не приходилось и думать. Тогдашние «просветители», «маскилим», часто находились в большой зависимости от немецких евреев: воспитывались на немецкой культуре и жили ее заемным светом. Отрываясь от застывших, консервативных форм еврейской религиозной среды, духовно преодолевая атмосферу гетто, — одиночки-«просветители» не могли ставить перед собой вопроса о приобщении к русской культуре, тем более, что в эпоху Николая I русский язык им был чужд. В северо-западных и южных губерниях России они больше сталкивались с местными языками, — польским, малороссийским, литовским, белорусским, нежели с русским, влияние которого на окраинах было тогда еще слабо. Что касается русской общественности, либеральных и даже радикальных веяний, уже охвативших в 40-х г.г. довольно широкие круги «дворянских детей», — в столицах, вокруг университетов, — то евреи-интеллигенты, вероятно, очень мало или только понаслышке о них знали и не имели доступа к этим очагам нарождавшейся, после крушения декабристов, новой оппозиции в стране.

Не без оснований Л. О. Леванда (1835—1888) писал об еврейской интеллигенции 40-х г.г.: «Воспитанная на традициях мендельсоновской школы 18-го столетия, она была какая-то неопределенная, международная, не то еврейская, не то немецкая, сильно отзывавшаяся поверхностным дилетантизмом, кабинетным рационализмом, возившаяся с уже давно преодоленными и оставленными на Западе штандпунктами; словом, интеллиген-

ция эта, при всей своей почтенности, была сплошным анахронизмом и для жизни уже вовсе не годилась».[1]

С. Цинберг добавляет к этой характеристике существенное указание — на иллюзии тех «маскилим», которые ориентировались на благие намерения русского правительства и принимали всерьез готовность министра Николая I, Уварова, принять меры к приобщению евреев к просвещению и таким образом содействовать уничтожению «фанатизма» в еврейской среде и развить в них «общие начала гражданственности». Это был тот самый Уваров, который стремился «отодвинуть Россию на 50 лет назад», — по-видимому, она казалась ему чересчур передовой страной. Разумеется, эти иллюзии быстро рассеялись, не оставив глубокого следа.

Новая эра началась в 50-х г.г. после разгрома России в Крымскую войну. В России стало нарождаться общественное мнение, и оно все более становилось фактором, с которым и правящие сферы вынуждены были считаться. Периодическая печать, прорывая жесточайшую цензурную ограду, с отчаянием, но и с мужеством, поднимала свой голос по разнообразным острым вопросам российской действительности. Требования крестьянской, судебной и других реформ становились все более настойчивыми. Николаевская Русь явно доживала свои последние дни в огне военных поражений, сопровождавшихся хозяйственной разрухой.

Нарождавшееся русское общественное мнение начало осознавать наличие еврейской проблемы в России и почувствовало потребность в обсуждении судьбы евреев в России. Л. Леванда вспоминал об этом времени: «Мы впервые очнулись, когда услышали вокруг себя человеческие голоса, голос русского общества, говорившего устами русской печати». В этих условиях интеллигентные евреи, владевшие русским языком и отдававшие себе отчет в значении общественного перелома, происходившего в России, почувствовали необходимость в создании еврейской печати на русском языке. Для реализации этого плана уже создалась объективная предпосылка: нарождение нового слоя в русском обществе — русско-еврейской интеллигенции...[2]

---

[1] «Восход», кн. 6 за 1881 г.

[2] С. Цинберг. «Предтечи еврейской журналистики в России». «Пережитое», т. 4 СПБ. 1913 г.

В дальнейшем на основе обзора истории русско-еврейской периодической печати будут восстановлены главные линии развития общественных исканий русско-еврейской интеллигенции. На первых порах, — в сущности это продолжалось довольно долго, — в приобщившихся к русской культуре слоях еврейской интеллигенции были сильны иллюзии русификации, слияния с русским народом и весьма далеко идущей ассимиляции. «Просветители» сторонились идей еврейского национального самосознания и свои надежды строили преимущественно на благих намерениях правительства. Опыт тяжких переживаний погромной полосы 80-х г.г., победоносцевской реакции и разгул антисемитизма в 90-х г.г. не могли не убить иллюзий, и к началу нового века, когда открылась полоса общественной и политической дифференциации в еврейской среде, стало ясно, что только борьба за равноправие, поставленная, как центральная и боевая задача еврейства в России, — может вести к укреплению еврейских позиций во вне и развязать в русском еврействе внутреннюю национальную энергию.

Русско-еврейская печать естественно отражала эту эволюцию общественной мысли русско-еврейской интеллигенции. С течением времени совершенно преобразился характер русско-еврейской печати. Сливаясь с передовыми силами русского общества, русско-еврейская печать в своем основном русле отстаивала в интересах русского еврейства необходимость серьезных и глубоких перемен в русской политике. И в то же время, отражая растущее национальное самосознание русского еврейства, эта печать становилась одним из эффективных факторов сближения русско-еврейской интеллигенции с еврейской народной массой и ее жизненными потребностями. Таков был путь русско-еврейской печати в 19 и 20 веках.

1

Первый русско-еврейский орган печати «Рассвет» (1860—1861) возник в Одессе в результате инициативы местной еврейской интеллигенции и при активной поддержке Н. И. Пирогова, в те годы исполнявшего обязанности попечителя Одесского учебного округа.[3] Одесса была тогда главным, если не единст-

[3] См. Ю. Гессен. «Смена общественных течений». — «Пережитое», т. III. СПБ. 1911 г.

венным культурным центром русского еврейства. Современники отмечают, что нигде, даже в Петербурге, не наблюдалось столь тесного общения между еврейской интеллигенцией и русской культурой. До одной трети проживающих в Одессе евреев говорили по-русски и были вовлечены в культурный кругооборот. Совершенно естественно, что в еврейских интеллигентских кружках 50-х г.г. созрела мысль об издании русско-еврейского органа печати, и 23 декабря 1856 г. беллетристом Осипом Рабиновичем (1817—1869) и статистиком и исследователем положения евреев в России Иоахимом Тарнополем (1810—1900) была подана на имя Н. И. Пирогова докладная записка на предмет издания русско-еврейского еженедельника «Рассвет». Применяясь к цензурным требованиям и к условиям действовавшего политического режима, авторы докладной записки оговаривали, что «никакие политические известия и рассуждения не должны входить в состав журнала», преследующего «истинную религиозность и нравственность» и любовь к отечеству и стремящегося «приохотить (евреев) к изучению отечественного языка» и «споспешествовать видам правительства». Если отвлечься от этой казенной словесности, то надо признать, что цели «Рассвета» сводились в основном к распространению среди евреев просвещения на русском языке и к борьбе с «фанатическими» элементами в еврейской среде. Характерен для тогдашних культурно-ассимиляционных и русификаторских настроений в среде еврейской интеллигенции ряд выпадов против идиш, против «жаргона», который «едва ли заслуживает названия языка», — выпадов, включенных в текст докладной записки, представленной в Петербург Пироговым 4 января 1857 года.

Весьма примечательна была судьба этой докладной записки в петербургских министерствах. Инициатива Рабиновича и Тарнополя вызывала ряд сомнений и сама по себе, а поддержка Пирогова только заставляла высокие сферы особенно насторожиться. Прежде всего обсуждение вопроса затянулось. Министры народного просвещения Норов и внутренних дел Ланской, председатель т. н. Еврейского комитета Блудов, Новороссийский генерал-губернатор Строганов тщательно взвешивали пункты программы проектируемого издания. Наконец, 13 мая 1858 года Еврейский комитет рекомендовал выпустить журнал «на еврейском языке (т. е. на иврит) или на употребляемом в России жидовско-немецком языке». Эта рекомендация была доведена до сведения Александра II и получила одобрительную резолюцию царя.

Эта рекомендация однако вызвала решительные возражения со стороны инициаторов — Рабиновича и Тарнополя, — и в новой докладной записке, представленной ими Пирогову 12 июня 1858 года, они привели ряд доводов против иврит и идиш, которые уместно воспроизвести. «Издавать (на иврит), — читаем мы в новой записке, так же бесполезно и невозможно, как издавать современный журнал на латинском языке». Что же касается идиш или «жаргона», как тогда выражались, — то «убивать силы для обработки этого языка, не имеющего ни падежей, ни родов, ни правильных спряжений», — никак не входит в их задачи. «Ни мертвый еврейский язык, ни полудикий жидовско-немецкий жаргон не в состоянии породить рассвета на мрачном горизонте невежества». Без русского языка вся их инициатива теряла свое значение: «Мы любим русский язык, как любим русское отечество». По-видимому, эта вторая записка влияния не возымела. Но Тарнополь воспользовался пребыванием в Одессе нового министра народного просвещения Ковалевского, чтобы возобновить ходатайство. В новой записке цель журнала определялась (вероятно, по цензурным соображениям) как стремление содействовать «самоисправлению евреев».

Интересно, что эта одиозная фраза из записки Тарнополя, вошедшая впоследствии через 10 лет в его книгу (изданную в Одессе в 1868 г. — ив Париже в 1871 г.)[4] имела свое продолжение в следующих словах: «Цель такого журнала должна быть — содействовать самоисправлению евреев и показать, что оно успешно только тогда, когда оно пойдет рука об руку с улучшением их внешнего гражданского положения. Оба эти стремления должны помогать друг другу и слиться в одно; это значит: возрождение нашей внутренней жизни должно естественно и логично осуществиться при улучшении нашего гражданского быта». Таким образом, совершенно очевидно, что для инициаторов одесского «Рассвета» основной задачей журнала было воздействие на общественное мнение России и на русское правительство в смысле устранения еврейского бесправия. На этой точке зрения стояли представители еврейской интеллигенции, и ее полностью разделял и Н. И. Пирогов. И хотя министр Ковалевский наложил свою резолюцию на последний вариант хо-

[4] Полное название книги: «Опыт современной и осмотрительной реформы в области иудаизма в России. Размышления о внутреннем и внешнем быте русских евреев».

датайства — «оставить без последствий», — 22 октября 1859 г. издание «Рассвета» на русском языке было высочайше разрешено, в январе 1860 г. разрешение было доведено до сведения инициаторов, и 27 мая 1860 г. вышел в свет первый номер первого русско-еврейского журнала.

«Рассвет» существовал недолго. На каждом шагу журнал подстерегала придирчивая цензура. Даже в статьях Пирогова, присылаемых им в редакцию, цензура делала купюры, которые пришлось заменять точками. Представители власти были явно недовольны направлением «Рассвета». У О. Рабиновича происходили стычки и столкновения то с генерал-губернатором Строгановым, то с полицией (в частности, по поводу похищения еврейской девочки Ципки Мендок для обращения в католическую веру). В этих условиях трудно говорить о каком-нибудь выдержанном направлении журнала. В 1861 году цензура не пропустила статьи об уравнении евреев в правах. О. Рабиновичу приходилось искать обходных путей для отстаивания этой основной мысли. Так, в № 9 «Рассвета» редактор писал: «Необходимо, чтобы мы освободились от некоторых ограничений, которые мы в продолжении веков сами на себя добровольно наложили; но также необходимо, чтобы пали и те ограничения, которыми опутали нас извне». Формально-ассимиляторские, русификаторские тенденции «Рассвета» далеко не полностью определяют направление первого русско-еврейского журнала. Напротив, С. Цинберг,[5] анализируя статьи И. С. Гальберштадта (1842—1892) в «Рассвете», приходит к выводу, что «в начале 60-х годов далеко не все интеллигентное еврейство было увлечено ассимиляционным движением». Тем не менее, журнал успеха не имел, и жизнь его оказалась недолговечной. От укусов ли цензуры, от неприятностей, чинимых администрацией, от «равнодушия публики»,[6] — или от совокупности этих причин, но «Рассвет» скоро прекратился, и на смену ему уже 8 июля вышел новый журнал — «Сион».

2

Редакция «Сиона» находилась в руках Е. Соловейчика и Л. Пинскера, а затем Н. Бернштейна. По своему направлению жур-

---

[5] С. Цинберг. «История еврейской печати в России в связи с общественными течениями» Петроград, 1915.

[6] См. доклад М. И. Кулишера. «Пятидесятилетие русско-еврейской журналистики». «Еврейская Старина». Вып. 4. 1910 г.

нал мало отличался от «Рассвета», — хотя в нем было меньше публицистики и больше научно-популярного материала. С. Цинберг[7] считает, что «Сион» «не стоял под флагом ассимиляции и не отстаивал идеи полного слияния с окружающим населением», как этого добивались ассимиляторы 40—50-х г.г. Он отмечает в «Сионе» статьи Ю. Гольдендаха, давшего отпор тенденциям, проявившимся в обращаемых к евреям призывах: «В России мы должны стать русскими».

На долю «Сиона», однако, выпало всего 10 месяцев существования: возникший в июле 1861 г., он прекратился уже в апреле 1862 года. Прекращение «Сиона», возможно, было ускорено рядом конфликтов, которые имела редакция «Сиона» с украинофильским журналом «Основа» (которым руководили Кулиш, Костомаров, Марко-Вовчок и др.) по вопросам борьбы с антисемитизмом.[8]

Только спустя 7 лет после закрытия «Сиона» возник в Одессе новый орган русско-еврейской печати «День», которому удалось, не взирая на свой также короткий век (1869—1871), вписать свое имя в скромную до того историю русско-еврейской печати. Это объяснялось прежде всего тем, что среди руководящих сил журнала оказался выдающийся юрист и знаток экономического положения евреев, к тому же обладавший ярким публицистическим пером, — рано скончавшийся Илья Григорьевич Оршанский (1846—1875).

Редакция «Дня» привлекла в число своих сотрудников ряд выдающихся представителей русско-еврейской интеллигенции, в том числе А. Е. Ландау, писавшего систематически письма из Петербурга под псевдонимом «Гаммабит». К этому времени в общественном мнении еврейских кругов уже постепенно кристаллизовалась в качестве центральной задачи — борьба за эмансипацию, требование уничтожения еврейских ограничений. Эти лозунги оплодотворяли собой многие статьи «Дня». Применяясь к цензуре и отражая известную продолжавшуюся неопределенность своих стремлений, «День» писал: «Еврей-

---

[7] См. «История еврейской печати». Любопытно, что Л. Пинскер, ассимиляторски настроенный в период редактирования «Сиона», прославился впоследствии после погромов своей «Автоэмансипацией» — ярким палестинофильским призывом. Его «Автоэмансипация» вышла анонимно по-немецки в 1882 г. и была переведена на русский язык А. Волынским, тогда палестинофилом.

[8] См. М. Кулишер. «Евр. Старина», Вып. 4. 1910 г.

ский вопрос — не религиозный, как наивно полагают одни, и не национальный, как неосновательно полагают другие, а общественный, экономический... Необходимо определить те социальные и экономические условия, при которых интересы нашего еврейского населения совершенно сольются с интересами прочих русских граждан». Под углом этой идеи «слияния», т. е. ассимиляции, «День» призывает общественное мнение учитывать «те цели и стремления, которые преследуются евреями теперь, то общественное и гражданское положение, которое евреи готовятся занять в самом близком будущем».

Время было тогда бурное. Русское еврейство было потрясено постигшим в 1869 году губернии Северо-западного края голодом, сопровождавшимся заболеваниями голодным тифом. В Ковно образовался Комитет помощи и еврейские общественные организации в Германии и Франции широко откликнулись на его призывы. Началась также эмиграция в Америку. В Петербурге стали циркулировать слухи, легко подхватываемые провинцией, о предстоящих близких реформах в области еврейского вопроса. «День» в 1869—70 г.г. стал рупором этих ожиданий и надежд, и организатором кампании по сбору средств на дело помощи голодающим. Но иллюзии ассимиляции, даже обрусения, не переставали звучать на столбцах «Дня», захватывая даже таких публицистов, как И. Оршанский, явившегося одним из первых борцов за равноправие в России.

В цитированном выше докладе М. И. Кулишера по истории возникновения русско-еврейской печати «День» получил весьма высокую оценку. «Здесь впервые был привлечен весь наличный законодательный материал для характеристики юридического положения евреев, впервые использованы были многочисленные данные, имевшиеся в русской литературе для изображения экономического положения евреев. Это была главным образом заслуга И. Г. Оршанского. Тут был и новый метод разработки еврейского вопроса, и новый ценный материал для освещения его. Этим косвенно разрушалось фантастическое здание еврейского «засилия», воздвигнутое Брафманом». Разоблачением клеветнических измышлений автора пресловутой «Книги кагала» занялся М. Г. Моргулис (1837— 1913).

Положение «Дня», и без того страдавшего от «равнодушия публики» (по выражению Кулишера), пошатнулось главным образом вследствие обманутых ожиданий еврейского общества.

Как известно, ответом на настроения 1869—70 г.г. явился погром в Одессе в 1871 г. Меж тем «День» оказался неспособным реагировать на погром. В редакции возникли внутренние конфликты. «Оршанский настаивал, чтобы евреи добились предания самому строгому суду виновников, вдохновителей и попустителей погрома», — писал А. Е. Кауфман в своих воспоминаниях.[9] Многие были против такого решительного выступления евреев, опасаясь раздразнить административных «гусей». Номер «Дня», вышедший после погрома, заключал в себе только искалеченную цензурой заметку М. Кулишера о погроме. Издатель «Дня» Орнштейн счел себя вынужденным прекратить выход «Дня», но 8 июня 1871 года «День» был закрыт постановлением администрации.

После «Рассвета» и «Дня» выходили в России и некоторые другие русско-еврейские издания. Из них следует отметить русско-еврейский еженедельник под названием «Вестник русских евреев», который выпускал в течение 1871—73 г.г. в Петербурге известный редактор древнееврейского «Гамелица» А. О. Цедербаум (1816—1893). Человек исключительной энергии и редкой трудоспособности, с «чутьем настоящего публициста» (как пишет о нем «Еврейская Энциклопедия») и не без литературно-критического дарования, Цедербаум, как редактор «Гамелица», пользовался большой популярностью, особенно в еврейской провинции. Но попытка его выпускать «Вестник русских евреев» кончилась неудачей. С. Цинберг в своей «Истории» пишет, что «Цедербаум был слаб в русской грамоте». М. Кулишер утверждает, что «Вестник» Цедербаума «никто не читал и никто им не интересовался» и погиб он в сущности также от «равнодушия» читательской публики.

3

В последующие годы Россия заметно развивалась. Шел период экономического подъема, усиленного железнодорожного строительства, роста городов. Страна властно вступала на «западные» пути капиталистического развития, в которое постепенно втягивалось и еврейство черты оседлости, занимая весьма заметные позиции и в железнодорожном хозяйстве, и в банковском деле, и в начинавшемся экспорте заграницу. Со времени прекращения «Вестника русских евреев» никаких новых рус-

[9] «Еврейская Старина». 1913 г.

ско-еврейских изданий весьма долго не выходило. Причин этому было немало. Одна из них заключалась в том, что ряд представителей еврейской интеллигенции, хорошо владевших русским литературным языком, был привлечен к сотрудничеству в общей русской печати. Тогда еще и «Новое Время» держалось либерального курса, и многие еврейские литераторы, как С. А. Венгеров, Н. М. Минский, Л. О. Леванда, сотрудничали в газете Суворина. Любопытно, что некоторые из них были не только русификаторами, но и прославянски настроены, а Н. Минский даже собирался ехать в Турцию воевать за братьев-славян.

Но были еще другие причины, уводившие активные элементы еврейской интеллигентской молодежи в сторону от служения интересам еврейства: это были годы растущего революционного движения в России, вовлекавшего в свою орбиту и еврейскую интеллигенцию. Мы знаем из воспоминаний Аптекмана, Иохельсона, А. Зунделевича и из литературного наследия Павла Аксельрода о том, как оторванность от еврейской жизни и отчасти разочарование в возможности создания освободительного и социалистического движения среди еврейской народной массы превращали многих представителей еврейской молодежи в убежденных космополитов и активных ассимиляторов-обрусителей, проделывавших опыт «хождения в народ», — в крестьянскую среду, которая воспринималась тогда как основной резервуар революции.

Проявления среди евреев-социалистов национального сознания были редкими исключениями в ту пору. Следует упомянуть в этом отношении «Обращение к еврейской интеллигентской молодежи», опубликованное А. Либерманом в Лавровском «Вперед» (№ 38, 1 августа 1876 г., Лондон) и «Воззвание группы еврейских социалистов» в Женеве в 1880 г., связанное с именем деятеля «Народной Воли» Л. Цукермана (в этом воззвании еврейские социалисты впервые призывались вести свою пропаганду на идиш). Но оба эти обращения, адресованные к тому же из-за границы, не доходили до широких слоев русско-еврейской интеллигенции, уже к тому времени, особенно в Петербурге составлявшей весьма значительные кадры и все больше сраставшейся с миром русской культуры. Раньше или позже объективные условия должны были вызвать к жизни новую инициативу, направленную на дело служения интересам русского еврейства, и к концу 70-х годов в этом отношении обстоятельства созрели для того, чтобы умолкнувший голос русско-еврейской печати вновь начала звучать.

Надо думать, что одним из толчков в этом направлении явился рост официального, правительственного антисемитизма, начавшего захватывать и некоторые углы русской общественности. Примечателен в этом отношении был поворот Суворина («Незнакомца») к антисемитизму в «Новом Времени». В то же время в стенах Петербургского университета стали соперничать в антисемитизме профессора Вреден и знаменитый Менделеев. А министр народного просвещения Делянов стал открыто покровительствовать выкресту-юдофобу Брафману, вызвав его из Вильны в Петербург.

Центр еврейской интеллигенции к тому времени переместился окончательно из Одессы в Петербург. После окончания русско-турецкой войны вновь появились слухи о больших реформах в области еврейского вопроса, и началась новая полоса общественного оживления. Граф Игнатьев передал евреям через А. Цедербаума свой план о переселении евреев в Ахал-Техинские степи, только что завоеванные Скобелевым.[10] Игнатьев вообще крепко верил в привязанность русских евреев к России.[11] Другие еврейские круги возлагали надежды на предстоящий созыв раввинской комиссии, в которой видели подобие Наполеоновского «Синедриона» 1806 года.

Но кроме этих иллюзий бюрократическо-фантастического характера, в еврейских кругах столицы складывались и иные настроения, подсказанные растущим национальным самосознанием и потребностью сделать что-нибудь существенное в интересах народной массы, — настроения, в известной мере проникнутые умеренными народническими стремлениями, но чуждые идей революции или социализма. Зима 1879 года, по описанию мемуаристов, была полна собраний и вечеринок, на которых раздавались речи и поднимались тосты во имя различных общественных планов. В кружках русско-еврейской интеллигенции стали выдвигаться молодые деятели из литературы и адвокату-

---

[10] Александр Цедербаум и сын его Иосиф Цедербаум были близки с Игнатьевым (последний — со времени пребывания графа русским послом в Константинополе).

[11] А. Кауфман в своих цитированных воспоминаниях воспроизводит слова Игнатьева, сказанные одному еврейскому деятелю в связи с эмиграцией евреев из России: — «Евреи от нас не уйдут. Вот и выселившиеся в Палестину и Америку распевают, как говорят, «Вниз по матушке, по Волге». В Палестине нам евреи сослужат еще большую службу, помогут нам добыть ключи от гроба Господня»...

ры, на которых стали взирать, как на будущих руководителей общественного мнения. Потребность в отпоре все более наглевшему антисемитизму и в конструктивной разработке актуальных вопросов еврейской жизни делала все более настоятельной мысль о создании органа русско-еврейской печати, который объединил бы широкие еврейские круги. Стоит отметить, что на упомянутых выше вечеринках проявлялся живой интерес к идиш — языку народной массы. С. М. Гинзбург, восстанавливая в памяти это время, рассказывает об одной из популярных фигур петербургских собраний — Савелии Войтинском, который был «мастерским рассказчиком еврейских анекдотов и происшествий. Его буквально рвали из рук, приглашая повсюду, чтобы выслушать в его художественной передаче еврейские юмористические сцены».[12]

4

Нарождение новых органов русско-еврейской печати, однако, наткнулось на многочисленные трудности. Ходатайство еврейских общественных деятелей о разрешении издавать журнал было вначале подано от имени адвоката И. Бинштока, но оно было отклонено администрацией. Та же судьба постигла и другие ходатайства, — одно от имени д-ра А. Гаркави, видного ученого, заведующего еврейским отделом Публичной Библиотеки в Петербурге, и другое — от имени А. Кауфмана, служащего статистического управления. Только к осени 1879 года удалось использовать имевшееся у А. Цедербаума разрешение на издание «Рассвета», который затем выходил до января 1883 г. В редакционную группу «Рассвета» вошли М. И. Кулишер (1847—1919), Як. Розенфельд, Г. И. Богров (1825—1885), Н. М. Виленкин-Минский (1855—1937), Людвиг Слонимский, С. А. Венгеров (1885—1921) и другие. Постоянным секретарем редакции был Маркус Каган (Мордехай бен Гилел Гакоген — 1856—1936).

В то время, когда подготовлялось издание «Рассвета», обнаружилось, что одновременно педагог Л. Берман и автор книжек по физике на иврит Г. Рабинович в свою очередь получили разрешение на издание другого органа русско-еврейской печати — «Русский Еврей». В отличие от «Рассвета», возникшего по об-

---

[12] С. Гинзбург. «Прежний Петербург» (идиш). Н.-Й. т. 1, стр. 159 (1944).

щественной инициативе, — «Русский Еврей» был в редакционном и литературном отношении плохо оснащен. Впоследствии секретарем редакции был приглашен А. Кауфман, единственной крупной писательской силой журнала был Леванда, проживавший в Вильне и лишь частично руководивший редакцией, а к концу 1880-го года редакцию перенял д-р Л. О. Кантор (1849– 1915). Но это было уже позже, а на первых порах Берман и Рабинович, за отсутствием редакторов и журналистов, пригласили выпускать журнал... Рачковского,[13] который взял эту должность несомненно с ведома Департамента Полиции, — и в течение года редактировал журнал «Русский Еврей» вместе с приглашенным другим агентом охраны, выкрестом П. Палетелем. В этих условиях говорить сколько-нибудь серьезно о направлении «Русского Еврея» довольно трудно. Правда, он был несколько более национально настроен, чем «Рассвет», но это объяснялось прежде всего тем, что в нем участвовали люди, получившие большее религиозно-традиционное воспитание, чем люди «Рассвета». В дальнейшем, благодаря активному участию сына Л. Бермана, Василия Бермана, одного из первых палестинофилов в кружках петербургской молодежи, национальная струна в «Русском Еврее» звучала все более отчетливо. Сам В. Л. Берман (1862—1896), поэт и публицист, скончался в молодом возрасте, не оставив значительного следа в русско-еврейской печати.

«Рассвет», рассматривая себя, как орган печати еврейской интеллигенции, в яркой статье формулировал свои задачи. Эта программная статья «Рассвета», написанная М. И. Кулишером, на первых порах давала весьма отчетливое представление о характере нового русско-еврейского издания.

«Основная цель и задачи нашего издания быть органом нужд и потребностей русских евреев. Мы зовем и приглашаем интеллигентную часть русского еврейства. Мы надеемся и уверены, что они откликнутся на наш зов и присоединятся к нам, что они не будут щадить ни сил, ни труда, необходимых для пробуждения громадной массы русских евреев от умственной спячки и спасения от безвыходного материального положения... Этого требует не только благо русских евреев, этого требует и благо России. Уделяя свое время на удовлетворение нужд и потребно-

[13] Дальнейшая карьера Рачковского известна: с 1885 г. по 1902 г. он заведывал в Париже иностранной агентурой, а с 1902 г. был вице-директором Департамента полиции.

стей русских евреев, интеллигентная часть русских евреев этим не выделяет себя из среды русских граждан. Она исполняет лишь то дело, которое лежит на обязанности русского гражданина вообще. Интеллигентное еврейство борется за него потому, что оно лучше других по своему положению, по своей племенной связи с еврейской массой может его исполнить, — оно борется за это дело там, где результаты его трудов могут быть наиболее успешными».

Отдельные сотрудники «Рассвета», даже столь влиятельные, как И. Г. Оршанский, вносили свою ноту в журнал, продолжая отстаивать позицию одесского «Дня» о пользе и разумности ассимиляции. «Только в ассимилировании с народами, среди которых евреи живут, — их спасение, — обобщал свою излюбленную идею Оршанский. — В усвоении чужих нравов, чужого образа жизни, в усвоении воззрений, выработанных другими культурными народами, в приноровлении к условиям жизни других народов заключается их задача». Но в сущности руководители «Рассвета» уже не верили в истину ассимиляции. Приобщение к русской культуре, пропаганда гражданственности в русском еврействе уже для них не упирались в перспективу растворения еврейской интеллигенции в русской среде, не означали «слияния» с русским народом. Порой ощупью, эмпирически, без обобщений, без теоретического осмысливания, в «Рассвете» все больше давал себя чувствовать контакт с народной жизнью, с потребностями массы, на своих не определившихся и смутных еще путях тянущейся к новым формам жизни, самодеятельности, самопомощи. Как совершенно справедливо говорит о «Рассвете» С. Цинберг,[14] «теоретически отстаивая ассимиляционную точку зрения, «Рассвет», сам того не сознавая, шел по пути, ведущему не к ассимиляции, а к пробуждению национального самосознания. «Рассвет» обращается не к внешнему миру, — исключительно к еврейству, к еврейской интеллигенции». «Рассвет» видит свою задачу в том, чтобы быть «будильником самосознания и самоуважения в единоверцах». Мы «говорим не о ком ином, как о массе еврейской, о ее нуждах и потребностях»... «Еврей до тех пор, пока он остается евреем, не может разорвать живой связи со своим народом, не греша перед историей, перед жизнью, перед собой, наконец». «Очнитесь! Подумайте только: три миллиона евреев — и так мало, так страшно мало деятельных интеллигентных людей!..»

---

[14] В «Истории еврейской печати», стр. 242.

Этот ярко выраженный национальный уклон особенно горячо прозвучал в связи с вышедшим из тех же собраний и вечеринок 1879 года проектом создания Ремесленного Фонда, впоследствии развившегося в ОРТ, связанным с именем железнодорожного короля С. С. Полякова. Ремесленный Фонд, имевший в виду широко и конструктивно поставить помощь еврейским земледельцам и ремесленникам, стал в 1879—80 г.г. средоточием и надежд и упований еврейской интеллигенции и приобрел широкую популярность в еврейской провинции. Как известно, в течение нескольких месяцев сборы в пользу Ремесленного Фонда охватили до 12 тысяч евреев в 400-х с лишком пунктах черты оседлости и привлекли широкие симпатии представителей всех слоев населения от интеллигенции до купечества, от ремесленников до раввинов. «Рассвет», а также второй орган русско-еврейской печати «Русский Еврей», — на этой работе выпрямивший и свою литературную физиономию и нашедший свое национальное лицо, — оба поставили себя на службу задачам экономической самопомощи, которые выдвинулись в первую очередь в связи с Ремесленным Фондом. Русско-еврейская печать облеклась в плоть и кровь, когда связала себя с практическим делом и стала выполнять общественную функцию.

Цензура да и вообще полицейская обстановка в стране мешала народившемуся еврейскому общественному мнению поставить перед собой — и перед мыслящей Россией, — еврейскую проблему во всем объеме, во весь рост. Но уже было ясно для всей русско-еврейской интеллигенции, что без политической эмансипации, без ликвидации ограничительного законодательства, без уничтожения черты оседлости немыслимо найти выход из материальной нужды, невозможно и поднять культурный уровень еврейской народной массы. Никакие паллиативы тут помочь не могли. И перед лицом этого сознания с каждым днем становилось все очевиднее, что иллюзии русификации, слияния, ассимиляции русского еврейства рассеиваются, как дым от огня. Облетели цветы, догорели огни эпохи 50—60-х годов. Русско-еврейская печать не ставила себе задач, подобных тем, которые были формулированы одесским «Рассветом»: нести в еврейскую среду «любовь к отечеству» и «споспешествовать видам правительства». Совсем другие аспекты еврейской проблемы доминировали в печати. Н. Минский (Норд-Вест) отвечал в «Рассвете» статьей «Сумбур идет» на статью Суворина: «Жид идет». «Рассвет» считал необходимым сражаться не

только с антисемитами, но и с социалистическими настроениями, продолжавшими охватывать еврейскую молодежь, и тот же Норд-Вест на столбцах «Рассвета» утверждал, что лозунги социалистов «представляют для еврейского народа мертвые слова, лишенные всякого жизненного значения», повторяя в сущности А. Цедербаума из «Гамелица», огорчавшегося тем, что евреи-социалисты вызывают гнев высших сановников, расположенных к евреям...

Печальный конец этой краткой эпохи подъема в области русско-еврейской печати однако скоро дал о себе знать. «Рассвет» и «Русский Еврей» продолжали выходить еще несколько лет. Но одушевлявшие их надежды на близость реформы, на смягчение ограничений сменились пустыней отчаяния. После цареубийства 1-го марта 1881 года наступила беспросветная полоса управления Россией Победоносцевым. «Народная Воля» подверглась жесточайшему разгрому. Молодежь, в том числе и еврейская, вовлеченная в революционное движение, заселяла Петропавловскую крепость и казематы Сибири. 15 апреля 1881 года погром в Елисаветграде прозвучал началом страшного народного бедствия, постигшего русское еврейство, — эпохи погромов 1881—1883 г.г. и Временных правил (3 мая 1882 г.) о выселении евреев из сельских местностей. Русско-еврейская интеллигенция в эту страшную полосу была потрясена до основания. Крушение надежд на эмансипацию, на реформу, на уравнение в правах евреев в России, на либерализацию режима породило настроения безнадежности и отчаяния. В кругах «Рассвета» и «Русского Еврея» стали укрепляться палестинофильские настроения, ярким выразителем которых явился М. Л. Лилиенблюм (1843—1910). Открылась первая страница массовой эмиграции в Палестину и в Америку.

5

На этом, однако, не заканчивается в эти трагические для русского еврейства годы история русско-еврейской печати. Мы мельком уже упоминали имя А. Е. Ландау, петербургского корреспондента одесского «Дня», — между тем он занимает одно из значительных мест в истории русско-еврейской печати. А. Е. Ландау (1842—1915) выпустил 10 томов историко-литературной «Еврейской Библиотеки» в Петербурге (с 1871 по 1880 г. и с 1901 по 1903 г.) и в течение 18 лет был редактором «Восхода»,

который выходил с 1881 по 1906 г.г. ежемесячными книжками с приложением «Недельной Хроники Восхода».

Программа «Восхода» была сформулирована в следующих основных положениях: «Прогресс вовне и внутри еврейства... Твердым свободным словом следует бороться против всех внешних и внутренних преград, мешающих правильному развитию русского еврейства». Главной задачей «Восхода» была борьба за равноправие евреев в России, борьба против правовых ограничений и преследований еврейства, и эта борьба вызвала широкую популярность «Восхода» в читательских кругах. «Восход» также боролся против культурной отсталости еврейства и поддерживал все начинания, ведущие к просвещению еврейской массы. В вопросах внутренней еврейской жизни «Восход» был противником палестинофильства и поддерживая начавшуюся после погромов массовую эмиграцию в Америку, он высказывался против эмиграции в Палестину. Естественно, что палестинофильские круги были чувствительно задеты позицией «Восхода» и оказались в рядах его противников, до того состоявших главным образом из представителей традиционализма, недовольных критикой «темных сторон» еврейского быта. Следует отметить, что в 1897 г., когда консолидировалось сионистское движение и был созван первый конгресс, «Восход» занял по отношению к нему отрицательную позицию.

Но центр тяжести работы русско-еврейской печати в 90-х г.г. лежал в первую очередь в борьбе с проявлениями правительственного антисемитизма. Новое десятилетие ознаменовалось брутальным актом антисемитизма, — выселением в 1891 г. евреев из Москвы. Но и после этого акта, и до того травля русского еврейства стала, можно сказать, специальностью официозной русской печати. Статьи о «еврейском нахальстве» и о «еврейском засилии» стали заполнять русскую черносотенную печать, получая дополнения в административном разгуле юдофобов на местах (в Одессе, Вильне и в других городах). Создавалась сгущенная атмосфера, в которой дышать было трудно. Тогда в прогрессивных русских кругах возникла мысль об организации протеста против систематического издевательства над евреями. Протест должен был быть направлен против антисемитской печати, но на самом деле метил выше — в направлявшую руку антисемитов высшую администрацию.

Владимир Соловьев, христианский философ и гуманист составил текст протеста, который мы приводим в приложении, за-

имствуя его из книги Ф. Геца,[15] где он помещен, как «неизданная статья Вл. Соловьева». Ф. Гец в своей книге отмечает, что «по чисто случайному, весьма интересному обстоятельству она (статья) не появилась в печати, для которой была направлена». С. М. Дубнов в X томе своей «Всемирной Истории еврейского народа»16 рассказывает по этому поводу следующее: «Вл. Соловьев хотел опубликовать протест против антисемитского направления «русской печати», — на самом деле против русского правительства с его продажными перьями в печати — за подписями выдающихся русских писателей и общественных деятелей. С большими усилиями ему удалось собрать (май-июнь 1890 г.) свыше ста подписей в Москве и Петербурге; среди подписавших были Лев Толстой, Короленко и другие литературные знаменитости... Как ни был умерен этот протест по своей форме, его при тогдашних условиях невозможно было напечатать. Московский профессор Иловайский, — сомнительный историк, но патентованный антисемит, — осведомил Петербург, что в Москве собирают подписи под «дружественной евреям петицией», и Главное Управление по делам печати запретило редакциям всех газет публиковать какие бы то ни было коллективные заявления по еврейскому вопросу. Соловьев тогда обратился с горячим письмом к Александру III, но тотчас получил через полицию ясное предупреждение, чтобы он не подымал шума по поводу евреев, — иначе ему не избежать административного преследования. От открытого протеста пришлось отказаться»... (См. в Приложении текст этого умеренного протеста русских прогрессивных кругов, представляющий известный исторический интерес и проливающий свет на условия, с которыми были связаны тогда в России попытки выступления в защиту элементарных еврейских прав).

В 1899 году в Петербурге образовалась группа еврейских общественных деятелей и литераторов, которые приобрели у А. Е. Ландау «Восход» и образовали новую редакцию, состоявшую из молодых, весьма радикально настроенных и одушевленных преданностью интересам народной массы людей. С. М. Гинзбург, один из участников этой редакции, вспоминает это время, когда «Л. Брамсон, М. Познер, Ю. Бруцкус, Л. Зайденман стали принимать энергичное участие в еврейской общественной жизни

[15] «Об отношении Вл. Соловьева к еврейскому вопросу», М. 1902 (второе издание).

[16] Цитируется по изданию на идиш, стр. 147, Н.-Й. 1957 г.

Петербурга. Приток новых молодых сил внес большое оживление в петербургские центральные еврейские учреждения. В Обществе распространения просвещения под влиянием новых деятелей начала сильно развиваться школьная работа и сказалось стремление реформировать провинциальные талмуд-торы и создать целый ряд новых педагогических учреждений. Петербургский Центральный Комитет «Еврейского Колонизационного Общества» стал все больше искать способов к улучшению экономического положения русских евреев на местах, отказавшись от своей прежней задачи — организации массовой эмиграции в Аргентину».[17] Эта же группа деятелей осознала необходимость в интересах осуществления своих планов иметь в своих руках орган печати. В новую редакцию «Восхода» вошли Л. М. Брамсон (1869—1941), Ю. Д. Бруцкус (1870—1951), С. М. Гинзбург, Л. Зайденман, М. Д. Рывкин, М. В. Познер (последний — экономист по образованию — недолго работал в редакции). Л. Брамсон писал на текущие публицистические темы, вел провинциальный отдел. «Он был больше общественным деятелем, чем писателем», — замечает о нем Гинзбург. Л. Зайденман вел обзор печати, занимавший издавна видное место в журналах. М. Рывкин (Макар), впоследствии автор романа «Кровавый навет» и сборника рассказов «В духоте», — писал фельетоны на общественные темы. С. Гинзбург, уже тогда посвятивший себя истории русского еврейства, печатал в «Восходе» свои первые исторические труды. Ю. Бруцкус, по определению Гинзбурга, был «подлинным кладом» для редакции: врач по образованию, он был энциклопедистом и писал по самым разнообразным вопросам. Программа, с которой выступила новая редакция, формулировала несколько общих идей в духе эпохи, стоявшей на рубеже двух веков. Задача журнала: «Пробуждать дух народа, развивать в нем чувства национального самосознания и поднять культурный уровень массы».

Но этой общей задачи было, однако, явно недостаточно для внутренней консолидации «Восхода». В это время уже наступила полоса глубокой общественной дифференциации в стране, в подполье и надполье строились первые политические партии. Шло шумное студенческое движение, начинались массовые рабочие забастовки и вспыхивали сполохи крестьянского движения. Россия с каждым днем все больше политизировалась, и русско-еврейская интеллигенция, и более широкие круги еврей-

---

[17] «Прежний Петербург», т. I. идиш, Н.-Й. 1944, стр. 177.

ского народа не могли оставаться в стороне и занимать нейтралистские позиции. И в сфере чисто еврейских проблем, даже «Восходу», объединившему представителей разных течений, не удалось удержаться в рамках «золотой середины». Не выдержала и попытка редакции сохранить нейтралитет по отношению к сионизму.

Одно время «Восход» помещал и сионистские статьи, но большинство редакции прочно стояло на позиции, что разрешение еврейского вопроса зависит исключительно от национально-политической деятельности в тех странах, где евреи сейчас находятся. В результате произошел редакционный раскол: ушли постепенно С. Гинзбург, Ю. Бруцкус, М. Рывкин. Накануне первой русской революции вошли в редакцию «Восхода» М. М. Винавер и Л. А. Сев (1867—1922). Близко к редакции стоял и М. Л. Тривус. В новой ситуации «Восход» стал органом еврейского либерализма, весьма близким к руководящим кругам либерализма русского. По данным «Еврейской Энциклопедии», «Восход» ко времени первой русской революции имел не меньше 4—5 тысяч подписчиков.

В истории русско-еврейской печати «Восходу», — этому, по общему признанию, боевому органу борьбы за равноправие,[18] принадлежит исключительное место не только потому, что он просуществовал без перерыва в течение четверти века, но и потому, что, благодаря, главным образом, «Восходу», к еврейской литературе на русском языке получили доступ целые поколения русско-еврейских беллетристов и поэтов, ряд выдающихся историков, социологов, экономистов, литературных критиков и множество талантливых публицистов. За годы 1881—1906 сложилась и выросла и приобрела своих читателей-друзей новая и своеобразная область еврейской литературы, — ее русско-еврейская ветвь. Не было почти ни одного выдающегося писателя-еврея (даже из тех, кто потом отошел от еврейства), который бы в тот или иной момент не появился на страницах книжек «Восхода» или его еженедельника. Заслуживает также внимания, что «Восход» ставил себе одной из задач приобщение еврея-читателя, владевшего только русским языком, ко всему новому и талантливому, что появлялось на иврит, а затем и на идиш — в еврейской литературе, систематически ознакомляя его с художественными новинками в переводах и литературно-критических

---

[18] См. в приложении справку о репрессиях, которым подвергался неоднократно «Восход» за годы 1884—1905.

обзорах. С «Восходом» также начинается заметное улучшение русского языка в русско-еврейской литературе, которая в этом отношении в течение долгих лет, особенно в изданиях первых десятилетий, оставляла желать много лучшего. И по богатству содержания своего «Восход» выгодно отличался от своих предшественников, — в частности, уделив внимание корреспонденциям из многих стран Европы и Америки, расширяя таким образом кругозор своих читателей и связывая русских евреев с мировым еврейством. Это также содействовало укреплению национального самосознания русско-еврейской интеллигенции.

6

Подводя итоги русско-еврейской печати за время с 1860 г. до первой русской революции 1905—06 г.г., т. е. за полвека, мы можем отметить участие в ней целого ряда беллетристов и поэтов, как О. Рабинович, Л. О. Леванда, Г. И. Богров, Бен-Ами (М. Рабинович), Н. Пружанский, П. И. Вейнберг, Гершон Баданес, С. Ярошевский, С. Ан-ский, С. Фруг, Л. Б. Яффе, Р. М. Хин, С. С. Юшкевич и многие другие, ряда ученых, историков, литературных критиков, экономистов и публицистов, как А. Л. Гаркави, И. Ю. Маркон, С. М. Дубнов (Критикус), С. А. Бершадский, М. Л. Лилиенблюм, М. И. Кулишер, Л. О. Кантор, С. Л. Цинберг, С. М. Гинзбург, А. Л. Волынский-Флексер, А. Г. Горнфельд, М. Г. Моргулис и мн. др. Особенное внимание уделял «Восход» изучению и проблематике еврейской истории. В этом отношении следует подчеркнуть, что именно в «Восходе» в течение 10 лет (1897—1907) печатались «Письма о старом и новом еврействе» С. М. Дубнова, разрабатывавшие проблемы национальности, автономизма, общины, и составившие эру в идеологической борьбе ряда поколений последующих лет.

«Великий раскол» в среде еврейской интеллигенции, которого мы коснулись в связи с внутренними конфликтами в редакции «Восхода», вызвал к жизни существование особого направления в русско-еврейской печати, — а именно ряда сионистических органов печати на русском языке. Первым по времени был еженедельник «Будущность», выходивший в Петербурге под редакцией С. О. Грузенберга с декабря 1899 г. по апрель 1904 г. Затем М. Д. Рывкин выпускал с 1904 по 1906 г. в Петербурге еженедельник «Еврейская Жизнь» с приложениями, а в Одессе (1906—07) выходила «Еврейская Мысль». Наконец, с

1907 г. стал выходить еженедельник «Рассвет», под редакцией А. И. Идельсона (1865—1921) и при ближайшем участии В. Е. Жаботинского, братьев Ю. Д. и Б. Д. Бруцкусов, Д. Пасманика, Б. Гольдберга, С. Яновского и др., — в качестве партийного сионистского органа до момента закрытия всей печати в России большевиками в июне 1918 г., а затем издававшийся под редакцией В. Жаботинского в Берлине и Париже с перерывами с 1922 по 1935 год.

Поскольку речь идет о печати партийной, надо отметить, что наибольшую активность в издании своих органов на русском языке проявил Бунд, — отчасти в дополнение к изданиям на идиш, отчасти с целью привлечения студенческой молодежи, не владевшей идиш. Бунд выпускал в Женеве и транспортировал нелегально в Россию «Последние Известия» (1901—05 г.г. вышло 256 номеров), «Вестник Бунда» (1904), «Отклики Бунда» (1909—1911) и некоторые другие издания, а легально в Вильне «Наше Слово», затем «Наша Трибуна» (1906—08). Среди идеологов и писателей Бунда, писавших по-русски, нужно отметить Вл. Косовского, В. Д. Медема, Д. О. Заславского, И. Л. Айзенштадта-Юдина и др. Другие еврейские социалистические группировки также выпускали свои партийные издания на русском языке. Так сеймовцы (или серповцы) выпустили за границей журнал «Возрождение», два двойных номера, Лондон-Париж (1904 г.), с участием М. Б. Ратнера, Х. Житловского, Бен-Адира (А. Розина), М. И. Зильберфарба и др., а поалей цион выпускали «Еврейскую Рабочую Хронику» в Полтаве в 1906 г., под редакцией Б. Борохова. Еврейская Народная Группа, в связи с избирательной кампанией в Государственную Думу, выпускала одно время свой журнал «Свобода и Равенство» (1907), при ближайшем участии М. Л. Тривуса и С. В. Познера.

Это был период бурного роста национальных движений в русском еврействе и идейного оформления национальных программ в различных группах русско-еврейской интеллигенции. Большой толчок в этом отношении дала не только русская революция, втянувшая в свою сферу широкие народные массы, — но также и погромы первого десятилетия нового века (Кишиневский и Гомельский в 1903 г. и полоса погромов, устроенных после Манифеста 17 октября 1905 г. и как бы в ответ на этот манифест, обещавший гражданам России политические свободы и Думу с законодательными правами). На этих задачах и сосредоточилось внимание русско-еврейской печати, как в годы революционного подъема и первых двух Государственных Дум, так и

в последующую эпоху, вошедшую в историю под именем «Столыпинской реакции», но в действительности, в условиях роста новых потребностей и властно идущей вперед жизни, не вполне укладывавшейся в это определение.

Удельный вес русско-еврейской печати в эпоху, наступившую в России между первой революцией и первой мировой войной (1905—1914), значительно упал: в эти годы кристаллизовались новые элементы в еврейской народной жизни: народились новые кадры народной («фолькстимлихе») интеллигенции, разрослась выдвинувшая много новых дарований литература на идиш, возникла и приобрела читателей ежедневная печать на идиш (ранее в Петербурге, потом в Вильне и Варшаве). Но и на страницах русско-еврейской печати отражались новые явления в еврейской жизни: процесс демократизации общественности, втягивание в нее радикальных и социалистических элементов, культурный и литературный Ренессанс, сопровождавшийся возросшим интересом к еврейскому фольклору, к еврейской истории, этнографии и музыке, возникновение ряда литературных обществ и отделений Общества распространения просвещения, оживление деятельности Общества Ремесленного Труда (ОРТ'а), возникновение Общества охранения здоровья (ОЗЕ), борьба за народную школу на родном языке, борьба за права идиш в еврейской общественной жизни. Наконец, в печати отразились и социальные конфликты, выразившиеся в стремлении демократических и рабочих элементов ограничить власть консервативных и цензовых кругов в жизни общин, реформирование которых становилось все более актуальной задачей. Русско-еврейская печать также служила делу осведомления русской прогрессивной общественности разных направлений о положении, проблемах и требованиях русского еврейства. Даже под этим одним углом зрения органы русско-еврейской печати имели в эпоху между двух революций весьма серьезное значение.

На смену «Восходу», прекратившемуся в 1906 г., пришел «Новый Восход», затем с 1910 по 1918 г.г. выходивший под названием «Еврейская Неделя». По направлению своему это издание, одно время отражавшее мнение возникшего в годы революции Союза борьбы за достижение полноправия евреев в России, стало официальным органом возглавлявшейся М. М. Винавером (1863—1926) Еврейской Народной Группы. В «Еврейской Неделе» участвовал ряд представителей еврейского либерализма, близкого к кадетской партии. Редактором ее был Л. А. Сев.

В эти годы политическая дифференциация еврейских групп и партий, шедшая не только по общеполитической, но и по национальной линии, шла усиленным темпом. Ведь после революции вопрос шел не только о полноправии, о гражданских правах для евреев, но и о правах национальных. Это отразилось на судьбе журнала «Еврейский Мир», созданного в Петербурге на началах коалиции в 1909 году. В тот период существовала редакция, в состав которой входили С. М. Дубнов и С. А. Ан-ский — от «Фолькспартей», Л. А. Сев и М. Л. Тривус — от Еврейской Народной Группы, В. Португалов — от сионистов, А. И. Браудо (1864—1924) — от Еврейской Демократической Группы. Секретарем редакции был А. Ф. Перельман — от Фолькспартей. Но коалиция долго не выдержала испытания. Уже в 1910 г. в результате разногласий вспыхнул редакционный кризис. Из редакции вышли представители «винаверовцев», и журнал оказался в руках членов Еврейской Демократической Группы — А. И. Браудо, Я. Л. Сакера и Г. А. Ландау. По-видимому, разрыв коалиции в «Еврейском Мире» (не ладили также между собой «Фолькспартей» и Демократическая Группа) был ускорен расхождениями по вопросу, следует ли при защите еврейских интересов в общей политике ориентироваться на «умеренных» (кадетов) или «левых» (трудовиков и с. д.). Новая редакция журнала приняла ориентацию налево, и это облегчило возможность сотрудничества в «Еврейском Мире» и затем в заменившем его «Еврейском Обозрении» (1910) представителям еврейских социалистических партий (В. Медему, Бен-Адиру и др.).

В последующие годы в центр внимания русско-еврейской печати стал вопрос о взаимоотношениях поляков и евреев в связи с так наз. экономическим бойкотом, а затем дело Бейлиса (1911—1913), отравившее атмосферу попыткой правительства и особенно министра юстиции Щегловитова пустить в ход легенду о ритуальном употреблении евреями христианской крови. Следует отметить, что эту отвратительную вспышку антисемитизма вслед за двором и Союзом русского народа разделял религиозно-философский писатель из «Нового Времени» В. В. Розанов (сотрудничавший под псевдонимом в либеральном московском «Русском Слове»), который делу Бейлиса посвятил отвратительную черносотенную книгу «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови». Приходится отметить, что в отличие от канунов первой революции, когда преследования евреев вызывали всеобщее возмущение среди широких кругов русской

интеллигенции, в годы, предшествовавшие мировой войне, наблюдался рост национализма и имперских настроений в некоторых кругах, где казалось, еще недавно еврейский вопрос воспринимался, как русский, и разрешение его было делом совести и чести для русского общества.

В годы первой мировой войны продолжавшие выходить органы русско-еврейской печати, — к ним присоединились левый демократический журнал в Москве «Новый Путь» (1916—1917) и издававшийся в Петербурге бундистами орган «Еврейские Вести» (1916—1917), — не взирая на придирчивое вмешательство цензуры, играли заметную роль. Это было особенно важно в тех трагических условиях, в которых в эти годы оказались еврейские народные массы на всем западе России. Как известно, война обрушилась на евреев многочисленными бедствиями: сотнями тысяч беженцев, выселением из прифронтовой полосы по распоряжению военных властей, огульными, и заведомо лживыми, обвинениями евреев в шпионстве в пользу немцев и т. д. В этой обстановке, осложненной экономической разрухой, разорением, спекуляцией и пр., на долю русско-еврейской общественности и русско-еврейской печати выпало множество трудных и ответственных задач. Возникли организации помощи жертвам войны, беженцам и выселенцам, создались организации специально трудовой помощи и бюро по приисканию занятий для людей, вырванных с корнем из привычных условий существования. Для обслуживания этих специальных задач возникли журналы «Помощь», «Дело помощи» (ЕКОПО) и «Вестник Трудовой помощи» (ОРТ) и «Еврейский Экономический Вестник» (1917 г.). Журналы, посвященные специальным вопросам, выходили и раньше, как например, «Вестник Общества распространения просвещения» (1910—12) и «Вестник еврейского просвещения» (1913—1917) при ОПЕ, а в Петербурге выходил также «Вестник Еврейской Общины» (1913—14). Но эти издания никогда не стояли перед такими трудностями, какие война с ее испытаниями выдвинула перед русским еврейством.

Особое место в истории русско-еврейской печати занимает журнал, созданный С. М. Дубновым и посвященный истории евреев. Мы имеем в виду «Еврейскую Старину», выходившую в 1909—1930 г.г. Из 13 томов этого журнала 10 издал С. М. Дубнов. Отметим также исторические сборники «Пережитое» (4 тома), выпущенные С. М. Гинзбургом и другими в 1909—1913 г.г.

Октябрьская революция, закрыв всю независимую печать на территории России, ликвидировала и русско-еврейскую печать.

Подводя итоги этому последнему периоду, можно в известном смысле сказать, что исчезновение независимой печати сопровождалось насильственной ликвидацией и того слоя русского еврейства — русско-еврейской интеллигенции, — которая на протяжении 60 лет вынесла на своих плечах борьбу за свободное слово, — ставившее себе задачу на всех этапах защищать гражданские и национальные права евреев.

За эпоху между двумя революциями в рядах писателей и публицистов выдвинулось много новых имен, с честью выполнявших свой долг и до конца отстаивавших каждую пядь земли в борьбе за эмансипацию русского еврейства. Кроме тех, кого мы уже называли, следует добавить В. Е. Жаботинского (1880—1940), Б. Д. Бруцкуса, Г. А. Ландау, Ю. И. Гессена, Х. Д. Гурвича, Я. Д. Лещинского, И. М. Чериковера, С. В. Познера, М. А. Клейнмана и мн. др. А для того, чтобы со скорбью подчеркнуть печальные итоги, которые подвел большевистский Октябрь 1917 г. многострадальным усилиям еврейской интеллигенции, мы приведем из синодика мучеников хотя бы только имя С. Л. Цинберга (1873—1938), — историка литературы, литературного критика, многолетнего участника русско-еврейских органов печати от «Восхода» до ряда других. С. Л. Цинберг, инженер-химик по профессии, работавший на Путиловском заводе в Петрограде день за днем, а по ночам писавший свой труд по истории всемирной еврейской печати (только чудом можно объяснить, что манускрипты 10 обширных томов его исследований удалось вывезти за границу и издать), в 30-х годах «исчез» из своей квартиры, а в годы второй мировой войны прибыло известие о его смерти. Трагическая судьба С. Л. Цинберга символизирует неразрывную связь судьбы лучших представителей русско-еврейской интеллигенции с судьбой русско-еврейской печати в духовных сумерках нависшей над Россией террористической диктатуры.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ПРОТЕСТ ПРОТИВ АНТИСЕМИТИЗМА

(составлен Владимиром Соловьевым)

«Движение против еврейства, распространяемое русской печатью, представляет небывалое прежде нарушение самых основных требований справедливости и человеколюбия. Мы считаем нужным напомнить русскому обществу эти элементарные требования. Их забвение есть единственная причина так называемого еврейского вопроса, а простое и искреннее их принятие есть единственный путь к его разрешению.

1. Во всех племенах есть люди негодные и зловредные, но нет и не может быть негодного и зловредного племени, так как этим упразднялась бы личная нравственная ответственность, и потому всякое враждебное заявление или действие, обращенное против еврейства вообще — против евреев, как таковых, показывает или безрассудное увлечение слепым национальным эгоизмом, или же личное своекорыстие, и ни в каком случае оправдано быть не может.

2. Несправедливо возлагать ответственность на еврейство за те явления в его жизни, которые вызваны тысячелетними преследованиями евреев в Европе и теми ненормальными условиями, в которые этот народ был поставлен. Если в течение многих веков евреев насильно принуждали заниматься одним денежным делом, закрывая для них все другие роды деятельности, то нежелательные последствия такого исключительного направления еврейских сил никак не могут быть устранены дальнейшими стеснениями, которые только увековечивают прежний ненормальный порядок.

3. Принадлежность к семитическому племени и Моисееву Закону не представляет собой ничего предосудительного, не может само по себе служить основанием для особого гражданского положения евреев сравнительно с русскими подданными других племен и вероисповеданий. Так как русские евреи, принадлежащие к известным сословиям, несут одинаковые повинности со всеми прочими представителями тех же сословий, то по справедливости они должны иметь и общие с ними права.

Сознание и применение этих элементарных истин важно и необходимо прежде всего для нас самих. Усиленное возбуждение племенной и религиозной вражды, столь противной духу христианства, подавляя чувство справедливости и человеколюбия, в корне развращает общество и может привести к нравственному одичанию, особенно при ныне уже заметном упадке гуманных идей и при слабости юридического начала в нашей жизни.

Вот почему уже из одного чувства национального самосохранения следует решительно осудить антисемитическое, движение не только, как безнравственное по существу, но и как крайне опасное для будущности России».

Май-июнь 1890 г.

СПРАВКА О «ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯХ», ПОЛУЧЕННЫХ ЖУРНАЛОМ «ВОСХОД» ЗА 1884—1905 Г.Г.

Мотивы «предостережений»

В 1884 году: «Дерзко порицает закон и правительственные действия и лживо истолковывает их смысл и цели, поддерживает враждебные чувства в одной части населения к прочим гражданам».

В 1885 году: «Дерзко порицает законы и распоряжения, касающиеся евреев и возбуждает сих последних против существующего порядка, внушая им убеждение, что правительство и все сословия русского народа относятся к ним с беспощадной и слепой жестокостью».

В 1891 году: «За повесть Д. Мордовцева «Между молотом и наковальней».

В 1901, 902 и 903 годах: За «вредное направление».

В 1904 году: За «вредное направление», выразившееся, между прочим, в статьях: «К характеристике нашего бесправия», «Без выхода», «Вне черты», в корреспонденциях из Одессы и Кишинева.

(Вл. Розенберг и В. Якушкин. «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем». Москва. 1905 г. Изд-во Сабашниковых).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

Н

О

С

Т

У

ОГЛАВЛЕНИЕ

BOOK ON THE RUSSIAN JEWERY
From the 1860's to the Revolution of 1917

Published by the
UNION OF RUSSIAN JEWS,
Inc. New York, N. Y.

TABLE OF CONTENTS

Литературно-художественное издание

КНИГА О РУССКОМ ЕВРЕЙСТВЕ
от 1860-х годов до революции 1917 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.01.02.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,88.
Тираж 2100 экз. Заказ 3172.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.600.

ООО «МЕТ». Лицензия ЛВ № 55 от 26.06.01.
220029, Минск, ул. Киселева, 20.
Контактный телефон 213-42-07.

«Мосты культуры», Москва. Лицензия ЛР № 030851 от 08.09.98.
Тел./факс: (095) 792-3110, (095) 792-3113,
e-mail: mostycultury@mtu-net.ru
«Gesharim», Jerusalem. Tel./fax: (972) 2-500-3422;
Fax: (972) 2-993-3189
e-mail: gesharim@yahoo.com

Унитарное предприятие «Минская фабрика цветной печати».
220024, Минск, ул. Корженевского, 20